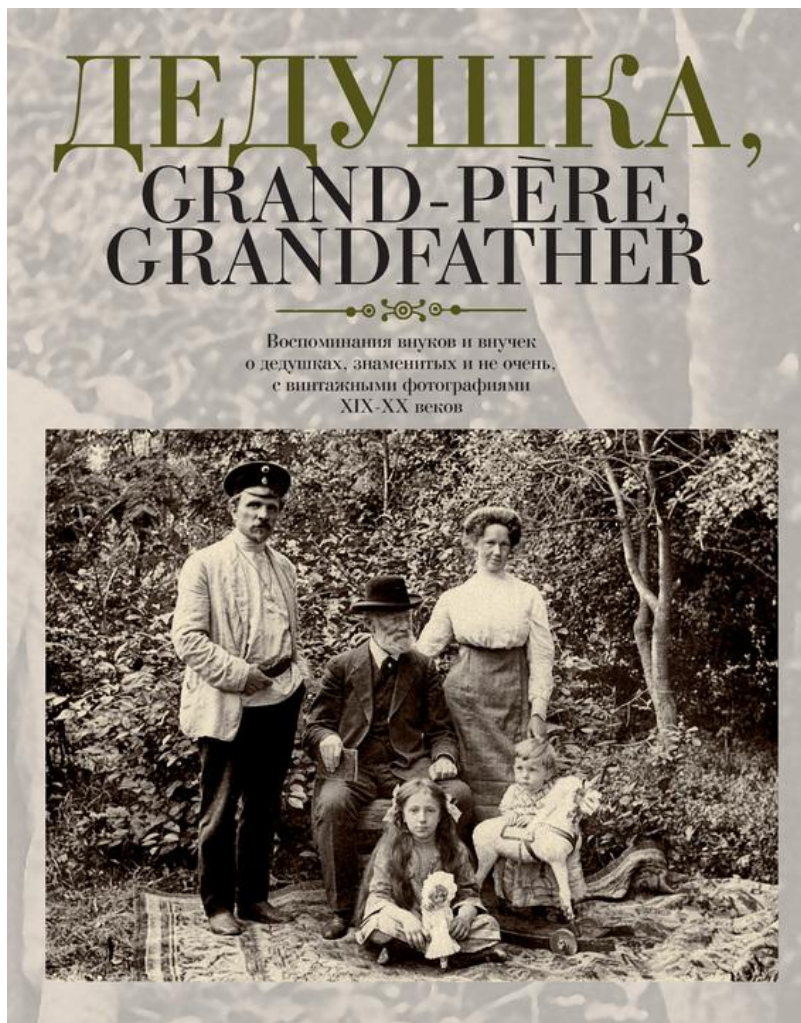

Елена Лаврентьева
Дедушка, Grand-père, Grandfather... Воспоминания внуков и внучек о дедушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX – XX веков

Семейные архивы –

*«Дедушка, Grand-père, Grandfather...: Воспоминания внуков и внучек о дедушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX-XX веков»: Этерна; Москва; 2011
ISBN 978-5-480-00265-2*

Аннотация

*Герои этой книги – дедушки. Благодарные внуки с любовью рассказывают о тех, кто подарил им «частичку своего сердца», несмотря на трудную жизнь или гибель в годы войны и репрессий.
«Великая радость» – быть достойными памяти своих дедов.*

Елена Владимировна Лаврентьева
Дедушка, Grand-père, Grandfather...
Воспоминания внуков и внучек о дедушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX–XX веков

Предисловие

«...И эту божественную радость никто не отнимет»

Честно говоря, идея этой книги принадлежит не мне, а издательству «Этерна», воодушевленному успехом книги «Бабушка, Grand-mère, Grandmother...». По сей день в редакцию издательства звонят благодарные читатели с вопросом: «А будет ли книга про дедушек?»

Собрать интересные воспоминания и материалы о дедушках оказалось не так просто. У многих моих друзей и знакомых дедушки были убиты на полях сражений, другие погибли в сталинских застенках. И тем не менее...

Из коллекции В. О. Штульмана

Моя замечательная приятельница Светлана Андреевна Долгополова, проработавшая двадцать семь лет главным хранителем в музее-усадьбе Мураново, называет это явление «профессиональной благодатью». Лучше не скажешь! Действительно, стоит только погрузиться в какую-то тему – как на тебя, будто из рога изобилия, начинают сыпаться необходимые знания, нужные книги, интересные собеседники, невероятные факты, совпадения, маршруты...

Так случилось со мной и в этот раз. Благодарю всех, кто откликнулся, кто согласился поделиться сокровенным, кто предоставил семейные архивы и альбомы, кто познакомил меня с внуками, достойными памяти своих дедов!

О моем дедушке я расскажу ниже, а сейчас приведу письмо неизвестного деда к внучке, датированное 1916 г., которое я когда-то нашла на блошином рынке в Измайлове:

«Уважаемая раба Божия Татьяна! Поздравляю тебя с днем Ангела. Желаю от Господа Бога здоровья и благополучия на многие годы сей жизни: с тем чтобы, проводя настоящую жизнь в бушующем море всевозможных скорбей и печалей, в волнах его, с Божью помощью, в терпении и смирении плыть к тихой пристани и, дай Бог, доплыть по его мудрому промыслу до момента определенного срока и возрадоваться великою радостью, где уже не будет печалей, скорбей и горьких вздыханий, по слову Господа нашего Иисуса Христа, а будет жизнь вечная, блаженная, радостная, и эту божественную радость никто не отнимет. Прославляй Творца день и ночь вовек!

Твой дед. 1916 г.»

Пусть и у нас, на земле, никто не отнимет «эту божественная радость» – память сердца!

Елена Лаврентьева

Андрей Зенков **Человек, остановивший мгновения**

Как прекрасно, когда маленький ребенок тянет за палец седоволосого старца и пищит: «Деда, дед!..» В этой умильной сцене весь смысл жизни, говорим мы, тут и преемственность поколений, и передача опыта, и семейная идиллия...

И как страшно, когда понимаешь: это покрытое морщинами лицо когда-то было (и до сих пор осталось) лицом такого же ребенка, только время исказило его черты! Господи, шепчем мы, не дай мне дожить до глубокой и беспомощной старости! Когда краски жизни тускнеют, душевные порывы уступают место примитивным физиологическим потребностям и на смену острому интересу к миру приходит тупое

равнодушие.

Счастлив тот, кто вопреки этой жестокой логике сохранил вкус к жизни, не замутированное грузом лет восприятие действительности! Кто на склоне лет не согнулся, не стал в душе *стариком*, но и не впал в детство, а остался мужчиной.

Таким был мой деда Вася, один из основателей нового направления в фотографии – художественного фотопортрета, – профессиональный фотограф Василий Алексеевич Малышев.

Василий Алексеевич Малышев

Хорошая квартира

Мир деда Васи в моих глазах был миром «техногенного будущего». Учась в пятом классе, я еще не знал точно, что такое «техногенное будущее», но, входя в огромную (по меркам стандартных «хрущоб») квартиру на Кутузовском проспекте, понимал – это оно и есть! Треноги, высотой в полтора человеческих роста, с выдвигающимися рукоятками, какими-то поворотными кругами и механизмами для присоединения камер. Мощные штативы и софиты, огромные стеллажи с книгами и еще более огромные экраны для постановочного света. Немыслимые фотоаппараты, в которые надо смотреть сверху, в раскрывающиеся металлическими лепестками окошечки. Невероятные по мощности осветительные приборы-«вспышки» в виде метровых сачков для ловли бабочек. Только «сачки» эти были весом в полкило и по часу заряжались электричеством, стоя на особых подставках... Все это заполняло квартиру в буквальном смысле от пола до потолка. Однажды я улучил момент, когда деда не было в комнате, снял лампу и нажал на красную кнопку на рукоятке. Убийственная белая вспышка саданула в стоявшее напротив зеркало и отраженным светом ударила меня по глазам. Я ослеп. Не более чем на полминуты, но это навсегда отучило меня нажимать без надобности на красные кнопки и вообще запускать незнакомые механизмы.

В те годы фотография была еще пленочная, в студиях не хватало места, и *картины* (так все называли фотоработы деда) тоже висели и стояли тут же, вдоль стен, пестрым цветным ковром, заменяя обои. Некоторые из них достигали двух-трех квадратных метров, другие были совсем маленькими. И все – исключительно портреты. Ни одного пейзажа или жанровой сцены. Только люди. Их внимательные, строгие, лукавые глаза сопровождали меня повсюду, от них некуда было скрыться, и, насколько помню, именно им я обязан тем, что, гостя у деда, избавился от дурной привычки ковыряния в носу. Молодые и старые, улыбающиеся и сосредоточенные, в деловых костюмах и спортивной форме, в бальных платьях и рабочих спецовках, мужчины, женщины, дети... На одной стене висела фотография, на которую я при взрослых изо всех сил старался не смотреть, но изучил до мельчайших подробностей. Обнаженная девушка кокетливо покусывает тонкий указательный палец правой руки, левая заведена за спину. Смешение розовых тонов на бледно-лимонном фоне создавало, как я понял десятилетия спустя, ощущение свежести,

чистоты, даже какой-то детскости. Особенно красноватая «гармошка» следа от трусиков чуть пониже пупка... Напомню, тогда, в начале 1970-х, в стране не только «не было секса» или эротики, но сама постановка вопроса таила угрозу карьерных неприятностей. Ни на одной выставке, ни в одном альбоме эта картина, само собой, никогда не появлялась. Но дом деда был его крепостью, точнее, его фотостудией, где он, подобно булгаковскому Филиппу Филипповичу, мог делать все, что ему заблагорассудится.

Как известно, советская власть не признавала авторитета денег. Когда в середине 1970-х годов во время очередного визита в Москву президент Финляндии Урхо Кекконен захотел приобрести понравившуюся ему картину деда «Москвичка» (цветную фотографию лаборантки Марины Пахоменко) за 1000 долларов – руководство АПН просто подарило ему эту работу, даже не поставив в известность самого автора.

Галина Уланова, 1955

Но авторитет *блата* был общепризнан. Применительно к творческим людям это можно назвать мягче – авторитетом связей, знакомств. За шесть с лишним десятилетий активной работы фотожурналистом и фотопортретистом дед снял многие сотни известнейших людей, десятки знаменитостей: Алексей Толстой и Надежда Обухова, Галина Уланова и Петр Капица, Викентий Вересаев и Георгий Жуков, Юрий Гагарин и патриарх Пимен, Фидель Кастро и Гарри Каспаров... Я беру имена из каталогов выставок, наугад, и список стремительно разрастается: политики и художники, военные и артисты, жены министров и дети членов политбюро... При этом большинство из них снимались тут же, в квартире-студии, где дед жил со второй женой, молодой певицей театра Станиславского Людмилой Бондаренко. Видели там прекрасный творческий беспорядок, так мало вяжущийся с растиражированным обликом советского журналиста, и воспринимали его «с пониманием». (Была у деда еще и коллекция импортных винных бутылок, и коллекция музыкальных брелков, и два говорящих попугая, и английский сеттер, и сотни памятных подарков от зарубежных друзей и коллег, а после очередного юбилея в квартире установилось правило: любой вошедший мог взять фломастер и на свободном клочке обоев написать приветственную реплику или эпиграмму хозяину.)

Но дед не злоупотреблял личными знакомствами в корыстных интересах. Насколько я знаю, «высокими» связями он по-настоящему воспользовался лишь дважды. В первый раз, когда пришлось придумать *правильный* предлог, чтобы НЕ вступить в партию (и при этом остаться выездным и вообще не вылететь с работы). Во второй – когда надо было отмазать меня от почетной обязанности после окончания Пединститута выполнять воинский офицерский долг, в то время как мать с отцом лежали в больнице и мне приходилось их навещать. Не знаю, кто из генералов и маршалов на какие рычаги нажимал и какие телефонные «вертушки» напрягал, но я – единственный со всего потока – так и не отслужил в рядах СА, а дед – единственный из штатных сотрудников АПН – так и не стал коммунистом. Впрочем, был еще один комичный случай, который мы шутя называли «непреднамеренным использованием говорящей фамилии в дорожно-транспортном происшествии».

Патриарх Пимен, 1980

Однажды, еще в 1950-х, дед возвращался со съемок поздно вечером, усталый и голодный. И где-то в Центре по ошибке свернул на улицу с односторонним движением. Его остановил сотрудник ГАИ (судя по всему, такой же усталый и голодный) и злобно предупредил, что сейчас заберет права. Но тут – по словам деда – произошло чудо. Гаишник взглянул на предъявленный документ Малышева В. А. и, взяв под козырек, отчеканил:

– Не извольте беспокоиться... проезжайте!

«Неужели я стал настолько знаменит? – думал дед, торопливо выворачивая на правильную дорогу. – Вот так загадка...»

Пару дней спустя ее разгадали дошлые журналисты АПН, выяснив, что на этой злополучной улочке жил в своей казенной квартире тогдашний зам. пред. Совмина Малышев *Вячеслав Александрович*.

– Вам, Василий Алексеевич, повезло, что на «корочке» имя и отчество значатся лишь первыми буквами, – улыбались коллеги, – теперь при встрече с милицией старайтесь ее пореже раскрывать...

Сначала снимать, потом – стрелять

Между тем в жизни деда Васи бывали моменты, когда проверка документов могла закончиться лишением не автомобильных прав, а самой жизни.

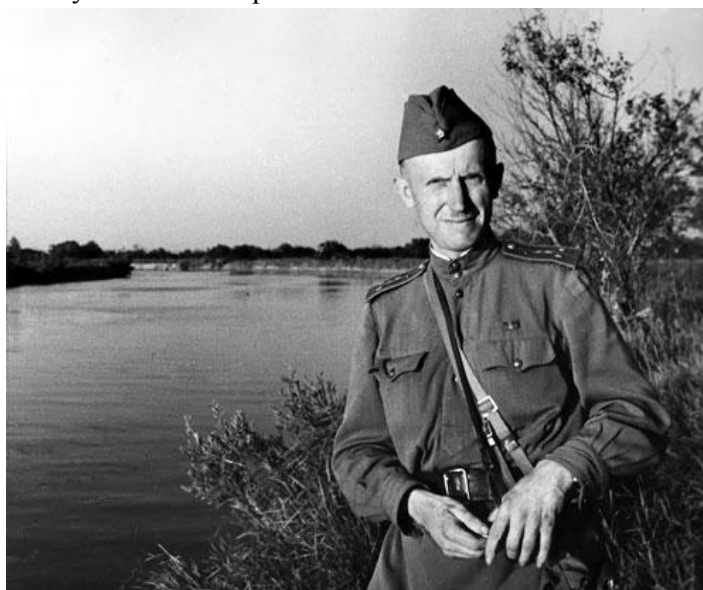
Например, когда в страшной неразберихе Гражданской войны восемнадцатилетний Вася Малышев в составе 1-го артиллерийского дивизиона сражался на Южном фронте с войсками генерала Деникина. На Дону брали верх то белые, то красные. Железнодорожные станции, села, хутора то и дело переходили из рук в руки. Это только в кино у всех красноармейцев на головах буденовки, а у всех белогвардейцев на плечах – золотые погоны. Чтоб зритель различал. Тогда, в 1918-м, отличить «своего» от «чужого» удавалось не сразу, порой лишь по реакции на проверку документов. Наслушавшись дедовских рассказов, я представлял себе это примерно так: двое в пыльных картузах (ватниках) идут по дороге, на степном перекрестке их останавливают двое в таких же запыленных картузах (ватниках) и спрашивают документы. А дальше – либо объятия («Ты как сам, браток?!»), либо – кто первый сдернет с плеча ружье...

Или четверть века спустя, когда военный корреспондент Фотохроники ТАСС Василий Малышев вместе с наступающими частями 3-го Украинского фронта участвовал в освобождении Одессы. Стратегически важный пригород Пересыпь, известный как «ключ к Одессе», стал местом ожесточенных сражений. Получив задание подготовить очередной фотоматериал, Василий Малышев и его тезка и коллега Василий Иванов так увлеклись, что в какой-то момент опередили основные подразделения и оказались в цепи штурмового отряда, атакующего Пересыпь.

В. А. Малышев, 1943

– Десантнику проще, – шутил дед, вспоминая тот эпизод. – У него в руках только автомат. И он знает, что стрелять из этого автомата – его работа. А когда мы с Васей выскочили из машины и побежали вместе с десантом, у нас кроме автоматов в руках были «лейки» (фотокамеры). Можно сказать и иначе: *кроме* фотокамер были *еще* и автоматы. И в чем заключалась наша работа, мы знали совершенно четко: сначала снимать, а потом – стрелять. И снимали, хотя пули ложились и под ноги, и свистели над ухом, и больше всего хотелось отшвырнуть «лейку» и начать строчить из автомата по засевшим за сараями фашистам.

На берегу Днестра, 1943

Они не бросили свои камеры. И отсняли все, как бы мы сейчас сказали, «профессионально», в том числе и разъяренного генерал-лейтенанта В. Цветаева, патрулировавшего только что освобожденные районы.

– Ваши документы!.. Вы что, молодые люди, с ума сошли?! Бой идет, а вы с вашими «лейками» лезете впереди передовых частей! – процитировал слова генерала дед в своих мемуарах, опубликованных в 1985 году.

– Что-то уж больно красиво он сказал, – засомневался я, прочитав книгу и обсуждая ее с дедом. – Может, фамилия обязывает?

– Если бы ты слышал, ЧТО он нам проорал сквозь близкие еще автоматные очереди и разрывы гранат, – усмехнулся дед. – Но потом понял, что его ребята выполняли свою работу, а мы – свою. И даже помог довести дело до конца – нашел место в самолете, чтобы срочно доставить негативы в штаб фронта.

И еще как минимум дважды жизнь деда висела на волоске. И уже никак не зависела ни от каких документов и удостоверений.

– Сначала во время «моей первой поездки в Румынию», – шутил деда Вася. – В 1944-м я получил очередное задание – сфотографировать состояние взлетнопосадочной полосы аэропорта городка Галаци, куда должны были садиться наши транспортные самолеты. На небольшом, но мощном штурмовике Ил-2 мы вдвоем с пилотом благополучно пересекли государственную границу, приземлились в Румынии, отсняли что надо... Но на обратном пути нас сначала накрыли огнем немецкие зенитки, а потом атаковали немецкие истребители. Вот тут у меня выбора не было: по команде пилота я развернул турельный пулемет в хвостовой части и открыл огонь.

– И попал?!

– Не знаю... я ведь никогда до этого из пулемета не стрелял, тем более в воздухе. Помню только, что пилот выжал максимальную скорость (около 550 км в час), нырнул за одно облако, потом за второе, и нам удалось оторваться. А когда приземлились, насчитали пять или шесть пробоин, в том числе в баке с горючим!

Перед вылетом в Румынию, 1943. П. А. Малышев – слева

После войны, начиная с середины 1960-х, дед много раз бывал в зарубежных командировках, и не только в Европе, но и в Африке. И вот где-то то ли в Йемене, то ли в Алжире его импозантная внешность и дорогая фотокамера привлекли внимание припортовых аборигенов. В те годы Африку лихорадило. Одни европейцы уходили, теснимые народно-революционными армиями изголодавшихся по власти местных царьков. Им на смену спешили новые, часто просоветские «команды», для них СССР был как «большой брат», который если не вступится в открытую, так уж точно погрозит пудовым кулаком. Но деда приняли сначала за француза, а потом, когда он попытался объясниться на ломаном английском, – за американца. Ни те, ни другие в этой точке земного шара популярны не были.

Автопортрет, 1967

– Меня окружила агрессивно настроенная толпа, человек в тридцать, – вспоминал деда Вася. – Они что-то кричали на своем родном языке, махали кулаками, и кое-кто уже нагибался за камнем. Момент был критический. Я знал, что, пока не брошен первый камень, библейское чувство справедливости сдерживает любую толпу. Но сразу после первого броска толпа неуправляема. Меня просто растерзают, прикончат за минуту, и никакая полиция не поспеет.

Дед был человек интеллигентный. Общение с артистами, учеными и высокопоставленными политиками разных стран привило ему даже некие аристократические манеры. Плавные, всегда спокойные жесты белых, холеных рук, глубокий, вдумчивый взгляд, мягкий и негромкий голос... Ни разу не видел я деда разгневанным, тем более грубым. Но в тот момент, по его словам, он вспомнил и погромы Гражданской, и бои Великой Отечественной, вспомнил десять лет, проведенных на приполярном Севере в составе Якутской экспедиции Комитета Севера ВЦИКа, когда он бок о бок работал с людьми грубыми, часто с уголовным прошлым. Вспомнил – и послал пораженных аборигенов отборным четырнадцатизатонным матом!

– Первым меня понял какой-то толстый мавр, эдакий Отелло, по сравнению с которым я действительно ощущал себя беспомощной Дездемоной! – смеялся дед, а мне, уже подростку, было совсем не до смеха. – Помню, он закричал что-то вроде «Русико!.. русика!..» или что-то в этом роде, и несколько человек подхватили это магическое слово. Меня отпустили, похлопали по плечу и даже указали дорогу к отелю. Все-таки наша брань не менее надежна, чем наша броня, – привез он в Москву новый каламбур, который был некоторое время популярен в тогдашних журналистских кругах.

Это осталось за кадром

Студийная, станковая фотография с тщательно подобранными красками и тонко проработанным световым фоном – это фирменный конек Василия Алексеевича Малышева. Заслуженного работника культуры РСФСР, лауреата золотой медали и премии Союза журналистов СССР, кавалера многих боевых и почетных орденов и медалей. Это сейчас обработать (а чаще – исказить) цифровую фотографию может любой пользователь компьютерной программы Photoshop. А тогда, в начале 1970-х, фотопортретистов часто упрекали в подражательстве живописцам. Всемирный авторитет французского фотодокументалиста Анри Картье-Брессона, отрицавшего кадрирование при печати и провозгласившего принцип «абсолютной достоверности жизненного факта», был признан и в советской фотожурналистике. Малышев встречался с Анри Брессоном и даже обсуждал с ним право фотографа на собственный творческий метод. Себя же дед всегда считал учеником Моисея Наппельбаума и Николая Свищова-Паолы.

– Объективное изображение внутреннего мира человека через собственное субъективное восприятие, – толковывал мне дед. Но это было для меня еще слишком сложно.

И тогда дед начинал рассказывать. Нет, он не откровенничал, не выдавал «подсмотренные через объектив» тайны чужой жизни. Скорее он учил меня, опосредованно, подспудно, умению чувствовать другого человека.

– Я спускаю затвор в тот момент, когда понимаю, что почувствовал объект съемки, – говорил дед. – Иногда это происходит почти мгновенно, чаще приходится ждать, настраивать человека или, наоборот, отвлекать, избавлять от скованности.

Я с дедом, Москва, 1969

– Виктор Шкловский, когда я приехал к нему на квартиру для съемок, с самого начала был напряжен, неосознанно пытался позировать, принимать нарочитые позы, ждал щелчка затвора... И тогда я сделал вид, что в аппаратуре что-то разладилось. «Одну минуточку, извините, Виктор Борисович, – бормотал я, бессмысленно вращая регулировку диафрагмы на своем «хассельблате». – Камера эта сложная, в ней много всего... для писателей непонятного. Ввести в заблуждение было нетрудно. Вращаю, а краем глаза вижу: расслабился Шкловский, дух перевел. И вдруг уселся в кресло, в самой что ни на есть удобной позе! Видимо, он часто так садился. Я тут же спустил затвор. Но штука в том, что почти все мои портреты до этого выполнялись в вертикальной композиции. А тут – понятно, что придется делать горизонтальный кадр.

– И как же ты, деда, вышел из положения? Лег на бок?

– Да нет, так и снимал его, как он сидел. Получилось очень неплохо. И между прочим, многие писатели, которых я снимал, лучше смотрелись именно в горизонтальной плоскости. Толстой за своим рабочим столом под лампой-канделябром, Вересаев на фоне книжных полок, Антокольский с книгами и статуэткой фавна...

– Ты всегда снимаешь один на один со своим объектом? – спросил я. – Это действительно священнодействие, без посторонних?

– Как правило, один. Но на периферии помещения могут находиться помощники, которые отвечают за фоновый свет. Их не видно, но без них работа может и не получиться. Ну а порой приходится специально нарушать тет-а-тет, все с той же целью: раскрыть образ моего персонажа.

И дед рассказал еще две истории. Знаменитый актер и режиссер Михаил Яншин, всегда веселый и общительный по жизни, в момент съемки ступешался: напрягся, стал готовиться, поправлять галстук, в общем, на глазах превращался из творческой личности в официального театрального деятеля. Не таким видел и ощущал его мой дед, хорошо знавший Яншина и до этого. Обмануть артиста, много и часто снимавшегося в кино, при помощи трюка с аппаратурой невозможно. И дед нарушает свое правило и как бы невзначай приглашает в комнату свою молодую жену.

– Семидесятидвухлетний Яншин восторженно, заулыбался, приосанился. А когда узнал, что Ляля – артистка Музыкального театра имени Станиславского, и вовсе расцвел. Они заговорили о ролях, о режиссерах, о гастролях... Яншин снова стал самим собой. Мне оставалось лишь начать снимать.

Михаил Яншин, 1974

Прямо противоположная ситуация сложилась на съемках ученого-физика Дмитрия Блохинцева, приехавшего к деду вместе со своей супругой. Энергичный, высокий, загорелый, в спортивной куртке, выдающийся советский ядерщик, казалось, был весь как на ладони. Он засыпал деда рассказами о своих многочисленных хобби, зарубежных поездках, даже читал свои стихи.

– Казалось, можно начинать снимать. Но каким-то шестым чувством я угадывал за всем этим не то чтобы браваду, но недоговоренность. В душе этого, как принято говорить, «социально активного» человека таилось что-то глубоко личное, какие-то иные чувства, в которые он не собирался меня посвящать. Время шло... Он непринужденно болтал, я поддерживал тон, но все еще выжидал.

И тут в студию заглянула жена Блохинцева, видимо, поинтересоваться, скоро ли мужчины

«освободятся».

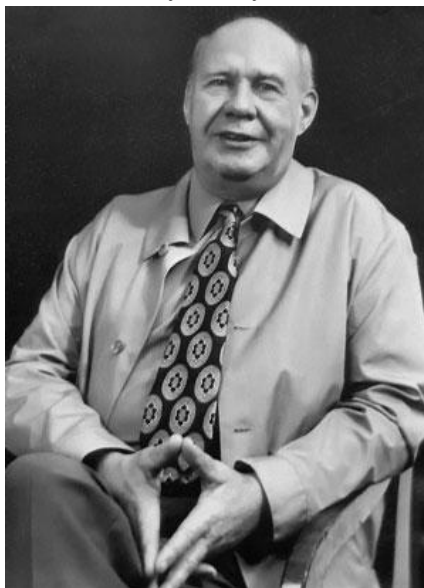
– Ты читал «Доктора Живаго»? – вдруг спросил меня деда Вася.

– Читал.

– Помнишь то место, в конце второй части, где молодой Юра перехватывает обмен взглядами между Ларисой и Комаровским? Великолепно прочувствованная и описанная Пастернаком сцена!

Дед задумался. А потом сказал:

– Когда он *так* на нее посмотрел, я понял, *что* для него дороже всех поездок, стихов, а может быть, и управляемых ядерных частиц. Я спустил затвор. И все потом говорили, что получился портрет ученого, влюбленного в свою работу. На самом деле я снял мужчину, влюбленного в свою жену.

Дмитрий Блохинцев, 1973

Любовь, в том или ином ее проявлении, дед снимал много раз. Счастливую и одновременно страдающую Марину Влади накануне ее свадьбы с Владимиром Высоцким. Великолепных Екатерину Максимову и Владимира Васильева на пике их творческой карьеры. Влюбленную в своих темпераментных поклонников испанскую танцовщицу Кэти Клавихо...

И лишь однажды он заснял ненависть. Холодную и откровенную. Такой, какой ей и полагается быть. Октябрь 1946 года. Последние заседания Нюрнбергского процесса. Из всего журналистского пула на них допускались лишь двое – от каждой страны-победительницы. Одним из них был мой дед.

– «Зал 600» был по нынешним меркам не такой уж и большой, – рассказывал он. – И все равно от нас до скамьи подсудимых метров 8 – 10. Но ведь у меня в руках камера с мощным увеличением! Возможно, я был единственным человеком в зале, кто мог увидеть лица фашистских главарей вплотную, глаза в глаза! Я приближал, отдалял их лица, искал верный ракурс и, как всегда, старался понять – нет, не суть этих людей (она таилась слишком глубоко, и ее затмевал элементарный страх возмездия), но хотя бы психологическое состояние каждого подсудимого.

Заместитель Гитлера по руководству партией Рудольф Гесс. Зябко кутается в плед, нервничает, бегающий взгляд, скрытая паника.

Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Безупречная военная выправка, твердый взгляд, уверенность в том, что свой долг офицера он выполнил до конца. Начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерал Альфред Йодль – страшно нервничает и старается быть максимально предупредительным с трибуналом. Когда к нему обращаются, мгновенно вскакивает и застывает «навытяжку». Надеется, что пощадят. Главнокомандующий военно-воздушными силами Германии Герман Геринг. Ссылаясь на больные глаза, сидит в темных очках. Его распирает бешеная злоба и изумление: как получилось, что он, еще вчера почти всесильный, купающийся в роскоши рейхсмаршал, сегодня вынужден оправдываться и слушать страшный приговор.

На Нюрнбергском процессе, 1945-1946

Начальник Главного управления имперской безопасности СС обергруппенфюрер Эрнст Кальтенбруннер. По лошадиному длинное, холодное лицо со шрамами. Полное пренебрежение к происходящему. Думаю, он уже простился с этим миром. Приговор слушает бесстрастно, потом вдруг странно улыбается и отвешивает залу короткий поклон. И мне кажется, я понимаю этого страшного человека. Он, как и Кейтель, не раскаивается в содеянном. Но Кейтель – классический тип германского вояки, а Кальтенбруннер – убежденный палач и садист. И мы для него – даже не противники, а что-то вроде кусачих муравьев, волею судьбы взявших верх.

И еще, глядя на этих людей, я понимаю, что, если бы верх взяли *они*, – Кальтенбруннер превратил бы весь мир в Бухенвальд и Освенцим. И отвесил бы вслед умирающему человечеству такой же ироничный поклон.

Черный кофе, красная клубника и желтый подсолнух

– Умение различать цвета – величайший дар природы человеку, – говорил дед. – Это умение дано каждому, но нужно еще научиться различать оттенки. И уметь смешивать и сами цвета, и их оттенки. Знаешь, красный входит в тройку основных, зеленый – это смесь желтого и синего? И любой цвет спектра может стать белым или черным, в зависимости от яркости.

Этот разговор происходил летом 1974 года, накануне удивительного в моей пятнадцатилетней жизни события: дед уезжал в недельную командировку на Украину и впервые брал меня с собой.

– Будем много переезжать, снимать самых разных людей. Мне нужен помощник! – объяснял он моим родителям. На самом деле помощник у него был – молодой фотокорреспондент Володя Вяткин, считавший деда своим учителем. Володя только что отслужил в армии, был крепким двадцатитрехлетним парнем и без труда перетаскал бы за дедом всю его аппаратуру. Думаю, дед просто хотел чуть-чуть меня «профориентировать».

Честно говоря, редкие посещения его невероятной квартиры-студии на Кутузовском сформировали у меня несколько искаженное представление о журналистике вообще и фотожурналистике в частности. Мы скучали друг по другу, и, когда я приезжал, дед как мог старался отложить работу, порой даже переносил съемки, и мы веселились вовсю. По сравнению с восьмичасовым рабочим днем отца и матери по пять раз в неделю, его работа иногда вообще рисовалась мне эдаким произвольным творческим полетом под лозунгом «когда захочу – тогда и сделаю». Картину дополняла полная гастрономическая рассеянность деда Васи: в его доме часто не было хлеба, но всегда стояли распечатанные коробки с шоколадными конфетами и пирожными, могло не оказаться молока, но в баре теснились самые изысканные по тем временам вина и

более крепкие напитки. Богема, да и только!

В поездке

И вот я увидел деда за работой. И какой работой! Не по восемь и не по десять часов, а буквально от восхода до заката мы мотались на машине по каким-то частным и казенным квартирам, студиям, городским и поселковым комитетам, договаривались о съемках, размечали маршруты на следующий день, отвечали на тысячи вопросов о Москве, Агентстве печати «Новости» (где дед работал все эти долгие годы), о новинках в области фотоаппаратуры, о различных методах съемки... И снимали, снимали, снимали! Все это, конечно, делали дед и Володя, я же честно таскал не слишком тяжелые штативы и к концу дня мечтал лишь об одном – добраться до очередной роскошной гостиничной кровати (принимали нас по первому разряду) и на пять часов провалиться в сон. Томный и богемный семидесятичетырехлетний дед Вася на поверку отказался тугой стальной пружиной в мягкой оболочке своих утонченных манер, которые не мешали ему, когда не оставалось времени на ресторан, вооружиться алюминиевой ложкой и хлебать сомнительное харчо в придорожной столовке. Или найти общий язык с работягами какого-то отдаленного колхоза, поначалу настроенных не очень доброжелательно к «столичной птичке» в неизменном французском берете набекрень.

– Вы делаете свою работу, мы – свою, – пояснил им дед. – Вот тебе, хлопец, наверное, удобно в свои широкие карманы прятать горилку? А мне мой берет череп от солнца прикрывает. Дед театральным жестом приподнял берет, обнажив розовую лысину. Вокруг захохотали, и инцидент был исчерпан.

А о свойстве некоторых цветов и оттенков у меня в той поездке остались свои, субъективные воспоминания.

В квартире народного художника СССР Василия Борода я мне поручили ответственное дело: держать в наклонном положении специальный зонтик, в который должна была выстрелить печально знакомая мне осветительная лампа. По задумке деда, только такой отраженный свет правильно подсветит с задней стороны золотисто-красные витражи. На их фоне пожелал сниматься их автор – Василий Бородай. Я с блеском выполнил свою работу и потом много лет показывал родным и знакомым дедовскую картину, приговаривая: «А вот там стою я и держу зонтик».

В знак признания художник угостил нас какими-то сладостями с черным кофе. По тогдашней моде он был не просто черный, но еще и без сахара. И, в духе хлебосольных украинских традиций, от всего сердца налил его не в маленькие кофейные чашечки, а в увесистые трехсотграммовые кружки.

Надо признаться, дома мы кофе вообще не пили. Изредка я пробовал хорошо разбавленный молоком сладкий напиток, который пила бабушка, «опасаясь давления». Но был я при этом очень послушным и тактичным мальчиком.

– Ешь там все, что дадут, – напутствовала меня мама перед поездкой. – Не привередничай. А то будет стыдно.

Василий Бородай, 1974

Чтобы «не было стыдно», я мучительночестно выпил крепчайший кофе по-турецки в украинской таре. До самого дна. (Думаю, мне было бы легче выпить пузырек черных чернил.) И впал в странный полубоморочный транс. Но надо было ехать дальше. Нас уже ждала у себя на квартире артистка Ада Роговцева, героиня моих любимых в то время фильмов «Салют, Мария!» и «Укрощение огня».

Я держался как мог. Увлеченные разговором с Бородаем и прошедшими съемками, ни дед, ни Володя Вяткин не замечали моего состояния. Но Ада Роговцева заметила. Она выпорхнула нам навстречу в ярком цветном платье, как настоящая райская птица. И тотчас присела и заглянула мне в лицо.

– Вы такой бледный, – сказала она. – Все ли в порядке?

– И в самом деле, – спохватился дед. – Устал, наверное?

– Слишком много выпил... кофе, – с трудом ворочая языком, пробормотал я, конфузясь.

– Да! – подтвердил Володя. – С кофе он там действительно переборщил.

Ада мгновенно порхнула куда-то вглубь квартиры и тут же вручила мне чашку со свежепротертой с сахаром клубникой.

– Я как раз делала заготовки, – сказала она. – думаю, это поможет.

От клубники исходил блаженный аромат свежести. Я ел клубнику и чувствовал, как кофейная пелена спадает с глаз. Мне и раньше нравилась Ада Роговцева, но с тех пор я полюбил ее как свою спасительницу. Ее... и протертую клубнику.

А потом был ночной переезд в уже упоминавшийся отдаленный колхоз. Помню черную-черную южную ночь, какого-то странного провожатого, сидевшего рядом с дедом и время от времени на всю кабину запевавшего популярные оперные арии. И режущие глаз огни встречных машин.

– Как они слепят! – недовольно пробормотал дед. – Нет чтобы притушить как полагается...

– А давайте пару раз включим нашу «волшебную лампу»! – предложил я, все еще ощущая прилив сил после клубники.

– Что ты! – испугался дед.

А Володя задумчиво добавил:

– На такой скорости и на такой дороге это – настоящее оружие. Собьет в кювет только так!

Галина Бойко, 1974

В колхозе дед должен был снять доярку на лоне природы. Предполагалось, что это будет собирательный образ молодой украинской девушки-красавицы. Вместо этого, по указанию обкома или крайкома, нам представили почетную доярку края, передовицу и ударницу Галину Бойко. Была она дородная и добродушная. И не девушка, а бабушка.

Дед сначала даже растерялся, но потом повел ее в сады-огороды, повертел под солнечными лучами влево-вправо, о чем-то пошептался с председателем колхоза... И сегодня с картины на нас глядит веселая и совсем даже не старая, а мудрая молочница в красно-белом национальном сарафане и красном платке на фоне красных полевых маков. Картина стала настоящей удачей и, как мне кажется, даже пахнет парным молоком!

Доярка подарила мне на прощание огромный, величиной с таз, подсолнух. Подсолнухи я видел только в кино и принял подарок с благоговением.

Мы вернулись в Киев, и я, желая получше сохранить чудо-цветок, вынес его на ночь на балкон нашего гостиничного номера. Рано утром нас разбудил птичий концерт: чирикали воробьи, чирикали дружно и оживленно. И было их, судя по голосам, великое множество.

Я вышел на балкон и вместо правильного диска подсолнуха увидел безобразно расклеванный остов, больше похожий на кашу. Это был удар. Я так хотел привести домой настоящий сувенир с украинского поля! Но мудрый дед и тут сумел найти нужные слова:

– Стихия всегда требует жертв! – сказал он. – Греки бросали в море бочки с оливковым маслом. Испанцы швыряли в океан пригоршни золотых монет. В Карфагене, прежде чем пересечь пустыню, и вовсе резали людей. Мы славно поработали, много повидали... Будем считать твой подсолнух нашим совместным жертвоприношением этой поездке.

И я, конечно, сразу утешился.

* * *

Вот уже почти четверть века деда Васи нет с нами.

Ушли из жизни большинство персонажей его картин, тускнеют и портятся и сами работы – даже лучшие фотокраски бессильны против времени. Быть может, где-то в архивах РИА «Новости» (бывшего АПН) хранятся малышевские негативы. Да только кому они нужны в век цифровой фотографии... Так есть ли смысл в жизни, если спустя всего два-три десятка лет о нас помнят разве что наши стареющие внуки и некоторые пожилые ученики? Несомненно! Только не стоит измерять его объемы количеством фоторабот или числом написанных строк (равно как и в декалитрах надоенного молока или тоннах добытого угля).

Почти весь XX век мой дед служил Красоте, извлекал ее из новых и новых лиц, находил в каждом новом персонаже. Но когда я сегодня думаю о нем, я вспоминаю не его картины или рассказы, а лица людей в момент духовного взаимопонимания, возникавшего при общении с дедом.

Я с дедом на даче, 1961

– Великолечно! – говорил он, вглядываясь в эти лица своими цепкими глазами. И я видел, как уставшие после дороги путешественники отдыхали в кресле, посреди дедовской комнаты-студии. Как замученные болезнями пациенты вдруг сбрасывали с себя груз болячек и смотрели в дедовскую камеру иным, просветленным взглядом. Как улыбались грустные, как смягчались скептики. Порой это преобразование длилось считанные минуты, ровно столько, сколько шла съемка. Но если человек даже на мгновение поверит, что он прекрасен, жизнь покажется ему чуточку легче, а выбранный путь – понятнее.

Дарить людям радость – что может быть банальнее? Но есть ли в этом мире подарки дороже?

С дедом в Парке культуры и отдыха им. М. Горького, 1970

Нет, я не стал фотокорреспондентом, как, наверное, мечтал дед. Моим призванием стала радиожурналистика. Вот уже двадцать лет я работаю на «Радио России», и говорить мне нравится больше, чем изображать, а рассказывать – больше, чем показывать. Возможно, в недалеком будущем я сам стану дедом, и крохотный внук сначала ухватит меня за палец, а лет через десять ужаснется: «И я стану таким... сморщенным, как ты?!»

Но я не стану читать ему морали или учить философии. Я постараюсь обыграть его в шахматы, затаскать по выставкам и вернисажам, замучить поездками по стране и миру, научить его любить этот мир и понимать людей, которые его населяют. Так, как учил меня дед.

В моей квартире висит несколько его картин. На них он сам, мои родители и я – в «нежном» грудном возрасте. Когда-то этот толстощекий малыш глядел на посетителей персональных дедовских выставок со стен Манежа, Дома журналистов, Дома дружбы с зарубежными странами...

Сегодня мой черед напомнить читателям о том, кем был мой дед, Василий Алексеевич Малышев.

В. А. Потресов Из беженских скитаний Сергея Яблоновского

Я никогда не видел своего деда, не сидел у него на коленях, не дергал за бороду. Хотя, когда в конце 1953 года его не стало, я учился в первом классе 110-й московской мужской средней школы. Вот в том-то и дело: я ходил в московскую школу, а дед умер в Париже – в тот последний год сталинского правления расстояние между этими столицами было больше, чем от Земли до Марса.

О моем деде, Сергее Викторовиче Потресове, более известном в театральных и литературных кругах России до революции как Сергей Яблоновский, мне рассказывал отец. Иной раз, прогуливаясь по Москве, мы останавливались перед нестарым тогда еще домом в стиле модерн, скажем на углу Среднего и Малого Николопесковских или Петровки и Столешникова (дед, оказывается, любил менять жилье), и, показывая на окна в бельэтаже, рассказывал, сколько семья нанимала тут комнат, кто здесь бывал и прочие занятные, но ушедшие в дореволюционное прошлое детали.

Когда в середине пятидесятых в Москве стали появляться люди, казалось бы, навсегда исчезнувшие в тридцать седьмых, я познакомился со своим дядей Володей, братом моего отца: почти двадцать лет он провел в лагерях за то, что встречался с моим дедом в Париже. Когда речь заходила об эмигрантах, которых советская власть по разным причинам прощала, о деде речи не было: видимо, даже в после – сталинское время он представлял большую угрозу для коммунистического режима.

Чем же так насолил дед советской власти, я узнал значительно позже, когда довелось познакомиться с его архивом, обнаруженным за рубежом. Впрочем, я и раньше из эзоповских высказываний взрослых вылавливал информацию о дедовых провинностях перед властью.

И в России, и даже во Франции, где он провел тридцать три эмиграционных года, удавалось обнаружить лишь разрозненные небольшие фонды, как, например, в РГАЛИ, ИНИОНе и еще кое-где. Благодаря счастливому случаю, о котором расскажу позже, найти кое-какие материалы о нем, сохранившиеся рукописи и публикации, удалось в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (США). Соединив обнаруженные западные архивы, отечественные фонды, по крупицам собранные книги, публикации и то, что чудом сохранили мои родственники, удалось воссоздать образ деда, видеть которого, повторю, мне, увы, не довелось.

С. В. Потресов (Яблоновский), 1910-е годы

Вот тогда я понял, что держу в руках забытое наследие, и возникла идея вернуть отечественной культуре имя моего деда, журналиста, поэта, театрального и литературного критика Сергея Викторовича Потресова, более известного под псевдонимом Сергей Яблоновский [2(15).11.1870, Харьков – 6.12.1953, Париж]. Один из известнейших в начале XX века фельетонистов, соредaktor сытинского «Русского

слова»¹, самой крупной газеты начала XX века, автор бесчисленных рецензий и статей об актерах и театре, публицист, участник и руководитель московских литературных объединений, Сергей Яблоновский из-за своих убеждений и активных политических действий в 1918 году был приговорен екатеринбургской ЧК к расстрелу. Тогда ему удалось бежать на юг России, где он участвовал в Белом движении, а в 1920 году Яблоновский навсегда покинул родину. В эмиграции жил в Париже.

Стоит ли говорить, что власти, которые правили страной с 1917 по 1991 год, сделали все возможное, чтобы имя С. Потресова-Яблоновского, его произведения были навсегда забыты. Надо отдать им должное, властям это удалось довольно успешно, хотя даже в советские годы отдельные произведения опального автора все же публиковались, вероятно, по недосмотру, лени или недостаточной образованности цензоров. Я расскажу об этих редких изданиях.

Не рассуждая о долге перед историей и памятью, мол, почему я взялся за эту работу, приведу простое сравнение. Если представить полотно нашей культуры в виде мозаичного панно, легко заметить, что в нем отсутствуют значительные части, как из-за утраты отдельных кусочков смальты, так и целых фрагментов. Наибольшие потери слоев ощущаются в первой половине XX века. И я решил, что, располагая архивами и определенным литературным опытом, смогу восстановить хотя бы один небольшой кусочек этого полотна, вернув истории отечественной культуры имя деда вместе с трагической историей его жизни и творчества.

Многое из наследия Яблоновского нынче, разумеется, не актуально. Ведь был он в том числе журналистом, газетчиком, однако порой не знаешь, что через столетие откликнется и снова зазвучит в полную силу. Что-то из его писаний потеряно безвозвратно, а что-то не удалось пока обнаружить, как, например, книгу Сергея Яблоновского «Карета прошлого», которая, по дошедшим воспоминаниям автора, была выпущена в свет в Эстонии накануне большевистского вторжения, после чего и издатель, и тираж были уничтожены. Доверяясь упоительной лжи Воланда – «Рукописи не горят», смею надеяться, что где-то сохранились хотя бы гранки «Кареты», небольшую часть из них (с рукописными правками автора) мне удалось разыскать.

Раздумывая о том, как уничтожение культурных слоев сказывается на последующих поколениях, неизбежно вспоминаю фантастический рассказ Рэя Бредбери. Там герой, оказавшись в доисторическом мире, случайно раздавил бабочку, а вернувшись в реальное время, ужаснулся неотвратимым переменам. В революционные и последующие годы давили вовсе не бабочек, и последствия для культуры мы ощущаем сегодня. Это и есть, пожалуй, то главное, что спровоцировало меня заняться восстановлением памяти о деде. Очень важно, чтобы потомки уничтоженных, репрессированных, распыленных по белу свету деятелей нашей культуры взяли бы за подобное дело. Знаю, кое-кто занимается этим сегодня безо всякой поддержки государства, которое, как известно, интересуется чем угодно, только не сохранением собственной истории и культуры. Но таких людей немного, а кто этого не делает, язык не повернется осудить.

Отсутствие многих документов, вольность в трактовке событий способствуют появлению ошибок не только в отдельных публикациях, связанных с вычеркнутыми из нашей истории лицами, но даже в энциклопедических изданиях. Что касается Яблоновского, то дополнительные проблемы для исследователя связаны с тем, что в отечественной журналистике одновременно фигурировали два человека, использовавшие этот псевдоним. Более того, оба, Сергей Викторович Яблоновский-Потресов и Александр Александрович Яблоновский-Снадзский, родились в один и тот же год и, если доверять сохранившимся источникам, в один день – 15 ноября 1870 года (видимо, отсюда и тянется шлейф путаницы биографий Яблоновских). Оба работали в южнорусских газетах, а затем – в «Русском слове» (по воспоминаниям моей тетки, старшей дочери С. В. Яблоновского, ее отец – до 1916 года, а заменивший его – хитрый трюк редактора Дорошевича! – фельетонист А. А. Яблоновский – с 1916-го).

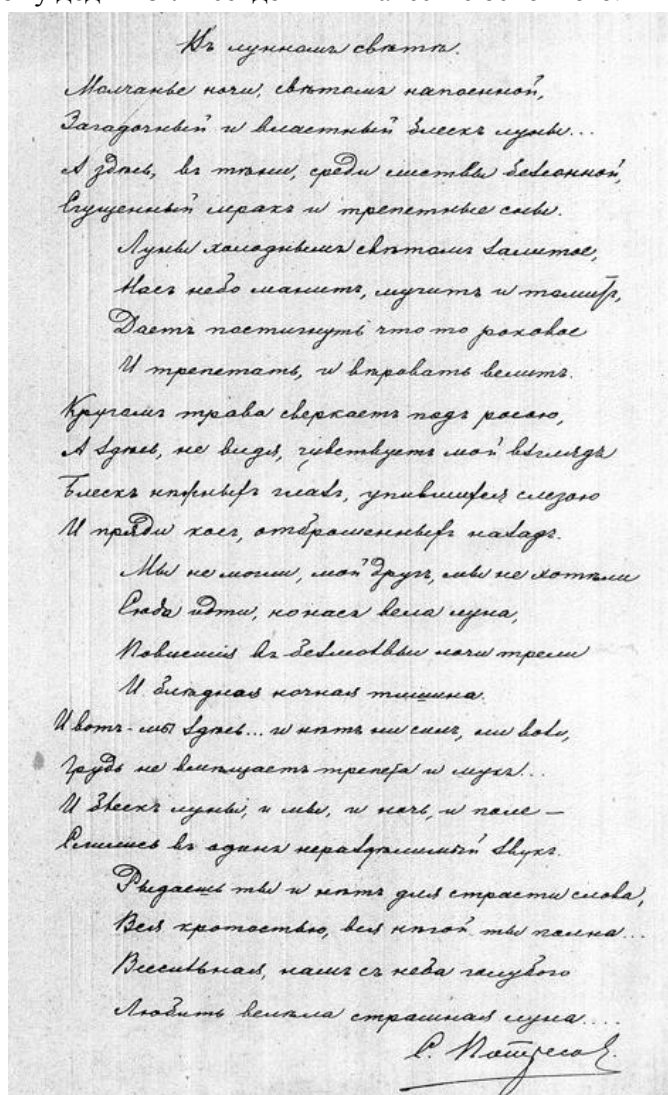
Оба Яблоновских покинули Россию в феврале 1920 года на пароходе «Саратов» и вместе оказались в британском лагере для военнопленных турок Тель-эль-Кебир в африканской пустыне. У обоих имеются эссе об этих скитаниях. В ноябре 1920 года С. В. Яблоновский выехал в Париж, а А. А. Яблоновский в том

¹ Ежедневная газета, выходила в Москве с 1895-го по 26 ноября (9 декабря) 1917 г. Издатели – А. А. Александров, с 1897 г. И. Д. Сытин. В газете сотрудничали В. М. Дорошевич (с 1902 г. – фактический редактор), А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, В. А. Гиляровский, Вас. И. Немирович-Данченко и др. Газету называли «фабрикой новостей», и критика власти способствовала превращению газеты в одно из самых распространенных изданий России. Тираж к началу 1917 г. составлял 600–800 тыс. экземпляров. После Февральской революции 1917 г. поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. К Октябрьской революции 1917 г. отнеслась враждебно. Закрыта постановлением Московского ВРК. С января по 6 июля 1918 г. выходила под измененными названиями («Новое слово», «Наше слово»). В июле 1918 г. закрыта окончательно.

же году – в Берлин, но уже с 1925 тоже жил в Париже.

Но и помимо этого ошибок в разных изданиях хватает. Так, в биографическом очерке фонда С. В. Потресова в Бахметевском архиве неверно указано, что родился он в Москве, учился на юриста, а во время революции был арестован большевиками². Кроме того, в ряде документов разных фондов нередко ошибочно указано его отчество – Васильевич. В «Театральной энциклопедии» неверно указаны дата смерти: (ок^{ло} 1929), нелепо звучит: «в 1917 г. эмигрировал из Сов. Союза», а также, что он «окончил историко-филологич. ф-т Моск. ун-та». Последнее, может быть, и имело место, но подтверждающих документов обнаружить мне пока не удалось. В книге «Литературное зарубежье России» неправильно отмечено, что Яблоновский уехал в Париж в апреле 1920 года, а также ему приписаны издания, в которых, в частности, печатался А. А. Яблоновский. Наиболее верно краткая биография С. В. Яблоновского опубликована в книге А. И. Серкова «Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь» (дед был посвящен в ложу Юпитер [Париж] 21 июня 1928 года), но и там есть неточности, скажем дата его смерти ошибочно указана 21 декабря 1953 года, «Саратов» назван теплоходом и т. д.

Не знаю, почему А. Снадзский взял псевдоним Яблоновский, относительно же Сергея Потресова существуют по крайней мере две версии. Из семейных историй мне известно, что дед считал: литературные таланты, которыми снабдил его Господь, почерпнуты не от орловских дворян Потресовых, а от древнего рода князей Яблоновских (его мать, А. К. Яблоновская, по семейному преданию, происходила из этого польского рода, известного помимо фигур военных и государственных значительным числом деятелей культуры и науки). Мол, поэтому дед и взял псевдоним в качестве основного.

Стихи С. В. Потресова (Яблоновского) «В лунном свете»

² К счастью, последнего не случилось. По воспоминаниям моего отца А. С. Потресова, а также в опубликованных воспоминаниях дяди В. С. Потресова (см. Эдвард Радзинский. «Николай II: жизнь и смерть»: «Матери объявили, что екатеринбургская ЧК заочно приговорила отца к расстрелу за участие в заговоре с целью освобождения Николая II». Если бы С. В. Яблоновского арестовали, его бы немедленно уничтожили. На самом деле ему удалось покинуть Москву с поддельным паспортом на имя Ленчицкого (об этом далее) и бежать на белый юг России.

По другой версии, изложенной А. Свирским в романе «История моей жизни», Сергей Яблоновский признался автору, что псевдоним происходит от стихотворения «Яблоня», получившего большое признание после выхода его первого поэтического сборника (под фамилией Потресов).

Значительное число документов, связанных с именем С. В. Яблоновского, хранится в Бахметевском архиве. Пытаясь безуспешно разыскать архив С. В. Яблоновского во Франции, я случайно наткнулся на публикацию в журнале «Знамя», где печаталось до той поры неизвестное письмо В. В. Набокова к С. В. Яблоновскому с указанием места хранения – фонд С. Потресова, Бахметевский архив. Мне удалось практически полностью скопировать этот фонд (а также документы, связанные с Яблоновским в фондах других лиц), вернуть их на родину, а затем перевести в цифровую форму, обеспечив таким образом надежную сохранность. Каким образом документы Яблоновского оказались в США, могу предположить, что в архив, созданный Б. А. Бахметевым³, их передала Н. И. Давыдова (1897–1978), вторая жена С. В. Яблоновского. На момент смерти Яблоновского в США проживали духовник деда и большой его почитатель писатель Гребенщиков, и они вполне могли оказаться посредниками в этом вопросе. Н. И. Давыдова состояла в переписке с обоими, и это подтверждается документами из фонда.

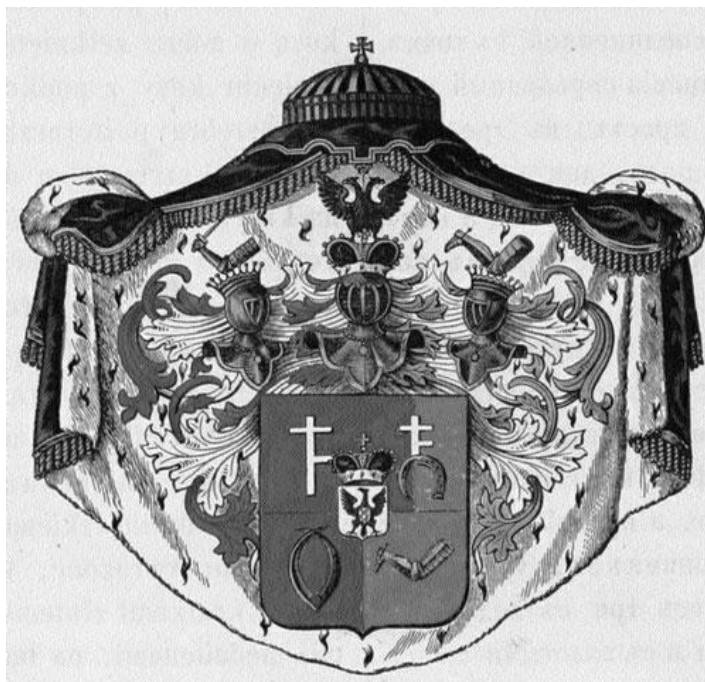
Неясно, правда, каким образом там оказались материалы, датированные годами жизни деда в дореволюционной России. Трудно предположить, что он сохранил их, скитаясь по югу России, египетской пустыне или во время бесконечных переездов с квартиры на квартиру в Париже. Но эти документы в Бахметевском архиве существуют, за что низкий поклон и его основателю, и хранителям.

Значительно скромнее на этом фоне выглядят российские (бывшие советские) архивы, в которых удалось обнаружить лишь разрозненные документы С. В. Яблоновского, частично переданные туда его первой женой. Но, по воспоминаниям С. С. Потресовой, многие из них утеряны. Вот что известно о родословной С. В. Потресова-Яблоновского. Его дед Потресов Иван (отчество и годы жизни неизвестны) – потомственный дворянин Орловской губернии, последний в роду помещик. По некоторым сведениям, в Орловской губернии было село Потресово, но найти его не удалось, возможно, оно бесследно уничтожено во время коллективизации или Великой Отечественной войны.

У него были дочь и два сына. Один – Виктор Иванович Потресов, адвокат, присяжный поверенный в Харькове (умер, скорее всего, около 1882 года). Он женился на Аделаиде Ксаверьевне Яблоновской, согласно семейным преданиям – последней в малороссийской ветви рода князей Яблоновских. Принять княжеский титул не пожелал (существовал закон: если княжеский род прерывается из-за того, что нет продолжения по мужской линии, то муж-дворянин последней княжны получает право взять фамилию жены и получить княжеский титул). Первый брак А. К. Яблоновской был с Александром Ивановичем Апостол-Кегичем, от которого она имела дочь Елену Александровну, а от второго брака, с Потресовым, были дети: Надежда Викторовна и Сергей Викторович Потресовы. Сестры Яблоновской, Фелиция Ксаверьевна и Конкордия Ксаверьевна, рано умерли. По воспоминаниям С. В. Потресова-Яблоновского, известно, что у его матери было имение в Пересечной, рядом с усадьбой актерской династии Рыбаковых.

Елена Александровна (урожденная Апостол-Кегич) вышла замуж за Георгия Павловича Муравьева, из мещан г. Харькова. Надежда Викторовна Потресова вышла замуж за хирурга из Харькова Тринклера.

³ Бахметев, Борис Александрович (1880–1951) – инженер-гидравлик, выпускник петербургского Института путей сообщения. Под его руководством были разработаны проекты Днепровской и Волховской ГЭС, осуществленные при советской власти. С 1915 г. руководил закупочной комиссией Центрального Военно-промышленного комитета в США. После Февральской революции – товарищ (заместитель) министра промышленности и торговли Временного правительства. С июня 1917 г. – посол в США. После большевистского переворота заявил, что пришедшее правительство не выражает интересов народа России. Сохранил статус посла. После отставки в 1922 г. остался в США. Основатель, директор и главный спонсор Гуманитарного фонда, основатель Фонда помощи русским студентам, а также Архива русской и восточноевропейской истории и культуры в Колумбийском университете, лучшего собрания российских материалов за рубежом, носящего имя Бахметева и до сих пор существующего на доходы от оставленного им капитала.

Герб Яблоновских

Второй сын помещика – Иван Иванович Потресов, писал от имени брата, против его желания, на Высочайшее имя о присвоении княжеского титула. Умер, подавившись зубочисткой, из-за чего Муравьевы, которым он, по воспоминаниям, чем-то досаждал, якобы сказали: «Собаке – собачья смерть».

Их сестра, Мария Ивановна (урожденная и по первому браку Потресова), вышла замуж за родного деда(!). У них родился сын Иосаф, гигант, обладал невероятной физической силой, но умер молодым от гипертрофии сердца. По воспоминаниям моего отца, А. С. Потресова, муж Марии Ивановны скончался через полгода после их женитьбы. Второй брак – за Римским-Корсаковым (более о нем ничего не известно), и тоже полгода. Третий брак с генерал-губернатором Харькова, и тоже недолго – около года. Она прожила три громадных состояния и умерла в приюте для дворян (в 1930–1933 годах приют находился под Харьковом в Хорошевском монастыре), где соседствовала по комнате с Лилей Лермонтовой, двоюродной внучкой М. Ю. Лермонтова. Когда Мария Ивановна умерла, то Лилю задушили (видимо, надеялись, что от Марии Ивановны остались драгоценности). Мой отец полагал, что деньги в приют за нее вносила племянница Надежда Викторовна.

Увы, начал я интересоваться жизнью С. В. Яблоновского слишком поздно, когда не осталось никого из знавших его, а воспоминания о его детстве слишком скупы, и в них много неясного. Из некоторых источников удалось выяснить, что после смерти отца Сергей почему-то остался не с матерью, а жил в семье друзей отца, Морозовых. Тем не менее С. В. Потресов в своих произведениях вспоминает о матери с большой теплотой и посвящает ей свой первый сборник стихов. Неясно также, где и какое он получил образование, сам Сергей Викторович об этом нигде не писал. Восстановить историю его жизни и творчества удалось с помощью часто отрывочных мемуаров (в основном касающихся деятельности, встреч и т. д.), писем, дневников и воспоминаний связанных с ним людей.

Вот таким образом удалось создать достоверный очерк жизни и трудов моего деда – Сергея Потресова-Яблоновского, Итак:

Харьков. Проба пера и ощущение театра

Согласно фамильному генеалогическому древу, «наши» Потресовы – потомственные дворяне Орловской губернии, где последним помещиком в роду был Иван <...> Потресов (мой прапрадед). Потресова-Яблоновского нередко путают с А. Н. Потресовым, марксистом, партийная кличка Старовер, также эмигрантом. Из семейных преданий известно, что А. Н. Потресов приходился троюродным братом моего прадеда.

Харьков, Земельное училище

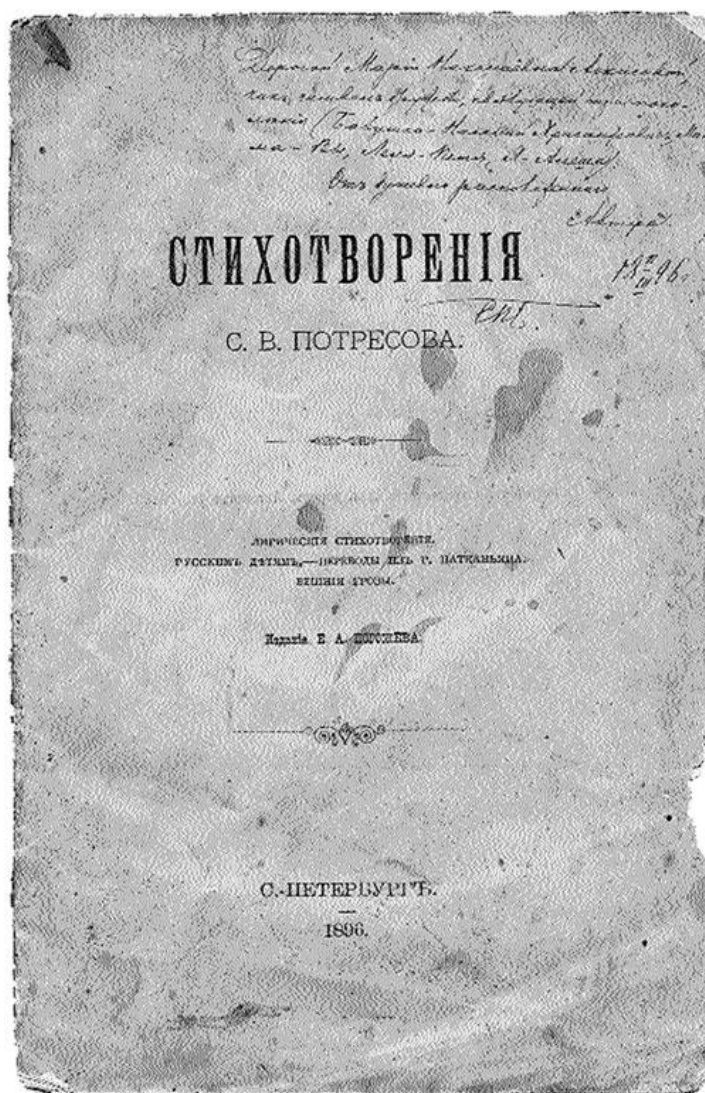
В своих воспоминаниях эмигрантка Ольга Морозова, харьковчанка, знавшая Сергея Потресова с детства, писала: «...отец его, популярный харьковский адвокат, чувствуя приближение смерти, просил своего друга, моего отца (тогда директора харьковского Земледельческого училища), взять к себе его сына Сергея и сделать из него хорошего сельского хозяина. Отец взял. Так в нашей семье появился маленький худенький мальчик с большими черными мечтательными глазами. Ему было тогда 12 лет, но выглядел он не старше восьми».

Сельским хозяином Сергей Потресов не стал, как не стал и адвокатом, хоть, по некоторым непроверенным источникам, поступил на юридический факультет Харьковского университета. С детства он писал стихи, а в выборе жизненного пути сыграла роль, быть может, географическая близость имений его матери и актерской династии Рыбаковых: «Село Пересечное, Харьковской губернии. Ударение следовало бы поставить на слоге “сеч”, от глагола “пересекать”, но все ставят его на “рес” – Пересечное. В нем усадьба с хорошей библиотекой. Это имение... На столбе, стоявшем у ворот, дощечка; на ней значится: “Усадьба купца третьей гильдии Николая Хрисанфовича Рыбакова”. Того самого, который у Островского “сам” смотрел на игру Геннадия Демьяновича Несчастливцева: “Подошел ко мне Рыбаков, положил мне руку на плечо и говорит: “Ты, – говорит, – да я, – говорит, – умрем, – говорит... – Лестно””». Усадьба Рыбакова – почти наша родовая усадьба. Павлина Герасимовна, жена артиста, Каролина и Антонина Герасимовны, ее сестры, и «сам» он были большими друзьями моей бабки. Каролина, бывшая гувернанткой моей матери, и скончалась в нашем доме. Сын Рыбакова, Костя, впоследствии артист Московского Малого театра, был мало похож на отца темпераментом – мягкий и рыхлый, но лицом походил на него чрезвычайно. В Несчастливцеве он гримировался под отца, и моя мать, увидев его в этой роли, испугалась: она увидела перед собою Николая Хрисанфовича.

<...>

Тремя поколениями мы тесно связаны с Рыбаковыми и очень часто проводили лето в этой усадьбе. Когда после долгого перерыва я приехал туда уже с женою и детьми, старые крестьянки-хохлушки, обнимая меня, говорили: «Та це-ж наш Сэрежка приехал!»

По собственному признанию, Сергей Яблоновский не любил жанр автобиографии, о его детстве известно крайне немного. В сохранившихся гранках его предисловия к книге «Карета прошлого» он писал, что о его детстве и юности читать никому не интересно, и начал с 1893 года, когда стал постоянным и, возможно, одним из главных сотрудников газеты «Приазовский край», издававшейся в Ростове-на-Дону. «Я писал в этой газете и публицистические статьи, – сообщал Сергей Яблоновский, – и беллетристические рассказы, и лирические стихи, и театральную, а также всякую иную критику».

Титульный лист сборника стихотворений с автографом автора, 1896

Работал Сергей Потресов под разными псевдонимами, публике в Харькове особенно понравился Комар, который часто, как тогда говорилось, на злобу дня писал в рубрике «Свет и тени». Горожане охотно ходили на драму, оперу, оперетту в Асмоловский театр на Таганрогском проспекте или городской театр на Садовой. В оперетте тон задавала труппа Блюменталь-Тамарина, а вот куплеты, восхищавшие публику, сочинял как раз Комар. Однажды после инцидента, закончившегося судом чести (Сергей Потресов обругал нетрезвого метранпажа), журналист оставил газету и уехал в Петербург. Скорее всего, здесь сказалось желание провинциала покорить столицу, но было и еще кое-что.

Петербург. Встречи с Майковым и Полонским

Как-то перед этим в Ростове гостил петербургский генерал и издатель по фамилии Погожев, который загорелся напечатать стихи начинающего поэта Потресова, и, как раз к моменту конфликта в редакции «Приазовского края», в столице началась работа по подготовке поэтического сборника.

Ехал Сергей Потресов в Петербург с рекомендательными письмами актера Далматова к драматургам П. Гнедичу и И. Потапенке, критику А. Кугелю. Однажды прислуга гостиницы, передавая деду гранки будущей книги, вдруг объявила, что в соседних номерах живет еще один поэт, Минский, и тоже издает книгу. Состоялось знакомство.

Минский работал над переводом «Илиады», и Потресов, подражая ему, написал «Шахматиаду», в этой поэме с точностью до хода воспроизводил волновавшую тогда просвещенную публику последнюю решающую партию шахматного матча в Будапеште между Чигориным и Харузеком.

В Петербурге Сергей Потресов начал переводить «Метаморфозы» Овидия. Закончив работу, он отправил письмо с переводами «Метаморфоз», а также «Фаэтона» и «Нарцисс и Эхо» Аполлону Майкову.

Ноты «Яблони», Н. Игнатъев, 1904

Автор антологии «Театральная критика русской провинции» А. П. Кузичева отмечала, что в 1890-е годы очевиден профессиональный рост и влияние провинциальных рецензентов, приводя такой пример: «Вспоминая свою юность, тогдашнюю неудовлетворенность собственной игрой, П. Орленев рассказывал, какую огромную, решающую роль сыграла в его судьбе рецензия С. Яблоновского. В небольшой работе молодого актера критик угадал большой талант». «Разругав в восьми строчках Далматова за роль Грозного, автор посвятил маленькой роли царевича Федора Иоанновича, которую я играл, всю дальнейшую статью <...>. Он писал: “Я уверен, что если свет рампы увидит вторую часть трилогии Толстого, я предсказываю этому актеру (он даже не назвал имени) мировую известность”. Я спросил Качалова и Тихомирова: “А что это за вторая часть трилогии?” Они мне объяснили, и я попросил их достать ее. Они на последние деньги купили трилогию А. К. Толстого и привезли мне. Когда я дошел до пятой картины: “Я царь или не царь”, вылил все оставшиеся напитки в раковину и дал себе слово ничего не пить, пока не сыграю “Царя Федора”. С тех пор почти два года я бредил этой ролью».

Помимо того что сам Харьков в то время считался городом театральным, здесь гастролировали и крупнейшие столичные театры. Постепенно актерский портрет, который до него особенно не был в моде, стал доминирующим жанром в театральной критике Яблоновского: «Развернутых статей, обзоров или театральных портретов в это время газета “Южный край” не помещала, пока не появился Потресов. Весной 1897 г. он написал большую рецензию о В. П. Далматове в роли Грозного в трагедии А. К. Толстого (“Южный край”, 1897. № 5607. 6 мая). Раздел “Театр и музыка” стал занимать с тех пор заслуженное место, а театральная жизнь города получила интересное освещение».

ХАРЬКОВЪ.

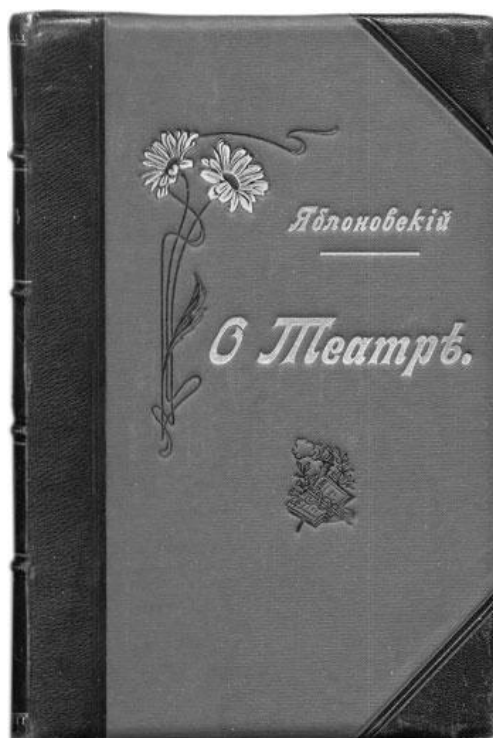
Памятникъ Пушкину.

Харьков, памятник А. С. Пушкину

В своей фундаментальной статье упоминавшийся петербургский театровед В. Сомина пишет: «Яблоновский напечатал цикл очерков под общим заглавием “Около театра”. Они посвящены актерам, с которыми автор был близко знаком, и все же – это не мемуары, скорее работы историко-критического жанра. Афористичные характеристики чередуются с развернутыми описаниями отдельных ролей, иногда определяется творческий метод актера. Так, Стрепетова названа “великой бабой”. Но о ней и подробно в “Семейных расчетах” Н. Н. Куликова, и главное итоговое: “Стрепетова – гений страдания, доведенного до своих крайних пределов. Переходила она и эти пределы <...>».

– Как вы это делаете? – спросил я ее.

– Разве я что-нибудь делаю. Я ничего не делаю...

С. Яблоновский «О театре», обложка

Только душу распинаят, а остальное приходит само собой». В том же журнале поместил Яблоновский «Наброски о Малом театре», в частности в них тривиальное уже в то время сравнение Москвы с Петербургом выражено изящно и оригинально: «Москва – халат, пиджак, поддевка; Петербург – фрак, визитка, смокинг; московский актер может быть мешковат, несколько провинциален, его так легко представить себе помещиком; петербургский – эlegantен, нервен, столичная штучка; московская артистка полна, круглолица, глаза с поволокою; петербургская – фигурой змеиста, лицом худошава, чуть-чуть с истерикой. Они даже говорят на двух разных русских языках <...>».

В то же время Сомина отмечает: «Эстетическая программа критика весьма расплывчата. Он ценил классический сценический реализм и, прежде всего, актерскую индивидуальность. В 1904 году Яблоновский писал: «Уметь представить свою душу и иметь такую душу, которую бы стоило представить, вот то, что требуется от актера».

Формально критик принимает режиссерский театр, сочувствует режиссерским усилиям в создании цельного спектакля. В конкретных же рецензиях Яблоновский, подробно разобрав пьесу, бросив одну-две фразы по общей характеристике спектакля, поспешно переходит к разбору игры. Ансамбль для него – сочетание индивидуальностей, роль – способ проявлений индивидуальности и только яркость этого проявления – успех спектакля. Признавая удачей В. Э. Мейерхольда тонкую, строгую стилизацию в «Сестре Беатрисе» М. Метерлинка, Яблоновский неожиданно переворачивал «дифирамб» к режиссеру и В. Ф. Комиссаржевской: «Как будто так и нужно, как будто в этом и задача, но думалось, а что, если бы вдруг явилась тут Стрепетова? Не поняла бы она стиля, опрокинула бы всю гармонию <...> да открыла бы такие раны, такие муки, что забыли бы мы об эстетике, и мучались бы, и наслаждались бы».

Последовательным традиционалистом Яблоновский тоже не был, как не был и сторонником какого-либо одного направления в искусстве. Он признавал и необходимость обновления реализма на других, модернистских путях. «Театр <...>, – писал критик о Художественном театре, – сделав очень многое для утверждения реализма, теперь ищет новых путей в стороне символизма и схематизации». Постановку полюбившейся ему «Жизни человека» Л. Н. Андреева он принял только в Художественном театре, назвал ее «великолепной симфонией», созданной на основе мелодии из блоковского «Балаганчика», хотя сам спектакль Мейерхольда считал неудачей, «новацией ради новации».

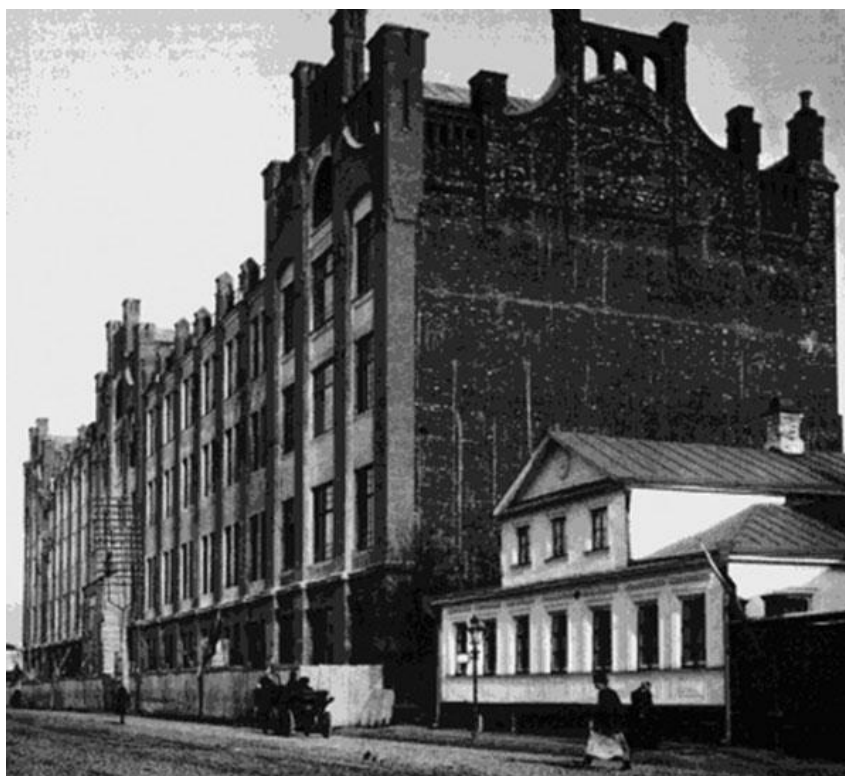
В упоминавшейся уже книге «О театре» Яблоновский дает блистательные портреты М. Н. Ермоловой и В. Ф. Комиссаржевской.

В 1898 году Сергей Яблоновский женился на Елене Александровне Клементьевой. А в 1901 году его пригласили на должность редактора в «Русское слово», московскую газету, издававшуюся более чем в миллион экземпляров. Позже Яблоновский вспоминал: «Этот тираж превышал тираж всех русских газет, вместе взятых. Это значит, что в эти годы я ежедневно беседовал примерно с пятью – семью миллионами людей. Вел я общественный фельетон, театральный отдел, писал по вопросам искусства». Елена Александровна после свадьбы стала собирать публикации своего мужа и наклеивать их в альбомы. К 1915 году она подсчитала, что из них «...могло бы выйти двести девятнадцать томов ежемесячника формата и объема популярного тогда “Вестника Европы”».

С. Яблоновский «О театре», титульный лист

«Объясняется это тем, – писал С. Яблоновский, – что, кроме ежедневного фельетона в “Русском слове”, я часто помещал и критические статьи, посылая в то же время по две статьи в неделю в две провинциальные газеты. Это я говорю не только о себе: так работают многие журналисты».

Редакция «Русского слова»

У Потресовых было пятеро детей. Старшая дочь умерла в раннем детстве от аппендицита, поэтому удалению отростка превентивно подверглись все дети. По воспоминаниям моего отца, семья жила в Москве, довольно часто меняя квартиры, причем дед любил дома в стиле модерн, нанимал, как правило, десять – двенадцать комнат, с прислугой, старшие до поры имели гувернеров, а младшие – бонн.

С. В. Яблоновский в кабинете, 1900-е годы

Несмотря на несметное число публикаций, постоянную работу в театре, Сергей Яблоновский руководил литературными «вторниками» Московского Художественного театра, участвовал в общественной жизни второй столицы, был членом Московского литературнохудожественного кружка, позже председательствовал в Обществе деятелей периодической печати и литературы. «Дело было в 1907 году, – вспоминал В. Ходасевич об одном из вечеров в Московском литературно-художественном

кружке. – Одна приятельница моя где-то купила колоссальнейшую охапку желтых нарциссов, которых хватило на все ее вазы и вазочки, после чего остался еще целый букет. <...> Не успела она войти – кто-то у нее попросил цветок, потом другой, и еще до начала лекции человек 15 наших друзей оказались украшенными желтыми нарциссами. Так и расселись мы на эстраде, где места наши находились позади стола, за которым восседала комиссия. На ту беду докладчиком был Максимилиан Волошин, великий любитель и мастер бесить людей. <...> В тот вечер вздумалось ему читать на какую-то сугубо эротическую тему – о ббб объятиях или в этом роде. О докладе его мы заранее не имели ни малейшего представления. Каково же было наше удивление, когда из среды эпатированной публики восстал милейший, почтеннейший С. В. Яблоновский и объявил напрямик, что речь докладчика отвратительна всем, кроме лиц, имеющих дерзость открыто украшать себя знаками своего гнусного эротического сообщества. При этом оратор широким жестом указал на нас. Зал взревел от официального негодования». Убежденный реалист, Яблоновский не желал признавать новаторства в творчестве, считая это трюкачеством, попыткой привлечь внимание, подменой подлинного таланта. Футуристов он презрительно именовал «бурлюками и другими писателями». Отношения с ними были напряженные. В шестидесятые годы прошлого века дочь К. Бальмонта, Нина Бруни, вспоминала: «При мне Маяковский взбил на палитре белила и воскликнул: “А это – мозги Яблоновского!”».

По воспоминаниям Каменского: «Для привлечения внимания к нашему вечеру мы, разрисовав себе лица, пошли по Тверской и Кузнецкому. По дороге мы вслух читали стихи. Конечно, собралась толпа. Раздавались крики “циркачи, сумасшедшие”. В ответ мы показывали нашу афишу. Помогло нам еще то, что в день выступления в “Русском слове” появилась статья Яблоновского “Берегите карманы”, где он рекомендовал нас как мошенников. Публика, разумеется, захотела сама убедиться, как это футуристы будут чистить карманы, и аудитория была переполнена. За 10–15 минут до начала мы вспомнили, что неизвестно, собственно, что будет читать Маяковский, который очень хотел этого выступления, очень ждал его. Когда мы его спросили об этом, он ответил:

– Я буду кого-нибудь крыть.

– Ну что же. Вот хотя бы Яблоновского! <...> Возле здания Политехнического музея, перед началом, творилось небывалое: огромная безбилетная толпа молодежи осаждала штурмом входы. Усиленный наряд конной полиции водворял порядок...»

Много позже время расставило все по своим местам.

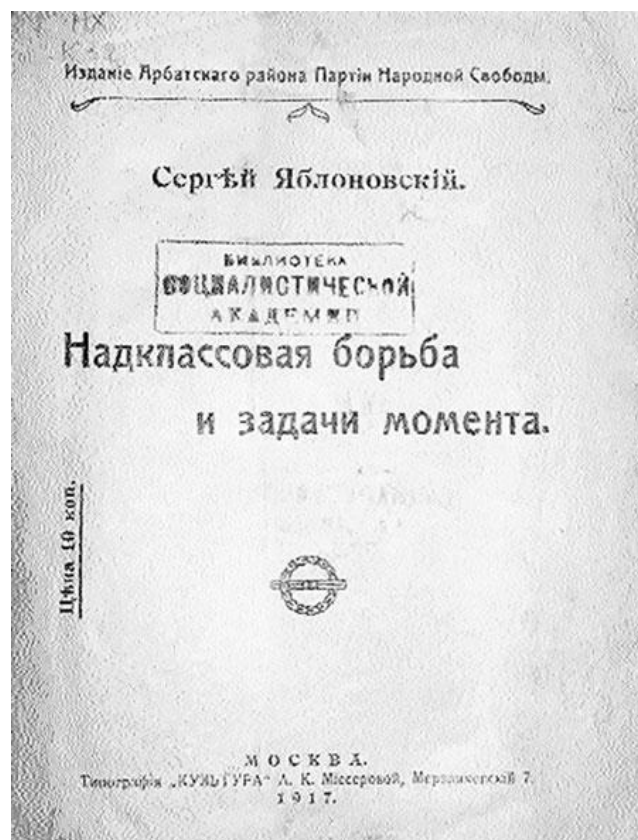

С. Яблоновский «Кто завоевал свободу», 1917

Как и большинство людей его круга, Яблоновский примкнул к партии Народной свободы. По семейным воспоминаниям, он не признавал революционных передраг, поэтому недоумение вызывает тезис, приведенный в упоминавшейся статье Веры Соминой, что «первую русскую революцию он приветствовал». Тем более, опыт был: в 1905 году Яблоновский был свидетелем, как сожгли типографию (фабрику) Сытина, где печатались книги для народного просвещения. Позже о драматизме этих событий Яблоновский писал в эмиграции. Хотя Яблоновский и написал «опыт народного гимна» на музыку композитора П. Н. Ренчицкого с посвящением «обновляющейся России», как всякий благоразумный человек, в революциях видел зло, когда одни прохиндеи заменяли других. «Без конца горд только тем, что никогда и ни в каких писаниях, и в этом гимне тоже, не было у меня ничего злобного и кровожадного». «Гимн» начинался словами:

«Благословен будь наш путь благородный,
К воле вперед и вперед.
Славься и крепни в России свободной,
Русский свободный народ!»

С. Яблоновский «Надклассовая борьба и задачи момента», 1917

В разного рода собраниях этот гимн исполняли не по три раза, как прежний, а например, как на заседании педагогического общества, исполненный великолепным басом Мозжухиным по требованию присутствующих девять раз. В связи с этим Яблоновский вспоминал трагикомическую ситуацию: когда он договорился о печати тиража «Гимна» за собственные средства на фабрике Мамонтова с ежемесячным погашением долга, к нему пришли «...на квартиру мамонтовские рабочие и потребовали, чтобы я уплатил следуемое немедленно, иначе они от меня не уйдут. Я не помню, как вышел из этого положения, но помню суровые решительные лица моих гостей, сумрачно смотревшие и без слов говорившие, что мне объявлена война». Кстати, в то время писался другой гимн, и автор его, известный нам Минский, включил в него совсем другие слова:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь,
Наша сила, наша воля, наша власть!
В бой последний как на праздник собирайтесь,
Кто не с нами – тот наш враг! Тот должен пасть!
Мир возникнет из развалин, из пожарниц...»

ну и так далее.

В своих политических убеждениях, равно как и в нравственных позициях, Яблоновский был подчеркнуто последователен, никогда не менял раз и навсегда выбранных ориентиров, что привело в дальнейшем к полному расхождению с некоторыми «братьями» по эмиграции, в том числе с Буниным. Василий Иванович Немирович-Данченко, одно время сотрудничавший с Яблоновским в «Русском слове», писал ему: «Вы всегда принадлежали к тем редким исключениям в литературе, которыми она справедливо может гордиться. Часто в безоглядном увлечении ею, Вы ни разу не омрачили своего духовного облика ни нравственным, ни политическим диссонансом. Вы никому и ничему не подслуживались. В капищах Ваала Ваших жертв не было».

Уделяя массу времени профессиональной работе, общественной и партийной деятельности, Сергей Яблоновский занимался воспитанием детей, помогал гимназии Кирпичниковой на Знаменке, где учился его

сын, Александр Потресов. Сын Василия Качалова, Вадим Шверубович, вспоминал, как в рождественском (1916 г.) гимназическом спектакле ему была поручена роль Бориса Годунова. Учительница русского языка приходила в отчаяние от игры сына известного актера и «позвала на помощь отца моего одноклассника, очень известного в то время театрального критика “Русского слова”, писателя-очеркиста и знатока театра Сергея Викторовича Яблоновского (Потресова). Он попробовал поработать со мной, объяснял мне смысл каждой фразы, каждого слова».

Яблоновский учил детей воспринимать русскую культуру, классическое изобразительное искусство, литературу, природу, зодчество. Летом он нанимал дачу неподалеку от подмосковного Архангельского, имения Юсуповых. Сюда в частые отсутствия хозяина имелся свободный доступ, и Сергей Викторович пользовался этой возможностью, чтобы приучать детей к восприятию предметов искусства, тщательно собранных в этой усадьбе.

Унаследовав от отца-юриста ораторские способности, Сергей Яблоновский темпераментно и эмоционально умел подчинять аудиторию. Сегодня слово «лектор» вызывает унылые ассоциации, а в начале прошлого века люди тянулись на диспуты, неизбежно сопутствовавшие актуальным лекциям. Яблоновский в том числе разъезжал по России с лекциями, направленными против волны юношеских самоубийств, захлестнувших страну в начале XX века.

Помимо «Русского слова» и южнорусских провинциальных газет рецензии и статьи Яблоновского печатались в журналах «Театр и искусство», «Рампа и жизнь», «Кулисы».

С. Яблоновский с семьей, Москва, ок. 1916

Революция. Встречи с Романовыми. Приговор ЧК

О первых месяцах после октябрьского переворота Яблоновский писал почти десять лет спустя: «Порассказать, конечно, было о чем. Переживавшееся тогда время характеризовалось полной неопределенностью дозволенного и запрещенного: еще на митингах можно было произносить страстные речи против большевиков, но все и каждую минуту находились в ожидании всяких расправ, за какую

угодно вину и безо всякой вины. Еще продолжали выходить прежние “буржуазные” газеты, но на них уже обрушился целый ряд кар. Чуть ли не наибольшая в Европе типография Сытина, где печаталось до этого времени “Русское слово”, была реквизирована. Большевики печатали там свои “Известия” на огромных запасах чужой бумаги, которую они, расходуя, в то же время заложили в банке за два с половиною миллиона. “Русские ведомости” – газета, которую никогда не решалось тронуть даже самодержавное правительство, считаясь с исключительным уважением, которое она завоевала в стране, – были закрыты и, после больших усилий, возродились под пикантным названием “Свободные вести” (за точность названия не ручаюсь, но ручаюсь за его смысл. – С. В. Я.). Еще функционировали политические партии, но чуть не ежедневно на них совершались набеги, происходили обыски, аресты, высылки, расстрелы. Террор еще не был возведен в стройную последовательную систему, но постоянно проявлялся, и все чувствовали себя в положении попавшего в капкан животного: вот-вот явятся и расправятся. Повсеместное ожидание ужасов создавало в населении тупую, оскорбительную покорность».

За исключением ряда шероховатостей, октябрьский переворот, пока за трактовку его истории не взялись большевистские идеологи, некоторое время страдал известной «бархатностью»: оппонентов еще не сажали и не убивали, хотя вскоре все изменилось.

В Перми, где он встретился с Великим князем Михаилом Александровичем Романовым, Яблоновский оказался летом 1918 года. По заданию партии Народной свободы он читал в городах Сибири публичные лекции, в которых наивно, как показали скорые события, пытался словом привлечь сторонников к своей партии. Однако события развивались стремительно: «А в мое отсутствие у меня был произведен обыск и выемка, на которые я совершенно не рассчитывал: своих взглядов я не только не скрывал, но всячески старался открыто распространять их: писал статьи, выступал с публичным словом. <...>

Обыск я могу приписать только личной мстительности большевиков: чуть ли не накануне его под моим председательством прошло общее собрание Московского общества деятелей периодической печати и литературы, на котором мы исключили из состава общества неистовствовавшего над прессой комиссара по делам печати Подбельского (бывшего хроникера “Русского слова”), исключили точно так же комиссара по иностранным делам профессора Фриче и поставили на вид поэту Валерию Брюсову всю двусмысленность его положения на службе у большевиков в качестве – в то время – аполитичного регистратора выходящих в свет книг и журналов.

Свидетели обыска мне передавали, что записную книжку исследовали очень долго».

Умалчивает Яблоновский и еще об одной вещи, за которую екатеринбургская ЧК заочно приговорила его к расстрелу. Он говорит вскользь о поездке в Екатеринбург накануне трагических событий, когда в доме инженера Ипатьева находились Николай II со всей семьей. Семейные намеки на участие деда в заговоре в Екатеринбурге с целью вызволения Николая II я слышал еще в детстве. Возможно, я не располагаю полным перечнем трудов Яблоновского, но мне нигде не попадались его записи, в которых бы он опровергал или подтверждал факт участия в этом заговоре. Писатель Эдвард Радзинский, видимо поврежденный творческой завистью к произведениям «историков» типа Александра Дюма или Валентина Пикуля, пишет об этом так: «... И вот, когда я сам устал от своей подозрительности <относительно того, был заговор с участием Потресова-Яблоновского или нет. – В. П. >, однажды позвонил телефон, и тихий старческий голос церемонно представился: “Владимир Сергеевич Потресов, провел 19 лет в лагерях”.

Вот что рассказал мне 82-летний Владимир Сергеевич: «Мой отец до революции – член кадетской партии и сотрудник знаменитой газеты “Русское слово”, известный театральный критик, писавший под псевдонимом Сергей Яблоновский... <...> // В голодном 1918 году отец выехал в турне по Сибири с лекциями. Весь сбор от лекций моего полуголодного отца шел в пользу... голодающих! Последняя его лекция была в Екатеринбурге... // И вскоре во время отсутствия отца к нам в дом пришли чекисты и произвели обыск. Матери объявили, что екатеринбургская ЧК заочно приговорила отца к расстрелу за участие в заговоре с целью освобождения Николая II. // Когда отец вернулся домой и все узнал, он был страшно возмущен: “Да что они там, помешались? Я по своим убеждениям (он был кадет, сторонник Февральской революции) не могу быть участником царского заговора. Я пойду к Крыленко (тогдашний председатель Верховного трибунала)!” // Отец был типичный чеховский интеллигент-идеалист. Но мать сумела его убедить, что большевики объяснений не слушают – они расстреливают... И отец согласился уехать из Москвы, он перебрался к белым. Потом эмиграция, Париж, нищета – и могила на кладбище для

бедных... // Меня арестовали в 1937 году за участие отца в заговоре, о котором тот не имел никакого понятия. Вышел я только в 1956-м»⁵. Оставив в стороне театральный прием: звонок, возникший по мановению в минуту «усталости» автора, «церемонный голос» и прочие атрибуты плохой пьесы, отмечу определенное лукавство писателя. В 1918 году Владимиру Сергеевичу Потресову было всего восемь лет, и трудно поверить, что взрослые обсуждали с ним или при нем участие деда в заговоре или планировали поход к Крыленко. Гайки тогда закручивались с завидной скоростью. Вернее всего, это версия для маленьких детей, чтобы те не пострадали в условиях обосновывавшегося режима. Утверждение о том, что кадеты не могли быть сторонниками царского режима, весьма спорно. Не выдерживает критики сравнение Яблоновского с «типичным чеховским интеллигентом-идеалистом»: достаточно прочесть его острые, полемические статьи и, главным образом, написанные как раз в то тревожное время. Абсурдом представляется, будто бы «...мать сумела его убедить, что большевики объяснений не слушают – они расстреливают». Мне трудно допустить, что для видного публициста и политика, которым был тогда дед, решающим оказалось слово жены, милой и образованной женщины, однако занятой только домашним хозяйством и детьми.

И наконец, В. С. Потресова арестовали вовсе не за участие деда в заговоре – этому могли бы быть, скорее, подвергнуты старшие дети. Более того, побывав там, он никак не рискнул бы назвать известное русское кладбище в парижском пригороде Сен-Женевьев-де-Буа «кладбищем для бедных». Сын В. С. Потресова, вспоминая тот разговор отца с писателем, отмечает, что он был несколько другим, так что доверять Радзинскому я бы не стал. Полагаю, что, находясь в Париже, Яблоновский никогда не касался тем, связанных с Ипатьевским домом, потому что боялся навредить родным, оставшимся на родине. Но все это, повторяю, лишь версия. Впрочем, и доказательств того, что Яблоновский участвовал в том заговоре, у меня нет, а есть лишь некоторые соображения, но оставим эту тему.

С.В. Яблоновский, 1918. Рисунок неизвестного

Яблоновский сбрил бороду и с чужим паспортом на имя Ленчицкого вместе с семьей (старший сын Яблоновского, мой отец, Александр Потресов в это время находился в Сибири, и родным о его судьбе ничего не было известно) уехал на юг России, в Харьков, где примкнул к Белому движению:

«Бежав от власти большевистской
И от милиции московской,
Исчез немедленно Ленчицкий
И появился Яблоновский».

– воспроизводил горький юмор тех лет 20 декабря 1953 года в своем некрологе деду в «Новом русском слове» Петр Ершов.

Бег

⁵ Радзинский Эдв. Николай II: жизнь и смерть. М., 1997.

Меня часто спрашивают, почему Яблоновский бежал за границу, оставив семью на произвол большевикам. Это не так. Во-первых, его жена Елена Александровна отказалась следовать за мужем в Ростов, поскольку в Харькове дети заболели и бежать с ними дальше на юг не было возможности, а кроме того, Яблоновский, как и многие его современники, был уверен, что власть большевиков – недоразумение, которое долго не продержится.

Впрочем, откроем дневник Яблоновского: «Четверг, 3.VI 20 г. <Тель-эль-Кебир> Сегодня Лелины <Елена Александровна Потресова, жена С. Яблоновского. – В. П.> именины. Как-то поживает моя Леся? <...> Я сижу у себя в палатке и весь мыслями с нашими. Где они? – В Ростове? Харькове? Москве? Вернулся ли к ним Шура? Это оч<ень> возможно. Помимо себя, помимо самого Шуры, как я был бы счастлив за Лелю. <...>

31. XII <1920>. Париж

<...> Моя тоска по своим, по Леле, Соне, Шуре, Вове и Ноне растет все время, растет с каждым днем. <...> Милые, родные, любимые, где вы? Живы ли? Здоровы ли? Если не сыто – где уж?! – то хоть перебиваетесь ли как-нибудь?

Леля, родная! Деточки мои милые! Хоть бы узнать только, что вы существуете».

Удостоверение С. В. Яблоновского, 1919

В течение почти двух лет, проведенных С. В. Яблоновским на юге России, ему довелось работать отчасти в тех же самых газетах, в которых трудился в юности. Кроме того, по поручению отдела пропаганды Добровольческой армии, он читал лекции против большевиков в Харькове, Ростове-на-Дону, Новороссийске и других городах Юга России. Его предчувствие краха прослеживается в статьях «Перед портретом», где писал, как в чертах портрета Деникина, выставленного в витрине на Серебряковской улице Новороссийска, автор видел приметы того, что сохранилось в России честного и порядочного; «У грани» – паника, падение духа войск, в дневниковых записях того времени.

С. В. Яблоновский, пароход «Саратов», 1920

С грустным юмором Сергей Яблоновский позже описал последнюю встречу с Мариэттой Шагинян, произошедшую в Ростове-на-Дону, накануне вступления большевиков: «В Нахичевани же произошла и моя последняя с нею встреча, уже в девятнадцатом году, когда я бежал из города в город, по мере того как их занимали большевики. Здесь я нашел и Мариэтту, и ее сестру Лину (Магдалину); обе, и неистовая Мариэтта, и красивая, мягкая, необыкновенно нежная Лина, были уже пропитаны большевизмом. Тут впервые ощутилось полное, бесповоротное расхождение. С моей стороны было много резкого, отношение сестер было мягкое, грустно-ласковое. Разумеется, в то время большевизм им представлялся высшей справедливостью, а кровь, насилие, разрушение, вероятно, они считали временной печальной необходимостью. Большевики входили в Ростов, мне нужно было бежать. Мариэтта со своей обычной порывистостью уговаривала остаться: она меня спрячет.

– Какое же вы имеете право прятать врага от своих друзей? Этого лицепрятия я не признаю да и сам не хочу принимать ничего ни от ваших новых товарищей, ни от вас.

Мы расставались, и получилась даже смешная сцена: мне долго пришлось буквально отбиваться, чуть ли не руками и ногами, от ее желания обнять и поцеловать меня.

Объятий избежал».

Двадцать второго февраля 1920 года Сергей Яблоновский в Новороссийске поднялся на борт парохода «Саратов», чтобы навсегда покинуть Россию.

О последних днях в России, ужасах бегства, издевательствах англичан-спасителей, крайне тяжелых условиях жизни в лагере Тель-эль-Кебир в Северной Африке за колючей проволокой, надеждах на крах большевизма Яблоновский написал в эссе «Из беженских скитаний».

Страсть к общественной деятельности в Тель-эль-Кебire Яблоновский удовлетворял тем, что в жутких условиях создал с единомышленниками гимназию для детей беженцев, где преподавал русский язык и историю, а также был попечителем учебного заведения. Но к середине 1920 года многие беженцы разъехались, лагерь опустел. Летом Яблоновский получил письмо от А. Н. Толстого:

«17 июня 1920 г.

Дорогой Сергей Викторович,

Посылаю Вам приглашение Романа Абрамовича Кривицкого в личные секретари. Р. А. Кривицкий – чрезвычайно богатый человек, и по его письму Вам немедленно выдадут визу в Париж. При этом прилагаю копию письма министру. Вслед за этим письмом высылаю Вам 500

франков. Вторые 500 фран<ков> Вам переданы будут в Париже. Приглашение, само собой разумеется, нужно рассматривать исключительно как возможность получения визы.

Очень рад буду видеть Вас в Париже и помочь Вам всем, чем могу.

Крепко жму руку.

Гр. Алексей Н. Толстой. 48 Rue Raynouard Paris XVI».

Однако с визой все складывалось непросто. 5 октября 1920 года Яблоновский писал Бунину: «<...> Толстой сообщил, что мне высланы деньги на дорогу в Париж, что он постарается подыскать мне работу и что его знакомый, Р. А. Кривицкий, хлопочет перед французским министром иностр<анных> дел о разрешении мне въезда во Францию. Затем я получил и деньги, и разрешение; ликовал, готовился к отъезду, но вдруг пришел из Парижа контрордер, отменяющий уже данное разрешение. <...> Я написал гр. Толстому в начале августа, потом в начале сентября, прося выяснить это, но мои письма точно падают в яму – никакого ответа. Писал я и Кривицкому, но с тем же успехом». Однако в конце концов виза была получена, и в день его пятидесятилетия русская колония лагеря Тель-эль-Кебир провожала Сергея Яблоновского в Париж. Так для него навсегда закончилась жизнь в России и беженские скитания.

«Страшнейшая казнь писателю быть принудительно вне родного...»⁶

Период эмиграции для Яблоновского затянулся на долгие десятилетия, в течение которых катастрофически менялась как общая политическая обстановка в мире и Европе, так и жизнь во Франции, которая навсегда стала, как нынче не совсем верно говорится, второй родиной Сергея Викторовича.

Тель-эль-Кебир, 1920 год. Рисунок Е. Н. Конопацкого

Мне не удалось обнаружить сколько-нибудь подробных воспоминаний о жизни деда во Франции, отрывочные сведения основаны на известных, тем или иным путем зафиксированных событиях, а также его собственных публикациях или рукописях и семейных преданиях. Неясно также, каким образом удалось решить проблему с контрордером, сыграл ли тут какую-то роль Бунин, или все как-то разрешилось другим путем, однако уже в конце 1920 года Яблоновский оказался в Париже. Это следует из дневниковых записей литератора, опубликованных в этом сборнике.

В начале двадцатых годов в Париже, затем берлинских эмигрантских изданиях появляется имя Яблоновского-журналиста. С той же страстью, как обличал недостатки жизни в России, журналист обрушивается на не порядки как в эмигрантской среде, так и во Франции, обращая внимание на прорехи в либеральном строе, который весь последний век ставился в пример России. В частности, он пишет о фактически бесправном положении женщины в обществе, разгуле полицейского произвола, лени французов и т. п.

⁶ Строка из письма И. С. Шмелева С. В. Яблоновскому, 22.11.33, Капбретон. BAR, Coll. Potresov, Box 1.

Заграничный паспорт С. В. Потресова (Яблоновского), 1920

Не одобрял С. В. Яблоновский и французских писателей, в том числе Анатоля Франса, Ромена Роллана и других, выступавших за прекращение интервенции: «Вы более чем умыли руки; вы все время поддерживали тех, кто виртуозно плавает в созданном океане крови. Своим именем, своим авторитетом, тою ответственностью, какую налагает избранность, вы помогли и помогаете убийствам без конца и без счета».

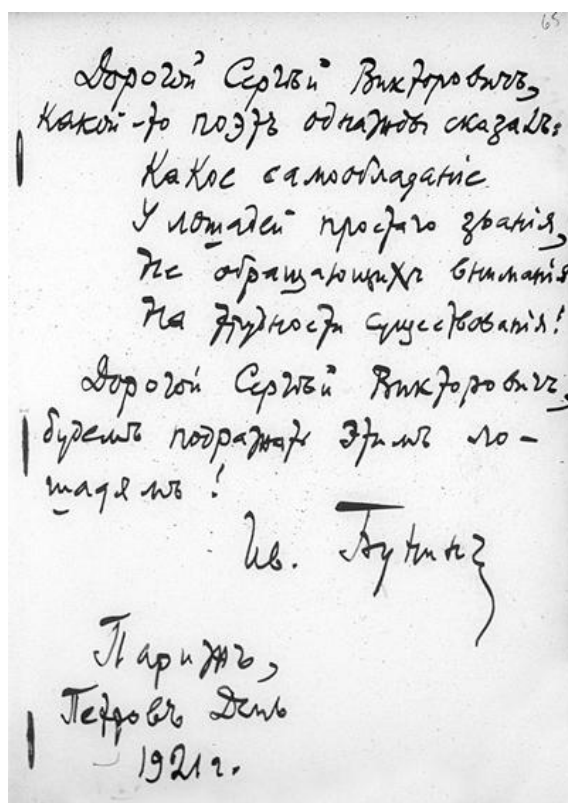
Начиная с 1921 года Яблоновский регулярно печатает фельетоны в газете «Общее дело», в них убеждает всех мыслящих людей в необходимости продолжения борьбы: «Ненависть необходима, ненависть к злу, ненависть к демагогии, ненависть к той ненависти, которую проявили экспериментаторы ко всем человеческим ценностям. Ненависть к ненависти, которую они насаждали в человеческих душах».

Одновременно С. В. Яблоновский преподавал в лицеях и французских школах русский язык, в том числе в 1932–1933 годах в известном лицее *Buffon*, сокрушаясь, что дети российских эмигрантов забывают родную речь, и в многочисленных публикациях приводил соображения о причине этого явления.

Позже, в соавторстве с Вл. Бучиком, С. Яблоновский выпустил книгу «*Pour bien savoir le russe*», которую можно вольно перевести как «Для правильного понимания русских». В рецензии, подписанной неким господином Г., в берлинском «Руле» сообщается, что эта книга, переведенная здесь как «Россия и русские», «...выпущенная в свет известным французским издательством, предназначена, собственно говоря, для французского читателя, уже знакомого с русским языком. Собранные здесь отрывки из произведений крупнейших русских писателей должны помочь окончательно освоить русский язык и вместе с тем познакомить с природой России, ее верованиями, бытом и характером народа. Эта задача выполнена составителями настолько удачно, отрывки подобраны так тщательно и умело, что книга доставит огромное удовольствие и русскому читателю, возбуждая и в старых, и в молодых сладкое, но далекое, теряющее уже в своей ясности воспоминание. Эта книга, как справедливо говорят составители предисловия, приближает

дорогой и любимый образ родины. Помимо отрывков, в книге напечатан и ряд статей и заметок, дополняющих или объясняющих художественные образцы. Отрывки взяты не только из сочинений наших великих классиков, но и талантливых современников Алданова, Бунина, Зайцева, Куприна и др.». Найти экземпляр этой хрестоматии мне пока не представилось возможным, но удалось точно определить время выхода ее в свет – август 1930 года, по дате письма И. С. Шмелева к С. В. Яблоновскому, где Иван Сергеевич поздравляет деда с появлением этой книги.

Верный политическим убеждениям, Яблоновский с 1921 года состоял членом Парижского комитета Партии народной свободы, выступал с лекциями и докладами в Русской академической группе, Союзе русских литераторов и журналистов в Париже, членом которого состоял, сотрудничал в Русском литературноартистическом кружке. С 1922 года выступал в Тургеневском артистическом обществе, Русском народном университете. С момента ее образования в 1923 году был членом комитета Лиги борьбы с антисемитизмом в Париже. В 1933 году редактировал в Париже издание Содружества «Восход», с того же года член Союза деятелей русского искусства, сотрудничал с Московским землячеством, с Юношеским клубом РСХД⁷.

Пожелание И. А. Бунина в альбоме С. Яблоновского, 1921

21 июня 1928 года С. В. Яблоновский посвящен в ложу Юпитер (№ 536 в союзе Великой ложи Франции), инсталлированную в Париже в конце 1926 года после раскола ложи Золотое Руно. Юпитер в названии ложи символизировал Разум, проявленный в действии. Работала ложа по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу в русском масонском доме на улице Иветт. Позже дед возведен во 2-ю и 3-ю степени. Примерно в эти годы произошло еще одно загадочное событие, известное мне из семейных преданий, но о котором не удалось найти каких-либо следов в архиве С. В. Яблоновского, за исключением косвенного указания, обнаруженного в письме И. С. Шмелева. Речь идет о приезде в Париж младшего сына Яблоновского, упоминавшегося моего родного дяди, Владимира Сергеевича Потресова. Вот тут я столкнулся с разночтениями.

Мой отец рассказывал (уже во времена Н. С. Хрущева), что его брат Владимир Сергеевич, как примерный комсомолец, в конце двадцатых – начале тридцатых годов был направлен на лечение в Италию (!). Пробираясь туда на поезде через всю Европу, он оказался в Париже, где встретился со своим отцом, с которым, мол, у него вышли разногласия политического характера, сделавшие их дальнейшие общения

⁷ Основано в октябре 1923 г. в местечке Пшероу близ Праги, где состоялся учредительный съезд, который положил начало действительному движению среди русской эмигрантской молодежи.

невозможными. Иное рассказал мне сын В. С. Потресова, Вадим Владимирович: «Отец уехал в Париж и жил у деда примерно с 1922 по 1924 год; сам он рассказывал об этом неохотно, ссылаясь на то, что подвергался постоянным насмешкам и унижениям со стороны нашего деда, поэтому и вернулся обратно в СССР». Странно, что, рассказывая Радзинскому о том, что пострадал «как сын Яблоновского», В. С. Потресов умалчивает о парижских встречах с отцом. Некоторый «документальный» свет на это событие проливают строки из письма И. С. Шмелева к С. В. Яблоновскому 22 января 1926 года: «Дорогой Сергей Викторович, // Во-первых, поздравляю с радостью – возвращением и воскресением Вашего сына. Я понимаю, какое это счастье». И заканчивает письмо постскриптумом: «Поцелуйте за меня “возвращенца”». Пока это единственное известное мне документальное подтверждение пребывания В. С. Потресова в Париже. Позже, в годы репрессий, он был осужден (согласно приведенной выше ссылке на Радзинского, в связи с участием С. В. Яблоновского в заговоре по освобождению императора и его семьи, однако, повторю, о парижском его проживании нет ни слова).

18 мая 1928 года русский Париж отметил 35-летие литературной деятельности Яблоновского. Председательствовал в комитете по организации чествования И. А. Бунин, а на банкете – Н. А. Тэффи. С речами выступали Б. К. Зайцев, Е. Н. Рощина-Инсарова, А. В. Карташов, С. П. Мельгунов, М. А. Осоргин, поэты А. П. Ладинский, Ю. В. Мандельштам, С. И. Левин и другие. Юбиляр получил множество поздравительных писем со всех концов земли.

В двадцатые – тридцатые годы XX столетия публикации С. В. Яблоновского регулярно появлялись в русскоязычных периодических изданиях во Франции, Германии, США, Румынии, Китае и других странах, куда судьба разбросала соотечественников.

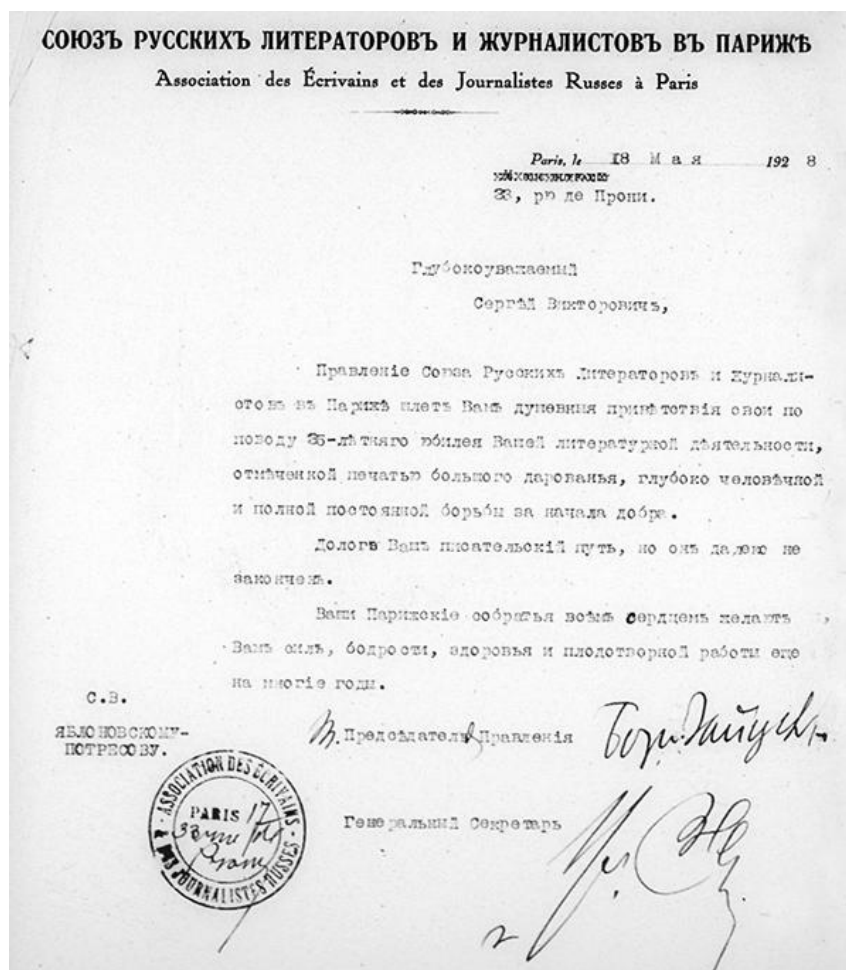
Многочисленные ныне материалы, посвященные жизни русских эмигрантов во Франции, наглядно показывают, как менялось к ним отношение приютившей стороны. Если в двадцатые годы прошлого века разбогатевшая в результате Версальского мира страна со снисходительным романтизмом любопытствовала в отношении русской культуры и интересовалась жизнью изгнанников, представителей этой культуры, то уже в тридцатые интерес к ним упал. Связано это прежде всего с тем, что деловые и политические круги все более были заинтересованы в связях с СССР, а эмигранты становились досадной помехой, вызывающей раздражение советских вождей и, как следствие, сотрудничающих с ними кругами принявшей стороны. Но было и нечто другое: представьте, к вам приехал даже очень интересный гость, с которым хочется общаться, узнать о нем побольше. Но вот гость прижился, и вы все яснее чувствуете дискомфорт. Французам поначалу была интересна самобытная русская культура, привнесенная эмигрантами, но за годы изгнания они, что называется, приелись, а большинство из них и вовсе утратили признаки той русской культуры.

К концу тридцатых годов намечается естественная убыль в среде русских эмигрантов, однако сокращается и социальная поддержка оставшейся части. С. В. Яблоновский с горечью писал, как молодые люди, вывезенные в детстве из России, а в особенности появившиеся на свет в русских семьях во Франции, теряют интерес как к культуре предков, так и вовсе к русскому языку.

Одновременно и реалистически мыслящие эмигранты окончательно оставляют надежду на возвращение в Россию: «А здесь снова, – пишет в 1937 году С. В. Яблоновский, – готовы задавать и задают сделавшийся уже постыдным вопрос:

– Сколько еще времени?..

Вопрос, заставляющий бросаться в лицо краску стыда, потому что больше попадать пальцем в небо, чем мы попадали, пророчествуя на эту тему, невозможно. Вспоминаются три факта. В конце, кажется, восемнадцатого года, бежав уже из Москвы на Украину, я, читая публичные лекции, попал в Бахмут, родной город П. И. Новгородцева, профессора, одного из основоположников кадетской партии, выдающегося общественного и политического деятеля и прекрасного человека. Тогда намечалась какая-то интервенция, и Новгородцев сказал мне: «Помяните мое слово: в первый день Рождества мы встретимся с вами в Москве». Первый день Рождества – это значило через два или три месяца.

Поздравление Союза русских литераторов и журналистов в Париже, 1928

Очень скоро после этой встречи мне пришлось бежать и из Малороссии в Одессу. В первый день, как раз в первый день Рождества, подхожу я к одесскому вокзалу и вижу, как по ступенькам его спускается П. И. Новгородцев.

– Павел Иванович! С какой точностью вы определили день, в который мы с вами встретимся!

Грустной улыбкой ответил он на мою грустную шутку и после паузы сказал:

– Да, на первый день Рождества... только не в Москве, а в Одессе.

В африканской пустыне в моем альбоме появилась следующая запись:

“Предсказание: в августе нынешнего 1920 года будем ловить в Днепре язей. Александр Яблоновский.

Тель-эль Кебир, 16 июня 1920 г.”

А в ноябре того же двадцатого года, приехав в Париж, я беседовал с Ильей Исидоровичем Фондаминским <...> и сказал, что падения большевиков нельзя ожидать раньше, чем через три года. Фондаминский, смеясь, замахал руками:

– Что вы! Что вы! Самое большее – через полгода.

С тех пор прошло семнадцать лет...».

25 марта 1921 года Яблоновский прочитал свою первую лекцию в Париже «Русские писатели и русская революция». Позже он множество раз выступал здесь с лекциями о русских писателях и артистах, а также об известных и малоизвестных русских благотворителях, постоянно призывал помогать немощным, больным, подписывал в связи с этим воззвания «Русским зарубежным людям».

Яблоновский с одинаковым энтузиазмом произносил речи на Дне поминовения погибших в борьбе с советской властью (1928, 3 ноября), вечерах в честь В. Г. Короленко (1922, 29 января и 18 февраля) и М. Ю. Лермонтова (1940, 28 января), на чествовании памяти В. Ф. Комиссаржевской перед спектаклем в «Интимном театре Д. Н. Кировой» (1939, 23 марта), на банкетах в честь примы театра «Габима» Ш. Авивит

(1924, 9 июля), 25-летия литературной деятельности Б. К. Зайцева (1926, 12 декабря) и В. Ф. Ходасевича (1930, 4 апреля).

В Русском народном университете 29 ноября 1922 г. он сделал доклад об актерах Художественного театра «Буйные сектанты». А в «Очаге друзей русской культуры», в создании которого, к слову, Яблоновский принимал активное участие, 12 ноября 1927 года он читал публичную лекцию «Гамлет» – русская пьеса. Гамлетизм – русская трагедия. Театральные и нетеатральные воспоминания по поводу «Гамлета»».

В 1931 году русские эмигранты попытались возродить журнал «Сатирикон»⁸. М. Г. Корнфельд собрал в Париже группу бывших сатириконцев, к которым примкнули и другие деятели искусства, и снова начал издавать журнал. В выпуске первого номера возрожденного «Сатирикона» (апрель 1931 г.), наряду с В. Л. Азовым, И. А. Буниным, В. И. Горянским, С. Горным (А. А. Оцуп), Дон-Аминадо (А. П. Шполянским), Б. К. Зайцевым, А. И. Куприным, Lolo (Л. Г. Мунштейн), С. Литовцевым, Н. В. Ремизовым, Сашей Черным, принял участие и С. В. Яблоновский. Художественный отдел составляли А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, А. В. Гросс, М. В. Добужинский, К. А. Коровин и др. В конце 1930-х годов С. В. Яблоновский подготовил к печати книгу «Карета прошлого», сохранились даже отдельные страницы гранок с правками деда. В названии книги он использовал слова Сатина из 4-го действия пьесы Максима Горького «На дне», грустно подразумевая, что в карете прошлого далеко не уедешь (в оригинале: «В карете прошлого никуда не уедешь») и что новому времени должны соответствовать новые формы жизни, способы действия, что нельзя жить старыми заслугами или старыми воспоминаниями, надо действовать здесь и сейчас. В книгу вошли воспоминания об ушедшей России, театре, актерах, писателях, художниках, общественных и политических деятелях, меценатах. Тираж книги был напечатан в Эстонии буквально накануне советского вторжения. По много раз повторяемым в разных изданиях словам Яблоновского, тираж книги был уничтожен, а издатель арестован и расстрелян.

Сохранились фрагменты «Кареты прошлого» – очерки-эссе о Мариэтте Шагинян, промышленнике С. И. Мамонтове, актерах Художественного и Малого театров и другие.

Примерно в это же время Яблоновским был подготовлен к изданию сборник стихов, выходу которого помешала начавшаяся Вторая мировая война. К счастью, рукопись сборника сохранилась полностью.

В Париже состоялось примирение Яблоновского со своими эстетическими «противниками» по Московскому литературно-художественному кружку: «С тех пор много воды утекло; В. Ф. Ходасевич из “дерзашего” гимназиста превратился в большого поэта, талантливого литературного критика и одного из самых выдающихся пушкинистов; мы сохранили друг к другу полное уважение. Как я уже сказал, такое же отношение сохранилось и к нашей общей приятельнице, прекраснейшей женщине, эпатировавшей тогда бурлящую часть кружковской публики.

Бальмонт писал мне:

"Мне радостно приветствовать того,
Кто в младости сказал мне: «поджигатель!»⁹,

и – человек нежной и чистой души – заключил стихи пожеланием оказаться на родине: “Чтоб видеть красоту Горящих Зданий”...

Это казалось бы тяжелой закоренелостью, если бы не было меняющей весь смысл заключительной строки:

“Горящих Солнцем и огнем Креста”.

Оказался я – и об этом теперь мне так радостно думать – другом и М. А. Волошина, с которым у меня была стычка более острая, чем с другими.

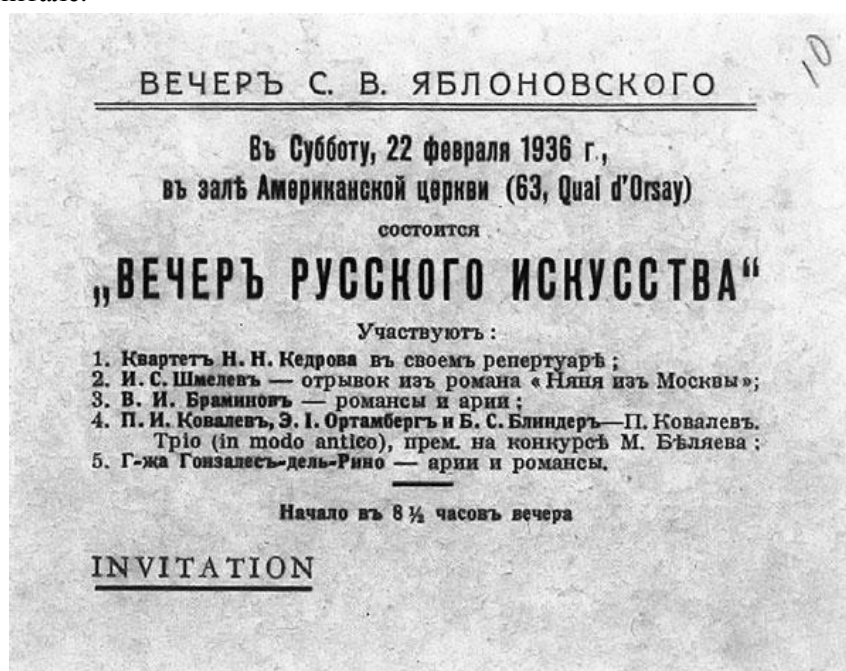
Схлынула муть, и никакого “рва” засыпать не пришлось, так как его и не было».

⁸ Еженедельный сатирический журнал (1908–1913), издавался с 3 июня 1908 г. М. Г. Корнфельдом. Главный редактор – А. А. Радаков, с № 9 – А. Т. Аверченко.

⁹ Эти стихи незадолго до смерти К. Д. Бальмонт посвятил Яблоновскому (они в Капбретони записаны в альбом С.В.Я.). На самом деле строфа звучит так: «Коль враг стал друг, вдвойне ценю его, // Вдвойне тогда сверкнул мироздатель, // Мне радостно приветствовать того, // Кто в младости мне крикнул “Поджигатель!”».

Война и раскол в русской эмиграции

С началом войны поддержка оставшихся русских практически прекратилась, исчезла возможность хоть каких-то заработков. Как Яблоновскому, страдавшему в те годы множеством болезней старику, удалось пережить это время, остается для меня загадкой. Со свойственным публицисту юмором, он пишет в дневнике, как осуществлялась во Франции социальная помощь беженцам: «... я не думал, что мне надо документировать своих болезней, которых у меня более чем достаточно, но на всякий случай захватил с собою радиограмму легких, удостоверяющую наличие туберкулеза и диаграмму аорты, с которой тоже неблагоприятно. Принял меня, как и других, просивших о карте, молодой человек, который по возрасту вряд ли может быть врачом; прием был буквально молниеносный, как мне приходилось наблюдать это однажды в другом госпитале.

Приглашение на вечер С. В. Яблоновского в Париже, 1936

– Чем вы больны?

– У меня грудные болезни: астма, эмфизема, хронический процесс и вызываемые ими частые катаральные пневмонии.

Он не дал мне закончить:

– Мы больным легкими карточек <на получение молока. – В. П.> не выдаем.

– А чем надо для этого болеть?

– Сердцем.

Я обрадовался и предложил вторую радиограмму. Он взглянул на нее и заявил, что этого недостаточно. Не знаю, нужно ли ему было, чтобы я напился молока только перед самой смертью, и карты я не получил».

Несмотря на тягостные недуги, во время войны у деда возник роман с Наталией Давыдовой, женщиной, моложе его на 27 лет, которой он начиная с 1943 года посвящал стихи, а в 1945 году, в возрасте семидесяти пяти лет, Яблоновский женился. Мне не удалось узнать ничего о семье его второй супруги, известно лишь, что ее мать, Лидия Николаевна Давыдова, урожденная Мамич. Наметившийся в послевоенные годы раскол в среде эмиграции оправдан тем, что большинство изгнанников, оставаясь патриотами России, безусловно, гордились победой русского народа во Второй мировой войне. Многие, в том числе и Бунин, были настолько очарованы этим событием, что готовы были простить больше – викам ужасы революции, коллективизации, политических репрессий и вернуться в «обновленную» Советскую Россию.

Впрочем, и в Советском Союзе многие великие умы надеялись на «очистительные процедуры», которые, как они предполагали, несла вместе со всеми ужасами война. Об этом, в частности, пишет и Борис Пастернак в заключительной части романа «Доктор Живаго»; народ ведь кровью своей доказал верность

советской власти.

Яблоновский оставался реалистом и не верил в «перековку» правящей коммунистической элиты. Когда в Париже с 1945 года на волне просоветских настроений начал выходить еженедельник «Русские новости», основанный А. Ф. Ступницким, а с осени 1946 года в нем начал сотрудничать отдавший дань этим веяниям Георгий Адамович, С. В. Яблоновский, отражая реакцию антибольшевистской части эмиграции, написал в эпиграмме на первую строку публикации Адамовича в первом номере еженедельника:

«Пишите лучше, пишите чище,
Пишите по совести...
И поселился в достойном жилище,
Где насыщают здоровой пищей,
И Патриоты¹⁰ и Русские новости¹¹.
Так повелось, что “лучшие” нас
Беречь убеждают морали сокровища;
Так было прежде, так есть сейчас,
Так от Адама до Адамовича».

По той же причине в послевоенное время изменились отношения между Сергеем Яблоновским и Иваном Буниным. Оставаясь твердым противником советского режима, Яблоновский опубликовал в «Русской мысли» фельетон под названием «Ему, Великому», в котором в ироничной форме обличал колебания забронзовевшего Бунина, связанные с его интригами по поводу возвращения в СССР. О прежней непримиримости Бунина к власти большевиков и напомнил Яблоновский в этом памфлете. Но не только об этом. В статье «Мой ответ Бунину», следовавшей за фельетоном, Яблоновский говорил о «всегдашнем презрительном отношении Бунина к писателям» вообще, сравнивая его с гоголевским персонажем, для которого в городе был лишь один порядочный человек.

С. В. Яблоновский, Капбретон, 1942

Любопытно то, как одинаково эти события трактуются в постсоветское время даже теми критиками, которые считают себя либералами и борцами с «душным» советским режимом. Некий В. В. Лавров¹² пишет в 1989 году – коммунистические идеи тогда еще никто не отменял, и надо было держать ухо востро – следующее¹³: «...Но “шахматная партия” продолжалась. В парижской “Русской мысли” появился

¹⁰ Имеется в виду газета «Русский патриот», орган Союза русских патриотов во Франции. П., 1943–1944 гг. № 1–13; 1944 г., окт. – 1945 г., 17 марта. № 1–21. Далее газета «Советский патриот».

¹¹ Газета, под ред. А. Ф. Ступницкого (1945–1951), М. Бесноватого (1952–1970). П., 1945 г., 18 мая – 1970 г., 13 ноября № 1–1288.

¹² Лавров, Валентин Викторович (р. 1935) – писатель, автор детективов о графе Соколове.

¹³ Лавров В. В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920–1953 гг., роман-хроника. М, 1989. С. 352–353.

очередной разнос Бунину – некий С. В. Яблоновский обвинял его в “большевизанстве”. Эта статейка была перепечатана в США и снова имела большой резонанс.

– Что эти типы хотят от меня? – вопрошал Иван Алексеевич. Но его единственный слушатель – жена, на этот вопрос ответить не умела. – Ведь это настоящая травля! Мстят за посещение посольства на рю де-Гренель, за встречи с Симоновым, за симпатию, наконец, к Советской России...

Почти без надежды быть услышанным, написал просьбу Цвибаку: напечатать его, Бунина, ответ на статью Яблоновского. Хотя уже понял: в США публикуют какую угодно клевету против него, но не печатают ни строки возражения или даже оправдания.

Но Цвибак и те, кто находился за его спиной, держали наготове надежный кляп: “Если будешь жаловаться – прекратится наша помощь, помрешь с голоду”.

Сам Я. М. Цвибак с неприсущей ему простодушностью проговорился в своих мемуарах: “Я начал уговаривать Ивана Алексеевича письмо не печатать – прежде всего потому, что весь тон его ответа был несдержанный и на читателя мог произвести тяжелое (?) впечатление. Было у меня и другое соображение. В этот момент я был занят систематическим сбором денег для Бунина, нужда которого не знала границ, и мне казалось, что такого рода полемика в газете многих против него восстановит (!) и в конечном счете повредит ему не только в моральном, но и в материальном отношении”.

Одним словом, бьют и плакать не велят!»

Слова «статейка», «некий» и прочее совершенно определенно указывают отношение автора к Яблоновскому, но, если вспомнить широко опубликованные дневники Бунина «Окаянные дни», где он какими только словами не костерит советскую власть, как он только не несет «Алешку Толстого» за раболепство перед этой властью, становится очевидным недоумение последовательной части русской эмиграции по отношению к политическому хамелеону.

В интервью Николаю Аллу (июнь, 1940) Владимир Набоков говорил, как бедствовали эмигранты в начале войны: «Бунин еще имеет некоторые средства, но Мережковские живут в большой нужде, как и почти все остальные русские эмигранты». Лишения и бессмысленность существования раскололи эмигрантское сообщество. Из писем и дневников, относящихся к послевоенному периоду, очевидно, что писатель всерьез обдумывал возможность возвращения в Советский Союз. И пусть не сочиняет некий В. В. Лавров: в письме к журналисту Андрею Седых (Якову Цвибаку) 18 августа 1947 года Бунин оправдывался относительно своего посещения советского посольства и разрешения печатать произведения в СССР.

Так вот, по поводу оценки той ситуации постсоветской литературной братией. Например, А. К. Бабореко, в терминологии советской литературной критики при оценке «чуждых» произведений, называет упомянутую публикацию Яблоновского «пасквилем», «злым фельетоном», «позорной выходкой». Существенная разница в возрасте, о которой с присущей ей иронией писала Буниной Тэффи, не помешала установлению нежных отношений между Сергеем Викторовичем и Наталией Ивановной Давыдовой, которая взяла себе в качестве фамилии псевдоним С. В. Потресова. На все оставшиеся ему годы она оказалась верной подругой и помощником старого литератора. Об этом пишут многие из тех, кто знал семью Яблоновских в конце 40-х – начале 50-х прошлого века.

Сергей Викторович тяжело болел, однако находил в себе силы писать публицистические статьи и даже стихи. Наталия Ивановна работала машинисткой. Это давало возможность оплачивать квартиру в Булони, ближайшем пригороде Парижа, и как-то кормиться.

В 1946–1947 годах Яблоновский входил в правление воссозданного Союза писателей и журналистов в Париже, был членом Объединения русских писателей во Франции, писал очерки и статьи для «Нового русского слова», «Возрождения», «Русской мысли», в первом номере которой (19 апреля 1947 года) вышло его стихотворение «Я не видел тебя, дальняя Россия...».

Поздравление с Пасхой от И. С. Шмелева, Париж, 1949

Умер Сергей Викторович Яблоновский 6 декабря 1953 года, незадолго до этого перейдя 83-летний рубеж. Печальное событие было отмечено в русской эмигрантской прессе, где Яблоновский упоминался как патриарх русской журналистики, отдавший ей более 60 лет жизни. Он служил, как писал о нем в 1928 году Вас. Ив. Немирович-Данченко, словно «...верный солдат в светлой рати добра, свободы и красоты, ни мыслью, ни делом, ни одним помыслом, ни одною строкою не изменили своему Знамени». Похоронили С. В. Яблоновского 10 декабря 1953 года на Русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. На дубовом¹⁴ кресте скромная металлическая дощечка с текстом:

ЛИТЕРАТОРЪ
СЕРГѢЙ ВИКТОРОВИЧЪ
ЯБЛОНОВСКІЙ-ПОТРЕСОВЪ
1870–1953
YABLONOVSKY-POTRESSOFF

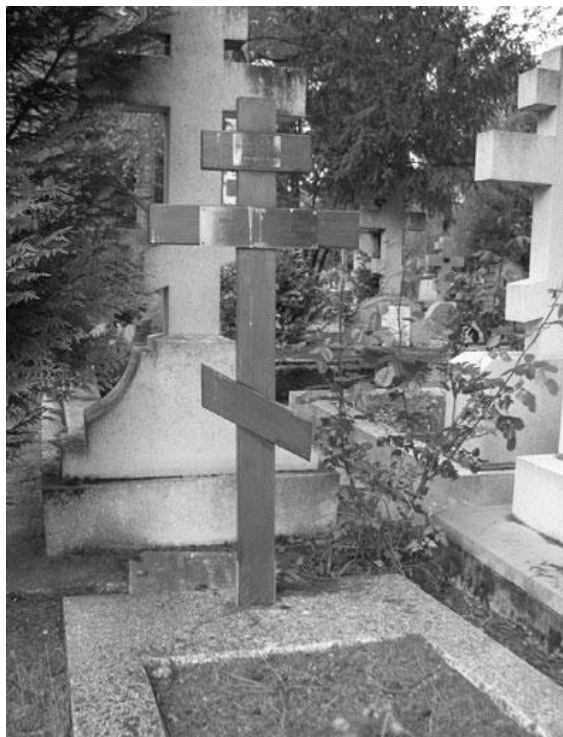
В конце апреля 2009 года мне впервые довелось побывать в Париже. Оставили машину на стоянке возле главных ныне ворот кладбища, где, как и у нас, шла бойкая торговля цветами, могильными памятниками и прочими неизменными атрибутами грустного дела.

¹⁴ Под этим же крестом похоронены мать Н. И. Яблоновской-Потресовой, Лидия Михайловна Давыдова, урожденная Мамич (1865–1943), и Наталия Ивановна Яблоновская-Потресова (1897–1978).

На могиле деда, 2009

Вход на старое кладбище – напротив храма в стиле древнего новгородского зодчества, выстроенного по проекту Бенуа. Здесь не столь многолюдно, группируются туристы. Русских не так и много, они удивленно ахают, читая на могильных крестах фамилии тех, кого, например, «проходили» в школе, – удивительное сплетение времен и памяти. В небольшой конторе при храме молодой вежливый служитель, с русой бородой, в очках и черной рясе, быстро нашел нужную могилу на главной аллее, справа, не доходя Галлиполийского памятника, напротив могилы Мстислава Добужинского. Все было так, как я видел на случайно полученной из Санкт-Петербурга фотографии, даже еловая шишка лежала в том же месте. Но, несмотря на стерильную ухоженность, которой отличаются все могилы в этом уникальном некрополе, чувствовалось, что с момента последнего погребения здесь не было никого из близких. Да и откуда им взяться?

Могила С. В. Яблоновского, Сен-Женевьев-де-Буа, 2009

Мы с попутчиком вернулись в цветочную палатку, на смеси европейских языков объяснили обаятельной француженке, что желаем посадить цветы на могилу моего grand-père, причем такие же, как те,

что растут в России, и чтобы цвели не один год. Мадам даже доверила инструмент – совочек! – и мы, прихватив привезенную для поминовения из России «Столичную», занялись благоустройством могилы.

Проходившие туристы с интересом и, похоже, с пониманием наблюдали за нашим трудом.

С. А. Долгополова «Как взрослые печальны...»

«От долгой с вами заочной жизни я от вас отвык. Поэтому в гости вас приглашаю дышать свежим воздухом и жить в саду. Но сердца моего с вами делить не буду», – так написал своим детям 84-летний дед Моисей за три года до смерти. Из двенадцати детей Агриппины Федоровны и Моисея Николаевича Макушкиных до зрелых лет дожили только трое: моя мама, ее сестра Анастасия и брат Алексей, вернувшийся с войны капитаном, пройдя в пехоте от Вязьмы до Берлина. Еще двое сыновей пропали без вести в первые месяцы войны. Остальные семеро умерли в отрочестве.

В сентябре 1947 года, после смерти моего отца, военного летчика, мама осталась с двумя детьми: моему брату Геннадию было десять лет, а мне еще не исполнилось и года. Из Кировабада, где в авиационном полку служил отец, мама переехала к родителям на Дон. Станция Чир, находящаяся рядом с Волго-Донским каналом, после войны стала обителью стариков, калек, вдов и детей. Сказать прямо, не самое лучшее место проживания для молодой женщины со стройными ногами, как у голливудских красавиц. Через несколько лет мама перебралась в Рыбинск, чтобы помочь брату, когда он после окончания техникума стал работать там на судостроительном заводе. А я осталась у бабушки с дедушкой.

Мои родители с братом Геннадием, 1940

Из детворы, кроме нас с братом, в доме деда жили мой двоюродный брат Жорка (его отец пропал без вести, а мама умерла), Люда и Толя, для которых тетя Настя стала приемной матерью, выйдя замуж за их овдовевшего отца. Нам не приходилось скучать, но все-таки это было всеобщее сиротство. В пятилетнем возрасте меня поражал печальный вид взрослых. Я даже помню, как через мое детское сознание проходят слова: «Как взрослые печальны, как взрослые печальны, наверное, у них что-то случилось». Потом кто-то из старших рассказал, что совсем недавно была большая война, что степи вокруг были покрыты мертвыми телами защитников и врагов, что их вынуждены были вместе стаскивать в балки, так как у оставшихся в живых не было сил хоронить их по отдельности. Было страшно. Но кроме того, меня почти никогда не покидал какой-то мистический страх. Мне не давал покоя вопрос: «Зачем люди живут?» До четырех лет я не говорила, не произнесла ни единого слова. Боялась, что если заговорю, то взрослые могут задать мне этот вопрос, а я не знала ответа. Спросить их самих тоже боялась: вдруг они сами этого не знают. Тогда все будут ввергнуты в смущение. Мама была уверена, что я останусь немой, но все-таки повезла меня к какому-то врачу в Сталинград. Врач, рассмеявшись, сказал: «Все будет в порядке».

Отец за две недели до смерти (шестой слева), Кировабад, 1947

Когда мне было четыре с половиной года, мы поехали в Сухуми к брату моей мамы, дяде Леше. Офицерские семьи жили в маленьких, барачного типа домиках на берегу горной речки. Там оказалась целая ватага детей, моих сверстников. Все они с утра до вечера были предоставлены сами себе и пребывали в каком-то оголтелом состоянии.

Глядя на них, я подумала: «Похоже на то, что их никто и не спрашивал, зачем живут люди». Взрослые предупредили детвору, что я не умею говорить и что ко мне нужно относиться бережно. В один из дней я увидела, как дети купают в реке маленького рыжего котенка. Несчастный громко кричал. Я бросилась к жене моего дяди:

– Тетя Вера, можно ли купать в реке котенка?

– Как? Ты говоришь? – удивилась она. Котенка у детей отняли, и они решили, что я притвора. С тех пор я стала говорить.

Когда мы, вернувшись, поднялись по ступенькам дедушкиного дома, я вновь приготовилась замолчать. Родственники сидели за столом в сумерках. От только что сваренного картофеля валил пар. Помните едоков картофеля Ван Гога? У меня внутри поднялся столб стыда до самого неба, а в голове появились слова: «Неужели я смогу скрыть от них, что на свете есть море, солнце и сочные груши?!» – и, переступив порог, сказала:

– Здравствуйте!

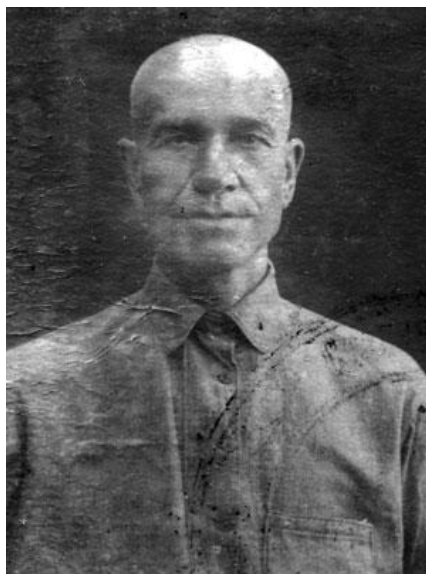
Однако вопрос о смысле жизни оставался для меня нерешенным. Когда я узнала от старшего брата о печальной судьбе поэта Маяковского и услышала его слова «И жизнь хороша, и жить хорошо!», то поспешила спросить у мамы: «Зачем же он тогда застрелился?»

Судьба поэтов волновала меня не единожды. В марте 1963 года я узнала из газет о встрече Хрущева с деятелями литературы и искусства. На уроке труда, проходившем в мастерской на школьном дворе, я высказала одноклассникам свою позицию: глава государства не может руководить работой поэтов и писателей, так как они – творцы, а для творчества нужна свобода. Мои слова случайно услышал директор. Он вызвал дедушку на ковер. Возвратившись домой, дед не сказал мне ни слова. Он предоставлял детям полную свободу развития.

Я (слева) с бабушкой и сестрой, 1948

Нам он рассказывал чаще всего о своем дореволюционном прошлом. Он также помнил рассказы своего деда, уходившие в глубь истории до 1840 года. В 1905 году донской казак Моисей Макушкин проходил действительную службу в Петербурге. Во время известных событий его, новобранца, оставили в казарме, но он видел, как казаки жестоко избивали беззащитных рабочих. Это до глубины души потрясло его: он потерял веру в Бога. Вернулся на родную землю другим человеком, с жадой справедливости и равенства для всех. Во время Гражданской войны двое из братьев Макушкиных оказались у белых, двое – у красных. В числе последних был и мой дед Моисей. Его двоюродный брат говорил бабушке: «Ну, Груня, поймаю Моисея – запорю у тебя на глазах». Когда было восстание казаков в станице Суворовская, деда схватили как помощника красного командира и посадили в тюрьму в станице Нижне-Чирская. Там он был помещен отдельно от остальных членов отряда и по ночам слышал, как их расстреливали. Потом его под конвоем отправили в Сальские степи к Мамонтову. Конвоирами оказались два его бывших однополчанина (по действительной службе). Давшие совместную присягу казаки на всю жизнь сохраняли особое родство, наверное, поэтому деду было сказано, что его отпускают на расстояние пятисот шагов, а потом будут стрелять. Деду удалось остаться в живых. В ту мартовскую ночь «вскрылась» река. Тетя запомнила, каким мокрым и обессиленным пришел в дом ее отец. Двоюродная сестра деда была замужем за атаманом. Благодаря этому обстоятельству бабушка раздобыла для себя пропуск, положила деда в телегу, накрыла соломой и повезла в Суровикино. Там стояли эшелоны Ворошилова. Так дед стал пулеметчиком на ворошиловском бронепоезде.

Моисей Николаевич Макушкин

Бабушку из-за того, что дед был у красных, хотели расстрелять. На нее указал один из казаков. Другой казак, дедов однополчанин, вступился: «Нет-нет, он ушел с нами, просто жена не знает, где он». Спустя годы деду сообщили имя того, кто хотел отправить бабушку на расстрел. Дед побелел и сказал: «Пойду его убью». Бабушка повисла на муже: «Моисей, было так много крови, я осталась жива, зачем же еще проливать кровь?!» Вскоре этот человек, чуть было не ставший жертвой возмездия, покинул родные места – боялся деда.

Конечно, дед не мог не замечать того ужаса и беззакония, которые творились вокруг после установления советской власти. Его борьба за справедливость, за устройство новой жизни обернулась страшной трагедией. Можно только представить, что он испытывал, когда началось «расказачивание», когда людей целыми семьями сталкивали в балки, не позволяя никому к ним подойти и даже бросить несчастным кусок хлеба. Тетя рассказывала, как со станции в вагонах, в которых раньше перевозили скот, отправляли казаков в Сибирь. Оттуда доносилась песня «Сторона ты моя, сторонushка...»

В 1937 году дедушка руководил элеватором. Его арестовали. Бабушка поехала разыскивать его в Сталинград. И снова, по странному стечению обстоятельств, на помощь пришел дедов бывший однополчанин по действительной службе, которого бабушка случайно встретила в городе. Он стоял во главе НКВД бывшего Царицына. Через какое-то время дед вернулся, но никогда никому не рассказывал, что с ним произошло. Взрослые также хранили тайны других людей. Например, только спустя годы, уже в Москве, моя престарелая тетя поведала мне историю про Саломатиху.

Дядя Леша, донской казак, 1947

Через двор от нашего большого деревянного куреня стояла мазанка, глиняное сооружение с камышовой крышей. Там жили две женщины. Одна из них, Саломатиха, работала на железной дороге, клала шпалы. Помню ее грубый голос и кулаки, как гири. Другая – Вера Васильевна, полная противоположность первой. Тонкокостная и элегантная, как я бы сказала теперь. Саломатиху я панически боялась и обходила стороной, особенно после ее «расправы» с нашими гусями. Дело в том, что соседи призывали Саломатиху, когда нужно было забить какую-нибудь домашнюю живность. Я, разумеется, не прикоснулась к мясу гусей, за лето ставших моими друзьями. В детстве я всегда удивлялась внешнему и внутреннему несходству этих двух женщин, которых принимала за сестер. Но тетя уже в Москве рассказала мне, что они вообще не состояли в родстве. Муж Саломатихи во время германской войны служил денщиком у командира полка, мужа Веры Васильевны. Потом они вместе добирались до Новочеркасска, чтобы примкнуть к белым. Командир полка оставил свою жену на попечении Саломатихи. Они надеялись в скором времени вернуться в прежнюю Россию. «Ты должна относиться к ней как к сестре», – наказал денщик своей жене. Мужчины ушли, и больше от них не было вестей. А Саломатиха и Вера Васильевна так и прожили вместе всю жизнь. Вера Васильевна занимала горницу, переднюю часть мазанки, где было много икон и куда приезжал священник тайно служить литургию. Во время этой службы многие причащались.

Подготовка к 1 мая в парке, 13 лет, 1960

Дед, повторю, утратил в молодости веру в Бога, а бабушка была очень набожна. В начале войны местные жители переправлялись через Дон на неоккупированные территории и эвакуировали технику, в том числе сельскохозяйственную. Бабушка рассказывала, что немцы бомбили переправу в Калаче, кругом гибли паромы, а она в это время непрестанно молилась.

Дед Моисей не раз корил бабушку за ее «нищелюбие». Действительно, в послевоенное время она как могла подкармливала и помогала всем, кто нуждался. Эта черта передалась и моей маме. Непростительным поступком с ее стороны, по словам деда, было отдать свое теплое синее пальто тетке, дедушкиной сестре. По стоимости пальто в то время приравнивалось чуть ли не к машине. Помогала мама и некоей Тане – банщице. У нее было трое детей. Муж во время войны пропал без вести, поэтому семья не получала «аттестат», то есть пенсию, и очень бедствовала. Когда я впервые от мамы услышала выражение «пропал без вести», я буквально захлебнулась от ужаса: не просто умереть, не просто погибнуть, а пропасть, да еще – без вести! А узнала я о жизни Тани-банщицы от мамы вот при каких обстоятельствах. Однажды утром я не увидела своей любимой шубки на гвоздике, где она обычно висела, и сказала маме:

– На гвоздике нет моей шубки.

– Прости, я не успела тебе сказать, что отдала ее детям Тани-банщицы, – ответила мама и сообщила мне историю их семьи.

– Скажи им, чтобы они любили эту шубку, – попросила я.

Позже, когда на том же гвоздике появилась маленькая вешалка с моим новым костюмчиком (кофточка горчичного цвета и юбка в желто-коричневую клетку), я стала готовить себя к неизбежному будущему: «Только бы не очень полюбить их, потому что скоро мама отдаст их Тане-банщице».

Вбитые в стену гвозди характеризуют весьма скудную обстановку дедовского дома. Несколько кроватей, столы, стулья. Во время войны, когда семья деда была в эвакуации, в доме жило мелкое немецкое командование. У них была ванна. После войны дед сделал из нее основной поливальный узел: набирал в нее холодной воды из колодца, она потом грелась на солнце и растекалась по земляным канавкам в грядки.

Но, несмотря на суровый быт, в доме умели веселиться: пели песни, плясали, шутили. У каждого был набор метких слов, прозвищ. Помню какую-то старушку с запрокинутой головой. Когда она появлялась на улице, дед Моисей шутил: «Опять прошла подлодка». Дедушка сохранял жизнелюбие и тогда, когда бабушка слегла в постель. Последние восемь лет жизни она не могла двигаться, так как у нее были сведены руки и ноги. Чтобы ее переложить, нужно было одному человеку брать ее под ноги, а другому – за спину.

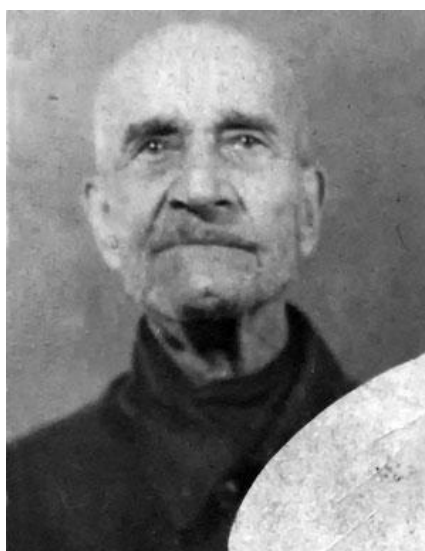

Дед Моисей, которому тогда было семьдесят с лишним лет, все эти годы подходил к ней каждые полтора часа, чтобы подбодрить, стереть со лба пот, подать лекарство, да и просто поговорить. Дедушка воспринимал это не как наказание или нагрузку, а как радостное служение жене. Дом всегда был полон детьми: внуками и их многочисленными друзьями, которые порой приходили только для того, чтобы посмотреть, как дед Моисей заботится об Агриппине Федоровне. В детских глазах читалась какая-то глубокая нескрываемая почтительность.

Семь лет работы в музее-усадьбе Мураново, 1978

Сердечная потребность любить не оставляла дедушку и после ухода жены. Всю свою любовь он перенес на меня. Учась в институте, я всегда приезжала к деду на каникулы. Через два дня после приезда он говорил мне: «Сядь, посиди со мной. Начну с этой минуты с тобой прощаться. Иначе после твоего отъезда у меня разорвется сердце».

Дед Моисей в последние годы жизни

В 1990 году мне посчастливилось побывать в Париже и познакомиться с эмигрантами первой волны. Среди них был «дроздовец», образованнейший Владимир Иванович Лабунский. Работая таксистом, он собрал огромную библиотеку эмигрантских изданий. Стены его небольшой двухкомнатной квартиры были

увешаны фотографиями соотечественников, прошедших Гражданскую войну. Самым большим был портрет А. В. Колчака. Среди прочих раритетов – шашка. Я спросила:

– Владимир Иванович, а за что вы воевали?

Он посмотрел на меня с недоумением:

– Как за что?! За Учредительное собрание!

И тут я с предельной остротой почувствовала всю драматичность их судеб – Лабунского и моего деда Моисея, всю бессмысленность и слепоту Гражданской войны. На миг в окнах парижской квартиры показались жалкие мазанки, среди которых прошло мое детство, и выжженная солнцем степь. «Как взрослые печальны, как взрослые печальны, наверное, у них что-то случилось...»

Т. Л. Жданова От любви до ненависти...

*Написано рукой Гуго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им
держатъ все сие в тайне от сестры их, Элизабет.*

Конан Дойл «Собака Баскервиль»

Если рассказывать о нашей семье, то надо начинать, конечно, с дедушки Льва Григорьевича Жданова, потому что все равно до него мы ни о ком из нашей родни практически не знаем. Кроме того, мы почти все носим фамилию, которую он взял как псевдоним, а потом уже сделал своей и нашей. Когда это произошло, точно не скажу, но отец говорил, что дед некоторое время издавал книги под именем Л. Г. Гельмана-Жданова, а потом постепенно его настоящая фамилия перестала упоминаться, и урожденный Леон Герман Гельман, сын еврея, служившего в театре суфлером, а может быть, и актером, превратился в известного русского писателя Льва Григорьевича Жданова.

Насколько я знаю, его семья вообще была театральной. В природе существовала не то дедова бабка, не то дедова тетка, бывшая то ли актрисой, то ли балериной, которая дожила до девяноста с лишним лет. Сам дед дожил тоже до весьма преклонного возраста, причем, по разным сведениям, указанным в картотеке Российской государственной библиотеки, ему могло быть на момент смерти от 88 до 96 лет. Медицинское свидетельство говорит о возрасте 88 лет, и, по-видимому, на этом надо и остановиться.

Лев Григорьевич в юности

Кстати, я помню, как пришло известие о его смерти. Мне было тогда четыре года, и я жила с дедом Мишей и мамой Женей (так я называла дедушку и бабушку со стороны матери) в Сокольниках. Мать с очередным мужем уехала жить в Алма-Ату, а отец, он практически с нами не жил никогда, перебрался к своей старшей сестре Татьяне Львовне, в честь которой меня и назвали. Мы с мамой Женей стояли на остановке и ждали трамвая, когда к нам подошла наша почтальонша тетя Вера, которую я помнила, можно сказать, с рождения, и спросила, как ей найти Льва Львовича Жданова: у нее телеграмма, где сообщается о смерти его отца. При имени ненавистного зятя, которого она до известной степени справедливо считала гнусным соблазнителем своей юной дочери, мама Женя сразу напряглась, но затем, поняв, что дело

нешуточное, сказала тете Вере, чтобы она зря времени не теряла: Жданов здесь сейчас не живет и передавать телеграмму некому. Не помню, сообщила ли она об этой телеграмме и как отец узнал о смерти деда. Тем не менее у меня сохранилось смутное воспоминание, как я увидела дедушку. Помню летний день, аллею в парке, белую садовую скамейку. Я стою на этой скамейке, папа сидит рядом и говорит мне, что вот сейчас мы пойдем к дедушке, причем он явно меня уговаривает. Потом он берет меня на руки и несет по аллее, вносит в какую-то узкую и темноватую комнату. Навстречу нам, из глубины этой комнаты, на нас идет дед – маленький старик с большой белой бородой. От страха я заливаюсь мерзким ревом, и отец поспешно выносит меня из комнаты.

Все. Больше ничего не помню.

Но есть один-два документа, опираясь на них можно представить себе общую хронологию жизни деда и чуть-чуть ощутить атмосферу, в которой он существовал. Во-первых, у меня есть краткая автобиография деда, ее передал мне Дмитрий Храбровицкий, а во-вторых, сохранилось любопытное письмо, написанное деду его отцом, которое брат Лева (известный переводчик Лев Львович Жданов) разобрал и напечатал на машинке, за что ему большое спасибо.

«Умань, 10. X. 1896 года

“Гора родила мышь!”

Читал, перечитывал и снова читал твое последнее письмо. Откладывал и на другой, и на третий день то же самое. Прочитав его первый раз, я от злости и негодования почувствовал, что на меня нашел столбняк – я оступел, но размышлял спустя немного и спрашивал себя: говорит ли во мне злоба за высказанную правду или все это подтасовка явлений в моей несчастной жизни. Винить ли я должен себя окончательно и признать себя бесчеловечным извергом, какого не знало человечество, и тем оправдать тебя, что я создал такого же по образу и подобию своему, или же допустить, что в тебя перелился естественным путем дух матери, а не мой. Подумав еще и еще, я своим умишком, вынесенным из кабаков и вертепов разврата, порешил, что и ты не виноват, но что дух твой и все проявления твои наследственный продукт от матери. Но ввиду того, что ты сам желаешь и даже внушаешь это желание всему окружающему тебя миру считать себя нечто вроде Спинозы или Канта, я хотя с ними не сравнивал, но считал себя способным критически правдиво относиться к самому себе, сознать как свои достоинства, так и свои недостатки, на поверке же выходит, что ты непогрешим от начала сознания самого себя и по сию пору, но, кроме того, ты представляешь собою олицетворенную добродетель. И с того момента, когда я пристально всмотрелся в деяния и в душу твою, я ужаснулся, но всегда раньше винил себя, но, когда ты уже мужем стал, не юношей, я начал страшиться за тебя и ждал плохих результатов в твоих отношениях к себе. Теперь я вкратце тебе представлю как в зеркале твою прошлую, начиная от 8-летнего возраста, жизнь и до сих пор, равно как и то, что я по долгу обязан был и сделал для тебя. Ставя себя в положение полуграмотного простого еврейчика, оставшегося 18-летним без отца и матери, без капитала, без достаточных знаний и без профессии. Я не поступаю в пшеничную контору, не делаюсь гешефтмахером, женюсь на бедной танцовщице-еврейке, сам становлюсь суфлером, она делается актрисой, затем переворот в семейной жизни, и я остаюсь с тремя. Раньше, после твоего рождения, моя жена-актриса любит больше сцену, аплодисменты, чем своих детей, она их оставляет на меня, я их нянчу, кормлю. Далее каждому из них я сам учитель, учу их грамоте первоначальной. Но бедняк я, нищий, на большее не способен. В 8 лет я со слезами умоляю в Каменец-Подольске учителей, чтобы против правил приняли моего сына. Я лелею надежду, что мой сын будет учиться, кончит курс и будет нам опорой. Настигает новое бедствие в семействе, я остаюсь с одним сыном в Хотине, других забрали и онесчастливили. Я своего сдаю в училище, сам служу даром, только взятками поневоле приходилось жить, потому что служба такая в полиции и еще того времени. Я нанимаю сыну квартиру в семье, он бьет там всех детей, скандалит, и я чуть ли не каждый день должен искать ему квартиру. Далее, еду в Одессу, сдаю его снова в гимназию, оттуда в Херсонскую, здесь два раза со слезами я выпрашиваю оставить его, не исключать, обещая, что он

исправится. Я уезжаю. Сын постарался быть исключенным и приезжает ко мне в Николаев, обещает приготовиться и поступить в Николаеве, но обманывает меня, не готовится, не идет на экзамен и говорит мне, что держал и обрезался. Тут же он находит любовь, заводит роман, жаждет сделаться актером и мнит, что он писатель. Вижу, дело плохо. Я делаюсь извергом. Зная, что знаниями 4-го класса можно уже жить уроками, ибо брат мой со 2-го кл. уже давал уроки и кормил мать. Виню себя в том, что однажды сказал ему: вот у меня столько-то денег – на тебе половину, или ты уезжай в Одессу, я останусь здесь, или я уеду в Одессу. Это делалось для того, чтобы дать первый толчок к самостоятельной жизни. Правда, я сознавал, что я бессилён кормить 16-летнего юношу, тем более что сам с трудом жил, но пятаков к ногам не бросал, а давал что мог, сберегая остальное на черный день. Я всегда гнул спину над тяжелой работой переписчика. Шулерством никогда не занимался, бывал при играх, и часто, но сам не играл. Если играл, то в очень редких, исключительных случаях. Если при безделии бывал в местах, где собирались актеры, то потому, что был одинок, жизнь была разбита, а затем была цель найти кровлю при театре. Тебе это было непонятно. Несчастный случай был, его помнит Володя. Ты, будучи в Хотине 9 лет, на фортушке проигрывался до того, что я тайком просил в случае проигрыша твоего, чтобы сняли с тебя пальто и только этим тебя отучили от игры. Я хотя и водил тебя с собою для твоего развития в лото, но всегда тебе внушал, что играть не должно, и водил-то тебя для того, чтобы ты видел всю эту гадость, и быть может, потому-то и не играешь. Пить и курить не позволял и оберегал, потому что был всегда со мною. В Одессе ты уже служил на сцене, потому что еще маленьким был приучен к сцене. Суфлировать я тебя научил и дал первую возможность в Херсоне и Богоявленске приучиться к суфлерству. Роли я показал тебе, как писать, и приучил к усидчивому труду, держа с тобою будто бы пари, кто больше и кто скорее напишет. В конце концов что ты из себя сделал, как не суфлера. Писательство еще когда даст тебе плоды, а суфлерством ты жил более десяти лет. Начал ли ты по собственному почину кому-нибудь помогать, пока я в 92 году стал тебе писать, когда служил у Парадиза, что пора тебе прийти на помощь братьям. Но до этого тебе никогда в голову не пришло, что по долгу и по человечеству должен был сделать. Ты в 32 года не женат и был жестоко лишен женской ласки?! Опять-таки я тебя не виню, но правду тебе сказать я должен. Кто-то сказал: “должен же человек куда-нибудь пойти” или “нужно же, чтобы человеку было куда пойти”, не помню хорошенько, но помню, что это изречение у Достоевского. Вот ты не пьешь, не куришь, не играешь, пишешь рифмы не из призвания к ним, а к Беатриче, отысканной в 15 лет, затем сцена, которая давала очень большой простор в этом отношении, в особенности после разочарований в своих надеждах на свою Беатриче. Тут начинается целый ряд и бесконечный лабиринт любовных связей во всех городах почти, где ты бывал. Но решительного шага ты почему не делал. То кто же этому виноват? Я ли, что все это знал и, глупец, никогда не позволял себе даже намека сделать, что я все это знаю, или ты, что устраивал для себя все это и мнил, что это такая тайна, что ее никто в мире не знает. Но дело не в том, что знал бы кто или нет, а в том, что так наивно уверять, что ты был лишен даже женской ласки из-за нас. Когда же это раньше 92 года ты стал заботиться о нас? Что же касается того, что тебе, как ты говоришь, очень трудно доставались эти средства, которые ты уделял нам, на это, во-первых, можно только сказать, что не следовало делать таких невероятных жертв. Мне, по крайней мере, чувствовалось бы легче, не получая ничего, чем получать за цену упреков. Хотя, насколько мне помнится, что, начиная со службы у Парадиза, потом Кушнareвым и Новиковым в Москве заканчивая, как сам ты мне писал и мне помимо тебя было известно, – тебе вовсе не так трудно было делать эти пожертвования в пользу нас, если верить словам Егора, который был свидетелем в Москве тому, что расходы твои в Москве на одни конфеты, игрушки и т. п. мелочи можно было содержать безбедно 10 несчастных голодных людей. Он возмущен был до мозга костей, видя себя в семье, где за него платили за стол и квартиру 25 р., тогда как он, если бы за свой труд получал на руки эти деньги, жил бы себе отдельно, мог бы еще иметь сбережение от этих денег. Но он говорит, что ты явно и на каждом шагу проявлял себя так, чтобы он чувствовал, что благодетельствуем тобою. Кроме

того, он говорил, что его возмущало и то, что в каждую данную удобную минуту в его присутствии всегда то и дело говорил о том, что содержишь всю семью, высчитывая каждого отдельно, и, приехав из Белой Церкви в Москву, он тотчас мне все это сообщил. <...> Затем не терял и не теряю надежды, что все-таки найду дело и сумею еще расплатиться с тобою. Эта мысль меня никогда не оставляла и не оставляет. Если ты во время праздников и Масленицы бывая у меня, застал чужих гостей и я, пожалуй, выпивал с ними 2–3 рюмки водки, которые не только не вредили, а полезны были для поддержки сил и пищеварения, в особенности при той пище, которой я питался, то еще из этого не следует, что мое поведение так позорно было, что я должен стыдиться. Стыдно должно быть тебе, если б ты мог и желал оглянуться и посмотреть на себя. Я не был способен что лучшее из себя создать, но ты мог и ничего не сделал. В конце концов упрекаешь, что я в Москве не заработал 20 коп. Но ведь я хотел брать у Рассохина и других работу, но ты говорил, что платят там дешево, и давал мне свою работу, которую я всегда работал к спеху, что 20 раз больше утомляло меня, больного, но я ни слова тебе не говорил, а напротив, ты претендовал, что не успеваю, забывая, что мне уже 58 лет, что я не могу уже так шибко работать, как бывало. Неужели уже таки ты на самом деле мечтаешь, что я без тебя, т. е. без твоей помощи, не проживу. Зазнался ты слишком. Отныне прошу тебя все средства свои сохранять для своих детей, а я уж проживу как-нибудь, если не на свой трудовой грош, то общество позаботится. Тебе спасибо за все! Материальных вожделений от тебя никогда не искал, а напротив, было время, когда я и стыдился, и страшился этого, и отказывался. Я всегда искал в тебе того, что у тебя для меня нет, как ты говоришь, а этого нет, то нечего мне и доискиваться, все для меня погибло. Ничего мне от тебя не нужно. Чем я лучше старика Моор? Кажется, что я не лучше его. Франца сетования и недовольство отцом были другие, а твои другие. Старик Моор все-таки остался отцом своему Францу, а последний остался тем же безобразным нравственным калекою. Прошу тебя больше не страдать и не устраивать себе мук. <...>

Далее опускаю несколько страниц обвинительно-оправдательного текста.

«Я согласен с твоим мнением, что я бесполезный, негодяй, тупоумный, похотливый, недостойн иметь право носить звание твоего отца. Мое имя только позорит тебя. Что же – отрекись, я, поверь, преследовать тебя не буду. Одного только я не могу себя лишить, это сознания, что ты мой сын, а если желаешь и это отнять у меня, ты можешь, я препятствовать не буду. Мое же чувство родительское, хотя усугубленное, униженное, развенчанное, все-таки останется. Этого ты уничтожить не сможешь. После этого письма твоего, которое я возьму с собой даже в могилу, я сознаю, что между нами должно быть все кончено. Исключая разве воспоминаний, что у меня был старший сын, а у тебя – что был когда-то у тебя отец и только. Отныне я себя лишаю права нарушать твой покой чем бы то ни было. Никаких требований, никаких претензий, как и до сих пор. Ты же поступай, как твоя новая философия поддиктует.

Одно я тебя только на прощание попрошу, если только желаешь и можешь, старайся всеми силами найти Володе труд самостоятельный, независимый от тебя, тогда и я скажу, что ты что-то сделал для него. <...> Ты пишешь... Довольно! Всего сразу не перескажешь. Скажу только, что заботу и попечение обо мне при условиях моего исправления какого и каких-то условий, какие были у тебя с Егором в переписке из Белой Церкви, я не желаю и вообще ничего не хочу. Спасибо тебе за то, что ты уже сделал. Мы квиты, ты оплатил мне в равной мере. Ты исполнил свой долг.

Прощай, пока ты еще не лишил меня звания своего отца – все же твой отец.

20 ноября 1896 г.

Григорий Евсеевич Гельман».

Какие же выводы можно сделать, прочитав это знаменательное письмо, написанное моим прадедушкой? Прежде всего, становится ясно, что оно написано человеком, не слишком образованным, но

пообтершимся в театральном кругу. (Брат Лева сохранил орфографию и синтаксис оригинала, когда перепечатывал это письмо, и я тоже ничего не изменила.) Все эти ссылки на героев Шиллера, все пафосные заявления, все драматические перепады повествования сильно смахивают на монолог какого-нибудь персонажа из трагедии или драмы, автор которой не совсем в ладах с нормами русского языка. С другой стороны, буквально в каждом слове трепещет живое чувство обиды и оскорбления, и у меня это письмо вызывает искреннее сочувствие к прадедушке Григорию Евсеевичу. Мне кажется, из этого письма видно, что он человек добрый, чадолюбивый, общительный, не жадный, но не очень везучий и безалаберный, а также что он любитель выпить и побегать за юбками. Он обижен и оскорблен словами и поступками своего старшего сына Льва, на него он возлагал большие надежды и считал, что все отрицательные черты характера тот получил исключительно от своей матери, а вовсе не от него самого. Он не верит в успех сына на литературном поприще и полагает, что тому не следует гоняться за журавлем в небе, а надо крепко держать синицу в руках, то есть оставаться суфлером, жить при театре и иметь твердый заработок. Видно, как их отношения дошли до точки кипения и терпение родителя по отношению к дорогому сыночку совершенно истощилось.

Но я также верю, что упреки в письме Льва Григорьевича (которого у нас нет) в отношении своего отца скорее всего достаточно справедливы. Думаю, оба наших дорогих предка были хорошими подарками в жизни, каждый в своем роде, и один другого вполне стоил. Но если бы мне предоставили право решать, кто из них симпатичнее, я бы, наверное, все же выбрала прадедушку.

Что же касается непосредственно фактов их жизни, то здесь тоже можно кое-что для себя прояснить. Прежде всего можно вычислить возраст Григория Евсеевича. Письмо написано в 1896 году, где он упоминает, что ему пятьдесят восемь лет, стало быть, он родился в 1838 году или даже в самом конце 1837-го. Таким образом, он был лет на девять-десять моложе Льва Николаевича Толстого и теоретически мог даже видеть Лермонтова или Гоголя. Прадедушка пишет, что в восемнадцать лет он остался сиротой и из всех своих родственников упоминает только брата Осипа. Были ли у него другие братья или сестры?

По тем же подсчетам получается: его старший сын Лев родился, когда ему самому было лет двадцать пять. Можно предположить, что прадедушка женился приблизительно за год до этого события и та самая легендарная балерина или актриса, имевшая псевдоним Жданова, была его законной супругой. Вероятно, именно она дожила чуть ли не до столетнего возраста и передала через своего сына нам свой псевдоним в качестве фамилии.

Мария Ивановна Жданова, жена Льва Григорьевича, середина 1910-х годов

Из письма явствует, что у прадедушки было три сына: Лев, Владимир и Егор. Думаю, полное имя Егора – Григорий. Прадед упоминает города Хотин, Херсон, Белую Церковь, Николаев, Одессу, а сам он пишет из Умани. Все эти города ныне находятся на территории Украины. Если дед родился в Киеве, то, видимо, его отец и вся их семья до поры до времени колесили по югу России, вероятно, вместе с тем театром, где служили прадедушка и прабабушка. Ясно, что никакого своего дома у них не было, и вполне возможно, что у деда с детства сохранилась привычка к кочевой жизни, частым переездам с квартиры на квартиру,

словом, отсутствовала привязанность к какому-либо месту на земле. Позже их заносило и в Москву, но ненадолго.

Приблизительно в 1870 году, когда прадеду было около тридцати трех лет, от него сбежала жена. (Подобная история произошла и с дедушкой!) Из письма ясно: прадедусшке пришлось поработать в полиции за взятки. Кем?

Из взаимных попреков деда и прадеда можно понять, что дед считал отца никчемным пьяницей и старым развратником, а прадед считал сына жестокосердным и мстительным типом, драчуном, игроком и бессовестным бабником. Все эти характеристики вполне соответствуют тем, которые мне приходилось слышать от моего отца и тетюшек в адрес их дорогого родителя, поэтому можно считать их вполне справедливыми.

Я могу сделать одно предположение (но только предположение). Когда мой папа говорил, что еврейская община отвернулась от деда после того, как он женился на православной и переменял веру, то, возможно, он ошибался, и разрыв произошел раньше, после окончательной ссоры деда с прадедом. Приходилось ли им общаться после этого? Когда и где умерли прадедусшка и прабабушка? Мы этого не знаем. Во всяком случае, я очень рада, что у нас есть такой замечательный документ, как это письмо, и я благодарна брату Леве за то, что он не поленился разобрать его и перепечатать.

На оборотной стороне последней страницы письма дедовой рукой написано: «В ответ на это письмо послал почтовых расписок и проч. Всего на 1000 р., начиная с 88 года. (Матери деньги посылались особо.) 5/X 96».

А еще есть небольшое письмо, написанное дедом бабушке, по-видимому, еще до свадьбы, и письмо к бабушке, написанное ее сестрой в тот момент, когда у бабушки с дедом было уже пятеро детей и она не чаяла, как с ним расстаться.

Письмо деда:

«Четверг 10-го. (+10=20) Сейчас восполучил твоих 2 письма: от 6 апреля, заказное, и от 8 апреля, где ты пишешь о Викторе. Милая, дорогая моя, лютик мой, Чутанька! Я так жестоко наказан за свою глупость, что ты и представить себе не можешь. Я наказан тем, что мог огорчить тебя. Но этому есть оправдание. Ты стоишь и любви и поклонения. А я? За что меня любить? Надо быть очень доброй, нежной и “глупой”, чтобы питать ко мне нежные чувства. И вот, сознавая это, я иногда и сумасшедствую. Но за твои слова о притворстве я тебя тоже больно накажу при свидании, птичка моя... Просто, знаешь, как детей наказывают: отшлепаю больно-больно!.. Как можно приписать мне подобное предположение по отношению к тебе?.. Да я бы за твою чистую и искреннюю душу и кровь капля по капле отдал! Верь! А как я уже говорил: я считаю тебя слишком невинной, чистой и белоснежной, чтобы понимать ту земную любовь, какая существует между мужем и женой. Ну, да Бог с ним! До 20-го еще 10 дней! Что со мной будет!!! Чута, люблю, люблю! Мари на ее деловое письмо я ответил давно, верно, она уже получила его. Письма от 2 апреля, заказного, мне не доставили. Но оно не пропадет. Я его нынче же разыщу! Володя лечится. Около 16-го числа, доктор сказал, т. е. через неделю, – можно будет сказать: пустит ли он его в Нижний. Если нет, то я оставлю его у Чарского, где ему будет очень хорошо. Котю мы оба целуем. Всей семье шлем сердечный привет.

От пастора бумагу я получу только 15-го утром. Числа 16-го или не позже 17-го батюшка сможет ее получить. Раньше никак нельзя. Здесь меня будут оглашать, а это произойти может только на Пасхе, т. е. 13-го и 14-го. Писать тебе буду каждый-каждый день... Ох, как у меня сердце сжимается при мысли, что я тебя огорчил!! Не буду, не буду! Никогда больше не буду. Насчет артистов ты верно писала. Дело улаживается. Да, ведь это неизбежно для всех авторов, не только для меня, начинающего новичка, да еще – сослуживца. Каждый думает: “Вот дураку счастье! Отчего это я не написал и не ставлю пьесы?..” Ведь люди очень слабодушны... Чужая удача редко радует кого. Ну да Бог с ними. А мое божество – скоро ли оно будет со мной? Ты теперь причащалась, значит, совсем чиста и безгрешна... Я даже боюсь мысленно обнять тебя крепко, чтобы корсет хрустнул, и расцеловать до безумия. Ну так и быть: с твоего позволения: раз, два... и так до бесконечности!.. Виктор-дурак ревнует, я думаю. Спроси Катюку – она

скажет. Подшиваловой что за печаль – я уж не понимаю! Ну да чер... Бог с ними! Чуть было не выругался! Целую, целую, целую! Люблю. Как – увидишь скоро. Твой на всю жизнь.

Львенок».

Вот чистейший образец ждановского мужского стиля. Дорогой дедушка прямо-таки тает от любви (читай, желания), сентиментальничает и лжет в каждом слове, при этом явно косит под Льва Толстого (это насчет бабушкиной неземной чистоты и своей собственной незначительности). Бедная бабушка! Ведь почти любая девушка растаяла бы, получив накануне свадьбы такое письмо с бесконечными просьбами о прощении, признаниями в любви и кучей восклицательных знаков. И ведь почти все наврал: и обижал, и оскорблял, и, возможно, разлюбил, и до бегства из дома довел. Почему-то мне кажется, что похожее письмо могли бы написать и мой отец, и брат Лева, и оба его сына, Алексей и Лев, и даже его внук Боря. Что-то есть в них во всех общее.

Бабушка Мария Ивановна

Фигура бабушки Марии Ивановны мне представляется почему-то более интересной и загадочной. Конечно, о ней мы тоже слишком мало знаем. Она умерла за три года до рождения брата Левы и за двадцать шесть лет до моего рождения – в 1921 году в Нижнем Новгороде, от тифа. Все три ее дочери захлеб говорили об ее красоте, доброте, умелых руках, таланте, способностях, любви к ним – ее детям. И я часто думаю, как же сумел ее измучить дорогой дедушка, что она бросила пятерых детей (младшим-близнецам было по пять лет), чтобы пойти на фронт работать в госпитале – другого способа уйти у нее, вероятно, не было. Все, что я знаю о бабушке, можно перечислить в нескольких словах. Ее звали Мария Ивановна Клокова. Она была дочерью военного, родом с Волги. Ее дядя, брат отца, был речным капитаном. У нее была родная сестра, которую тоже звали Марией, потому что в момент рождения сестры, которая была моложе ее всего-то, кажется, на год, бабушка умирала и должна была скончаться, но выжила чудом, поэтому ее семейное прозвище было Чута (от слова «чудо»). Однако в этот краткий период борьбы за жизнь отчаявшиеся родители назвали новорожденную девочку Марией, пытались сохранить в семье это имя, так и получились у них две Маши. Потом они удочерили еще одну девочку, судя по фотографиям, похожую на обеих Маш, которую почему-то называли Севкой. Наверное, у них были еще и братья и сестры, но я ничего, к сожалению, об этом не знаю. Бабушка была намного моложе деда и выходила замуж совсем молоденькой. Как они познакомились, я не знаю, но у меня осталось впечатление, будто бы она пришла к нему со своими литературными опытами, а может быть, это всего лишь легенда. Во всяком случае, у меня есть какие-то ее девичьи писания, жалко, не дневник.

С отцом, 1951

Слева направо: Тамара, Елена, Лев, Лев Григорьевич, Игорь, Татьяна

Тетуска Елена Львовна рассказывала, что бабушка писала стихи, детские сказки, пела, играла на гитаре, рисовала и вырезала чудесные фигурки из бумаги. Помимо этого, она пекла необыкновенно вкусные куличи и делала пасхи из творога, как-то по-особому раскрашивала пасхальные яйца, хотя вообще заниматься хозяйством в доме не любила, ей это было неинтересно. Бабушка еще умела хорошо шить, обшивала всех детей, от нижнего белья до пальтишек, при этом сама придумывала фасоны, и мне кажется, в этом во всем тоже проявлялось что-то театральное – любовь к празднику, неординарности существования. Бабушка была невысокой, но стройной женщиной с большими карими глазами «под соболиными бровями». Отец рассказывал, когда в Царском Селе она выходила с ним и братом, двумя малышами, погулять, кавалергарды или уланы сажали их перед собой на лошадь и немножко катали, что было поводом пофлиртовать с их хорошенькой мамой. Дед ревновал и устраивал жуткие сцены, а иногда попросту бил. Тинечка и тетечка рассказывали, что дед при всем своем хилом росте отличался необыкновенной силой, еще в молодости он работал грузчиком в порту. При этом дорогой дедушка сам себе ни в каких жизненных удовольствиях не отказывал: мало того что у него было множество любовниц, скорее всего в литературных и театральных кругах, в доме постоянно менялись бонны и гувернантки, которые не могли отказать в женском внимании обаятельному хозяину дома, а бабушка должна была все это терпеть. Мне кажется, это пресловутое ждановское обаяние передалось исключительно мужским членам нашей семьи. От бабушки же нам всем достались ее замечательные карие глаза с длинными черными ресницами и темные брови выразительного рисунка – всем сестрам по серьгам. На деда больше всех была похожа тетечка Елена Львовна, но говорить ей об этом было нельзя, она сильно расстраивалась. Теперь я хочу привести письмо бабушки, единственное сохранившееся у нас, адресованное мужу из Вятки:

«27 августа.

Не стыдно тебе рыжая ты крыса писать наказы да приказы разные что я ребенок малый что-ли? Или дети то на твоём попечении выросли? Успокойся и не глупи больше... на Аляске мы уже были и дети остались целы побывали и на ярмарке и у мамы на могилке. Наняла девушку. Девушка попалась смирная, хорошая с детьми ласковая. Тамарка все хнычет – думаю, что зуб выйдет скоро. Татьяна много ест и все толстеет только, Тусинька поправляется. Посылаю тебе деньги. Маня очень хлопотала и взяла у Васи из подотчетных.

Я здорова и дети все наши тоже. Котя не перешла из-за местоимения. Целуем тебя. Маня и Вася кланяются

Чута.

Пиши чаще и подробнее г. Вятка – 3 сент. 1905».

Письмо, конечно, маленькое, но из него можно понять, что на какой-то период бабушка осталась одна с тремя девочками (сыновья еще не родились). Тамаре Львовне нет еще и года, Тинечке семь лет, Елене Львовне – четыре. Видимо, дед нуждался в деньгах, и насколько я понимаю, сестра бабушки и ее муж раздобыли эти деньги. Все письмо, видимо, написано в спешке, почти без знаков препинания, прямо как телеграмма. Впервые узнаю из этого письма, что Елену в семье называли Тусинька.

Тетечка в свое время рассказывала мне, как еще до рождения братьев-близнецов они ехали с мамой в поезде и как мама предупредила их, чтобы они сделали вид, будто не узнают своего отца и даже вовсе с ним незнакомы, когда он войдет в купе и сядет напротив них. Дело в том, что дед одно время придерживался весьма либеральных (не революционных) взглядов и издавал журнал «Былое и грядущее», из-за которого за ним охотилась охранка. Кажется, он даже некоторое время сидел в тюрьме, после чего перестал издавать сомнительные журналы, а начал писать вполне верноподданнические романы. У меня есть мечта добраться хотя бы до одного номера «Былого и грядущего» и посмотреть, был ли он на самом деле таким крамольным.

А вот письмо, написанное сестрой бабушки уже в тот момент, когда та пыталась уйти от деда.

«Милая Чута!

Сейчас получила твою открытку. Думаю если уже приходили из полиции, то этим не ограничатся, так это дело не оставят потребуют еще. Не падай духом для тебя нет ничего страшного. Он только грозит. Все дело в том ему хочется детей оставить себе поэтому он и изощряется на все выдумки, он прекрасно знает что в случае развода мальчиков у него отберут. Хлопочи паспорт, деньги на дорогу я немедленно вышлю, вообще есть ли у тебя на расходы и сколько надо и как выслать деньги на кого, мы с тобой не чужие, да и до стеснения ли тут, – все это пустяки только бы тебя выручить мне и взять к себе у меня все сердце изболелось что ты бедная одна здесь. <...> Будь здорова. Целую детей.

Твоя М.

4 декабря 1913 г.»

Это письмо также написано без соблюдения правил синтаксиса и орфографии, что косвенно свидетельствует о близости и солидарности обеих Марий. Не совсем понятно, где в это время жила бабушка – в Петербурге ли, в Царском ли Селе или где-то еще. Ясно одно: она пыталась развестись с дедом, уйти от него и забрать детей. Однако до революции это было непросто: дед не давал ей паспорта и мог вернуть ее к себе при помощи полиции. Вот и пришлось бабушке дожидаться начала Первой мировой войны (это письмо написано за восемь месяцев до ее начала), чтобы уйти от деда на войну, откуда отзывать никого уже не имели права. Насколько я знаю, она сначала уехала к сестре в Нижний, видимо, туда дед отпустил ее без детей, а потом – уже на фронт. Насколько все пятеро детей обожали маму, настолько же они боялись и ненавидели отца, особенно дочери. Старшим от него доставалось больше остальных: и Тинечка и тетушка рассказывали, как он их бил, плевал им в лицо, издевался над ними, обзывал неприличными словами, а потом совал свою руку для поцелуя. Он кричал, что они – гири на его ногах,

проклинал их. Когда бабушка ушла на Первую мировую войну, девочки остались совсем без присмотра. Тетя рассказывала, что в гимназию они ходили грязными, оборванными, обовшивевшими – это после маминых-то забот. Все письма и подарки, которые она им присылала, дед рвал и выбрасывал – считал себя сильно оскорбленным поведением жены, прямо как новоявленный мистер Домби, и вообще любил разыгрывать из себя Льва Толстого. Нельзя сказать, чтобы он не любил своих детей, но вел себя как деспот и считал, что все должны подчиняться ему, повиноваться его взгляду, не то что слову, не мешать ему жить как хочется, а дышать тогда, когда он разрешит или прикажет. Тинечка рассказывала мне, что она так его ненавидела, что однажды кралась вслед за ним по дому с ножом в руке и думала, ударить его или не ударить. Бог уберег. Но как только дочери достигли определенного возраста, они все тут же убежали из дому в соответствии со своим характером и темпераментом. Тинечка первой ушла на Гражданскую войну вместе с красными (кажется, вслед за своим возлюбленным). Елена поступила на работу в детский сад в Ливадии, а Тамара выскочила замуж. Отец и Игорь оставались жить вместе с дедом, и, хотя он был к ним чуточку снисходительнее, чем к старшим дочерям, все равно им приходилось несладко.

Ишка и Лелька в Одессе

У деда в общем-то никогда не было собственного дома, семья обычно снимала дом или квартиру, преимущественно в Царском Селе, а на лето уезжала в Крым. Перед началом Первой мировой войны, разразившейся как раз летом, они и были в Крыму, завязли там, а потом немцы отрезали Юг России, и уже ни в какой Петроград или Царское Село они вернуться не могли. Вот и жили они на дачах или в домах разных писателей – знакомых деда. Я знаю, что они жили на даче у Даля, а потом в доме Новикова, директора Чеховского театра в Ялте. Отец показал мне этот дом, когда мы ездили в Ялту на отдых. Пока в Крыму были белые, еще можно было жить, то есть было что покушать. Дед устроился интендантом в какой-то белогвардейский санаторий или госпиталь, часто уезжал по делам, а мальчишкам оставлял мешок риса и сухофрукты, из которых мой отец варил что-то вроде гурьевской каши. Игорь готовить не умел и не любил, а сестры к этому времени все разбежались, мама же служила сестрой милосердия в госпитале в Бендерах. Она получила военное звание, к ней обращались «ваше превосходительство», но своих детей она так никогда больше и не увидела. В 1921 году она уехала к сестре в Нижний Новгород, заболела там тифом и умерла.

Я все время пишу «пятеро детей», но на самом деле их было шестеро. Первым родился мальчик, его назвали Львом, но он прожил недолго, а потом стали рождаться девочки. Деду же приспичило иметь именно наследника, и он в конце концов своего добился. Всякий раз, когда бабушка рожала, он ждал мальчика, но в 1899 году в Москве родилась Татьяна, в 1902 году в Санкт-Петербурге – Елена, в 1905 году – Тамара (не знаю, где и в каком месяце, и какого числа). Но в конце 1908 года по старому стилю или в

начале 1909 года по новому стилю они жили на одном из одесских лиманов. Бабушка рожала дома, пришел врач. Когда врач вышел к нему из комнаты, где была бабушка, дед кинулся к нему с вопросом:

– Ну что, мальчик?

– Нет, – ответил доктор.

– Девочка? – спросил разочарованный дед.

– Нет, – опять ответил доктор.

– Так кто же?

– Два мальчика, – ответил доктор. Близнецы родились такими крошечными, что их пришлось держать в специальном кювезе с электрическим подогревом, пока они набирали рост и вес. Если верить моему отцу, то они на пару с Игорем весили три килограмма четыреста граммов. При этом папа родился в рубашке, а Игорь – нет. Так и было всю жизнь: отец так или иначе увертывался от всех жизненных передрыг, хотя и ему крепко в жизни досталось, а Игоря ждала страшная судьба. Я думаю, как бы сложилась их жизнь, будь жива их мама? Сумела бы она уберечь Игоря? Или все равно от судьбы не уйдешь?

Но тогда все, наверное, только радовались рождению малышей. И дед решил, что бабушке рожать больше не надо. Мальчиков крестили Львом и Игорем, а дома их называли Лелька и Ишка, причем старшие сестры их поделили между собой: Татьяна взяла шефство над Игорем, а Елена – над моим отцом. Так и было всю жизнь, пока Игорь не погиб. К старшим сестрам братья-близнецы питали некий пиетет, особенно когда девочки приносили из гимназии и библиотеки прекрасные книги – романы и стихи, которыми тогда все страшно увлекались. Вместе с ними мальчишки перечитали все, начиная с Шекспира и кончая Северяниным. А научились они читать вверх ногами, потому что сидели возле отца, когда тот печатал на машинке, и напечатанные листы вылезали «вниз головой». Читать они научились рано, память была отличная, и мой отец знал наизусть много стихов, особенно любил стихи Алексея Константиновича Толстого и Северянина.

Слева направо: Тамара Львовна, мой папа и неизвестная дама, 1930-е годы

Стало быть, в 1919–1920 годах Тинечка на фронте защищала советскую власть, Елена работала воспитательницей в детском саду в Ливадии, а Тамара после каких-то неведомых любовных приключений вышла замуж за молодого красивого поляка по имени Эдик.

С приходом красных в Крыму наступил ужасный голод, люди умирали прямо на улицах. Отец рассказывал, как однажды они с дедом пошли на рынок, а по дороге увидели умирающего от голода очень красивого мальчика-грека. Отец сказал: «Папка, давай мы ему чего-нибудь дадим», но в тот момент у них ничего и не было, а обратно они возвращались другой дорогой, и наверное, тот мальчик умер. Отец несколько раз вспоминал эту историю со слезами на глазах. Тем не менее они все же как-то держались. Дед какими-то способами всегда умел достать пропитание, на время отложив в сторону писание исторических романов, которые вряд ли приходились ко двору новой власти. Он куда-то уезжал, а мальчишки жили сами по себе, ходили в школу, читали книжки, сбегали с уроков (это называлось «ходить на Сократа») и почти ежедневно дрались. День без драки считался напрасно прожитым. Мой хозяйственный папа за буханку черного хлеба, оставленного им отцом, попросил одну женщину сшить ему штаны-клеш из мешковины и

щеголял в них босиком и без рубашки с пенсне на носу (по причине близорукости), загребая босыми ногами крымскую пыль в поисках приключений. Драки могли вспыхнуть стихийно, например если случайно забредешь на чужую территорию, но часто дрались и по предварительному уговору. Случались и поединки, и сражения стенка на стенку. Но дрались честно – до первой крови. Отцу и Игорю при их малом росте главным делом было подобраться поближе к противнику, ударить его снизу головой в нос и пустить ему юшку – тогда он выбывал из сражения.

При этом случались и всякие казусы. Братья были так похожи между собой, что их часто путали, и почему-то чаще всего колотушки, предназначенные моему отцу, доставались Игорю.

Весной и летом можно было подкормиться в чужих садах и огородах. Как я уже говорила, семья попеременно жила то в Алуште, то в Алушке, то в Симферополе – преимущественно в домах и на дачах писателей и литераторов, знакомых деда. Конечно же, там были свои сады. Но есть яблоки, груши, абрикосы и персики из своего сада было совершенно не интересно. То ли дело забраться в чужой сад и сорвать там давно облюбованный плод, чтобы никто не увидел и не надрал уши, а потом со сладострастием стрескать его, может быть даже не слезая с дерева. А еще можно было отправиться на виноградники, которые охранял сторож с берданкой, заряженной дробью, незамеченным подлезть под куст винограда, набить зелеными, еще не созревшими ягодами рубаху, прибежать с добычей домой, высыпать ее на матрас и снова отправиться на опасный промысел. А затем сидеть на этом матрасе и до оскомины набивать рот кислыми ягодами. Отец всегда говорил, что все их здоровье проистекало от этой незрелой зелени, которую они ели то с хлебом, если он был, то просто так.

Я уже рассказывала, почему вся семья оказалась в Крыму в это время. В начале войны они жили еще в Царском Селе, но мама уже ушла на фронт. У мальчишек была гувернантка-немка, которая пыталась научить их говорить по-немецки, однако эти маленькие мерзавцы, обуреваемые патриотическими чувствами, не желали не только говорить по-немецки, но даже и слушать немецкую речь. Когда гувернантка раскрывала рот, они затыкали пальцами уши, раскрывали рты и начинали вопить изо всех сил. Немка ушла. Потом у них была какая-то бонна, она их немилосердно щипала, одевая на прогулку. Мальчишки отомстили ей таким образом: дождались, когда она куда-то ушла, пробрались к ней в комнату, Лелька снял со стены ее часики, которые она носила на груди на цепочке и положил их на пол, Ишка поднял ногу и со всего размаху наступил на них. Естественно, бонна побежала жаловаться Льву Григорьевичу. Когда тот спросил, зачем они это сделали, мальчишки ответили: «А чего она щиплется?!» Бонну выгнали. Хотя папаша по отношению к детям был истинным деспотом, он считал, что он один имеет на это право. Если кто-ни – будь приходил к нему жаловаться на художества его отпрысков, он не слишком привечал жалобщиков, говоря: «Доносчику – первый кнут». Когда же в свою очередь мальчишки попробовали на кого-то пожаловаться, он сказал им то же самое и посоветовал как следует дать обидчику в морду. Благодаря мудрому родительскому совету, оба они росли задирами и драчунами.

В школу они с Игорем пошли поздно, в четырнадцать лет, и сразу в четвертый класс. Обучение тогда было весьма своеобразным: самым нелепым образом сочетались старые дореволюционные гимназические преподаватели и современные революционные программы обучения. Но по этой теме лучше читать «Конduit и Швамбранию» Льва Кассиля. В общем, «учились чему-нибудь и как-нибудь». Каких-то учителей любили, каких-то терпеть не могли, на уроках татарского языка (Крым, как-никак) дружно мычали с закрытыми ртами. Учитель бесновался, метался от парты к парте, а выгнать никого не мог: в одном углу затихают, в остальных мычат. Приходили в школу с гранатами, которые после Гражданской войны валялись где ни попадя. Директор школы стонал: «Это не дети, а варвары, настоящие варвары!»

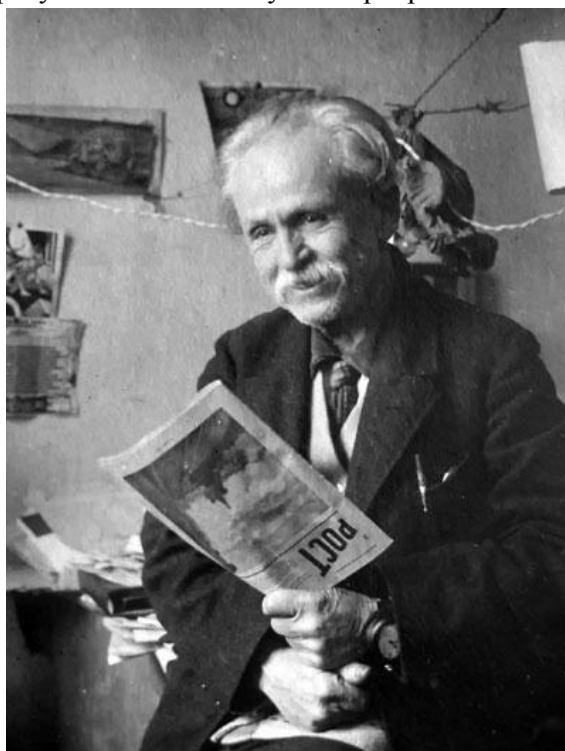
Школа, тем не менее, отнимала у них не слишком много времени. Куда больше времени уходило на купание, занятия гимнастикой и просто на поиски приключений. Заниматься физкультурой отцу очень нравилось, и он с гордостью говорил, что даже умел крутить «солнце» на турнике. На пляже они строились в огромную пирамиду, на самом верху которой по причине малого роста и веса часто оказывался кто-нибудь из братьев, а потом эта пирамида заходила в море и, когда нижняя ее часть оказывалась по горло в воде, рассыпалась, и папа (или Игорь) летели с головокружительной высоты в воду. Иногда там же плавали какие-нибудь выдающиеся личности, например Иван Поддубный, знаменитый цирковой силач и борец. Мальчишки подплывали к нему поближе и кричали: «Дяденька, брось меня!» Поддубный поднимал их высоко на руки и бросал далеко в море. Это было несказанной радостью для всей ребятни. Однако в

школе и произошло с Игорем то несчастье, которое впоследствии привело его к ранней и страшной смерти. Во время перемены, когда он возился в коридоре с остальными мальчишками, кто-то, по-видимому, подтолкнул его, и он упал в широкий пролет лестницы со второго этажа. Он ударился головой и, наверное, получил сотрясение мозга. Его отправили домой, где ему следовало бы лежать и лечиться, а кто тогда мог за этим последить? В доме не было ни одной женщины, деду было не до того, а может быть, он и не придавал этому событию большого значения. С мальчишек же что было спрашивать? Конечно, Игорь прямо на следующий день поднялся, пошел в школу и по своим делам. Как говорил отец, в мозгу у Игоря впоследствии образовалась опухоль, а позже стала развиваться шизофрения. Когда дед спохватился, было уже поздно. Ну а пока все шло своим чередом.

И папа, и Игорь с детства любили рисовать и после школы, которую они закончили почти в девятнадцать лет, продолжали учиться не то у художников, не то в художественной школе. В Ялте они жили в доме Новикова, директора театра, и еще в одном доме, который находился во дворе дворца эмира бухарского. Когда мы с папой приехали в 1981 году в Ялту, он все искал этот дом и не мог найти, а потом мы узнали, что дворец теперь находится на территории военного госпиталя, куда посторонних не пускали.

В двадцатых годах в Ялте процветала киностудия, там снимались многие фильмы, и отец иногда подрабатывал в массовках. Его приглашали сниматься, но он отказывался, так как считал, что для актера он маловат ростом, хотя лицо у него было очень красивое. Внешность у обоих братьев была вполне европейская, но сходство с возрастом уменьшилось.

К этому времени все три сестры успели выйти замуж и перебраться в Москву.

Лев Григорьевич. Конец 1920-х или 1930-е годы

Татьяна и Елена нашли себе двух Львов: Татьяна – Льва Владимировича Шифферса, а Елена – Льва Васильевича Смирнова. Думаю, что первой в Москву перебралась Татьяна, затем Елена, потом Тамара, а вслед за ними дед с обоими сыновьями.

В Москве дед с сыновьями поселился в самом центре, рядом с Пушкинской площадью, в Путинковском переулке, где сейчас стоит здание издательства «Известия» или в двух шагах от него. Отцу и Игорю в то время было по девятнадцать лет. Они и в Москве продолжали учиться в художественной школе, и у папы сохранилось свидетельство об ее окончании. Когда отцу исполнилось двадцать три года, его призвали в кадровую армию. Служил в рядах РККА с марта 1932-го по декабрь 1934 года. Попал он в погранвойска и служил сначала в Кронштадте, а потом на Беломорканале. Теперь всем известно, что Беломорканал строили заключенные. Слава Богу, папа там охранял объект, то есть сам канал, а не заключенных. Но он видел множество заключенных, и особенно ему запомнился один грузин-отказник (так называли заключенных, которые отказывались работать. Тогда их переставали кормить или выдавали им микроскопические доли

положенной пайки). Отец рассказывал, что это был пожилой человек в высокой папахе, который все время сидел нахохлившись и смотрел прямо перед собой. Вид у него был гордый и одинокий. Может быть, это был какой-то грузинский князь? Кто знает.

Поскольку папа был художником, ему часто поручали оформить всякие «красные» и «ленинские» уголки.

Отец рассказывал, что та кадровая армия, в которой он служил, совсем не была похожа на современную армию. Во-первых, там не было никакой дедовщины. Никто никого методически не унижал, хотя, конечно, какие-то конфликты происходили. Среди командиров было много бывших беспризорников, прошедших воспитание в детских домах, а потом обучение в военных заведениях. По словам папы, они были прирожденными педагогами: старались солдат научить, а не удавить. Во-вторых, солдаты тоже были совсем другими. Их основную массу составляли деревенские парни, часто недоедавшие в своих деревнях, часто полуграмотные или совсем неграмотные. Армия кормила их, учила, просвещала – на свой лад, конечно. Для большинства из них служба в армии была шагом вперед, а не десятью назад, как сейчас. Конечно, для интеллигентных молодых людей, таких как папа, служба в армии была, в общем, занятием не очень нужным. Но с другой стороны, когда началась настоящая война, папе воинская выучка очень пригодилась, как и армейский опыт. Наконец кончилась папина служба в кадровой армии. Вернулся он на гражданку и зажил свободной, легкомысленной и веселой жизнью. У Игоря тем временем развилась шизофрения, и в армию его, конечно, не взяли. Он продолжал жить вместе с дедом Львом Григорьевичем, а иногда Тинечка забирала его к себе в комнату в Институтском переулке. Сестры как могли заботились о своих младших братьях. По их словам и собственному признанию папы, Игорь был талантливее брата. Сохранилось немного его рисунков, очень интересных. Однако болезнь прогрессировала, и с Игорем все труднее было общаться. Тем не менее у него был роман с какой-то девушкой, которая от него даже забеременела. Однажды, в присутствии папы, она пришла к Игорю и деду, но они очень грубо ее прогнали. Кто знает, может быть, она все же родила и где-то бродит по свету мой двоюродный брат или сестра?

В июле 1938 года папа был зачислен на должность стажера-мультипликатора на студию «Союзмультфильм». Ему надоели непостоянные заработки, хотя и очень хорошие. Но в этом же году произошло несчастье с братом Игорем. Дед почему-то решил усадить Игоря на Кавказ, кажется в Сочи. Дед высылал сыну деньги, потому что тот, конечно, работать не мог. Папа знал, что Игорь нарисовал карикатуру на Сталина и хранил ее у себя. Карикатура была подписана «Птица-Тройка», и на ней был изображен Сталин, сидящий на облучке и погоняющий лошадей плеткой, а вместо лошадей в хомутах были изображены Ворошилов, Молотов и Каганович. Папа просил брата отдать ему эту опасную карикатуру, но Игорь отказался: «Нет, ты ее порвешь». А потом произошла такая история. Игорь в очередной раз зашел на почту, чтобы получить высланные дедом деньги. К сожалению, деньги еще не пришли, и Игорь расписовался и наорал на девушку, работавшую на почте, вероятно используя ненормативную лексику. Похоже, у девушки были родственники в соответствующих органах, потому что вскоре к Игорю пришли с обыском люди из НКВД и нашли эту проклятую карикатуру. Его тут же забрали, несмотря на очевидное психическое нездоровье. Больше его никто не видел. Дед пытался найти сына, объезжая лагеря заключенных под видом сбора литературного материала (как он это исхитрился делать?), но ему ничего не удалось узнать. Конечно, папа тоже очень переживал, но что он мог поделать?! Через некоторое время папа получил извещение о том, что Игорь «умер в дороге».

А потом наступил 1941 год, а с ним – «Вставай, страна огромная!» 25 июня, на третий день призыва, как ему и полагалось, папа отправился в военкомат, оттуда в казармы, а из казарм – на фронт. Но на фронт он попал не сразу, потому что их сначала куда-то перебросили (недалеко от Москвы) для обмундирования, формирования и пополнения. Там призывников спросили, кто хочет учиться на минометчика. Папа тут же вызвался на учебу. Правда, учили их недолго, а потом пришлось отправиться в пекло. Первая вражеская бомбардировка обрушилась на них под Ржевом. Рядом находилось кладбище, и солдат, зарывшихся носом в землю, покрывали остатки разбомбленных гробов и человеческого праха, вылетавшего из могил.

Отцу нравилось (если можно так выразиться) быть минометчиком еще и потому, что он практически не видел тех, кого убивали его мины. Он говорил: «Я рад, что напрямую не убил ни одного человека». Действительно, наверное, нет ничего страшнее рукопашного боя, когда ты стоишь с противником лицом к лицу и должен – должен! – убить его, иначе он убьет тебя.

После тяжелого ранения в руку отца перебросили в саперный батальон телефонистом. Весть о победе застала отца в Румынии. Он был телефонистом и первым узнал об окончании войны. Он принял звонок с сообщением о Победе и побежал будить своих. Ребята все подскочили, похватали оружие и устроили дикую пальбу – просто в небо. Это был их первый салют в честь Победы.

Когда его, наконец, демобилизовали, ему пришлось плыть из Одессы в Николаев по заминированному немцами Черному морю, а оттуда на поезде он вернулся в Москву, куда его сестре, Тамаре Львовне, пришли на него уже три похоронки. Обосновался он на прежнем месте, у своей сестры Тамары, и снова пришел работать на родной «Союзмультфильм», куда продолжали возвращаться и другие бывшие фронтовики.

А где был дед? Он уже не жил в Путинковском переулке, еще до войны продал эту комнату, когда произошло несчастье с Игорем. Ничего определенного на этот счет сказать не могу, а спросить уже некого.

Все же, насколько мне известно, оставшиеся годы жизни Лев Григорьевич провел в домах творчества ветеранов сцены: или в Измайлове в Москве, или где-то под Ленинградом.

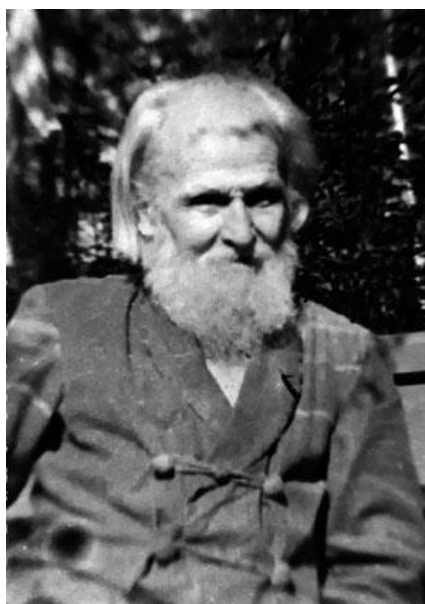

Лев Григорьевич Жданов. Вероятно, снимок сделан после войны

Так сложилось, что мы, его потомки, не получили никаких прав на его авторское наследие. В 1990-е годы прошлого века, после долгого перерыва, были переизданы многие его произведения, и даже вышло пятитомное собрание сочинений в издательстве «Терра». Исторические романы деда до сих пор пользуются спросом. Мы не получили денег, но зато дед оставил нам, потомкам, более богатое наследство – способность к языкам и к слову вообще: моя тетушка Татьяна Львовна знала два языка, ее сын Лев Львович был известным переводчиком и переводил с пяти языков, я могу читать и изъясняться на трех, дочь моего двоюродного брата тоже переводит книги с английского, его внук и внучка учатся в языковых вузах. Мы все любим и ценим русский язык и русскую литературу. И я думаю, за это мы должны быть благодарны нашему знаменитому предку.

Ну а в заключение поведаю одну мистическую историю. Мой отец Лев Львович Жданов скончался 10 января 1992 года в 9.30 вечера. Ровно на этой минуте остановились его ручные часы, висевшие на гвоздике над кроватью. В тот момент рядом со мной никого не было. Я тут же вызвала «скорую». Молодой врач еще с порога «констатировал смерть». Потом подсел к папиному письменному столу. К моему удивлению, уверенным жестом открыл стоящую на нем шкатулку и достал из нее паспорт, чтобы написать справку о смерти. Мы с медсестрой хранили молчание, чтобы не мешать. Написав справку, врач стал объяснять мне, как действовать дальше, а я решила проверить документ, чтобы, упаси Бог, в нем не оказалось ошибки (иначе бы возникли немислимые трудности с похоронами).

Лев Григорьевич в старости, конец 1940-х годов

Каково же было мое изумление, когда я увидела вместо «Лев Львович» – «Лев Григорьевич» Жданов.

– Простите, вы ошиблись, – сказала я.

– Как?

– Вот, посмотрите сами.

Врач перечитал справку и с некоторым испугом уставился на меня.

– Почему вы так написали? – спросила я, ожидая услышать про какого-нибудь друга, соседа или коллегу с таким же именем-отчеством, но молодой человек, продолжая на меня смотреть испуганными глазами, медленно произнес:

– Я не знаю.

– Видите ли, – сказала я, – Львом Григорьевичем звали его отца.

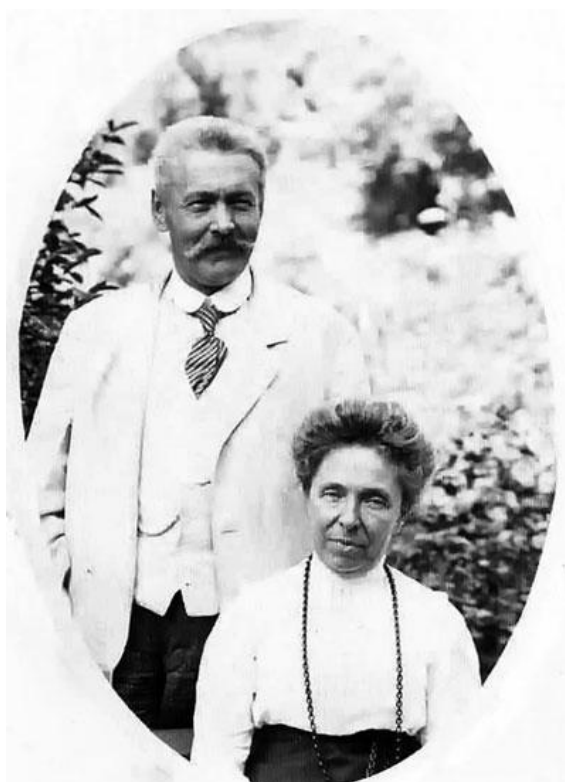
И в эту минуту я почти физически ощутила присутствие деда у себя за спиной, в изголовье папиной кровати.

Врач разорвал справку и написал другую. Глупо, что я не догадалась сохранить эту разорванную справку, она могла бы стать документальным подтверждением моих слов, в эту минуту мне было не до нее. Но сама я твердо уверена: отец пришел за сыном в час его смерти. Может быть, и мой папа... когда придет мой час? Кто знает...

А. А. Овчинников

Мой дед Алексей Михайлович Овчинников

Мой дед происходил из семьи известных российских ювелиров – Овчинниковых. Фирма П. Овчинникова имела статус «Поставщика Двора Его Величества», а сам Павел Акимович, основатель и владелец фирмы, был удостоен звания «Потомственный почетный гражданин Москвы». Фабрика П. Овчинникова была основана в 1853 году и, по сведениям 1873 года, на ней работало около 175 рабочих и от 70 до 90 учеников. Фирма занимала ведущее место в России по производству серебряных изделий, особенно покрытых эмалью, и получила широкую известность после промышленной выставки в Москве в 1865 году, где владелец фирмы был награжден золотой медалью. Дело Павла Акимовича унаследовали его сыновья Михаил Павлович (мой прадед), Александр Павлович и их младший брат Николай Павлович, который работал в магазине фирмы Овчинниковых, размещавшемся на первом этаже двухэтажного дома на Кузнецком Мосту. Последний, если быть честным, больше увлекался охотой, чем ювелирным искусством. Но Михаил Павлович был достойным преемником своего знаменитого отца, и вплоть до смерти прадеда в 1913 году фирма братьев Овчинниковых работала вполне успешно.

Михаил Павлович и Вера Александровна Овчинниковы, 1911

В начале XX века Михаил Павлович и его супруга Вера Александровна с сыновьями, старшим Алешей (моим дедом), младшим Мишей, и дочерьми Марией, Верой и маленькой Таней проживали в собственном доме в районе Таганки на Гончарной улице, называвшейся в советские времена улицей Володарского. Сохранилось описание этого дома и комнат, сделанное воспитателем Алеши, Владимиром Александровичем Поповым, в 1903 году: «Двухэтажный дом с большими окнами верхнего этажа, в которые глядели лапчатые листья пальм, стоял за чугунной узорчатой решеткой с такими же воротами, от которых шла по песчаному двору асфальтовая дорожка к ступенькам высокого крыльца с зеркальными дверями, закрывающимися на ночь деревянными, а на день широко распахнутыми по обеим сторонам крыльца. Перед домом, по улице, был палисадник с крупной сиренью... Мы позвонили. Дверь нам открыл солидный, еще молодой слуга в белых перчатках – Осип Алексеевич. Вошли, и сразу охватил меня покой и старинный уют дома. Сняли верхнее платье в маленькой передней с большим зеркалом и поднялись по чугунной, широкой, но крутой лестнице во второй этаж. Нас провели в белый квадратный зал, где единственным темным пятном был большой бехштейновский рояль да скромно притаилась в углу орехового дерева лакированная фисгармония. Хороши были старинные, ореховые двери прекрасной столярной работы с бронзовыми ручками в форме груш с листьями. Все остальное в комнате было цвета “крэм” (здесь и далее орфография сохранена, как в оригинале. – А.О.). Прямые шелковые задерживающиеся занавесы такого же цвета висели на больших зеркальных окнах. В углу стояла развесистая пальма – кэнтia. Никогда раньше я не видел и никогда, наверное, не увижу такого холеного тропического растения в комнате... Нас пригласили перейти в кабинет Михаила Павловича – в просторную, но меньшую, чем зал, комнату с двумя большими окнами, выходившими во двор. Дом стоял на горе, и из окон был чудный вид на Замоскворечье: широкий-широкий горизонт. Вдали, далеко за городом, синели дали...»

В середине 1950-х годов, спустя полвека, отец решил показать мне этот дом. Он был еще цел и одиноко стоял среди пустого двора, полностью лишенного какой бы то ни было растительности. Судя по многочисленным звонкам у входной двери, в доме жило много разных семей. Зеркальные окна второго этажа были заменены мелкими с частыми переплетами. Крыльцо и наружная дверь не имели ничего общего с описанием В. А. Попова. Дом показался мне очень старым и маленьким, возможно, потому, что примыкавший к нему ранее жилой флигель, в котором были комнаты Алеши и Миши, был уничтожен. Мы не стали заходить внутрь дома, так как объяснить жильцам наш интерес мы вряд ли бы смогли. Еще через пятьдесят лет я уже не смог узнать этого дома среди реставрированных и значительно переделанных зданий на Гончарной улице, где разместились современные банки и офисы отечественных и зарубежных

фирм.

Теперь приведу описание хозяев дома, какими их увидел В. А. Попов. «Вера Александровна тогда была еще молодым человеком с большой, однако, проседью в волосах. Поражала седина и на голове Михаила Павловича, лицо которого без бороды с небольшими усами невольно останавливало на себе внимание тонкими красивыми чертами; у него был характерный небольшой, острый нос. Голова была сравнительно небольшой и казалась еще меньше от широких плеч и высокой груди. В молодости он был очень интересен, особенно в военной форме...»

Алеша Овчинников, ученик пятого класса Московской Практической академии

Мой дед Алексей Михайлович родился 16 июня 1888 года, и в описываемое Поповым время ему было около 15 лет. «Он сразу понравился мне – пишет далее В. А. Попов, – Это был плотный мальчик, краснощекий, с круглой, коротко остриженной головой и в курточке с ремнем – форма, какую носили тогда ученики средних учебных заведений. На румянном лице резко выделялись правильной дугой темно-каштановые брови; лицом он был похож тогда больше на мать, чем на отца». Алеша учился в Практической академии и мечтал поступить в Императорское высшее техническое училище, для чего в течение нескольких лет занимался с репетитором, в основном математическими науками. Он неплохо рисовал, и его родители хотели, что бы он учился рисованию на случай, если придется принять участие в ювелирном деле Овчинниковых. У него был музыкальный слух, и уже в детстве он играл в семейном оркестре балалаечников, который организовал его отец, а позже стал брать уроки игры на виолончели. В более старшем возрасте Алексей самостоятельно выучился игре на двухрядной гармонии и с легкостью подбирал популярные в то время мелодии русских песен. Но больше всего в жизни его интересовали охота и различные моторы. В юности он обожал многокилометровые прогулки с ружьем по лесу, постоянно возился с охотничьими принадлежностями для снаряжения патронов и часами обсуждал со своим дядей Колей, тоже страстным охотником, достоинства и недостатки различных ружей и охотничьих собак. Эта страсть сохранилась у него и во взрослом возрасте».

Алексей Овчинников, 1909

Поступив в 1906 году в Императорское техническое училище (в последующем – Московское высшее техническое училище им. Баумана), Алексей заболел автомобилями, которых к тому времени становилось все больше и они быстро совершенствовались. Как пишет В. А. Попов: «Для него автомобиль был живым организмом. Каждая деталь его механизма, непонятная даже культурному человеку нашего времени, непосвященному в тайны механизма, была ему близко знакома, и он знал все причины, от которых мотор может перестать работать». Конечно, он мечтал о собственном автомобиле, но Михаил Павлович не хотел баловать сына и требовал, чтобы он сам зарабатывал деньги. Постепенно Алексей скопил деньги на мотоцикл. Он часами возился с ним, чистил, изучал, регулировал. Доведя машину до идеального состояния, он продал ее и купил себе новую, более совершенную. Так повторялось несколько раз, и в 1914 году у него была уже прекрасная сильная машина «Индиан» с коляской, в которой он мог возить пассажира. В. А. Попов писал: «Ему доставляло большое удовольствие ехать на мотоцикле, работающем четко и без перебоя, куда-нибудь за город, везя с собой в колясочке лицо, приятное ему в этой прогулке». Одновременно с мотоциклами Алексей увлекся и моторными лодками, на которых принимал участие в соревнованиях. Сохранились фотография Алексея с другом на моторной лодке, сделанная на Москве-реке в районе Воробьевых гор, и множество фото на мотоциклах разных моделей. Когда началась Первая мировая война, Алексей был призван в армию в качестве «кондуктора» (некто вроде военного инженера). Первые месяцы войны он вынужден был провести на службе в канцелярии военно-технического ведомства. Он тяготился этой службой. Его быстрая, живая натура и кипучая энергия требовали выхода, и Алексей быстро нашел его – поступил на курсы военных летчиков. Авиация в те годы, стимулируемая потребностями войны, развивалась семимильными шагами. Появились самолеты-амфибии, и осенью 1915 года Алексей уехал в Петербург, где, став курсантом морского училища, начал осваивать полеты на гидропланах. В 1917 году летное отделение училища было переведено в Баку, и в июле того же года Алексей получил офицерский чин морского летчика и был оставлен в училище инструктором. Последняя его фотография была прислана им домой летом 1917 года из Баку: красивый загорелый молодой офицер в белом морском кителе на фоне так называемой летающей этажерки, имевшиеся в те годы на вооружении русской армии самолеты с крыльями в два этажа.

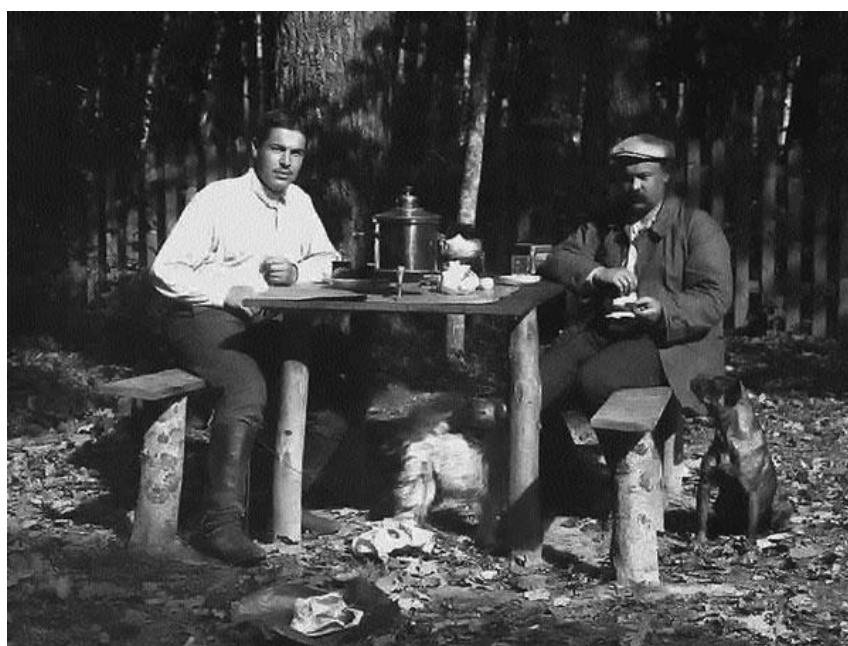
Алексей Овчинников в последнем классе перед поступлением в Императорское высшее техническое училище

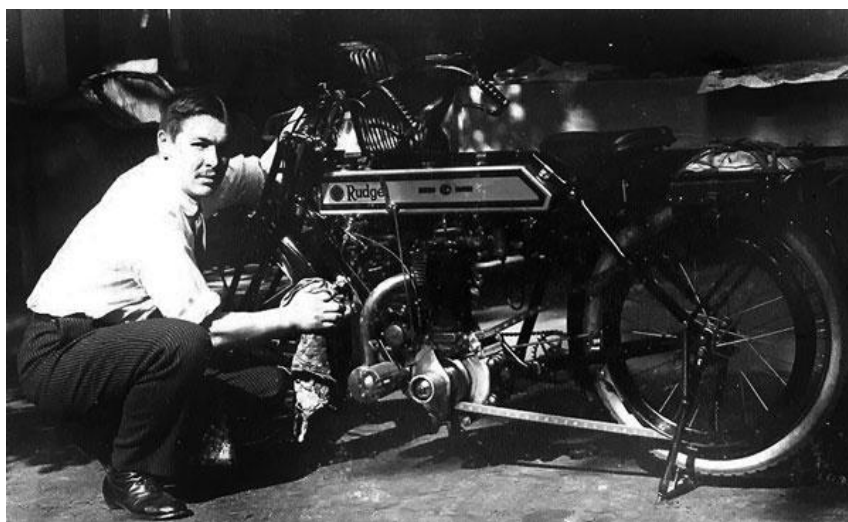
Алексей и Гресс на охоте

Алексей с трофеями (глухари)

Алексей и дядя Коля (Николай Павлович, младший брат Михаила Павловича)

Алексей со своим первым мотоциклом («мотором»)

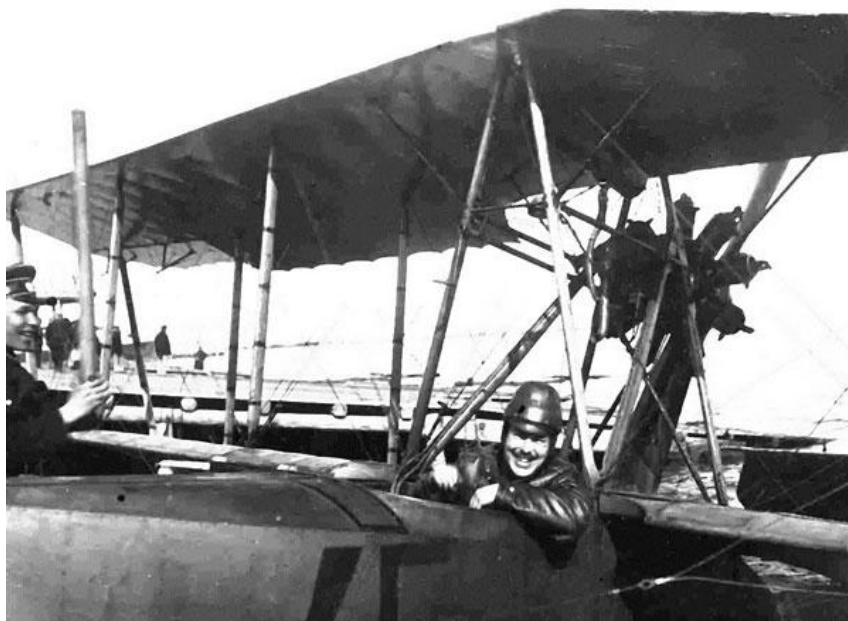
Алексей с детьми на «моторе». В коляске – Вера и Андрюша Трапезниковы

Алексей Овчинников и Василий Живаго на моторной лодке на Москве-реке в районе Воробьевых гор

Алексей (слева) – курсант военно-морского летного училища, Санкт-Петербург, 1915

Алексей – курсант военно)морского летного училища, Баку, 10 марта 1917 года

После октябрьского переворота Алексей чудом добрался до Москвы и летом 1919 года зарегистрировался как военный летчик. Он был направлен в качестве инженера на авиационный завод в Брянске, где проработал чуть меньше года. В начале 1920-го он был арестован и под охраной перевезен в Петроград, где был помещен в тюрьму. Его последняя записка сестре Тане из тюрьмы была датирована февралем 1920 года: «Близится весна. Голодаю, слабею, надеюсь к Пасхе быть дома...» Получив письмо и выхлопотав разрешение, Татьяна выехала в Петроград и, придя в тюрьму, узнала, что Алексей Михайлович Овчинников умер от тифа 6 марта 1920 года и был похоронен в общей могиле. Ему было в то время 32 года.

Алексей – военно-морской летчик. Последняя фотография. Баку, лето 1917 года

Теперь давайте вернемся на пятнадцать лет назад, в счастливые дни 1904 года. Семья Овчинниковых снимала в это лето флигель в имении Белкиных Воскресенское, недалеко от ст. Бутово Курской железной дороги. На Валентине Сергеевне Белкиной был женат младший брат Михаила Павловича Овчинникова, «дядя Коля», страстный охотник, пристрастивший Алешу к этому увлекательному спорту. Воскресенское – старинное имение с красивой церковью и старым домом, много раз перестраивающимся по желанию его старых и новых владельцев. Дом был окружен парком, который сбегал с двух сторон к большому пруду, через него от одного берега к другому был перекинут мост. Недалеко протекала река, где у запруды стояла на замке собственная лодка с распашными веслами. На лето переезжали большим кагалом – кроме Веры Александровны и Михаила Павловича Овчинниковых с пятью детьми, бабушка Пелагея Кузьминична (мать Веры Александровны), сестра Михаила Павловича, «тетка Анна» с сыновьями Жоржем и Шурой, которые, будучи на 4–5 лет моложе Алексея, относились к нему с большим уважением. Привозили с собой слуг – Осипа Алексеевича, прислуживавшего за столом, за которым в выходные дни собиралось до 15–20 человек; кухарку; горничную Веры Александровны; бойкую еще старушку-няню маленькой Тани; гувернантку Веры и Миши, фрейлейн Гемминг, ходившую в туго накрахмаленных платьях, в шляпке и перчатках; камердинера Ефрема, человека средних лет с большими усами, большого любителя выпить. Летние месяцы вместе с Овчинниковыми проводил и упомянутый выше студент университета В. А. Попов, благодаря его воспоминаниям мы можем представить себе образ жизни семьи Овчинниковых.

Вера Александровна с детьми на крыльце дома в Воскресенском, 1903. Сверху вниз, слева направо: Маруся, Алеша, Таня, Вера и Миша

Занятия чередовались с прогулками, вместе с детьми и воспитателями принимали в них участие и Вера Александровна, и Михаил Павлович, приезжавший из города на субботу и воскресенье. Ходили за грибами, плавали на лодках по реке, а иногда нагружали телегу провизией, посудой, самоварами и отправлялись за пять-шесть верст в соседнее Астафьево (современное написание – Остафьево) – старинное имение графов Шереметевых, в котором размещались музей художественной старины, картинная галерея и где бывал А. С. Пушкин, навещавший своих друзей Вяземских, прежних владельцев имения... Нередко приезжали гости. Чаще других – Александр Константинович Трапезников, ухаживавший за старшей дочерью Овчинниковых – Марией, с которой обвенчался в 1905 году. Однажды на несколько дней приехала целая компания молодых Живаго: Татьяна Романовна – барышня лет восемнадцати, ее брат Вася, ровесник Алеши, и сестра Наташа, серьезная тихая девочка со сдержанными манерами, которой в то время было двенадцать лет. Их отец, Роман Васильевич Живаго, был богатым домовладельцем, наследником своего отца, Василия Ивановича Живаго, владельца крупного магазина военного имущества и офицерского обмундирования на Тверской. Роман Васильевич окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, увлекался музыкой и собирал редкие музыкальные инструменты, а с его супругой, Таисией Ивановной, была близко знакома Вера Александровна Овчинникова. Возможно, это была первая встреча моего деда Алексея Михайловича со своей будущей женой, моей бабушкой Натальей Романовной Живаго, тогда началась их дружба, переросшая затем в любовь. Наташа была очень одаренным человеком, прекрасно рисовала, обучаясь живописи у известного художника К. Ф. Юона, ее картины, главным образом великолепные акварели, до сих пор украшают стены нашей квартиры.

Алексей в форме Императорского высшего технического училища и Василий Живаго, 1913

Наташа Живаго в 10 лет, 1901

...и в 16 лет, 1906

Маскарад «Синяя птица» в доме Живаго. В верхнем ряду слева: Алеша – Хлеб с клеткой в руках. В верхнем ряду справа: Наташа – фея Бирилюна в остроконечной шляпе. В центре – Василий Живаго в костюме балерины

В 1906 году Алеша закончил последний, седьмой, класс Практической академии и осенью стал студентом Императорского технического училища. По словам В. А. Попова, он сильно вырос, похудел, сменил детскую прическу «бобриком» на длинные волосы «на пробор», смазывая их бриолином. Он начал учиться играть на виолончели и благодаря своему прекрасному слуху добился успехов. Вместе с Живаго он стал часто бывать в консерватории, а после концертов – провожал Наташу и Васю до их особняка на Никитском бульваре, нередко засиживаясь у них допоздна. В доме Живаго всегда было много молодежи, по праздникам устраивались маскарады с танцами и угощением, и Алеша был непременно их участником. Иногда по вечерам собирались за чайным столом и начинали сообща сочинять стихи, причем в этой игре нередко принимал участие и дядя Саша (Александр Васильевич Живаго, брат Романа Васильевича, врач и знаменитый путешественник и египтолог, чья коллекция египетских древностей находится в настоящее время в Музее личных коллекций при Государственном музее изобразительных искусств на Волхонке), большой любитель молодежи.

В марте 1907 года Наташе Живаго исполнилось шестнадцать лет. В день совершеннолетия Алеша подарил ей букет прекрасных роз, купленный в одном из лучших цветочных магазинов. Однако, будучи очень стеснительным, он попросил своего бывшего воспитателя В. А. Попова, ставшего близким другом, чтобы цветы были преподнесены Наталье от них обоих. Что и было сделано.

27 апреля 1911 года состоялась свадьба Алексея и Натальи. Жениху было в это время 23 года, невесте – 20. Наталья Романовна стала очаровательной, изящной молодой женщиной и вместе с высоким, крупным Алексеем, сохранившим детскую застенчивую улыбку, они смотрелись очень красивой парой. Венчались в церкви Козьмы и Дамиана на Таганке. Было многолюдно: вся многочисленная родня Овчинниковых и Живаго, их друзья и знакомые. В. А. Попов вспоминает интересный момент, когда Алексей и Наталья должны были встать на атласный коврик перед аналоем. Присутствующих всегда интересует, кто первым ступит на него, так как, по распространенному мнению, первый вступивший на коврик будет «верховодить» в семейной жизни. Алексей первым подошел к коврику, дождался, когда Наталья наступит на атлас и лишь потом опустил на него свою ногу. После венчания в доме у Овчинниковых был устроен «открытый буфет», и гости рассеялись по всему дому... Далее снова передаю слово В. А. Попову: «Молодые тем временем переоделись, и через некоторое время мы все отправились провожать их на Николаевский вокзал. Они уезжали в Финляндию: Алеша ни за что не хотел делать обычного в таких

случаях путешествия за границу». Вспомним, что Финляндия в те годы была частью Российской империи.

Наталья Романовна Живаго и Алексей Михайлович Овчинников за год до свадьбы, 1910

В июне 1912 года у Алексея и Натальи родилась дочка Наташа, Туся, а через три года, в ноябре 1915 года, когда Алексей уже был курсантом авиационного училища, родился мой отец Адриан, Адик. Алексей Михайлович обожал свою дочку, с которой проводил много времени, катал ее на мотоцикле, и она уже в трехлетнем возрасте была просто влюблена в своего отца. Его отъезд в Петроград был для нее настоящей трагедией. Сына же своего Алексей видел очень мало, возвращаясь в Москву лишь во время коротких отпусков. Так, по свидетельству В. А. Попова, зимой 1916 года Алексей Михайлович приезжал в Новое, подмосковное имение Романа Васильевича Живаго, где жила в то время Наталья Романовна с детьми. Он был одет в морскую форму, которая ему очень шла. «Я помню, – пишет Попов, – меня удивила серьга в одном ухе у него: это был какой-то талисман морских летчиков. В этом талисмане-серьге так ясно отражалась молодая Алешина душа: он верил и не верил в этот “талисман” и в то же время его потешало удивление других при виде этой серьги в его ухе...» Длительное пребывание Алексея вдаль от его семьи отдалило его от Натальи Романовны. После возвращения его в Москву в конце 1917 года и до отъезда его в Брянск супруги жили врозь. Осталась короткая записка Натальи Романовны: «Помню, как в сентябре 19-го года Алеша приходил ко мне...» О чем говорили они, осталось неизвестным.

Наташа Овчинникова

После смерти Алексея Михайловича Наталья Романовна в 1928 году вышла замуж за друга их юности Дмитрия Ярошевского и в 1931 году родила сына Илью, сводного брата моего отца. Она умерла в 1939 году от, как тогда говорили, «грудной жабы». Меня показывали ей, когда она приезжала к Сперанским на дачу в 1938 году, но в моей памяти она не осталась. Туся Овчинникова, которой в ту пору было около 16 лет, со

свойственным юности радикализмом, не захотела примириться с новым замужеством матери, считая это предательством по отношению к памяти горячо любимого ею отца. К этому времени ее тетка, старшая сестра Натальи Романовны Татьяна, вместе с овдовевшей матерью Таисией Ивановной Живаго уже много лет жили в Неаполе, где муж Татьяны, ихтиолог Рейнхард Дорн, был директором знаменитой зоологической станции и морского аквариума. И Туся уехала в Италию к бабушке и тете. Всю жизнь она провела за границей, училась живописи, выходила замуж, разводилась... Последние тридцать лет она проработала редактором на радиостанции «Свобода» в Мюнхене и впервые посетила Россию и увидела своих московских родственников в возрасте 79 лет в начале «перестройки», в 1991 году. Спустя три года она скончалась.

Имение Живаго Новое в Клинском уезде Московской губернии

Наталья Романовна с Адрианом на верхнем балконе дома в Новом, 1916

Наталья Алексеевна Овчинникова-Бергхауз, Италия, 1936

Адриан своего отца практически не знал. Я тем более никогда не видел своего деда, поэтому мне кажутся удивительными те генетически переданные сыну свойства характера и интересы Алексея Михайловича, часть из которых унаследовали от деда отец и я. Об увлечениях и характере моего деда я имею возможность судить по уже многократно упомянутым воспоминаниям его воспитателя и друга Владимира Александровича Попова. Отца я отлично помню, хотя прожили мы с ним вместе не так уж долго. А о собственных характерологических особенностях мне помогает судить моя супруга Лариса, человек сугубо трезвого и объективного ума.

Начну с общих увлечений. Их не столь уж много, но они прошли через всю короткую жизнь деда, молодость отца, так же укороченную роковыми военными обстоятельствами, и мою юность. В первую очередь – это увлечение охотой. Начиная с пятнадцатилетнего возраста и до начала Первой мировой войны охота и все, что с ней связано – ружья, снаряжение, собаки, – были основным интересом Алексея Овчинникова-старшего. На эту тему он мог говорить бесконечно. Вполне естественно, что и писатели, воспевающие охоту и дикую природу, были его любимыми, а самым любимым – Джек Лондон. «Этот суровый писатель с нежной душой, писавший о том, что жизнь есть борьба; что только тот побеждает в этой борьбе, кто закалит свою душу и тело для победы и будет стремиться к свободе духа и тела от условностей жизни, – этот певец борьбы за жизнь именно потому стал любимым писателем Алеши, что... сам Алеша был таким, каковы у Джека Лондона были все его герои – борцы за жизнь, суровые внешне, ласковые и нежные в тайниках своей души, честные, прямые и настойчивые в путях своих к цели, намеченной ими...» Так объясняет В. А. Попов литературные склонности своего воспитанника.

Алексей на охоте с дядей Колей

Алексей на мотоцикле

Охота и, конечно, Джек Лондон, с его романтикой суровой жизни, сильными духом и телом героями, были длительным увлечением Адриана, несомненно попавшего под влияние друзей Алексея Михайловича, помнивших и любивших его. Ну, а мне эта же страсть была передана отцом, подарившим мне первое ружье – «духовушку» к моему десятилетию и научившему меня стрелять в цель. А что касается Джека Лондона, то мне досталось в наследство полное собрание его сочинений – приложение к журналу «Всемирный следопыт» 1930 года – настоящее сокровище для мальчика, бредившего охотой и приключениями. Другой наследственной страстью были автомобили и моторные лодки. Об этой стороне увлечений моего деда я уже упоминал выше. Для нас же с отцом этот интерес всегда был неослабеваем. Благодаря моему другому деду – Сперанскому, имевшему собственную «эмку» еще до войны, отец научился управлять автомобилем уже в молодом возрасте и потом, вернувшись с фронта, передал это увлечение и мне, семилетнему мальчишке, которого он сажал к себе на колени и давал порулить автомобилем по проселочной дороге.

Автомобили остались нашей страстью до старости. Мы также увлекались моторными лодками, хотя последние в нашей семье были весьма примитивными – с подвесным мотором «Москва» или «Вихрь». Однако мы с отцом всю жизнь мечтали построить настоящий моторный катер. Отец в течение многих лет, уже проживая отдельно от нас, регулярно покупал все номера журнала «Катера и яхты» в двух экземплярах и отсылал один из них мне. Поэтому теоретически мы были отлично подкованы в водно-моторном спорте, хотя до настоящего катера дело так и не дошло.

Наталья Романовна с Адрианом, 1937

Что касается общих черт характера, дело обстоит сложнее. Начну с воспоминаний Владимира Александровича Попова: «Когда в моей памяти встает облик Алеши, я вижу его таким, каким помню в последние годы, когда он стал законченным в своем духовном развитии. Из всех свойств его внутреннего “я” в нем больше всего поражала необыкновенная воля. Она не выражалась в бурной энергии, но ковалась в упорной работе над самим собой, в труде, который вел его к намеченной цели. Препятствия на этом пути не пугали его: он разрушал их медленным, постепенным трудом... Другой чертой было отсутствие в его мышлении и поступках пошлости, обыденности – всего того, что обезличивает человека и сливает его с безликой толпой. Алеша был всегда выше толпы. Он не любил ходячих слов, суждений, мнений. Многим он, быть может, казался неприятен тем, что всегда сохранял свое собственное лицо. Он никогда не придавал большого значения материальным средствам, и они не были для него, как для многих других, самоцелью; он смотрел на них как на большую или меньшую возможность удовлетворить свои потребности, в первую голову те, которые были менее всего пошлы. Никогда он не любил “бросать пыль в глаза” и показывать, что его собственное материальное благосостояние стоит выше кого-нибудь другого. Во внешней обстановке своей жизни он не любил роскоши, и его идеалом во внешности был на первом месте “комфорт”, а потом уже красота. Он мог и умел удовлетворяться самым малым. Эта скромность была одной из сторон силы его духа и не позволяла ему навязывать никому свое мнение. Он имел это “свое мнение”... он мог бороться за него и боролся, когда знал, что не может переменить его... Те, кто, как он, умел уважать чужое мнение и другую волю, уважали его и шли к нему, делаясь друзьями... Алеша был борцом за жизнь, и мне кажется, что он победил бы ее, если бы случаю не угодно было так жестоко кончить эту борьбу в самом начале...»

Мой отец был, конечно, другим человеком, более эмоциональным, более «артистичным». Здесь, возможно, сказались наследственные черты характера матери – художницы. Но способность к повседневному труду, твердость воли, с которой он шел к намеченной цели, индивидуализм и наличие собственного мнения по основным жизненным вопросам – этого у отца отнять невозможно. О себе судить

трудно, но способность, когда нужно, «приклеиться к стулу», по выражению моей супруги, выполнить необходимую работу и хоть немного приблизиться к намеченной цели – эти свойства моего характера, как мне кажется, можно назвать генетически обусловленными.

Н. С. Смирнова
Дневник гимназиста

С фотографии на меня внимательно смотрит мальчик, очень серьезный и милый. Мальчику пятнадцать лет. Он гимназист – на нем форменная курточка, наверное, серого мышиного цвета. Фотография пожелтела от времени, она сделана в 1886 году. Я пытаюсь найти фамильные черты и в более поздних его фотографиях. Мне интересно представить, как он говорил, что читал, как учился, какой у него был тембр голоса. Я никогда его не видела, а он никогда не узнает о моем существовании. Отцом моего отца он станет в 1909 году.

Руф Яковлевич Смирнов, ученик гимназии

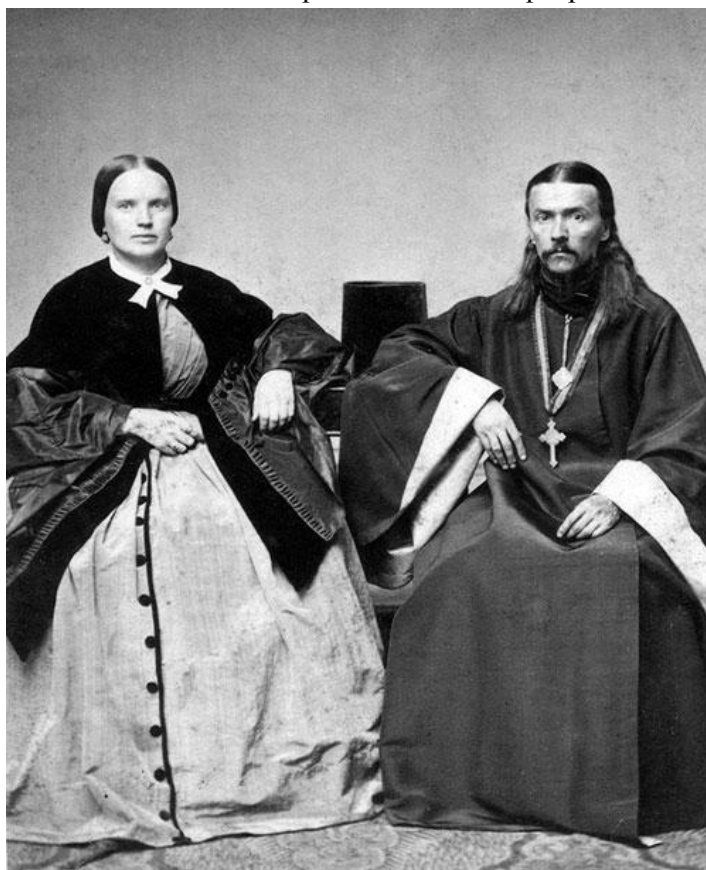
Счастье, что сохранились сведения о моем прапрадеде. Звали его Ржаницын Руф Александрович (1818–1879), священник Николоваганьковской церкви, протоиерей, у которого было тринадцать человек детей. В живых осталось восемь, среди которых Мария Руфовна, мать моего деда. Из этих восьми детей ни один не пошел по стопам отца, зато среди них были врачи, учителя и чиновники. Но эта не та история, о которой я хотела бы рассказать. Проходя теперь мимо Румянцевского музея (самое старое здание Ленинской библиотеки), я знаю, что в сохранившейся в его дворе красавице-церкви служил мой прапрадед. Служил настолько хорошо, что епархия после его смерти издала некролог отдельной книжицей, которая чудом сохранилась в семье. Начало некролога поражает искренностью, незатертостью и незабитостью слов, выбранных для прощания: «В ночь на двадцать пятое число января текущего года (1879) скончался один из ревностных пастырей, редкий по своим душевным качествам, отец протоиерей Московской Николоваганьковской церкви Руф Александрович Ржаницын. От природы больной и слабого телосложения, этот поистине деятель непостыдный на ниве Божии, всю жизнь свою провел в постоянных трудах, заботах и лишениях, но при всех обстоятельствах его трудной и разнообразной деятельности сила Божия видимо совершалась в немощах его».

Мальчик с фотографии, внук священника, вырастет, выучится на врача, пройдет фронты русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, примет активное участие в земском движении, будет избран в Курске членом Государственной думы второго созыва от партии социал-демократов. Он будет дважды женат, и у него будет трое детей – один мальчик, мой отец, и две девочки. Не станет его в 1919 году по причине абсолютно банальной для тех лет – его унесет тиф. Это мой дед, Смирнов Руф Яковлевич, 1873 года рождения.

Руф Александрович Ржаницын

В нашей семье сохранился его дневник, он начал вести его в 1886 году, а закончил в 1888-м. Известно, что он заикался. Это важно потому, что дневник написан мальчиком, которому, наверное, трудно было говорить – «комплексы», как бы мы сказали теперь. Отсюда и стиль записей, отражающий особенности разговорной речи. О том, что он заикается, я узнала совершенно случайно, прочитав надпись на обороте его фотографии, сделанную его сестрой много позже. Растет он в дружной большой семье, у него два брата и две сестры – Сергей, Андрей, Анастасия и Мария. Их отец, Яков Смирнов, приехал из Вологды и женился в возрасте тридцати пяти лет на шестнадцатилетней Ржаницыной Марии Руфовне, дочери священника. Яков Смирнов был бедным чиновником и умер через семь лет после женитьбы, оставив совсем молодую вдову с пятью детьми. Отца уже нет, еще жива молодая и властная мать, воспитывающая пятерых детей, а после смерти Анастасии от чахотки – четверых. Материально помогает семье брат матери Алексей Руфович Ржаницын, удачно и по любви женившийся на дочери текстильного фабриканта.

Руф Александрович Ржаницын с супругой Марией Семеновной

Родители Руфа Яковлевича Смирнова: Мария Руфовна Смирнова (Ржаницына) и Яков Смирнов

Дед мой, Руф Яковлевич Смирнов, был членом социал-демократической партии и находился в оппозиции к царскому режиму, что не помешало ему окончить медицинский факультет Московского университета в 1896 году, а гимназию он закончил с серебряной медалью. По странному стечению обстоятельств я работаю теперь в том же здании университета в центре Москвы на Моховой, в котором учился мой дед. Царь-батюшка в 1907 году сослал члена разогнанной II Государственной думы сначала под Воронеж, где в слободе Бутурлиновка и родился мой отец, считавший себя коренным москвичом, а затем в Торжок, где дед основал земскую больницу. В местном краеведческом музее о нем и его родной сестре, Марии Яковлевне Смирновой, хранится благодарная память. Мария Яковлевна стала врачом-гинекологом, выучившись в Германии на деньги богатого дяди, и стала в советское уже время первым заслуженным врачом тогда Калининской, а теперь снова Тверской области. Тогда была редкая вещь – женщина-врач с высшим образованием. Его братья Сергей и Андрей следуют за братом всюду, или он их за собой таскает, как и сестру, кстати. Андрей преподавал музыку, а Сергей рисование. Когда их не стало и где они похоронены, я не знаю. Папа мой об этом как-то не говорил, но дядя Сережа упоминается в одном из его писем середины двадцатых годов. В 1914 году дед ушел на фронт, провоевав до конца войны, окончание которой застало его в Курске, где он и умер от тифа в 1919 году сорока шести лет от роду, будучи заместителем главного врача военного госпиталя.

Но еще задолго до этих печальных событий после смерти первой своей жены от родильной горячки, как это тогда называлось, мой папа стал сиротой, когда ему не было и года, дед женился на своей первой любви, Орловой Надежде Ивановне.

Это отдельная история. Молодым человеком он влюбился в дочь своего старшего коллеги, тоже врача. Постеснявшись объяснить в любви лично, он попросил своего товарища передать письмо с предложением руки и сердца. Тот благополучно забыл передать письмо или намеренно не сделал этого, и, не получив никакого ответа, дед в отчаянии поехал на русско-японскую войну, где и встретил мать моего отца, свою первую жену, Анну Федоровну Грунке. Она, судя по всему, туда отправилась тоже зализывать душевные раны, а может, обоих их судьба в патриотическом порыве послала навстречу друг другу. Отец Анны Федоровны – немец, притащивший семью с пятью дочками в Россию во второй половине

девятнадцатого века. Моей родной бабушки не стало, а ее сестры после революции оказались все в Европе. Одна из них жила во Франции и принимала со своей дочерью активное участие в Сопротивлении. Их жизнь – история отдельная.

Руф Яковлевич Смирнов во время депутатства во II Государственной думе

Мария Яковлевна Смирнова, сестра деда

После смерти первой жены Руф Яковлевич возобновил отношения с Надеждой Ивановной Орловой. Они поженились в 1911 году, а годом позже у них появилась дочь. Надежда Ивановна была очень хорошим и добрым человеком, я ее хорошо помню. Она стала приемной матерью моему отцу и его сестре. Надежда Ивановна была дочерью Ивана Ивановича Орлова, приятеля Антона Павловича Чехова, для которого он оформлял по доверенности купчую на его ялтинский дом. Многие потом пеняли ему, что место выбрано неудачно, да и стоить он мог меньше уплаченной суммы. Иван Иванович Орлов был лечащим врачом семьи Блоков в Шахматове и недалеко их соседей Менделеевых. Братом Надежды Ивановны был Василий Иванович Орлов, побывавший на каторге и вызволенный оттуда революционными событиями 1917 года. Он был членом общества политкаторжан и умер в самом конце Второй мировой войны, проведя годы эвакуации в Елабуге.

Руф Яковлевич Смирнов на фронте Первой мировой войны

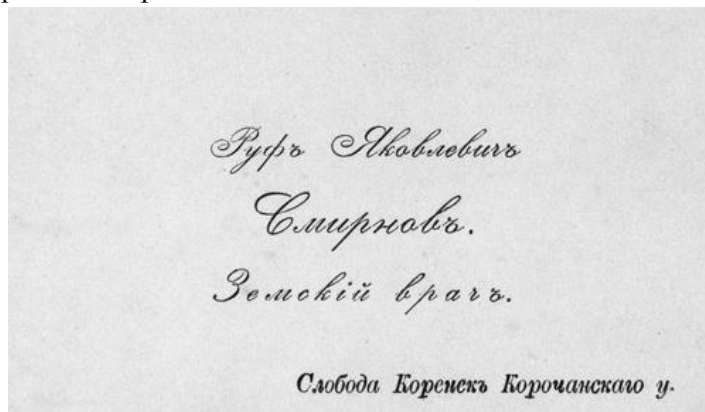
Надежда Ивановна Смирнова (Орлова), вторая жена деда

Я с интересом разглядываю фотографии, сделанные дедом в полевых условиях в Мукдене, Порт-Артуре в 1904–1905 годах и, позже, на фронтах Первой мировой войны. Фотографии уже коричневого цвета, совсем в дымке, сделаны они на мягкой гибкой бумаге, их у нас сохранилось около шестидесяти. Полк в походе, училище фельдшеров, которых готовил мой дед, полевой госпиталь, раненые солдаты, похороны погибших солдат, старый китаец с косицей на спине, просто пейзажи реки Амур и много еще чего. Смотришь на них, и оживает история, становясь не абстрактными рассказами официального учебника, а приближенная настолько, что кажется, что и ты там был, и это твоя история и жизнь.

Дед и бабушка сразу после свадьбы в 1906 году: Руф Яковлевич Смирнов и Анна Федоровна Смирнова (Грунке)

Я, честно говоря, взяла без разрешения эти фотографии у тетки, когда она была уже совсем слаба. Она попросила что-то достать из ящика письменного стола, и в глубине я увидела связанные ленточкой фотографии. Бросив взгляд на верхнюю из них, я поняла, что дурная сохранность не уменьшает их ценности. Правильно я сделала, потому что мой кузен после ее ухода в мир иной благополучно все выбросил в тот же день. Он просто вынес на помойку целый комод, где хранились семейные документы и письма. А ведь я просила этого не делать. Всем совет: если хотите что-нибудь сохранить, берите и сохраняйте. И задавайте вопросы. Теперь можно только сетовать, что я их задавала мало.

Руф Яковлевич Смирнов, земский врач. Слобода Коренск Корочанского уезда

После смерти деда от тифа в 1919 году нужно было решать, как быть с детьми, и Надежда Ивановна оказалась в тяжеленные годы послереволюционной разрухи в Курске полной неумехой, одна с тремя детьми на руках. После сложной и долгой переписки было решено послать детей в Торжок к незамужней сестре деда Марии Яковлевне, где та работала в больнице. Сначала речь шла об одном из детей, но потом было решено не разделять сестру и брата. С 1920 года они оказались под покровительством родной тетки и ее подруги, фельдшерицы той же больницы Натальи Николаевны Щепотьевой, взявшей на себя в основном заботы о детях. Натальей меня называли в ее честь. Позднее тетя Лида без особой радости рассказывала, что ей, совсем маленькой девочке, приходилось топить русскую печь, а папа в Курске за стакан козьего молока для младшей сестры Верочки пас целый день козу.

Слобода Бутурлиновка

Курск в 1919 году занимали то белые, то красные. Руф Яковлевич Смирнов, мой дед, был заместителем начальника военного госпиталя. Счастье, да простит меня Господь, что он умер от тифа тогда, когда в

городе были красные, и папа в анкетах с полным на то основанием писал: «Отец в годы Гражданской войны состоял в рядах Красной армии». Воюя на империалистической войне, дед каждый день писал письма домой своей жене и детям. Коробка с письмами пропала при странных обстоятельствах. Она была «конфискована» дочерью комиссара госпиталя, которую тоже звали Лидой, как сестру отца. Тетя Лида побоялась сказать об этом даже взрослым и горевала о тех письмах всю жизнь безмерно. В них описывалась война без прикрас, без внутренней цензуры, без оговорок на то, что они адресованы маленькой девочке. Из того, что дошло до меня, осталось всего две открытки, которые дед писал жене с фронта.

Руф Яковлевич Смирнов (стоит), Мария Яковлевна Смирнова (сидит справа)

«19.06.1917 Открытка. Московская губ., Покровское-Алабино, дер. Корнево, имение Королевых, дача Дунаевых. Надежде Ивановне Смирновой.

Сейчас я встал в 79-м госпитале до 10-ти выяснить свой квартирный вопрос. Я переселился из номера к товарищу молодому и сейчас живу с ним в его чудесной комнате на краю города с окном, выходящим в сад: розы прямо глядят в окно. Пошел ливень, и я занялся письмом тебе. Чем больше вхожу здесь в работу, тем становится интереснее, и лишь нравится запрет на такт, энергию и смелость, которая представляет эта работа. Сплелся удивительно запутанный узел из различных взаимоотношений, порожденный революцией и различных групп. Распутывать его очень интересно. И сама непосредственная работа в настоящий момент тоже очень интересна. Твоих писем нет никакой возможности пока мне получить, пока не написать мне по новому адресу.

Руф».

Верхний ряд слева направо: Сергей и Лидия Смирновы

Примерно в то же время Надежда Ивановна пишет письмо своей матери. Атмосфера тревоги и нестабильности читается в каждом слове:

«Милая мамочка! У нас все здоровы. Хотя идут неистовые дожди, но здесь песок, и если нет дождя, то ходим без галош. Дети много капризничают от дурной погоды, но если их не пускать наверх, то там мило и спокойно. Да, кажется, погода хочет начать исправляться. Твоя Надя. От Руфа Яковлевича никаких писем. Газетные известия очень волнуют».

А вот еще письмо, которое написано матерью Надежды Ивановны в ответ на ее письмо, в котором она пишет о смерти Руфа Яковлевича.

«08.05.1919

Милая Надя! Получила твое заказное письмо. Неужели оно было послано в марте? Значит, шло больше месяца. Бедная ты моя! Как все ужасно! Знаешь, мне все как-то не верится, что это произошло. Когда я читала твое письмо, у меня под сознанием все время шевелилась какая-то глупая мысль, а вдруг благополучие кончилось.

Я не знала про предсказания. Право, не знаю, что и думать. Ведь, казалось бы, глупо верить, а между тем факты все время опровергают скептицизм. И Руфу Яковлевичу было предсказание, что 47-й год роковой? И знаешь, тут Сумароковы, я им про тебя говорила. Зашел разговор о хиромантии, и она говорит, что все, что ей наговорили по руке, сбывается. Я спрашиваю: “И теперешний переворот в вашей жизни?” (Они ведь живут ужасно!) “О, да!” – говорит она».

Дневник дедушки-гимназиста отдала мне старшая сестра моего отца, Лидия Руфовна. Несколько лет назад я ввела текст дневника в компьютер. Время у меня это заняло не очень много, но трудно было разбирать почерк совсем не знакомого мне человека. По мере того как работа продвигалась вперед, я привыкла к этому мальчику, он мне стал очень интересен и близок. Мой папа, который родился в 1909 году, его почти не помнил и не мог ничего рассказать, или не хотел, или боялся. Не знаю. Я знакомилась с очень неординарным человеком, жизнь которого состоится потом. До 1919 года он проживет еще двадцать один год, сколько он успеет сделать!

А дневник очень интересный. Жизнь изо дня в день. Иногда подробнейшее описание происходящего, иногда отговорки о нежелании писать. Поток времени в словах, оставшихся на бумаге. Упоминаемые И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Чарлз Диккенс – его современники. Гимназические будни, приятели, отношения в семье, детские игры (не всегда невинные), летний отдых на даче под Москвой, рыбная ловля. Тут

студенческие волнения, покушение на государя императора, сердечные тайны, мечты о будущем. Тут и тексты контрольных работ, которые очень похожи на сегодняшние, и отзывы о прочитанных книгах, и характеристики учителей, и душевные метания. Обычный мальчик с обычными амбициями. Интересно, что они были почти ровесниками с В. И. Ульяновым (Лениным). Очень много похожего – одно время, одна страна, среда немного другая, но та же модель многодетной семьи без отца, рано ушедшего. Результат разный.

Меня все время мучает одна мысль. Что мы за поколение такое детей, родив – шихся после Второй мировой войны? Те, кто вырастет сегодня, другие, более циничные, более свободные и раскрепощенные во многих отношениях. Они едва ли поймут природу страха в обществе, которое сформировало и подчинило себе поколение их бабушек и дедушек. Родителям их повезло больше, молодость их пришлась на шестидесятые.

Наши деды, да и чьи-то бабушки не упокоены по-христиански. Мой дед зарыт в общей братской, засыпанной негашеной известью могиле, как хоронили тифозных больных. Место захоронения неизвестно. У многих дедушки и бабушки исчезли безвозвратно в молохе революционных событий и дальнейших жутких лет, став жертвами режима. Интеллигенция, рабочие, крестьяне, духовенство – не важно! Время их не пожалело. Сколько же мы потеряли! Сколько нам не было рассказано сказок, не показано фотографий, не прочитано книг! Сколько семейных историй ушло вместе с ними! Сколько нитей и связей прервалось!

Ценность отдельной человеческой жизни, ее неповторимость, память поколений – вот о чем думаешь, перелистывая чудом сохранившиеся старые документы и письма.

И все-таки интерес к сохранившимся семейным архивам в последнее время возрождается. Надеюсь, что эта книга побудит читателей к поискам сохранившихся писем и документов на антресолях, в чемоданах, пыльных папках... Кроме вас этого не сделает никто!

ДНЕВНИК

1886 год

20 декабря 1886. Суббота

Сегодня нас распустили на праздники. Уроков задали очень мало, почти что ничего, потому что нас классный наставник Василий Филатович Никифоров просил об этом учителей, так как мы хорошо учились в продолжение полугодия. После последнего урока к нам в V класс пришел инспектор Александр Николаевич Шварц. В своей речи он выразил благодарность нам и нашему классному наставнику и даже пожал последнему руку. Василий Филатович посоветовал нам не учиться совсем в продолжение праздников и отдохнуть.

В нашем классе сегодня случилась порядочная история. Сосед мой Павлов, с которым я учился в прогимназии, любил подсмеиваться над другими. Он назвал Мамонтова, самого сильного из нас, рогатым скотом, потому что у него на лбу были шишки. Тот ударил его по лицу. Вас. Фил. спросил на лат. языке Павлова, почему у него покраснела щека, он не желал выдать товарища, не сказал. Но Мамонтов сам встал и сказал, что ударил Павлова, тогда и Палов сказал, что он назвал его скотом. Вас. Фед. велел Мамонтову извиниться перед Павловым. Так дело и кончилось. Вечером дома читал «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна. Эта книга показалась мне довольно интересной и побудила меня изучать минералогию. Я по указаниям «Видимый мир» сделал соленую воду, процедил ее и поставил на гардероб, прикрывши Атласом Иордана. С тех пор я решил не смотреть ее до Рождества, хотя и сомневался в удаче, так как пыль могла попасть туда, и я налил воду в глубокую тарелку, и потом кристаллы должны были получиться маленькие.

21 декабря. Воскресенье

Я проспал приблизительно до 11 часов. Потом убрал все свои учебные и не учебные книги. Вечером мамаша привезла нам три книги. Самая лучшая из них, на которой я пишу сейчас. Потом мы хотели сделать репетицию первого и второго явления первого действия «Ревизора». Но она не удалась, потому что нам мешала сестра, да и мы не были расположены к этому. Затем стали петь. Мамаша и старший мой брат 16 лет стали разучивать «Бог войны» в 4 руки. В продолжении дня фехтовались несколько раз выструганными лучинками.

22 декабря. Понедельник

Сегодня день Ангела старшей моей сестры. Я прочел две книги «Случайный начальник», сочинение Эмара, и первую и вторую часть «Обломова» Гончарова. «Случайный начальник» показался мне не очень интересным в сравнении с другими книгами этого же автора, где действие происходит в Америке, и это, кажется, потому, что я пристрастился к Америке еще раньше, читая Купера, Майн Рида, Жюль Верна и Эмара. И я теперь читаю с большим удовольствием сочинения этих авторов, чем лучших авторов русских, например Гончарова, Пушкина. За чтением этих книг отдыхаю. Вечером я не утерпел и посмотрел на свою соленую воду: она вся покрылась пылью, а на полях тарелки была соль, совсем не похожая на кубы и на обыкновенную соль.

23 декабря. Вторник

Мамаша с утра уехала в город за покупками. Я немного прочел из «Мещан» Писемского. К утру приехала мамаша, привезла большую книгу меньшему брату, гостинцы на Рождество и игрушки для Феди, Коли, Лизы, детей моего дяди Алексея Руфовича Ржаницына, учителя русскому языку московской 2-й прогимназии, где я учился до поступления в 1-ю прогимназию. Потом мамаша легла отдыхать, а я пошел с сестрой в библиотеку. Я взял продолжение «Случайного начальника», «Буйную жизнь» и «Миссурийские разбойники». Вечером я прочел «Буйную жизнь». У нас столовую перенесли из маминной спальни в Настину комнату (старшей сестры).

24 декабря. Среда

Последние два дня перед Рождеством мы ели постное. Нынче с утра у нас была уборка. Я после чаю дочитал «Миссурийские разбойники». Мамаша пошла за дровами, а мы все пили чай в нашей комнате, потому что в других комнатах мыли полы. Мы, то есть я, старший брат Сережа, младший брат Андрюша и две сестры, стали советоваться, что подарить мамаше на Рождество. Сестра предлагала купить цветок, я – корзину с клумбою цветов, старший брат – пирожное и цветов. Мы решились на последнее. Сестра, когда мамаша пришла, попросила у ней денег, как будто бы на ложу в театре, а сама купила пару ландышей, то есть не ландышей (ее обманули), а каких-то других цветов. После Всенощной, когда все собрались чай пить, мы поставили их перед самоваром, мамаша сначала их не заметила, а потом уж, через несколько времени, заметила. Кроме того, она купила еще две колоды карт. После чаю я немного почитал из «Вольных стрелков».

25 декабря. Четверг. Рождество Христово

Я проснулся довольно поздно, выпил только одну чашку чаю. К обедне мы пришли поздно, к Херувимской. Выстояв половину обедни и молебен с коленопреклонением, мы пришли домой. После чего я дочитал «Вольных стрелков». Эта книга показалась мне такой интересной, что я решил прочесть всю серию, к которой она принадлежала: «Арканзасские охотники», «Пограничные бродяги», «Благородное сердце». Мне было весьма скучно, я не знал, за что приняться. Наконец, я стал фехтоваться против брата Андрюши и младшей сестры. Потом пришел к нам старший брат. Тогда мы разделились: я с младшим братом против старшего брата и младшей сестры. Но я попал младшей сестре в горло и оцарапал его, из-за этого у нас все рассорились. Вечером мамаша с Сережей и Настей уехали к дяде Лене, как мы его звали. А мы втроем остались и проиграли весь вечер в карты. Нам на вечер оставили гостинцев. <...>

30 декабря. Вторник

После утреннего чаю я дописал слова по Саллюстию. Потом к нам пришли мои тетки. Клавдия сперва, а потом Дуня. Я прочел половину «Лагеря язычников» Ф. Купера, потом вышел гулять вместе с братом. Погулявши, пили чай, обедали, вечером читал «За драгоценным корнем» в Ниве 1855 года.

31 декабря. Среда

Я встал в одиннадцатом часу. Напившись чаю и съевши две котлеты. Мы: я, брат Сережа и Настя, отправились в Большой театр на оперу «Аскольдова могила». По дороге у Игнатова купили пяток яблок за

15 копеек. Мамаша наша велела надеть башлыки, я был очень недоволен. Мы наняли извозчика за 20 копеек. Но в конце дороги у его лошади сломалась подкова, и мы слезли и пошли пешком. Мне понравились декорации на первом действии. Днепр утром. На втором Днепр ночью при свете луны. Очень хорошо исполнил свою роль бандуриста, гудовщика Топорка, Голован – господин Додонов. Мне понравился еще незнакомец, господин Белявский. После третьего действия мы принесли пальто на место: в третий ряд галерки у входа №№ 133, 134, 135. Когда мы пришли домой, наелись арахиса и подсолнухов, которые мы в полчаса уничтожили. После вечернего чаю я надел папашин халат, вымазал себе лицо сажей, надел башлык, взял кочергу и вышел. Меня все стали колотить по «зы». Мы пропели «Боже, царя храни», «Славься», «Гой, ты Днепр» и легли спать. Мне понравилась песня «Близко к городу Славянску».

1887 год

1 января 1887 года. Четверг

За обедней меня убедило то, что молебен был без коленопреклонения, как всегда. После чаю пришла тетка нашей кухарки и принесла пирожного, с которого меня чуть не стошнило. Мамаша сказала, что если она еще хоть что-нибудь принесет, то она не примет. Я взял одну палочку *kalu hypermarganicum* и помазал себе под губою, как будто бы кровь, потом насили отмыл, и то не совсем. Потом я, Сережа и мамаша поехали к «Кресенькой». А потом мамаша хотела отправить нас домой, но извозчики брали 40 копеек от Дорогомиловского моста до острога. И мы пошли к бабушке <...>

Арабская лошадь (исправленное)

Араб Аравии гордится
Своею лошадыю всегда:
Без ней не мог бы поживиться
Чужим добром он никогда.
Ея красоты восхвалять
В различных песнях и стихах
Она с ним вместе отдыхает
Труды опасности делить.
Когда ж ее он призывает,
На всех порах к нему летит.
За грех продать ее считает,
Когда в пустынях и степях
Он караваны выжидает
В оврагах с племенем своим.
Потом внезапно нападает
И не дает дороги им.

В прежнем виде 1883 г. Мне 11 лет

Араб Аравии гордится своею лошадыю всегда.
Без ней не мог бы поживиться
Чужим добром он никогда.
Ее он очень уважает (любит),
И без него не мог бы жить.
Из-за нее дать не желает
Родных и собственную жизнь.
Когда же путник Европейский
Вблизи жилища проезжал,
Тогда он с умыслом злодейским
На Европейцев нападал. <...>

7 января. Среда

Сегодня мой день рождения. Мне исполнилось 15 лет. После Рождества в первый раз иду в гимназию. Первый урок немецкий, у немца я получил 5. Василий Филатович баллов не ставил. По истории никого не спрашивали. Григория Хрисанфовича Херсонского, «Тенорка», мы обманули, сказавши, что ничего не задано. Между тем как была задана формула пятинадцатигульника. Он стал объяснять далее о площадях. За его объяснением можно было заснуть, хотя он объяснял отлично. Он очень часто повторял одно и то же. Когда за алгеброй он объяснял о символах с показателями дробными и отрицательными, мы с Павловым сочинили стих: «Энку на пеку, по ку сокращаем, берем вверх ногами и выйдет пеку в степени ку». Мамаша на рождение купила мне пирожного и сухарей. Мы их съели в один вечер, только на другой день немного осталось. <...>

12 февраля. Четверг

Сегодня последний день перед распуском на Масленицу. Нынче же мы пойдем в театр. Из нашего класса выбрали 4 человека: Брюханова, Павлова, меня и Клумова. Шилов не пошел, потому что у него болела нога. Я и Павлов попали в Большой театр, Клумов и Брюханов – в Малый. По окончании уроков я не пошел домой, потому что в полчаса двенадцатого мы должны выйти из гимназии. Я закусил двумя пирожками: один с творогом, другой с вареньем. По дороге в театр я купил афишу с «Рибреткой», по выражению продавца. Мы пришли рано, у нас в ложе было тесно. В соседней ложе оказалась вторая прогимназия. Я со всеми первоклассниками поздоровался. Здесь были: Дедерский, Некрасов и другие. Александрова только не было. Пришел Петр Иванович. Я его узнал только потому, что мне еще раньше Пуфа сказала, что он отрастил бороду. Он совершенно переменялся. В прошлом году с теми же первоклассниками и с Петром Ивановичем я смотрел «Русалку» в Большом. В первом действии мне понравилась застольная песня Бутенко, моего любимца, он играл Каспара. Во втором действии я с Павловым сидели в ложе второй прогимназии. В «волчьей долине» водопад я плохо разглядел. Ад, огненные шары, черти, водяные мне очень понравились. Бутенко здесь тоже отличился своим голосом. В антракте между вторым и третьим действием я с Павловым пошел в фойе, достал два яблока и выпил полстакана воды малиновой. Видел Розенблюма, встретил Терешковича. Когда мы с Павловым возвращались, кто-то сзади сказал: «Господин Павлов!» Оказалось, что это Сныткин. Вл. Л. удивился, какой он стал широкоплечий и говорит басом. Он рассказал о своем житье в 5-й гимназии, а мы о своем в первой прогимназии. Там Кольцов был первым, Оленштейн по математике получал двойки, потому что учитель математики не любил жидов. Он сказал, что Усачев с ним. Мы пошли к нему. Усачев остался таким же. Все это действие мы просидели у них в ложе. Один я дороги не знал, а Павлов не хотел идти. Наконец, к концу действия, я ушел от них и долго не мог найти своей ложи. Я боялся, что Ник. Алекс. рассердится на нас, но этого не было. Я отправился домой и непременно бы заблудился, если бы не встретил Васильева. Он повел меня другой дорогой. Мы догнали Покровского. При выходе из театра я встретил их соседа в 4-м классе, Рабиновича в очках.

Масленица 1886 года

В четверг последний день перед распуском, и нас в этот день возьмут в театр. После уроков пришел инспектор и сказал, кого возьмут в театр. Из нашего класса взяли семь человек. Мы пошли в залу занять ложи театра. Я выбрал ехать в Большой театр на «Русалку».

Я успел сходить домой, и оттуда мы с братом пошли в театр. Когда мы пришли, уже все назначенные сюда были в сборе. Во время антракта я достал два апельсина, один съел сам, а другой дал Александрову. С нами был Петр Иванович. Потом Александров попросил показать ему сортир. Мне понравился Бутенко в роли мельника и особенно в третьем действии, когда мельник сходит с ума. Князя играл Медведев. Я на «Русалке» был уже второй раз, и она мне понравилась лучше, чем в первый раз. Из гимназии в театр я ездил уже третий раз. <...>

29 марта. Воскресенье

Вчера нас распустили в 12 часов на Пасху. Первый урок был немецкий. Евреи в класс не пришли, так как у них был праздник, и потому на немецком языке нас было всего 8 человек. Как только Богдан Иванович вошел, мы стали поздравлять его с праздником и даже христосоваться. Это его так растрогало, что он не задал даже нового урока, а дал старый, хотя и к этому дню он был старый. Мы стали просить Б. Иван. не спрашивать, и он согласился. Мы стали переводить основание Петербурга. Мамонтов переводил, а Палов писал. Потом стал переводить Васильев, а я писать. Второй и третий урок были латынь и греческий. Урок нам по латыни был задан двойной, а зато по греческому ничего. Василий Феофилактович по латыни на праздник нам задал 31 фразу по Менге. Сперва он сказал, что задаст 45, а немного спустя убавил на 31. Сереньку вызывали по латыни – тройка. По гречески вызывали и меня. Я отвечал наизусть по-русски урок, который спрашивали меня в прошлый раз. В конце стал немного заикаться. Вас. Феоф. сказал, что я читаю стихи немного шероховато. Тогда встал Павлов и сказал, что я заикаюсь, не могу выговорить некоторых букв. В.Ф. сказал, что я это сам могу сказать. Также при пересадке Павлов опять заступился за меня. Когда Вас. Ф. Спросил меня, почему у меня по-русски три, я сказал, что у меня плохие сочинения. Павлов встал и сказал, что мне баллы испортила двойка, поставленная Ильей Васильевичем, а не Виктором Александровичем. Я этого никогда не забуду. Накануне отпуска Клумов, как мы позже узнали, сочинил на каждого из нас эпиграмму и без подписи положил каждому в стол. Я вечером хотел написать ему ответную эпиграмму, но она не вышла:

Писатель скромный эпиграмм и сатир гадких,
Хоть и полны твои стихи намеков мелких,
И хоть без подписи ты их пускаешь,
Себя, желая скромным показать,
Однако же тебя легко узнать:
И лучше б было бы тебе
Сперва подумать о себе,
А уж потом советы подавать
И прежде этого других не укорять.

Клумов советовал Дубасову учиться, хотя и сам не особенно хорошо учился и над всеми надсмехался. На другой день после этого, то есть вчера, Клумова не было в классе. Он заболел крапивной лихорадкой. Перед роспуском, т. е. 27-го я с ним боролся и почти победил его. Я очень на него сердился, хотя этого и не показывал, за то, что он дразнил меня херувимчиком, у него это перенял и Гурьев. Гурьеву я, правда, отплачивал, дразня его Геркулесом, вакханкой, Агамемноном, Парисом. Недавно я прочел в газетах, что в Поле, венгерском городе, провалился театр и оттуда идут пары. Я еще больше убедился, что на земле творится нечто неладное. Весьма поздняя зима в России, землетрясение в Ницце, иссякание горячих источников в Греции, что не было с незапамятных времен. Что-то покажет солнечное затмение в августе! Недавно я читал новейших русских путешественников и был рад, что Россия не уступает никому из других государств. У нас есть путешественники Юнкер, Елисеев, Пржевальский, Потанин, Миклухо-Маклай. Вчера вечером мы пошли в церковь. Вербы там разбирали, ПРОИЗВОДЯ ДАВКУ. Даже один мужик закричал. За чаем толковали о том, что много людей погибли от зависти: Скобелев, Моцарт. И от своих страстей – Пушкин и Лермонтов. Потом толковали, что нужно жить для других, а не для себя, потому что в противном случае перед смертью будешь мучаться от скуки. <...>

Я с Серенькой пошел к портному за пальто, причем мамаша снабдила нас необходимыми инструкциями, как то: деньги отдавать при свидетелях, потому что портной может быть пьян и потерять их. Сперва сказать, потом порыться в карманах, а потом уж дать деньги, нести пальто обоим. Мы исполнили приказание в точности. Пришедши к бабушке, я стал рассматривать Руфины раковины и рыбки. Через несколько времени пришел Антон и сказал, что нас с пальто зовут к Лене. Там мы померили пальто и потом пошли домой. Но мамаша зашла к бабушке, и там ее уговорили остаться. Серенька с Руфой выпросились у мамы ко всенощной в церковь Троицы-Арбат, и я с ними хотел. Там пели Сахаровы певчие на два хора. Особенно мне понравились ирмосы. После «Чертог твой» мы возвратились к бабушке. Там напились чаю и, наконец, благополучно возвратились по конке домой. <...>

1 апреля. Среда

Сегодня мы будем исповедываться. Мы пошли к заутрене. Когда стали читать Евангелие, я не выдержал и вышел просвежиться. Когда я бываю утром в церкви, со мной бывает дурно. Начинается зевота, выступает холодный пот, и наконец, когда совсем нельзя стоять, я выхожу из церкви просвежиться и прихожу назад. После заутрени я читал Евангелие. Потом пошли к обедне. Исповедь начнется в два часа. Перед исповедью я посмотрел по катехизису свои грехи. Как только ударили, мы надели новые польты, картузы и пошли к исповеди. Поздний батюшка еще не приходил, и потому мы по ошибке встали к раннему, но потом перешли к позднему. Нам пришлось ждать около получаса. Прежде всего исповедовался Андрюнька. Потом я, а после всех Серенька. После исповеди я съел булку и выпил чашку чая. Серенька, как и в прошлом году, ревел, так как мамаша ему не сказала, что надо класть в кружки при записывании. Потом пошли к вечерне, слушал правила, из которых только понял: «Иисусе, сладчайший, помилуй нас, Богородица, спаси нас и радуйся, Невеста Небесная». После вечером читал Евангелие, потом пошел к Всенощной, и, воротившись домой, легли спать. Нынешний раз я после исповеди порядочно нагрешил. <...>

4 апреля. Суббота

Сегодня пили чай в нашей комнате, так как остальные комнаты мылись. Утром я выучил урок по русскому языку. Мы пошли к обедне. Мамаша просила узнать, где и когда здесь святят Пасху. Серенька спросил об этом богомолку. Она сказала, что после ранней обедни, что потом оказалось неверным. В благодарность за это Серенька сказал ей мерсі. Об этом же мы спросили Алексея, дворника, а он сказал, что после заутрени. Я лег спать с семи часов, но не мог заснуть. Нас разбудили в 10 часов с половиной. Пришли в церковь мы рано. Мамаша было звала нас на свое место, но когда почти все наши места заняли другие, то она перешла на наше. Певчие не пропели, а продрали «Волною морскою». Стали дожидаться 12 часов.

5 апреля. Воскресенье

Наконец, раздался удар колокола, все перекрестились. Мальчики трио запели «Воскресение Христово издавши», и крестный ход двинулся. Я не пошел вокруг церкви, как и в прошлый год. Серенька уже дал пройти большей части народа, но при выходе из церкви он встретил крестный ход на возвратном пути и воротился назад. Народу на заутрене было очень много. Простояв заутреню, мы все возвратились домой. Потом я и Серенька пошли к обедне и пришли к Херувимской. Разговевшись, я лег спать. Проснулся я довольно поздно. Большую часть дня я читал «Рыбаки» Григоровича. Часов около 3-х я, Серенька и Андрюнька отправились к бабушке. <...>

8 апреля. Среда

Сегодня мои именины. Я встал раньше Сереньки и Андрюньки, напился чаю и отправился в Страстной монастырь. Мамаша дала мне кучу денег, чтобы вынуть просвирки, купить свечки, на проезд, купить у Филиппова пирожное и сухарей. Была сырая погода, шел снег. Конка ушла у меня из-под носа, и мне пришлось дожидаться порядочно. В конке было очень мало народа. В Страстной монастырь я пришел к Евангелию. Пальто я не снял, хотя мамаша и велела, потому что было нежарко, да и на пять минут его не стоило снимать. После я сказал мамаше об этом. Отстояв обедню, я пошел к Филиппову. Прошел немного в переулок, не нашел и воротился назад. Посмотрел на выставленные журналы в надежде увидеть «Вокруг света», но его там не было. Воротился назад искать Филиппова, спросил одного извозчика, как мне его найти. Он мне сказал. Поехал домой по конке. При этом мне пришлось слезать на ходу конки, и я наткнулся на одного барина и чуть не полетел. Барин этот дал мне наставление, что нужно прыгать с конки вперед. От дождя у меня сделался насморк. Приехавши домой, я выпил чашку оставшегося чаю, а потом подогрели самовар, и мы все стали пить чай с пирожными и сухарями. Оставшуюся пироженку мы отдали Аксинье, от которой ее стошнило. <...>

18–25 апреля. Две недели после Пасхи

Баллы нынешнюю неделю у меня следующие: 2 – за русский диктант, 3 – за сочинение «Лучший день

каникул на Пасхе», 4 – за ответ Черни, 4 – за греческую extemporale (я ее написал без ошибок, только не закончил), 4 – за латинскую extemporale и 1 – за другую латинскую extemporale. В четверг меня по-русски вызвал Виктор Александрович отвечать чернь. Я очень заикался. После каждого стиха я прибавлял: «Я не могу выговорить», – на что многие смеялись. Я на это не рассердился. Павлов во время объяснения Тенорка написал на него эпиграмму: «Все спят, а он не спит, наш вдохновенный математик, свирепо мелом по доске стучит и мечется по классу как лунатик».

Эту эпиграмму увидел у него Виктор Александрович и отнял, обещавши отдать Григорию Хрисанфовичу. Я из-за этого очень боялся за Павлова. Его могли за это исключить. В пятницу Павлов сказал мне, что Виктор Александрович обещал стихи эти не отдавать, а оставить себе на память. В субботу Василий Феофилактович узнал об этих стихах, так как они у Павлова были написаны на греческой тетради, и задал ему нотацию. Павлов из приемной В.Ф. вышел раскрасневшийся. В пятницу в гимназию прибыл помощник попечителя Садоков. Он был у нас на истории. Историк сначала стал рассказывать и только под конец урока стал спрашивать. Садоков сначала вызвал Шилова, а потом Клумова. Шилов отвечал о коллизиях. Садоков спросил Шилова: видно, он любит историю. Шилов ответил: «Да, читаю!» – хотя сам и не думал читать. Садоков посмотрел баллы, не заметил множества точек и похвалил нас, а историк смотрел в это время на нас и лукаво улыбался. В субботу перед латинским языком меня вызвал Вас. Феофил. В приемную. Я предчувствовал, что это насчет латинской extemporale. Так и было. Васька говорил, что он удивлен, огорчен и многое другое. Да я и сам бы даже нарочно так не написал. У меня, например, было написано: quoratione prollium commissa est, ab utroque parte, после исторического времени поставлено главное. Мне кол за эту extemporale. Николай Александрович сперва спросил у Вас. Ф., верно ли мне кол, не ошибся ли он, а потому поставил. Зато по-гречески у меня написано без ошибки, а в предыдущей всего одна ошибка. Васька нынче злился, что ему плохо приготовили Ксенофонта, потому и мне поставил 3.

На Григория Хрисанфовича Х.

Заснули все за объясненьем,
А Тенорок не унывает.
Но возбужденный вдохновеньем,
Задачу дальше продолжает.
По классу бегают, кричат,
Кричат, махают все руками,
Фигуры в воздухе чертит,
Углы, диаметры с кругами.

Не так бывает лишь тогда,
Когда задачи объясняет,
Любовь к науке ведь всегда
Сердца людей воспламеняет.
Вообще ж отличный человек,
Наш математик, дай же Боже.
Прожить ему хоть целый век,
И нам уж кстати, дай того же.

3-я неделя после Пасхи. 25 апреля – 2 мая

Баллы у меня продолжают быть не особенными. По математике в первый раз получена тройка. По алгебре – 3, 4, 5. По латинскому языку – 3. По-немецки – 3 за extemporale и 5 за ответ. По истории – 3. Нам Вас. Ф. дал расписание уроков. Нехорошо, что первый экзамен греческий и на него не дано подготовки. В начале нынешней недели взошли посевы гвоздики и львиного зева. Теперь там три рода травы, и я не знаю, какая из них простая трава, а какая – цветы. Вчера мамаша наняла дачу в Лисвянах, прежнюю. Потому что ту, которую занимала Марии Федоровны сестра, уже занята. Сегодня нам нужно было приходиться к 10 часам в гимназию, потому что Вас. Феоф. нужно было быть на экзамене у Крел. Я нашел много

подтверждений моего прежнего предположения и даже объяснения. Землетрясения в Греции, в Америке и, наконец, предсказание известного астронома, что 27, кажется, сентября, будет буря в Европе. Этот астроном, верно, предсказал много событий. Мамаша потеряла квитанцию на Ниву, и кажется, что нам больше Нивы не видать. Александр Николаевич был у нас на втором уроке нынче, я у него немного отвечал и верно.

4-я неделя после Пасхи

У нас почти каждый день (занятия) до полчасу второго. В четверг даже было до 11 часов. Не было греческого, русского и математики, да еще французскому не учусь. Распустились в саду вишни, яблоки и груши. На днях мы набрали вишневого клея. Субботу и воскресенье я учил греческий. На будущей неделе два экзамена. Мамаша нашла билет на Ниву. <...>

3 июня, среда

Вчера мы ходили в гимназию за балльниками. Мы пришли в гимназию около четверти десятого. В гимназии уже были Кац, Ильин, Васильев. Кацу была переэкзаменовка по алгебре, и он получил в субботу письмо от Николая Александровича. Значит, у нас переэкзаменовки нет. В 10 часов приехал Василий Федорович и раздал балльники. Нам с братом по-гречески было по 5. Сегодня утром встали мы довольно рано, так как к семи часам должны были приехать возы. К десяти часам возы были уложены, и мы отправились на вокзал Ярославской железной дороги. На пути к нему я видел, как телега отдавила голову курице. Мы сели еще до звонков. Мамаша взяла квитанции для собак и пришла к нам в вагон. На вокзале мы увидели Евгения Петровича и поздоровались с ним. Он вошел к нам в вагон с Андрюнькой рядом, против него сидела мамаша, а я рядом с ней. Очень долго стоял паровик рядом со станцией Тарасовка. На Мамонтовской платформе нас встречал дядька Виргинька. Больше писать надоело.

9 июня. Вторник

Сегодня встал я около восьми часов. Перед чаем мы пошли купаться. День был пасмурный, вода довольно холодная. Я влез в воду и тут же вылез. Купальня наша больше всех купален в деревне Лисвянах на речке Усов (?). После утреннего чаю я вычистил сапоги. К нам от Оли пришла бабушка. Она застала меня в халате, так как я чистил сапоги. Вычистивши сапоги, я пошел с Андрюнькой ловить с плота рыбу. Весело ловить рыбу во время хорошего клева! Каждую минуту поплавок приподнимается и уходит под воду. Третьего дни таким же образом я в какой-нибудь час поймал 12 штук ершей. Теперь я поймал одну плотву, одного порядочного окуня и одного ерша. Кроме того, большая плотва была почти у меня в руках, но сорвалась и ушла в щель плота. Дома я пошел пообедать, червей накопал, почитал «Базар житейской суеты» Теккеря и снова пошел ловить рыбу. На плоту много баб полоскало белье, и я пошел дальше через мост. Только я закинул большую удочку, как увидел, что баб на плоту уже нет. Я воротился туда. Пошел маленький дождь. Сначала я на него не обращал внимания, но потом он усилился, и мы вместе с дядькой, который подошел к нам с жерлицей, возвратились домой. Вечером была гроза. Мы собрались было снова идти рыбу удить, но побоялись дождя. <...>

Клев рыбы. Из наблюдений

По моим наблюдениям, окунь берет прямо и сейчас же утаскивает в воду. Маленький ерш сперва немного поклюет, а потом утащит в воду. Большой ерш редко утаскивает в воду поплавок и долго ведет его, до половины погружая. Плотва никогда почти не погружает поплавок в воду, а ведет его. Подлещик ведет поплавок, но немного погружая в воду, и, наконец, совсем его утягивает в воду. Уклейка ведет поплавок.

13 июня. Суббота

Погода дрянная. Весь день не купались, рыбы не ловили, в лес не ходили. Учились у Оли. Была порядочная гроза. Говорят, от грозы в Пушкине сгорела дача.

14 июня. Воскресенье

Утром погода была довольно хорошая, но к полудню пошел дождь. В церковь мы сегодня не ходили. Дядька очень не хотел идти в церковь. Сегодня у меня и у Андрюньки был понос, и нам нельзя было есть пирогов и ватрушек.

Нынче вечером дядька сходил в Пушкино и купил литой мячик за 50 копеек, и мы поиграли в лапту. На мячик мы все сложились по гривеннику, и нам пришлось отдать 40 копеек. По-моему, они это сделали скверно. Из-за какого-нибудь гривенника на мячик имеет право Витенька. Я говорил об этом мамаше. Мамаша сказала, что она думает, что Оля даст половину денег. <...>

23 июня. Вторник

Утром мы пошли в лес собирать бабушке грибы. На половине дороги нас нагнала Манька и сказала, что мамаша велела ей идти с нами. В Звягинском лесу я первый нашел белых грибов. Около самой дороги я увидел, краснеются две шапочки. Я думал, что это березовики, но оказалось, что это белые грибы. Пуфа тоже нашел белый гриб, только корень у гриба был изъеден червем, так что он его бросил. Из Звягинского леса мы пошли в казенный осиновый. Там только Пуфа нашел белый гриб, да и я нашел 2 березовых до один осиновый. Пришедши из леса, мы через несколько времени пошли купаться. После купания я напился чаю, нарвал бабушке цветов, накопал червей и пошел к Оле, чтобы проводить бабушку в Пушкино на станцию. Проводив бабушку, мы услышали на другом конце деревни вой. Это Топке с Розкой одним стало скучно, и они устроили концерт. Бабушка дала нам на дорогу гривенник на подсолнухи, мы весь обратный путь занимались их грызением. Отдохнувши и пообедавши, я пошел на мост ловить рыбу. Поймал всего два окуня, хотя и сидел до самого заката солнца.

5 июля. Воскресенье

Сегодня Серенькины именины. Все ушли к обедне, кроме меня, потому что у меня не было чистой пары. Я записал дневник, вымыл чашки. Пришли от обедни Руфа, Витя, Серенька и Андрюнька. Позавтракавши и попивши чаю, я стал делать удочку. Сегодня я хотел достать из-под террасы свою удочку, самую большую с леской в 8 волос. Гляжу, удилице оттащено в сторону, а от лески в 8 аршин остался один аршинчик. Вместо этой удочки я стал делать другую. Вошла Александра и говорит: «Вот жизнь-то наша, вот сидела баба-то да и умерла». Прибыл дядька и кричит, что с одной бабой солнечный удар сделался. Послали за доктором Богомоловым, он ушел гулять в лес еще раньше. Тогда послали за Богдановым. Он оказался дома. Богданов сказал, что баба умерла. Я накопал червей и ушел ловить рыбу. Со мной рядом ловили Богданов и его брат. <...>

8 июля. Среда

<...> Утром сегодня я учился. Докончил начисто переписку слов из Ксенофонта. Потом мы выкупались. После купания пил чай и отдыхал. Потом еще раз купался. После купания пообедал. После всех звал по грибы. Никто сначала не пошел, так что я уже хотел идти один. Потом мамаша сказала, что она и Манька пойдут со мной. На половине дороги догнал нас Витя. Мы пришли на то место, где несколько дней назад нашли около 50 осиновых. Там мы нашли 12 осиновиков. Пришедши из лесу домой, я напился чаю, и мы пошли играть в палочку-выручалочку. Играть мы скоро кончили. Ванька и Серенька стали играть в шашки. Я, Руфа, Витя и Андрюнька пошли в сруб, насрали перед каждым из 4 окон сруба и пошли вызывать Ваню и Сереньку на бой: чтобы они брали приступом сруб, который мы будем защищать. Мы надеялись, что они вляпаются в говно. Тогда мы стали мешать им играть в шашки. Они перестали играть в шашки, но все-таки не пошли драться. В это время стали там играть в палочку-выручалочку. Манька, Дашка, дочь хозяина, две сестры соседнего гимназиста и еще дочь Богданова. Одна из них полезла туда прятаться и вляпалась в говно. Вечером мы сидели дома, и дядька с Витей были на дворе. Вдруг послышались возгласы дядьки: «Николай Егорович приехал, Николай Егорович!» Это оказалось верным. <...>

10 августа. Понедельник

Погода с утра – дрянная, к вечеру разгулялась. Мамаша уехала сегодня в Москву. Вечером пришел Витя и позвал меня по грибы. Я пошел с ним. Мы пошли сначала в Звягинский лес. Из Звягинского на наше

место пошли через березняк в Осиновый. Я набрал 21 березовый, 9 осиновых и 6 белых. Тотчас по приходе пообедал и ушел рыбу ловить. Вечером Андрюнька с Серенькой дрались с Настенкой из-за свечки. Настенка не права.

11 августа. Вторник

Мамаша сегодня не приезжала. Утром мы ходили по грибы. Я нашел очень немного. Вечером ловили рыбу. Поймал одного окуня и несколько ершей.

12 августа. Среда

Утром до двенадцати мы учились. После 12-ти пошел по грибы. Я нашел 2 белых, 110 березовых и 10 осиновых. Приехала мамаша. Квартиру она наняла недалеко от Цветного бульвара. Вечером ловил рыбу. Возвращаясь со своего места на мост, я увидел, что Андрюнька с Серенькой с кем-то разговаривают. Я подошел к ним. Мне лицо незнакомца показалось знакомым. Я все-таки поздоровался с ним. Это оказался Якушкин, Андрюнькин учитель. Потом мы ловили ершей на плоту.

14 августа. Пятница

Мы встали в 6 часов. К 9 часам наклали возы и отправили их. Я сходил к Ване за снопами и сходил по горох с Гринькой. Потом мы напились чаю. Перед чаем был очень сильный дождь. Полчаса второго мы отправились на поезд. Розку понесла мамаша. На поезд мы прибыли благополучно и проехали благополучно. В нашем вагоне играл арфист, и играл, по-моему, очень хорошо. С вокзала мы отправились на извозчике на квартиру. Проехавши Сухареву башню, мы повернули в переулок. Посередине этого переулка лежала груда обгоревших бревен. Я подумал, уж не наш ли дом сгорел. Оказалось, что действительно сгорел дом, в котором мы наняли квартиру. Я, Андрюнька, Манька с Топкой и Розкой отправились к бабушке, мамаша пошла искать квартиру. А Серенька с Настенкой остались встретить возы. Бабушка с Руфой ушли в Успенский собор к обедне, Леня с Еленой Федоровной уехали к Федору Федоровичу. Извозчику нужно было отдать 30 копеек. У Лизы нашлось 25 копеек, а у Анюты 5. Скоро приехал Руфа с бабушкой. Мы напились чаю и наелись картофелем. Потом приехал Леня. Мы у него обедали и пили чай. Пока я был у Лени, Топка с Розкой, запертые у бабушки, все время выли, и Топка прорвал занавеску и выбрался на улицу. Вообще, Топка мне порядочно надоел во время моего пребывания у бабушки. <...>

Учителя в VI классе:

Латинский язык – Василий Фиофилактович Никифоров

Греческий язык – проф. Александр Николаевич Шварц

Русский язык – Илья Васильевич Софинский

Алгебра, геометрия, физика – Григорий Хрисанфович Херсонский

Немецкий язык – Богдан Иванович Шпиес

История – Иван Викторович Казачков

Французский язык – Феликс Осипович <...>

17–18 августа 1887 года

Первая неделя учения в VI классе по отношению к баллам прошла благополучно. От летних работ по Закону Божьему отделался 4+. Батюшка вызвал меня первого. По Ксенофону у Александра Николаевича получил 5, по латыни за Овидия у Василия Серафимовича – 4. По-русски у нас вместо Виктора Александровича Илья Васильевич Сафинский. На акт в заключение Александр Николаевич обратил внимание присутствующих на отличные успехи пятого класса, что выразилось в большом числе наград, и сказал, что это он приписывает как неусыпным попечением нашего почтенного классного наставника, так и собственному нашему старанию, и выразил надежду, что мы теперь будем не только старшим классом по названию, но и будем подавать пример младшеклассникам. Павлов в награду получил Бестужева-Рюмина. Он сел, как в прошлом году, со мной. <...>

22–28 августа 1888 года

У нас все нововведения. Теперь мы в продолжение первой пересадки перевести не менее 7 страниц с греческого по книге. Кто учится одному из новых языков, тому во время пустых для него уроков будут давать учить стихотворения. Но, кажется, Шварц позабыл об этом. По русским письменным работам у меня – 4. Вчера, в четверг, у Александра Николаевича получил 3, потому что он у меня спрашивал то, что не было задано. В среду мы на французском языке сидели в зале. Вдруг из первого класса выбегают ученики, кто с ранцами, кто с перьями, и ну кричать: «Пожар! Пожар!» Сейчас Николай Александрович прибежал и закричал: «Назад! Ничего нету!» В это время в первом классе был Григорий Хрисанфович. Вишен в саду уже совсем немного. Яблок тоже собирали мало. К понедельнику нас совсем завалили уроками. Большею частью скука и тоска одолевает.

Прозрачны волны рассекая,
Челнок стрелой вперед летел,
Его веслами подгоняя,
Матрос сидел на нем и пел.

Лилася песня его звонко,
Он пел про родину свою,
Про ту далекую сторонку,
Где он оставил всю семью.

Теперь туда он возвращался
На углу челноке своем,
И сильный ветер вдруг поднялся,
И разразился дождь и гром.

Кругом все море бушевало,
И поднимались волны в нем,
Челнок матроса же кидало
И вниз и вверх волнами с дом.

Матрос сидел, не шевелился,
И челноком не управлял,
А только Богу он молился,
Давно по опыту он знал,

Что лучше только опасаться
С волною в море полететь,
Да крепче за борты держаться
И в челноке смирней сидеть.

До ночи буря продолжалась,
Потом прошла, и ветер стих,
Луна на небе показалась,
Со множеством лучей своих

Все море слабо осветила.
Не длинна ночь в таких странах,
Заря восток озолотила,
И солнце всплыло в небесах.

Спокойно море освещалось,
И видно стало все кругом,
И не видать лишь только было
Челна с знакомым моряком.

Куда ж он мог деваться в море?
Разгадка этому ясна:
Его могла во время бури
Перекувырнуть с челна волна...

Р. Смирнов. 1887 год <...>

31 августа – 5 сентября

Баллы мои в эту неделю плохи. Кроме тех троек, я в пятницу получил 2 по латыни. Отвечать меня вызвал В. Ф. про Помпея, а я позабыл повторить. Я очень боялся нотации Шварца. При выдачи балльников Шварц мне ничего не сказал. Балльники А. Н. подписывал каждую субботу, как во второй прогимназии. Когда же я пошел домой, Шварц подозвал меня. У меня так и екнуло сердце. Ну, думаю, отчитывать станет! Однако этого не было. Он мне велел передать мамаше, чтобы она написала прошение на его имя об освобождении меня и Андрюньки. По-русски у меня в субботу 2 четверки, одна за сочинение, а другая за ответ. За сочинение было всего три четверки: мне, Шилову и Клумову. Это сочинение («Учиться никогда не поздно») было задано нам в четверг, вместо французского языка.

4 сентября – 14 сентября 1887 год

Баллы нынешнюю неделю еще ничего. За латинский extemporale – 4, за ответ – 3, по греческой extemporale – 3+, а за ответ – 4. По физике – 5, по алгебре – 5, по немецки – 4 и за исторические летние работы – 4. По латинской extemporale получили 4 только я и Шилов. По греческой extemporale 4 получил Клумов, я, Павлов, Брюханов и Шилов, а остальные – 3, 2 и 1. Александр Николаевич уходил в пятую гимназию: там директор Басов умер. На место Александра Николаевича к нам, кажется, поступит инспектор третьей гимназии Константин Кириллович Войнаховский, у которого в первом классе я учился по-латыни и по-русски. По-гречески, кажется, вместо А. Н. будет учить В. Ф. Мы собираемся поднести Александру Николаевичу группу. Она нам обойдется дорого. 60 с гаком-то рублей, а нас всего 18 человек. Скука и тоска несколько раз нападала на меня. А для чего только мы живем! Я все мечтаю по окончании курса путешествовать. Одно только и остается, это утешение. Я стараюсь больше всего по физике и по окончании курса гимназии думаю поступить на Физико-математический факультет. Завтра или послезавтра, может быть, пойду сниматься. Выучил ноты для того, чтобы играть на рояли.

15–20 сентября

14 сентября мы с Серенькой ходили сниматься. Типография Баграшова стоит на месте французской фотографии, которая перешла в Столешников переулок. На возвратном пути из фотографии я встретил Журова. Я сначала не узнал его и прошел мимо, но потом только догадался, что это Журов, когда мне сказал Серенька. Он в очках и вытянулся так, да, к тому же и сделался гораздо тоньше, только голос у него не изменился. <...>

18–24 октября

В четверг мы ходили подносить группу Александру Николаевичу. Полчаса одиннадцатого мы с Серенькой вышли из дому. На дороге нас встретил Павлов с Шиловым. Они пришли в гимназию и пошли прогуляться. В гимназии, когда мы пришли туда, был только Эфрос. Через некоторое время уже собрались все, кроме Трубкина и Николая Александровича. Брюханов, Павлов и Шилов приготовили речи. По голосованию выбрали Брюханова. Ему было 10 голосов, Павлову – 6, а Шилову – 2. Александр Николаевич прислал Николая Александровича с запиской, в которой говорил, что не может принять нас на квартире. Мы вышли в приемную. Впереди стояли Павлов с Иловым с группой, рядом с ними слева Брюхатов, сзади

полукругом остальные. Николай Александрович позвал Александра Николаевича, он вышел и встал перед группой. Брюхатов сказал свою речь. Речь очень хороша. На нее Ал. Ник. сказал свою речь, в которой он упомянул, что в 5-й гимназии 6-й класс маленький, а 7-й большой, и потому все желающие могут поступить к нему, окончивши курс прогимназии. Окончивши речь, он стал разговаривать с Шишковым и Павловым. Павлов ушиб себе нос, упавши с трапеции, это заметил Александр Николаевич. Потом мы ушли. Любимов попросил у него его карточек, и он сказал, что всем желающим даст. <...>

14 ноября. Суббота

Еще в четверг Николай Александрович сказал, что из театра Корша прислали 20 билетов на «Ревизор». Кроме того, из Императорских театров тоже были присланы по ложе. Я, Серенька и Андрюнька выбрали в Большой театр. В субботу к 11 часам мы собрались в гимназию. Серенька с Андрюнькой переменили Большой театр на Корша. В Большом шла сегодня «Рогнеда» Серова. Туда шло около 13 человек. Николай Андреевич с сыном, письмоводитель Трезор, я, Павлов, Розанов, Мер, Гурьев из третьего класса, Померанцев, Ушаков и Лебедев и Богоявленский. Да из второго класса человека два, да швейцар Новиков. Ложа была № 3 с левой стороны второго яруса. Рядом с нами оказалась Вторая Московская прогимназия во главе с Мухомором. Из учеников второй прогимназии знакомых не было. Там встретил двух Веревкиных. Розанов дал мне свои очки, да я их ему опять отдал: больно глазам. Розанов в зал фойе полетел и на него человека два. Я ничего не добыл, кроме двух сухарей. Розанов все направлял свой бинокль на противоположные ложи второго яруса, где сидели институтки. До пол часа пятого продолжалось представление. Вечером были у нас Леня с Еленой Федоровной и Руфа. Грека не было. Я на нынешней неделе получил 2 по Гомеру extemporale, 3 по алгебраической и 4 по алгебре. Учусь играть на рояли. <...>

24 ноября 1887 до 28 ноября

Баллы у меня совершенно дрянные. По-гречески Васька мне поставил двойку за то, что я при чтении «Одиссеи» повторил два раза одно слово. Инспектор шляется к нам каждый день, и мы отличаемся, особенно по латыни. Сегодня, то есть 28 ноября, приезжал в гимназию окружной инспектор. Он был на русском языке: по-русски отличились. В воскресенье на концерте инспектор Университета Брызгалов получил две пощечины от Синявского студента. Студенты составили против Брызгалова заговор. Ударить его по щеке выпал жребий Синявскому. И он на концерте во время исполнения скрипки подошел к Брызгалову и сказал: «За всех и за все», – и ударил его по щеке. Теперь студенты бунтуют не только в Москве, но и в Харькове, и в Одессе, и в Петербурге. В Москве уже кроме студентов взбунтовались Петровцы, Техническое училище и другие учебные заведения. Более чем у 300 студентов отняли билеты. Говорят, что одного убили. Сегодня многие из наших учеников отправились в Екатерининскую больницу смотреть раненных нагайками студентов. На место Брызгалова поставлен Добров. 27 ноября в 2 часа ночи умер Федор Федорович Резанов, и 30 ноября будет вынос тела в церковь Николая Чудотворца, что на Пресне, приход Евгения Петровича. И погребение, и поминаение – на Ваганьковском кладбище. Может быть, мы все отправимся в церковь, а может быть, Серенька с Настенкой только. Будут петь Чудовские певчие за 300 рублей. Погода совершенно дрянная, слякоть и мокрота. Один день мороз и нападает снегу, а на другой день все стает. Батюшка, то есть наш законоучитель Богоявленский, получил орден. Мамаша купила фикус, кажется за 6 гривен. Серенька уже давно купил себе за 3 рубля коньки как у дяденьки. Я стал уже по-настоящему учиться играть на рояли, играю каждый день по нотам. Я позабыл прежде написать, что Шварц прислал нам карточки. У меня была надпись; Любезнейшему Смирнову Руфу от А. Шварца на добрую память. Сереньке было надписано: Дорогому ученику Смирнову Сергею от А. Шварца. Окончил переводить речь Цицерона.

До 7 декабря 1887 года

Баллы у меня на нынешней неделе очень хорошие. 4,3 по-русски, 4 и 4 по-гречески, 4 и 5 по-латыни, 4 и 5 по математике. Сегодня, то есть 6 декабря, только что сейчас, то есть в 6 часов, сделал такого хорошего болвана из снега, что, пришедши домой при поливке цветов, разлил воду на скатерть, что, впрочем, случалось так часто, что мамаша, было совсем запретила мне поливать цветы. Сегодня все, кроме Маньки и меня, уехали на Витино день рождение. Вчера мы написали Николаю Егоровичу письмо. Я получил из

латинской экс-темпорале 5 один только в классе. В субботу верно сделал классные задачи по геометрии. <...>

До 23 декабря

Всю прошлую неделю, начиная с понедельника, я был болен и не выходил на улицу. В воскресенье я с Андрюнькой делал гору и, верно, очень постарался, потому что на другой день я уже чувствовал озноб и жар. Я все-таки досидел до конца уроков. Тут еще недоставало весьма сильной выюги, которая прямо мне в лицо была обледеленным снегом.

К вечеру у меня уже сделался сильный жар. Мамаша напоила меня на ночь чаем, наперед обложивши горчичниками, и к утру мне сделалось лучше. Кроме жару у меня поднялся кашель, насморк и распухли десны. На другой день Серенька тоже захворал. Мне пришлось из-за кашля и насморка не поехать в воскресенье на концерт. Вчера в Настенкины именины был у нас Витя. Он 4-й ученик. Он очень вырос, и у него совсем переменялся голос. Руфа не приехал. Я – ученик 8-й, Серенька – 10-й, а Андрюнька – 23-й. У него опять по-немецки двойка в выводе. Я стал было учить его по геометрии. Но мне с ним стало противно заниматься, потому что он все шипит на Маньку. Когда она проходит мимо него, он отворачивается и шипит. Жопища-ужопища! Затворяет у ней перед носом дверь, так что несколько раз ударял ее дверью. Манька не может ему ничего сказать, потому что если она скажет, то мамаша скажет, что она девочка, что ей неприлично говорить грубо, причем иногда скрепляет свои слова оплеухой. Сегодня я встал поздно, учил историю и физику, гулял. Я делаю себе юрту из снега около сада. В саду у нас теперь хороший каток. На место Алексея-дворника приехал брат Алексея – управляющего. Сейчас только мы обедали, и во время обеда пришел Соколов к Андрюньке. Он теперь сидит в зале и решает с Андрюнькой задачи, а я пишу дневник на 211-й странице. Недавно я разбирал сушеные свои цветки. Они все целы и их очень много. Мамаша, может быть, привезет мне коньки: она уехала закупать к праздникам. Вчера я прочел «Корабль Ретвизан» Григоровича – 9-й том его сочинений. По математике, по геометрии и по алгебре мне выпало по четверке, но выходило 4 с лишком. Мне подпортила первая двойка. По геометрии у меня баллы – 5, 2, 5, 5, по алгебре – 3, 4, 4, 5. По латыни и по греческому мне выпало по тройке.

До 28 декабря

Мамаша мне купила за 75 копеек коньки подержанные, огромные на концах с загибом. Они вроде английских, только у них бока схватываются ремнем, а у меня посредством винта. В первый день Рождества мы до вечера катались. Вечером я с Андрюнькой уехали к бабушке, а Серенька с мамашей прежде к отцу-наместнику, а уже потом к бабушке. Приехавши, мы прежде пошли к Лене поздравить его, выпили там по стакану чаю и съели по кусочку шоколаду и ушли к бабушке. Там были еще только Руфа с Витей. У Руфы осталась только одна рыбка. Я и мамаша уехали домой, а Серенька с Андрюнькой остались, чтобы завтра купить коньки. На следующий день я с самого утра катался на коньках. Только что я пришел домой и стал снимать коньки, как вошел Николай Егорович, за ним пришли и Серенька с Андрюнькой: они купили английские коньки. У Николая Егоровича был цилиндр и лисья шуба. <...>

29 декабря

Сегодня я проснулся поздно, напился чаю, и мы, то есть Серенька, я и Настенка, отправились в Большой театр на «Демона». Демона играл Хохлов, Гудала – Фюрер, Синодала – Барцал, старого слугу – Василевский. У Хохлова очень хороший тон голоса. «Демона» я вижу во второй раз.

До 2 января

Я Новый год встретил в постели. Вчера, т. е. 1 января, мы были у бабушки, так как был ее день рождения. Я, Серенька, Андрюнька и мамаша в 3 часа вышли из дому, неся с собой коньки, вырезанные галоши и Серенькины сапоги. По дороге нас провожали мальчишки, любясь связкой коньков. Дошедши до гимназии, мы сели на конку, которая привезла нас на Смоленский рынок. Когда мы пришли к бабушке, Руфа с Витей уже катались на коньках. Леня спал, и потому мы отправились прямо к бабушке. Там сидел Александр Александрович Сперанский. Мы поздравили бабушку, надели коньки и пошли кататься. Каток у дяденьки дрянной, гора еще ничего. Покатавшись с часик, мы пошли к бабушке чай пить. Пришла Оленька,

или Ольга Жоповна, как мы ее звали. Потом Ленья с Еленой Федоровной, Оля и Евгений Петрович. Я списал у дяденьки с каталога рыболовных снастей Галлерта несколько вещей. Под Новый год мы с Андрюнькой затеялись составлением списка рыболовных снастей, которые нужно купить к лету. Вот он с прибавлением:

Сачок – 75 коп.

Верига – 50 коп.

Катушка зеленого шелку – 45 коп.

2 поплавок – 30 коп.

2 жерлицы – 20 коп.

10 маленьких крючков – 25 коп.

Больших крючков на 15 аршин – 25 коп.

Лески в 8 волос – 20 коп.

Вилка для вынимания крючков – 15 коп.

2 катушки зеленых ниток – 10 коп.

Корзинку для рыб – 30 коп.

Итого: 3 рубля 45 коп

1888 год

1 января 1888 года

Мамаша было хотела оставить меня у бабушки, чтобы я привез на другой день стол, но я отказался. Около 10 часов мы ушли от бабушки и на 2-х извозчиках приехали домой. Сегодня я встал поздно, часов до 2-х делал греческий, часа полтора делал гору, потом снова учился, и теперь пишу дневник.

В 1887 году весь июнь стояла такая дрянная погода, что днем не было никакой возможности гулять, так как весь день шел дождь, только к вечеру небо прояснялось и показывалось солнце. Поэтому мы спешили провести это время как можно лучше. А для нас не было удовольствия лучше рыбной ловли, и поэтому мы ловили рыбу каждый день. Я опишу один из таких вечеров, именно вечер 11 июня. Часа в 4 я бросил сочинения Тургенева, которые читал от нечего делать, взял удочки, заранее накопанных червей, хлеба для плотвы, лейку и в сопровождении Топа отправился на Учу. Перешедши через мост, я прошел немного вдоль по течению реки и расположился с двумя большими удочками для больших рыб и с одной маленькой для плотвы между кустами ольхи, которые покрывали весь левый берег Учи. Маленькую удочку я насадил хлебом, и у меня на ней поминутно клевало, только очень тихо. Все-таки я через несколько времени вытащил 2 плотвы, одну порядочную, другую маленькую. Около меня ловили Серенька с Андрюнькой, но они скоро ушли на плот, оставивши мне одну из своих удочек.

А между тем солнце опускалось все ниже и уже стояло как раз над нашей дачей. С этого времени, как я замечал, всегда начинался клев рыбы. Я вытащил еще 3 плотвы. Только что я стал настраивать хлеб после последней плотвы, как на большой удочке у меня взяло, и я вытащил порядочного окуня. Я стал вынимать крючок, но, видно, поспешил и переломил его.

Солнце опустилось еще ниже, ветер почти совсем стих, и на воде можно было различить малейшее движение поплавок. Положивши своего окуня в лейку, я стал спускаться к удочкам. Вдруг я увидел, что поплавок на вверенной мне удочке погрузился весь в воду и поехал под водою. Я бросился к удилищу и потащил. Удилище согнулось в дугу! Потом рыба повернула в сторону, и я, подведши ее к берегу, перекинул через кусты. Теперь я увидел, что за рыба взяла у меня. Огромный окунь, какого не только никто из нас не лавливал, но и не видывал – более четверти аршина длины, толстый, тяжелый! Все ему удивлялись. Я так обрадовался ему, что долго не мог оторваться, любуясь на него. Не знаю, что может быть красивее большого окуня! Красные плавники вместе с темными, точно бархатными полосами представляют собой очень красивое сочетание. Кроме того, самая форма тела окуня очень красива, не то что у ерша или подлещика. Налюбовавшись окунем, я снова закинул удочки, но уже ничего не поймал, скорее всего, от радости, так как у других рыба клевала очень хорошо. Руфа поймал огромного подлещика, Серенька 4 средних подлещика и одного окуня. Андрюнька одного маленького подлещика и ерша.

А солнце совсем уже опустилось и зашло. На месте его появилась заря, которая, разгораясь, вскоре охватила полнеба. Верхушки ольхи и изб приняли красноватый оттенок, а река все темнела и темнела, так что уже поплавок уже было не видно. Ветер уже совсем стих. От реки, извиваясь как дым, начал

подниматься туман и окутал всю реку точно большой пеленой. На небе показалась одна звездочка, потом другая, и скоро все небо заискрилось миллионами звезд. Между ними величественно выделялась луна, светя нам и другим рыбакам. Но долее нам не позволено быть на реке. Мы собрали свои удочки и отправились домой в самом хорошем расположении духа. Улов наш действительно был отличный, и теперь я с удовольствием вспоминаю этот вечер и, вероятно, никогда его не забуду, так как я поймал в этот вечер первую большую настоящую рыбу. 2 января 1888 года. Р. Смирнов. <...>

До 24 января

Дурных баллов за нынешнюю неделю нет. 3 – по греческому за ответ, 4 – за греческую extemporale, 4 – за латинский перевод по Вергилию. Говорят, что в понедельник будет большой мороз – около 50 градусов. Третьего дня была оттепель, и мы с Андрюшкой сделали крепость, так как снег был мокрый, плотный и липкий. Я изучаю карту звездного неба. Вчера я встретил в «Русских ведомостях» две песни, которые поют Мазилловцы. Я ведь в Мазилове жил 4 года.

Песня про Чуркина

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут.
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые –
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой.
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Струится кровь из раны
По буйным по вискам.
Одна струя быстрее
Течет по волосам.
Ремни его кальчужны
Изрублены висят,
Ножи и пистолеты
За поясом торчат.
Мы шли, остановились,
Сказали: «Братцы, стой!
Давайте поскорее
Могилу братцу рыть».

Мы вырыли глубоко
На желтом песочке,
На желтом песочке,
Крутом бережочке.

Спустили, положили,
Сказали: «Брат, прощай,
Теперь нам не время
Беседовать с тобой».
А сами поскорее
Опять в кровавый бой.

Песня про Ивана Сусанина

«Сусанин, Сусанин, куда нас ведешь?»
«Туда, куда надо!» – Сусанин сказал.
«Куда нас ведешь ты, не видно ни зги! –
Сусанину с сердцем вскричали враги, –
Веди нас скорее, дадим за труды,
А то ведь недолго у нас до беды!
Мы вязнем и тонем в сугробищах снега,
Знать, нам не добраться с тобой до ночлега.
Ну, долго ли биться нам с этой метелью?
Вон что-то чернеет в долине за елью».
«Деревня, сарматы! – в ответ мужичок, –
Вон гумна, заборы, вот речка, мосток.
За этой за речкой избушечка ветха
Во всякое время для гостя согрета.
Взойдите, не бойтесь».
«Ну, то-то ж, москаль,
Какая же, братцы, чертовская даль!»
«Зипун мой хоть выжми, нет нитки сухой», –
Взойдя, проворчал тут сармат молодой.
«Вина нам, хозяйка! Измокли, озябли,
И дай нам приняться за острые сабли.
Тут чистая скатерть на стол постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
Окончивши ужин, легли на покой,
Один был на страже Сусанин седой.
Молился он Богу пред святой иконой,
Царю Михаилу святой обороны.
Тут кто-то подъехал к избушке верхом,
Сусанин крестился, сам к двери тайком.
«Куда ж ты, радетель, и я за тобой,
Куда ж ты уходишь ночью порой?
Убьют тебя ляхи, что ж будет со мной?
И с матерью нашей и с юной сестрой?»
И чуть на востоке зардела заря,
Проснулись сарматы, злодеи царя.
«Сусанин, Сусанин, что молишься Богу?
Веди и тори нам скорее дорогу!»
Ничто не шелохнет, ни дуб, ни береза,
А снег под ногами хрустит от мороза.
Заводит Сусанин в дремучий их лес.
Подводит Сусанин к сухому их пню:
«Ступайте, сарматы, а я не пойду!
Убейте, зарежьте, тут моя могила.
Но знайте, что спас я царя Михаила!»

Я продолжаю учиться играть на рояли. Теперь руки у меня достаточно развиты. Третьего дни мы с Серенькой вспомнили еще одну песню. Эту приблизительно лет 10 назад, еще при папе, пел «цыпленок» – это один мальчик, кажется ученик сапожника. Он нам пел много песен. За это папаша давал ему то шапку, то куртку, то книгу, например книгу «Царь с царицею простился, в путь-дорогу снарядился».

Вот эта песня:

На Пречистинке направо,
Там стоит огромный дом,
Там стоит огромный дом,
Вкруг оградой обнесен.
Три сибирские коморки
Там несчастные сидят,
Там несчастные сидят,
Все в окошечко глядят.
Видно, видно в то окошко.
Вон в столовую несут
Щи из белья капусты
Капуста ровно белый снег.
Щи из белья капусты,
Капуста ровно белый снег,
А по ней-то по порядку,
Плывет стадо червяков.
Арестант ведь не собака,
Он такой же человек,
Бросил ложку во щи с сердцем,
Сам заплакал и пошел.

Эту песню я слышал 10 лет тому назад и поэтому не всю ее помню. Да и это помню, может быть, не точно. Когда придет к нам Евгения, я спрошу у ней: она, наверное, помнит. <...>

21-го числа я видел Императора в первый раз. Еще вчера на первом уроке было благодарственное молебствие за чудесное избавление императорского семейства от гибели во время схода поезда с рельс. Нынче, когда на первом уроке мы с Брюхановым стали переводить места из Геродота, пришел Алексей Николаевич и сказал нам, что вся гимназия пойдет встречать Императора в Кремль, что все могут идти домой, оправиться и к 10 часам быть в гимназии. Мы обрадовались и пошли домой. У меня и у Андрюньки не было гербов на шапке, и поэтому, как только я пришел, хотел отправиться за ними, но мамаша велела идти Сереньке, потому что у него легче пальто. К нам пришли дяденька и Витенька. Мы закусили маленько, дождались Сереньки и отправились в гимназию, а оттуда (после того, как инспектор прочел нам речь о необходимости идти попарно, доказывая это тем, что усачи и бородачи ходят попарно из технического училища) в Кремль. Мы встретились за веревкой перед самой дорогой, покрытой красным сукном, по которой должен был пройти Император. За канатом стоял народ. Нам пришлось постоять часика два на холоду, что даже Александр Николаевич, а за ним и Шульбах с инспектором стали прыгать. Мы видели архиереев, митрополита. Наконец, приехал и Государь. Как мы здорово кричали «ура!». Я хорошо довольно разглядел его и Наследника. Потом мы ушли домой.

1889 год

3 января 1889 года

В эту пересадку попал в первый разряд. Это очень хорошо. Бог даст, если не в нынешнем, то в будущем году можно будет добиться и до первого ученика. Александр Николаевич мною очень доволен. Рождество провел довольно весело, хотя нигде, кроме как у Лени, да у Оли, да у бабушки, не был. Первые дни Рождества погода стояла теплая, около +5. Теперь, то есть 3 января, – 14 градусов. Леня нам с Серенькой подарил по часам никелевым, весьма хороши. На праздниках я прочел «В лесах» и «На горах» Печерского.

Архип Савельич очень плох. У Лени в четверг был дан бал, на который были позваны его прежние знакомые, разные там Копасовы, Капустины и др. У Лени расчищено полпруда, и мы катаемся на коньках. Серенька, Андрюнька и дядька ходили в зоологический сад. Я не ходил. В субботу под Новый год выучили мы кадрили да польку танцевать. Время в нынешнем году вообще провожу веселее прошлого. Относительно факультетов – думаю поступать на физико-химический или физико-математический, или филологический. Старательно пишу домашние сочинения. <...>

11 апреля

Мамаша наняла дачу в Лисвянах крайнюю, рядом с Олиной. Я весьма рад, что мы на лето попали в Лисвяны, так как ожидаю провести время гораздо веселее, чем в каком-либо другом месте. В Пушкине опять будет жить Розанов, самый лучший и добродушный человек в свете. Кроме того, в Лисвянах же, по всей вероятности, будет жить Сергей Иванович Покровский, с которым мы за зиму довольно коротко сошлись. Отличное купание, прекрасное место для рыбной ловли, кругом Лисвян леса и поле для ловли насекомых, гимнастика в Пушкине – лучшего желать невозможно. Если же кто хочет общества, то стоит только пойти на вокзал перед поездом, и там тебе будет самое разнообразное общество. Там же наняла дачу Оля. Это и хорошо и нехорошо, смотря по тому, с какой точки зрения смотреть на это. Я уже нашел себе множество разнообразных лесок для будущей рыбной ловли, сделал 14 пробковых поплавков разной величины, исправил сегодня сачки, вообще уже детально готовлюсь к лету. Летом я думаю составить большую коллекцию насекомых и надеюсь исполнить это хорошо, так как я уже запасся всеми необходимыми снастями, и мне остается только обзавестись весьма необходимыми инструментами. Сведения я приобрел из всех, что реально можно было достать книг. Особенно много я почерпнул из «Книги для экскурсий» Глазля, перевод Сорокина. А сведений о насекомых я больше всего нашел в «Естественной истории насекомых» соч. Фигье. Сведения для аквариума я взял из «Аквариумы» соч. Сорокина. Из этих и других книг я сделал довольно обширные выписки. Еще я позабыл упомянуть книгу, отличную для распознавания жуков в России, «Вредные насекомые» ч. II изд. Министерства государственного имущества. Первой части, где описываются бабочки и вредные насекомые, я не достал. Летом я, кроме того, буду заниматься рисованием. В нынешнем году мне можно будет ловить рыбу, даже на даче у Лени на пруду карасей.

14 апреля 1889 года

Два дня погода стояла отличная. Сегодня с утра было запасмурилась, но часам к трем снова прояснилась, и барометр склонился к ясному. Эти три дня мы почти напролет гуляли. Вчера поутру после чая я сходил в библиотеку и переменял себе журнал «Природа и охота». Мамаша еще с утра ушла на рынок. Мы думали было сегодня сделать прогулку в Матилово, да мамаша все не приходит. Прождали мы ее немного. Потом мы с Андрюнькой пошли на кладбище. Прекрасный день с чистым и безоблачным небом возбуждает весьма чувства в душе. Вышли мы из города в поле. Ветер гулял долго на просторе. Как приятно казалось мне его довольно сильное веяние! Он дул прямо в лицо. Вспомнилось мне лето. Травы еще не было, и листья на деревьях еще не расцвели. Пришли мы с Андрюнькой на кладбище, поклонились могилам папы и дедушки и спустились к реке. Сколько различных чувств вызвал вид ее! Тоска, что дороже всякой радости, как выразился Некрасов, объяла мою душу. Мы легли на траву. Перед нами сверкала на солнце река, далее за полями виднелась роща, примыкающая к какому-то большому дому на окраине Москвы, и слева, еще далее, стоит лес, занявший уже весь пригород. Представьте себе только такую картину, озаренную ярким солнцем, представьте себе ее в первый раз после долгой зимы, и вы поймете мои чувства. Вспомнились мне Лисвяны, рыбная ловля, купальня. Вспомнилось мне одно мое путешествие. Тогда был жаркий июльский день. Пошел я тогда в лес, и не в березовый или осиновый, который весь был истоптан гуляющей публикой и грибоискателями, а лес, примыкающий с одной стороны к березовому, а с другой – к сосновому. Туда, я не знаю почему, никто не ходил. Шел я там один с сачком, пробираясь между деревьями и потихоньку переходя болота, довольно часто попадающиеся. Понял тут-то я, наконец, что называется природой. Передо мной порхали многочисленные бражники, между ними промелькнет иногда бархатная бабочка прекрасного кофейного цвета или сиреневый бражник, огромный золотистый, на солнечном свете сверкающий. Прекрасная эта бабочка, у иных видов из-под крыльев бывает мраморного

зеленого цвета, летает она только при солнечном цвете и яркими своими красками, издали сверкающими на солнце, весьма оживляет лес. Летает она часто по опушкам. Вдоволь здесь я поймал и бархатных и сиреневых. Особенно много было там простых лесных стрекоз. Иногда между ними пронесется большая, с ласточку величиной, стрекоза с прекрасным голубым отливом и с голубыми мраморными пятнами. Стрелой промчится она, замрет в воздухе и пустится дальше. Пчелы и осы снуют внизу под вашими ногами, и около ног вьется множество разных видов, и маленьких и больших. Остановитесь вы, и они насядут на вас. Особенно красивые мухи с двумя поперечными полосами на крыльях. Вдруг услышал я внизу под кустом шум крыльев стрекозы и отблеск от конца крыльев ее. Я покрыл место это сачком. Поймал стрекозу с зеленым металлическим телом и такими же глазами. В сачке оказались еще маленькая стрекоза, отличающаяся от обыкновенных сложенными крыльями и особым строением головы и более тонкими бирюзовыми крыльями. Это, как я после узнал, муравьиный лев. Долго ходил я по этому лесу, по опушке его и вышел из него в поле к овсу и ржи. Искал я здесь махаона, которого я видал в этом лесу в прошлом году. Махаона я не нашел. Страсть моя к природе, до сих пор заглушаемая другими посторонними делами и не имеющая случая выказаться, теперь вспыхнула во мне с новой силой, оживила меня божественным своим огнем, вдохнула в меня благородные помыслы, одним словом, дала перевес во мне хорошим наклонностям. Я обязан природе этим и отдам ей все свои богатства, свой труд и все свободное время. Еще во второй прогимназии мечтал я с Якубовским поехать в Америку, сделаться натуралистом или инженером вроде Сироза Смита в «Таинственном острове». Мечты мои сбываются и сбываются. Я буду инженером горного дела. Пойду по университетским. Специально буду заниматься энтомологией и ихтиологией. Мои мечты сбылись. Я еще, может быть, приобрету средства посетить разные страны. Чего же мне больше. Я объявляю, что я счастлив! Хотя не во всех мелочах, но, в общем, так сказать, в главной сути жизни. Больше я не предполагаю счастья. Долго мы лежали с Андрюнькой на берегу реки и не могли оторваться и уйти от нее. Пролетел чибис над рекой. Какая-то птица запела недалеко от нас. Как прекрасно, легко и спокойно на душе! Как-то проведем мы лето в Лисьянах! <...>

28 апреля

Я уже приобрел себе коробку со стеклом для насекомых за 70 копеек, 3 плитки для втыкания булавок за 30 копеек, полбутылки спирту девяносто пятиградусного за 77 копеек, Гофманских капелек за 15 копеек и булавок с иглами. Сегодня я посадил своих оставшихся с прошлого года жуков в коробку. Третьего дня мы ловили у Лени карасей. Погода была пасмурная, и все время моросил дождь. У меня была всего одна поклевка, в которую я ничего не вытащил. Серенька же вытащил одного карася. Плавжуки могут жить в спирту.

Будущей зимой я предполагаю заниматься новыми языками, геологией и общим обзором естественной истории. Я еще больше укрепился в своем решении идти в горные инженеры. Встретил на пути к горному инженерству важное неудобство. Это плата – 250 рублей и поездка в Петербург. Но я надеюсь, что во время еще пребывания в Университете успею скопить денег. <...>

5 мая

Вчера у нас был последний день ученья. Отпустили нас вчера в 12 часов, несмотря на то, что предполагалось отпустить полчаса третьего. После совета никто ничего не делал, так что Шульбах поставил всем по двойке, и в числе их Павлову. Сегодня утром перед уроками мы особенно хорошо пели «Вниз по матушке по Волге», «Слався, Боже, царя храни», «В бурю, во грозу» и молитвы пропели хорошо. До трех часов я переменял в библиотеке книгу, пообедал и вообще все справил. Около получаса четвертого пошли к Лене. Я нес самку носорога, а Коля водолюба, которые были у меня в спирту. Пришедши к Лене, мы поздоровались с Леной, встретивши его на улице, и пошли вверх, к ним в комнаты, чтобы поздороваться с Еленой Федоровной. Ее там не было. Я раздал Феде, дядьке и Коле жуков. У Феи с Колей очень хорошие жужелицы садовые. Потом мы вышли на двор. <...>

13 июня

Довольно большой удар был нанесен моему самолюбию и самонадеянности лишением награды при переходе в VIII класс. Зная, что мне за греческий экзамен – 4 и 5, за математику – 5, а кроме того, 6 пятерок

в годовом выводе, я втайне даже помышлял о первой степени. А вышло, что не получил никакой. Проклятая тройка по-русски, да две проклятые же, хотя и с плюсами, тройки по латыни изгадили все дело. Я в продолжение целого дня находился в большом унынии, и моя самоуверенность, сильно польщенная первым ученичеством, намного сжалась. У Александра Николаевича был устный экстренный экзамен. Задали было в начале мая страниц 16 по балльникам, и мы их ответили. По-настоящему отвечали, собственно говоря, получившие двойки по письменному, однако же, когда Еропкин не мог ответить ровно ничего, ему все-таки дали переэкзаменовку, хотя по письменному получил он 4+. Вот уже дней 5 мы живем на даче. Дача наша, на мой взгляд, лучше прошлогодней. Коллекция моя быстро продвигается вперед. Я уже сегодня подумал, не бросить ли мне собирать бабочек и не посвятить ли мне им следующее лето, а уж в это лето собирать все-таки других насекомых, кроме них. Коли поймаю уж очень редкую, то такую можно будет оставить до будущего года.

Время идет довольно весело. Этому много способствует составление коллекции и в не меньшей степени абонирование лодки. Мамаша сдержала свое слово и абонировалась на лодки за 10 с половиной рублей, т. е. очень дешево. Кроме этого удовольствия уж очень хорошо в Лисвянах купание. Река глубокая, вода чистая. Мы опять купаемся у раздевален. <...>

17 июня

Сегодня встал в девятом часу. Погода немного лучше вчерашней. Дожда нет, но ветер еще сильный и холодный. После утреннего чаепития я занялся летними работами по тригонометрии. Сделал одну задачу верно, но после нескольких проверок. Тут нам, то есть Сереньке и мне, пришлось удалиться в свою комнату. Настенке нужно было пить чай, а нас она видеть не могла, и нужно было удалиться. У нее нервы находятся в совершенном расстройстве, она лечится водами. С ней сейчас случился один из первых припадков, весьма неприятно действующих на более или менее здоровых в нервном отношении людей. Сделав задачу, я стал читать «Фрегат Паллада». Вообще, в ненастную погоду у меня пропадает желание заниматься естественными науками, и больше всего я расположен к чтению путешествий и описаний. Ненастная погода особенно способствует мечтанью о будущем с идеальной, т. е. с лучшей точки зрения, мечтанью об лучшем возможном будущем. Описание Манилы у Гончарова в высшей степени пробуждает желание путешествовать и заставило сердце биться много сильнее. Перед чаем среднедневным мы вышли немного пройтись. Ветер очень сильный и холодный. Еще когда шли задом к нему, было ничего, но когда шли навстречу к нему, стало даже ушам больно. После прекрасных дней в начале июня я даже как будто и не признал местность по дороге к Звягинскому лесу. Солнце уже не озаряло ржи и промежуточных полос, покрытых цветами. Дорога вся состояла из луж, в лесу уже не просвечивали озаренные солнцем поляны, и весь лес принял мрачную физиономию. Но зато в дурную погоду чувствуешь себя бодрее, чем в жаркую, не киснешь на дороге, становишься предприимчивым и сметливым. <...>

28 июня. Среда, 1889 год

Я теперь стану записывать дневник, когда только придет особенное желание или случится что-нибудь из ряда вон выходящее, так как хочу за лето дать отдохнуть моим глазам, которым и без дневника порядочно достается от чтения книг. Дневник я решил записывать не для памяти, а для развития слога, чтобы приучиться выражать свои мысли ясно, литературным языком и даже, если удастся, образно и поэтично. Одним словом, хорошо иметь хороший слог и уметь красноречиво доказать что-нибудь и ясно выражать свои мысли. Мне очень захотелось сделаться хорошим писателем. Недавно только я стал понимать разницу между Диккенсом, Теккереем, Гончаровым или каким-нибудь Загоскиным или Лажечниковым. Гончаров по своей обрисовке типов более всего может быть приравнен к Диккенсу или Теккерее. Я задумал даже написать роман, более с психологической точки зрения или просто автобиографию вроде толстовской. Более же всего мне хочется быть красноречивым. Для этой цели, главным образом, я буду писать дневник, сохраняя, конечно, истину событий и не искажая их. Вчера мамаша с Али-беком поехала в Москву. <...>

4 июля. Вторник

Сегодня встал в девятом часу. При виде пасмурной погоды мне тотчас же представились незавидные

перспективы скучного сидения дома, занятий уроками и чтением. Однако погода оказалась не столь дрянна, как я предполагал. Было вовсе не холодно, и дождя не было. После утреннего чаю я намазал себе две пары сапог, думал почистить их после гуляния. Мы пошли гулять в Звягинский лес. Я захватил корзину для грибов, имея в виду опять, которых мы заметили вчера и которыми, не имея корзины, мы не могли воспользоваться вчера. Прошли мы Звягинский лес, пошли по дороге между вспаханной землей к березнику, стоящему впереди осинника. Витя отвалил одну полосу вспаханной земли и, против ожидания, поймал там двух жуков. Мы принялись отваливать глыбы вспаханной земли. Я нашел вонючку. Разошедшись в своем рвении к жукоискательству, мы принялись разрывать лошадиное дерьмо и в награду получили двух навозных жуков (не скарабеев), доселе не виданных. Встретивши еще несколько вонючек, перестал уже их брать. «Вот эту уж вонючку я возьму», – говорит Витенька. «Да это жужелица!» – воскликнул я, видя у него в руках нетронутый экземпляр садовой жужелицы. Мне было очень завидно. Андрюньке так счастье и не выпало. Вчера он поймал скакуна германского, какого мы никогда не видели. Пришедши домой, я съел котлету, отчислил сапоги, и мы сходили купаться. <...>

31 июля. Понедельник

Впечатление, произведенное на меня, как я прежде думал, барышней Надеждой Ивановной, вовсе не одно поколебало меня в противоположную сторону от естественных наук. Еще прежде, прочитав романы Гончарова и Диккенса, я увлекался ими. Читая Гоголя, я увлекался слогом и поэтичностью его произведений, прекраснейшими описаниями Гончарова, и такое увлечение оказалось несовместимым с предположенной мною практической деятельностью инженера и реальностью математика-естественника. Весьма сильный толчок в этом направлении был дан «Историей Пенденниса» Теккерея. Изумительное правдоподобие во всех мыслях, поступках и убеждениях Пенденниса изумило меня, и возможность такого близкого знакомства с человеком соблазнила меня. Я прежде слышал, что Теккерея в «Истории Пенденниса» вывел себя. Теперь я уверился в этом. Иначе он не мог бы так живо, образно и правдоподобно описать его историю. Как скучна и суха показалась мне деятельность кабинетного ученого и даже деятельность инженера-практика! Встреча с Надеждой Ивановной пробудила во мне более высокие потребности, и я даже впал в хандру, совсем отказался от естественных наук, забросил было жуков собирать, в чем даже признался дяденьке. Сегодня я немного очувствовался и пришел в себя. Увлекся опять немного жуками и теперь нахожу, что если уже и отказываться от зоологии, то и отказываться и от всех других наук, потому что из всех других наук более всего доставляют мне удовольствие естественные науки. Теперь я думаю, что для жизни нужно и специальное знание естественных наук, но только не поверхностное, а главное – любовь к природе. Точно так же я думаю о других, мало применимых в практике науках, как то математике и языках. Я сегодня вошел в свою колею и опять принялся за собирание жуков. Сегодня я читал «Философию искусств». И сильно увлекся. Прежде всего, я теперь вполне ясно понимаю, что такое искусство, для чего оно служит и как человек должен относиться к нему. Второе – меня увлек прекрасный слог или, скорее, стиль этого писателя. Я понял, что выучиться играть на рояли не значит еще сделаться музыкантом. Я очень сожалею, что не верую в нашу религию и признаю под именем бога природу: не силу, производящую все на свете, а как сила эта может представляться зависящей от самих предметов мира, от сочетания атомов, величин и мирозданий, так что я, например, не считаю даже нужным молиться ему и не считаю его даже великим недостижимым существом, потому что сам составляю часть его. Я считаю религию величайшим благом для всех верующих и величайшей поддержкой. Одним словом, реализм (материальность) устраняет способность даже предполагать что-нибудь высокое в мироздании, кроме человека, не говоря уже о том, чтобы постичь его своим сердцем, так как разница материализма от идеализма и нигилизма в отрицании чувствований сердца и души и даже вместо любви признает только циничную чувственность. Идеалист может не только предположить и постигнуть высшее существо, но даже, если он обладает талантом художника, сообщить его другим идеалистам. Материализм дает своим последователям преимущество в характере энергии и, главным образом, в свободе воли. У меня еще не исчезло чувство, и я не хочу совершенно утратить его. Я писал сейчас все, что мне приходило на ум, и ум мой теряется и мысль моя утопает в огромности и необратимости, подобно морю. Я материалист, в отличие от идеалиста, и не пытаюсь более определить это отличие, буду просто стремиться к идеальному и прекрасному, а не материальному, сильному и могущественному. <...>

11 августа, 1889 год

Сегодня погода весьма хорошая, что особенно приятно, потому что несколько дней стоит погода пасмурная. За это время ничего особенного не случилось. Мамаша ездила с Настеной в Москву. Вести о болезни дяденьки неутешительные. Пароксизм повторился. Опасаются, нет ли у него какой-нибудь серьезной болезни, вроде тифа или горячки. Мамаша ждет письмо от Клавдии, которая обещала написать о дяденьке. Из Москвы мамаша привезла пятую часть «Дэвида Копперфильда». Я читал его с наслаждением, и он произвел на меня сильное впечатление. Я окончательно решил не заниматься естественными науками. Кроме того, это произведение склонило меня в пользу семейной жизни. Я теперь думаю сделаться учителем в гимназии, если у меня не окажется таланта к авторству. Эта профессия, несмотря на кажущуюся легкость, очень важна и трудна даже. Кроме того, она представляет целое лето свободное и большую часть вечеров. Так что, благодаря всем этим удобствам, можно примириться с одним неудобством: недостаток благосостояния. Думаю учителем сделаться либо физики, либо математики. Это, конечно, далеко не похоже на специальное изучение естественных наук (в общем смысле) и доставить удовольствие преподавателю более всех других наук. Одним словом, «Дэвид Копперфильд» произвел не меня весьма сильное впечатление, доставил мне величайшее удовольствие и представил мне в лице самого Дэвида Копперфильда идеал, еще прежде мною составленный. Идеал человека, действительно живущего и пользующегося жизнью и действующего. Только такой человек пользуется полным счастьем на земле. Как бы мне хотелось быть благородным, энергичным и вместе с тем добрым и простым, как Диккенс! Такое счастье как раз подходит ко мне с моим не очень честолюбивым характером. В случае не представится или не найдется предмета к женитьбе, тогда жизнь примет другой оборот. То, чему мешает забота о детях и жене, (неразб.) занятие науками здесь осуществится. Тогда я постараюсь зашибить денег, буду путешествовать и составлю себе имя. Но первый род счастья мне представляется завлекательнее, чем второй. Только Диккенс, наслаждающийся таким счастьем, может писать такие прекрасные «Святочные рассказы», так благотворно действующие на душу, располагая к добру и домашнему очагу. Нет, видно, англичане только вполне хотели семейную жизнь или даже в общем смысле жизнь. Англичане мне больше нравятся других народов. Если к английской энергичности прибавить русскую (не французскую) общительность, то будет верх совершенства. Мне кажется, что русские по энергичности не уступают англичанам, а по добродушию, гостеприимству и общительности превосходят их. <...>

15 августа 1889 года. Вторник

Давно и с величайшим нетерпением ожидаемое объявление о начале учения появилось вчера, 14 августа, в «Московских ведомостях». Вчера я встал в девятом часу, сходил купаться, покончил с утренним чаем, собственно не чаем, а молоком, потому что поутру я пью два стакана молока и, думая идти в лес по грибы или по жуков, пошел за Витенькой. Витенька в лес не пошел, предпочтя ученье гулянию. Такое эксцентричное расположение духа объяснялось, как он сам сказал, близостью 16 августа и опасением, как бы все результаты разузнаваний у швейцаров и письмоводителей не оказались ложными, и начало ученья с 1 сентября не перешло бы на 17 августа. Я пробовал было Витеньку убедить в невозможности такого случая. Но все убеждения оказались бесплодными. Под влиянием страха Витенька оказался тверд, как камень. <...> По дороге в Пушкино у нас с Витенькой весь разговор состоял из опасений, желаний и предположений насчет начала учений. Мы уже подошли к Щелковскому участку, к проходу, как я, по указанию Витеньки, увидел, что у меня нижняя часть одной штанины вся черная, как бы от ваксы. С такою неисправностью в туалете невозможно было показаться на станции, и я сказал Витеньке, что подожду его здесь, чтобы он один сходил на станцию. Витенька ушел, а я остался и пошел сначала по дорожке, а потом свернул в сторону и стал отыскивать жуков. Погода была хорошая, и потому я с удовольствием прождал Витеньку. Просвистел поезд, прошло несколько крестьян-работников с поезда. Я не утерпел и пошел Витеньке навстречу. Вижу между красными крестьянскими рубашками Витеньку, увидавши меня, бежит и держит в руках газету. «Ученье 1 сентября! Приемные 24 августа, а ученье 1-го!» – кричит он. По всей физиономии Витеньки никаким образом нельзя было заподозрить обмана. У меня камень свалился с сердца, и я так обрадовался, что чуть не прибил Витеньку. Если бы даже прибил, то Витенька, по всей вероятности, не заметил бы этого. Он показал мне объявление в газете. Там сказано, что московская 5-я

гимназия объявляет, что приемные экзамены будут 24-го, переэкзаменовка – 25-го, молебен перед ученьем – 31 августа, ученье – 1 сентября. Всю дорогу я был просто вне себя. Витенька раза три начинал кричать УРА! <...>

27 ноября 1889 года

Хотел было что-нибудь написать, да уже семь минут двенадцатого, и потому хочу спать.

2 декабря

Наконец-то я собрался написать кое-что. Ближе Рождество, и хотя нам в эти следующие два дня предстоит весьма много работы, однако же расположение духа хорошее. Вспомнишь о Рождестве, и хорошее расположение духа усиливается, а вспомнишь о лете, так уж тогда оно переходит в возбужденное состояние. По-моему, в гимназии стоит учиться, и потому только, что существует последний год ученья и окончание его. При одной мысли об окончании курса, о поступлении в Университет, о лете до последней секунды свободном без всяких летних работ, о том, что в Университете уроков не спрашивают, о большей самостоятельности, и тотчас сердце забьется и появится такая энергия, которой хватит на целую неделю самого усидчивого ученья. Это покамест наши большие надежды, а там – что Бог даст. В последнее время я много читал Тургенева, Грановского и в порядочной степени образовался. Прочел «Анну Каренину», обративши внимание на философию Левина. Алексей Николаевич так увлеченно преподает греческий язык, с таким удовольствием и пользой мы прочли Софокла и «Евтидем» Платона, что я перешел на сторону классиков, по крайней мере для общего образования, а не для специального. Вот историю я считаю теперь таким предметом, что не мешало бы ее поставить в основу образования в связи с философией и русскими сочинениями. Я не могу себе представить естественную историю без прямого наблюдения в природе. Мне нравится ходить по лесу, и для меня мало наслаждаться платонической любовью к природе, к жукам, к растениям, но я желаю их всех знать под именами, знать их место в науке. Сведения об их общей жизни я считаю нужными читать только как пособие к собственным наблюдениям. Я со вчерашнего дня начал ботанику. Она внезапно возбудила во мне интерес. Я увидел картину тропической растительности и подумал, как бы хорошо было знать все растения и встречать их как старых знакомых. Прийти в лес, прекрасный, возбуждающий удивление и благоговение, видеть бесчисленный рой насекомых. И тогда, как идеалист наслаждается внешним видом, натуралист, кроме этого, наслаждается своим близким знакомством со всеми растениями и насекомыми. Те, которые пользуются наблюдениями других и делают выводы из них, те – не натуралисты, а философы-натуралисты. Настоящий натуралист любит с сумкой через плечо, с сачком в руке и лопатой за поясом бродить по лесам, по полям, проникать в самые сокровенные уголки природы и находить прекрасные ее произведения. Основа этой страсти та же, что и у охотников, – именно природа. Жду я теперь не дожусь лета! Просто раздолье. Только бы наняли дачу в Лисвянах! Там у меня уже известные места, поляны. Каких мух, шмелей, пауков я там видел, особенно на пушистых, душистых белых цветах, плоды которых – что-то вроде тмина. Но довольно об этом. Потолкуем об обыденных делах. В гимназии прекрасная гимнастика. За французским, коли не бывает кого-либо из учителей, мы делаем гимнастику, что весьма и весьма интересно. Я с Щелканом убежал на маленьких переменах. Но нас два раза поймали, и мы стали осторожнее. Ходит теперь инфлуэнца, и я был одной из первых жертв ее, благодаря чему прозевал театр и концерт. Горева раза три присылала билеты. Я два раза был на «Коварстве и любовь» и на «Мизантропе». Играли хорошо. Доктор Дзекаууэр говорит, что весной после инфлуэнцы будет холера. Что-то не верится.

С Щелканом мы довольно близки почти общим отношением к охоте. Я – натуралист, он – охотник. С Павловым отношения стали ближе благодаря нашей уединенности от других учеников, особенно его уединенности. Он ни с кем, кроме меня, не близок. У Лени катаемся на коньках. Леня мне подарил свои коньки-снегурочки. Вообще, что-то мне все дарят, и я не знаю, как относиться к этому. Евгений Петрович подарил мне прекрасную коробку для насекомых, так что у меня теперь две. При помощи мены с Петей и Колей утратил махаона и несколько других, но приобрел зеленую саранчу, черную жужелицу, большого водолюба, пловцов и др. Относительно факультета – этот вопрос теперь самый важный. Я думаю поступить на математический факультет. Специальность же не выбрал. Наверное, не химия, но либо чистая математика, либо астрономия, либо физика. Завтра и послезавтра – работы тьма! Поэтому иду спать. <...>

12 декабря

Сегодня Сергей Георгиевич выдал сочинение «Искусство и его значение», которое я писал довольно старательно, и оно мне удалось. С. Гр. похвалил его и, между прочим, язык, которым оно написано. Для меня особенно приятно последнее. Я последнее время много читал Тургенева, Гоголя, Грановского, читал не для одного интереса, но серьезно. С января месяца у нас новое расписание уроков: 1 ч. 10 мин. Большая перемена, 40 минут третьего – конец урокам. Каждый урок будет идти 50 минут вместо 55. Гимнастика – два раза в неделю. Жду с нетерпением лета и осени.

15 декабря 1889 года

Я прочел биографию Гумбольдта и Ньютона. Какая громадная разница между ними! Как симпатичен первый и как несимпатичен второй! Гумбольдт – человек благородный, с прекрасной душой, с эстетическим чувством, преданный изучению природы. Ньютон, хотя гений его, может быть, и не меньше первого, человек жесткий, высокомерный, сухой математик, с довольно низким характером, завистливый. Не знаю, на что решиться, какой выбрать характер деятельности. Если бы на естественном факультете преобладала не теория, а практика, то я бы выбрал его. Теперь, за неимением другого подходящего факультета, я избираю математику. Если будет возможность, то я сделаюсь горным инженером. Теперь, в ожидании лета и окончания курса, нахожусь в каком-то возбужденном состоянии. Описать разве для примера сегодняшний день. Сегодня у нас на первом – французский, и потому можно спать дольше. Кроме того, сегодня занимался обтиранием, как у меня это положено два раза в неделю, в четверг, как сегодня, и в воскресенье. Протянувши время так, что на все осталось 5 минут, я быстро вскакиваю, обтираюсь, собираюсь, умываюсь, пью чай и иду в гимназию. Пришел Шульбах. Стал спрашивать. Коли знаешь урок, то сидишь и хлопаешь глазами, думая о чем-нибудь. Коли не знаешь, то переводишь вперед. Впрочем, попадаются иногда весьма интересные места из Цицерона. Я сравнивал сегодня его взгляд на жизнь с убеждениями Диккенса и с убеждениями других. Если выбирать семейную жизнь, то по отношению к семье я решительно предпочитаю всем Диккенса, то есть не только в семейной жизни, но вообще в отношении к жизни. Отношение к обществу – Цицеронов. Таким образом, у меня окончательно вырабатывается такой идеал жизни. В том случае если придется жениться, а женюсь я только в согласии с Диккенсом, то буду учителем или профессором, в крайнем случае буду заниматься жукособиранием, то есть буду составлять «Насекомые Московской губернии». В обратном случае, если я уже окончательно разочаруюсь в женитьбе, я буду путешествовать в качестве натуралиста, горного инженера, математика и вообще ученого. Кстати, о «Насекомых Московской губернии». Я думаю, прежде всего, написать к ней предисловие, доказывающее увлекательность практических занятий в самой природе и необходимость изучения теории. А то просто думаю написать несколько рассказов подобно Аксакову.

Руф Яковлевич Смирнов, студент

«Записки натуралиста и охотника Московской губернии». Для чего буду вырабатывать язык. Однако же я уклонился в сторону. За Шульбаховым уроком сидел протоиерей Пимен – филолог, который уже

около двух недель шляется к нам. Между прочим, спрашивали и меня. Я ответил ничего себе. На третьем уроке – Шварц. Этот урок проходит довольно оживленно, отчасти потому, что мы бываем внимательны, отчасти благодаря методу преподавания Шварца. Его урок выделяется из числа других уроков, однако же он также утомляет довольно сильно, благодаря настоящему напряженному состоянию. Большая перемена проходит. Далее следует немецкий. Прежде всего, благодаря тому, что экзамена не будет, на уроке буквально ничего не делаем. Потому он проходит весьма весело. Михаил Михайлович в двадцатый раз повторяет свои анекдоты и каламбуры, рассказывает разные немецкие остроты, песенки, иногда довольно сальные. Просто тошнит. Некуда деваться от скуки. Каждую минуту открываем часы. Урок, наконец, кончается. Тут мы удираем вниз на гимнастику. Хотя это строго запрещено. Нас раза два заставляли и гоняли с внушительнейшей нотацией. Там влезу на двойную лестницу, покачаюсь на канате, влезу на шест, спрыгну с самой высокой ступени лестницы. Снизу бегом выберусь по лестнице. Потом целый час такой же самой убийственной скуки. Хорошо еще есть соггестум написать. Физик боится нас, останавливает, а то – хоть помирать! Щелкан обыкновенно спит, но я этого не могу, потому что сижу прямо перед глазами учителя. Наконец, «Классы кончены!» Объявляется Николай Александрович, просунувши голову в дверь, и мы идем домой. Приходится спорить, где идти – Арбатом или переулками. Дома читаю, хожу гулять (большей частью в библиотеку), учу уроки, жду Рождества, лета и окончания курса.

В. А. Смирнов

«Чтобы правнуки и внуки... этой песне бы внимали»

Мой дедушка сделал для меня так много, даже не зная о моем существовании. Он родился в 1909 году, умер в 1969-м, за пять лет до моего рождения. Его имя – Смирнов Сергей Руфович. Он – сын Смирнова Руфа Яковлевича (о нем см. «Дневник гимназиста», опубликованный в этой книге). Многие внуки не застали своих дедов. В моем же детском сознании дедушка был жив, поскольку говорили о нем в семье как о незримо присутствующем среди нас человеке. Дома стояли шкафы с его книгами, на полках за стеклом хранились статуэтки и разные сувениры, привезенные им из Африки. Моя бабушка, Смирнова Лидия Михайловна, прожившая долгую и интересную жизнь, выделяла меня из всех внуков. Я, по ее словам, внешне был очень похож на деда.

Руф Яковлевич Смирнов с детьми Лидией и Сергеем, 1910

Дед родился в слободе Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии 28 октября 1909 года, куда был сослан его отец, врач Смирнов Руф Яковлевич. Мать деда, Смирнова (Грунке) Анна Федоровна,

умерла вскоре после его рождения, и воспитывала его и его старшую на три года сестру вторая жена его отца, Смирнова (Орлова) Надежда Ивановна, которую дети звали матерью. Семья много лет жила в Москве, так как родители деда были москвичами, а после начала Первой мировой войны мой прадед был отправлен на фронт, потом Первая империалистическая плавно перешла в Гражданскую войну.

Надежда Ивановна Смирнова (Орлова) с Сергеем и Лидой Смирновыми, 1914

После 1919 года, когда прадед, врач военного госпиталя города Курска, умер от тифа, деда и старшую сестру взяла родная сестра отца Смирнова Мария Яковлевна, заменившая двум детям родителей. Торжок остался в жизни нашей семьи близким и родным городом. Там же дед учился в Ново-Торжском педагогическом техникуме, откуда был исключен за недостойное комсомольца поведение. Разговор шел о карикатурах, нарисованных на учителей, и стихах, сочиненных о них же. А поводом для серьезного разбирательства стал спор с комсомольским вожаком техникума. Они прыгнули со второго этажа на спор. Техникум располагался в бывшем путевом екатерининском дворце, потолки были высокие. Комсомолец сломал ногу, а деда обвинили во вредительстве, исключили из комсомола и техникума. С 1928 года он стал учительствовать (учителей даже с начальным образованием не хватало) в отдаленных районах Казахстана, Сибири, на Дальнем Востоке, а потом в Архангельской области. Как рассказывала бабушка, он просто бежал, чтобы не быть арестованным. В 1934 году дед поступил в Ленинградский университет, а с 1939 года учился там же в аспирантуре. Потом – Вторая мировая. Вот что дед написал в своей автобиографии:

«...В 1934 году поступил в Ленинградский государственный университет, который с отличием закончил в 1939 году. В этом же году был зачислен в аспирантуру Института этнографии АН СССР. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем в армию. Принимал участие в боях за Гатчину, Тайцы, Пулково. Командовал санитарным взводом отдельного арт. пулеметного батальона № 276. После ряда боев в сентябре 1941 года наш батальон был направлен в Ленинград на переформирование, и я в составе мед. части батальона был передан военному госпиталю № 1012. 18 ноября по распоряжению зам. нач. по кадрам Ленинградского фронта был направлен в распоряжение Горвоенкомата, так как использовался не по специальности. (Будучи аттестован как начсостав, использовался рядовым.) По распоряжению Горвоенкомата был переведен в запас и вновь направлен в институт».

Мне теперь кажется, что специальность деда, этнограф-африканист, была для него своего рода экологической нишей, в которой можно было существовать достойно. Он стал известным африканистом, одним из основателей научной, а не конъюнктурной, африканистики и арабистики, защитил две диссертации и стал доктором наук. Коллеги его вспоминают до сих пор с благодарностью и теплотой. В шестидесятые годы африканистика расцветала на фоне интереса к национально-освободительной борьбе на африканском континенте в целом. А идея опасности мусульманского фундаментализма, как и сам термин, была развита им в последние годы работы.

Мария Яковлевна Смирнова с племянниками Сергеем и Лидой, 1921. Сережа в лаптях, потому что не было обуви

Сергей Руфович Смирнов, 1932

Сергей Руфович Смирнов и Ирина Кутепова с профессором Ольферроге. Они – аспиранты в

Ленинградском университете, 1947

Помню, было мне лет десять, и шли мы с бабушкой по институту этнографии в Петербурге, и все сотрудники сбежались здороваться с бабушкой и посмотреть на внука профессора Смирнова, так как дедушка до переезда в Москву работал там. Было очень приятно, а еще приятней было в 2009 году, когда в Институте Африки отметили столетие дедушки практической конференцией. Пришли его бывшие аспиранты и коллеги, которым уже за шестьдесят. Много было людей. Вспоминали то славное время, когда они были молоды. Замечательно, что спустя сорок лет после кончины деда люди не только нашли добрые слова о нем, но и вспомнили время расцвета африканистики как науки. Повеяло той самой атмосферой, в которой я рос в окружении научных работников, ученых, преподавателей, переводчиков, этнографов. В нынешней Москве это редко где встретишь. Уходят люди той уникальной советской послевоенной эпохи... А на втором этаже Института Африки висит доска почета участников войны, на ней есть фотография и моего деда.

Лидия Руфовна Смирнова, 1948

В 2002 году моя мама, Смирнова Наталья Сергеевна, подобрала и издала письма деда под названием «Письма отца. С воли на волю», которые он посылал своей сестре Лидии Руфовне с 1921 по 1944 год. Увлекательное чтение. Я узнал историю мальчика, оставшегося без родителей, доброго, умного, не озлобившегося на весь мир, умевшего принимать его таким, какой он есть. Он нашел в себе силы изменить ситуацию, казавшуюся неизбежной, сумел отвоевать себе право на учебу в Ленинградском университете, прошел впоследствии и фронт, и Ленинградскую блокаду, состоялся в редкой для своего времени профессии африканиста. Это история времени и страны, в которой мы живем. Мне думается, ценность этих писем и в том, что в них отчетливо проявляется чувство собственного достоинства автора. Свидетельство не в пользу тех, кто говорит о потере человеческого облика целым обществом в страшную эпоху сталинизма.

Сергей Руфович Смирнов

Письма сохранились далеко не все, но из года в год они подробно рассказывают о жизни, проблемах, успехах и неудачах, впечатлениях, переживаниях, они полны размышлений, описаний природы, точных характеристик коллег и знакомых. «Почтовая проза» – ушедшее явление. Теперь письма заменили телефон

и электронная почта. Позволю себе выбрать некоторые, наиболее интересные мне письма деда, используя комментарии моей мамы (выделенные курсивом). Обращаю внимание читателей на даты, это очень важно для понимания не только содержания писем, но и ситуации в стране. В письмах много имен людей из окружения деда. Учитывая жанр данного издания, не стану сопровождать их специальными комментариями.

26.09.1924

Дорогая Лидка!

Наконец-то я получил от тебя письмо. Занятия у нас в Педтехникуме начались тоже с 22 ч., но мы (семилетка) начинаем учиться с 1 ч. Попасть в комсомольскую организацию очень трудно, кроме того, надо три рекомендации, а я не знаю ни одного коммуниста, само собой разумеется, что стараться попадать буду. Лидка, у тебя ужасный почерк, начни хоть писать буквы и слова. В эти дни погода у нас великолепная! По безоблачному небу плывут белые облачка, дует сильный ветер, а раскаленный диск солнца нагревает термометр до 10 градусов тепла. Животные и растения прямо ожили, последние каждый день все больше и больше желтеют, а Васька, почуяв весеннюю погоду (в смысле температуры), предпочитает целые дни спать на печке или на твоей бывшей кровати. Утром ко мне 23-го приходил Захаров, которого я уложил на лежанке, ибо у нас ночевала Е. Г. Игнатовская. На другой день мы ходили в Василево и там рисовали и уж вернулись домой часам к шести. Сегодня у меня температура 37,5 (ведь пустяк!), а я все-таки чувствую некоторую слабость в ногах. Завтра воскресенье и кроме этого – Никитская ярмарка. Народу (крестьян) едет видимо-невидимо. Уже на площадях установили балаганы и карусель, наверное, будет очень весело. Сегодня мне от Шурихина принесли новые сапоги (очень хорошие и очень большие) за 15 рублей.

Ты не удивляйся, что я тебе посылаю письмо 29-го, оно как-то завалилось, и я забыл его отправить. Лидка, где книга «Сахалин» Дорошевича, не отдавала ли ты ее кому-нибудь? Неужели ты так редко ходишь к маме, что бываешь у «нее в гостях»?

У нас в техникуме теперь обязательным уроком будет физ. культура – как хорошо! Непременно напиши большое интересное письмо. Пожалуйста! Люська Игнатовский живет у Вольчихиных, а не у Натальи Николаевны Щепотьевой. Какая ты счастливая, что ходишь по улицам Москвы, смотришь в витрины магазинов и т. д.

Передай привет Руфу Николаевичу, тете Анюте и тете Дуне, Ирочке, Верочке, бабушке, Дунаевым, дяде Васе и всем знакомым. Жду ответа.

С. Смирнов.

Трудности при вступлении в комсомол – естественное препятствие для мальчика из семьи врача. (Василево и Митино расположены вниз по Тверце в нескольких километрах от Торжка. Василево расположено напротив (через речку) Митино. Эти два имения принадлежали семье Львовых, один из предков был президентом Академии художеств в первой половине девятнадцатого века. Говорят, что старик Львов имел двух сыновей – Василия и Дмитрия, по именам которых и были названы имения. Недалеко от Митино расположено село Прутня, где похоронена Анна Керн. В 1972 году мы отдыхали там. Переезжали на другой берег Тверцы и гуляли в развалинах Василево. Просматривались остовы фазанников, оранжерей, теплиц и высоких парников, где при барине выращивали ананасы, дыни, лимонные и апельсиновые деревья и прочие редкости. В 1972 году еще были живы старики, которые помнили строгого хозяина, у «которого не забалуешь». Наталья Николаевна Щепотьева, фельдшерница, работавшая еще со Смирновым Руфом Яковлевичем до революции и принимавшая деятельное участие в воспитании папы и его сестры, дружила с последней хозяйкой Митина, и они вместе вели просветительскую работу среди крестьян. Чем дело кончилось – всем известно. А Митино до сих пор считается великолепным санаторием.

06.11.1925

Многоуважаемая сестра!

Все это время был занят по горло. В техникуме проводил все дни и вечера – подготавливались к празднованию 50-летия со дня основания «Педагогической семинарии». Она была основана в 1875 году, а четвертого и пятого мы с треском отпраздновали юбилей. Наркомпрос дал на празднование 2000 рублей! Целую неделю шла спешная работа по подготовке праздника. Я все время работал по декоративной части. Один раз мы закончили декорацию для спектакля в 3 часа ночи, спать лег в 4 часа. Если бы ты пришла за два дня до юбилея, вечером, то могла бы увидеть интересное зрелище. В зале «Нилушка» надрываются, оря «Спи моя красавица» и «Куда, куда вы удалились». В историческом классе Мякини разучивает с хором песни, в учительской под руководством «Приселковой» производится хоровая декламация, в уголке «Безбожника» Валент. Вас. и еще несколько человек корявым почерком пишут стенгазету, на сцене М. Мешков, как заправский провинциальный актер, репетирует какую-то сцену, и, наконец, в рисовальном классе Воронцов, лежа на животе, выводит что-то на огромном листе бумаги.

Было разослано около 300 пригласительных билетов, но приехало человек 100 гостей. Наш педтехникум был очень хорошо украшен. На крыше развевался красный флаг. Утром 4-го стали собираться мы и гости. Гости – это часть новоторжских педагогов и представители от разных организаций, бывшие выпускники нашего училища. В 14 часов было открыто торжественное заседание, говорили приветствия. Было прислано очень много поздравительных телеграмм. Кисельников и Тихомиров делали доклады. Вечером с 7-и часов делали доклады, и был вокально-художественный вечер. После вечера была «товарищеская чашка чаю», причем нас и всех гостей кормили обедом и поили пивом и чаем.

После всего этого Тихомиров уже не ходил, а плавал, качаясь из стороны в сторону. Пел хриплым голосом «Из-за речки, из за моста» и, стоя на столе, орал диким голосом: «Ого-го-го!» Нечаева, Петра Степановича, Тихомирова качали. Зеленская, Тихомиров и т. д. сплясали «Русскую» – плохо! Тихомиров один раз растянулся на полу. Был и Сашка, тоже надрызгался не хуже других. Всем учащимся дали по 1 /2 бутылки пива, но многие ученики шли к гостям и хлебали русскую горькую «Мадеру», после шли в коридор и блевали на пол.

Надоело писать. Сейчас положу письмо в удивительно плохой конверт и отнесу на почту.

Напиши про похороны тов. Фрунзе. Напиши обязательно письмо! Обязательно! Когда ты приедешь на Рождество, то не разглядишь моего лица, ибо оно – сплошные угри.

Сергей.

06.01.1931

Дорогая Лидка!

Вчера получил твое письмо. Итак, «все течет, все изменяется». За эти три года отсутствия, наверное, многие потеряли свой облик. Почти все знакомые вышли замуж или женились. Однокурсники из Педтехникума и то обзавелись семьями, человек пять. Почему Аверьяха вышла замуж за того, что в очках, мне больше нравится черный с длинными волосами. Когда женятся Валька и Тонька, обязательно напиши. Ты зимой была в Торжке. Что он из себя представляет и как выглядят наши знакомые? Что с Танькой Щепотьевой?.. Теперь относительно заданных вопросов. Увы, я не комсомолец. Вышел, вернее, механически выбыл, после отъезда из Казахстана. Долго у меня не было определенного места жительства, а перед отъездом с учета не снялся. Из Сибири долго писал и лишь на Рождество получил известие, что механически выбыл. Вообще, живя в деревне, только остается удивляться мудрым решениям W.C.P.B. <ВКП(б). – Прим. ред. >.

Теперь о планах на будущее. Постараюсь поступить в ВУЗ. Индустриальные ВУЗы, художественные и т. п. для меня, что Свердловский университет для лишенца. Следуя мудрому «завету», что «лучше что-нибудь, чем ничего», буду поступать в педвуз. Конечно, в дальнейшем я скорее сделаюсь кем-нибудь, только не шкрабом. Это забитое создание никогда не сможет сбросить с себя надетого хомута скучной и нудной работы. Теперь относительно места поступления. Возможно, дадут путевку во Владивостокский ГУ, конечно, на педфак.

Буду поступать на физмат или на отделение иностранных языков (если примут без знания таковых). Ясно, что лучше бы учиться в Москве, но теперь на свободный прием мало надежды. Чертовски неприятно, что учителей не стали принимать в индустриальные ВУЗы. Я готовился в горный. Прошел всю алгебру и половину геометрии. Алгебру готовил с сознанием, что поступаю в индустриальный. Решил почти все задачи, предложенные Безиковичем. Потом крушение надежд – или поезжай работать в деревню учителем, или ты не член союза. О поступлении не могло быть и речи. Пришлось ехать в деревню. Ясно, я сейчас... Пришли два комсомольца. В деревне их никто не пускал ночевать. Попросились к нам. Накормили и положили спать. Постарались уложить получше: простыни, легкая подстилка и т. д. На себе испытали, как иногда ты дорого бы дал за мало-мальски приличный угол, а ведь иногда приходилось туго. В бытность мою «поездным» раз пришлось две ночи не спать, все за тормозом сидеть, так это было не особенно приятно. Но это лирическое отступление к делу не относится. В коротеньком письме, которое я отослал недавно, упомянул о братьях Худяковых. Их хутора от Пушкина расположены близко. Это один их первых переселенцев на Дальний Восток. Сейчас их всего около 150 человек. (В это число входят и маленькие дети, и их матери.) Основные родоначальники – три брата, глубокие старики. Все замечательные стрелки: попадают влет пуль из винтовки в спичечную коробку. При Николае им разрешили держать трехлинейные винтовки. Замечательные охотники. В свое время убили много тигров. Имеют великолепно оборудованные мастерские. Сами делали десятизарядные винчестеры. В их усадьбе окна обнесены железной решеткой и сделаны специальные боевые башенки. Хунхузы раз пытались напасть на них. Это было во время интервенции в 20-х годах. Имеют до 200 оленей, два трактора и т. д. После нэпа, желая сохранить свое явно капиталистическое хозяйство, организовали «показательный совхоз». Сейчас их распродали, и они разъехались кто куда. В 30-м году странно погиб один из старших братьев. Пошел на охоту за козами. Догоняя раненую козу, положил винтовку в мешок для спанья. Внезапно пошел снег, и он не мог найти своих вещей. Замерз. Один из братьев – старик, у него нет руки. Отжевал тигр. Кончаю. Ведь это для тебя совсем не интересно. Вот коз здесь много. В кооперации за пушнину дают дефицитные товары. Сдали уж много. Они очень хорошенькие. Если выйти за деревню, слышно иногда, как кричит одинокий козел. Тайга здесь разнообразнейшая и густая. Иногда встречается трава почти в рост человека. Недавно выпало немного снега. На улице сейчас сравнительно холодно, дует ветер из Сибири. Ты пишешь, что тетя Маня беспокоится за мою особу. По-моему, она больше о тебе беспокоится, чем обо мне. Ревматизма сейчас не ощущаю, только трещит немного в су ставах. В Сибири с ним 70 верст верхом ездил, и то ничего. Да и нажил я это дело в Сибири. А так совершенно здоров и стал более походить на фигуру, у которой углы прямые и противоположные стороны равны.

Приветствую (неразб.), которая так скоро дала республике представителя молодого поколения. Хочется в Москву, тянет чертовски. Тверская, Плющиха, Свердловская площадь, Маросейка...

В любых вариантах постараюсь приехать в Торжок. Если поступлю во Владивосток, приеду на время. Сейчас, сама понимаешь, ехать в Москву, Торжок нет никакого расчета. Здравый смысл говорит за это. <...>

20.01.1932

Дорогая Лидка!

(Человек, обладающий твердостью в характере), ну, как я могу уехать, если нельзя достать билетов? Ведь меня никто не предупредил, что здесь так трудно. Завтра пойду опять на проверку. Здесь странный порядок. Надо записаться в очередь и потом ходить каждый день два раза на проверку. Примерно дня через два человек наконец подходит к билетной кассе и становится счастливым обладателем билета на поезд, который идет дней через пять. Я считаю, что столько любителей железной дороги выявилось в связи с «улучшением культурно-бытовых условий широких масс трудящихся». Трудящийся наподобие немецкой

овчарки мечется по пригородам и провинциям в надежде найти кусок жратвы. Я уже перестал удивляться: костюм – 1000–1300, пальто – 800 рублей, ботинки «коммерческие» – 230 р. Если мы построим фундамент социализма, по авторитетнейшему заявлению тов. Сталина, то, по-видимому, когда возведем все здание, останемся в одних трусах. Хорошо, что хоть ближе к солнцу, теплее, а при коммунизме будем ходить наподобие Адама, и единственным предметом ширпотреба, который будет выдаваться способнейшим по их потребностям, останется остро дефицитный фиговый лист.

Хожу в театры, кино. Смотрел «Снайпер». Хочется посмотреть Сашку, ведь четыре года не видались. Передай ему привет, хочется послушать, как он играет на рояле. Наверное, стал играть еще лучше. Табаку привезу. Папирос безнадежно нет. Шины для вело пойду завтра искать. Хочется в Торжок, а поэтому писать кончаю. Завтра сяду и поеду. Прямо со станции, может, дадут билет. Ну, привет всем, всем, всем.

Сергей.

Самое злое письмо. Удивляюсь, как папа не залетел на долгие годы в места не столь отдаленные, если бы письмо вскрыли на каком-то этапе его пути к адресату. Это ведь тридцать второй год! Крестьян уже околхозили, фундамент социализма строился в едином порыве всей страной. Чего стоит только один этот пассаж: «Если мы построим фундамент социализма, по авторитетнейшему заявлению тов. Сталина, то, по-видимому, когда возведем все здание, останемся в одних трусах. Хорошо, что хоть ближе к солнцу, теплее, а при коммунизме будем ходить наподобие Адама, и единственным предметом ширпотреба, который будет выдаваться способнейшим по их потребностям, останется остро дефицитный фиговый лист».

Следующее письмо относится к самым отчаянным. Друг Ленька Зуев кончает с собой. Тетя Лида давала мне читать это письмо задолго до того, как отдала все письма, которые сохранила, это письмо потрясло меня на всю жизнь. Его детали, содержание предсмертной записки папиного товарища, несколько дней трясущаяся щека, вызовы в органы... Все это настолько не сочеталось с тем папой, которого я знала! Он об этом событии с нами никогда не говорил.

06.05.1932. с. Лешуконское

Тетя Маня!

Ленька 6/5 в 12 часов 23 минуты застрелился из малотульки. В 2 часа 30 минут он умер, а на другой день в 4 часа его похоронили. Все свершилось страшно быстро, и вот только на восьмой день я смог относительно спокойно сесть за письмо. Для более ясного понимания этого события придется подробнее остановиться на многих вещах. Итак, он приехал в феврале со Свирьстроя. В нем в это время произошла какая-то перемена: он часто задумывался и как будто что-то не договаривал. Жили мы ничего. Ругались очень мало, а последнее время в Пушкине и Торжке это было частенько. В общем, все текло нормально. Говоря откровенно, решили еще год прожить в Лешуконском с такой установкой – он привозит мать, у нас хорошая квартира. В колхозах закупаем продукты, мать готовит дома, и мы не ходим в столовую. Усиленно занимаемся учебой в заочном Университете, ставим свой пятиламповый приемник и т. д. После, т. е. в 1933 году, мы поедem в ВУЗ с хорошими отзывами, как работники, проработавшие в отдаленной местности 2 года. Но... У нас в Лесоуче работала одна делопроизводительница, так называемая Верочка. Девочка. Ей сейчас 16,5 лет, но уже замужняя. Муж – 36 лет, зав. киноустановками района, киноадминистратор. Человек с плешью, тонкими ногами и пессимистическими взглядами на жизнь. Сама Верочка примерно такая: маленькая, с тебя или Лидку, но некрасивая. Покатый лобик, жидкие волосики, запавшие глубоко глазки. В Лешуконском она все-таки была одна из наиболее приличных. Училась в техникуме год, но потом приехала в Лешуконское... В общем, она с Ленькой сошлась. Не знаю, чем он пленился, но только заявил, что Верочку он не любит, и т. д. Что чувствует к ней не больше чем к любой девице Лешуконского. Я его не отговаривал. Если человек решил жениться, пусть женится. Он деловито говорил с Завом в части квартиры, я должен был

переехать в новую комнату, собирался мать выписать, планировал свой бюджет и т. д.

Правда, одно время на него нашло раздумье. Написал он тебе длинное письмо, но не отослал, а после разорвал. В этом письме он жаловался на скверное психическое состояние, которое его заставляет решиться пойти на этот путь. Я его не понимал, не знал, как квалифицировать его поступки. Настало 6/5. Мы, по обыкновению, проспали, до звонка оставалось 5 минут. Скоро оделись и, не позавтракав, побежали в Лесоуч. Здесь он вел себя очень весело: смеялся, шутил с преподавателями, был вообще вполне нормальным человеком. Ходил в Леспромхоз и говорил, что собирается купить мелкопульку. В перемену все выпрашивал у преподавателя военного дела Верещагина патронов – собираюсь идти на охоту! Патронов 10 штук он ему дал. Урок 11–12 часов. Я занимаюсь с лесозаготовительным отделением. Пишут ребята контрольную работу. Вдруг открывается дверь, и Верочка: «Сергей Руфович, скорее на минутку!» Когда вышел из класса, она заплетающимся языком произнесла: «Алексей застрелился!» В библиотеке на полу лежал действительно Ленька с пулевой раной между глаз. Он был жив, изо рта текла кровь, хрипел время от времени. Верочка была близка к обмороку, и мне приходилось разыгрывать роль успокаивающего. На столе две записки, написанные ровным почерком. Вот они дословно, что в них было записано:

1. Верочка!

Прости, но я не любил тебя. Я думал, что хоть немного будет легче с женщиной, но убедился в обратном. Л. Уважаемые коллеги! Извините, что я доставил Вам маленькую неприятность. А. Зу...

И мне...

Сергея! К чему тянуть? Этот конец должен быть рано или поздно. Мне надоело жить. То, что я сделал сейчас, продумано. Я «видоизменяюсь» с удивительным спокойствием. Если не сделаешь этого, то моя психика... В общем, что говорить, мне все равно. Жить в соц. обществе не хочу, оно мне не нужно, как и я ему. В остальных 5/6 таких дураков, как я, слишком много. Все закономерно. Я думал, что если женюсь, то, может быть, немного просуществую, но это приятное заблуждение. Жаль, что принесу Верочке много горя. Наконец, это я сделаю так, как мне этого хочется. Передай барахло и деньги матери, нет, лучше возьми себе, она умрет от разрыва сердца. Привет М.Я., Лидочке и Феде. Счастливо, Алексей. 1932 год 6/V

Вот и все его послание, оно проливает свет на многое. Он мне и раньше говорил, что на Свири чуть с собой не кончил, что зашел в тупик и т. д. Я полчаса держал Верочку и смотрел, как Ленька хрипел. Приехал врач, положил его на санки и повезли в больницу. Через 1,5 часа он умер. Матери сообщаю с этим письмом. Вещи его и деньги пошлю багажом и почтой. Первые дни приходилось мобилизовать все самообладание. Меня таскали по уголовным розыскам. Я бегал с устройством могилы, организацией похорон и т. д. Три ночи не смог абсолютно заснуть. Потом прибегнул к помощи брома. Дергалась пять дней правая щека. Сейчас этого нет. Ясно, я постараюсь из Лешуконского выехать. Я ведь только закрепился до конца пятилетки, и вряд ли меня выпустят с чл. билетом да и с премией вольника. Итак, Леньки нет! Приеду числа 12 июля. Пиши Лидке, я не могу сочинять еще. Как будет потрясена мать, да останется ли она жива?

20.02.1933

Дорогая Лидка!

Сегодня первый день нахожусь в «домашней» обстановке. Вчера временно, примерно на неделю, выехал из леса. Это удовольствие так непродолжительно! Надоело в лесу до чертиков! Мы, конечно, физически не работаем, а просто являемся как бы воспитателями своих учеников. Историю нашего отъезда ты знаешь: по краю перерасходовали хлебные фонды, и для того, чтобы лесозаготовки не сорвать, Леспромуч сняли со снабжения и послали в лес на 2

месяца. Потом объявили «Сталинский поход за лес» и два месяца, скорее всего, видоизменятся в 3. Как и где мы живем? Вообрази маленькую северную деревушку, так от этой деревушки нужно ехать 22 км лесной дорогой на базу. База – это несколько бараков для рабочих, конюшня кузнеца, фельдшерский пункт, и все. Сразу начинается стена леса. От базы нужно пройти еще 4–5 км, где происходит рубка леса. Срубленный лес вывозят на катище. (Расчищенная лесная площадь для свалки бревен.) От катища идет 12 км ледяной дороги до реки Вашки. На берегу Вашки вывезенный лес снова откатывается в «бунты» для того, чтобы весной сплотить и отправить на 49-й лесозавод, находящийся в гортле Мезенской Губы.

В бараках страшная теснота. На койке для двух мест спят трое. В некоторых бараках на участках, где живут лесорубы, сделаны двойные нары. Около потолка развешивают одежду для просушки. В бараках всегда воздух тяжелый от испарений.

Мы находились в несколько лучших условиях. В комнате жило 15 человек. Преподаватели размещались свободнее: по два человека на койку. Имели свою лампу 5 линий, что давало возможность читать вечерами. За все пребывание в лесу я прочитал 50 томов (!), взятых из нашей библиотеки. Что я только не читал! Леонов, Лидин, Фурманов, Мопассан, Караваева, Дж. Лондон, Подячев, Никоноров и т. д. С огромным удовольствием прочитал «Записки революционера» Кропоткина. Приспособился читать в фантастической обстановке: точат пилы, топоры, хлопают дверцами, смеются, и я с упорством фанатика пропускаю все мимо ушей, стараясь понять, что говорится в книге.

...Вечерами и в полдень гуляли. Это было для нас обязательным. Чтобы сохранить здоровье. Здесь лучшая часть нашей жизни на базе. Выходим часов в 10–11 и идем по ледянке. Бесконечно тянется аллея, прорубленная среди огромных елей. Мягкий снег, Луна... В общем, замолкаю, ибо природу ты не любишь.

Ученики работают возчиками, навалыщиками. Навалыщикам досталось больше всего. Приходится наваливать на сани до 100 бревен на человека! Это не так легко.

Кормили плохо. Мы самостоятельно питались навагой, которая была не из дешевого продукта (3 р. 50 – kilo). Но сначала набросились с жадностью. Вчетвером жарили 2 kilo и сразу поглощали. Навага ведь очень вкусная и нежная рыба.

Туфли постараюсь достать. Без каблука нет, а с каблуком все слишком маленькие размеры. Может, где в деревне найду.

Вот опять скоро в лес. В лесу как-то тупеешь и вид приобретаешь Золотородца. Я даже отошал, хотя ничего кроме моциона в 16 километров в день не делал.

О ВУЗе я сейчас просто не в состоянии думать, пока не кончится эта чертовщина. Феде <муж сестры Лиды. – В. С. > привет и ряд наилучших пожеланий. <...>

В 1934 году Сергей Руфович наконец приезжает в Ленинград и сдает экзамены на филологический факультет Ленинградского университета. Как понятно из писем, экзамены он сдал хорошо. Как он мне рассказывал позже, сдавать надо было даже на гуманитарный цикл и математику, и физику, и химию. Так что приготовления к поступлению в технический институт не пропали даром. Сдал папа все экзамены на пять в основном, но сначала его не приняли. Это была последняя возможность получить высшее образование, и приходится только удивляться папиной настойчивости в достижении цели.

30.08.1934

Дорогая Лида!

Итак, я один из лучших по сдаче экзаменов, и все-таки отказали, так как вообще в ЛИФЛИ огромный наплыв. Это выяснилось сейчас, когда составлялись списки принятых и отказанных. Сегодня я нахально пошел к директору, причем завуч долго просто не пускал, говоря, что директор подобными делами не занимается. Директор, человек важный и солидный, сначала даже не хотел говорить, но потом, когда я сказал о Крайнем Севере, он вспомнил: «Это вы в двух районах работали? Какие отметки?» Отметки у меня были хорошие, и это его тронуло. Позвал завуча и в результате долгого разговора сказал: «Мы вас зачислим первым

кандидатом. – И добавил: – Это все равно что принят». В результате я двенадцатый человек, обучающийся на африканском цикле. В общем, все это произошло довольно скоро. Хорошо, что комиссия обо мне долго говорила, и директор запомнил мою фамилию. Я теперь думаю, что все-таки зачислят и в число студентов. Профессорский состав лучший в Ленинграде. Встретил одного человека, так он три раза пытался поступить в институт. Это бывший филологический факультет Ленинградского университета. Феде привет.

Сергей.

09.12.1934

Ты уж извини меня за такое длительное молчание, но... Уважительных причин для молчания, конечно, не было. Как твоё здоровье? Я все время спрашивал у тети Мани о твоём носе. Как прошла операция и нет ли каких-либо последствий? У меня с глазами до сих пор неладно. Левый глаз все время краснеет и по вечерам делается подобным глазу испанского быка. Три раза был в платной клинике, что стоило всего 6 р. 75 коп. Давали капель, которых нигде нельзя достать, и прижигали черным снадобьем. Итог довольно неожиданный – прописали очки, хотя очень слабенькие 0,75 и 0,5 (оказывается, и глаза у меня разные). Очки до сих пор не купил (прописали два дня назад), но я думаю купить обязательно круглые и в черной роговой оправе. В них ведь и можно будет только заниматься, и играть в шахматы для пущей важности. Заниматься приходится очень много – ведь три языка и арабский один может нормального человека свести с ума. Правда, я и по нему имею 4, но преподаватель исключительно скверный. Он доцент и хороший арабист, но лишь первый год преподает. Раньше он на уроках краснел, а теперь хоть ведет себя прилично, но спрашивает зверски и говорит как патефонная пластинка, поставленная на последнюю скорость. Каждый из наших уважаемых наставников считает свой предмет главным и жмет немилосердно. Суахили значительно легче и интереснее. Мы уже довольно прилично говорим и можем между собой переговариваться: «Nataka kwenda katika choo!» Удержание этой фразы самое неожиданное: «Я хочу идти в уборную!», но это не умаляет ее благозвучности. Назначена зачетная сессия, и вот, уважаемая сестра, попрошу я у тебя об одном огромном одолжении – пришли мне Лукина «Новейшая история», по которой мы еще в ВУЗы готовились, где с английских революций начинается. Она мне очень нужна, причем это самый важный зачет. Кажется, такая книга есть у Вали, и потом, если у тебя есть «Капитал» Маркса. Ты, конечно, вправе ругаться, что вот, мол, столько времени не писал, а здесь сразу стал просить книгу, но, Лида, пойми и, поругав в письме, при первой встрече, вышли. Чем скорее ты это сможешь сделать, тем лучше. Зачеты у нас начинаются с 17 января (по истории), и за месяц, если у меня будет книжка, я сумею хорошо подготовиться. Ты только сразу напиши о результатах, и в случае невозможности высылки буду искать на месте. Я серьезно очень много работаю и чувствую, как постепенно в голове накапливаются факты и... масса английских, суахильских и арабских слов. Привет Феде и маме.

Сергей.

29.08.40. Торжок

Дайте в руки мне гармошку,
Дайте скрипку, дайте лютню,
Барабан, трубу, гитару
Иль рояль лауреата.
Я спою вам песню эту,
Чтобы правнуки и внуки,
Сидя в зимнее ненастье,
Этой песне бы внимали.
Чтоб дела великих предков

Им служить могли примером
В повседневной трудной жизни...

Это письмо должно носить характер «исторический», но... времени так мало. А сделать за последние дни я должен так много, что первоначальный план отпадает, и письмо будет самым обычным обыденным письмом, содержащим страницы 3–4, а не 1, да и то написанное убористым почерком моей дорогой сестры.

Вы уехали... Поезд умчал Вас в далекую Москву. Я стоял на платформе и клялся довести дело, начатое нами до конца (!!!).

8-е число.

...Утро... Долг превыше всего. Я быстро встаю, стоически выползаю из под теплого одеяла. Надеваю свои знаменитые лесные брюки и папину фуфайку берлинской шерсти. От фуфайки осталось очень мало – ворот, обрывки рукавов и дырявый остов. С трудом натягиваю на голое тело и с удовлетворением замечаю, что папа был не шире меня. Наверное, в такой фуфайке мог бы на Новоторжской сцене исполнить роль мельника из оперы «Русалка». На фуфайку надеваю рубашку. Вышло хорошо. Тепло, легко... Заготавливаю провиант. Знаменитое сало, хлеб и чеснок тщательно завернуты в «Знамя ударника». Тетя Маня мирно спит на своем сундуке. Пять часов... Утро спокойное и прохладное, а в голове чудные стихи Лонгфелло.

Он с кровати быстро спрыгнул,
Натянул рубаху быстро,
Ноги сунул в макасины на
Резиновой подошве.
Взял с собой краюху хлеба,
Чесноку, побольше сала,
И, на цыпочках ступая,
Вышел тихо за ворота...
Пять часов... На ясном небе
Солнца блики засверкали.
Вышла Катя за ворота,
Чтоб свою корову Зорьку
Выгнать в поле на прогулку.

И вот я за городом. Ведь так недавно мы вдвоем направляли свои стопы в поисках грибных мест, но, увы, я один. В ногах легкость необыкновенная. До «нашего места» обогнал 12 партий грибников. Корзину привязал к ремню, что дало возможность работать руками. Мастина <любяной короб, который крепят на ремнях за спину. – В. С. > уже не прежняя, а новая, которую дала мне Александра Александровна. В кармане – объемистая сумка тети Мани.

Быстрым шагом ирокезов,
Легкой маминой походкой
Он бежал, как лань от вепря,
По поклонницкой дороге,
Вызывая удивленье у идущих за грибами...

Здесь не хватает мастерства художника, чтобы все описать. Вышел в лес у наших «знаков». Тишина!.. Вокруг никого!.. Роса... Холодок... Сажусь у края дороги и еще раз убеждаюсь в высоких вкусовых достоинствах сала и чеснока. Пробираюсь к нашим заветным полянам. Пока грибов нет, но вот один, второй, третий... Рядом с почтенными старцами, которые прожили два-три дня, совсем малютки. Шляпки, как светляки, торчат то здесь, то там. Разбегаются

глаза. В волнении сую в рот папиросу горящим концом. Яростно отплеываюсь. Вижу столько грибов, что боюсь даже потерять из виду уже «найденные».

Минут через 40 мастина, моя новая мастина, которая вмещает почти меру картошки, полна. Что делать? Ведь я пришел гулять, а здесь так получается, что надо идти обратно. Быстро принимаю решение. Сажусь и бесстрашно отрезаю корни, оставляю только шляпки. Жаль корней. Они здоровые и крепкие, но здесь не должно быть места жадности.

То орлом смотрел повсюду,
То как тигр бросался в чащу,
Рвал грибы и клал в корзинку,
Напевая басом хриплым
Ряд романсов Джапаридзе,
И напев гремел по лесу...
Убегали в чащу зайцы,
Куропатки разлетались
Как от выстрела берданы.
Даже уж, сверкнув на солнце,
Поспешив ретироваться.
Он же рвал грибы поспешно,
Он их клал в свою корзину.
Он спешил, и пот ручьями
На сырую землю падал...
Даже птицы замолкали,
Увидав в лесу ТАКОЕ...

Очень скоро корзина была полна одних шляпок и стала весьма тяжелой. Стал собирать в сумку. Поставлю корзинку около большого дерева и иду в одном направлении. Обратно возвращаюсь, неся в охапке штук 10–15 замечательных грибов. Нашел 20 белых. Места для грибов уж больше не оставалось, да и таскать такую тяжесть стало трудно. Забрался в какую-то непролазную чащу. Вдруг на полянке в десяти шагах от меня появились две точеные фигурки диких коз. Неужели это всего в десяти километрах от Торжка? Заговорил инстинкт охотника. Вместе с грибами (оставить нельзя – потеряешь) затрюхал наперерез. Красавицы козочки быстро скрылись в кустах. Потом, когда я об этом рассказывал, никто не верил. Говорят – домашние. Потом мне охотники рассказали, что в Новоторжском районе пущено несколько косуль для развода. Домой я еле дошел. Принес в общей сложности 367 шляпок. Варили мы их с тетей Маней день, а ели 8 дней и с трудом кончили.

Ходил в лес несколько раз и всегда приносил добычу. Недавно взял две мастины (одна спереди, другая сзади) и приволок их полными. На это уходило два дня. День в лесу и день «освоения». Последний раз ездили на залетке с Натальей Николаевне. Весь день лил дождь да так и не переставал весь день. Приехали на кирпичный завод. Встретила баба и сразу реплика: «У нас даже в лесу таких потешных нет». Были мы действительно «потешными». Я в своих знаменитых брюках, тулупе, пальтушке Натальи Николаевны, тапках. Наталья Николаевна в плаще, огромных резиновых сапогах метростроевца. Вышли в лес и сразу вымокли до нитки. Набрали по 1/2 мастины и решили уходить, а уходить жаль. Уж больно грибов много. Пришли на завод мокрые абсолютно. Нас добрый старик-сторож пустил греться к кирпичным печам. И вот я в новом оформлении – шляпа, трусы, тапки. Одежда высохла сразу. Наталья Николаевна сидела где-то между печками, а я старательно сушил ее платье и т. д. Ехали в Торжок по замечательно красивой дороге через Киевский лес. Подберезовики сидели даже в колеях дороги. Дождь все шел. Потом Наталья Николаевна лежала у себя дома под двумя ватными одеялами и матрацем, пила спирт, но ее все равно трясло.

Привез замечательную группу – 5 грибов сразу. Тетя Маня торжественно водрузила их в

чашку с водой и стояли они рядом с прекрасным букетом около 4 дней. Хотел нарисовать, но долго собирался и вот только сегодня буквально за 30 минут сделал прилагаемый набросок.

Но, однако, поздно. Сейчас сварим в соленой воде свежую картошку без кожуры и поедим ее с малосольными огурцами, маринованными грибами и русским маслом. Правда вкусно?!

Да, были еще раз в Таложне, устраивали пикник ночью в Поклонническом лесу, и было даже весело.

В общем, присылать одну страничку письма – свинство! Жду настоящего, достойного вас творения. Привет маме и дяде Васе.

Сергей.

20 декабря 1942 года, Ташкент

Дорогие Лидя, мама и Валерик! Постараюсь связно рассказать вам события последнего времени. Пятого октября мне была вручена повестка, и назначили меня в танковую школу. Пригодность моя к подобного вида оружию определили, по-видимому, по внешнему виду. Институт стал хлопотать, и во всякого рода отношениях я фигурировал как единственный в Советском Союзе специалист по африканским языкам. К сожалению, это правда, так как африканский кабинет ИЯМа погиб полностью: зав. кабинетом убит на фронте, а Алексеев, мой товарищ по учебе, погиб еще в январе в Ленинграде. Вообще меня трепали здорово, хотя все военные власти шли навстречу, но «приказ есть приказ», а райвоенкомат имеет право давать отсрочку только на десять дней без учета того, что броню для меня нужно получать через президиум, находящийся в Казани, и дальше через комиссию по отсрочкам при Совнарком СССР. Мне самому надоела эта волынка, и я снова представил себя с нашивками лейтенанта, причем решил попасть в тяжелый танк, ибо при его содействии можно бы было перебить немцев куда больше, чем в том амплуа, в котором я фигурировал на Ленинградском фронте. Отсрочку мне давали несколько раз, и последняя отсрочка была за подписью самого начальника штаба САВО (Среднеазиатского военного округа). Я уже смотрел картину «Парень из нашего города» и завидовал его лаврам. Вообще, танк – самое грозное орудие, и был большой смысл идти в танковое училище. Пришла телеграмма от теперешнего секретаря Академии наук академика Бруевича – заместителя президента Академии Комарова – о том, что отдано распоряжение о моем бронировании. И вот только совсем недавно пришла броня из совнаркома за подписью Шверника. Так моя карьера танкиста пока и не удалась. Вообще, все это обязывает меня ко многому, и, как говорят, нужно постараться «оправдать доверие партии и правительства». За это время произошел занятный случай, и чего доброго, я мог бы повидаться с вами. Вы из газет знаете, что в Свердловске происходила юбилейная сессия Академии наук. Из Ташкента направились в Свердловск все здесь живущие академики, причем им был отведен правительственный вагон. Я уже имел телеграмму от Бруевича, но самой брони не имел, а то бы я снова у вас в Шилове на день-два, т. к. здешний совет директоров назначил меня начальником этого вагона. Жаль, но эта самая поездка так и не состоялась. Вообще, было бы здорово. Ведь мы ехали бы с собственным вагоном-рестораном, водкой и прочее... да и на сессии хотелось бы побывать. Я твердо решил, что побываю в Шилове, но... видно, была не судьба. На этой самой сессии был и мой бывший директор – Исаак Натанович Винников. Вообще, сволочь, каких на свете мало. Я не находил ни одного человека из его знакомых, которые отозвались бы о нем хорошо. Вообще, как говорят многие, «бандит в науке». До сих пор не понимаю, как он после всего им содеянного продолжает оставаться на своем посту. Здесь ходят слухи, что сотрудники случайно распечатали письмо, адресованное его заместителю, но заместителя не оказалось, так они это письмо распечатали, думая, что там что-нибудь официальное. Написано следующее! Вы устройте так, поговорив с NN обо мне, чтобы он поддержал мою кандидатуру в члены-корреспонденты, а я в свою очередь постараюсь, чтобы вам дали степень кандидата без защиты. Здоров! Не правда ли! Так вот этот самый Винников вспомнил в отделе кадров о моем проваленном экзамене (началась уже война, и я подал заявление о приеме меня в армию) и ученому секретарю ИВАНу нач. кадров заявил,

что вот, мол, так-то и так-то, приедете обратно, сделайте Смирнову экзамен. Этот экзамен во многом мне помог. Комиссия состояла из академика, члена-корреспондента, двух профессоров и одного доцента. Выдержал сие испытание блестяще. Благодарил своего Гранде за то, что он меня в такой короткий срок так здорово научил арабскому, жал руки и так далее. (Благодарил тут же по просьбе Струве.) В общем, получилось здорово. Ольдерогге Д. А. (он ведь в Ташкенте, недавно приехал из Ленинграда) даже сказал приятный, но несколько двусмысленный комплимент, что я слишком талантлив, чтобы заниматься хорошо. Одним словом, экзамен мне во многом помог, и я окончательно укрепил свое положение в таком уважаемом учреждении, как Институт востоковедения АН. Вообще, теперь ясно, что «положение обязывает». Впереди страшно много интересного. Просто голова идет кругом от перспективы той огромной работы, которая меня ожидает. Установка основная – современный арабский язык. Если я овладею им так, что смогу без словаря читать газеты, то ведь в пределах моей должности вся Восточная Африка и все арабские страны. Таких данных у нас в стране нет ни у кого. Оказывается, я и тут был прав, когда выбрал еще в 1934 году несколько странный африканский цикл ЛГУ. Тема диссертации «Восстание Махди». Тема касается арабского Востока и Африки (Западный Судан). Очень интересное время – 80-е годы, т. е. годы становления колониальной империи. Эпоха империализма в своей начальной стадии. Теперь только задача выдержать огромную нагрузку в работе и уложиться с диссертацией в срок (срок – август – сентябрь 1943 года). В Ташкенте литература есть по этому вопросу, но, возможно, придется съездить в Москву. Вот, кажется, все основное. В свете вышеизложенного станет понятным мое раздражение Лидиной открыткой, наполненной полуупреками и мудрыми советами Феди. Зоя сейчас заболела. Вчера у нее была температура 39. Кажется, простуда, но пока неизвестно. Здесь многие хворают – климат зимой неважный. Был вчера у нее, лежит в жару и с больной головой.

У нас устраиваются прекрасные фортепианные концерты. Здесь замечательная традиция – «Музыкальные среды». В здании АН каждую среду устраиваются концерты, причем билет стоит всего 4 рубля. Я слушал Льва Оборина, Гольденвейзера, Перельмана, а из мастеров сцены таких корифеев, как Берсенева и Гиацингову (стара она стала, а ведь когда-то, кажется в 24 или 23 году, она была молода и прекрасна). Я никогда и не думал, что музыка камерная может давать так много для отдыха. Прекрасная «душевная баня» или, что звучит более поэтически, «духовное причастие». Потом целый день ходишь под впечатлением замечательной музыки. А Шопена часто играла тетя Маня, и здесь, в Ташкенте, часто думаешь о Торжке.

Да, я ученый секретарь семито-хамидского кабинета, а В. В. Струве – председатель. Назначил он сам, и я до такой почетной должности, ей-богу, не дорос.

Очень радуют наши успехи на фронтах. Все-таки все это замечательно! Мои два товарища – один когда-то учился в нашей группе – награждены орденами, а несколько замечательных ребят уже погибли. Материально живу скверно. Денег не получал с августа, т. е. авансом получил 1200, но это ведь так мало! Стал тощий, и многие спрашивают, не болен ли я. Но это все пустяки. Хорошо, что все же я здоров. Работать нужно. Это главное на данном этапе. Всем нелегко. Как-нибудь и вы перетерпите, а там будет жизнь замечательная, как только кончится война и покончат с немцами. Завтра с утра на работу. Тете Мане снова начну писать часто, а то я ей в последнее время писал мало. Тяжело ей, бедной. Верка пишет, получил две открытки и одно письмо. Отвечаю по мере возможности. Получил от Феди письмо, плохо ему одному в Москве.

Сергей.

В 1958 году деда направили в Судан, где он провел несколько месяцев. Он был первым советским ученым, который увидел собственными глазами страну, истории которой он посвятил научную жизнь. Вот два письма, которые он писал в сектор истории Африки Института Африки АН СССР. Писались они в стиле путевых заметок специально, чтобы использовать их позднее в научном обиходе.

10.5.58

Дорогие мои друзья!

Время идет быстро и незаметно. Осталось от моей командировки всего дней 20–25, а потом опять в путь. Пока совершил на машине интересную поездку по стране. Побывал в Вад-Медани, Бараказе и Сеннаре. Всего пройдено около 700 км. По дороге встретил живописную группу (из двух арабов и двух верховых верблюдов) кочевников, вооруженных допотопными мечами и щитами! Так и разгуливают они по стране, «декорированные» как бы для выставочного зала Музея этнографии. Было уже много интересных встреч. Вот два дня назад посетил историка и в то же время начальника одного из подразделений личной охраны Халифа. «Первоисточник» стар, очень высок, костист и глуховат. Ему много за 80, но он совсем недавно, по словам его внука, решил жениться еще раз. Пока же он холост и охотно беседует о временах махдизма. Вернемся все же к путешествию. Очень было интересно посмотреть Гезиру. Впечатление сильное. Огромные поля, рассеченные многочисленными каналами. На приеме в Вад-Медани видел почти все начальство этого «хлопкового комбината». Голубой Нил сейчас не шире Оки у Рязани. Много песчаных отмелей. Вода очень теплая. Крокодилы у Сеннара бывают большие, метров до 7. (По словам авторитетных местных жителей.) Но я, увы, так и не увидел ни одного. В Сеннаре гулял в великолепном саду, где растут и вызревают апельсины, лимоны, папайя, манго, бананы, яблоки, но в густой и невысокой траве все время шуршат змеи. Это неприятно.

Сергей Руфович Смирнов в Африке (Судан), 1958

Знаменитую Сеннарскую долину удалось сфотографировать с двух берегов. Что получилось, не знаю.

Здесь бывает очень много москитов после периода дождей. Москвичи – посольские работники – уверяют, что июньские комары Опалихи и Кратова – ничто в сравнении с ними. Сейчас москитов нет, а вот мелкие муравьи охотно лезут в нашу комнату. Здесь все же сейчас очень жарко. Днем в тени бывает и 45 и 46 по С. Ночью – 38. Жить можно, но работать трудновато. С 2 до 5 все учреждения закрываются. Пешком в часы наивысшего «жара» никто почти по городу не ходит. Да, из овощей здесь есть все наше расейское – морковь, лук, перец, капуста, свекла, горох, бобы, картошка, помидоры и т. п. Но, наряду со всеми этими нам знакомыми сортами, есть много неведомых мне овощей, которые в приготовленном виде очень вкусны.

Недавно встретил на паромной пристани эфиопа – летчика гражданской авиации. Рассказал он мне много интересного о стране. Завтра рано утром на самолете улетаю в Порт-Судан, а оттуда уже на машине проеду в Суакин. Думаю, что смогу познакомиться с бишаринами, которые обитают недалеко от города.

Никогда не думал, что в городах Северного Судана так много выходцев с Юга. Как-то на выставке французской живописи мне запомнилось полотно Пикассо – акробаты. На шаре балансировала худенькая девочка, а неподалеку сидит худой очень широкоплечий человек с длинными руками и осиной талией. Южане очень похожи на этого акробата: все они очень высокие, очень длинноногие и многие из них в меру широкоплечи. Работают на строительстве в любую жару, и кажется, что +45 – самая подходящая температура для тяжелого физического труда.

Я стал активным врагом кока-колы. Напиток черного цвета и пахнет аптекой. Самое удивительное, что рекламу этой неприятной жидкости можно встретить в любой части страны – и вдруг на переправе через Нил около маленькой станции железной дороги, а то и просто в суданской деревне бойко торгуют американской «газированной водой». Она – кока-кола – здесь трех видов – кока-кола, пепси-кола и китти-кола: разницы между ними почти никакой.

В Хартуме попадаются учреждения с оригинальными названиями. Так, совсем недавно с одним суданским писателем я встретился в кафе «Лорд Байрон». Его владелец – грек, и он из уважения к освободительной деятельности английского классика решил присвоить его имя своему предприятию.

Большой интерес для кинолога представили бы суданские собаки. Они как бы сошли с древнеегипетских фресок: высокие в ногах, тощие, со стоячими ушами и длинной мордой, суданские шавки, по-видимому, – прямые потомки знаменитых египетских борзых. В нашей вилле два пса – мама и сын, который родился на пятый день моего приезда в Судан. Мама, напоминающая по окрасу, и не только по окрасу, но и по экстерьеру, эрдель-терьера, с изумительным проворством ловит мышей и каких-то страшных «чешуйчато-крылых», которые появляются на веранде, если включить электричество. Как-то я был свидетелем странного зрелища. Вечером буквально тысячи летучих мышей летели в течение часа в одном направлении. Это было в Хартуме, и подобного в жизни я никогда не видел.

Привет всем самый суданский по степени нагретости. Живите мирно и помогайте Марине в культурно-просветительной работе, вовремя платите Розе членские взносы, слушайте профсоюзного вождя в лице Яблочкова. Да, извините за доплатное письмо. Сейчас таких писем я отправил не только это. Всего доброго всем членам сектора.

Смирнов.

21.05.58

Дорогие мои друзья!

Съездил в Порт-Судан. Город красивый и своеобразный. Прожил я в нем около пяти дней. Красное море совсем не красное, а изумрудно-зеленое. На причале много пароходов. Вечерами, когда неожиданно наступает тьма, пароходы освещаются гирляндами из ярких лампочек. Становится прохладнее... жители выходят на улицы, где у небольших «кафе» чуть ли не на дороге расставлены столики. Едят тот же, что и в Хартуме, «кебаб» (шашлык), пьют кока-колу и простую воду со льдом. Познакомился с ковбойскими американскими фильмами. Чушь потрясающая! Артисты здорово дерутся и стреляют из пистолетов. В конце одного такого фильма все герои (их было 8) погибли с пробитыми головами. Не выдержал и рассмеялся, ибо все это было действительно смешно. Сосед европеец удивленно пожал плечами.

Съездил в Суакин за 65 км. Сейчас это мертвый город. В нем никто не живет. Коробки бывших домов пугают своей пустотой. И вот на окраинах этого города в полуразрушенных домах поселились Хадендоа и Бишатин. К европейцам относятся с подчеркнутым презрением. Гордая посадка головы, своеобразная одежда и набор оружия – кинжал, сабля-меч, щит, который кажется взятым на прокат из фондов А. Ив. Собченко. Фотографироваться не желают. Отцы закутывают малышей в темную накидку и быстро уводят в сторону. Женщину на улице вообще трудно встретить. Не могу забыть величественную фигуру воина, заботливо несшего на руках маленького козленка.

Свое пребывание в городе отметил купанием. В укромном уголке города, где когда-то к каменной набережной приставали корабли португальцев эдак в веке XV, разоблачились, «ризы» свои бросили здесь же на песок и влезли в чуть прохладную, крепко соленую воду. Плавать было одно удовольствие. Потом выяснилось, что на этом месте никто и никогда не купается, что в бухту заходят акулы. А мы-то только твердо знали, что в море крокодилов нет. В городе очень интересна старая крепостная стена с красивой аркой-воротами. От стены почти ничего не осталось, а ворота целы. С другой стороны города высится остов старинной Четырехугольной крепости. Все это я постарался заснять с разными выдержками.

Когда термометр показывает +46.

Извините, это небольшое и почти лирическое отступление. Надо под свежими впечатлениями записать, а точнее, описать и эту сторону хартумского бытия. Жарко!.. Вся жизнь города и поведение каждого гражданина, вне зависимости от национальной, племенной и расовой принадлежности, определяется этим, решающим для мая месяца, фактором. Организм человеческий здорово приспосабливается и к этим условиям. В городе с 2 до 5 учреждения не работают. Жизнь замирает. На улице редко встретишь пешехода. Все население много и жадно пьет. За обедом, даже в самой паршивой харчевне, подают кувшин воды со льдом. Выпиваешь стаканов 5, а то и больше. Кроме воды пьют лимонный сок, разбавленный большим количеством воды, коку и пепси-колу, лимонады всякого сорта, соду просто и соду с виски. Если я работаю дома, то почти в наряде легендарного Адама делаю четыре шага от веранды под лимонное дерево и, вооружившись палкой, сбиваю 8–9 плодов. Затем в большой стакан (400 гр.) наливаю холодной воды из холодильника, туда же кладу несколько кусков льда, ложки две (чайных, конечно) сахарного песка и великолепного консервированного натурального сока черной смородины итальянского происхождения. Затем лимон я разрезаю пополам и выдавливаю все содержимое в стакан. Все это размешивается. Напиток, годный для употребления обитателями Олимпа, готов. Это, пожалуй, лучший вариант. В городе приходится пить пепси-колу или соду даже без виски. В машину, если она стояла на солнце, влезашь с отчаянием героев, заделывающих дыры в неохлажденных топках паровозов и иных машин. К ручке дотронуться нельзя. Баранку машины держать одной рукой, хотя бы минуту, тоже нельзя. Стакан от холодной воды трескается.

Кажется, я еще не писал вам о посещении знаменитого поля Керрери. От Хартума это км 25, от Омдурмана – км 12. Машина идет по песчаной дороге. Голая степь с маленькими рощами каких-то колючих кустарниковых деревьев. Добрались до места часам к 10. Уже солнце высоко, и стало нестерпимо жарко. Полезли на гору, которую в 1899 году брали части камерунских стрелков (они были в английской армии). Вскоре машина оказалась далеко где-то у подошвы этого холма. Черные глыбы камней... С самой вершины величественная панорама: справа – неясные очертания далеких холмов, слева угадывается силуэт города. На обратной дороге все же нашли английскую гильзу. И это на тропинке, по которой прошли за истекшие 59 лет тысячи туристов! Неподалеку от этого суданского «Бородина» (только с иным исходом) – памятник погибшим английским солдатам. Сооружение уникальное в некотором роде. Оно окружено высокой оградой, а сам памятник – сеткой, дабы суданцы, которые не питают дружественных чувств к англичанам, не испортили бы его камнями.

В городе, я имею в виду Хартум, много красивых мест. Очень красивая набережная Голубого Нила. Она напоминает ташкентские улицы: тенистые деревья, рядом вода, хорошая прямая дорога. На набережной в красивых виллах-дворцах размещаются правительственные учреждения. К «Гранд-отелю» вечером съезжаются машины со всего города. Их персональные владельцы коротают время на веранде за содой с виски и пепси-колой. А во время праздника Рамадан по набережной идут стройные толпы приверженцев Махди либо Миргани. Из городов мне, пожалуй, больше других, если не считать самого Хартума, понравился Вад-Медани. Много земли, много тени, очень красив Голубой Нил. Вот сегодня у меня деловое свидание, и я был вынужден отказаться от весьма заманчивого предприятия – охоты на гусей. Может, в дальнейшем еще успею поохотиться.

Собираюсь в Д...чубу (?) на Юг Судана. Если эта поездка состоится, то буду считать программу путешествий выполненной почти на все 100 %. Вот только жаль, что не успею съездить в Кордофан и посмотреть Эль-Обейд. Несмотря на жару, мух, которые стали злобно кусаться по ночам, жаль так скоро покидать Судан, хотя по Москве я очень соскучился. Писем от своих очень занятых институтских товарищей до сих пор не получал. Думаю, что Иван Изосимович или Марина Вениаминовна все же сообщат о делах эфиопских. Заказал обратный билет. В Москве буду числа

9-10. До скорого свидания. Всего вам хорошего, желаю больших успехов в работе.

Смирнов.

В архиве деда сохранились заметки, написанные им в конце жизни. Вот один из отрывков, представляющий несомненный интерес. Назван он «Пушкин».

«Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигурки в нарядной генеральской форме, с его белой курчавой головой, резко-белых, чрезвычайно худых рук с костлявыми тонкими пальцами и длинными острыми ногтями». Это написал в одном из своих небольших рассказов Ив. Бунин.

Сына Пушкина я едва ли мог видеть, но бережно храню в памяти все, что было связано с жизнью его отца. Много раз был на квартире поэта. Долго стоял во дворе дома, где до сих пор сохранились старинные конюшни. Когда-то в зимний день 1837 года в этот двор свернула повозка, где, завернутый в шинель, поддерживаемый Данзасом, посеревший от потери крови и нестерпимой боли, полулежал под медвежьей полостью раненый Пушкин. В музее Пушкина я подолгу простаивал возле его фрака, сшитого «на средний мужской рост», старался запечатлеть в памяти оттенок каштановых волос. Но я никогда всерьез не занимался литературой и толком не знал, кто же из его потомков мой современник.

Это было осенью 1941 г. Мы быстро познакомились. Нового моего товарища звали Александр Сергеевич. Был он среднего роста с волнистыми русыми волосами. Нос его, тонкий, с горбинкой, говорил о «породе». Наши солдатские судьбы на некоторое время пересеклись тесно и неразрывно. Служили в одной части, в одной роте, в одном взводе. Некоторое время, до того как я стал командовать взводом, были разведчиками. Вместе ходили по немецким тылам, вместе спали не под одной, а, чтобы было теплее, под двумя шинелями.

Едва ли стоит сейчас рассказывать о «боевых эпизодах». Удивительно, что ни я, ни Саша не были ранены и из многих передраг выходили невредимыми. Очень сдружились. Однажды попали под бомбежку немецкого пикировщика. Спрятаться было негде. Плонулись в очень неглубокую рывтину. Разрывы фугасных бомб неумолимо приближались к нашему ненадежному убежищу. Но бомб у немца не хватило. Осколки последнего фугаса, разорвавшегося метрах в 30 от нас, срезали несколько молодых елей и со свистом врезались в сырую от осенних дождей землю, но нас не задели.

Как-то получили задание принести важные документы убитого командира. Когда подползли к погибшему, тело лежало в ничейной зоне посередине большого и очень мирного, заросшего брусничником, мхового болота. Из темной кромки леса нас стала отстреливать немецкая «кукушка». Единственный раз за всю свою военную карьеру испытал омерзительное чувство полного бессилия. Вечерело, нашего противника в вязкой темноте густого гатчинского леса разглядеть было невозможно. Планшет с документами мы все-таки срезали и благополучно вернулись в свою часть. Помню, нас двоих командировали в Ленинград. В городе мы могли пробыть только один день. В мою квартиру успели вселить какого-то субъекта. Половина хорошо подобранной библиотеки была сожжена, часть гарнитура красного дерева (этот гарнитур приобрел мой дед в начале 70-х годов у заезжего дирижера итальянской оперы) бесследно пропала. Я даже не стал ругаться. Постоял возле книжного шкафа и совершенно механически положил в карман англорусский словарь. Он и сейчас цел. У меня оставалось немного времени. Зашел в военкомат, где меня уверили, что полузаконный жилец будет выселен в течение суток.

Вечером решил посетить квартиру Саши. Он жил на восьмом, и последнем, этаже большого дома, что на углу Морской. Трамваев не было. Шли по ночному Невскому, обгоняя редких прохожих. Изредка с

городских окраин доносилась дробь пулеметных очередей. Эти очереди рвали удивительную тишину такого знакомого и такого необычного в своем суровом обликии города. Долго поднимались по темной лестнице. В квартире никого не оказалось: академик Б. Д. Греков, его родственник, с которым он жил, из Ленинграда выехал. Осенние дожди дали о себе знать: с потолка на письменный стол падали, пружиня, редкие капли. Присели по русскому обычаю. Потом не мешкая вышли на ту же темную улицу. Разведчики имели хорошую пищу, лучшее оружие и много свободного времени после выполнения заданий. Как-то вечером мы остались с Сашей вдвоем в блиндаже и о чем-то беседовали. «А знаешь, – обратился он ко мне, – а ведь я правнук Пушкина». Это меня не удивило. Люди на фронте редко говорят неправду. «Я только в родстве с ним по материнской линии, и отсюда фамилия другая – Данилевский. Отец родом с Украины, откуда-то с Полтавщины. А имя мать дала в честь прадеда».

Уже зимой наши пути с Сашей разошлись, и мы долго ничего не знали друг о друге. Уже после войны, в 1946 году, я приехал в Ленинград и позвонил в Зоологический институт. Тут же договорились о встрече. А потом вся страна праздновала столетие со дня рождения поэта. Это было летом 1949 года. В Москве торжественное собрание проводилось в Большом театре, в Ленинграде – в Мариинке. Саша вместе с матерью сидел в президиуме. Ленсовет дал ему после юбилейных торжеств ордер на трехкомнатную квартиру в районе Охотина острова. Тогда это был редкий случай. Сейчас он доцент ЛГУ, крупный энтомолог. Когда бываю в Ленинграде, встречаемся, вспоминаем Ленинградский фронт и навсегда ушедших друзей.

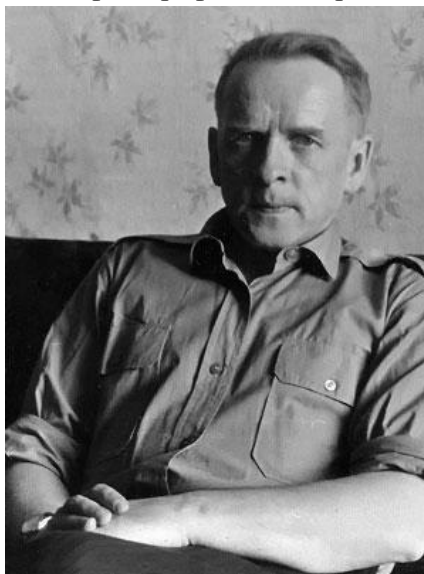
Саша Данилевский, говоря о родственниках с Украины («...отец родом с Украины, откуда-то с Полтавщины»), не знал, что является дальним родственником не только А. С. Пушкина, но и Н. В. Гоголя. В 1881 году девятнадцатилетняя внучка А. С. Пушкина Мария Пушкина вышла замуж за Н. В. Быкова, племянника Н. В. Гоголя. У Марии Александровны Быковой (Пушкиной) было десять детей. Одна из их дочерей, Софья Николаевна, вышла замуж за Сергея Дмитриевича Данилевского. Сам же С. Д. Данилевский – родственник Г. П. Данилевского (1829–1890), автора исторических романов, самый известный из которых – «Княжна Тараканова».

Упомянутый в дедовых заметках Б. Д. Греков – дальний родственник Саши Данилевского. У Софьи Николаевны (его бабушки) был брат, жена которого после его кончины вышла вторично замуж за известного советского историка Бориса Дмитриевича Грекова. Тамара Михайловна и Борис Дмитриевич пригласили семнадцатилетнего Александра в Ленинград для продолжения образования. В семье Грековых он и жил вплоть до самой войны.

Мой дед – один из тех, кто закладывал фундамент российской африканистики и кого по праву можно назвать ее достойным представителем. Пришел он в науку перед самой войной, окончив Ленинградский университет в 1939 году. Трудно об этом говорить сейчас, но мне кажется, что в характере моего деда была очень яркая авантюрная жилка. Мама мне рассказывала, что внешне он был очень спокойным и уравновешенным, любил долгие вечерние разговоры с ней. У него было не очень много друзей, но это были настоящие друзья. Врагов или недоброжелателей у него не было. Судя по фотографиям, он был очень красив не только в молодости, но и к концу жизни. Свою работу этнографа-африканиста он выполнял по-мужички добросовестно, как выполнял бы любую другую работу. Первый его труд назывался «Восстание махдистов в Судане» и был издан в 1950 году, а последний фундаментальный труд – «История Судана» – в 1968-м. Ему удалось побывать в Судане, Гане, Сомали, Египте. Представить себе, что он был в Африке среди первых! Это сейчас все границы открыты, а тогда...

Бабушка всю жизнь вспоминала своего Сережу с глубокой любовью и печалью о его безвременном уходе из жизни. Ему было всего 59 лет. Он был любящим и заботливым отцом моей маме и отчимом ее сестре. На юбилейную дату в память о совместном детстве мама подарила своей сестре собаку, породы сеттер-гордон, очень похожую на любимца Сергея Руфовича – пса Дея, с которым тот обожал ходить на охоту. Спустя тридцать лет после смерти деда его бывший аспирант из Судана Юсуф, оказавшийся в составе делегации в Москве, рассказал маме об одной из встреч с Сергеем Руфовичем в их доме перед защитой кандидатской диссертации. Совсем уже старый, Дей лежал у ног своего хозяина. «Меня не станет

через год после того, как умрет Дей», – Юсуф передал маме слова своего научного руководителя. Так это и случилось. Что это? Предчувствие или совпадение? Пути Господни неисповедимы. К счастью, остались дедушкины книги, письма и многочисленные фотографии, с которых на меня смотрит дорогой мне человек.

Одна из последних фотографий деда, 1964

Т. Ю. Головенко

Концерт для кларнета с оркестром

«...И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошое, – думал он, – связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

А. П. Чехов «Студент»

Когда я слышу слово «дедушка», то оживают лучшие детские воспоминания. В первой половине моей жизни именно дедушка, Леонид Викторович Радужкевич (деда Леля), был главным авторитетом, последней инстанцией в решении трудных вопросов. До сих пор у нас в семье звучит формула: «Дедушка бы сказал по этому поводу...» или «Дедушка бы это не одобрил».

Как становятся дедушкой? Достаточно ли для этого пройти обычный путь возмужания, рождения детей, их воспитания и, наконец, появления на свет внуков? Или нужен какой-то особый таинственный «дедушкин» талант? Или склад характера? Или особенная судьба? Видимо, это непредсказуемо: станет ли данный мальчик хорошим дедом или нет. За жизнь мужчина меняет множество ипостасей – он чей-то сын, чей-то возлюбленный, чей-то муж, чей-то начальник или чей-то подчиненный, чей-то зять, чей-то отец и, наконец, чей-то дедушка. В какой из этих «ролей» он наилучшим образом проявит себя? Предвидеть, каким дедушкой станет мальчик, невозможно. В день рождения близкие, уподобившись феям из сказки, пожелают ему чего угодно в жизни, но никто не скажет так: «Желаю тебе стать хорошим дедушкой!» А между тем возможность увидеть «детей детей своих», быть «патриархом» семьи с ветхозаветных времен считалась идеалом счастья.

В. И. Радушкевич, студент Московского университета

Виктор Иосифович Радушкевич (1878–1908)

Гилярий Клементьевич Радушкевич (1845–1900)

Нина Петровна Радушкевич (урожд. Петина)

Мой дедушка Леонид Викторович Радушкевич родился 7 декабря 1900 года в Москве. Отец его Виктор Иосифович Радушкевич (1878–1908), сын польского дворянина, сосланного в Сибирь за участие в восстании 1863 года. Рано осиротев, он заменил отца своим братьям и сестре, еще гимназистом зарабатывая деньги репетиторством, потом окончил Московский университет, уехал в Рязань, где стал основателем одной из лучших гимназий. У него был «богатый дядя» Гилярий Клементьевич Радушкевич, статский советник и врач города Вильно, с которым мой прадед имел переписку и от которого после его смерти осталось маленькое наследство в виде предметов быта и семейных реликвий, например хрустальная печать с фамильным гербом. Виктор Иосифович рано женился, но в 30-летнем возрасте умер от чахотки, оставив после себя троих маленьких детей и благодарную память в сердцах многих людей, знавших его. Его жена, Нина Петровна Петина (1881–1967), была образованной и яркой женщиной; ей суждено было прожить очень долгую и нелегкую жизнь, пережить двух мужей, похоронить троих из пяти детей и стать очевидицей многих трагических для России исторических событий. Леонид, мой дедушка, был старшим в семье, с детства имел склонность к образованию и искусству, хорошо учился в школе, позднее окончил физико-математический факультет Московского университета, всю жизнь занимался физикой, стал профессором, автором многочисленных научных работ и учебников. Юность моего деда, совпавшая с революцией и Гражданской войной, не была омрачена потерями и была интересной и вполне мирной: с литератур – ным кружком в Рязани, с домашними театральными постановками, с первыми научными опытами. Еще в Рязани он познакомился и вскоре женился на Надежде Ивановне Серапионовой, девушке очень красивой, обладавшей живым и сильным характером. Надежда Ивановна родом была из села Порецкое на Волге, из крепкой и здоровой деревенской семьи, в те годы она училась в Рязанском педагогическом институте. Поженившись, они стали жить в Москве, где у них родилось трое детей: Ира, Зоя (моя мама) и Володя, семья шла «в гору», поскольку дедушка стал военным и служил в Военно-химической академии; карьера его как ученого и военного неуклонно развивалась. Перед войной ему дали квартиру в новом доме на улице Госпитальный вал. Однако времена были страшные – Советская власть как танк проехала и по его семье. Первым пострадал его отчим, бывший штабс-капитан М. И. Щербаков, он был расстрелян за дружбу со священником (до революции он был старостой одной из рязанских церквей, возил туда своего пасынка, и тот даже пел в церковном хоре). Нина Петровна осталась одна с детьми. В 1937 году был сослан в лагерь и вскоре расстрелян ее второй сын, Виктор Викторович Радушкевич. Судьба Леонида Викторовича висела на волоске от гибели. Научная работа, которой он занимался, была секретной, поскольку относилась к области химической защиты. В партию он не вступал, на компромиссы не шел, высказывался часто прямо и недипломатично. Подчиняясь правилам той жизни, он, конечно, скрывал свое дворянское происхождение, однако не расстался с семейными реликвиями,

составившими основу этих записок. В общем, было, как говорится, за что сажать. В доме каждую ночь кого-нибудь «уводили», и моя бабушка Надежда Ивановна, беременная третьим ребенком, в страхе припадала ухом к входной двери, чтобы убедиться, что идут не к ним. В шкафу, как и у многих тогда людей, лежал приготовленный узелок с вещами. То, что дедушка остался цел, – настоящее чудо, поскольку даже его значимость как ученого не смогла бы защитить его, так как существовали «шарашки» – лагеря, где трудились заключенные – научные работники. Итак, семья жила и даже благоденствовала: дети учились, летом отдыхали на даче, зимой ходили в театры. Леонид Викторович был замечательным отцом, он воспитывал своих детей, применяя самые верные для этого способы: собственный пример и свойственное ему по-детски восторженное отношение к литературе, театру, музыке. Это происходило ежедневно и обыденно. Он просто сидел за письменным столом и работал, но все домочадцы с благоговением к этому относились, а дети утихали на время. Или к нему приходили его коллеги и часами вели научные разговоры, по поводу которых нянька Анюта говорила так: «Опять весь день говорили: нергия-ток, нергия-ток...» (энергия, ток). Или летом на даче он брал дочку (мою маленькую маму) за руку и гулял часами, необыкновенно интересно рассказывая ей о природе, ловил ужика и объяснял, чем он отличается от гадюки, научил детей коллекционировать бабочек. Маленькая Зоя так привыкла к этому, что однажды, увидев на горизонте пасущееся стадо коров, закричала: «Папа, памай стадо!» Весной дедушка отправлялся с детьми в Измайловский лес, находил лужу и с самым серьезным к этому отношением вылавливал лягушачью икру, потом дома с энтузиазмом наблюдал превращение икринок в головастиков и лягушат. Каждое воскресенье всю свою жизнь Леонид Викторович ходил в Дом ученых играть в оркестре на кларнете, часто с ним в оркестровой яме сидела дочка, «впитывая» в себя музыкальный дух. Наконец, вечерами семья наслаждалась чтением вслух рассказов А. П. Чехова, где ярко проявлялся и артистический дедушкин талант.

Виктор, Леонид и Нина

Леонид и Виктор Радужкевичи, ученики гимназии

Когда началась война, семья Радужкевичей жила на даче. Дедушка стал носить военную форму и подолгу пропадать в Москве, а его жена, дети и их нянька Аня продолжали жить за городом до конца лета 1941 года. Нависла опасность воздушных налетов, впервые прозвучали сообщения по радио о воздушной тревоге. Правда, от страха и растерянности Надежда Ивановна с детьми по совету неграмотной няньки во время бомбежки зачем-то бежала в ближний лесок через поле, над которым в лучах прожекторов шел воздушный бой. Самое опасное, что только можно было придумать... Потом приехал дедушка, все объяснил и вместе с соседями стал рыть во дворе глубокую (в рост человека) траншею, куда семья и пряталась в последующие дни. Вскоре стало опасно оставаться на даче, тем более что она располагалась в северном направлении, и семья уехала в Москву. Леонид Викторович, как и другие жильцы дома, дежурил на крыше, следя, чтобы зажигательные бомбы не вызвали пожар в доме. В память об этом сохранился осколок бомбы, острые края которого у меня с детства вызывают представление о хаосе и жестокости.

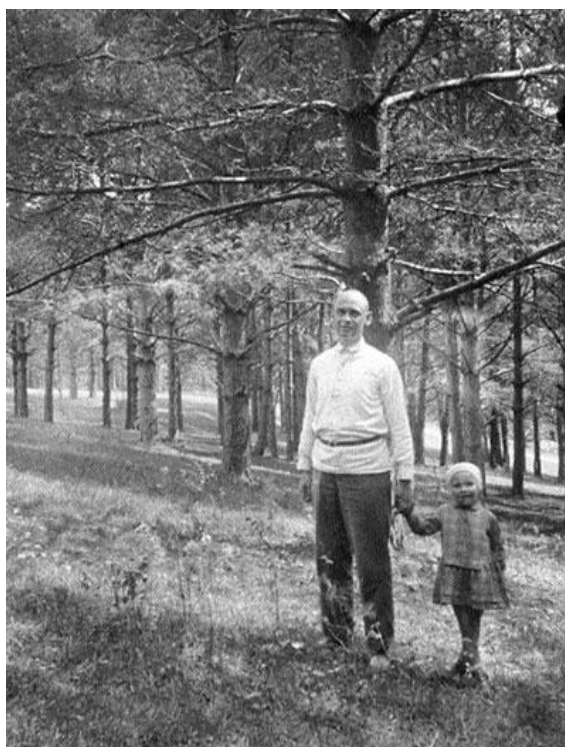
Нина Петровна с детьми Ниной и Леонидом

С первой женой Надеждой Петровной

В школу 1 сентября 1941 года дети уже не пошли, а напротив, начались разговоры о скорой эвакуации всей военно-химической академии в Среднюю Азию. 17 октября 1941 года, когда тревога достигла высшей точки, семья уезжала с Казанского вокзала в Самарканд. Первые несколько часов поезд шел в зоне воздушных боев и даже находился под обстрелом. Всех пассажиров просили забаррикадировать окна чемоданами и узлами. Было очень страшно! Потом опасность миновала, и началась почти целый месяц длившаяся дорога с долгими стоянками в далеких городах и бесконечными пустынными пейзажами за окном.

Приехали в Самарканд и поселились у чужих людей на постое. Первое время дедушка был с семьей, обеспечивая ей нормальные условия жизни (паек) и ощущение безопасности. Иногда он уезжал на «полигон» и однажды привез целый мешок живых черепашек, сказав, что из них можно сварить замечательный суп... Идею эту баба Надя с брезгливостью отвергла сразу, а черепашки расплозились по двору, безумно напугав соседку-еврейку, высланную в свое время за «неудачную» фамилию Китлер... Вообще, царила атмосфера всеобщей растерянности и неизвестности, фашисты наступали на Москву, нормальная жизнь оборвалась... Но дедушка и здесь оставался человеком, осознававшим каждый миг своей жизни как бы извне, издалека, оценивая его в масштабе длинной жизни, хоть и было ему самому тогда всего 41 год! И вот он берет за руку Зою и идет с нею в старый город, заставляет любоваться Регистаном, рассказывает об обсерватории Улугбека и других восточных чудесах, а потом на базаре покупает типичную узбекскую тюбетейку, черную с белым традиционным узором. Вообще-то он мечтал купить сосуд с узеньким горлышком, находя его прекрасным, но боялся раздосадовать свою жену этой неуместной покупкой...

«Папа, памай стадо»

Леонид Викторович Радушкевич во время войны

Когда служащие академии уехали обратно в Москву, семья в Самарканде чуть не погибла. Шел уже 1942 год. Зою из-за голода отправили в пионерский лагерь, где она больше плакала, чем ела, тем более что пища хоть и была, но в ней полностью отсутствовала соль и есть ее было трудновато... А потом заболела сыпным тифом Надежда Ивановна, и ее увезли в больницу. Дети остались одни. Зоя варила рис и смешивала его с изюмом, эта была основная пища, но и ее было мало. Вокруг лежали горами абрикосы, но есть их не разрешалось из-за опасности заражения тифом... Жившая неподалеку жена академика М. М. Дубинина Елена Фадеевна приносила сахар и немного хлеба маленькому Володе, а однажды Зое пришлось на базаре менять чулки на еду... Наконец, пришла из больницы мать, страшно похудевшая, в платочке (волос нет), сразу пошла топить печку. Жизнь стала налаживаться.

С семьей Дубининых

И вот наступило время возвращения домой (была зима 1943 года). Ехали семьи военнослужащих в Москву и мечтали по дороге, как их будут встречать мужья. А бедная баба Надя совсем не мечтала, поскольку нарушилось сообщение с мужем. Далее, по семейному преданию, было вот что. Поезд прибывает не в Москву, а в деревню Фролищи, где находилась академия в то время. Все, кроме Надежды Ивановны, предвкушают встречу с мужьями. Открываются двери, и в проеме стоит один-единственный встречающий – это Леонид Викторович!

За своих жену и детей Леонид Викторович мог не беспокоиться, но в страшной опасности оказались его мать и сводная сестра Анна, пережившие оккупацию в городе Калинин (Тверь). Прибавился еще один фактор риска и неблагонадежности...

Конец войны совпал с юностью моей мамы: была радость и вера в будущее. Когда умер Сталин, дедушка вышел на кухню, перекрестился и сказал: «Слава Богу, что сдох, наконец, этот проклятый тиран!» Позднее в ящике стола была найдена его рукопись под общим заголовком «Антилениниана». Всю свою жизнь дедушка работал: в лаборатории, за кафедрой, за письменным столом, писал статьи и книги, выводил формулы, руководил аспирантами, защитил кандидатскую и докторскую диссертации и стал профессором. Имея большую зарплату, никогда не был богатым, поскольку содержал не только свою семью, но и мать с сестрой и семьи детей. В 1959 году умерла его жена. К великому удивлению всех, он через несколько месяцев вновь женился на Лоре Александровне и жил с нею до своей смерти, сначала у нее на квартире, но вскоре – в режиме «выходного дня» и совместного дачного лета. Люди они были уже немолодые, у них были взрослые дети со сложными семьями, но эта семейная, пусть и неполная, жизнь, была для дедушки «отдушиной», островом независимости.

Со второй женой Лорой Александровной

Л. В. Радушкевич с внучкой Наташей

Дочь его второй жены Инна Аркадьевна, жена протоиерея (а тогда молодого дьякона) отца Николая Ведерникова, очень подружилась с моей мамой, и благодаря этому второй брак Леонида Викторовича стал началом воцерковления всей нашей семьи. Большим ударом для дедушки был уход из семьи моего отца, он очень сильно переживал и состарился... Умер Л. В. Радушкевич 8 ноября 1972 года в больнице Академии наук от инсульта, случившегося, когда он наклонился к тумбочке, чтобы достать рецензируемую диссертацию. Похоронили его на Востряковском кладбище и установили гранитный серый памятник, который он со свойственной ему любовью к порядку сам давно спроектировал, оставив место для своего имени. Сколько я себя помню, столько помню и моего дедушку. Мы – мама, моя сестра Наташа и я – жили одни, а в субботу к нам приезжал дедушка. Ему в то время было уже больше 65 лет. Он доезжал до метро «Динамо», поднимался на эскалаторе и дальше добирался на троллейбусе до нас. Лестница на нашей станции метро «Аэропорт» для него была трудна. Мы его приветствовали привычным «А-ааа», произносимым с особой интонацией. Он привозил для меня что-нибудь занятное и полезное. Я запомнила раскраски и еще переводные картинки: бледные, блеклые рисуночки на глянцевой плотной бумаге; их

нужно было опускать в мисочку с водой, а потом, прижимая к листу бумаги, на который они переводились, очень аккуратно стягивать вбок верхний слой. Открывался волшебный яркий рисунок, немножко зернистый по текстуре. Случались при этом неудачи: бумажка увлекала за собой рисунок, и все бывало тогда испорчено. Между прочим, дедушка рассказывал, что в его детстве тоже были такие картинки, но лучше.

Я запомнила эти картинки, но со слов мамы знаю, что чаще он привозил очень важные вещи для детей: ватное одеяло, цигейковую шубку и даже однажды старинное и очень хорошее пианино. У него были четкие представления о нормальном детстве. Я не решаюсь до конца представить себе глубину его страданий о моей маме и уходе из семьи моего отца... Но если бы не он, едва ли мы бы выжили...

Потом начиналось бесконечное чаепитие, мне становилось скучно, так как мама с дедушкой вели долгие разговоры до глубокой ночи и все не могли наговориться. О чем они говорили? О литературе, о воспитании детей, вспоминали что-то, громко смеялись.

Утром, как все дети, я просыпалась очень рано, а дедушка после рабочей недели высыпался, мама не разрешала его будить, но я приставала и просила: «Ну, можно я его разбужу?» Наконец он вставал, долго умывался, брился, что было мне в диковинку. После завтрака он иногда гулял со мной. Однажды мы зашли в переулок за нашим домом (теперь там новое здание МАДИ), где были старые деревянные дома и дачные заборы. Под одной из калиток всегда высовывала свой черный и мокрый нос какая-то псина, мы ее прозвали Носка, причем целиком я ее никогда не видела. Помню такой эпизод. Мама полулежит на кресле и мечется, рыдает и задыхается – она тосковала об отце. Дедушка бережно уводит меня в другую комнату, отвлекает; дети не должны быть свидетелями таких сцен.

Иногда мы ехали к нему в гости на улицу Вавилова. У него был письменный стол, к которому не полагалось подбегать и трогать что-нибудь. Обычно он сажал меня на колени и давал четвертушку бумаги и хорошо отточенный карандаш. На столе царил идеальный порядок. Там был особый календарь с перевертывающимся окошечком, тяжелый, металлический и очень занятный: так и хотелось его попереворачивать!

Еще там были какие-то таинственные грибы из настоящего полудрагоценного камня в виде тяжелого пресса, желтоватые и прозрачные на свет. В особом стакане стояли острые карандаши, их было немного, среди них был половинчатый красно-синий карандаш. Под стеклом на столе лежали фотографии самых любимых людей, там была и я – на маленьком фото я с косичками и испуганными глазами. Еще помню, что слева на стене висел большой портрет его деда Петра Харитоновича Петина с маленькой девочкой Ниной – матерью дедушки.

Петр Харитонович Петин с дочерью Ниной

Однажды мы ехали на такси с улицы Вавилова к нам домой с дедушкой. Проезжая мимо бассейна «Москва», он тихо что-то говорил маме, но я услышала, что тут был большой храм и его взорвали, но кто взорвал – не поняла, наверное, подумала, немцы во время войны... Когда меня приняли в октябрю в

первом классе и я нарочно не застегивала пальто, чтобы все видели значок, я была удивлена, что дедушка остался не только совершенно равнодушен к этому столь раздутому в школе событию, но и опять что-то неодобрительно и иронически говорил тихим голосом маме. Пережив страшные годы, он был очень осторожен и щадил детские уши, но, несмотря на это, я рано поняла, что есть какое-то раздвоение в моей жизни и не все то правда, что говорят в школе. Мне было тогда семь-восемь лет, я была отличницей, «командиром звездочки», и на рукаве у меня мамой была пришита красная звезда. Слащавые рассказы Бонч-Бруевича и макет шалаша в Шушенском, сделанный учениками и пылящийся в «ленинской комнате», были для меня атрибутами школы и детства... Но зерно сомнения уже поселилось в моем уме. Летом в Переделкино, где мы снимали дачу недалеко от дедушки, я часто оставалась одна, так как мама работала, а старшая сестра Наташа была увлечена своими друзьями. Однажды началась сильная июльская гроза, все потемнело, мне стало страшно, и я решила пойти к дедушке. Не знаю, каково это расстояние на самом деле, но тогда казалось мне огромным. Я сомневалась, но решилась и пошла. Гроза не утихала. Я не прошла и нескольких метров за калиткой, как увидела у березок за прудом фигуру дедушки в плаще, идущего навстречу мне. Ходил в те годы он медленно. Я даже иногда одолевала его вопросами, не может ли он идти быстрее, просила его бегать, на что он в шутку часто-часто шаркал ногами, как будто бежал... Вот и теперь он шел медленно навстречу мне. Я так обрадовалась! Он обнял и успокоил меня, привел к нам на дачу, стал рассказывать про грозу и гром.... С ним не могло быть страшно. Он все знал и умел объяснить.

В то лето, когда мне было семь лет, я впервые ощутила веру в Бога. Это случилось в овраге неподалеку от дедушкиной дачи. Там был косогор, я, худая и загорелая, наклонилась за шишкой и вдруг увидела на маленьком кусочке земли перед собой такую красоту!! Там были и ягодки земляники, и какие-то сиреневые пушистые цветочки, и бабочка, и был такой запах лета, и так звенели кузнецы в траве, что, когда я подняла глаза на небо, я испытала какой-то экстаз, счастье и почему-то тогда же поняла, что все это связано с Богом и моей верой в Него.

Осенью дедушка заболел и лег в больницу. Мама привезла меня к нему. Он лежал на кровати с высоким изголовьем слева от входа в палату, что-то писал... Гладил меня по голове... Выходя из палаты, я обернулась и увидела его в последний раз, он махал мне рукой и улыбался. Через несколько дней меня отправили пожить к Ведерниковым, поскольку мама дежурила у него в больнице. Поздним вечером я сидела у них на диване и читала Тане Ведерниковой (моей сверстнице и сводной сестре) «Капитанскую дочку» (я очень любила читать вслух). Дойдя до слов «Ну, барин, беда, буран!», я так похоже на маму это произнесла, что слезы вдруг подступили к глазам, и я разрыдалась... Я безумно скучала без нее, хотя мы не виделись всего пару дней, но я, вероятно, телепатически чувствовала, что дедушка умирает и маме тяжело... Отец Николай и его супруга Нина Аркадьевна (тетя Инночка) были в этот вечер у него в больнице, была «глухая» исповедь дедушки... Приехали они поздно и мне ничего не сказали, а поручили это сделать своей дочери Оле... Чувство сиротства, страха за маму, за нас охватило меня, я долго плакала. На похоронах я не была и мертвым дедушку не видела, но присутствовала на заочном отпевании в церкви в Ивановском, причем помню, что уже не плакала, отвлекалась и шутила во время службы. Но потом мы ехали в такси, было удивительно холодно, влажно и зябко, как бывает в ноябре, и опять вернулось чувство сиротства и одиночества...

Через какое-то время стали выплачивать деньги по облигациям внутреннего займа, которые насильно продавали давным-давно всем советским служащим. Мама обнаружила у дедушки большое количество этих облигаций, их поделили между собой близкие, и кто-то сказал, что «дедушка из могилы протягивает нам руку помощи». Помню, я была так глупа и мала, что поверила в это буквально, пока мама не объяснила, в чем дело.

Когда не стало дедушки, мне было девять лет, но с тех пор его имя в нашей семье произносилось с благоговением и было мерилем истины. Взрослея, я все больше узнавала о нем, причем все рассказы (даже дальних родственников и знакомых) были проникнуты всегда чувством восхищения и благодарности к нему.

Я, мама и дедушка

Не было специальных «педагогических» рассказов, а как-то непринужденно, всегда к месту приводились слова дедушки или рассказы о нем. Например, проходишь в школе «Горе от ума» или «Евгения Онегина», и вдруг мама замечает, что дедушка знал эти произведения наизусть. Или, разбирая пластинки, мы находим «Партиту» Баха, а на конверте – надпись чернилами, сделанная четким дедушкиным подчерком «*Zehr gut*».

И точно: *Zehr gut!!!*

Самое удивительное, что это продолжается и по сей день, когда со времени его кончины прошло более тридцати лет. Приступив к генеалогическому исследованию и уже начав, кое-что домысливая, собирать разрозненную информацию о Радушкевичах, я вдруг нашла написан – ные прекрасным почерком тетради, где все изложено предельно четко и ясно. Какое счастье, что эти тетради не утеряны и я могу их читать! В них нет обращения к потомкам, и я даже не знаю, надеялся ли дедушка, что их кто-нибудь когда-нибудь прочтет. С замиранием сердца каждый вечер я приступаю к перепечатыванию дедушкиных рукописей и, когда я нажимаю на клавишу «сохранить», слышу позвякивание той самой цепи, которую так хорошо описал Чехов в рассказе «Студент».

Портрет моего дедушки в гимназической форме

Почему дедушка так дорог мне? Почему я не могу без волнения смотреть на его юношеский портрет?

Оттого ли, что, зная его жизнь, его «кресты», которые он стойко нес, я жалею этого худенького, тонкого и жизнерадостного мальчика, лицо которого полно готовности жить, узнавать, действовать? Еще нет революции, еще есть порядок в жизни, начищены пуговицы на гимназической шинели, не началась череда утрат и не нужно все решать одному за всех близких, как это будет всю его жизнь. Он живет со своей любимой мамой, не очень любимым отчимом, с братьями и сестрами в собственном доме в Рязани, с удовольствием учится в гимназии, которую основал его отец, чей портрет висит в актовом зале школы. Директор школы – друг умершего отца Николай Николаевич Зелятров, преподаватели – творческие люди с широким образованием, твердыми принципами и представлениями о воспитании детей. Педагоги ставят школьный спектакль и с увлечением играют в пьесе Ростана «Романтики». Школьный духовой оркестр исполняет сочиненный директором марш! Леля (так звали моего дедушку близкие) увлекается физикой, копит деньги на проволоку для построения катушки Румкорфа, собирает коллекции бабочек, ухаживает за огромным (двухэтажным!) школьным аквариумом. Другое увлечение – это музыка. Каким образом появился кларнет в его руках, я не знаю, но он полюбил его на всю жизнь. В школе был оркестр, перед праздником долго репетировали и исполнили трио из оперы Глинки «Жизнь за царя», переложенное для камерного ансамбля («Не томи, родимый...»); соло для кларнета исполнял дедушка, о чем он пишет в письме к своей сестре, называя трио «дивным». Это и само по себе хорошо, когда юноша играет на кларнете, но этим история кларнета не заканчивается. Когда пронеслись молодые годы и жизнь стала более стабильной, дедушка вновь взял кларнет в руки и стал играть в оркестре Дома ученых на Пречистенке. Этот оркестр состоял в основном из дилетантов (что-то вроде «кружка» для научных работников), но там был профессиональный дирижер. Каждое воскресенье, в любую погоду дедушка отправлялся на репетицию. Это было для него радостью и отдушиной, позволяло отрешиться от будничной жизни и побыть в мире музыки и творчества. Иногда он брал с собою маленькую дочь Зою (мою маму), благодаря чему она навсегда запомнила отличия между гобоем и кларнетом, узнала, что такое канифоль, как специальным шариком и тряпочкой протирают флейты и каким глухим пиццикато начинается увертюра к «Евгению Онегину»... Дедушка тонко чувствовал музыку, до «мурашек» по всему телу, и это передалось мне от него.

В. И. Радушкевич, директор гимназии

Дети после смерти отца

У него было двое родных и двое сводных братьев и сестер. Ближе всех была ему сестра Нина, или Нинуша, как ее называли. Она была всего на год младше его, и они очень дружили. Нина заболела туберкулезом и умерла в шестнадцать лет. Последние годы она жила вне семьи в Москве, где училась в Николаевском сиротском институте на Солянке, откуда писала родным в Рязань письма, полные недетской тоски. Об этом можно догадаться по ответным письмам дедушки к ней. Приведу некоторые из них:

«Дорогая Нинуша!

Ты пишешь, что учишься играть на рояле; я тоже начинаю. На кларнете же я уже многому научился, теперь играю в двух оркестрах: в симфоническом и в духовом. В симфоническом очень хорошее соло я играю в увертюре “Виндзорские кумушки”, а в духовом – разные вальсы и марши; умею играть “Оборванные струны”, “Ландыш”, “Лезгинку” и т. д. Вчера мы играли в Всесословном собрании, там давали “Лес” Островского. Скоро едем в Спасск, там будет вечер, и наш оркестр будет играть. Больше нового у нас почти ничего нет. Целую тебя крепко и желаю успеха в учении.

Остаюсь твой Л. Радушкевич. 9/IX 1915».

«Дорогая Нинуша!

Прежде всего, позволь мне поблагодарить тебя за комплимент, который ты написала в последнем письме по моему адресу и по адресу многих. Затем сообщаю тебе наши новости и события. Моя постройка индукционной катушки Румкорфа совсем заглохла. Я потерял надежду иметь у себя этот прекрасный прибор, с помощью которого можно производить опыты с гейсслеровыми и круковскими трубками, мало того, можно с его помощью и с помощью трансформатора Теслы получать токи всякого напряжения, затем снимать рентгеновскими лучами, потом... потом... индукция этого... этого... как его? трансформатора трехфазного тока... тьфу!.. то есть не трансформатора, а динамо... тьфу! То есть не динамо, а как его?.. этого самого... ну, одним словом, все то, что касается переменных токов (буде тебе известно, что это такие токи, которые меняются в своем направлении). Да, так вот, этот-то прибор я и не могу построить, так как фунт проволоки, нужной для него, стоит 16 рублей, а, как ты знаешь, я не особенно богат. Бабушка просила передать тебе поклон и сказать, что старшего брата дураком звать нехорошо, тем более когда он не виноват.

Крепко затем тебя целую, желаю здоровья. Советую отбросить скуку. Твой брат

Л. Радушкевич».

Леонид и Нина Радушкевичи

«Дорогая Нинуша!

Вчера я получил твое письмо и спешу тебе на него ответить. Ты спрашиваешь, почему я не пишу писем, – некогда да и лень, по правде сказать. 22-го у нас был вечер, и мы готовили трио из “Жизни за царя” Глинки “Не томи, родимый...”. Дивная вещь. Там есть в конце соло кларнета: играет один кларнет».

Милый дедушка! Он второй раз в своих письмах упоминает об этом трио. Бегу к сыну Алеше с просьбой найти трио в Интернете. Не проходит и пяти минут, как комната наполняется этой музыкой: сначала один голос, потом дуэт, а потом трио... дивной красоты, он прав! А я жила на свете и не знала, что существует эта музыка. Вот так дедушка! Умер тридцать пять лет назад, а его детское письмо подарило мне такую большую радость!

Нинуша на фотографиях выглядит старше своих лет, серьезная и с печатью обреченности на лице. Дедушка пишет ей письма, которыми старается ее всячески развлечь, иногда рассмешить, демонстрируя в них прекрасный юмор и эрудицию. Чего стоят, например, его рассуждения о прочитанных книгах «Господа Головлевы» или «Братья Карамазовы»! Эти письма к Нинуше, верно, кроме меня никто и не читал: ведь их нашли после ее смерти и читать было невыносимо больно, но дедушка сохранил их, и поэтому мы можем оценить удивительные отношения брата и сестры. Уже в 1950-е годы он во время поездки в Рязань нашел могилу Нинуши на месте разрушенного монастыря и грустно написал под фотографией: «Дом, под окнами которого похоронена Нинуша»... Спустя много лет (в 2009 году) я нашла это место, стояла там и представляла, что должен был почувствовать дедушка у ее могилы...

Вернусь к юношескому портрету дедушки и признаюсь самой себе и тем, кто, быть может, будет читать эти строки, в очень сокровенном чувстве. Неуловимое сходство моего старшего сына Алеши с его прадедом – вот причина особой светлой и пронзительной (ком в горле) грусти при взгляде на этот портрет. И цепочка родственной любви, особой духовной близости... не прервется?

Дедушке

В минувшем ли иль веке этом
Чем воспитать своих детей?
Над письменным столом склоненным силуэтом,
Неистошимостью затей,

Слезой, блеснувшей под раскаты

Музыки дивной красоты,
 Когда семнадцатой сонаты
 Аллегро слушал с нами ты,

И статуэткой Дон Кихота,
 Подаренной на юбилей.
 Какая трудная работа –
 Воспитывать своих детей.

Нинуша Радужкевич

Из автобиографического очерка Л. В. Радужкевича

В прожитой жизни человека есть всегда что-нибудь поучительное, даже в жизни Иудушки Головлева или Гобсека. Тем более в жизни научного работника. Именно поэтому я и решаюсь здесь сейчас выступить. У меня нет времени подробно рассказывать детали биографии. Я хотел бы только подчеркнуть некоторые ее штрихи и коснуться собственной характеристики как научного работника.

«Родился я с любовью к искусству... ребенком будучи, когда звучал орган в старинной церкви нашей, я слушал и заслушивался...»

А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

Этим органом, когда-то мощно звучащим, был мой отец. Деятель эпохи 1905 г., по образованию естествоиспытатель, окончивший Московский университет и уехавший в провинцию, хотя ему сулили кафедру ученого в Москве. Он был увлечен идеями Писарева, Чернышевского, Дарвина, Бокля, Тимирязева и жаждал просветительской деятельности, о чем свидетельствуют его письма к моей матери. В Рязани, куда он переехал, он был сперва преподавателем гимназии, а потом открыл частную гимназию, в которой состоял директором. Но главная его деятельность была сплочение местной интеллигенции, где он завоевал не только доверие, но и какое-то магическое влияние, сохранившееся на долгие годы после его смерти. Это был, как его кто-то назвал, ибсеновский «доктор Штокман». Главная деятельность его состояла в развитии просвещения и особенно в пропаганде естественных наук. Под его влиянием создавались новые учебные заведения, например рязанская частная женская гимназия, открытая почитавшей его Екимецкой.

В. И. и Н. П. Радушкевичи после свадьбы

Откуда эта сила? В ней есть что-то от его отца, участника Польского восстания 1863 года, сосланного в Сибирь на вечное поселение. Но эта бурная деятельность, когда про отца говорили, что он любит говорить и любит, чтобы его слушали, – стоила здоровья моему отцу. Он быстро сгорел, получив чахотку в молодом возрасте, и умер в 1908 году. Похож ли я чем-нибудь на родителей? Мой отец был, по описанию, суров и всегда серьезен, занят наукой, мало интересовался искусством, из поэтов любил лишь Некрасова и Никитина. Напротив, мать имела мягкий женственный характер, унаследовав от своего отца любовь к искусству, литературе, и эта любовь передалась и мне. От моего отца, как я думаю, мне досталась способность к передаче мыслей в беседах, докладах и лекциях, которые я в известный период жизни много читал перед самой разнообразной аудиторией. Еще 13-летним ребенком, увлекшись ботаникой и энтомологией, я читал лекции перед «аудиторией», состоявшей из моей няньки, братьев и сестер, причем сам рисовал карандашом таблицы для демонстраций. Позднее (в 1916–1918 гг.) я сделал ряд докладов в молодежной организации «Дома юношества» (литературного кружка) в Рязани. Эту способность делать доклады и читать лекции я рассматриваю как врожденный талант, если хотите, наследственный и, может быть, зависящий от особенностей склада психики. Интересно, что отец мой не вдавался в политику и не был, как я знаю, активен в период революции 1905 года. Но он чувствовал прогресс естествознания и говорил о нем, как видно, страстно и искренне. Я тоже не умею делать докладов на политические темы, но по вопросам физики готов «болтать без конца», лишь бы были слушатели. Долго я увлекался чтением систематических лекций в ВУЗах. Брался читать даже трудные самому (в смысле методическом) курсы, как то: теоретическую механику, теорию электромагнитного поля, теорию атома, оптику и... даже историю физики. Интересно, что я «расходился», главным образом, в маленькой аудитории на 10–20 человек и терялся в массовой аудитории, где я «не различал людей». Это было мне очень трудно. Фразеология и содержательность! Для меня чтение лекций и докладов было спортом. Должно быть, я был бы незаурядным присяжным адвокатом или проповедником... Я готов был читать на любую тему. Ведь это указывает на способность духа, а не интерес к содержанию. Но и такие люди нужны, они привлекают интерес к определенным направлениям. Недаром я увлек целый ряд людей на поприще физики. И это мое главное предназначение.

Я рос вялым анемичным ребенком, и только иногда во мне проявлялась часто беспричинная смешливость, доводящая буквально до слез. Из всех видов чтения я больше всего любил читать «смешные рассказы». Лейкин, Мясницкий, Чехов и Марк Твен были моими любимыми писателями. Любил Диккенса. В компании одноклассников я дурачился и кривлялся. Подростком я стал часто читать серьезные книги, многое не понимая. Здесь сперва чувствовалось влияние матери, которая много говорила о моем отце. От него

остались книги по дарвинизму и его микроскоп (огромную свою библиотеку отец завещал гимназии). Мать научила меня обращаться с микроскопом и познакомила с приемами собирания коллекций насекомых. Я стал было читать Уоллеса «Дарвинизм», читал в отрывках книгу Фабра о насекомых, Ганике и других авторов. Но читал отрывочно. Уже в 12–13 лет гонялся за бабочками по лугам и полям близ Рязани и «переживал», если крылышко у препарированной бабочки сломалось или отлетела ножка у кузнечика. Но боялся больших жуков. Препарировал гусениц. Потом с годами это увлечение прошло, и я погрузился в недра физического кабинета.

В период с 14 до 18 лет чувствовал два сильных увлечения: физика и музыка, а также литература. Я помню, что под влиянием отца я мечтал быть священником. Все мы мальчишками чем-нибудь увлекались.

М. Г. Смольянинова **Семейный корабль**

Мой дед, Алексей Николаевич Смольянинов, родился в 1879 году в Спасском уезде Рязанской губернии, в имении Никольское. Он был потомком древнего русского рода, восходящего к XVI веку, к эпохе Ивана Грозного. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона о нашем роде сообщается следующее: «Смольяниновы – дворянский род, происходящий, по преданию, от боярина и воеводы Владимира Семеновича Заболоцкого, бежавшего в 1563 г. в Литву от преследований Иоанна Грозного и получившего от короля польского имение Смольяны. Сын его Савва вернулся на родину. Дети Андрей, Савва и Кузьма, записаны в 1638 г. в числе детей боярских по Старорязанскому стану. Из представителей Смольяниновых Павел Андреевич и Николай Дмитриевич отличились в войне 1812 г. Константин Николаевич Смольянинов (ум. в 1872) – автор “Истории Одессы” (Одесса, 1852). Род Смольяниновых записан в родословные книги губерний Екатеринославской, Костромской и Рязанской».

Упомянутый в данной справке Николай Дмитриевич Смольянинов (1786–1851) – герой войны с Наполеоном, награжденный орденом Святого Владимира IV степени, орденом Святой Анны III степени и медалью в память вступления русских войск в Париж в 1814 году, был прадедом Алексея Николаевича, а моим прапрапрадедом. Портрет его я передала в музей-панораму «Бородинская битва».

Слово «род» – составная часть слов «народ» и «Родина». История рода во многом отражает историю страны и ее народа. Когда я перечитываю краткую справку о нашем роде, помещенную в «Энциклопедическом словаре», то невольно задумываюсь о том, что в истории нашей страны много трагических страниц. В XVI веке Иван Грозный безжалостно рубил головы боярам и воеводам, потому и бежал мой пращур-воевода из России, дабы сохранить жизнь себе и детям. И сохранил, род не пресекался, к счастью. А в XX веке некоторые потомки воевод после переворота 1917 года бежали от новых тиранов. Ну а те, кто не желал покидать Россию, дорого заплатили за любовь к Родине. Судьба моего деда красноречиво свидетельствует об этом.

Отец деда – Николай Владимирович Смольянинов (1848–1921) – окончил юридический факультет Московского университета. Служил в Министерстве юстиции. Затем вышел в отставку и поселился в деревне. Вся жизнь его была посвящена родному Спасскому уезду Рязанской губернии, где более трехсот лет жили и работали его предки. Прадед был владельцем зеркальной фабрики в селе Кирицы. Кирицкая зеркальная фабрика была одной из лучших в России в XIX веке. Зеркала, произведенные там, поставлялись императорскому двору и продавались по всей России. Просуществовала эта фабрика более ста лет. Так что Смольяниновы внесли свой вклад и в развитие промышленности России.

В 1878 году Н. В. Смольянинов был избран спасским уездным предводителем дворянства и служил двадцать три года в этой должности, вплоть до 1900 года. Он был действительным статским советником, принимал участие в местных земских делах, состоял гласным Спасского уездного земства. Неоднократно избирался почетным мировым судьей. Причастен и к культурной деятельности. Им были составлены и изданы два тома: «Полувековая жизнь Спасского уездного земства Рязанской губернии (1865–1914)» и «Свод действующих постановлений Спасского уездного собрания (1865–1911)», которые представляют интерес и для современных читателей. Много внимания прадед уделял народному образованию. Земское собрание учредило стипендию имени Н. В. Смольянинова, почтив таким образом его труды в области

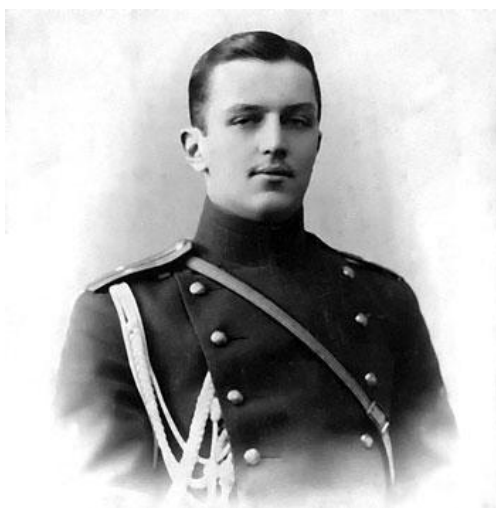

просвещения. Мать моего деда Юлия Августовна Смольянинова (1851–1902), урожденная Брунс, была дочерью немца, работавшего на зеркальной фабрике братьев Смольяниновых. Юлия родила Николаю четверых детей: Владимира, Марию, Алексея и Юрия.

Николай Владимирович и Юлия Августовна Смольяниновы с детьми Марией, Алексеем и Владимиром, 1883

Алеша, как и многие другие дворянские дети, учился в кадетском корпусе, а затем в военном училище. С 1898 по 1902 год он служил в лейб-гвардии Измайловском полку, который первым присягнул Екатерине II. Товарищи-из – майловцы подарили ему в 1902 году медную статуэтку солдата, она до сих пор хранится в нашем доме. Интересно, что на постаменте выгравированы фамилии однополчан деда. После окончания военного училища в 1902 году Алексей возвращается в имение Никольское – родовое гнездо. Его отец отдал двадцать три года своей жизни Спасскому уезду, будучи бессменным спасским уездным предводителем дворянства. Теперь пришла очередь сына – Алексея Николаевича Смольянинова (именно его избрали предводителем дворянства Спасского уезда Рязанской губернии). Отец делился своим опытом с Алексеем, и тот успешно справлялся с этой службой. Помещик-дворянин хорошо разбирался в сельском хозяйстве. Сохранилось много фотографий племенных лошадей, коров, разводившихся в хозяйстве. Даже на фотографиях видно, что животные ухоженные, упитанные. Очень любил дед охоту, была в Никольском своя псарня.

Алексей Николаевич Смольянинов, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, 1902

Бракосочетание Алексея Николаевича Смольянинова и Марии Геннадьевны Карповой, племянницы Саввы Тимофеевича Морозова, 14 апреля 1903 года

В 1903 году, 14 апреля, дед женился на бабушке – Марии Геннадьевне Карповой (1879–1961). В этот день пересеклись два рода: Смольяниновы и Морозовы (те самые, великие предприниматели и меценаты). Бабушка была внучкой Тимофея Саввича и Марии Федоровны Морозовых, дочкой Анны Тимофеевны – старшей сестры Саввы Морозова (Саввы II). Обручились они в церкви Св. Николая Чудотворца, принадлежавшей князьям Куракиным (на Новой Басманной). Отец Алексея дружил с Куракиными, изучал историю их рода. Сохранилось приглашение на свадьбу:

Анна Тимофеевна Карпова покорнейшее просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери ея Маріи Геннадіевны с Алексеемъ Николаевичемъ Смольяниновымъ, имеющее быть въ церкви Св. Николая Чудотворца при д. кн. Кураки) ныхъ (Новая Басманная) 14 Апреля 1903 года.

Николай Владиміровичъ Смольяниновъ покорно проситъ Вас пожаловать на бракосочетание сына его Алексея Николаевича съ Маріей Геннадіевной Карповой, имеющее быть въ церкви Св. Николая Чудотворца при д. кн. Куракиныхъ (Новая Басманная) 14 Апреля

1903 года.

Бабушка окончила Институт благородных девиц, была образованным, воспитанным человеком. Дочь профессора истории Геннадия Федоровича Карпова (1839–1890) часто проводила время в библиотеке своего отца с редким собранием исторических книг (сегодня часть фонда Исторической библиотеки г. Москвы). Прекрасно знала французский и немецкий языки, любила читать романы французских писателей. Мария родила Алексею четверых детей: первенец Николай появился на свет в 1904 году; второй сын – Александр – в 1906-м; третий, Геннадий, родился 30 июня 1908 года (это мой папа); дочка Тонечка – в 1910-м. Дети росли в имении Никольское, располагавшемся недалеко от Спасска на реке Проня, притоке Оки (в деревянном доме, довольно скромном по сравнению с замками нынешних олигархов). Дед души не чаял в своих детях, обожал семью, в то же время находил время на занятия сельским хозяйством. И много времени уделял благоустройству Спасского уезда. Он был попечителем училищ и гимназий в Спасском уезде.

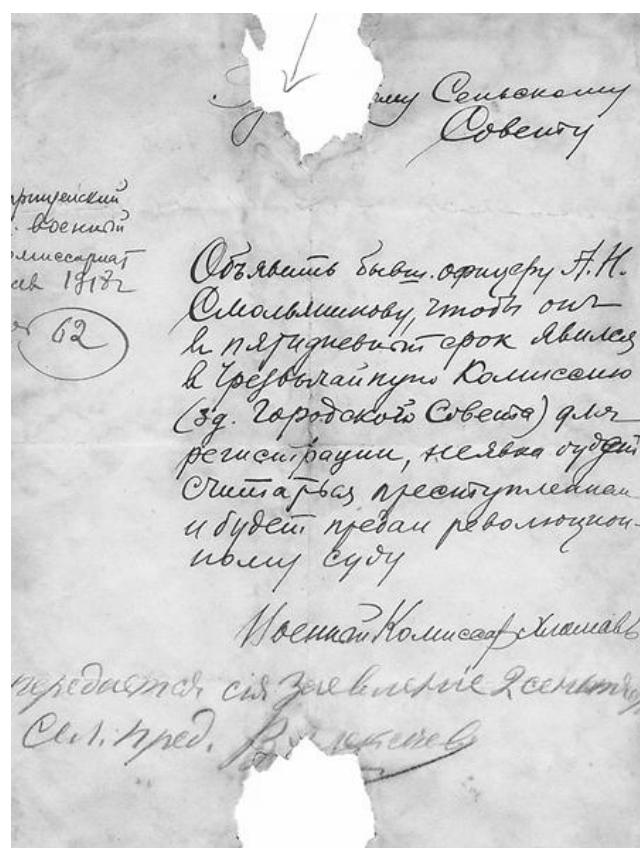
Во время Первой мировой войны поручик Алексей Смольянинов, разумеется, был на фронте, храбро воевал. Думаю, Николай II совершил роковую ошибку, когда позволил втянуть Россию в эту войну. Русские люди побеждают, когда враг нападает на Россию (как победили Наполеона и Гитлера), а в этой войне за что было терять жизни, руки, ноги? Надо было беречь свой народ. Первая мировая война обескровила Россию, подорвала ее экономику, стала причиной нашествия большевиков, установивших в России государственный терроризм.

Дети А. Н. Смольянинова с воспитателем: (слева направо) Александр, Николай, Геннадий. Имение Никольское Спасского уезда Рязанской губернии

А. Н. Смольянинов в имении Никольское

Письмо из ЧК, врученное деду 2 сентября 1918 года

Дед уцелел на войне, но погиб при новом, советском режиме. Он не был членом какой-либо партии, не участвовал в Белом движении. Его интересовала прежде всего семья, сельское хозяйство да жизнь Спасского уезда. Но все пошло кувырком, в 1918 году его вызывают в ЧК и предупреждают, что, коли не явится, будет предан революционному суду. Предали революционному суду в 1918 году.

Мария Геннадьевна Смольянинова с сыном Геннадием и дочерью Антониной, 1912

В 1918 году чекисты арестовали деда и осудили на пожизненное заключение, семью вышвырнули из родового гнезда. Младшие дети (Геня и Тоня) направляются чекистами в Осташевскую детскую колонию (очень любила советская власть детские колонии и даже воспевала их). Тонечка в колонии заболела дизинтерией и умерла. Она прожила всего одиннадцать лет. У меня сохранилось трагическое письмо папы о том, как умирала сестренка. Публикую его впервые. Тринадцатилетний Геня пишет своему брату Саше:

«Милый Саша,

Я хочу описать тебе Тонину болезнь. В понедельник она заболела, почувствовала себя плохо и не стала есть кашу, а легла в постель. Каждые полчаса она бегала в лес. К вечеру она какала с кровью. В ночь я должен был ехать на прииск, но поездку отложили.

Во вторник ей стало хуже, она все время стонала и звала: “Мажа, мама!” Хуже ей стало потому, что накануне она выпила, уже больная, сырой воды. Ей все хотелось пить.

К вечеру решили отвезти ее в больницу. Запрягли лошадь. Я и Татьяна Михайловна (барышня, служившая в колонии) положили Тоню в телегу и повезли ее в Гулынкинскую больницу. По дороге Тоня несколько раз слезала и подолгу сидела в стогах сена. Был сильный, очень холодный ветер. В дороге Тоня все стонала и звала маму.

Когда приехали в больницу, пришла акушерка и сказала, что Тоню надо положить к другим таким же больным в барак. И мы поехали назад. В ночь я ездил на прииск.

К Тоне на другой день ходила Надежда Николаевна. У Тони болезнь не переменилась. В больнице попросили прислать ей молока. В четверг я пошел к ней. У ней кровавой понос кончился, но она ослабела и очень часто, каждые пять минут, садилась на судно. Ее убеждали не делать это. Она обещала, но не могла. Ее лечили порошками бисмут. Она питалась одним молоком, которое я ей принес. Тоня страшно похудела и все звала маму. Я обещал написать маме. К вечеру у меня тоже появился понос. Я принял [тильминские?] капли. В тот же вечер в больницу ездила учительница и сообщила, что Тоне хуже. Я написал маме письмо.

На другой день утром я, собираясь идти на почту послать письмо, услышал, что садовник из колонии был у Тони. Он мне сообщил, что ей гораздо лучше и кончилось даже расстройство желудка. Я письмо отложил. Вечером учительница, ездившая в больницу, подтвердила слова садовника.

На другой день, в субботу, мне стало хуже. Я не мог пойти сам в больницу, поэтому попросил одного мальчика сходить к Тоне и отнести ей молока. Он молоко отнес, но про Тонино здоровье ничего не узнал. И не достал мне лекарство.

В воскресенье я пошел в больницу, где и остался. Тоня была совсем плоха. Понос у нее был – одна кровь. Лекарства совсем не помогали. Тоня все время повторяла: “Милая мама, мама

милая... ” Ночью она еще чаще стала садиться на горшок.

В понедельник дежурная принесла ей капли. Она совсем ослабела. Часов в пять пришла Евгения Анатольевна и Татьяна Михайловна. Они дали Тоне белок с водой. Тоня через 1 час спросила: “Куда мы пришли? ” Просила ее провести домой. Говорила, что устала и заблудилась. И спрашивала, скоро ли конец. Потом повернулась на бок и скончалась.

Г. Смольянинов. 1921 г.»

Больная девочка хочет одного – вернуться домой, к маме. Но дома нет, его отняла советская власть, а мама снимала углы в Рязани всю жизнь, несмотря на то, что ее родные (Морозовы) подарили России более пятидесяти благотворительных заведений: театры, библиотеки, музеи, церкви, больницы и т. д. Новая власть не удостоила ее даже комнатухи.

В 1921 году, уже после смерти Тонечки, А. Н. Смольянинова выпустили из тюрьмы (была амнистия). Он рыдая прочел это письмо и посетил могилу дочери. С 1921 по 1923 год дед работал в Сельсоюзе кооператоров. Это как раз то дело, в котором он прекрасно разбирался, где мог принести пользу стране и семье. Ведь «бывший» дворянин, офицер был и помещиком. Несмотря на все лишения, дед не терял чувства юмора, о чем свидетельствуют его стихи, написанные в апреле 1923 года, за месяц до нового ареста, навсегда разделившего его с семьей и с жизнью:

ФОКСТРОТ

Руси голодной в помощь янки
Шлют из-за моря скверный рис,
С фальшивым молоком жестянки,
Какао, сахар и маис.

Распределять все эти дары
Среди несчастных и сирот
Приехали американцы АРА¹⁵
Различных наций и пород.

В ресефесеровской столице
Засевшие на мель как рак
Полуголодные девицы
Охотно ловят их на брак,

Но лучший дар американцев
Потоком бодрость льет в народ –
Король всех современных танцев,
Очаровательный фокстрот.

Забыт мазурки звон мятежный
И па-де-катра реверанс,
Заброшен вальс изящно нежный
И церемонный контр-данс,

И даже полный томной страсти
Еще недавний царь танго
Уж не имеет прежней власти
И не пленяет никого.

¹⁵ АРА – Американская администрация помощи (American Relief Administration).

И все танцуют с увлечением,
 Не зная горя и забот,
 И в упоительном фокстроте
 Проводят ночи напролет.

9 июня 1923 года дед арестован вторично. В это время он жил в Москве у родственника, который уехал в командировку. Чекисты пришли арестовывать родственника, но так как того не оказалось дома (а план по арестам нужно было выполнять), то арестовали деда. Дед недоумевал – за что? Оказывается – за связь с иностранцами. Четыре раза он навещал свою двоюродную сестру, которая работала в Католической миссии Папы Римского помощи голодающим. Дело А. Н. Смольянинова № 19118 следователь Липов (какая знаковая фамилия – ведь и все дело липовое) начал вести 11 июня 1923 года. А уже 29 июня вынесли приговор – два года ссылки в Туркестан (в город Каган – ныне он находится в Узбекистане). Что дело было липовым, признает и российская прокуратура. В 1998 году (через шестьдесят пять лет после незаконного ареста) Смольянинова А. Н., как и четырнадцать других его так называемых подельников, реабилитировали посмертно. Два допроса провел чекист Липов. Никакого криминала не выявил, кроме того что дед имел неосторожность встречаться в Католической миссии с двоюродной сестрой, работавшей там переводчицей. Никаких свидетелей, никаких адвокатов, защитников, разумеется, не было. Царил беспредел, революционная целесообразность. Но дед для чекистов – всего лишь «бывший человек», «вредный элемент», значит, можно снова, уже навсегда, оторвать его от семьи и сослать в город Каган в жаркий, непривычный для него климат. Больше бабушка уже никогда не увидит мужа. На жизнь она будет зарабатывать, давая уроки французского языка. Когда дети вырастут, они будут помогать ей (те, кто смог уцелеть в СССР). В 1924 году из ссылки А. Н. Смольянинов пишет во ВЦИК прошение о помиловании.

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ
 ПРОКУРАТУРА**
 Российской Федерации
 103793 ГСП, Москва,
 ул. Б. Дмитровка, 15 а
 17.07.2000 № 13/25-98

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. СМОЛЯНИНОВ (СМОЛЯНИНОВ) Алексей Николаевич
 Год и место рождения 1879 г., Рязанская губ.
 Место жительства до ареста г. Москва
 Место работы и должность (род занятий) до ареста сотрудник Сельсоюза кооператоров
 Когда и каким органом осужден (репрессирован) арестован 09.06.23 г.
Репрессирован Комиссией НКВД по административным вышкам 29.06.23 г.
 Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) по ст.ст. 59 и 60
УК РСФСР (ред. 1922 г.) выслан в Туркестан сроком на 2 года.
 На основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».
СМОЛЯНИНОВ (СМОЛЯНИНОВ) Алексей Николаевич реабилитирован 27.01.98 г.
 Помощник Генеральной прокуратуры Российской Федерации Н.С. ВЛАСЕНКО

Справка о реабилитации А. Н. Смольянинова

*В Комиссию по применению частичных амнистий при В.Ц.И.К.
 От Административно-ссыльного*

*СМОЛЬЯНИНОВА Алексея Николаевича,
г. Полторацк, Туркменской обл.*

ПРОШЕНИЕ

В ночь на 9 июня прошлого 1923 г. по ордеру ОГПУ был произведен обыск в квартире одного из моих родственников в Москве, в каковой квартире в то время проживал я один, по случаю отсутствия его в служебной командировке, а семьи его на даче. Агент, имевший ордер на обыск у вышеуказанного моего родственника, в моем присутствии произвел обыск во всей квартире и вещах хозяина, а равно и моих ввиду моего нахождения в той же квартире. Произведенным обыском ничего указывавшего на какую-либо преступную против советского строя деятельность во всей квартире и вещах, как хозяина ее, так и моих, обнаружено не было. Тем не менее по окончании обыска мне было предложено агентом не отлучаться из квартиры, и через несколько времени доставлена была им повестка о явке в ГПУ. По прибытии туда я был арестован без объяснения причин и водворен во внутреннюю тюрьму ГПУ.

Во время моего трехнедельного пребывания в той тюрьме меня допрашивали следователи ГПУ два раза. Как в первый, так и во второй раз я подвергался расспросам о моем прошлом социальном положении, занятиях и службе, как до революции, так и после, местах моего пребывания, знакомствах, родственных связях, политических убеждениях, но совершенно не было речи о каком-либо конкретном инкриминируемом факте. По окончании первого допроса мне было предъявлено в общей форме обвинение по ст. 59 Угол. Код., гласящей о сношениях с иностранным государством в контрреволюционных целях. На мой категорический протест против такого совершенно неожиданного, не основанного ни на каких данных обвинения, следователь в виде успокоения объяснил мне, что предъявление обвинения есть только необходимая формальность для содержания моего под стражей впредь до выяснения вопроса о моей виновности или невиновности в чем-либо. Так как и второй допрос не затронул никакого факта, поставляемого мне в вину, то я имел полное основание считать, что арест мой является недоразумением, и надеяться на скорое освобождение, но, совершенно неожиданно для меня, 29 июня мне было объявлено постановление о ссылке в Туркестан, причем в постановлении оказалась добавленной как основание еще и ст. 60 Уголовного Кодекса. Постановление было датировано 26 июня, между тем как вторичный допрос мне производился того же 26 июня поздно вечером около 11 часов, из чего можно заключить, что моя участь была предрешена вне зависимости от результатов следствия.

Будучи убежден, что подобная мера должна была иметь какое-либо основание, я прихожу к мысли, что причиной моего ареста, а затем административной ссылки мог быть какой-либо донос, заронивший подозрение против некоторого круга лиц, с которыми я был более или менее связан родством и знакомством. Несколько человек из этого круга подверглись одновременно со мной той же участи по обвинению в тех же статьях. Быть может, зароненное подозрение, хотя и не подтвердившееся фактами, нашло почву в том недоверии, каковое Советская власть может питать к известному кругу лиц, кое-что терявших при социальном перевороте.

Но в то же время если Народная Власть считает возможным применять амнистию даже к лицам, осужденным по суду, запятнавшим посягательством против нового строя, то я надеюсь, что мне будет прощена моя принадлежность, по обстоятельствам от меня не зависящим, как то: рождение, воспитание и т. п. к тому классу русского общества, часть которого отнеслась враждебно к этой власти. И положение об административной высылке (Собр. Указаний 1922 г. № 51) требует подробной мотивировки необходимости применения ее в отношении отдельных лиц, проявивших себя преступною деятельностью или вообще способных вызвать общественную тревогу. Но если бы следственные органы на основании 111 и 112 ст. ст. У.П.К. задались целью осветить мою прошлую жизнь и деятельность вплоть до моего ареста и ссылки, то не нашлось бы достаточного фактического материала для применения ко мне наказания в виде ареста или ссылки. Разбор прошлой моей дореволюционной деятельности

должен установить невмешательство в политическую жизнь страны и отсутствие проявления даже в малой степени классовой нетерпимости в отношении крестьян или рабочего класса. Будучи помещиком, я никогда не злоупотреблял своим положением, в моих отношениях с крестьянами отсутствовал эксплуататорский элемент, и в случае нужды крестьяне видели во мне защиту и готовность к материальной помощи и поддержке. Окружавшие меня крестьяне ценили мое отношение и во время революции ни в чем не проявляли враждебности ко мне и моей семье; напротив, по приговору Общества моя семья получила в пользование душевой надел и в свою очередь, очутившись в тяжелых материальных условиях, не раз получала помощь от отдельных крестьян.

По изложенным здесь соображениям и ввиду полного отсутствия фактического материала к применению в отношении меня административного наказания, я ходатайствую о снятии с меня тягот вынужденного пребывания в отдельных местностях и возвращении мне состояния полноправного гражданина СССР, имеющего право свободного проживания на всем пространстве Союза и выбора службы по своим способностям.

8/IX-24 г. А. Н. Смольянинов¹⁶

В апреле 1925 года во ВЦИКе в ответ на прошение о помиловании выносится решение: так как срок высылки Смольянинова А. Н. кончается 29 июня 1925 года, то миловать его бессмысленно, раз осталось только два месяца до освобождения. Но чекисты не выпустили деда 29 июня 1925 года. Они не любили давать свободу «бывшим людям». Дед так и умер в ссылке в 1932 году в возрасте пятидесяти трех лет. Если бы его не загубили в ссылке, то в 1941 году ему было бы всего шестьдесят два года и бывший поручик Смольянинов, прошедший Первую мировую войну, мог бы принести пользу Отечеству в борьбе с фашизмом. Но нет сослагательного наклонения в истории.

В 1929 году мой папа, младший сын деда, Геннадий Алексеевич Смольянинов навестил своего отца, проживающего в качестве административно-ссыльного в г. Кагане. Сохранилось письмо Геннадия своей маме Марии Геннадьевне Смольяниновой. Сын боится написать слово «папа» целиком. Он пишет: «Через полчаса сяду на пароход, а через 2–3 дня буду у п.» Вот такая конспирация! Письмо отправлено в Рязань бабушке в сентябре 1929 года. Папа работал в это время в Баку и взял две недели отпуска, чтобы навестить отца.

На лицевой стороне другого письма фотография Геннадия Алексеевича с молодым мужчиной, присутствие которого объясняется строками: «На этой карточке я снят в ботаническом саду около Батума. Другой – один наблюдатель». Через три года (в 1932 году) деда не стало. Он прожил всего пятьдесят три года. Я родилась в 1937 году и никогда не видела деда. Чекисты лишили меня и деда, и отца, которого я тоже никогда не видела: его расстреляли, когда мне было всего три месяца.

Геннадию Алексеевичу Смольянинову (младшему сыну деда) советская власть позволила прожить только двадцать девять лет. Он работал старшим научным сотрудником в музее А. М. Горького АН СССР при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

На протяжении ряда лет молодой ученый с успехом занимался сбором и публикацией рукописного наследия Горького, выявлением и приобретением для института автографов Блока, Белого, Чехова, Короленко и других русских писателей. В середине 1930-х годов научное изучение творчества Горького только начиналось, разыскивались и сосредотачивались в отделах института материалы А. М. Горького и о нем, его переписка, рукописи и черновики, фотографии, картины, книжные фонды. Выполняли эту работу отделы рукописей, иллюстраций и книжных фондов. Главным искателем и собирателем фондов, комплектатором их был старший научный сотрудник отдела рукописей (а с 1937 г. – Музея им. А. М. Горького) Геннадий Алексеевич Смольянинов. Он разыскивал и собирал горьковские материалы в хранилищах, музеях, у коллекционеров, писателей, частных лиц. Для разыскания и собирания автографов Горького Г. А. Смольянинов вел очень большую переписку. Эту работу он начал в 1934 году, будучи в тот период редактором «Литературного наследия».

¹⁶ Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело № 19118 по обвинению Смольянинова Алексея Николаевича, лл. 483.

Г. А. Смольянинов в Ботаническом саду в Батуми с «одним наблюдающим», май 1929 года

Многое удалось сохранить работникам Архива Горького. Но уникальный документ – дневник Горького, писатель вел его в последние годы жизни, в архив не попал. Этот дневник читал мой отец в июне 1936 года вскоре после смерти Алексея Максимовича. 18 июня 1936 года постановлением Политбюро была образована комиссия по приему литературного наследства А. М. Горького, в которую входил Крючков. Петр Петрович рекомендовал включить в группу литераторов, которым предстояло разобрать и систематизировать архив писателя, горьковед Г. А. Смольянинова. Работа предстояла большая, разбирали архив даже ночью. Под утро отец нашел на нижней полке этажерки толстую тетрадь. Он начал читать ее и обнаружил, что это дневник Горького. Даже беглый просмотр дневника свидетельствовал о том, что от первоначальных восторгов вернувшегося на родину писателя к середине 1930-х годов не осталось и следа. Горький подвергал резкой, беспощадной критике Сталина и его окружение. Он сравнивал вождя с ничтожной блохой, которую советские средства массовой информации увеличили до гигантских размеров. Горький полагал, что необходимо сопротивляться безжалостному строю, обрекающему талантливых людей на уничтожение. Отца обступили его коллеги, они не могли оторваться от дневника. К несчастью, кроме литераторов архивным наследием писателя интересовались и «искусствоведы в штатском» – работники НКВД, поэтому дневник Горького попал не в архив, где он был бы сохранен, а в недра НКВД, где его читал Ягода. Когда Ягода закончил чтение дневника, он выругался и сказал: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит», – о чем поведал его подчиненный Александр Орлов в своей книге «Секретная история сталинских преступлений».

Из Центрального архива КГБ и Архива Президента РФ (прежнего Архива ЦК КПСС) в 1990-е годы XX века поступило в Архив Горького около девятистот единиц горьковских документов, но дневник писателя, конечно, туда не поступил. Скорее всего, Сталин уничтожил его лично. Ни современники, ни потомки не должны были знать, что в действительности думал «великий пролетарский писатель» об «отце всех народов». Литературоведов, разбивавших архив Горького, сразу после обнаружения «крамольного» дневника отвезли на Лубянку, где взяли с каждого расписку о неразглашении содержания злополучной тетради. Но отец рассказал маме, Папковой Милице Павлиновне, также работавшей в ИМЛИ, и о дневнике Горького, и о посещении Лубянки. Мама просила «держат язык за зубами». Однако подписки о неразглашении содержания дневника органам было недостаточно, надежнее было «ликвидировать» тех, кто читал «крамольный» дневник. Почти всех литературоведов, разбивавших архив Горького, арестовали. Лишь один из них летом 1936 года уехал во Францию и остался там. В начале 1950-х годов мама прочитала

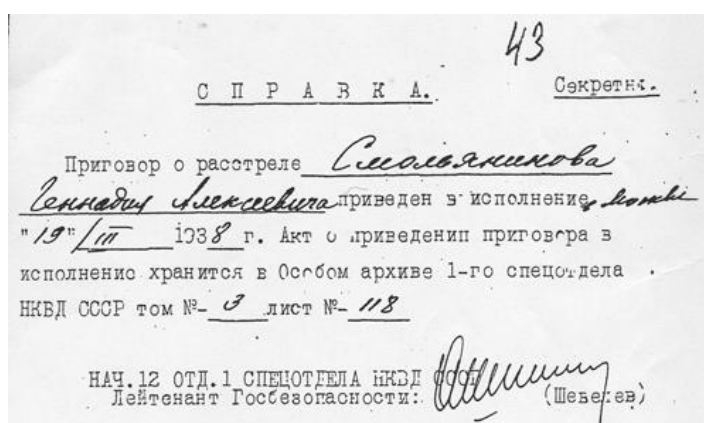
в спецхране Фундаментальной библиотеки АН СССР, где она в то время работала, французский журнал Article et document, в котором чудом спасшийся литературовед поведал историю о дневнике Горького.

Алексей Максимович хотел уехать в 1935 году в Италию, где мог бы опубликовать дневник. Но Сталин его не выпустил, сказав, что климат в Крыму не хуже, чем в Италии. Горький находился в золотой клетке. В СССР дневник опубликовать было невозможно.

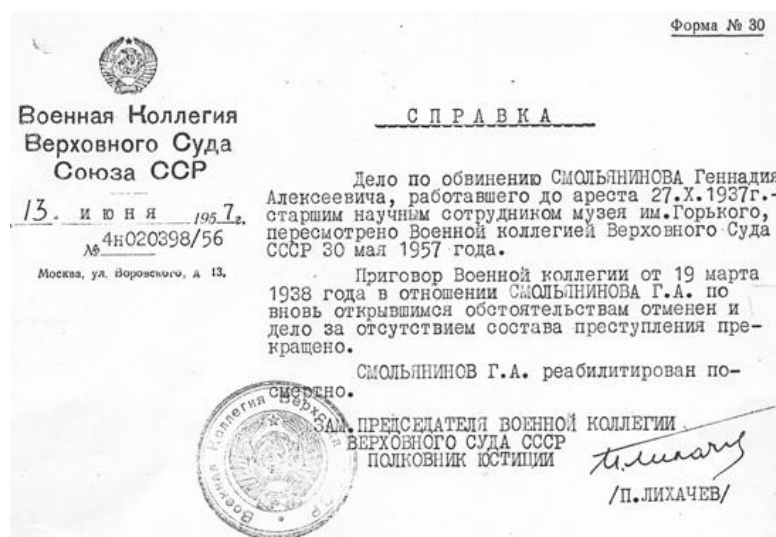
В 1937 году Г. А. Смольянинов много сил и времени отдавал созданию Музея А. М. Горького. 1 ноября 1937 года музей был открыт, но за три дня до этого, 27 октября 1937-го, отец был арестован органами НКВД. Мама ждала моего появления на свет, была на восьмом месяце беременности. 19 марта 1938 года папа был расстрелян. Почти через двадцать лет советская власть реабилитировала посмертно папу 30 мая 1957 года «за отсутствием состава преступления».

Последние фотографии отца, Лубянка, октябрь 1937 года

Справка об исполнении приговора 19 марта 1938 года

Справка о реабилитации Г. А. Смольянинова

В справке о реабилитации абсурдная формулировка: «Приговор Военной коллегии... отменен и дело... прекращено». Отменить приговор можно через девятнадцать лет после расстрела. Воскресить человека нельзя! Двоюродная сестра папы, его ровесница Мария Николаевна Ненарокова, которую после октябрь – ского переворота вывезли ребенком во Францию, прожила не двадцать девять лет, а девяносто пять, ибо во Франции не было геноцида своего народа.

Жена Геннадия Смольянинова, моя мама Милица Павлиновна Папкина, тоже не избежала ГУЛАГа, но, к счастью, выжила, была освобождена и реабилитирована «за отсутствием состава преступления». Так что мне советская власть подарила три бумажки (ах, простите, документа!) о том, что самые близкие мне люди – дед, папа и мама – ни в чем не виноваты перед ней и были сосланы, расстреляны, заключены в тюрьму случайно, по ошибке.

Мама в 22 года, студентка МГУ, 1927

Двое старших сыновей Алексея Николаевича и Марии Геннадьевны Смольяниновых уцелели в сталинской мясорубке. Дядя Коля, Николай Алексеевич Смольянинов (1904–1979), до 1917 года учился в кадетском корпусе. В 1917 году ему исполнилось тринадцать лет. К этому времени он успел выучить английский язык, который и кормил его всю жизнь. В годы первой пятилетки он работал на Кузнецком металлургическом комбинате переводчиком, т.к. этот комбинат помогали строить американцы и англичане. Позднее он работал в Москве в Центральном научно-исследовательском институте информации и технико-экономических исследований черной металлургии. Он был составителем англо-русских словарей по металлургии. Женат он был на Зинаиде Васильевне Смольяниновой, урожд. Базарной (1903–1971), работавшей машинисткой в Музее истории Москвы. Детей у них не было, похоронены на Рогожском кладбище в усыпальнице Морозовых, ибо дядя Коля, как и папа, правнук Т. С. и М. Ф. Морозовых.

Марина Геннадиевна Смольянинова, 1970

Второй брат отца – дядя Саша, Александр Алексеевич Смольянинов (1906–1967), окончил сельскохозяйственную школу в селе Кирицы Рязанской области. В молодости уехал в Свердловск, окончил там сельскохозяйственный институт. Защитил кандидатскую диссертацию. Работал главным зоотехником Свердловской области. Автор книг по животноводству. Александр Алексеевич Смольянинов награжден орденом Ленина за вклад в развитие сельского хозяйства Свердловской области. Дядя Саша рассказывал, что именно отец, Алексей Николаевич Смольянинов, привил ему любовь к природе, животным, сельскому

хозяйству. Дядя Саша был женат дважды. Первую жену звали Прасковья Дмитриевна. Брак был бездетный. После ее смерти дядя Саша женился на Ольге Александровне (к сожалению, девичьей фамилии я не знаю). От этого брака тоже не было детей, так что от четырех детей у Марии Геннадьевны и Алексея Николаевича Смольяниновых родилась только одна внучка – автор данной статьи – Марина Геннадиевна Смольянинова (р. 1937). Что же удивляться демографической катастрофе в нашей стране?! К счастью, моя замечательная дочь, художница Мария Владимировна Смольянинова, немного улучшила демографическую ситуацию: у нее четверо детей – Артур, Емельян, Владимир и Наталья.

Алексей Николаевич Смольянинов

Артур Смольянинов

Мой внук, актер театра «Современник» Артур Смольянинов, в двенадцатилетнем возрасте сказал мне: «Если бы твоего папу чекисты арестовали на год раньше, то не было бы ни тебя, ни моей мамы, ни меня. И пресеклась бы наша ветка смольяниновского рода». Очень верные слова. А пока, слава Богу, род продолжается.

О своем другом деде, Папкове Павлине Сергеевиче, я знаю из воспоминаний моей мамы, Папковой Милицы Павлиновны (1905–1996). Он не был потомком древнего дворянского рода, как А. Н. Смольянинов, но прожил жизнь не менее достойную. Одному суждено умереть в возрасте пятидесяти трех лет, другому было пятьдесят семь. Мама прожила долгую жизнь, полную тягот и лишений, однако с годами не утратила интереса ко всему окружающему и бережно хранила память о прошлом:

«Отец папы был крепостным крестьянином, но к тому времени, когда родился папа, пришло уже “освобождение крестьян”. Когда папа умер в 1920 году, ему через неделю должно бы исполниться пятьдесят семь лет, значит, родился он году в 1863-м.

Родных папы я не помню, да и не знаю, бывали ли они когда-либо у нас. Знаю только, что по желанию

священника у всех этих крестьянских детей, за исключением одного Ивана, были необычные в этой среде имена: Серафим, Павлин (папа), Вениамин. Все, кроме папы, были крестьянами.

Павлин Сергеевич Папков

Папа кончил приходскую четырехклассную школу, был грамотным и очень способным. Он с молодости пошел в “мальчики на побегушках” при почтовой конторе, а потом, после очень долгой службы (лет пятнадцать) “в солдатах” (тогда не говорили “в армии”), где по причине той же грамотности был писарем, стал заниматься появившимся тогда телефоном. Был монтером (помню следы сильного падения со столба на ногах), надсмотрщиком (мелкий чин), помощником механика, механиком. Для продвижения по всем этим ступеням надо было сдавать экзамены, что он и делал успешно. Я всегда задумывалась, как случилось, что такой мягкий характером, совершенно нетщеславный человек, сын крестьянина, с низшим образованием, сумел в царское время получить инженерную должность заведующего телефонной сетью в губернском городе Орле (это примерно то, что теперь областной). Думаю, основная причина и толкач – мама, урожденная Лошкарева Мария Владимировна (1876–1920). Молодая (на тринадцать лет моложе отца), красивая, волевая, умевшая “держат дом”, “принимать”, “себя показать и людей посмотреть”. Она сумела “организовать” этот благодарный и податливый материал. Конечно, она была “капитаном” семейного корабля. Я еще вернусь к их расхождению, в частности политическим, но это потом. А пока я помню свой уютный дом со множеством комнат, садик, двор с папиным огородом – дача в городе. Помню смешной день, когда получены были десятки телеграмм “поздравляю монаршей милостью” – это означало, что число абонентов телефонной сети перевалило за тысячу, и из заведующего папа стал начальником. При чем здесь был монарх? Я не помню, сколько лет мне было, но (м. б., не без участия взрослых?) была смешна эта “милость”. Папа очень любил землю и во дворе у нас всегда разводил огород – петрушка, морковка, салат, редис, огурцы и даже... картошка. Воду приходилось носить издалека. Для дома привозил водовоз, а уж для забавы приходилось носить. Помню, как, став постарше, помогала ему в этом – носила на обруче вместо коромысла, гораздо легче, чем просто так.

Павлин Сергеевич Папков с супругой Марией Владимировной

Вставал папа раньше всех и как-то между прочим начинал работать: затапливал печи голландские (а их было три), поднимал в комнате, которая называлась залом, занавески на шести окнах, подтягивал гири на часах и т. д. Почему он это делал, я не знаю. Была и кухарка Екатерина Степановна, и Груша, и очень часто призывалась монашка Лукерья, но... это было папино дело. Понятно, и дровец он тоже любил наколоть, и снег почистить.

Человек он был очень доброжелательный, и малейшее проявление способностей и старания у подчиненной ему молодежи вызывали не только радость, но и восторг. Хорошо представляю себе картину: мама сидит за машинкой (а она очень хорошо шила и одевала нас с сестрой как куколок), а папа сидит рядом и рассказывает, какой молодец, какой умница, какой талант, наконец, Ваня или Вася. Мама снисходительно улыбается: на той неделе папа то же говорил про Петю.

Каждое лето в большом сарае (был еще маленький, дровяной), где масса старых вещей – и шкаф, и кушетка, и кровать, – жили три-четыре парнишки лет двенадцати – четырнадцати. Там было телефонное царство. Разбирались и собирались старые аппараты, что-то доводилось, что-то куда-то проводилось, в сад тянулась проводка. Ребята эти были сыновьями и братьями папиных рабочих (теперешнее ФЗУ? ПТУ?)

Сам с трудом дойдя самоучкой до постижения своей профессии, папа делал что мог, чтобы помочь этим ребятам. Звал он их, как и нас, своих детей, мухоморами, был с ними ласков и требователен. Как они кормились, не знаю, думаю, голодать не приходилось. Самое трудное для папы было урегулировать вопрос телефонного ученичества с женщинами нашего дома. Очень хорошо помню беседы и дипломатические переговоры папы в один прекрасный зимний день. Зимой оставлялось один-два человека и переводились они на кухню. Там царствовала Екатерина Степановна (Е. С. далее). Сын ее Сеня был в учении у портного (видно, это сулило ему более хлебное дело, чем папино ученье).

– Знаешь, Павлин, – сказала мама, – придется тебе самому подыскивать кухарку, Екатерина Степановна отказывается работать. Мальчишки такую грязь развели со своими проводами... Вот подумай, пожалуйста.

Папа вызывает в свой кабинет (мы так любили сидеть там на кушетке у зеркала теплой печки!) ребят и вводит их в курс дела. Надо все убрать, надо предложить самим помыть пол, надо почаще спрашивать: не надо ли, Е. С., чего-нибудь Вам помочь, принести, сходить, разжечь?.. Нам бы до Рождества додержаться, программу кончить. А с весны можно думать о работе...

После обеда у Е. С. разговоры с мамой о завтрашнем дне. Папа заводит разговор о Сене, что его давно не видно и т. д. Ну, хозяин не отпускает, это ничего – папа сам зайдет, попросит, и хозяин отпустит. Да, в

ученьи нелегко... Уж Вы, Е. С., моих мухоморов не обижайте. Надо ведь им, сами знаете... учиться. Так, я завтра зайду к Сениному тирану. И как же мне было приятно, когда однажды, будучи уже студенткой, на общефакультетской лекции в большой аудитории, куда собиралось человек пятьсот, я сидела рядом с парнем в серой папаше, который оказался моим земляком и, увидев мою фамилию на тетради, спросил, не родственница ли я Павлину Сергеевичу. Узнав, что я его дочь, он рассказал, как в его семье уважали этого хорошего человека. «Сколько людей только из нашей семьи он вывел в люди». Я даже запомнила фамилию этого парня – Ададуров, хотя встречаться приходилось издали – на общих лекциях и собраниях.

По положению папа отвечал за большой отряд женщин-телефонисток, которые работали на этой нелегкой работе, где внимание, напряжение слуха сильно отражались на нервах. Все они очень дорожили работой, т. к. женщинам предоставлялось мало работы – вот телефонистка, телеграфистка, учительница начальной школы, медсестра (тогда они назывались сестры милосердия). Высшее образование среди женщин только начиналось.

И вот звонит папе (помню, номер нашего телефона был 109) какой-нибудь «чин» и жалуется, что его долго не соединяли:

– Уж не болтают ли они там? – и просит принять меры, да поостроже.

– Да, да, конечно, выясним, примем меры... – и обязательно тут же пару фраз о трудности этой работы, как будто «чину» на это не наплевать.

А потом он звонит на станцию, выясняет, кто дежурил, и почти извиняющимся тоном спрашивает, как же это случилось... Всегда у меня было чувство, что папа очень не любил сюртуки, мундиры, фраки, манишки, галстуки... – все, соответствующее официальному положению. И позднее, после революции, это подтвердилось: он был счастлив сбросить с себя все это внутренне несвойственное, внешнее, чуждое. Он просто испытывал наслаждение от того, что может ходить в косоворотке, сапогах, без фуражки с кокардой. Внешний демократизм гармонировал с его внутренним демократизмом.

П. С. и М. В. Папковы с дочерьми Милицей (слева) и Тамарой

Совершенно не помню дат, но советское правительство обратилось тогда к населению с призывом дать одежду, обувь, теплые белье на фронт (шла Гражданская война). Папа считал, что он имеет право оставить себе максимально две пары обуви – одни сапоги и одни штиблеты. Споры о других вещах с мамой я не помню, наверно, решили, что лучше их вести в отсутствие детей.

Мне случилось встретиться в тридцатые годы со старым коммунистом Вениамином Иосифовичем Ермошенко (впоследствии он погиб в ссылке), и тот рассказывал, что в течение некоторого времени в 1905 году он прятался в нашем доме. Думаю, что, конечно, это было делом папы, а не мамы. Почему так думаю? Дочь разорившегося мелкого помещика-дворянина Владимира Лошкарева из г. Ливны Орловской

губернии, она все-таки всегда ставила себя над простонародьем безо всякого на то основания. Революция ей была ни к чему. В 1919 году к Орлу подходили белые. Папа к тому времени занимал более ответственную должность – был начальником технического управления связи округа и должен был стать во главе группы, эвакуирующей почтово-телеграфно-телефонное имущество в Москву. Папа принес справку-ходатайство оказывать содействие семье эвакуированного и уверял, что уезжает максимум на два-три месяца, т. к. белых, конечно, прогонят и будет возможность вернуться.

Мама справку спрятала куда-то далеко и, уверенная в том, что белые победят и останутся, советовала папе перейти где-нибудь линию фронта, чтобы “не было поздно”. Так трудно писать. Пишу о папе, а создаю обвинительный акт маме. Но как мать-то она была хорошей, она всего лишала себя ради нас, не на словах (как бывает!), а на деле: не спала ночами в наши болезни. Она была мамой.

Папа оказался прав, и к новому, 1920 году красные вернулись. А папина справка понадобилась нам гораздо раньше, т. к. белые пробыли в Орле всего неделю и от Орла покатались вниз.

Нарушив план, хочется мне досказать уже о том, что было у нас при белых, хотя это и неприятные всячески воспоминания. Красные покинули город, и с минуты на минуту мы ждали прихода белых, ждали и боялись. Мы с сестрой залезали на забор и подглядывали, что там делается. Сестре Тамаре было двенадцать, а мне – четырнадцать. И вдруг к нашим воротам подъехали два белых офицера, и один из них оказался двоюродным братом Витей. Это был сын папиной сестры Валентины. Она была замужем за немцем-садоводом, и я когда-то ездила с папой к ним в Курск.

В памяти остались какие-то необычайные яблоки, большой сад, шалаш, мед, ульи. Витя у нас бывал изредка, и мы, девчонки, звали его “розочкой”, в отличие от Пети, маминого племянника, прозванного нами “ленточкой”. Возможно, мы все трое (ведь у нас воспитывалась кузина Валя) были немного влюблены в обоих. Витя – белый офицер. Это было неприятно очень. Я твердо была за красных.

Маму, конечно, устроило, что никто нас не тронет, мы под защитой. Но все было ужасно. Рядом с нами были с одной стороны казармы, а со всех остальных – сады, переходящие в сады с другой улицы, т. к. заборы были разобраны на дрова.

В казармах были запасы продовольствия, и эти “защитники святой Руси” притащили в наш сарай (тот самый, где учились мухоморы) разные крупы и торговали ими. Естественно, мама получила их безвозмездно.

Я не знаю, называется ли мародерством то, что делали эти офицеры, но на душе было пакостно. Я не знаю, на какой день я сбежала из дому через сады и два дня пролежала в собачьей конуре. Никого не было ни видно, ни слышно. И вдруг в этой тишине раздались крики, вопли, летели вещи, слышались рыдания. Оказывается, это солдаты победившей своих братьев по армии все еще справляли победу. Как ненормальная, я бросилась домой и притащила офицера, чтобы прекратить этот кошмар. Что сделали потом с солдатами, не знаю, но с появлением офицера сразу все прекратилось. Бедная мама! Что она пережила! А ведь я не думала о ней – я на нее сердилась. А она, наверно, уже хоронила меня.

Наш преподаватель Закона Божьего (в первых классах я училась в гимназии) отец Аркадий, настоятель вокзальной церкви, встречал белых колокольным звоном. На плацу был парад под командованием генерала Май-Маевского. Были грабежи, насилия... Гражданская война. Много мы повидали с самого детства.

Милица Павлиновна Папкина, Институт мировой литературы АН СССР, 1940

Наш сад отгораживал от двора казарм небольшой забор. Через этот забор солдаты перелезали и рвали груши. Папа не хотел делать забор выше и учил нас не бояться солдат. А однажды сумел договориться, что сам даст и груш и яблок, когда они поспеют. Так и было. Еще о папе. После смерти мамы, которая умерла от тифа весной 1920 г., он стал нам и папой и мамой. Сам ходил на рынок, все покупал, нанял какую-то шведку “и готовить и воспитывать”. В ноябре он поехал за дровами, в теплушке подхватил возвратный тиф и крупозное воспаление легких и в четыре дня умер. Смерть папы была очень тяжела для нас, настолько тяжела, что мы даже не плакали. Случилось это в начале ноября, а заплакали мы с сестрой впервые только под новый, 1921 год. В четырнадцать лет я осталась в семье за старшую, училась и работала машинисткой».

Надеюсь когда-нибудь опубликовать мамины воспоминания целиком, а пока приведу некоторые факты из ее биографии. В 1923 году мама уехала в Москву, где поступила во Второй московский государственный университет на педагогический факультет литературно-лингвистического отделения, западной секции французского цикла. Учебу она окончила в 1928 году. В 1930 году вышла замуж за Искринского Михаила Ивановича и родила дочку Аллу. С 1932 по 1933 год работала в ВОКСЕ (Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей) сначала секретарем заместителя председателя общества, а затем референтом романского сектора. В 1936 году поступила на работу в Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР библиотекарем-библиографом французского кабинета. В этом же году она вышла замуж за Смольянинова Геннадия Алексеевича, который, как уже было сказано выше, работал в ИМЛИ старшим научным сотрудником. 27 октября 1937 года мой отец был арестован органами НКВД. Об этих трагических днях мама написала в воспоминаниях:

«Сталинизм принес несчастье многим моим соотечественникам, уничтожил много честных, преданных родине людей. Все думали: “Кто же следующий?” В мое семейство несчастье пришло в ночь с 27 на 28 октября 1937 г. Мы жили тогда в центре Москвы (на улице Станкевича). В нашей густо населенной коммуналке, где жило восемь семей (тридцать шесть человек), раздался звонок. Два сотрудника НКВД в сопровождении дворника показали ордер на обыск и арест моего супруга – Геннадия Алексеевича Смольянинова. Он, как и я, работал в Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР. По службе он был связан с секретарем Горького – П. П. Крючковым, готовил материалы для музея, который должен был открыться к ноябрьским праздникам. Гена был знаком с первой женой Горького – Екатериной Павловной Пешковой, пользовался ее доверием. Е. П. Пешкова передала много автографов Горького в архив и музей. Во время обыска Гена мне говорил: “Ты не волнуйся, мы поговорим, и меня отпустят. <...> Ведь я ни в чем не виноват!” Пришедшим его арестовать сотрудникам НКВД он показывал свою статью, написанную по случаю годовщины смерти Горького. Как будто бы статья могла его спасти. Подобно утопленнику он хватался за соломинку. Моя семилетняя дочь Алла проснулась и ничего не могла понять. Геннадий ей был отчимом, но отношения их были хорошими. В руки сотрудников НКВД попал “договор”, заключенный между Геной и Аллой, в котором было “зафиксировано”, что она должна слушаться (определялись и некоторые ее обязанности по дому), а он обязуется в день зарплаты приносить что-нибудь вкусное. <...> И этот “документ” был аккуратно прибран и унесен сотрудниками НКВД. Разумеется, я много плакала, а Алла “анализировала”: “Мам, ты не плачь! Если он не виновен, его отпустят, а если виновен – разве нам нужен такой!” При обыске взяли и мою записную книжку, в которую я положила талоны на дрова (у нас была печка). Дубликаты талонов не выдавались, так что нам предстояло мерзнуть всю зиму. Я была на восьмом месяце беременности. Через 3 дня после ареста мужа, 31 октября 1937 г., я ушла в декретный отпуск. 7 декабря родилась моя младшая дочка – Марина. Гена исчез бесследно. Он никогда не увидел своего ребенка, даже не узнал, сын или дочь у него. Марина тоже никогда не видела своего отца. С детства она знала его только по фотографиям. Когда ей исполнилось три месяца, ее отца расстреляли».

Но эти воспоминания мама написала много позже, а 31 декабря 1940 года она шлет новогоднее пожелание бабушке: «Желаю Вам того же, чего и себе на Новый год: получить хоть две строчки издалека». Но отец в это время находится дальше, чем думала мама. Оттуда получить две строчки невозможно.

В сентябре 1940 года мама поступила в аспирантуру ИМ Л И («без отрыва от производства»). «Теперь моя аспирантская работа – часть общей и, ведь если я имею свободный от работы понедельник, спросят с меня, и мне не поздоровится, если не сдам аспирантские экзамены. Это не то что раньше – была вольной птицей. На ученом совете будет утвержден план сдачи всех экзаменов и тема диссертации – “Новелла Мопассана”», – пишет мама в Рязань бабушке. Она успешно сдала кандидатские экзамены по английскому и немецкому языку и по философии. Готовится к экзамену по теории литературы. В это время она является младшим научным сотрудником ИМЛИ. 22 июня 1941 года она должна была поехать к Л. И. Тимофееву в Пушкино на консультацию, а 30 июня – сдать экзамен по теории литературы. Но началась война. ИМЛИ был эвакуирован в Ташкент. Мама в середине ноября 1941 года приехала туда вместе с коллегами. В Ташкенте она решила продолжать заниматься: «В аспирантуре безотрывной я продолжала состоять. Философия и языки были сданы. Надо было сдавать теорию литературы – колоссальнейший курс. Л. И. Тимофеева в Ташкенте не было, но можно было сдавать Е. Б. Тагеру. Готовилась к экзамену, писала диссертацию». Но судьба была против диссертации, 6 февраля 1942 года маму арестовали. Она провела полтора года в тюрьме, где заболела туберкулезом и цингой. Она теряла сознание на прогулке. Ее приносили в обморочном состоянии из туалета сокамерницы. Она вспоминала о своем освобождении:

«17 июля 1943 года я вышла на свободу. Чисто физическое ощущение опьяняющее. Небо никогда, казалось, не было таким голубым, солнце таким сияющим, арыки такими прохладными. Такой счастливый день оказался и очень несчастным: я узнала о смерти моей младшей сестры Тамары (замечательного человека и друга). После Ленинградской блокады Тамара в 1943 году приехала в Ташкент, просила тюремное начальство дать ей свидание со мной. Но ей отказали. А через месяц она умерла в возрасте тридцати пяти лет от тифа».

После тюрьмы маму восстановили на работе в ИМ Л И. Когда она пришла на работу в первый раз, то упала в обморок: очень была истощена тюрьмой, туберкулезом, недоеданием, цингой (из тюрьмы в тридцать семь лет она вышла без зубов). Коллеги заботились о ней, ежедневно выносили во дворик дома, в котором жили, раскладушку, и мама отсыпалась на воздухе, которого ей все время не хватало. Конечно, ни о какой диссертации уже не было речи. Нужно было выжить. После тюрьмы мама работала в ИМ Л И главным библиографом. Она была первоклассным специалистом, многие «западники» (ученые, исследующие западноевропейские литературы) обращались к ней за консультациями, за помощью, и она всегда была отзывчива к их просьбам. Об этом свидетельствуют многочисленные книги, подаренные маме учеными ИМЛИ с трогательными благодарственными автографами.

Поэт Булат Окуджава (его отец был расстрелян в 1937 г., а мама провела в ГУЛАГе семнадцать лет) написал в 1983 году стихи, которые близки мне:

Собрался к маме – умерла,
к отцу хотел, а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского весь мир застелен.

И, измаравшись в той тени,
нажравшись выкриков победных,
вот что хочу спросить у бедных,
пока еще бедны они:
собрался к маме – умерла,
к отцу подался – застрелили...
Так что ж спросить-то позабыли,

верша великие дела:
отец и мать нужны мне были?
...В чем философия была?

Этот вопрос мучает меня до сих пор. Советская власть отняла у меня деда, отца, обрекла на страдания мою маму. Но хочется верить, что лучшие помыслы наших предков найдут воплощение в делах потомков. К счастью, и род Папковых не пресекался. В Москве живет внучка М. П. Папковой – Ольга Искринская. В Санкт-Петербурге эту ветку продолжает внучка маминой сестры Тамары – талантливая поэтесса Тамара Попова. У нее две дочери и внук. Невольно вспоминаю замечательные слова Ивана Алексеевича Бунина: «Мое зачатие произошло не только в те девять месяцев, когда я находился в утробе моей матери. Мое зачатие – и в моих дедах, прадедах, пращурах. Ибо они – это тоже я».

И. С. Кленская «Никто никуда не уходит»

Мне снится сон: большая светлая палата. Окна распахнуты – весна, солнце, сирень. В комнате много книг, скрипка на столе, горит лампада... На столе раскрыта книга... большая, толстая, и в ней плотная лента-закладка. Хорошо и спокойно.

Я просыпаюсь – температуры нет. Я часто болела, и каждый раз, как только приходил этот сон, болезнь уходила.

Мой дедушка, Иван Михайлович Никонов, с уважением и почтением относился к снам. Он говорил: «Чудеса и только. Чудо – это нам подарочек, чтобы силы наши поддерживать».

Мы жили в коммунальной квартире на Таганке – Большие Каменщики, дом 17, кв. 20, второй этаж. В квартире проживали прекрасные, добрые и милые люди – семнадцать человек, жили дружно, уважительно, с пониманием друг к другу. У каждого в комнате стоял чемоданчик или сундучок: вещи теплые, мыло, смена белья... Все готово – на всякий случай, если придут... И в каждой семье ждали родных: может быть, вернутся, может быть, кто-то уцелел, может быть, кто-то найдется... Шли пятидесятые, и многие возвращались из лагерей. В нашу квартиру не вернулся никто.

– И ничего не будем узнавать и хлопотать. Не нужна нам их реабилитация, много чести, – говорил мой дед, – Честные люди в оправдании не нуждаются. Палачи должны ответить...

Дедушка Иван Михайлович Никонов, 1913

Иван Михайлович и Софья Власовна Никоновы в день свадьбы, 1913

– Тише... у нас все хорошо, – плакала бабушка. – Молчи, молчи...

«Будешь хорошо учиться, будешь много знать, много книжек прочитаешь... – Мы с дедом любили разговаривать и бродить... от Таганки до Котельников, от Котельников до Красной площади... до любимого “ситцевого” храма. – Вот и Василия Блаженного купола... Дошли мы с тобой, Аришка... Красота! Вот бы Иван Власович порадовался бы...»

Иван Власович, тоже мой дед, брат бабушки. Я никогда его не видела, и на мой вопрос «А где же дедушка?» бабушка начинала плакать, а дед строго говорил: «Далеко... Далеко...» Ивана Власовича часто вспоминали: «Вот бы Иван порадовался... Вот бы Иван удивился...» Им гордились – большой учености был человек, на многих языках разговаривал, все букинисты Москвы его знали.

Он жил в Рязани и, когда бывал в Москве, ночевал в нашей квартире, спал на большом сундуке в коридоре, а днем ходил по делам, возвращался с гостинцами и книгами. И дома у него множество книг было.

– Давай тоже покупать много книг, – говорила я деду.

– Давай. – И мы отправлялись с ним в магазины.

– Выбирай, – говорил дед.

На всю жизнь я запомнила одну историю. Мы пришли в магазин. У деда получка:

– На три рубля что хочешь.

– Куклу и книжку?

– Что-то одно, реши: или куклу, или книгу.

Я выбрала книжку «Конек-Горбунок», выходим из магазина, и я реву:

– Зачем я выбрала книжку, хочу куклу!

– Не плачь, пойдем поменяем. Поменяли... Я снова реву:

– Зачем мне кукла, хочу книжку...

Раз пять мы возвращались в магазин и меняли книжку на куклу, куклу на книжку... Выбрала я все-таки книжку, но было грустно. Молча вернулись домой и стали читать «Конька-Горбунка».

– Как интересно, Аришенька, какая ты умница, что выбрала книжку. – Дед обнял меня, погладил. – Смотри, кто за нами пришел?

– Кукла! Зачем ты ее прятал?

– Сюрприз. Неожиданная радость. Знаешь, если ты что-то выбрала, никогда не жалеи, не плачь. Все,

что нужно, к тебе придет... рано или поздно. И не клянчи ничего. Никогда ни о чем не жалею. Выбрала – значит, выбрала. Решила – значит, решила.

– А Иван Власович был бы мною доволен?

– Почему же нет, если ты не шалишь сильно, конечно же он доволен и не огорчается.

– И ты не огорчаешься?

– Я никогда не огорчаюсь. Я всегда тебе радуюсь...

– Даже когда очень шалю?

– А разве ты очень шалишь?! Так, иногда пошаливаешь, и слава Богу. Без шалостей-то жить тяжело.

Дед работал кочегаром на заводе Лихачева, и у нас дома не любили праздники: деда, как непьющего и ответственного человека, ставили в самые тяжелые и праздничные смены. Зато когда праздники заканчивались, начиналась жизнь у нас: дед приходил с подарками, на Новый год всегда мандарины доставал, помню, однажды целую авоську мандаринов принес. Новый год – значит, обязательно мандарины.

Дед сам делал конфеты, варил сливочные помадки, мягкие, пышные. Когда-то он хотел быть кондитером, но... не всегда получаем, что хотим. Надо жить судьбу, какая досталась, и не роптать. Сказать легко – прожить трудно.

Дед никогда ни о ком не сказал дурного слова, никому не нагрубил и голоса не повысил.

– Почему ты никогда не злишься?

– Потому что жизнь очень короткая и быстрая.

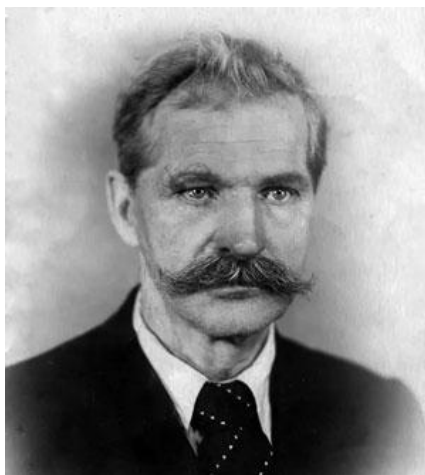

Бабушка Софья Власовна Шелаева, ее брат Иван Власович Шелаев (в будущем архимандрит Мина) и их мать Мария Александровна

Училась я плохо, вела себя в школе дерзко, поэтому дед приходил к учителям часто. Надевал свой парадный костюм, ордена – Георгий за Первую мировую, за доблестный труд... Приходил к учительнице с цветами, говорил долго и подробно.

Я ждала его в школьной раздевалке. Высокий, мощный, красивый, он шел по коридору, и я радовалась: все позади, сейчас он скажет: «Бедный ребенок. Какие же строгости! – тяжело вздохнет. – Ну ничего, переживем. Ты что хочешь, мороженое, картошку или наполеон? Надо же как-то утешиться».

И мы шли в кондитерскую, а потом бродили... до «ситцевого» храма и далее... к старинному букинисту на Тверской. Старичок-продавец любезно разговаривал с дедом, вспоминал с почтением Ивана Власовича: прирожденный вкус был и такие знания, такие знания!

Дедушка Иван Михайлович Никонов, 1960-е годы

Архиепископ Рязанский и Шацкий Иувеналий (Масловский) и архимандрит Мина (Шелаев) после богослужения в Христорождественском соборе г. Рязани, 1929

Иван Власович был монахом, архимандритом одного старинного монастыря. Когда он приезжал в Москву, останавливался у нас, на Каменщиках. Во дворе кричали: «Поп пришел к Никоновым, настоящий поп!» А Иван Власович, отец Мина, шел по двору в развевающейся рясе, всем улыбался и всех благословлял. В 1937 году его арестовали... В один из последних приездов он был печален, но спокоен: ничего не бойтесь, все будет хорошо. Его отправили в лагерь. Куда – не сказали. Передали письмо от него – просил прислать по возможности теплые вещи. Но куда прислать? Адреса не было...

Перед смертью дед много рассказывал об Иване Власовиче, отце Мине: как приезжал к нему в Рязань, в его скромный домик: комната светлая, окно всегда распахнуто, много книг, скрипка на столе, лампы горят...

– Дед, мне это снилось каждый раз, когда я выздоравливала... Я видела эту комнату!

– Все бывает... Молись за Ивана Власовича.

Дед умер. Сон больше никогда не снился. С тех пор не было ни одного дня, чтобы я не вспоминала деда.

– Никто никуда не уходит. Все, кого мы любим, всегда с нами, поэтому не плачь и не бойся.

Я стала искать, где жил Иван Власович, где сидел, как погиб. Поехала на Соловки. Помню, когда пароход отплывал от острова, за ним летела чайка и плакала. Прошло много лет. Однажды по журналистскому заданию я оказалась в Новом Иерусалиме. Заместитель директора Галина рассказывала о патриархе Никоне, и, как часто и странно бывает, разговор зашел о личных историях, семейных тайнах,

чудесах:

– Патриарх Никон известен тем, что помогает всем в поисках.

И я рассказала об Иване Власовиче, что я пыталась искать, разузнавать.

– Значит, плохо просили и плохо искали. На следующее утро раздается звонок. Радостный голос Галины:

– Нашли вам дедушку: причислен к лику святых, день празднования – 4 ноября, праздник Казанской Божьей Матери. В этот день он расстрелян. Преподобно – мученик архимандрит Мина (Шиладзе), день канонизации 20.08.2000 года.

По крупичкам, по крохам стали собираться подробности. Отец Дамаскин (Орловский) двадцать лет собирал сведения о мучениках Русской православной церкви, издал серию книг. Чтение страшное, горькое и в то же время светлое. Я спросила отца Дамаскина, почему, когда читаешь о муках, о чудовищных страданиях этих людей, страха и темноты нет. Он ответил: «Люди, светлые и бесстрашные, никого не осудили, никого не проклинали, никого не оскорбили. Смирненно свой путь прошли и мучителей своих простили. Тьмы и злобы после себя не оставили, уходя, всех благословили. Ушли благодатно». Тюремных фотографий моего деда не сохранилось, может быть, так спешили расстрелять к ноябрьским праздникам, что не успели, да и лень было. А может, так пытали и мучили, что даже не решились сфотографировать.

Икона преподобномученика Мины Рязанского

В Рязани есть икона Мины Рязанского, и мне захотелось, чтобы у меня в доме, в моей семье тоже была икона. В Сретенском монастыре согласились помочь:

– Только вы не торопите и ждите.

Не получалась икона: то лик слишком строгий, то золота слишком много. И вот однажды звонят из иконной лавки:

– Приходите.

Принесли икону. Молодая художница Вероника сказала:

– Мне хорошо было, когда я писала лик Мины. Мы с мужем ездили в Рязань, смотрели фотографии, обошли все места, связанные с преподобным Миной, читали о нем, в храме, где он служил, стояли на службе. Близок он стал нам. Примите эту икону в дар от нас, благодарных ему людей.

Прошел год. 4 ноября. В день памяти преподобномученика Мины у Вероники родилась дочь. Представляете, ровно через девять месяцев, ребенок зачался в тот день, когда они подарили мне икону.

– Врачи говорили, что у меня никогда не будет детей, что надо смириться и не терзать себя – чудес не бывает. Медицина пока бессильна... Случилось невозможное – отец Мина подарил нам ребенка, дочку.

Чудеса, да и только, как говорил мой дед, Иван Михайлович Никонов.

Я спросила у священника:

– Я всегда молилась за Ивана Власовича, за монаха Мину, а как же теперь?

– Он давно за всех молится и всех бережет.

М. Г. Грешнова Фамильные черты

Я родилась в 1934 году. Годы Большого террора были уже совсем близко, а за ними и война, но я этого не знала. Беззаботное детство, няня, молодые красивые мама и папа, благополучная родня, редко приезжающие откуда-то дедушка с бабушкой, которым все искренне рады, – это жизнь из детской памяти. Я была тогда слишком мала, чтобы запомнить детали жизни. Только яркими вспышками некоторые эпизоды моего раннего детства возникают в памяти помимо воли. Война, эвакуация, голодные послевоенные годы – все это будет значительно позже.

Деда я видела всего несколько раз, когда он приезжал к нам в гости из Кемерово, где служил главным ветеринарным врачом. Я заходила домой и сразу чувствовала, что меня ждет Радость. Дед выскакивал из-за двери большой комнаты, подхватывал меня на руки и начинал подбрасывать вверх. От него как-то удивительно пахло: кедровыми орехами, немосковской свежестью, не знаю, чем еще... Это был неповторимый запах Счастья. А в дверях стояла бабушка, приезжавшая с ним, и улыбалась. Все начинали ахать: «Как Мариша похожа на деда! И глаза карие, и губы толстые, ясно, что крючковская порода!»

Бабушка Мария Эдмундовна Крюкова со мною маленькой на руках

Лишь однажды в своей долгой жизни я услышала этот запах детства. Дело было в метро. Я неслась по своим неотложным делам, мало замечая, что происходит вокруг. И вдруг этот запах, ни с чем не сравнимый, о нем я забыла на долгие годы, как будто ударил меня. Кто принес его в метро, не знаю. Вокруг меня стояло много чужих людей, мужчин и женщин... Мне пришлось опустить голову, так как я заплакала горько и неутешно, не пытаясь удержать слезы. Память детства, память о всех потерях, принесенных мне судьбою, о дедушке, я его едва знала, но горячо любила еще тогда, в детстве, всколыхнула в душе чувства, которые я всегда прятала.

В дни приезда дедушки и бабушки все родственники собирались в нашем доме. Приезжал родной брат моего отца, Крючков Петр Петрович, с женой Елизаветой Захаровной и сыном Петей, сестра дедушки Александра Петровна со смешной для меня фамилией Черномордик и старшая сестра моего отца Маргарита Петровна с дочерью Маргаритой, по-домашнему Мусей. Они сидели за столом долго, громко обо всем говорили, а я придумывала предлоги, чтобы побыть со всеми, а не идти спать, как это положено маленьким детям: то у меня внезапно заболело ухо, то срочно надо было на горшок (однажды так и заснула на плетеном, приспособленном под это дело, стульчике). Зато слышала все голоса, не вникая своим детским разумом в суть разговора. Вот эти звуки взрослых голосов непонятным образом успокаивали меня, тогда еще совсем ребенка. Казалось, что все незыблемо и надолго.

Последний раз вся семья собралась у нас, на Рочдельской улице, 20 августа 1937 года, в день годовщины золотой свадьбы дедушки и бабушки. А потом все родные куда-то исчезли из нашей жизни, кроме бабушки Марии Эдмундовны, которая стала жить с нами постоянно, не уезжая. Началась война. Меня отправили в эвакуацию с детскими учреждениями Академии наук в интернат в Боровое (республика Казахстан).

Многие годы прошли, прежде чем смутные детские воспоминания, тревожившие память о пропавшей, неизвестно куда исчезнувшей семье, заставили меня заняться поисками, весьма сложными. Надо заметить, что мои родители долгие годы молчали. Чудом уцелевшие в страшные годы репрессий, они были напуганы на всю жизнь, основания у них для этого имелись весьма веские. Отец мой, Георгий Петрович Крючков, начал рассказывать о прошлом под натиском моих расспросов только перед самым своим уходом из жизни (8 июня 1985 года). Я узнала многое о нашей семье, о родном брате отца, Петре Петровиче Крючкове, который с 1917 года был знаком с А. М. Горьким и вскоре стал не только его другом, но и личным литературным секретарем. После смерти А. М. Горького Петр Петрович был назначен директором Музея Горького, а 7 октября 1937 года был арестован. На позорном бухаринском процессе его объявили одним из убийц великого писателя и его сына Максима Пешкова. Расстреляли его 15 марта 1938 года.

О том, что он брошен в один из рвов «Коммунарки», мы узнали с моей двоюродной сестрой Айной Петровной Погожевой, внебрачной дочерью Петра Петровича, только после долгих поисков.

Петр Петрович Крючков (брат отца) и Алексей Максимович Горький

Отец завещал мне не верить ни одному слову обвинений, выдвинутых против его брата, человека в высшей степени благородного и преданного А. М. Горькому. Тогда же стала мне известна и трагедия моего деда, Петра Петровича Крючкова. Я узнала, что мой дед был арестован в марте 1938 года, а на запросы семьи о его дальнейшей судьбе, посылаемые в Кемерово, где он жил до ареста, ответа не было годами. Узнала я от отца и о том, что корни нашего рода каким-то образом переплетаются с семьей Эйнем. Рассказывал он об этом не только мне, но и своей племяннице Айне Петровне, дочери Петра Петровича. Имя Эйнем тогда нам ни о чем не говорило. В доме, правда, было довольно много, как теперь говорят, артефактов: жестяных от конфет коробочек, красивых открыток, на которых «Эйнем» было написано большими буквами. Нужно заметить, что по мужской линии все старшие сыновья в семье получали имя Петр. Таким образом, получилось, что Петров Петровичей оказалось много. Первый из упоминаемых здесь – мой прадед, бывший крепостной Демидова или Строганова, стал горным инженером или мастером. Он позднее найдет на Урале залежи платины. До конца жизни он служил на Кизеловских заводах Соликамского уезда. Второй Петр Петрович – мой дед, ветеринарный врач. Третий Петр Петрович – личный литературный секретарь А. М. Горького.

Петр Петрович Крючков, мой дед

Мама моя, Смирнова Лидия Михайловна, прожившая долгую жизнь (ее не стало в девяносто семь лет в феврале 2009 года), сохранила до конца жизни ясную голову и великолепную память. Последние несколько лет она жила в моей семье. Главное было – ее разговорить. Многочисленные рассказы о прошлом позднее полностью подтверждались архивными данными, каким бы странным это ни казалось. А потом по просьбе сотрудников Архива музея Горького она написала воспоминания о семье Крючковых. Я хочу привести отрывок из ее «Собственноручных записок 2002 года»:

«Отец Петра Петровича Крючкова, секретаря А. М. Горького, по профессии ветеринарный врач, всю жизнь работал в разных городах Урала и Сибири. Последние годы, десять – пятнадцать лет, он жил с семьей в городе Кемерово, где работал старшим ветеринарным врачом, причем на двух работах, так как на его попечении были трое внуков, два из которых стали врачами. Мать этих детей, Маргарита Петровна, сестра Петра Петровича Крючкова, секретаря Горького, со старшей дочерью уехала в Москву, жила у своей тетки Александры Петровны Черномордик, в прошлом народоволки. Кстати, муж Александры Петровны, врач, – родной брат жены Бонч-Бруевича.

После суда и исполнения смертного приговора над старшим сыном Петром старика семидесяти семи лет арестовали, и он исчез в застенках органов НКВД. Петр Петрович, отец моего мужа, был расстрелян в марте 1938 года, за три дня до расстрела своего старшего сына. Был он уважаемым и известным человеком в Кемерово, где работал ветеринарным врачом. Это был добрейший, очень честный и совестливый человек, очень родственный, бережно и нежно относящийся к своей старушке жене. В свои семьдесят семь лет он был еще крепким и здоровым. Толстогубый (признак доброты), с ясными и живыми глазами, кстати, очень красивыми и унаследованными его потомками.

Его жена – Мария Эдмундовна, знатного рода, дочь прибалтийского немца-барона и французской графини. Родители ее имели трех дочерей и одного сына и не были богатыми. Как они попали на Урал, не помню. Мария Эдмундовна познакомилась с Петром Петровичем и полюбила его на всю жизнь.

После окончания гимназии Петр Петрович сделал ей предложение, но ее отец спросил его:

– Молодой человек, а на какие средства вы собираетесь содержать семью?

– Да вот я стану врачом, я студент первого курса.

– Вот когда вы станете врачом, тогда и сватайтесь.

И они оба остались верны своей любви, ждали долгих пять лет друг друга, хотя жили в разных городах (она – в Перми, он – в Казани, учась в Ветеринарном институте). И в старости они, уже очень преклонного возраста, когда я с ними познакомилась, выйдя замуж за их младшего сына Георгия Петровича, продолжали нежно любить друг друга. У них было четверо детей. Старший, по традиции в семье названный Петром, получил юридическое образование, окончив юридический факультет Петербургского университета. Дочь Маргарита Петровна – учительница словесности, кроме того окончила Киевскую консерваторию по классу фортепиано, рано осталась вдовой с четырьмя детьми, похоронив мужа, в 1921 году умершего от тифа. Именно ее детей воспитывали дедушка с бабушкой. Второй сын – Виктор Петрович, о нем я не знаю ничего, видела всего один раз. Третий сын, самый младший, избалованный и красивый, – Георгий Петрович. Он был моим мужем с 1932 по 1940 год. В начале 1940 года мы с ним

разошлись. Был он интеллигентен, сдержан и очень хорошо воспитан.

П. П. Крючков, 1932

Теперь снова вернемся к Марии Эдмундовне, моей второй маме, так я ее называла. Небольшого роста, худенькая, всегда аккуратно одетая (белые блузки с галстуком или камеей, черная длинная юбка до щиколотки), и когда они приезжали с мужем к нам в гости, и когда она приехала к нам на постоянное жительство после его ареста в начале 1938 года. В халате я ее никогда не видела: “У женщины должна быть всегда хорошая обувь и хорошо причесанная голова”. На ночь всегда делались папилютки. Знаю, что она окончила гимназию в Перми и получила звание городской учительницы русского и немецкого языков.

После ареста мужа она в доме осталась одна. Старший внук, сын Маргариты Петровны, к тому времени уже работал заведующим Горздравом в городе Абакане, две младшие внучки еще учились в другом городе. Она поехала в Абакан. Но внук, которого они вырастили и дали с дедом образование, не пустил ее на порог: ведь она мать и жена врагов народа. Она со своими вещами осталась сидеть на крылечке. Трудно представить себе картину более страшную и горькую. Соседка, пожалев ее, связалась с нами и отправила в Москву, к нам.

Слева направо: Маргарита Дмитриевна Полетаева, Александр Захарович Медведовский, Мария Эдмундовна Крючкова (урожд. Гёбель), папа Георгий Петрович Крючков, мама Лидия Михайловна Крючкова

Мария Эдмундовна была образованна, умна, очень хорошо воспитана, какая-то светлая, глубоко порядочная, интеллигентная и очень сдержанная в своем невыносимом горе. У нас с ней сохранились хорошие, хорошие отношения и после моего развода с ее сыном, хотя жили мы уже врозь. Она – с сыном и внучкой Мусей, я – со своей дочкой Мариной на другом конце Москвы.

Во время войны в 1943 году младшая внучка Марии Эдмундовны окончила Институт иностранных языков и позвала бабушку к себе в Сибирь, так как в Москве в это время было совсем голодно. Бабушка решилась на это путешествие. Сын, Георгий Петрович, посадил мать в поезд, но к внучке она не доехала.

Она исчезла, куда – неизвестно. И сын и внучка с двух сторон разыскивали ее, но так и не могли найти ни во время войны, ни после».

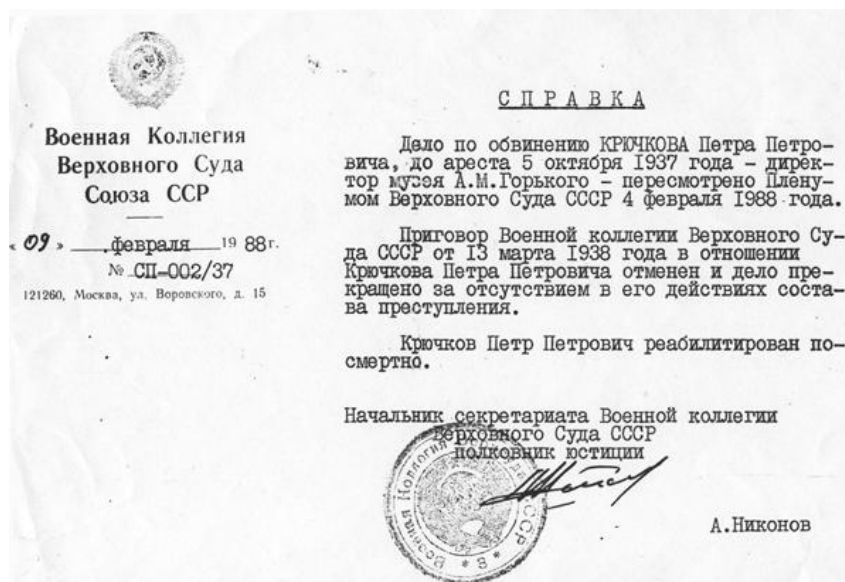
В нашей семье чудесным образом сохранились некоторые фотографии, на которых изображена бабушка Мария Эдмундовна, что из Гёбелей-Эйнемов, а дедушкину фотографию я нашла (глубоко запрятанной) после смерти отца. Часто я смотрела на групповую фотографию, на которой запечатлены мои мама, папа, старшая сестра от первого брака отца Ирина и я. Никогда не обращала внимания на надпись и дату на обороте. И только после всех архивных поисков мне стала она понятна, несмотря на то что с двух сторон края фотографии обрезаны: «Дедушке и бабушке к золотому юбилею от детей и внучат, которые хотели бы походить в жизни на дедушку и бабушку. Желаем счастья, здоровья и долгой жизни до бриллиантовой свадьбы. По доверенности и просьбе еще неграмотной внучки. Юрий Крючков. 20/VIII 1937 г.». 20 августа – день получения дедушкой диплома о высшем образовании, это день пятидесятилетнего юбилея свадьбы дедушки и бабушки... 20 августа 1937 года вся наша семья в последний раз собралась в нашем московском доме. Основываясь на маминых воспоминаниях, я начала поиски. Первый и, как оказалось, самый правильный был порыв, – написать в архивы ФСБ (КГБ) города Кемерово. Волнению и изумлению моему не было предела, когда мне прислали не просто выписки из следственного дела, а ДЕЛО целиком. Вот что я узнала.

7 марта 1938 года Петр Петрович Крючков, мой дед, был арестован, а его имущество конфисковано. 12 марта 1938 года, всего через пять дней, в возрасте семидесяти семи лет, он был расстрелян по решению «тройки» Управления НКВД Новосибирской области. Среди документов, присланных мне в деле, есть и документ, в котором, среди прочего, перечислено это самое «принадлежащее ему имущество». Стиль и правописание сохранены.

«Изъят паспорт 541265
профсоюзный билет 029988
Опись вещей:
Печать.
Фотокарточек: 9 штук.
Справки и удостоверения: 35
Переписка: 9 листов
Золотая брошь: 1
Серебряные ложки чайные: 12
Серебряные ложки столовые: 12
Щипчики: 1
Ложка для соли: 1
Поварешка: 1
Для хлеба лопатка: 1
Ситечки: –
Футляр: –

Слева направо: сводная сестра Ирина Георгиевна Добровольская, папа, мама и я, 20 августа 1937 года

Справка Военной коллегии Верховного суда Союза ССР о реабилитации П. П. Крючкова, 9 февраля 1988 года

Ордена, медали и знаки отличия, полученные до 1917 года, в этой описи не значились. Вероятно, дед распорядился ими по своему разумению, уже понимая, что может быть за их хранение. Тогда же я получила уведомление из Управления Федеральной службы безопасности Кемеровской области Российской Федерации.

«Уважаемая Марина Георгиевна! На Ваш запрос сообщаем, что, вследствие нарушений законности в то время, сведений о месте расстрела и захоронения в архивном деле отсутствуют. Известно только, что после ареста Ваш дед находился в Кемеровской тюрьме. В городе Кемерово (пос. Ягуновский) установлено массовое захоронение жертв политических репрессий, предполагается установление памятника. К сожалению, мы не можем выслать фотографии, документы, личные вещи, которые были изъяты при обыске у Крючкова П. П., так как они не сохранились. Если Вам понадобятся копии каких-нибудь документов из дела Вашего деда, то Вы должны указать название документов. Если Вам нужна справка о его реабилитации, советуем обратиться в Кемеровский областной суд».

Я сразу же обратилась по указанному адресу и получила справку о реабилитации П.П.Крюкова. Вот выписка из протокола 111/23 заседания «тройки» Управления НКВД Новосибирской области от 12 марта 1938 года. Дело № 204 Кемеровского НКВД:

«Крючков Петр Петрович, 1861 года рождения, уроженец города Петрограда, обвиняется в к/р (контрреволюционной) повстанческой деятельности. Постановление: расстрелять, лично принадлежащее ему имущество конфисковать.

12 марта приговор приведен в исполнение».

Справка Кемеровского областного суда о реабилитации П.П. Крюкова, 26 сентября 2001 года

«Обвинительное заключение:

П. П. Крючков является участником контрреволюционной монархической повстанческой диверсионной организации «РОВ С», созданной и руководимой по указанию разведывательных органов одного из иностранных государств, ставивших своей задачей свержение советской власти вооруженным путем и восстановление монархического строя. Организацией руководил Кутепов, родной брат генерала Кутепова».

16 апреля 1956 года постановление «тройки» отменено, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Крючков П. П., 1861 года рождения, реабилитирован посмертно.

Сын его Петр был расстрелян 15 марта того же 1938 года. Разница всего в три дня.

В том же присланном мне деле находились показания старшего следователя по делу «РОВС» З. М. Ключева, которые он вынужден был дать в 1956 году при рассмотрении дел о реабилитации невинно осужденных: «Все беззакония, которые творились в Кемеровском НКВД в 1937–1938 годах, я понимал и тогда. Но не мог сказать этого нигде, боясь попасть в число арестованных. Делал все, что приказывали».

Я никогда в жизни не испытывала такого потрясения, как тогда, читая дело дедушки. Это были

сведения о нескольких последних днях его жизни, о приведении в исполнение приговора...

В его деле среди анкетных данных я прочитала, что он окончил Казанский ветеринарный институт и работал некоторое время в Перми. Я тут же отправила запрос в архив института в Казани. Через пять дней милый женский голос сообщил мне по телефону, что Петр Петрович Крючков получил диплом 20 августа 1887 года. Я была так огушена неожиданным известием, что даже не спросила имени милого и доброго вестника. Спасибо ей! А из Перми тогда же пришли заверенные сообщения из архива. Вот что я узнала: Петр Петрович Крючков, мой дед, родился 3 декабря 1861 года, крещен в Свято-Троицкой церкви Кизеловского завода Соликамского уезда. В октябре 1878 года поступил в Пермскую гимназию, которую окончил в 1883 году. В этом же году поступил в Казани в ветеринарный институт, который успешно закончил со степенью ветврача. По окончании института был определен Пермским губернским земством городским ветеринарным врачом, пост по тем временам весьма значительный. В 1886 году значился домовладельцем по ул. Екатерининская, д. 118 (теперь Большевикская). Дом не сохранился. Позже дед был и мировым судьей, и земским начальником (1903), и инспектором Казанского ветеринарного института, который сам окончил. Его посылали не только в города Сибири, но и в Бессарабию, а во время Первой империалистической войны 1914 года в течение двух лет он служил в качестве ветеринарного врача в чине полковника для командировок при Управлении гуртов Киевского военного округа. Пройдя все чиновничьи ступени службы, произведен 19 декабря 1911 года в статские советники, гражданский чин, соответствующий генеральскому званию. Награжден орденом Св. Анны, Св. Святослава, серебряной медалью, темно-бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи населения и др. Женат на дочери потомственного дворянина статского советника Эдмунда Германовича Гёбеля, Марии Анхельхайте Лидии Гёбель.

Их дети: дочь Маргарита (4 сентября 1888), сын Петр (12 ноября 1889), сын Виктор (4 июля 1891), сын Георгий (30 марта 1897). Сын Георгий – это мой отец.

Дом в Перми, принадлежавший Александру Эдмундовичу Гёбелю. Сохранился до наших дней

То, что мою бабушку зовут Мария Эдмундовна, я помнила с детства, но только последние архивные изыскания позволили внести некоторые уточнения. Ее отец, Эдмунд Германович Гёбель – председатель и неперменный член Пермского уездного присутствия по крестьянским делам. А ее брат, Александр Эдмундович Гёбель, дослужился в Перми до чина надворного советника, награжден орденом Св. Святослава и орденом Белого орла, женат был на дочери протоиерея Новосельской Марии Ивановне. Вот его-то дом в Перми сохранился до сих пор. В книге Е. Спешилова «Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди» мы читаем: «Двухэтажный дом из красного кирпича по ул. Вознесенской, д. 42 (ныне ул. Луначарского), принадлежал Гёбелю Александру Эдмундовичу. Дом сохранился».

Я часто думаю: как страшно, что дедушка, служивший верой и правдой своему Отечеству, погиб

униженный и оклеветанный. Беды семьи на этом не закончились. Расстрелян 15 марта 1938 года его сын Петр Петрович Крючков, секретарь А. М. Горького. Расстреляна 17 сентября 1938 жена Петра Петровича-младшего Елизавета Захаровна. Сиротой остался их пятилетний сын Петя. После всех страшных событий сошла с ума и умерла в скорбном доме дочь деда, Маргарита Петровна, в начале тридцатых годов пропал сын Виктор. Единственный оставшийся на свободе сын Георгий, мой отец, прожил всю жизнь в страхе и унижении. После трагедии, обрушившейся на семью, с конца тридцатых годов работа его не соответствовала ни образованию, ни интеллекту. Прожил до преклонного возраста с узелком в прихожей на случай ареста.

Елизавета Захаровна Крюкова (урожд. Медведовская)

За год до смерти отец познакомил меня с моей двоюродной сестрой Айной Петровной Погожевой, внебрачной дочерью его родного брата Петра Петровича Крюкова. Раньше я не знала о ее существовании. Моя мама, присутствующая на нашей встрече, очень была этому рада и рассказала, что была связана дружескими отношениями с мамой Айны, но молчала об этом полжизни. Они умели держать язык за зубами. Она же нам рассказала, что отец Айны, Петр Петрович, снимал в Красково дачи для нас, маленьких девочек. Детская память коротка, этого я совершенно не помню.

После той первой встречи мы очень подружились с моей двоюродной сестрой, вместе вели поиски захоронения ее отца (моего дяди), обращались во все возможные архивы. Наконец, в конторе Донского кладбища нам указали на огромный, во всю стену шкаф, в котором лежали десятки толстых папок с фамилиями расстрелянных во времена репрессий. После трехчасовых поисков мы обнаружили в тетради, озаглавленной «Бутово-Коммунарка», родную фамилию. Петр Петрович Крючков, старший сын моего деда, был расстрелян вместе со своей женой в спецзоне «Коммунарка». Они зарыты вместе с тысячами невинно казненных людей в земле «Коммунарки», переданной в 1999 году Русской православной церкви. Сейчас здесь, на крови, возведен храм Святых Новомучеников и Исповедников России. А надгробием им будет наша светлая память.

А потом мы вместе искали нашего двоюродного брата Петю, внука моего деда, очередного Петра. Нашли его, собственно, случайно, так как долгое время он жил вне Москвы. В последние годы его жизни мы как могли помогали ему и старались всячески опекать и очень привязались друг к другу. Его больше нет. Он умер в возрасте шестидесяти лет с двумя справками о реабилитации казненных родителей. Окна его квартиры выходили во двор Бутырской тюрьмы – это ли не гримасы времени?! Мы с Айной захоронили прах Петра в могилу моего отца, Георгия Петровича Крюкова, на Донском кладбище.

Я хочу рассказать о его трагической судьбе. После ареста и расстрела родителей с конца сентября 1937 года жил у нас в доме. Но 30 апреля 1938 года привезли к нам домой умирающую от чахотки мамину маму Галину Федоровну. Петю взяла бабушка по материнской линии и увезла его в деревню подальше от города, чтобы спасти от детского дома или еще худшей участи. Вскоре умерла бабушка, прятая шестилетнего Петю в деревне. Он жил в шалаше на краю деревни, питался морковкой и прочими овощами с еще не

убранных огородов. Иногда кто-то тайком подкладывал ему куски хлеба. А совсем недавно Петя звал Алексея Максимовича Горького дедушкой и подолгу гостил в его доме. Напомню: его отец работал литературным секретарем великого пролетарского писателя. Горький в письме от 8 октября 1935 года писал Петру Петровичу из Тессели: «Петр учится лазать по деревьям, следит за работами по очистке сада и орет “Во Франции два гренадера”, весел, здоров и более спокойно наблюдателен, чем был». А в письме от 2 ноября 1935 года Горький пишет: «Петруха вполне благополучен». В Тессели в Крыму маленький Петя был без родителей на попечении Олимпиады Дмитриевны, домоправительницы Горького. (Архив Горького. Том 14.)

Слева направо: Айна Петровна Погожаева, Марина Георгиевна Крючкова, Борис Викторович Крючков

А. М. Горький, Марфа Пешкова и Петя Крючков, лето 1935 года

Потом его отыскал и воспитал брат его матери Александр Захарович Медведовский, очень достойный человек, врач по профессии. В последние годы жизни он работал заместителем главного врача в больнице им. Боткина, где тогда работала врачом и моя мама. Поистине пути Господни неисповедимы. Петя закончил десятилетку, отслужил в армии, но получить высшее образование смог только после реабилитации матери в 1956 году. Всю жизнь Петр проработал далеко от Москвы, внук и сын «врагов народа».

15 марта 2001 года, в день расстрела моего дяди Петра Петровича, мы всей нашей огромной семьей, что называется, с чадами и домочадцами, отправились в «Коммунарку», бывшую дачу Генриха Ягоды, где с 1937 года проводились массовые расстрелы. Мы ездили туда не один раз, но первое впечатление было самым ужасным. Моя сестра Наташа сняла нашу поездку на видеокамеру. Петя, красивый старик, его сводная сестра Айна, в растерянности бредущие по дороге к недавно поставленному сразу при входе на полигон деревянному кресту, чтобы возложить к нему цветы. Ужаснее зрелища я не видела в своей жизни. Не нужно было никаких слов, чтобы осознать ужас и размах преступлений сталинского режима.

Через год после смерти Пети, собравшись на его поминки, мы получили от его друзей Скибиных

хранившиеся у них семейные фотографии и письма нашего брата. Среди писем оказалось одно, написанное из Ленинграда и подписанное: «Крючков Борис Викторович». Скибины рассказали нам, что Петя не стал отвечать на письмо двоюродного брата, боясь провокации. Сын Виктора Петровича Крючкова, Борис, остался в пять лет сиротой, отец пропал, когда мальчику было всего три года, а в пять он остался без матери. Из письма Бориса: «Утром в школу я уходил, не поев, а после школы бежал собирать и сдавать винные бутылки, если они были, чтобы купить хлеба. Сердобольные жильцы подкармливали меня и давали что-то из одежды, так как заплаты на штанах были очень заметны, потому что пришивал я их через край. Потом я поступил в ФЗУ на кулинарное производство, чтобы быть сытым». Совсем мальчиком попал в народное ополчение, был ранен, прошел всю войну до конца. После войны работал на химическом заводе, а последние годы – начальником отдела кадров там же.

Слева направо: Айна Петровна Погожаева, Борис Викторович Крючков и Марина Георгиевна Крючкова

Так мы нашли еще одного двоюродного брата, внука нашего деда. Борису было уже восемьдесят лет. Мы собрались с силами и поехали к нему уже в Санкт-Петербург. Как же он был рад увидеть хоть в конце жизни лица родных, узнавая в них фамильные черты! Привезли мы ему фотографии деда, отца, дядьев, тетки и молодого, идущего за нами поколения. У него дома не было ни одного документа или фотографии, связанной с его большой растерзанной семьей. Нам вослед было написано стихотворение «Дедушкин портрет». Вот отрывок из него:

Сквозь стекла стареньких очков
Дед смотрит на меня:
«Ты внук мой, Боренька Крючков» –
Так говорят его глаза.

А я в лицо его смотрю
И, без сомненья, ясно вижу
Свой лоб и нос, свою губу,
И подбородок сужен книзу...

А потом опять потеря, его не стало через год с небольшим. И оказалось на всю огромную крючковскую семью всего две могилы. Все остальные лежат во рвах или могилах безымянных.

Айна Петровна Погожаева и Борис Викторович Крючков

Бедные дети и внуки «репрессированного поколения», появившегося на свет еще до 1917 года. Если бы не Октябрьский переворот, жизнь деда и его большой, трудолюбивой семьи была бы совсем другой. Люди чести и до революции работали, не жалея сил на Отечество, матери воспитывали детей, дети получали в столичных университетах образование и возвращались на Урал в родные пенаты. У меня было бы значительно больше родственников, двоюродных братьев и сестер, дядьев и теток, племянниц и племянников, их мужей и жен. Связь времен не прервалась бы, мне не пришлось бы по крупицам собирать сведения о своей большой семье. Нас и сейчас много. Когда мы собираемся большим кругом, получается около сорока человек. Дед был бы рад: его внуки и правнуки стали учителями, врачами, журналистами, теми, кого называют интеллигенцией новой России. Оттуда он смотрит за нами внимательно и беспристрастно. Мы стараемся не посрамить имени наших предков, у нас у самих выросли внуки и уже родились правнуки. Для них я написала эти заметки, надеюсь, что имена представителей семи поколений для моих потомков не будут закрыты завесой забвения. Жизнь идет... Храни их Бог!

А. А. Хвалебнова **Дедушкиными маршрутами**

1 сентября 1971 года я отправилась в первый класс. Всех моих будущих одноклассников провожали мамы, бабушки, возможно, кого-то даже отцы, и только одна моя одноклассница пришла с дедушкой. Дедушек больше ни у кого не было, и мы смотрели на этого единственного дедушку как на некое удивительное явление природы, к тому же он выглядел несколько странно – в очень старом, потертом плаще, круглых очках, державшихся на резинке, прикрепленной к дужкам, и в довершении всего, несмотря на седину, можно было догадаться, что он был когда-то рыжим. Необходимость дедушки в жизни показалась мне тогда весьма сомнительной. К слову сказать, этот дедушка оказался замечательным человеком и преданнейшим другом своей внучки. И только много позже я стала задумываться о том, а каким же был МОЙ дедушка, Вениамин Аркадьевич Зильберминц.

Никто из моих домашних не мог, вернее не спешил, дать мне ответ. Я мучилась в догадках: раз геолог, так может, погиб в экспедиции? Или погиб на фронте? Может, умер от старости, ведь он был много старше бабушки? Постепенно реальность стала проявляться, как отпечаток на фотобумаге, и когда в конце 1980-х стали открываться архивы, моя мама отправилась в КГБ, чтобы узнать всю правду до конца. Донос и «следствие» были, по обыкновению того времени, абсурдны. Приговор был приведен в исполнение сразу после оглашения. Маме даже вернули кое-что из его личных вещей. Но что она могла рассказать мне о нем как о человеке, если ей было неполных пять лет, когда она видела его в последний раз. Я рассматриваю фотографии, читаю письма. Думаю, он был очень мягким, застенчивым, скромным и бесконечно наивным человеком, очень любил своих многочисленных детей и с трудом разбирался с женами, пытаясь их как-то примирить. О нем, как об ученом, ученике и друге В. И. Вернадского и первооткрывателе многих методов в геохимии, уже, к счастью, вспомнили и написали много хороших слов.

Мне хочется вытащить на свет его экспедиционные дневники и письма к моей бабушке, в них он не только ученый, геолог, в них он – путешественник, любознательный и анализирующий, они написаны хорошим литературным языком, ведь дедушка учился в Киевском университете, Санкт-Петербургском политехническом институте, а затем окончил и Санкт-Петербургский университет. Бабушка говорила, что в Москве он учился еще и в консерватории по классу виолончели. На фортепиано он играл свободно. Они любили с бабушкой играть в четыре руки. Кругозор его был огромен, очерки, полевые дневники и письма напоминают мне геологические образцы, в которых каждый найдет материал для себя: затерявшиеся на топографических картах поселки, точные описания геологических разрезов, характерные бытовые зарисовки почти столетней давности, имена и фамилии ставших впоследствии известных людей, и, в конце концов, отражение исторических катаклизмов. Мне особенно близки путевые заметки, относящиеся к его экспедициям по Средней Азии, потому что частично дедушкиными маршрутами прошли мой отец, и мама, и я, побывали в Самарканде и Пенджикенте. Мои родители-геологи бывали там и на студенческих практиках, и по работе. А я, будучи далека от науки, сопровождала геологические партии в качестве поварихи. Красота тех мест, на мой взгляд, не может сравниться ни с чем, и эти дедушкины заметки воскрешают и мои воспоминания.

В. А. Зильберминц, студент

Игра в четыре руки для В. И. Вернадского, Узкое, 1932

Одни из первых записей относятся к лету 1910 г., когда он был командирован Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей в Ферганскую область для сбора радиоактивных минералов:

23 мая мы выехали из Санкт-Петербурга, 24-го были в Москве, 25-го в Харькове, 26-го в Ростове и

27-го приехали во Владикавказ. Часов в шесть вечера мы тронулись в почтовом экипаже по Военно-Грузинской дороге. Версты через три начинаются зеленые горы, Терек течет слева. Мало-помалу горы нас окружают и становятся выше, у станции Балта (15 в.) они принимают совсем серьезные размеры. Вдруг, среди туч, впереди в ущелье заколыхалась громадная снеговая шапка. Для меня это было слишком ново, и я едва не закричал от удивления, за Балтой нас окружили «Пестрые Горы». Они напоминают крымские, только гораздо больше. По-моему, они красивее Дарьяла. Проехали узкое Джероховское ущелье и остановились для ночлега на станции «Ларс». Станция лежит у входа в Дарьял. На горах уже мелькают снеговые пятна. Темно кругом. Буфетная комната полна турьих рогов и горного хрусталя. Тут же висит заманчивая такса проводникам на Барт-Корт, Девдоракский ледник и Казбек. Мы ведь теперь от него так близко!

Утром мы въезжаем в мрачный Дарьял. У замка Тамары самое узкое место. Горы одеваются в белое. Вдруг справа открывается Девдоракское ущелье, и в нем ярко белый, недоступный, старый великан Казбек. Кивнув нам несколько раз, он исчезает, чтобы показаться в полном блеске снова, немного дальше у станции «Казбек». Еще несколько поворотов, и Дарьял оказывается со всех сторон окружен снеговыми горами. Они провожают нас, они встречают; стоят справа и слева, сзади и впереди. Их много, много!

Добровольцем на фронте. Помощник начальника санитарного отряда, 1915

Но вот Дарьял выходит на простор. Два-три поворота, и мы у станции, Дарьял за нами, и Казбек, нет, весь Кавказ перед нами. Казбек кутается в тучи, а там еще мелькает старый монастырь Стефан-Цминда-Самеба. А впереди седой Сион и аулы, аулы кругом, движутся и грозят старыми башнями.

– Барын, пойдем посмотреть источник, нарзан – кислый вода!

– Некогда, – следует ответ,

– Ах, барын, нэхорош ты чэловэк! Перепряжка, и дальше. Казбек, прощай! Новое впереди нас. Первая гряда великого Кавказа пройдена. Она протянулась исполинской цепью за нами и уходит вдаль, блистая вершушками. Становится холодно. Мы идем среди снегов. Кругом мелькают старые аулы с развалинами крепостей, когда-то здесь боролись за свою свободу дикие, независимые племена. Дорогой ценой доставалась каждая крепость. Все миновалось... Аулы стоят пустые, башни разбиты, народ разорен. И что же им дала русская «культура»? Эх, да что говорить! «Унутреннего» врага пугать мы еще умеем: по дороге нам то и дело встречаются батареи конной артиллерии. Они «демонстрируют», на что еще русские войска способны. И кого пугают? Ведь старый Кавказ надолго заснул и еще не скоро проснется.

Привал, 1910-е годы

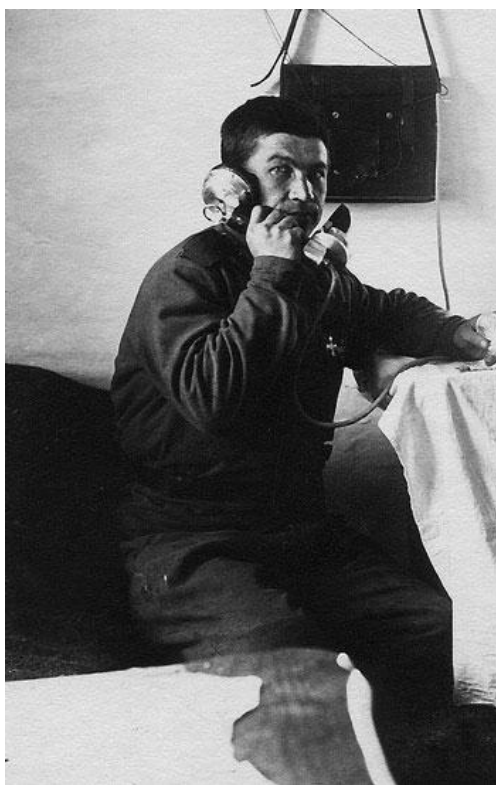
За «Коби» мы покидаем долину Терека и вступаем в долину Байдары. Миновав источник с вкусной углекислой водой (содержащей, однако, немного серы), мы пробираемся между снежными великанами все вверх и вверх. Нужно теперь перевалить через вторую гряду, кругом остатки снежных обвалов и крытые галереи. зеленые лужайки так хорошо гармонируют со снегами гор. Наконец, перевал, и мы покатили быстрее к Гудауру. Вид необыкновенный. Снежная цепь: Семь братьев, Крестовая, Красная и т. д. поднимаются высоко к небу. А внизу, где-то под нами, зеленеет Коймаурская долина с серебристой лентой Арагвы. В другую сторону – бесконечные зеленые холмы Грузии. Таков вид с Гудаура. Это – кульминационный пункт, дальше дорога уж не так интересна. Бесконечно запутанный Мистский спуск уводит нас из горной страны, и дальше мы едем среди мирного пейзажа цветущей Грузии. За Пассанауром разразилась гроза, и мы заночевали, еле добравшись, на станции Ананур.

На другой день – довольно скучные Душетские горы и Мцхет, наводненный разными старыми остроконечными соборами. Дальше мы поездом въезжаем в столицу Грузии.

29 мая . Город Тифлис произвел на меня приятное впечатление. Европейская часть весьма похожа на европейскую, а азиатская вполне отдает Азией. Интересны в последней Армянский базар и старые бани. Трамвай всюду, имеется даже фуникулер, на гору Св. Давида – оттуда весь город виден с птичьего полета. Вечером – ливень размывает дорогу, и мы откладываем отъезд до другого дня. До Баку дорога (30 мая) скучнейшая, а сам Баку город весьма неважный. Мы бегло осматриваем «Черные Ряды», нечто равносильное тифлисскому Армянскому базару.

31 мая . Старый «Константин» увозит нас в зеленое Каспийское море, ночью здорово треплет, а к утру показывается берег Азии. Мы в Красноводске, жара нестерпимая. Местность дикая, голая и не особенно красивая после Кавказа. Перед нами вытягивается поезд цвета «крем», а мы к вечеру уже среди песков, справа открылись унылые горы, утром они становятся больше и превращаются (1 июня) в дикий скалистый Копет Даг. Это персидская граница. Верблюды убегают от нас по степи, дорога очень однообразна. Вечером мы в Мерве, здесь течет Мургаб, и поэтому кругом растительность. Рано утром переезжаем по длинному мосту через шоколадную Аму-Дарью. Мы – в Бухаре.

2 июня . Стройные красивые туркмены исчезают, и появляются неприятного вида сарты и бухарские евреи. Воды в Бухаре много, и мы ходим среди зелени. Если бы не особого вида лессовые ограды кишлаков, то можно было бы принять пейзаж за малороссийский. Перед Самаркандом начинают вырастать на горизонте снеговые вершины, это уж не кавказский масштаб. Здесь начинаются эти горы, а конец их далеко в глубине Китая и Индии. Отсюда начало Тянь-Шаня, Памира, Каракорума.

В. А. Зильберминц, 1915/1916 год

3 июня . В Самарканде мы останавливаемся на сутки. Осматриваем базар и мечети. Жара отравляет все удовольствие, но, в общем, все эти многочисленные мечети и медресе при всем своем разнообразии весьма однообразны. Горы по-прежнему стоят кругом по горизонту. И так теперь до самого Андижана. Зеленая Фергана окружает путь, фон – ее снеговые макушки.

5 июня . Мы в Андижане. Рельсовый путь пройден. Город, как и Самарканд, утопает в зелени. Постройками он не блещет; здесь часты сильные землетрясения. По разным обстоятельствам отсюда выезжаем ночью.

7 июня . На арбе с вещами. Путешествие неприятное, надо признаться. Ночуем в селе Кюля; просыпаемся под звуки дикого немножко сартовского оркестра, состоящего из двух длинных труб, барабана и флейты. Здесь «тамоша» по случаю какого-то праздника.

Приехав в «русское село», мы оккупируем весь дом местного пристава. В первый раз скажу: «хорошая вещь полиция», особенно когда сего пристава переводят в Ташкент, а дом оставляют для нас. Дело доброе! 8-е, 9-е проводили без смысла, а 10-го совершили экскурсию в Араванскую пещеру. <...>

15 июня . Поехали через дикое ужасное ущелье, в котором извивается на дне Араван. Тропка такая головокружительно узкая, что иной человек и пешком побоялся бы пройти. Мостики, переброшенные через пропасти, могут просто запугать непривычного человека. Две стены уходят в небо, на дне бурлит река, а мы ползем, как мухи, по каким-то ничтожным карнизам. И так целую версту! Да, вот это настоящие горы! Сделай лошадь один неверный шаг – и прощайся с жизнью. Но она этого-то и не сделает. Горная лошадь лучше пройдет, чем пеший. Выехав из ущелья, движемся свободнее. Мы сворачиваем влево и после 1,5 часа пути по скучнейшим адырам подъезжаем к разработкам Антуновича. Две-три деревянные постройки барачного типа, несколько темных дыр разбросаны на фоне горы. Нас встречают замечательно радушно сам инженер Антунович, его помощник Тимофеев и студент-горняк. Люди живут просто, но уютно. Мы пьем с ними чай и получаем любезное разрешение осмотреть рудники и собрать коллекции – а это наша главная задача, возложенная на нас Обществом естествоиспытателей. <...>

В Бель-Урюке мы въезжаем во двор знакомого киргиза, он встречает нас с восторгом, хватая двумя своими лапами наши правые лапы. Затем нас приглашают в юрту, здесь же, в саду. Там нас усаживают на ковры, и начинается угощение, которое тянется по киргизскому обычаю до 12 ч. ночи. Первым делом –

плов; то есть рисовая каша с изюмом, перцем и кусочками баранины. Пока мы ее уплетаем, запивая кумысом, готовится второе блюдо – «шурпа» – крепчайший суп из мяса, простодушно принятого нами за баранину, но оказавшегося лошадиным. Впрочем, оно превкусное. Сама же шурпа – чистый мясной сок: они мяса не жалеют. После «шурпы» еще каша из пшена с кумысом, и, наконец, нам представляется заснуть тут же под шкурами и тулупами. Утром еще каша состава: рис, молоко и курдючное сало, высокая вещь, по-моему!

16 июня. Дорога до Янги-Науката малоинтересна. Весь день стоял туман, и Малый Алай отсутствует. За Наукатом через две версты начинается такое же великолепное, как и Араванское, ущелье реки Чили. Только тянется оно верст восемь. Река голубая, шумит как Иматра. Стены бесконечно высоки, дорожка лучше Араванской, но также весьма тяжеловатая. В отличие от Араванской, дорожка идет на меньшей высоте над уровнем реки. Частые мостики переводят нас с берега на берег. Река ревет и все покрывает своим ревом. С каждым поворотом открываются места, одно лучше другого. Я думаю, в Западной Европе немного найдется таких мест. Потом ущелье шире; горы грозные, и впереди мелькают уже дальние вершины М. Алая. Начинается лесная и луговая растительность. Перевалив через несколько крутых дефиле, мы покидаем Чили и сворачиваем по долине ее притока. Начинаем бешено крутой подъем, но лошади берут его, нисколько не смущаясь. Мы высоко на горах! Кругом альпийские луга, впереди лес и исполинские склоны гор, кругом в горах видны юрты киргизских летовок. Еще выше мы взбираемся по новому притоку притока Чили и, наконец, – у цели, недалеко и Джейран-Бель. Палатка разбита вовремя: начинается мелкий дождь. В юрте нас опять убаживают всякими киргизскими блюдами. На этот раз – увы! – конина двухсотлетняя, если не больше.

17 июня. Прошелкав зубами всю ночь в палатке, утром поднимаемся на Джейран-Бель к заявке медной руды. Она оказывается негодной, но вид с перевала вознаграждает нас: мы видим весь Малый Алай, купающийся в море облаков. У ног его леса и серебристые речки. А по лугам всюду мелькают юрты летовок, зеленые горы под ними довершают всю картину. Наша стоянка видится далеко внизу. Но и холодно же здесь! После жары в долине здешние +5 чувствительнее петербургского 20-градусного мороза. Наши проводники, пользуясь незнанием русского языка, ведут нас, вопреки условию, опять по той же дороге, мы снова любуемся дикой красотой Чилийского ущелья; в 4 ч. подъезжаем к домику лесного объездчика и, пользуясь его гостеприимством, останавливаемся на ночлег – приблизительно посередине ущелья. Довольно приятно было попасть опять в уголок Европы, почитать русских писателей и классическую обывательскую «Ниву». Все это вместе с русским чаем и котлетами представляло превосходную картину. А когда нас уложили еще спать культурным способом, то большего нечего было желать. Так что мы с большой неохотой на другой день расстались с нашими хозяевами.

18 июня. Проехали опять лучшую часть ущелья, попили чаю в Наукатской чайхане и поехали через скучнейшие адыры к Русскому Селу. Зато с перевала увидели горы за триста верст: Тянь-Шань, Александровский и многие другие хребты, уходящие в глубину Китая и Индии. Всего за эту поездку сделали около ста пятидесяти верст.

24 июня. Часа в 4 дня мы выехали из Русского Села со старым мирабом – проводником. Ехать жарко и утомительно: все время крутые подъемы и спуски. Воды в адырах обыкновенно не бывает, но на этот раз наткнулись на какой-то ключик. У перевала – высокая гора Улох-Тах и цепь М. Алая. В это время на горах разразилась гроза, и затем мы увидели редкой красоты картину: легкие прозрачные синие тучи стали перед скалами и сообщили удивительный синий цвет всей скальной цепи. Точно в лунную ночь! А было только 6 часов вечера. Недолго длилось это: как только мы немного спустились – горы побелели снова. Пошли зеленые кишлаки, стемнело, горы исчезли.

К 9 ч. мы прибыли на место и торжественно въехали в заезжий дом местного бимбаши. Расседлали коней, сели пить чай и послали за пловом. Тут же ночевал с большой свитой военный топограф, производивший триангуляцию. Он, как оказалось потом, еще лучший «дантист», чем топограф, завалились спать на коврах вшестером; утром 25-го закупили кое-что и выехали в ущелье р. Аушир за восемь верст к

стоянке начальника всей многочисленной банды ферганских арык-аксакалов – инженера гидролога Синявского. От него зависело – отпустить ли арык-аксакала А. В. Антипина нашим проводником и переводчиком или нет. <...>

26 июня . Пройдя пять верст вдоль р. Аушир вверх по течению, мы подошли к ущелью, в самом начале которого среди довольно богатой зеленой окрестности находятся водопады, широкой струей они вылетают из отверстия отвесной скалы; тут же мазар, ущелье не шире Чили, это бойкая дорога в Алай; часто проезжают киргизы. Уголок, в общем, очень живописный, к сожалению, мы были стеснены во времени и спешили вернуться на стоянку. Синявский подъехал с большой помпой; мы стояли в стороне. Через минуту он сам быстро направился к нам на встречу и очень приветливо пригласил за стол. Он – огромный инженер вида очень симпатичного – познакомил нас со своей многочисленной семьей, стали пить чай и понемногу выхлопотали-таки Антипина; затем проболтали с его женой и детьми о всяких пустяках. После этого оседлали коней и с Антипиным и целой свитой киргизов торжественно выехали опять вниз по течению Аушир. Направились на запад, перевалили небольшое дефиле и скоро прибыли на ночлег в Ходжа-Арык, где и заночевали у проводника нашего султана Мурада, тоже Мираба. Старика отпустили, при этом он стащил пуд муки, что, к сожалению, открылось слишком поздно (Ходжа-Арык пять верст от стоянки). <...>

30 июня . Двинулись по правому берегу Кизил-Су немного к западу, где имеется через нее что-то вроде моста. Могучий приток Аму-Дарьи, которая обязана ему своим цветом, имеет еще другое название – Сурхоб, т. е. «собирающая», и действительно масса рек, сбегаящих с Алайского, Гиссарского и Заалайского хребтов, попадают в эту реку. Мы стали приближаться к ледяной стене Заалайского хребта. Кругом степь Алая; здесь только теперь весна, и все покрыто неизвестными у нас цветами. Небольшие речонки, стекающие с Заалайского хребта, мутны донельзя в противоположность речкам с Большого Алая, вода которых идеально чиста. Может быть, это потому, что речки Заалая стекают с северного склона, богатого осыпями, надвигами из глины. Восток и запад долины по-прежнему пропадали в тумане. Подъехав к отрогам хребта, мы стали подвигаться вдоль речки Тузлу-Су (соленая вода). Здесь – хищнические разработки довольно плохой каменной соли, имеющей местный сбыт, добыча ведется шайкой киргизов, глава которой напоминает какого-то евнуха семидесяти лет. Соль залегают в гипсоносных глинах красного и зеленого цветов, сильно загрязнена глиной и камушками. Отсюда мы, перевалив немного, стали ехать по речке Араш-Кунгей, сбегаящей с Заалая. Дорога очень хорошая, речка течет относительно очень и очень спокойно. Ее пришлось перейти вброд и изрядно вымокнуть при этом, затем мы продолжаем путь ее правым берегом. Со всех сторон могучие великаны, закованные в лед. Но впереди лучше всего: там вырастают, упиравшись прямо в синее небо, неизмеримо высокие, ослепительные горы Карате гина. Это начало хребта Петра Великого. Незаметно, по пологой тропе мы взбираемся на водораздельную точку перевала Терс-Агар; бесконечное множество ручьев сбегает со снегов; и долго нельзя даже заметить, в каком месте разделяются их падения. А гора Сондал все больше и больше закрывает небо впереди, вот Терс-Агар... Внезапно конец равнины, крутой обрыв вниз, и дикая картина вырастает перед нами. Где-то далеко внизу течет река, теряется все в мгле вечера, лес покрывает узкую долину, точно куча муравейников; за речкой стена Сондала, закрытого льдом почти с подошвы; несколько громадных ледников сползают с разных сторон. На востоке в тумане – горы Бухары и Афганистана, на западе – исполинский ледник Федченко. Лучшего вида я не знаю в Фергане, в темноте мы быстро спустились вниз по громадному спуску, в местность Алтын-мазар на слиянии Муксу и Саук-Сай (или Саук-Дара). Здесь находятся хищнические золотые промыслы. Внизу тоже удивительно хорошо, взошла луна, и горы стали мне казаться похожими на крымские крутые берега близ мыса Айя-Куруп – долина входила в море, а снега стали темно-синими от лунного света (пятьдесят пять верст от Дараута).

1 июля . Весь день мы провели в долине Муксу, не отрывая глаз от стены Сондал. Но занялись и делом: во-первых, отправились мыть золотой песок и намыли немного золота; затем я с М. П. отправились на место впадения Саук-Сая и там немного намыли. Там же мне попался зеленый минерал в валуне, при переходе Саук-Сая я едва не утонул; лошадь спасла. Дело было при въезде на крутой берег. Подробности опускаю. Затем я с В. А. нашли жилу кварца и роговых обманок, идущую вертикально среди каких-то

зеленых сланцев, день был закончен хорошей дикой козой.

2 июля . Опять пришлось подняться на Терс-Агар (12 160 футов) и пуститься в обратный путь, попрощавшись с удивительными предгорьями Памира.

Несмотря на сильную усталость лошадей, мы проехали шестьдесят верст до Алайской долины, по которой затем поехали на восток вдоль Заалайского хребта до Ачик-Су – киргизской зимовки, где и переночевали. Удивительны желтые гвоздики с запахом настоящей ванили. Близ Терс-Агара я взял какой-то зеленый минерал. По дороге угощали котлетой и молочными продуктами яка. Все киргизы теперь на горах, а в Алае – «адам йок», что весьма печально.

3 июля . Лошади отказались служить нам: в этот день мы проехали только шесть верст вдоль предгорий Заалайского хребта все на восток, долина – море зелени, а Алайский хребет курится туманом. Переехали несколько шоколадных речек и решили отдохнуть один день в опустевшей зимовке. Вскоре, однако, из гор стал собираться народ, и для обеда расставили юрту и зарезали барана. В этом месте нас почему-то приняли за англичан, делающих секретную съемку. Уж не бывают ли действительно там англичане? При наших порядках все возможно.

4 июля . Бесконечная зеленая степь кругом, серая дымка скрывает горизонт востока. Мы мало-помалу удаляемся от Заалайского хребта, и он все лучше и лучше: пик Кауфмана громоздится теперь во всем страшном величии. Алайский хребет курится и синеет, ни души кругом – все тихо стоит веками.

А нам сегодня очень и очень нужны «адамы», ибо кто же нас переведет через свирепую Кизил-Су? Утонуть да еще в таком шоколаде – удовольствие небольшое. И мы во все глаза обыскиваем горизонты, в Алае просто: первых встречных киргизов мы поведем за собой, если только им не удастся удрать, что бывало неоднократно.

Но возвращаясь к дороге, до переправы через Кизил-Су мы пересекаем три речки обычного заалайского колера. Их долины вырыты в собственном наносе и довольно глубоки; они часто вымывают громадные лессовые башни и столбы, средняя часть долины – холмиста и напоминает маленькие адыры Ферганы, у самой речки мы встретили желанных киргизов; они освободили нас от хурджумов и повели. Хотя вода лошадям (во всех четырех рукавах) была немного выше брюха, но ширина этой ревущей массы действовала неприятно. А все же это препятствие преодолели, с трудом, но без приключений.

Мы оказались у самого места впадения реки Кашка-Су. Она прозрачная, голубая, ее воды долго не хотят смешиваться с водами Кизил-Су. Картина весьма похожая на слияние Белой и Черной Арагвы, но разница в цветах воды – более резкая. Так как мы проехали верст тридцать, то остановились кормить. По словам киргиза, здесь вблизи находится пещера. Ее немедленно посетили. Пещера эта, я думаю, в научном мире еще совершенно неизвестна. По рассказам того же киргиза, она в ханские времена служила тюрьмой (мершаб) и будто бы имеет бесконечные размеры. Привыкнув к болтовне крымских татар, я всему этому не поверил. Так и следовало. <...>

5 июля . Переход через Б. Алайский хребет, высота перевала Килдык – 14 500 футов.

После неприятной ночевки под арчей и дождем сделали три поворота по Кашка-Су и, отъехав от нее в сторону, стали лезть на крутую глинисто-сланцевую осыпь хребта. Лошади в поводу не пошли, их пришлось гнать как баранов, встречные киргизы взяли на своих кутазов наш тяжелый груз и перевезли его до перевала. Подъем здесь ужасный, при невероятной крутизне он еще длинен невероятно. Кругом вырастают совсем близко величественные пики хребтов, загораживавшие даже хребет Заалайский. Но всему бывает конец. Мы – на Килдыке и щелкаем зубами. Арык-аксакал и В. А. объявили, что на предполагаемый перевал Кум-Бель ни за что не полезут. Тем более что дальше предстояло еще более неприятное – спуск по огромному леднику, крутизна Килдыка в обе стороны – в верхней его части – одинаковая, как острое ножа. С первых же шагов лошади сели «на задние лапы», как хорошие мопсы, да так и покатили вниз; пришлось рубить ступеньки. Вообще, оказалось, что в этом году до нас только один раз прогнали баранов – вот и все. Таким образом, мы «открыли перевал», как здесь говорится. Кое-как, однако, свели лошадей с кручи и пошли по снежному полю, стараясь не думать о трещинах. Лошади

проваливались по брюхо и едва не искалечились. Миновав первое снеговое поле, очень длинное, попали затем на второе – поменьше, оканчивающееся прелестным голубым озером, из которого с грохотом вытекает река Килдык. Кругом, со всех сторон, ползут ледники. Итак, хребет перейден. <...>

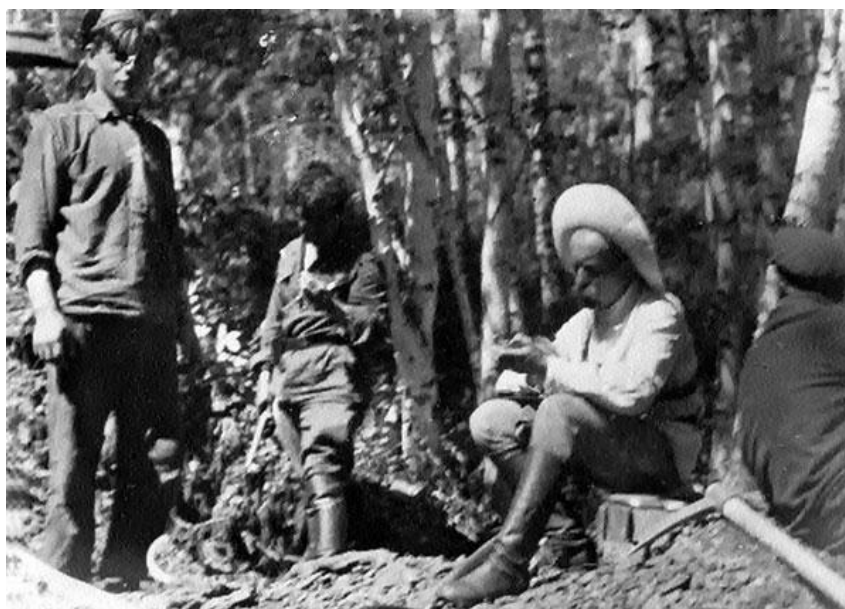
В. А. Зильберминц, студент

7 июля . Проехали в этот день по Кичик-Алаю и Туруку до Ферганской долины (сорок верст). Ряд прекрасных долин и грозных ущелий, вроде Араванского и Чилийского, дорога очень опасная – отчаянные пропасти. Ночевали в Кок-Беле.

По окончании курса Санкт-Петербургского университета в 1912 году В. А. Зильберминц был оставлен для приготовления к профессорскому званию и исполнял обязанности хранителя Минералогического кабинета, а с марта 1913 года был назначен хранителем Почвенного музея. В 1914–1915 годах работал по исследованию редких элементов под руководством В. И. Вернадского и был командирован в Прибайкальскую партию радиевой экспедиции в окрестности реки Слюдянки, где открыл новое месторождение уранового минерала, впоследствии описанного В. И. Вернадским под названием менделеевита.

В. А. Зильберминц, молодой ученый

Урал, Мочалин Лог, 1929

В 1918 году был командирован в Рязанскую губернию, где открыл новое месторождение бокситов. Осенью 1919 года приглашен на строительство гидроэлектростанции на реке Свири в качестве производителя геологических работ. Летом 1921-го производил исследования окрестностей Нижнего Тагила.

Осенью 1922 года подготовил к печати «Руководство и таблицы для определения минералов», выдержавшее три издания и высоко оцененное специалистами. Переезжает в Москву.

Летом 1923 года исследовал известняки Донбасса. С ноября 1923-го зачислен штатным сотрудником Института прикладной минералогии и петрографии. Ведет педагогическую работу в качестве доцента кафедры минералогии в Высшем техническом училище. В 1925-м назначен начальником геофизической лаборатории I-го МГУ, которая в 1927 году в полном составе вошла во вновь организованный Научно-исследовательский институт минерального сырья (ВИМС). В 1930 году В. А. Зильберминц приглашен в Московский нефтяной институт им. Губкина в качестве профессора, заведующего кафедрой минералогии и петрографии, где организовал лабораторию исследования осадочных пород и распространения в них редких элементов и начинает изучение редких элементов, содержащихся в золе труб заводских печей, шлаках металлургических заводов, шахтных отвалах и т. д. В докладной записке, адресованной в Народный комиссариат тяжелой промышленности, он указывает на выдающееся значение в сталелитейной промышленности ванадия, на ввоз которого из-за границы в 1929–1930 годах было истрачено 8811 тысяч золотых рублей, в то время как «угли ряда месторождений Урала нередко являются не столько горючим ископаемым, сколько ванадиевой рудой, весьма концентрированной, удобной для переработки и содержащей еще ряд ценных примесей (никель, кобальт, германий)».

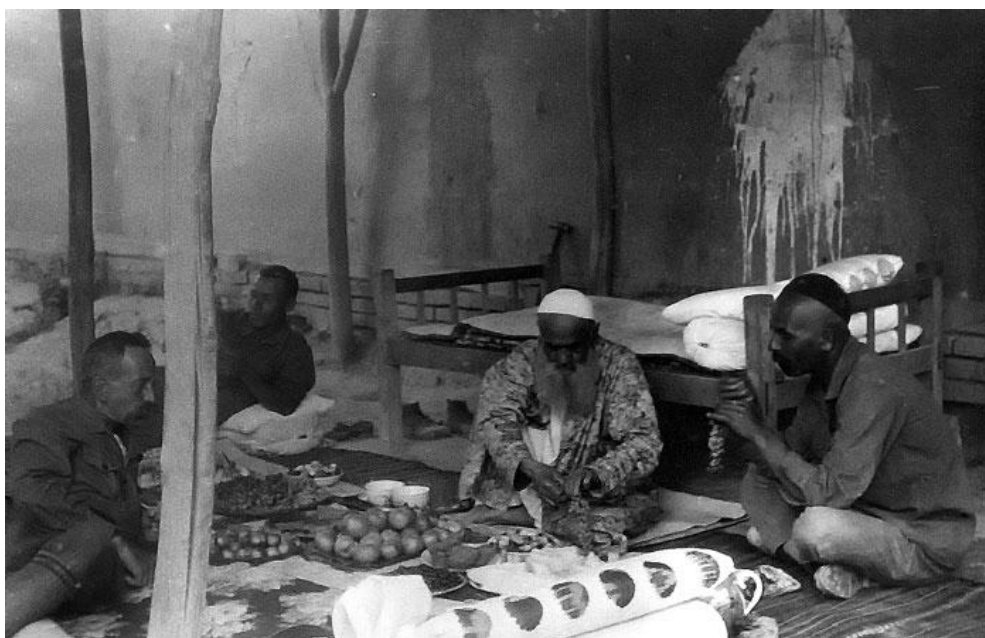

Урал, 1929

Узкое, 1929

В январе 1933 года В. А. Зильберминц вошел в состав Института геологии и минералогии (ГЕОМИН), где организовал работу по изучению распространения ванадия и других редких элементов в ископаемых углях. Летом 1933 и 1934 года участвовал в работах Таджикско-Памирской экспедиции (в Зеравшанском хребте). В районе Самарканда открыл новое месторождение уранванадиевых минералов. Все это время он аккуратно записывает свои наблюдения и шлет жене подробные письма.

В чайхане, 1933

Июнь 1933 г., Самарканд

<...> Через полтора часа добрались до стоянки – в высшей степени оригинальной – в мусульманском медресе, в Регистане. Внутренний двор состоит из ряда отдельных келий, в которых раньше жили обучавшиеся софты (будущие муллы). Сейчас здесь выбеленные, сравнительно чистые комнаты. Каждый сводик – ниша в стене и ход в отдельную келью. Мы с Самойло <Самойло Михаил Владимирович – геолог, минералог, петрограф, арестован в 1935 г., отбывал заключение в Норильлаге, где работал по специальности, вторично арестован в 1937 г. и расстрелян. – А. Х. > в одной из них, в другой – остальные, в третьей – наш склад. Ночью все это имело очень мрачный вид, днем же очень своеобразно. Надеюсь все это тебе показать в виде снимков (пластинок здесь оказалось сколько угодно). Кельи все в распоряжении базы ОПТЭ. Через две-три минуты по выходе из комнаты можно очутиться на базаре, где, как двадцать три года назад, мало что изменилось, та же азиатская сутолока, как и во времена Тимура. Медресе и мечеть сильно разрушены, кое-где реставрируются, но очень слабо. Голод здесь сильный, и цены на все невероятные. Питаемся пока довольно приблизительно. Когда получим наряды, уедем в район Кара-Тюбе. Осмотрели конский базар – мало лошадей, все почти старые и дорогие, очевидно, придется их искать в других местах.

Спал две ночи в комнате, сегодня, думаю, во дворе – все равно и в комнате и во дворе одинаково кусают москиты, других насекомых нет. Двор охраняется очень хорошо, вообще все спокойно и тихо. По вечерам рядом с Регистаном – масса туземных оркестров, вот бы послушать В. А. и Фере! <В. А. – бабушкин брат, композитор Владимир Александрович Власов, был в то время председателем Комиссии национальной музыки в Союзе композиторов, вместе с композитором В. Фере в 1930-е годы поднимал музыкальную культуру Киргизии. – А. Х. >.

Несмотря на голод, в чайханах полно народу. <...> Цены на все такие, что никакое воображение не могло себе представить. И так как у нас нет основной вещи – хлеба, – то дело складывается очень плохо. Я увеличил всем суточные до 20 р., но и это недостаточно. Одних телеграмм разослал во все концы рублей на 150, но толку мало. Головоотяпство здесь на каждом шагу потрясающее. Утром мы покупаем на базаре хлеб, фрукты (жиров у нас никаких), огурцы и редко-редко мясо (возможно, ишачье или лошаковое). Поэтому приходится тратить и консервы из нашего запаса, который конечно же нужно было бы оставить для работы в горах.

<...> Жизнь удобнее всего наблюдать вечером, когда все чайханы полны народом, играют дутары и другие инструменты. Народ, и так по природе тощий, сейчас еще более, чем прежде, производит впечатление полного истощения. Нищих на каждом шагу очень много, валяются в пыли и воют с утра до вечера не умолкая. Однако общее настроение очень оживленное.

Вчера был в местной библиотеке и кое-что нашел из того, что не успел сделать в Москве. Между прочим, случайно обнаружил книгу, из которой Мстиславский <Масловский-Мстиславский Сергей Дмитриевич (1876–1943) – революционер, советский писатель. – А. Х. > украл целые страницы для своей

«Крыши мира».

В среднеазиатском кишлаке, 1933

3 июля 1933 г.

<...> Завтра едем в кишлак Аман-Кутан (на юг от Самарканда, по дороге на Шахрияб, немного не доезжая перевала Тахта-Карачи), где и устроим базу. Место, говорят, хорошее – там находится та военно-санитарная станция, о которой упоминал Масальский <?>. Мы пополнили наш хозяйственный инвентарь – чайники, кастрюли, здесь их немало на рынке – все из-за голода тащат, что придется, на барахолку. На днях было у нас неприятное происшествие: днем забрались в наш склад и стащили целый мешок мануфактуры, к счастью, удалось вора остановить и отнять мешок обратно. Главную массу вещей мы берем завтра с собой. После получения муки предстоит еще закупка лошадей – это тоже дело невеселое – цены поднялись еще больше, а качество лошадей весьма невысокое, может быть, придется купить больше ишаков и одну арбу.

4 июля 1933 г.

<...> Сидим на чемоданах и ждем автомобиля. Предстоит путешествие сквозь лессовую пыль часа на три, одеваю очки!

Близ кишлака Аман-Кутан.

<...> Место здесь превосходное и очень здоровое, но добраться сюда могут только вполне выносливые путешественники: большая часть пути идет проселком, грузовой двухтонный автомобиль переполнен вещами – мы сидим наверху и иногда не видим соседей из-за клубов мелкой лессовой пыли. Один раз встретили еще песчаный смерч, высотой в шести, семиэтажный дом, он пересек нам дорогу совсем близко. Дорога, правда, ровная, без тряски. Миновали полосу садов – они издали имеют вид моря или, вернее, большого морского залива. Затем въехали в Кара-Тюбинские горы, абсолютно голые. По долинам много садов и виноградников, по склонам гор в более высокой области есть лес, преимущественно ореховый. Предварительно нам совершенно не удалось осмотреть местность и выбрать квартиру, так что ехали на авось. Однако я не ожидал, еще в Москве наметив этот район, что мы здесь, в тот же вечер, превосходно устроимся. Сначала мы заехали в местное лесничество и там узнали, что через три-четыре километра ближе к перевалу Тахта-Карача есть пчельник, при котором есть пустующие постройки какой-то лаборатории, изучавшей эфирноносные растения. Отправились туда и обнаружили превосходный уголок для базы: долина полна растительности, отличные родники, речка, в которой есть места, подходящие для купания, и т. д. Невольно я вспомнил Вишневые горы и Сунгуль, вспоминал, сколько у нас с тобой уже прожито и пережито, почувствовал тебя близко-близко. Было уже поздно, и потому пришлось поставить койки прямо в саду около ульев. Ночью пчелы ведут себя тихо, но днем гуденье страшное, ульев больше ста, новейшей системы – большие. Мед здесь удастся достать, сахар побережем для выездов на работу. Следующий день потратили на расстановку палаток на площадке на десять – пятнадцать метров выше пчельника. Палатки

такие маленькие, что каждому пришлось занять отдельную (вообще многое в нашем снаряжении имеет бутафорский характер). Лабораторию и столовую устроили внизу, мимо пчел ходим редко – есть обходные пути. Но меня уже раз укусила пчела в подбородок, я сейчас же вытащил жало и через десять – пятнадцать минут забыл об укусе. Одного же из наших сотрудников укусили в нос, и он распух ужасно. Климат здесь для Туркестана просто исключительный: днем, правда, жарко, но часов с пяти с хребта тянет совсем прохладный ветер, а под утро в палатке делается иногда даже холодно, и я тогда закутываюсь в бурку – спальный мешок служит у меня вместо тюфяка.

С приготовлением еды мы устроились совершенно исключительно: пчельником заведует переселенец из Курской губернии, и его жена варит на всех нас, стирает и печет хлеб. Так что мы можем обойтись без сомнительной азиатской кухни. Но со снабжением здесь туговато пока – зелень, мясо и другое приходится доставать не без труда, базар в Кара-Тюбе, т. е. за семнадцать км отсюда. Конечно, за три дня нельзя все как следует наладить, дальше будет лучше, т. к. мы имеем право менять, и это нам поможет доставать все, что понадобится. Уже два дня мы работаем, и есть уже кое-какие успехи, но общая перспектива неясна. Встаем в 6 ч., завтракаем в 7, выходим в 8, возвращаемся в 4 ч., купаемся в речке, вернее, моемся с помощью ковша и губки – t° около 16, затем обедаем, приводим все в порядок, в 9 ч. ужинаем и в 10 ч. ложимся спать. Я ввел это расписание, и все исполняют его очень легко. Из Самарканда взяли трех узбеков, но одного уже ликвидировали за полной негодностью, здесь удастся взять русских рабочих. Район совершенно тихий и спокойный.

Я сейчас один в лагере, Самойло и Флоренский <Кирилл Павлович Флоренский (1915–1982), сын философа П. А. Флоренского, основатель сравнительной планетологии, исследователь Тунгусского метеорита, возглавлял лабораторию Сравнительной планетологии в Институте космических исследований и в ГЕОХИ с 1967 по 1982 год. – А. Х. > ушли на дикобраза, ушли давно, но выстрелов не слышно, другие ушли за хлебом, начинает уже темнеть. <...>

8 июля 1933 г.

...Был очень утомительный день, пришлось идти по большой жаре и на очень высокую, крутую гору, нашли сегодня очень мощную кварцевую жилу с какими-то минералами, сегодня их будет определять А. Н.<?>

10 июля 1933 г.

<...> Последние годы я как-то живу точно во сне: все то прекрасное, что ко мне пришло вместе с тобой, все время омрачается тяжелыми мыслями, а между тем годы идут – вот мне уже сорок седьмой год пошел – как много! А я все еще этого своего возраста как-то реально не ощущаю, все еще хочется учиться, кажется, будь иная обстановка, готов был бы опять начать сначала какую-нибудь совершенно новую работу.

Туркестан, 1933

<...> Все же экспедиция по сравнению с прежними годами организована очень хорошо. Пока работаем пешком в ближайшем районе и каждый раз что-нибудь находим, признаки благоприятные уже имеются, но самого главного еще не нашли – впрочем, осмотрели только как будто одну десятую района, не больше. Ходьба здесь по долинам легкая, все время в тени и около воды, но хребты голые и скалистые, должен тебя раз и навсегда успокоить – опасных мест здесь нет совершенно, склоны большей частью пологие, всюду обломки пород, так что идешь как по хорошей лестнице, лазать совершенно не приходится. О дальнейшем сейчас трудно сказать, но, может быть, если найдем что-нибудь интересное, то вверх по Зеравшану совсем не поедем... Через неделю большую часть ульев отсюда увезут, и тогда мы перенесем палатки в более тенистое место. Каждый день я купаюсь в реке, вернее обливаюсь, со стиркой здесь все обстоит хорошо. Воды я не пью, только чай, остальные пока пьют, вода здесь хорошая – выше по долине населения никакого нет, и много родников. Зима была снежная, и воды много, но август, видимо, будет другой – на дожди надеяться не приходится. С фруктами здесь плохо, будем пытаться доставать их в Самарканде, куда будем посылать арбу (которую еще не купили). Пролетом был Горбунов <Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – большевик, ближайший сотрудник Ленина, Управ – ляющий делами Совнаркома РСФСР и СССР, с 1928 года возглавлял комплексную Таджико-Памирскую экспедицию, был ректором МВТУ, в 1938-м арестован и расстрелян. – А. Х. > и оставил мне записку, по которой всюду оказывают содействие – надеемся использовать здешние плодоовощные совхозы.

Над нами каждое утро пролетает аэроплан из Сталинабада в Самарканд. Летит высоко-высоко, так как ему приходится пролетать над Гиссарским хребтом. Последний виден, если подняться хоть немного на горы над нашей долиной. Странное дело – несмотря на громадную длину и массу снега, вид Кавказского хребта мне кажется гораздо интереснее. Вспоминаю я всякий раз, как мы с тобой ходили в Боржоме смотреть снеговые горы.

Под солнцем, Туркестан, 1933

<...> Весь вчерашний вечер у меня оторвали – привели продавать лошадей и спросили по 8000 за лошадь, ну что тут можно сделать? Сегодня отправились за двадцать пять км искать, но без особой надежды. Между тем сейчас уже лошади становятся безусловно нужны, так как ближайший район мы уже осмотрели, дальше же ходить пешком слишком трудно становится. Наши вернулись и все-таки купили лошадей, двух за 3650 рублей – только за деньги, мануфактура здесь в небольшой цене, и ее просто придется продавать за деньги, рисунки взяты все азиатские, и охотники найдутся. Теперь нужно еще три лошади и четыре ишака, одну арбу – тогда все будет в порядке. По первым дням работы я доволен районом, многое видно без всяких расчисток, и я склоняюсь к тому, чтобы на восток почти не ездить, во всяком случае, ездить не далеко, не дальше Фан-Дарьи. Тем более что в западной части Каратюбе (Джам) можно ждать еще более интересных пород.

Отряд в Туркестане, 1933

16 июля 1933 г.

<...> Мы и сейчас еще не имеем вполне оформленного снабжения: наряды нам дали на пункт,

настолько удаленный от места работы, что нам пришлось бы затратить огромные средства на доставку. Прикрепление же нарядов на Самарканд все задерживается, и мы получаем продукты больше из любезности и благодаря уже установившимся связям. Сейчас мы снабжены вполне удовлетворительно – получил муку, ячмень, растительное масло и солонину, зелень легко достаем (лук, огурцы, морковь), фруктов здесь в горах не видим совсем, кроме ежевики и дикой вишни. В общем, все понемногу налаживается, и мы уже работаем полностью, соседние же отряды отстали много больше нас. У нас уже куплено в Китабе четыре лошади, совсем недорого, благодаря частичной оплате рисом и мануфактурой. 22 июля купим еще три и арбу, ишаков не будем заводить совсем. Завтра я с Самойло едем дней на пять в первый наш объект и теперь будем часто ездить.

Нашу лагерную стоянку пришлось передвинуть вниз к пчельнику, так как два раза ветер срывал и ломал наши палатки. Сейчас третий день мы уже внизу, здесь палатки стоят прочно, пришлось сделать новые палатки взамен игрушечных, которые нам дали из Москвы. Койки тоже пришлось чинить, скоро, вероятно, того же потребуют столы и стулья. Ветры здесь ужасные, особенно на перевалах, они несут не только пыль, даже мелкий гравий, которого здесь очень много, благодаря разрушению гранитов. Здесь пешком все исходили, нашли немало интересного, но пока не на тему. В одной жиле есть продукты меди, можно ждать и золота. Вчера видел двадцать куропаток (кекликов), прямо из-под ног вылетели!

21 июля 1933 г.

Вернулся вчера поздно вечером после четырех дней езды. Объехали мы с Михаилом Владимировичем <Самойло. – А. Х. > довольно большой район. Общее впечатление осталось довольно грустное. Прежде всего, лошади наши оказались довольно плохи, скорость их самая ничтожная, почти как у пешехода, они сильно истощены, а между тем кормить их здесь трудно, в горах почти нигде нет травы. На стоянках трудно найти благоприятные условия, чтобы сразу было все, что нужно, – вода, дрова и трава. Далее, строение района оказалось не особенно разнообразно (правда, мы еще не видели и половины его). Кое-что минералогически интересное мы нашли все же. За время нашего отсутствия Флоренский и М...ий <Мамуровский Александр Антонович (1893–1961) – минералог, петрограф, был арестован в 1938 году, после освобождения работал в ВИМСе, в Академии архитектуры, член-корреспондент Академии архитектуры СССР. – А. Х. > намыли шлихи. Я устал от этой поездки не особенно, но все же решил устроить двухдневный отдых. Мы были на южном склоне, где гораздо жарче и очень мало воды (вообще, наша стоянка в Аман-Кутане совершенно исключительное место, остальная часть здешних гор – сплошной ад). Первый день было особенно тяжело, то же и в третий, ночевать старались вдали от кишлаков, но не всегда это удавалось: в одном месте, хотя стояли просто у дороги над ручьем, перебивало десять человек гостей, и всех пришлось кормить пловом и поить чаем. Почти всегда удавалось купаться, здесь нередко ручьи образуют среди гранитных глыб целые маленькие бассейны. Кое-где пробовали виноград, но он здесь пока довольно плохой. Питались в пути хорошо, хотя и нерегулярно, иногда приходилось делать большие переходы из-за отсутствия подходящего места для стоянки. Один раз двигались одиннадцать часов почти без передышки, по перевалам и гребню гор, и мы и лошади очень устали. С нами ездит рабочий Мурад из Самарканда, мы им пока очень довольны. После ночевки под открытым небом было очень приятно выспаться в палатке, где меня не развлекали звезды и луна. Меня особенно лишал сна Сатурн, который сейчас почти в том же созвездии, где я его наблюдал в 1906 г., и я стал вычислять, сколько раз обошел он вокруг Солнца – как будто идет с тех пор третий раз. Загорел я ужасно, сначала даже получил легкие ожоги, но потом они быстро прошли. Особенно сильно работает здесь солнце на вершине хребта, где почти всегда дует страшный ветер, как из печки, особенно же сильно он дует ночью.

28 июля 1933 г.

<...> Со всей юго-восточной и восточной частями нашего района покончено, и дня через два тронемся с базой в северную часть хребта, то есть много ближе к Самарканду. По-видимому, это будет либо Агалык, либо Минар-Куль. С травой и прочим наладилось, но при этом натолкнулись на ряд своеобразных местных условий, о которых когда-нибудь расскажу – описать это трудно. Два дня стояли на отличной речке, переполненной форелями, купались много, но рыбы достать не удалось – теперь думаем купить в Самарканде удочки. Затем видели много орлов, которые уселись шагах в пятидесяти на скалы и часами

осматривали нашу стоянку, может быть, рассчитывали кого-нибудь из нас съесть? Остановки мы обычно выбираем на краю кишлака и у берега речки, жители теперь большей частью высоко в горах, и остается один-два человека на весь кишлак – от них мы получаем траву и дрова – достать почти ничего нельзя. Понемногу появляются яблоки и виноград, но очень плохого качества. Пока стояли на пчельнике, доставали мед, он здесь почти без запаха, между прочим, я при этом вытопил хороший кусок воску (полировать ящик для радио пригодится).

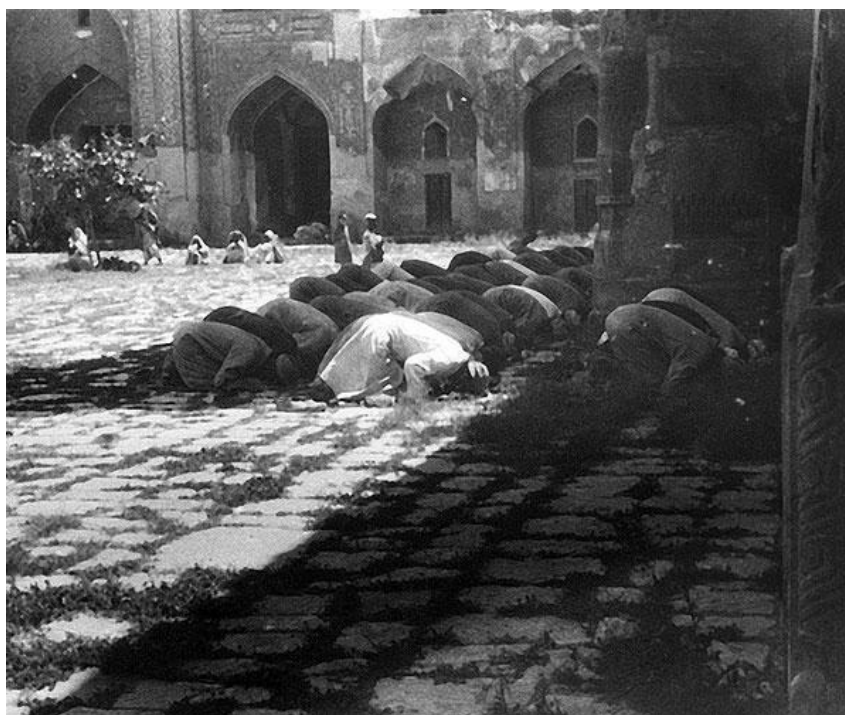

«Налево равняйся!», 1933

2 августа 1933 г., село Агалык-паян

<...> Я с Флоренским выехал сюда 30 июля верхом, и ехали весь день (около сорока пяти верст). Ночевали у одного из знакомых нашего рабочего, а на другой день подыскивали подходящую стоянку. В отличие от Аман-Кутана, здесь очень населено, имеются два дома отдыха, пионерский лагерь и дошкольный лагерь. Не без труда, однако, нашли хорошую изолированную площадку – много тени, есть постройка для склада. Палатки стоят на траве, так что пыли почти никакой, и в двух шагах протекает арык с очень чистой водой. Можно купаться хоть три раза в день, так близко и удобно. Для питья есть хороший ключ. В смысле воровства здесь много безопаснее, чем на прежней стоянке: там были соседи из пасеки, о которых ходили плохие слухи. Со снабжением здесь тоже лучше, можно кое-что доставать в кишлаке (яйца, молоко). От Самарканда всего пятнадцать верст, часто ходят автомобили, так что оттуда тоже все легче привозить. Ближайшие планы – четыре дня будем работать пешком, потом снова начнем ездить, но уже не так далеко, как раньше, при этом будем устраивать в горах лагерь на несколько дней и работать из этого лагеря. В последние дни стали находить кое-что интересное, но главные вопросы пока остаются нерешенными. Обстановка здесь более шумная. По вечерам и утрам доносится все время музыка пионеров, да и весь день доносятся их двести голосов, в санаторий часто проносятся машины. Надеюсь, что нас не будут беспокоить посещениями, хотя палатки всегда привлекают внимание проезжающих.

Наша жизнь сейчас уже довольно однообразна, район очень скучный, и никаких новых впечатлений давно уже нет. Конечно, по долине верхнего Зеравшана было совсем не так, но туда вряд ли придется попасть. Что же касается Ката-Кургана (вернее, Зерабулака), то туда, может быть, попадем под конец, но это уже совсем пустыня. При успехе на будущий год здесь еще много останется районов для работы.

Самарканд, 1933

6 августа 1933 г. Самарканд

<...> Я приехал сюда верхом с рабочим. Девятнадцать километров мы ехали два часа по хорошей дороге. Утром кругом вдали синели с трех сторон горы – настоящие, снеговые, – и крайне досадно было их видеть, так как теперь почти наверное можно сказать, что туда не придется попасть, а до конца придется прокорпеть в этих адовых каменных мешках, в которых вдобавок решительно ничего нет, да и, по-видимому, быть не может. Сейчас начинает выясняться крайняя бедность этого района шлихами и появляется опасение (оно, правда, и раньше у меня было), что вся работа была недостаточно обоснована ее инициаторами.

10 августа 1933 г., Агальык

<...> По нашей прямой теме пока все идет без успехов, может быть, остальной район что-нибудь и даст. Зато 7 августа мне удалось сделать исключительно важную находку в другой области элементов, более редких (уран, ванадий, радий). Это подняло у всех настроение, и теперь можно считать, что, если мы даже ничего не найдем по олову, все же эффект достигнут еще более ценный и важный. Сегодня пишу об этом Горбунову, и тогда следи за газетами – если он найдет возможным, об этом сообщат в газетах. Впрочем, ему сейчас не до нас: сегодня они начнут подъем на пик Сталина. Новая находка, близко от нашей теперешней базы, то есть в очень доступных условиях, здесь придется поставить детальную работу, но это не отнимет много времени. Поражаться приходится, сколько геологов до меня побывали здесь и все пропустили. Я думаю, что, может быть, и дальше удастся найти похожие места, и тогда это будет еще важнее для дальнейшего исследования.

Перед выездом из Самарканда пили чай у отца нашего рабочего, в его саду. Все было почти как у Мстиславского: ковры, подушки и дастархан преимущественно из фруктов его же сада (виноград, груши, вишня и черная тута, лепешки и чай). Чтобы не остаться в долгу, мы сюда прибавили свой чай и галеты. Самое интересное представлял сам отец рабочего – старик восьмидесяти двух лет, помнящий еще время завоевания Туркестана и участник постройки Закаспийской железной дороги, ездивший в 1918 г. в Мекку через Индию и т. д. Он немного плохо видит, но все же провожал нас, потом скрутил чалму и пошел в мечеть.

Дорога из Самарканда скучная, большей частью по пыли, немного садами. Интересно только пересечение арыка Даргом по высокому мосту. Арык Даргом передает половину всей воды Зеравшана в Каты-Курган и Бухару. Из опыта работы здесь вижу, что надо бросать преподавание и иметь возможность ездить на работы сюда в осенние месяцы или весной – лето здесь для работы просто малопродуктивно и невыгодно в смысле снабжения.

19 августа 1933 г. Агалык

Вчера я вернулся после шести дней экскурсий, на этот раз сделано много интересного и важного. Самое главное – правда, довольно случайно – я открыл, где следует искать шлихи. Я уже давно подозревал, что их нет потому, что они весенней водой полностью и очень далеко уносятся за пределы гор, в долину Зеравшана. На одной стоянке случайно я промыл ковш из арыка, огибающего холм, покрытый крупным песком тут же лежащего и рассыпающегося гранита – и что же? – в нем оказалось довольно много шлиха, притом белого и очень тяжелого. Стали еще промывать и во многих местах обнаружили то же самое. Но этого мало, по приезде сюда обнаружили в лаборатории, что в этих шлихах много вольфрамового минерала – шеелита. Другими словами, в полчаса открыли новое месторождение длиной саженой 150 и шириной 20–30 саженой! Самое важное не только это, но то, что теперь мы знаем, где надо искать шлихи. Затем еще две вещи: 1) новое месторождение берилла, правда, очень скромное, 2) неизвестный смолистый минерал, повидимому из редких, какой – здесь определить невозможно.

Питались на этот раз получше, часто доставали молоко, даже сливки и виноград. Спали под колоссальными чинарами. Но замечательнее всего было одно купание высоко в горах в небольших бассейнах речки, полных голубой и совершенно прозрачной воды такой глубины, что с трудом можно было достать дно. Температура была самое большее десять – двенадцать градусов, и кругом плавали громадные форели, конечно страшно перепугавшие нас. Понятно, я проплавал не более двух-трех минут. <Я видела такую речку и купалась в этих озерах в 1981 году. Тогда, я уверена, все выглядело точно так же. – А. Х. > На горах теперь страшный ветер, очень напоминающий новороссийский норд-ост. Ночью он теплый, а по утрам, часов до двенадцати дня, совсем прохладный. Ты пишешь, голубчик, что я вижу здесь много красивого – к сожалению, это совсем не так. Только у речек, где есть деревья, можно еще видеть отдельные хорошие уголки. В целом же массив Кара-Тюбе – ад в полном смысле слова. Особенно когда движешься по гребню и видишь на десять – пятнадцать верст вокруг абсолютно безжизненную серожелтую громаду (все речки запрятаны и не видны с такой высоты) – начинаешь вспоминать иллюстрации к «Потерянному раю» Мильтона и другие похожие картины. На юг и на север видны долины рек (Кашка дарья и Зеравшан), их оазисы напоминают сине-зеленые морские заливы, покрытые пыльной мглой. В горах, конечно, есть кое-какая жизнь, часто теперь видим полет целых стай горных куропаток (кекликов), слышали рассказы об одиночных кабанах и видели иглы дикобраза – вот и все – немного!

На обратном пути видели начавшуюся уже сушку винограда, плоские крыши домов точно выложены сине-черной и зеленой краской (на изюм есть надежда!) Очень хотелось бы мне известить обо всем Вернадского, он очень был бы доволен, но писать неудобно – по приезде побываю в Ленинграде и расскажу.

26 августа 1933 г. Село Джам

<...> Выехали из Агалыка 24 августа, очень скоро в пути встретили полигонные занятия, и пришлось сделать крюку версты три (вспоминаешь стрельбы на Юзовском заводе). Потом много ходили по долине Киля-Куль и ночевали там же. 25 августа пришлось долго (до сорока верст) ехать к Джаму, по пути в Сарыкуле обедать, и на место приехали к вечеру. Стоянка попалась хорошая, с водой, но мало тени. М. В. <Самойло. – А. Х. > и Флоренский ушли ловить рыбу. Завтра утром едем в Ингичку, потом Ак-Сай и Иссык-Куль, с тем, чтобы к 1 сентября быть в Агалыке. После этого все главные маршруты будут сделаны, но останутся еще кое-какие пропуски и детальное изучение находки в Агалыке. Должен сознаться, что все порядком надоело, хочется скорее кончить и уехать. Хорошо помню, как в 1910 году мне надоело под конец лета, но тогда я был в бесконечно более интересной местности, здесь же форменный ад, и 125 % надбавки ничуть не могут быть названы несправедливыми. Пока я пишу, солнце меня выгоняет, и все время приходится пересаживаться. Наши лошади – их пять – стоят кругом на площадке, но все же кругом полная чистота, так как навоз моментально собирают и уносят маленькие ребяташки – такая здесь нужда в топливе. Они меня сейчас стесняются, а то из всех кустов выглядывают их мордочки, мешки наготове в руках – вот она, детская жизнь здесь! Главная беда – мало воды, и нас все время просят найти ее побольше, кое-как без переводчика догадываемся, о чем говорят. Сегодня было много таких разговоров. Купался, поливая ковшом сначала свою лошадь, потом себя – стало легче. Вернулись рыболовы, они наловили с

помощью трусиков и мешка от палатки кучу мелкой рыбы, так что будем есть уху и жареную рыбу. Здесь рыбу почему-то не ловят, и в пересыхающих речках ее остается и погибает множество.

Пишу вечером в Ингичке. Доехали довольно быстро и хорошо. Стоянка тоже хорошая, лошади пасутся по недокошенному клеверу. С 12 до 6 часов ходили вверх по долине, убили большую фалангу, я еще таких не видел никогда, громадный желтый паук с большими клешнями, они водятся под камнями. Завтра едем в Ак-Сай.

По пути из Джама нас обогнали два аэроплана, а мы обогнали большой караван переселенцев киргиз. Трудно себе представить более жалкое зрелище: голод гонит их с детьми за сотни верст, далеко не все при этом едут, многие плетутся пешком, неся еще детей на себе! Приехали на новое место, ковали лошадей в Ак-Сае, съели два кило винограда, потом долго ехали и попали на ночлег в очень хорошее место – персиковый сад высоко в горах, персики как камень, какой-то очень поздний сорт. Очень холодный ручей – я его уже испробовал, – теперь ждем чаю и катыка (последний Кирилл Павлович охлаждает в реке), потом сделаем небольшой обход, и день будет закончен пловом.

Видели множество кекликов совсем близко, это всегда бывает так, когда ни у кого с собой нет ружья. Сегодня наши хозяева – таджики – два старика, они живут здесь тридцать три года и сами развели весь здешний сад. Так как наш рабочий родом из этих мест, то будет устроен плов на коллективных паях (наши – мясо, рис, хозяйские – масло, морковь и лук).

Путешествуем мы с успехом – я нашел в осыпи образец с маленьким бериллом. <...> К завтраку обычно собирается целый митинг, нас рассматривают как заморскую диковину, особенное внимание привлекают подбитые железными пластинками ботинки (впрочем, и в Самарканде все на них глазают), потом ковши – для чего они – нужно через переводчика подробно объяснять, и т. д. Кроме того Мурад закупает яйца, которые здесь почему-то оказались дешевы (вернее, Мурад их надувает, уверяя, что в Самарканде цена за пять штук – 2 рубля, на самом деле там берут 2 рубля за три штуки). Расчеты ведет Кирилл Павлович <Флоренский. – А. Х. >, но в общем митинг продолжается, а ехать пора. Надо их подразогнать.

31 августа 1933 г. Агалык

Наконец Долгополов раскачался – получили мы багажом масло, парусиновые ботинки, записные книжки, этикетки и маленькие рюкзаки – просто потеха! Все же кое-что очень пригодится, особенно масло. Беда только с рабочими, они от неожиданного обжорства (мясо, масло) заболевают и этим сильно мешают работе.

5 сентября 1933 г. Пенджикент

Сейчас неожиданно еду в места, которые будут для меня компенсацией за сидение в горах Кара-Тюбе. Я проеду так: Шинк – Ворд – перевал Дуоба – Искандеркуль – Токфан – Пити – Лаудан – Куликалон – Кштут – Пенджикент. Я еду с солидным караваном по хорошим дорогам с очень испытанными лошадьми, и ты можешь совершенно не беспокоиться за меня. Маршрут этот Наследов нашел необходимым для проектирования ряда новых работ и для сбора очень интересных материалов.

Из Самарканда я ехал верхом с таджиком Хаджиматом Турсуновым, очень старым и опытным проводником. Я ехал ночью при полной луне с 8 часов до 2, с 2 до 6 спали в чайхане, с 6 до часу дня снова ехали, очень долго из-за выючной лошади. При луне кишлаки, поля и рукава Зеравшана представляли совершенно фантастическую картину, а встречающиеся верблюды переносили нас в Средние века. Пыль такая, что передняя лошадь идет, как в морскую волну во время прибоя, но я сделал наблюдение, что здешняя пыль удивительно легко отмывается. Утром ехали десять верст вдоль Зеравшана – очень большое впечатление – сила реки страшная, но в отдельных рукавах течение настолько тихое, что можно купаться, что я вчера и сделал. Мне очень понравилась вода: серо-синяя, почти не мутная, температура около 14 градусов.

7 сентября 1933 г. Стоянка на реке Мосриф

Из Пенджикента мы выступили очень поздно и при луне ехали до часу ночи. В Пенджикенте нас задержали местные работники, закармливая нас на дорогу виноградом в невероятном количестве, прямо с

куста, потом ели его под орехами в тени, с добавлением красного вина. Здесь сейчас преобладают сорта, идущие на изюм, то есть без косточек, мелкие и приторносладкие, больше двух-трех фунтов сразу я не могу съесть – не то что крымский. Есть еще сорт «верблюжий зуб», каждая ягода с мелкое куриное яйцо, очень сочный, но кожа грубая.

Вскоре стемнело, и мы поскакали по ровной дороге при луне и свернули в долину Магиана, очень большой реки, и долго ехали ее ущельем – мрачным и черным – под страшный рев реки. Потом свернули в ее приток реку Шинк и вскоре стали на ночлег на берегу. Утром я увидел, что Шинк совсем как Теберда, еще, пожалуй, более синий. влияние Шинка и Магиана производит сильное впечатление. До сих пор у меня стоит в глазах картина, как в одном русле мчатся со страшной скоростью, не смешиваясь, два потока: глинисто-красный Магиана и ярко-синий Шинка. – А. Х. > По нему мы поднялись не долго и перевалили в Мосриф, где нас ждал помощник Наследова <Наследов Борис Николаевич – геолог, профессор Самаркандского и Среднеазиатского (Ташкентского) университетов, основатель узбекской школы рудной геологии, арестован в 1930-х годах и провел ряд лет в заключении. – А. Х. >. Здесь мышьяковые руды, есть древние выработки – пещеры, в общем не очень интересные. Купались в голубых водопадах речки Мосриф и сегодня выступаем дальше на Агби-Вору. Высота все больше и больше, небо черно-синее, но снега здесь еще нет, на перевале Агби-Вору тоже еще не будет, а вот потом на перевале Дуодон – около 4000 м, будет его много. Ночи холодные, но у меня всего много – мешок, бурка, брезент, фуфайка и куртка. Скоро и здесь все будет доступно – проводится автомобильная дорога в горах.

Крым, 1932

8 сентября 1933 г.

Ночевали в горах – до перевала еще далеко. Место попало плохое – вроде Муруджу, – с трудом нашли ровное место, зажгли огромный костер (сухой арчи здесь оказалось много – сожгли, верно, целую сажень, но все же было холодно). Встали еще при луне и отправились дальше. Перевал Агби-Вору оказался трудным (3200 м) по крутизне, но я взял его блестяще – взшел первым, причем почти весь подъем шел пешком, таща за собой лошадь. Нелегким был и спуск. Сейчас я пишу в кишлаке Вору. Кишлак настоящий горный, плоские крыши, двор дома является крышей нижележащего, я видел такие в Крыму (Туак, Ускут). Мы сидим в одном из дворов, идет продажа мануфактуры, так что оживление огромное, и нас едят глазами. За мануфактуру дают клевер, считая его по 5 рублей снопок – идет сейчас спор, почем метр и т. д. Мы теперь оставили караван ишаков сзади, и поедем впятером, так будет скорее. С перевала вид немного напоминает Домбай, но ведь нет леса, и это все портит.

9 сентября 1933 г.

Вчера спускались по долине Вору – огромные старые завалы и следы бывших озер. Свернули на юг в долину Арча-Майдана и скоро стали в долине древнего озера. Опять обычная программа: холод – костер и т. д. Ночь была не очень холодна. Утром и весь день был длинный путь по очень мрачным ущельям, а дальше – арчевый лес, и, наконец, взяли перевал Дуодон (4000 м), хотя это предполагалось назавтра. Перевал такой – ледники с обеих сторон, но подъем по боковой старой морене, очень пологий, я почти всю дорогу не слезал с лошади. Спуск по осыпи тоже не очень крутой. Мы видели снежную лавину, с грохотом сорвавшуюся, но далеко от нас. Теперь уже спустились и стали на ночлег. Ночь будет холодная – снег близко. С перевала вид не особенно интересный, Гиссарский хребет едва виден, с нашей стоянки сейчас он виден лучше – снегом завален, вершины в зубцах. Итак, завтра будем на Искандеркуле, там отдохнем на гидрометеостанции.

10 сентября 1933 г.

Против ожидания, ночь была не очень холодная, хотя снег и лед здесь рядом. Вода в ручье была настолько холодна, что я не решился обтираться. Вокруг нас хаос обвала, есть камни величиной с Алушкинский дворец. Между корнями арчевые лес, выше его – сразу близко снег. Вот солнце ударило в откос хребта, он стал красным, а снег розовым, и очень быстро стало светло, но холодно по-прежнему. Мне еще предстоит обратно такой перевал, но поменьше, либо обратный путь по реке Фан, где дорога плохая. Самые сильные впечатления вчерашнего дня – голубые реки и черные их коридоры, потом мостики и карнизы (совершенно безопасные).

Спуск с нашей стоянки оказался исключительным: через ряд обвалов в широкой пропасти – как по гигантской лестнице, сразу тысяча метров вниз, а рядом все время серия водопадов. Целый час мы вели вниз лошадей и попали в долину Сырытас, в березовую рощу. По этой долине мы полдня шли вниз, нередко по таким же спускам, как с Дуодона. Часам к трем мы увидели наконец озеро – бирюзовоголубое, длиной свыше трех верст, кругом горы и кое-где березовые и другие рощицы. Оно очень интересно, но я ждал большего, вероятно, в другие месяцы оно лучше, когда кругом снег. В одной из рощ – постройки гидрометеостанции. Здесь живут круглый год, и несколько месяцев сообщения нет никакого. Заведующий – бывший полковник – очень интересный человек. Они здесь, как робинзоны, все делают своими руками, живут в значительной степени охотой (козлы, кабаны, волки, медведи и снежные барсы – ирбисы). У них огород, свой кирпичный заводик и т. п. Пока еще я всего не видел, дальше занялись составлением задания для наших осмотров месторождений.

11 сентября 1933 г.

Сегодня мне удалось уделить полдня озеру и реке. Заведующий станцией повел нас на водопад Искандердарьи, который мало кто знает. Он совершенно поразительный, падает с сорока шести метров высоты в ущелье, страшно мрачное, снять невозможно, так как стоять у края нельзя, приходится ложиться, да и то весь водопад не виден, а другого подступа нет. Температура озера 14 градусов по Цельсию, значит, действительно я вчера не ошибся – по Реомюру 11 градусов.

13 сентября 1933 г. Талфон

На Искандеркуле мы остались с Чуплиным еще полдня и успели с заведующим съездить на лодке через озеро осмотреть некоторые места. Я греб туда и обратно версты четыре, несмотря на сильный ветер. Видели много интересного. С заведующим настолько познакомились, что уже мы с тобой приглашены сюда на отпуск. Сколько наврал Мстиславский, теперь только мне стало ясно, но в романе ведь без этого нельзя! Путь в Талфон мы с Чуплиным совершили вдвоем. Верхнее течение Искандердарьи верст шесть совершенно исключительное: река прорывает колоссальные старые морены мощностью до 300–400 метров, водопады идут несколько верст, но дорога очень трудная для лошадей, и все время надо спускаться пешком. Потом более скучное ущелье, и, наконец, Ягноб и Талфон – места после Искандердарьи кажутся скучными, конечно, только по контрасту. Несмотря на усталость, сейчас мы по приезде полезли осматривать новое месторождение мышьяка, и сегодня уже еду в обратный путь. Уже темнеет, и писать

трудно, мы прибыли на стоянку в ущелье Фана.

Ущелье Фана наиболее грандиозное и мрачное из всех. Стены таковы, что небо едва видно, а я был только на первых шести километрах, дальше, говорят, еще более узко и глубоко. Но это последний год существования плохой тропы, там пройдет через год автомобильная дорога. Река мутная, как Кура, но, конечно, не так велика. К карнизам и оврингам и я и моя серая совершенно равнодушны. Теперь я вдвоем с Берниковым (рабочим Наследова). Мы уже сделали полпути до перевала и часа через два станем на ночлег, а перевал Лаудан возьмем при луне, чтобы часам к девяти спуститься к Куликалону. Я везу полпуда сушеного урюка, сейчас съел две чашки катыка, не брился две недели, вообще я – азиат-кочевник, и мне кажется, что я могу так ехать без конца. Вчера было много новых знакомств, на Фанском ущелье, точно на улице, разные экспедиции из Ленинграда (гидрологи и т. д.). Много народу ездит теперь в Туркестан, и попутно все занимаются еще и не своим делом – все ищут золото, и, конечно, никто не находит. Вчера одного пришлось сильно разочаровать – он думал, что нашел древнюю выработку золота, а я ему пояснил, что добывали здесь всего лишь серу и квасцы. Бедняга был очень огорчен, он все мечтал улучшить свою жизнь открытием. Теперь мы на стоянке, Лаудан перед нами. Еще сравнительно рано, и мы думаем взять его еще при утренней луне, ночь предстоит холодная и долго спать не стоит. Варится до ужаса надоевший рис с мясными консервами, потом будет чай. Завтра надеюсь поест в отряде Соболевского, который стоит за Лауданом.

15 сентября 1933 г.

Ночь была «рекордная» по холоду. Пришлось одеться и сжечь огромное количество сухой арчи, и все-таки согреться было трудно. На перевал удалось двинуться лишь с восходом солнца, так как луна почти не светила. Взяли его мы легко, но спуск был тяжелым. К десяти часам были уже на Куликалонских озерах – их пять, одно выше другого, все изумрудно-зеленые, темнее Тургояка. Соболевского не застал, но его отряд показал мне замечательные кристаллы плавленого шпата, годного для оптики, огромной величины. Сегодня я в последний раз видел снег, сейчас уже кругом серые склоны. Завтра поеду к Зеравшану.

17 сентября 1933 г.

Вот я и возвращаюсь на старые места. Сейчас сижу в центре города в чайхане и греюсь на солнышке. Пенджикент в названии напоминает что-то индийское (Пенджаб) и вместе с тем (Генри «Короли и капуста») Ангурию – все здесь знакомы, конечно, я говорю о европейской части населения. Здесь есть маститый геолог Тизенгаузен или, как его здесь называют, Вестингаузен, который меня взял в оборот, едва я приехал, новости здесь распространяются с быстротой молнии. Мне здесь нравится больше, чем в Самарканде, – больше чувствуется Азия, верблюды часто идут, больше уличной жизни.

В промежутке между экспедициями 1933 и 1934 годов Вениамин Аркадьевич едет работать в Ленинград.

11 сентября 1934 г., Самарканд

<...> Опять я на том же регистанском дворе, перемен очень мало, только стало немного почище. Приехали мы без опоздания: в Ташкенте прицепили салон-вагон с большим начальством, и поезд сразу пошел быстрее. <...> В Самарканде меня многие помнят – это, главным образом, торговцы тыквами, тубетейками, реставраторы древностей, проводники и т. д. Все моему приезду очень довольны, даже гадальщик, подпольный адвокат, который в прошлом году очень мрачно смотрел на нас и наши запасы. Мечеть Шир-Дор свободна от лесов, минарет Улугбека тоже почти закончен, вообще за год кое-что действительно в этом направлении сделано. Теперь рынок. Урожай хлеба большой, мука 40 рублей, хлеб коммерческий продают очень хороший – 2.40 килограмм. Фруктов очень мало, дыни и виноград преобладают. Душ на базаре закрыли – из-за холодов, как говорят. Приходится ждать Агалыкского арыка, бани очень грязные.

16 сентября 1934 г. Агалык

Опять стоим на том же лагере. Только в этом году палатки черные, по вечерам при свече в них так

мрачно, что не хочется читать, днем настолько жарко, что даже две-три минуты оставаться тяжело, зато более просторные, чем прошлогодние, раза в полтора больше. Ночи все время холодные, днем жара умеренная. В Самарканде я был у Ионова <Ионов Николай Вениаминович (1902–1938) – минералог, специалист по оловянным месторождениям, арестован в 1938 году, умер в лагерях. – А. Х. >, случайно он оказался не на Искандеркуле, с большим удовольствием провел у него час, больше, к сожалению, не было времени. У него проездом был Горбунов, и ему там так понравилось, что он задумывает устроить там Национальный парк.

Вчера ходили по участку, смежному с месторождением, где Самойло делал съемку, и сделали там интересную новую находку, которую Самойло проморгал, – вот что значит относиться к делу с неохотой. Сегодня пойдем еще дальше на запад, может быть, еще протянем полосу рудоносных пород. Р. S. Помогите мне вот в чем: попроси Женю посмотреть в библиотеке института «Труды по изучению радия», статью Ферсмана о Тюя-Муюне <крупнейшее месторождение урановой смолки в Средней Азии. – А. Х. > и списать анализ минерала узбекита и переслать мне. Мне кажется, я здесь вчера нашел такой же минерал.

25 сентября 1934 г.

<...> Все ждем денег из института, из-за них моя поездка на восток отложена, и это мне очень неприятно. Правда, здесь сейчас очень интересно, каждый день все новые и новые находки. Ждем также ответа от Перкина <Перкин Дмитрий Ефимович, большевик с 1917 года, в Гражданскую войну – комиссар дивизии, с 1934 году зам. директора ВИМСа, в 1937 арестован и расстрелян. – А. Х. > относительно расширения работы. Сейчас посылаю в «Известия» заметку о наших здешних успехах, последи, когда будет помещена?

3 октября 1934 г. Фергана

Из Самарканда мы тронулись 30 – 1 ночью, и вот до сих пор здесь. Кажется, только сегодня двинемся дальше в Тюя-Муюн. Вообще все передвижение сильно затягивается. Город, где мы сейчас, очень приятный, сплошной сад, много лучше, чем Самарканд, а виноградом прямо завален. С жильем мы устроились хорошо, спим на столах конторы Главредмета, обедаем в их же столовой. Погода как будто обещает снова потеплеть. Дальнейшая наша программа еще не ясна, будем пытаться через Ош и Андижан проехать к северу от Андижана. Сейчас трудно сказать, удастся ли это, и потому трудно определить срок возвращения в Агалык. Я чувствую себя хорошо и переношу передвижение без последствий для здоровья <Все лето 1934 года дедушка тяжело болел и лежал в больницах. – А. Х. >. Хочется, однако, скорее вернуться.

С Наталушкой и Аленушкой, Коктебель, 1937

12 октября 1934 г. Ходжент

Сажу на платформе в ожидании поезда. С секретарем Горбунова еду сейчас в Андижан, оттуда шестьдесят верст на север. Ночевал в салон-вагоне Горбунова, давно так хорошо не отдыхал. Сейчас морозное утро, но я в белом полушубке, мне очень тепло, и в горах тоже будет хорошо. 17-го буду в Самарканде, а Горбунов туда приедет ко мне с Некрасовым <Некрасов Б. П. – геолог, в 1936 году – глава оргкомитета XVII Международного геологического конгресса, в 1937-м репрессирован. – А. Х. >. 19-го. Вчера был большой день, много собралось послушать наше собрание, все очень довольны. Из Москвы уже получено согласие продолжать работы до января. Чувствую себя хорошо, и если бы не всякие мои тревоги, то было бы отлично. На конференции в Ташкенте поставлен мой доклад, а будет она только 1 ноября, впрочем, может быть, и вовсе не состоится. Милую нашу однолеточку уже сейчас поздравляю, может быть, эта открытка как раз 18-го придет к тебе в Москву <18 октября – день рождения моей мамы. – А. Х. >, как-то ты проведешь с ней этот день, она, наверное, уже понимает, что это ее праздничек, дорогая моя крошечка! Обнимаю тебя с ней крепко, вспоминайте папу! Крепко с тобой твой Вениаминушка. P. S. Вчера послал тебе по телеграфу 200 р., из Самарканда надеюсь еще послать.

В 1933–1937 годах руководимая В. А. Зильберминцем геохимическая лаборатория Института прикладной минералогии занималась проблемой использования золы углей, в огромных количествах копившейся на тепловых электростанциях, в качестве источника редких элементов, в частности германия. По его инициативе начинает работать первая промышленная установка по производству германия из золы углей. Эта тематика требовала длительных командировок, поэтому пришлось оставить руководство кафедрой минералогии и кристаллографии Московского нефтяного института им. И. М. Губкина. Разработанные им методы извлечения германия из золы углей, позволили в 1936 году получить первые граммы его двуокиси и в дальнейшем были использованы для промышленного получения полупроводников.

С Алеком и Ирой, 1937

В 1937–1938 годах В. А. Зильберминц под непосредственным руководством В. И. Вернадского вплотную приступает к исследованиям по рассеянным элементам в живом веществе, для чего подробно изучает составы зол углей Донбасса. Последнее его письмо получено бабушкой весной 1938 года из Донбасса:

21 апреля 1938 г. Константиновка

...Мы здесь четвертый день и живем все в той же гостинице. Гостиница полна народу, преимущественно бездельников из профессии «толкачей», приехавших торопить отправку грузов. Это

явление приняло настолько массовый характер, что, как говорят, здесь по временам устраивают облавы и выпроваживают эту публику обратно. Работа у нас – вроде как у трубочистов, и после нее долго приходится приводить себя в порядок. Погода жаркая, и уже немало пыли. Мы побывали на трех заводах, попутно я видел в первый раз производство оконного стекла, зеркального и бутылок; последнее производство совершенно исключительное – в сутки завод дает пятьсот тысяч штук. Но все это видим мимоходом, а главное – взятие проб из разных труб, где накапливается сажа, обстановка тут такая, что с непривычки может совсем не понравиться. Встречают всюду хорошо и очень стараются помочь, большей частью даже не расспрашивая, для чего. Сейчас отправляемся на завод огнеупорных изделий... Харьков мне понравился сейчас меньше, чем в прошлый раз. Все так же, как и было, только очереди больше, чем у нас. Я нарочно прошел по улице – взглянуть на дом, где я был пятилетним мальчуганом, и вдруг почувствовал, что вся жизнь уже прошла. Работа в Константиновке подходит к концу, теперь остались только заводы, на которые приходится ежедневно ездить за тридцать – сорок верст. Очень волнуюсь, что-то мы в этом материале обнаружим – от этого зависит все мое дальнейшее расписание и направление работы. Всюду нас встречают хорошо и помогают много. На одном только заводе директор нашел нужным сделать мне целый допрос и проверить все бумаги, какие у меня были с собой. ...Как-то я тут оторван от Института и не знаю, что там делается, очень боюсь каких-нибудь новых реорганизаций, появления новых людей и т. д. В то же время какая-то нелепая надежда, что все должно наконец устроиться...

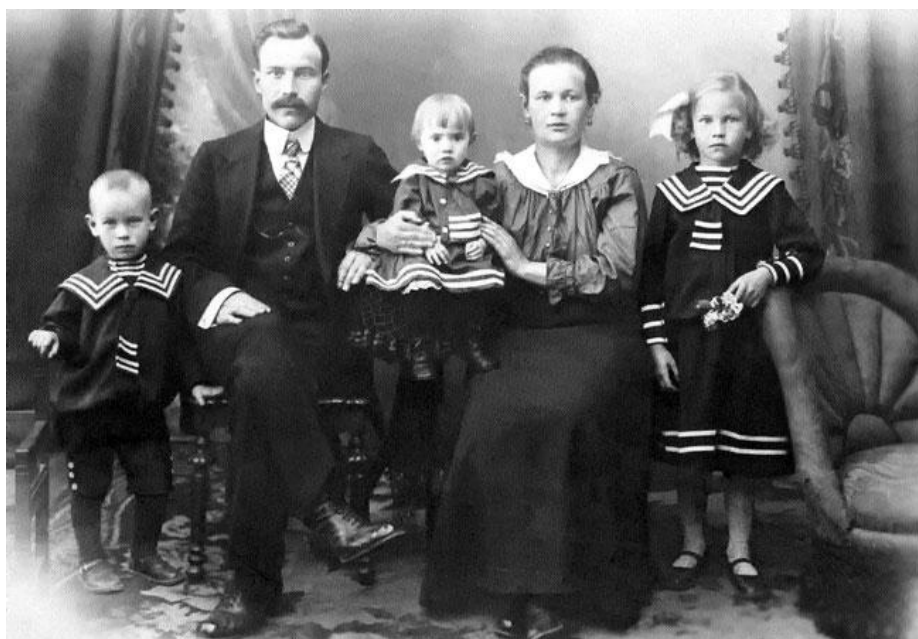
Вот, собственно, и все. Это последние дедушкины путевые записи.

Родители В. А. Зильберминца: Сара Исааковна и Арон Гершович

Р. С. О его детстве, о котором он вспоминает в Харькове, совсем ничего не известно. Родился он 19 июня 1887 года в Полтаве в семье военного врача Арона Гершовича Зильберминца, кавалера ордена Св. Станислава III степени, сына купца из Каменец-Подольска. География его послужного списка велика: Калужский полк, Эстляндская дивизия, Либавский полк, Алатырское уездное военное присутствие, Архангелогородский полк, Харьковский военный округ, Вологодский полк, Уральский казачий. полк, Мглинское уездное присутствие. В 1883 году А. Г. Зильберминц, будучи зачислен в запас, женился на «девице Саре Исааковне» (так записано в его послужном списке), родившей ему сына и двух дочерей, но в январе 1904 года был мобилизован из запаса на действительную службу сначала в полевой запасной госпиталь, затем во Владивостокский временный госпиталь, где был старшим ординатором и получил знак отличия за беспорочную службу. Интересно, что и другой дед моей мамы тоже был врачом. Но это уже совсем другая история...

«Дедушка» – какое ласковое слово! К сожалению, мало кому из моего поколения удалось общаться со своими дедами, а тем, кому и пришлось, то слишком недолго. На то было много причин – войны, годы репрессий, эмиграция. Мне повезло – я застала живыми обоих. Начну по порядку. Мой дедушка по маминой линии – Быстрыкин Леонтий Никифорович. Родился он в маленьком уездном городишке Рязанской губернии в конце теперь уже позапрошлого века. Отца своего не знал, так как он сгинул на полях сражений одной из войн конца века. Кончил три класса церковно-приходской школы и одиннадцати лет от роду (как Ванька Жуков) был отправлен в Москву в ученье, только не к сапожнику, а к портному. Не буду описывать его житье-бытье в это время, лучше Чехова все равно не смогу, но стал он настоящим мастером своего дела и даже смог купить не бог весть какую, но свою квартирку в Сокольниках. Повоевал он простым солдатом и в Первую мировую войну, будучи уже отцом троих детей. Сохранились его фотографии из Австро-Венгрии, датированные 1917 годом. Кстати, обвенчался и официально оформил свой брак с бабушкой он только после рождения третьего ребенка (моей мамы), перед уходом на фронт в 1915 году. К счастью, он вернулся живым и здоровым, а уже после Октябрьского переворота родил еще одного сына.

Семейство Быстрыкиных, 1915

11-й Гренадерский фанагорийский полк, Австрия, 1916. Дед слева

Был он в 1920 – 1930-е, как тогда говорили, кустарем-одиночкой, а на самом деле прекрасным дамским мастером. Его модели продавались через Торгсин, он шил и для театров, а частные клиентки буквально носили его на руках. Но, несмотря на это, дети кустика испытывали некоторое поражение в правах по сравнению с детьми пролетариев. Получив минимальное образование, дед писал стихи, знал наизусть всего своего любимого Некрасова, научился играть на мандолине и гонял, будучи уже в солидном возрасте, на мотоцикле. В доме всегда собиралась молодежь, друзья мамы и ее братьев, а душой компании был, конечно, дедушка.

Нас, своих внуков, он называл «отростками», я же была его любимицей, может быть потому, что мы жили вместе. Помню его громадный портновский стол, на котором он сидит, поджав одну ногу, и шьет, а вечером мы садимся у печки, смотрим на огонь, и я слушаю его сказки. На коленях у меня сидит кошка Маркиза, и кажется, что ничего лучше быть не может.

А еще он помогал шить нам персонажей для дворового кукольного театра, представления которого мы устраивали в одном из парадных (наверно, некоторые помнят, что так в Москве назывались теперешние подъезды). Или садился на бревно под голубятней и играл на мандолине, собрав весь двор вокруг себя. Очень я любила наши с ним походы на Леснорядский рынок. Дедушка надевал светлый костюм, шляпу, брал в руку свою очень красивую трость, и с громадной корзинкой мы ходили по торговым рядам, а потом я его тащила посмотреть на глиняные кошки-копилки и, на мой взгляд, замечательные ковры на клеенках, изображающие жгучих красавцев и румяных красавиц в лодке на озере среди лебедей. Слава богу, купить эту «красоту» я его не просила.

Записываться в первый класс мы ходили вместе с бабушкой, но проводить меня в школу он уже не смог – лег в больницу, а через месяц его не стало. Болезнь свою он переносил мужественно и, поскольку был неудержимым балагуром, собирал в больничном саду около себя большую компанию и развлекал всех, как мог только он.

Дед был, в сущности, атеистом, всегда шутил: «Я ни в бога, ни в черта не верю – ангелу костюмчик сошью, и мне путь в рай обеспечен». Но за несколько дней до смерти он тайно ото всех попросил своего двоюродного брата-старообрядца принести ему крест и умер, зажав этот крест в ладони.

Другого моего дедушки не стало, когда мне было чуть больше трех лет, поэтому воспоминания о нем очень расплывчатые, но знаю я о нем много и так ясно все представляю, как будто его жизнь прошла у меня

на глазах.

Покорение «железного коня»

В любимых Сокольниках, последние годы

Звали моего дедушку Александр Александрович Васильев. Родина его – город Перемышль Калужской губернии. Он был сыном надворного советника Александра Ильича Васильева и его жены Веры Васильевны, урожденной Гаупт. Прапрадед мой, действительный статский советник Василий Васильевич Гаупт, – из числа обрусевших немцев, верой и правдой служивших России. Совсем молодым, окончив историкофилологический факультет Московского университета, он уехал из Тулы с графом Н. Н. Муравьевым в Восточную Сибирь, где последний с приставкой «Амурский» стал генерал-губернатором. Н. Н. Муравьев нуждался «в людях достойных и полезных», а решимость образованных юношей отправиться на службу в Сибирь считалась с то время необыкновенным подвигом. Начав со службы в его личной канцелярии, Василий Васильевич довольно быстро вырос до должности председателя Енисейского губернского правления, что соответствовало чину вице-губернатора. Он был одним из инициаторов создания Красноярской классической гимназии. Кроме текущей канцелярской работы, не прекращал сотрудничество с Сибирским отделением Императорского географического общества, участвовал в экспедициях, опубликовал большую статью об истории ссыльных лютеранского вероисповедания. В 1866 году он удалился от дел и, купив землю, обосновался в Калужской губернии. Немецкая педантичность, аккуратность во всем, сентиментальность перешли по наследству его дочери и внуку. Вот из такой семьи вышел мой дед.

Вчерашний гимназист, студент первого курса медицинского факультета

После окончания калужской Николаевской гимназии дедушка поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. Жил и «столовался» он на частной квартире у вдовы рано умершего потомственного дворянина Евгения Алексеевича Беляева, моей прабабушки Ольги Евтихиевны. Оставшись совсем молодой вдовой с четырьмя детьми, она вынуждена была работать белошвейкой и так быстро и ловко шила наряды заказчицам к выездам на бал, что нередко не успевали убрать все булавки из платья. У нее было три сына и дочка – гимназистка Маруся, и новоиспеченный студент влюбился.

Письма, обращенные к бабушке, которые писал дед, уезжая на каникулы, – это эпистолярный роман. Какая необыкновенная нежность, забота, добрый юмор заключены в этих посланиях! К сожалению, мы сейчас почти разучились писать обычные письма. Нас отучило от этого стремительное время Интернета и мобильной связи. Ну, вернемся к нашему студенту... Он успешно овладевал врачебными тайнами, а летом уезжал в имение при деревне Старое Село, ст. Износки Сызрано-Вяземской ж. д. К этому времени там поселились его родители. Отец, Александр Ильич, пройдя путь от столоначальника полицейского уездного управления в Калужской губернии, станового пристава, будучи пожалован кавалером ордена Св. Станислава, произведен в надворные советники, в 1897 году назначен секретарем эчмиадзинского уездного полицейского управления. В 1902 году он был утвержден в должности старосты при цагарапшской Николаевской церкви, о чем сделана запись в канцелярии экзарха Грузии. На Кавказе он встретил и революцию 1905 года, лояльно относясь к различным «смутьянам», что послужило, очевидно, для него охранной грамотой после Октябрьского переворота, и никаким репрессиям он не подвергся.

Студент Саша Васильев (слева) с однокурсником

А его сын Шура Васильев тем временем, в 1907 году, подал прошение ректору о вступлении в брак с потомственной дворянкой, православной Беляевой Марией Евгеньевной, милой его сердцу Марусей. В 1908 году у них родилась дочь Вера, а в 1910 году – сын Георгий.

Любимая Маруся

В 1911 году дедушка был удостоен звания лекаря, а диплом был выслан ему только в конце 1912-го, когда он уже служил по назначению участковым земским врачом в Гродненской губернии. Получал он там двадцать пять рублей золотом, дрова и имел собственный выезд. В семье к тому времени было уже трое детей, и дедушкины доходы обеспечивали всем вполне благополучное существование.

Началась Первая мировая война, и дедушка, призванный в царскую армию, служил в разных госпиталях. Мой отец, его младший сын Алесандр, вспоминал, что у них дома долго хранился подаренный ему пленным австрийцем макет крейсера. Сделан он был с любовью и необыкновенно подробно для сына «доктора, спасшего ему жизнь».

Будучи призванным уже в Красную армию, служил в эвакуационных госпиталях в Калуге и Жиздре. В 1921 году дед вернулся к месту прежней, недолгой службы между войнами и стал заведовать больницей при Дугненском заводе недалеко от Калуги.

Военврач госпиталя, 1915

Время было тяжелое, голодное, в семье появилась младшая дочь, пришлось за муку отдать мельнику всю коллекцию граммофонных пластинок Шаляпина, которой дедушка очень дорожил. Но подписки журналов «Всемирный следопыт» и «Вокруг света» зачитывались до дыр, да и библиотека из любимых книг сохранилась.

Но время шло, мирная жизнь понемногу налаживалась. У деда было два коня, Сокол и Милый, на которых он, великолепный наездник, добирался на дальние вызовы, и пес Мильтон. Дедушка был заядлым охотником, охотился вместе со своим отцом. Летом в Дугне собиралось множество подрастающих племянников из Москвы – сначала школьников, а потом и студентов. Купание в Оке, волейбол, охота – во всем этом с удовольствием участвовал дед в свои редкие минуты отдыха. Ведь сельский (земский) врач был и хирургом, и терапевтом, и инфекционистом, а иногда и ветеринаром. Дедушка был потрясающим диагностом, а однажды (это в условиях-то сельской больницы) сам делал трепанацию черепа.

Письма любимой Марусе

Госпиталь, г. Остров

Дети росли и постепенно разъезжались – сначала в Калугу, так как в Дугне была только семилетка, а потом и в Москву, становились студентами. В тридцатые годы детей интеллигенции не очень-то охотно принимали в вузы, но дедушка был СЕЛЬСКИМ врачом и приравнялся к пролетариату, а его дети – к детям пролетариев.

Его Высочеством
Господину Доктору
разного Ивана
кузнецки
просьба

Господи Милостивейше просить
Ваше Высочество выдать мне
записную книжку которая
принадлежит? На имя мое
Евдокимов Иосиф Васильевич
за Ваши отеческие отношения
ко всем? Непременно
Внегда Неразлучно Ваши доброты
отношений ко мне. 1915 15 мая
25 XI

Письмо раненого, 1915

Кусок жизни, проведенный на Оке, был трудным и все равно счастливым. Но в 1936 году дедушка получил назначение на заведование Речицкой больницей в Подмоскowie. Переезжали уже вдвоем: дед, бабушка и бабушкина мама, любимая теща. Дети выросли и жили в Москве. Наступил 1941 год, мирная жизнь рухнула – война. До осени дедушка работал в госпиталях, сохранилось несколько писем раненых, которых он спасал. Но какими военными дорогами они шли дальше и встретили ли победу? В октябре дед был откомандирован в Башкирию как главный санитарный врач, следом отправился и женский состав семейства. Уезжали из Москвы в самый страшный день – 16 октября. В дороге, которая была необычайно долгой, внучке Миле исполнилось четыре года (она-то и поделилась со мной своими яркими воспоминаниями).

Доктор

Уважаемый доктор! С нетерпением
ожидая Вашего приезда в
Речицкую больницу, мы
с нетерпением ждем Вас
и с нетерпением ждем
Вашего приезда в
Речицкую больницу.
Ваша жена и дети
с нетерпением ждут
Вашего приезда.
С любовью
Ваша жена
28/10/41

Письмо раненого, 1941

В конце 1943 года дедушка вернулся из Башкирии. Сыновья служили Родине – один на фронте, другой создавал самолеты на военном заводе, а дочери, мужья которых тоже воевали, вернулись вместе с ним. Все были рады вновь оказаться в любимых подмосковных Вyalках, где дедушка заведовал амбулаторией.

О доме в Вялках стоит рассказать поподробнее. Это был, как говорили, охотничий дом известной российской дворянской семьи Бегичевых, который после революции и стал Вялковской амбулаторией.

Дом в Вялках

Вокруг дома на большом расстоянии с четырех сторон был вырыт неглубокий ров. Очевидно, это была межа, ограждавшая частное владение. Сам дом – большой, деревянный, с темно-красной жестяной крышей, по верху которой по всему периметру было кружевное деревянное плетение. Такое же деревянное плетение обрамляло большие окна. Дом был с мезонином, с двумя огромными полукруглыми окнами на фасаде и изящным балконом. Там жила фельдшерица с взрослым сыном.

В нижней части дома располагалась сама амбулатория: ожидальня, перевязочная, аптека и кабинет дедушки, где однажды меня застали играющую банками. Из кабинета можно было попасть в большую гостиную, стеклянная дверь из нее вела на застекленную с двух сторон веранду с ровным крупнодощатым полом и замечательными резными перилами по бокам лестницы, ведущей в сад. Окна в доме на ночь закрывались ставнями. Внутренние двери напоминали громадные шоколадные плитки, а отапливался дом необыкновенно красивыми изразцовыми печами. В просторной кухне со столом-козлами, русской печью и репродуктором у окна любила в короткую минутку отдыха посидеть бабушка с желудевым кофе в алюминиевой кружке и неизменной папироской «Север». Из этого репродуктора вся семья слышала радостную весть о победе над фашистами.

Черный ход дома выходил во двор с глубоким колодцем со студеной водой, высоким сараем, навесом для просушки сена для двух бабушкиных коз, Алки и Белки. Думаю, раньше в сарае размещались лошади и коляска. Еще из живности были две дедушкины собаки: овчарка Грей и лайка Пушок, и две бабушкины кошки, то и дело бегавшие в лес и обратно. Отдельно у ворот стояла сторожка, где жила санитарка с мужем-дворником, вернувшимся из заключения. Дедушка хлопотал, чтобы ему разрешили у него работать. Терраса дома выходила во вторую половину сада с калиткой, ведущей прямо в лес, с вековыми соснами, по которым прыгали белки, и фигурно стриженной в виде шара сиренью. В сирени утопал весь дом: серо-голубая росла у входа в амбулаторию, махровая темно-лиловая – под окнами спальни, у террасы – смесь сирени с жасмином.

Перед стройной голубой елью был огород бабушки – грядки с луком, укропом, морковью, клубникой. Дедушкиной же заботой и увлечением были помидоры. Помнятся его сильные, родные руки, пахнущие помидорной ботвой. Иногда выдавались прогулки всей семьей в лес, но они часто быстро заканчивались: за дедушкой приходили от больных. Мы возвращались. Дедушка принимал пациентов со всех окрестных

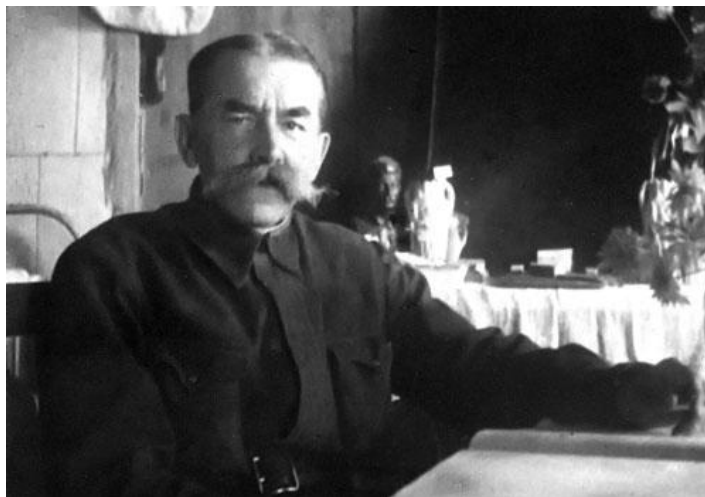

деревень, ходил на вызовы пешком, а это были очень большие расстояния. Лишь изредка за ним присылали запряженную лошадь подводу.

А какие устраивались новогодние праздники! Втайне от детей в гостиной устанавливали большую, под потолок, роскошную пахучую елку, увешанную флажками, бусами, хлопушками. Зажигали свечи прямо на ветвях елки в специальных подсвечниках. И вот наступал торжественный момент. Под звуки граммофона открывались наглухо закрытые до этого двери в гостиную и детей приглашали войти. Нас поздравляли с Новым годом, все вместе водили общий семейный хоровод вокруг пахнувшей лесом елки. Запаху этому не было равных. Торжество заканчивалось чаепитием из старинного самовара.

В дедушкином доме слушали, ценили и учились понимать классическую музыку. Звучали старинные русские вальсы и романсы, шалопинский бас и любимые дедушкой советские песни, особенно «Соловьи».

Вот так они и жили, мои любимые дедушка и бабушка, внук действительного статского советника и потомственная дворянка, семья сельского врача, служившего верой и правдой своему народу. Недавно я разговорилась со случайной знакомой, жившей раньше в Гжели (а это недалеко от Вялок), рассказала о дедушке, и оказалось, что ее мама и бабушка помнили и очень любили «нашего доктора», не раз их лечившего. Да и я, в общем-то, обязана ему жизнью. Вскоре после войны я, трехнедельная, заболела коклюшем. Маме моей сказали: не расстраивайтесь мол, мамаша, но дети в таком возрасте не выживают. Схватив меня в охапку, она помчалась к дедушке в Вялки. Целую неделю он вытаскивал меня с того света, и, как видите, я сейчас пишу об этом. Себя он, к сожалению, сберечь не смог и спустя три года умер от самой страшной болезни наших дней.

Вялки, последние годы

Оба мои деда с необыкновенной теплотой и уважением относились друг к другу. В Сокольниках, где мы жили, встречаясь за рюмочкой водки и ломтем черного хлеба с салом, главным послевоенным лакомством, они вели бесконечные разговоры обо всем.

И дедушки, и мы, их внуки, начинали жизнь в одном, а продолжали в другом веке. Но это три совершенно разные эпохи. Как же много всего уместилось в небольшой, с исторической точки зрения, промежутке времени!

О. В. Мизонова

Два метра роста и сто лет жизни

Мое раннее детство неразрывно связано с воспоминаниями о моем дорогом деде – Федоре Егоровиче Карташеве (1874–1971), – рядом с которым прошли первые шестнадцать лет жизни. Сейчас, когда я сама бабушка вполне взрослой внучки, память все чаще и чаще возвращает меня к мыслям о детских годах, доме родителей и дедушке. С высоты прожитых лет многое в той далекой юной жизни воспринимается иначе. Большие и значительные события жизни семьи и страны, какими они казались в то время, неожиданно проходят тенью и исчезают в небытие. Напротив, мелочи и частности нашей небогатой и, в сущности, обычной жизни простых людей и самого простого быта вдруг предстают важными свидетельствами истории семьи и рода, дедушкиной долгой жизни и милыми сердцу чертами его необыкновенно доброго и

сердечного характера.

Семья моего отца, Валентина Федоровича Карташева, была очень большой даже по меркам довоенного времени. Папа был последним, тринадцатым ребенком в семье. Сейчас это трудно себе представить, но у папы была одна сестра и одиннадцать братьев! После того как выросли старшие дети, а наш большой дом у Дорогомиловской Заставы в Москве был разрушен в связи с реконструкцией Кутузовского проспекта, семья моего отца, его сестры и их родители в 1957 году были переселены в коммунальную квартиру. Она размещалась в новом доме № 40 по Кутузовскому проспекту, напротив которого позже была возведена перенесенная с площади Белорусского вокзала Триумфальная арка.

Мои дедушка и бабушка поселились с нами. Бабушка, Пелагея Никитична, жила в соседней с нами комнате вместе с семьей единственной папиной сестры тети Шуры. Бабушка присматривала за дочкой тети Шуры и почти не обращала на нас, папиных детей, никакого внимания. По своей детской памяти мне даже казалось, что она нас и не любила вовсе, так редко мы разговаривали, хотя и жили в одной квартире. Дедушка же Федор Егорович или, как мы его звали, дед Федя все свое время посвящал нам, своим внукам, детям самого младшего сына Валентина.

Федор Егорович Карташев (справа в нижнем ряду), рядом бабушка Поля, 1940

Дедушка родился в 1874 году. Жил он с родителями где-то в Тульской губернии. О раннем детстве дедушки мне, к сожалению, ничего не известно, я была слишком маленькой в то время, но все дети – нас было трое (брат и две сестры) – знали, что дедушка в молодые годы был гусаром и служил в Польше. Моему дедушке было восемьдесят лет, когда я родилась, поэтому я застала его уже в весьма почтенном возрасте. Дедушка отличался очень высоким ростом, чуть меньше двух метров. Он был сухощав, строен и очень подвижен. Дедушке было далеко за восемьдесят, но он легко вывозил коляску с моей младшей сестрой, которая была на два года младше меня, и с нами, двумя девочками, подолгу прогуливался на Поклонной горе. Мне теперь кажется, что он делал это с удовольствием, любил нас, самых младших внуков.

От дедушки всегда исходило тепло и забота, рядом с ним, таким большим и сильным, нам было спокойно и хорошо. Дедушка никогда не повышал на нас голоса, даже когда мы шалили, и тем более никогда не поднимал на нас руки, даже в шутку. Когда нас наказывала мама, дед раскрывал свои огромные руки, как бы защищая нас, а мы с сестрой прятались за его могучую спину. Несмотря на худобу, при его росте спина дедушки была широкая. Мы всегда знали – дедушка нас в обиду не даст. Когда мы слишком увлекались играми, громко смеялись и вообще шумно вели себя, что, в общем-то, не приветствовалось в коммунальной квартире, дедушка мог сделать нам замечание. Оно было совершенно невинным. На улыбки и смех, если он не понимал, по какому поводу мы веселимся, он обычно спрашивал: «Что ощеряетесь?» Как ни странно, слово это, теперь практически вышедшее из употребления, было нам понятно и не требовало объяснений. Мы понимали, о чем спрашивает дедушка, и слово это совсем не казалось нам ни странным, ни грубым. И если сейчас мне случается вдруг услышать его, то в ту же минуту передо мной всплывает лицо деда. Больше в семье никто так не говорил. Это было какое-то его особенное слово.

Поскольку все мы – а нас было шесть человек – жили в одной комнате, то вся жизнь дедушки протекала у нас перед глазами. Наши родители, у которых было уже трое детей, работали не покладая рук. Почти все время они проводили на работе и сверх того, чтобы прокормить всю семью, прилично одеть нас и что-то отложить для больших покупок, подрабатывали еще и ночью. Мама раскладывала письма на почте, которая размещалась в противоположном от нас доме, а позже обшивала родных и знакомых, поэтому почти все время мы проводили с дедушкой. Он в буквальном смысле слова нас вырастил.

Конечно, я была совсем ребенком и специально не наблюдала за тем, что и как делает дедушка. Но все же, как это ни удивительно, по прошествии стольких лет я прекрасно помню все его привычки и каждодневный распорядок. Дело в том, что дед Федя отличался своими, только ему присущими манерами и стилем жизни, сформировавшимся, видимо, в далекие годы молодости. Так, например, ел он отдельно от всей семьи, то есть свою пенсию он, естественно, отдавал родителям, но питался не с нами вместе, а в другое время, когда все уже были накормлены, взрослые уходили на работу и дома оставались только дети. Я, разумеется, уже не вспомню набор продуктов, которые он более всего предпочитал, но вот как он ел свой завтрак или обед, я помню хорошо. Дедушка всегда сам себе сервировал стол. У него была своя салфетка, он тщательно ее расправлял, стелил на круглый стол, стоявший посередине нашей большой комнаты. Ел он всегда неторопливо, с чувством, даже как-то уважительно по отношению к еде. Мы с сестрой часто наблюдали за этим священным действием, сидя на большом диване напротив стола. Ведь дед ел только после того, как все были накормлены, поэтому он мог не торопиться и ел так, как ему было удобно и привычно.

Леночка и Олечка Карташевы, Москва, Поклонная гора, 1960

Сейчас, уже в зрелом возрасте, я часто вспоминаю, как бережно дедушка относился к еде. Хлеб он намазывал необыкновенным образом: тщательно и подробно, замазывая всю площадь хлебного куска, включая все его уголки и выступы. У него были свои столовые приборы и маленькая рюмочка. Он вообще любил все свое, личное. Возможно, это было связано с годами его службы в полку. А может быть, было просто привычкой, личным качеством или традициями его семьи. С полочки папа всегда покупал дедушке бутылку хорошего вина. Обычно ее хватало на месяц, потому что после следующей папиной полочки появлялась новая бутылка. Вино дедушка наливал в свою крошечную рюмочку. Думаю, это тоже было связано с привычками его молодости. Дед никогда не курил, но сказать также, что он выпивал, было бы совершенно неправильно. Рюмочка его напоминала аптечную мензурку – так она была мала.

Наша повседневная жизнь была небогата событиями. В каждодневных заботах у дедушки была отдельная часть работы. Помню, он очень любил кипятить молоко. В то время, а это был конец 1950-х – начало 1960-х годов, молоко привозили к дому в бочках. Ответственная миссия по покупке и доставке молока была возложена на дедушку. Ведь нас было много, и именно ему было поручено готовить молоко для всей семьи. Кипятили молоко на общей кухне, и дедушка всегда клал в кипящее молоко кусочек сахара,

то ли для вкуса, то ли для сохранности.

Дедушка всегда носил одну и ту же «прическу» – просто-напросто брился наголо. Эту ответственную процедуру он доверял только маме, и ему нравилось, когда мама его брила. У нее это ловко получалось. После бритья он выглядел очень довольным, счастливо улыбался и глядел на маму глазами, полными благодарности. Маму дедушка особенно любил и высоко ценил ее внимание и заботу. Мама тоже обращалась к дедушке не по имени и отчеству, а из уважения к нему – просто «папа».

Дедушка, каким я его знала уже в старости, не был франтом, но любил ухаживать за собой, был большим аккуратистом. Сколько я его помню, он всегда выглядел опрятным, ухоженным. В этом смысле он не был похож на других стариков, каких я встречала на улице или знала как соседей по дому. Свою одежду он всегда аккуратно развешивал на стуле, хотя, собственно, много одежды у дедушки не было. Ведь жили мы очень скромно, но не бедствовали, как многие другие семьи в то послевоенное время. В последние годы своей жизни дедушка уже не выходил из дома, но все равно никакого беспорядка рядом с ним никогда не было. Даже газеты, которые он читал с огромным интересом, всегда были сложены в аккуратные стопочки. Дедушка не был партийным, но политика его волновала. С появлением телевизора он с интересом смотрел все трансляции партийных съездов, внимательно следил за тем, кто выступал, вслушивался в то, что говорили о ситуации в стране, что решили, что предприняли и т. д. Все в комнате буквально замирали, когда дед смотрел телевизор. Все понимали – это для него важно.

Точно так же он обожал читать газеты. Газета тогда стоила две копейки. Дедушка часто просил меня: «Купи газету». Я тут же бежала в киоск. Через некоторое время он опять просил: «Купи еще. Забыл тебе сказать». Я опять выбегала на улицу. Поскольку лифт меня, маленькую девочку, потянуть не мог из-за небольшого веса, я должна была спускаться вместе с кем-то, кроме, конечно, посторонних – это было запрещено. Но «попутчиков» из взрослых не всегда можно было дожидаться, и я бегала по лестницам пешком на шестой этаж. Только принесу, а он опять: «Забыл!» И я, бывало, так набегаюсь, что сил нет. А он просит опять, и быстро. «Все, дед, не пойду я больше!» В таких случаях, чувствуя свою маленькую вину, дедушка говорил: «Ну ладно, купи себе сосалку», – и давал мне четыре копейки. Ну, я, конечно, опять летела вниз – за газетой и леденцом.

К тому времени, как я помню дедушку, ему было уже под девяносто. Естественно, своих зубов у него уже не было. Однажды у мамы разболелся зуб. Она мыкалась сутки напролет, но из-за работы все никак не могла выбраться к врачу. Дедушка дал мудрый совет:

– Люба, есть такая примета. Состриги ногти на руках и закопай их в землю. И зубы не будут болеть. Вот я так сделал, и у меня зубы не болят!

– Да ты что, папа?! Какие зубы? У тебя же своих зубов давно нет!

Дедушка даже глазом не моргнул:

– Помилуй бог, Люба! – и тихо засмеялся. – Хе, хе, хе...

Мы потом долго еще смеялись, вспоминая этот совет и дедушкино искреннее изумление – «Помилуй бог, Люба!»

Помню еще одно дедушкино предупреждение. Оно было связано с нашими играми. Дело в том, что во дворе нашего огромного дома был летний кинотеатр с крытой эстрадой и деревянными скамейками без спинок. Мы с сестрой любили перепрыгивать через эти скамеечки. Скакали на скорость – кто быстрее перепрыгивал, тот и выигрывал. Поскольку гуляли мы всегда с дедушкой, он каждый раз предупреждал нас: «Допрыгаешься! Пойдут у тебя красные сопли». Это означало «разобьешь нос в кровь». Вообще, несмотря на всю его внушительного размера фигуру, крепость, бодрый дух, здравый ум, физическую силу и рост, дед Федя был человеком очень тихим. От него никогда не исходило никакого шума и тем более крика. И говорил он всегда тихим, ласковым голосом, был улыбчивым и, можно сказать, деликатным человеком. Тем более удивительной кажется история его женитьбы. Дедушка женился неожиданно и по большому чувству. Пелагея Никитична, которую мы звали просто баба Поля, была тайно украдена им. Подробности этой романтической истории нам по малолетству не рассказывали, но было известно, что баба Поля была «пленной турчанкой». Подтвердить это семейное предание уже невозможно, но, по всей видимости, баба Поля была либо дочерью «пленной турчанки», либо происходила из «семьи инородцев».

В свои молодые лета бабушка, заботясь о столь многочисленной семье, была постоянно занята хозяйством и считалась неработающей. Поскольку хозяйство у них с дедушкой было обустроенное и

крепкое, то в 1930-е годы неработающей Пелагее пригрозили высылкой. Дедушка с бабушкой, оставив усадьбу в Тульской губернии, связав котомки и прихватив детей, бежали в Москву, чтобы спастись, затеряться в большом городе. Дедушка устроился работать извозчиком, а баба Поля – уборщицей на Киевский вокзал. Она мыла платформы, ползая на коленях по асфальту. От постоянного переохлаждения в старости у нее сильно болели ноги, она передвигалась с трудом, а потом и вовсе без костылей не могла и шагу ступить. Так я ее и помню – с костылями, негромко и мерно постукивающими по паркету в коридоре нашей коммуналки. Не помню, чтобы она когда-нибудь заходила в нашу комнату. Почему – не знаю. Скорее всего, у них с дедом существовала договоренность на этот счет. Может быть, они остерегались вызвать ревность у внуков и случайно поссорить своих детей, а может быть, по каким-то другим причинам. Переговаривались они с дедушкой в основном на кухне. Баба Поля отличалась исключительной молчаливостью. Так, например, она могла попросить нас отойти в сторонку, когда ей необходимо было пройти из комнаты тети Шуры на кухню мимо нас с сестрой, играющих в классики в общем коридоре. Правда, чаще всего она вообще ничего не говорила, а просто приподнимала свой костыль, показывая нам таким образом, что ей надо пройти. Когда в 1968 (или 1969) году тетя Шура со своей семьей и бабой Полей переехали в отдельную квартиру на улицу Василисы Кожинной, бабушка долго не зажила и вскоре ушла из жизни. От деда Федя это известие тщательно скрывали, но, видимо, он чувствовал неладное. Стал скучать и печалиться, часто жалобно спрашивал родителей: «Что же это вы меня к матери-то не везете?» Не помню, появлялись ли у него при этом слезы на глазах, но вопрос его звучал с такой невыразимой тоской, что у меня до сих пор сердце разрывается на куски, когда я вспоминаю его голос в этот момент.

К сожалению, из-за переездов наш семейный альбом – огромный кожаный монстр – каким-то неведомым образом исчез. Все попытки разыскать его не увенчались успехом. У меня сохранилась лишь одна старинная фотография, на которой запечатлен мой дед, Федор Егорович Карташев. Но даже если бы и этой фотографии у меня не было, я никогда бы не смогла забыть доброе, ласковое и такое родное лицо моего дедушки, которому я стольким обязана. Иногда мне кажется, что все лучшее, что я в себе знаю, заложил в мою душу именно он – щедрый, добрый, любящий дедушка, большой и сильный человек.

Е. Р. Мушкина

«Вам знакома тоска по прошлому?»

*Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужий час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ.*

А. С. Пушкин

Вновь и вновь перебираю старые семейные фотографии. Лица полузабытые – это бабушки, с которыми прожила вместе десятки лет. И лица незнакомые – прадед, дед... Их я вообще не знала: умерли-уехали до моего рождения.

Я и представить себе не могла, как крепко будут держать меня вековые корни, каким сильным, требовательным станет зов предков. Казалось бы, не все ли равно, куда выходили окна квартиры прадеда Ивана Ивановича, как отстаивал в суде права своего Торгового дома мой дед Леопольд Яковлевич, как обслуживал гостей троюродный дед Яков Данилович...

Нет, не все равно! Поняла: человек должен знать свои корни. Знать, чтобы помнить. Эти два слова связаны неразрывно. И чем больше мы знаем, тем дольше и глубже память.

Вам знакома тоска по прошлому?

По вопросу так и не спрошенному?

Как же созвучны мне эти слова Кира Булычева! Увы, спросить уже не у кого.

Что-то, конечно, о них, представителях сильного пола нашей семьи, рассказывали бабушки, что-то сохранилось в доме – фотографии, документы, письма. Но главное – архивы. Несколько лет я провела в

них, перерыла, перечитала фолианты дел. Я ходила по столичным улицам, где прадед и дед жили, учились, работали в конце XIX – начале XX века. Ходила по следам своих предков.

Из гильдии – в разгильдяи

Иван Иванович, прадед

«А в Столешниковом – ну просто беда – целый сонм воспоминаний и дум»¹⁷. Стою перед домом 7 – чистенький, ухоженный, недавно отреставрированный. Здесь, во владениях Алексея Корзинкина, и жил мой прадед Иван Иванович с женой Серафимой Семеновной и дочерьми. Квартира 4, третий этаж. Вообще облик переулка сложился на деньги купцов Корзинкиных. Самые старые строения – каменные палаты XVIII века. Были они двухэтажные, хилые, невзрачные. Перед войной 1812 года на их месте возвели богатый дом из двадцати семи комнат. Хозяин дома, Жан Ламираль, давал для аристократических семей уроки танцев. Говорят, здесь бывал знаменитый московский танцмейстер Петр Йогель, на балу у которого Пушкин встретил юную Наталью Гончарову.

Иван Иванович и Серафима Семеновна Розенблат, мои прадед и прабабушка

Потом участок земли Ламираля перешел в руки купца Егора Лева. Участок был так велик, что купец разделил его. Дом 9 приобрел домовладелец Д. И. Никифоров. Сюда, на третий этаж, переехал с другого конца переулк Владимир Гиляровский и жил здесь без малого пятьдесят лет, до 1935 года. Дом под номером 7 хозяин оставил себе. Верхние этажи сдавал жильцам в аренду.

Рядом – знаменитый винный магазин. У него был соперник-конкурент, весьма достойный: товарищество виноторговли К. Ф. Депре. В самом деле, портвейн «Депре № 113» не знал себе равных. Но большинство москвичей все же покупали горячительные напитки именно в Столешниковом. Не случайно этот магазин воспет в «Анне Карениной»: «...выйдя в столовую, Степан Аркадьевич, к ужасу своему, увидал, что портвейн и херес взяты от Депре, а не от Лева». Далее он распорядился «послать кучера как можно скорее к Лева».

Мой прадед, Иван Иванович Розенблат, мещанин, родился в 1853 году. Купец второй гильдии. Об этом я нашла запись в «Справочной книге о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве». Был членом нескольких торговых предприятий, а в середине 1909 года учредил Торговый дом по продаже суконного товара. Адрес для телеграмм «Сурсумь».

¹⁷ А. Розенбаум. «Покажите мне Москву».

Иван Иванович Розенблат

Агентурная контора прадеда была на Ильинке, в доме Хлудова. Сити Москвы – так в то время называли улицы Ильинку и Никольскую. Биржа и десяток банков: московские – торговый, купеческий, частный коммерческий; периферийные – Азовско-Донской, Волжско-Камский, Русско-Азовский, Сибирский; и самый, пожалуй, известный – Санкт-Петербургский международный коммерческий банк.

Дом 9, где был этот банк, сохранился, по бокам две секции, постройка, видимо, начала прошлого века. А между ними, в середине, с барельефами и полуколоннами, здание явно XIX века. Именно здесь и размещалась контора Ивана Ивановича.

В Китай-городе, помимо банков, находились правления практически всех крупных мануфактур и товариществ, оптовые и розничные склады, магазины. По отчетам того времени «в пределах Китай-города постоянно циркулируют более 35 млн пудов товаров. Среди них преобладают товары большой ценности, например мануфактура». Нет, не случайно мой прадед выбрал квартиру в Столешниках! С одной стороны Ильинка – место работы, с другой Большая Дмитровка – место отдыха. Тут находился Купеческий клуб, или правильнее – Купеческое собрание. Кстати, до середины XIX века Купеческий клуб тоже находился в Китай-городе, «близ Гостиного Двора, биржи и рядов в рассуждении дел и удобства купечествующих быть в собрании».

В старину Большая Дмитровка называлась Клубной улицей. В доме Муравьева было два клуба – Английский и Дворянский. Последний переехал потом в Дом благородного собрания, а его место занял клуб Приказчий. Руководители Купеческого клуба присмотрели себе роскошный особняк дворян Мятлевых, в доме 17, где сейчас музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Устав клуба соблюдали неукоснительно. Вот несколько положений:

– Если в Собрании между некоторыми членами сверх всякого ожидания случаются неудовольствие или даже ссоры, то другие присутствующие при этом члены Общества обязаны их нежнейшим образом примирять.

– Вредные и колкие разговоры, шум и вообще беспорядок никак не должны быть допускаемы. Если кто поступит вопреки сего, то хотя бы и не было на него ничьей жалобы, старшина обязан воздержать начинающего мерами кротости, т. е. сделать ему напоминание.

– В обыкновенные дни гостями могут быть только лица мужского пола, а в дни, назначенные для семейных увеселений, в качестве гостей допускаются и лица женского пола, а иногда, по постановлению Совета старшин, и несовершеннолетние, но не моложе, однако, 12 лет.

– Собрание открывается ежедневно, за исключением 5 января, трех последних дней Страстной недели, первого дня Святой Пасхи и 24 и 25 декабря.

Вход в Купеческое собрание – для избранных. Был период, когда мещане и ремесленники даже «в качестве гостей» не имели права входить в собрание. «Дворяне, чиновники, военные и лица свободных профессий могли быть только членами-посетителями». Ну а действительными членами клуба признавались какое-то время лишь купцы: «Всякий подлинный купец, не бывший ни под каким штрафом, может быть

членом сего общества».

Что ж, Иван Иванович, купец второй гильдии, был купец подлинный, двери клуба для него всегда были открыты. Человек энергичный и общительный, он любил клуб, воскресные обеды и балы. Эти балы устраивались ежегодно, начиная с 15 сентября и до наступления Великого поста.

В соответствии с правилами человек, «введший девиц, должен быть уверен в их благонравии и добром имени. Каждый член семьи мог привести на бал трех девиц или дам». Девиц в семье было пятеро, пять дочек: Зинаида, моя родная бабушка, и ее сестры – Анна, Раиса (Роза), Екатерина, Елизавета. В общем, приходилось соблюдать очередность.

Пока девочки веселились-танцевали, Иван Иванович проводил свободное время за игрой в бильярд или карты. К сожалению, свободного времени у него становилось все меньше: нелегкая работа торгового агента требовала больших сил. Вообще, торговый агент – посредник особый. В отличие от поверенного, это человек самостоятельный, может принимать поручения от обеих сторон и вести дела за собственный счет. В отличие от маклера, торговый агент обязан охранять интересы только своего доверителя. Деятельность агента не ограничивается одним каким-нибудь местом, а простирается обычно на большой район, вот и разъезжает для сбыта и закупки товара. Ну а от коммивояжера он отличается тем, что получает не жалованье, а определенный процент со сделки.

Дел прибавилось после того, как Иван Иванович был причислен в Московское второй гильдии купечество. Впрочем, помимо обязанностей, у него появились и права:

- Купцам второй гильдии не только дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри империи торги, и товары возить водою и сухим путем по городам и ярманкам, и по оным продавать, выменивать и покупать потребное для их торгу оптом и подробно, на основании законов.

- Второй гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и речные всякие суда.

- Второй гильдии дозволяется ездить по городу в коляске парюю.

Конечно, у купцов первой гильдии прав больше, и торги можно производить вне империи, и товары выписывать-отпускать за море. Да и суда разрешалось иметь не только речные, но и морские. И по городу разъезжать не в коляске, а в «карете парюю». Но Ивана Ивановича, видимо, вполне устраивала гильдия вторая, тем более что и объявленный для нее капитал был невелик, от пяти до десяти тысяч рублей. Объявление капитала – на доверии, так требовала еще жалованная грамота Екатерины от 24 апреля 1785 года: «Объявление капитала оставить на показании по совести каждого; и нигде ни под каким видом об утайке капитала доноса не принимать и следствия не чинить».

Работать на доверии и честно – вот непреложное правило, иначе не сохранить репутацию. Тот, кто следовал совету купца из басни Крылова: «Торгуй по-моему, так будешь не в накладе», – оставался в дураках. Сначала герой басни радовался: вместо английского сукна подсунил покупателю польское! Не рой другому яму: деньги оказались фальшивыми!

Бесспорно, мечта каждого купца – попасть в выборные московского купеческого сословия. К этому стремился и мой прадед, его фамилию я нашла в списке купцов, «имеющих право... быть избранными в выборные». Право-то он имел, а с конкурсом не справился. Зато среди выборных оказались братья Щенковы, Николай и Александр. О них в нашем доме говорили часто. Иван Иванович общался с обоими братьями, но особенно с их отцом, Владимиром Власьевичем. Прадед завидовал Щенковым, у которых из поколения в поколение рождались мальчики, продолжатели династии, три сына – у Николая, два – у Александра. После смерти главы семьи Торговый дом «Щенков с сыновьями» продолжал успешно работать. Братья шли по жизни нога в ногу, с 1903 года оба в купеческом сословии, с 1904-го – состоят выборными. Особенно активным, как свидетельствует стенограмма одного из заседаний, был Николай.

Удивительно, многие проблемы, обсуждавшиеся в собрании выборных, созвучны нынешним. Например, в июле 1915 года речь шла о «курсовой цене» на иностранную валюту:

- Долгое время цена на валюту на биржах не менялась, – говорил в своем выступлении Николай Щенков. – И вот резкий скачок. Падение курса рубля должно вызвать застой в торговле и в фабричной деятельности страны. А через это должны явиться банкротства и оставление тысяч рабочих без работы, что недопустимо ни в государственных, ни в экономических интересах нашей Родины... А потому прошу его Превосходительство господина старшину безотлагательно обратиться к министру торговли и промышленности, а также к министру финансов с ходатайством о принятии необходимых мер.

Затем проблема беженцев:

– Вам, господа, известно, что в Москве теперь очень много беженцев, которые испытывают крайнюю нужду, не находя крова и питания, а потому я внес бы предложение, не найдет ли возможным собрание выборных из средств купеческого общества ассигновать известную сумму на помощь всем этим беженцам? В течение получаса и решение приняли, и сумму утвердили, более того – увеличили. Вообще Николай Владимирович был в Москве человеком известным. Именно он предложил облегчить похоронные дела. Раньше доставить на кладбище гроб с умершим было проблемой; приходилось втридорога нанимать конку. Но появился трамвай, и Николай Щенков внес в городскую Думу проект: пустить по рельсам специальные ритуальные вагончики с откидывающейся боковой стенкой.

Проект был тщательно разработан, т. к. Николай Владимирович окончил Практическую академию коммерческих наук. Но Дума не поддержала, и на похоронный трамвай денег не нашлось. Ну а мой прадед, хоть и не стал выборным, трудовую деятельность развил активнейшую. Как следует из документов, 30 октября 1907 года он создает Торговый дом и сразу же просит Московскую купеческую управу его узаконить: «Прилагая при сем 463 руб., покорнейше прошу выдать Промысловое Свидетельство на 1908 год согласно заявлению». 19 ноября свидетельство выдано.

31 января 1908 года прадед обращается уже в Казенную палату с просьбой причислить его в купечество. Палата сообщает об этом в купеческую управу: «Казенная Палата предлагает Московского мещанина Мясницкой слободы Ивана Ивановича Розенблат... с женой Серафимой Семеновной и детьми их – Анною, Раисою и Елизаветою – православного исповедания». Согласно его прошению и представленным документам «причислить с начала 1908 г. в Московское 2-й гильдии купечество; причем препровождает в Управу Промысловое Свидетельство за № 28 для сделания надписи о сем причислении и выдачи по принадлежности. Кроме того, поручает за внесенные в Московское губернское Купечество под квитанцию от 20 ноября 1907 г. за № 37654 деньги, в сумме 30 рублей, выдать сословное купеческое Свидетельство 2-й гильдии на 1908 г., на котором сделать надпись о причислении». Подписи – начальник отделения и бухгалтер.

Почему-то речь идет только о трех дочерях. Где Зинаида? Екатерина? Оказывается, Зинаида «исключена из мещан со второй половины 1902 года в звании зубного врача». Екатерина «со второй половины 1903 года исключена в звании домашней учительницы». Видимо, по существовавшим тогда правилам те, кто получил образование, автоматически исключались из мещан.

Итак, свидетельства выданы, промысловое и сословное.

20 февраля прадед вновь пишет в Московскую купеческую управу: «Прилагая при сем Промысловое Свидетельство на торговое предприятие 1-го разряда за № 1113... покорнейше прошу выдать мне бесплатный промысловый билет на склад розничных товаров, на 1908 год. Гор. часть, Ильинка, дом международного банка».

Причисление к купечеству

Торговый дом Ивана Ивановича просуществовал около двух лет. 30 июня 1909 г. появляется новый – Торговый дом «Розенблат и Гершман», тоже по продаже суконного товара. Открыт в образе полного товарищества, поэтому в названии должны быть перечислены все товарищи-участники. В данном случае их двое. «Складочный капитал – пять тысяч рублей. Право подписывать документы от имени фирмы предоставлено обоим товарищам. При несостоятельности фирмы они в равной мере несут ответственность своим имуществом». При несостоятельности... Представляю, как посмеивался прадед, подписывая этот документ. Дела-то шли хорошо. Впрочем, хорошо ли? Глазам не верю – всего через полгода появляется прошение «бывшего Московского 2-й гильдии купца Ивана Ивановича Розенблат». Бывшего! «В 1909 году состоял я купцом, но на сей 1910 год своевременно не возобновил торговых документов и, желая вновь состоять купцом, имею честь покорнейше просить Московскую Казенную палату причислить меня с начала 1910 года в Московское 2-й гильдии купечество вместе с женою и тремя дочерьми». Прошение написано 9 января 1910 года. И уже 8 февраля Казенная палата принимает решение: «Причислить». Фигаро здесь, Фигаро там!

– Ничего удивительного, – объяснял мне Олег Александрович Второв, председатель Совета Общества купцов и промышленников России. – Человек, который имел торговый дом, обязательно должен был представлять отчет о его деятельности. Ежегодно. Баланс, если хотите. Случалось, силы переоценил, возможности. Вот и исключали, за неуплату гильдейских повинностей. Контроль строжайший. Кстати, словом «разгильдяй» называли купцов, исключенных из гильдии.

Но в словарях другое толкование – путаница. Впрочем, все верно: человек, запутавшийся в своих делах.

– Так ведь стыдно?

– Почему?! Торговый агент – посредник. Сбой у поставщика, значит, проблемы и у него. Рикошетом.

Кроме того, бывают форс-мажорные обстоятельства. Скажем, идет возок с товаром из Сибири. Железных дорог тогда не было, а в пути снег, заносы. Тут уж ничего не поделаешь. По своим предкам знаю: известные купцы Второвы несколько раз переходили из одной гильдии в другую. Да и Елисеевы тоже.

– Но они переходили из одной купеческой гильдии в другую. А мой-то прадед из купцов в мещане!

– Какая разница! – говорит Олег Александрович Второв. – Главное, результат. Думаю, ничего серьезного тогда и не было. Просто ваш прадед пропустил срок: заболел, уехал. Сдохнулся, когда поезд ушел. Видите, догнал... Догнал, но сколько времени на это потребовалось! Сколько сил! Сколько бумаг! Прежде всего согласие коллеги, совладельца торгового дома: «Изъявляю со своей стороны полное согласие на причисление в Московское 2-й гильдии купечество другого полного товарища моего, бывшего Московской 2-й гильдии купца Ивана Ивановича Розенблат по Промысловому Свидетельству, выданному на 1910 год за № 5332 на имя нашего Торгового дома под фирмою “Розенблат и Гершман”, и получить по нем сословное купеческое Свидетельство. Московский мещанин П. Гершман». Далее бумага от нотариуса: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что подпись сделана собственноручно в присутствии моем, Александра Федоровича Момма, Московского нотариуса, в конторе моей, находящейся в городской части на Ильинке в доме Троицкой лавры членом Торгового дома “Розенблат и Гершман” – московским мещанином П. Гершманом, живущим в Москве, по Арбату, в доме Титова, лично мне известным. 1910 года января 23-го дня. По реестру 1668. Нотариус Момм».

Теперь можно делать следующий шаг. 27 января Иван Иванович обращается в Казенную палату: «При этом представляю прежнее мое купеческое Свидетельство и Промысловое Свидетельство. Также Промысловое Свидетельство на 1910 год на имя моего Торгового дома, подписку члена и полного товарища П. А. Гершмана о согласии его на получение мной сословного купеческого свидетельства».

Наконец, 6 февраля столоничник Мясницкой слободы подтверждает, что Иван Иванович «в числе несостоятельных должников не значится». Лишь после этого восстановили.

– Вопрос решился быстро, – продолжает Олег Второв. – Иные купцы, споткнувшись, годами не могли встать на ноги, дела поправить. А тут перерыв на мещанство меньше месяца. Да и ЧП случилось один раз!

Стоп! Один ли раз? Я ведь читала бумагу, которую Казенная палата выдала попечителю Московского учебного округа, когда Зиночка решила получить звание домашней учительницы: «Дано сие в том, что в Московском мещанском сословии по Мясницкой слободе состоят записанными Иван Иванович Розенблат, его жена, их дочь Зинаида, 18 лет от роду, веры православной, перечислены в мещанство из Московского купечества на 1895 год».

Странно, из купечества – в мещанство! Обычно ведь наоборот. Я тогда не придавала этому значения, думала, описка. Зина сдавала экзамены дважды, потом другие дочери. И каждый раз требовались сведения о родителях. Увы, всюду эти слова: «Из купечества в мещанство!» И так, 1895 год. В столь далекое прошлое я и не заглядывала. Ведь первое упоминание о своей семье я нашла в книге «Вся Москва» за 1900 год. Оно-то и стало для меня отправной точкой отсчета. Я все время шла вперед от этой даты. Оказывается, нужно было идти и назад.

...Московский городской архив на Профсоюзной улице открывается в десять часов. Бутерброды в сумку – и каждый день как на работу. Фонды, описи, дела... Фолианты дел.

Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку¹⁸.

Я тоже ловлю, но, в отличие от героя Пастернака, ловлю то, что уже случилось. «Что случилось на моем веку». Сказать, что работа в архиве засасывает, значит, не сказать ничего. Она поглощает. Это не хобби, не времяпрепровождение. Это образ жизни. В первые дни ждешь-надеешься: еще немного, и появится блюдечко с голубой каемочкой. А на нем все сведения, которые ищешь. Блюдечка не будет: архивы неохотно открывают свои тайны. Не случайно нас называют там не читателями, а исследователями: сопоставляем, анализируем, домысливаем... изводим единого факта ради сотни томов архивной руды.

¹⁸ Б. Л. Пастернак. «Гамлет».

Иной том – более десяти килограммов.

Кто ищет, тот всегда найдет. Нет, не всегда! Находки, к сожалению, не столь часты, многих дел в архиве просто нет: затерялись-заблудились по дороге. Но даже если нужный материал значится в списке, радоваться рано. Ждешь заказ – получаешь отказ.

– Видите, – объясняют мне. – На этом бланке написано: «Нуждается в реставрации». На том – «Требуется переплёт». Какая разница! Все равно – отказ. Разница огромная. Если «нуждается в реставрации», дело не выдают. Никогда. А вот переплёт... Нет переплета – есть надежда. Надежда получить документы. в порядке исключения, только на один день и на конкретное число. Не приедешь – дело вернется на полку. Навсегда.

По описи кажется: в этом томе будет то, что нужно. Нет, опять ничего нового! Один раз, второй, третий... Плюнуть? Послать все к черту? Никто ведь не заставляет. Пропали он пропадом, этот архив! Но тут, как на беговой дорожке, приходит второе дыхание, и бежишь к финишу, продолжаешь искать, надеяться, ждать. Чем больше ждешь, тем находка желаннее.

Но где же этот таинственный 1895 год, когда прадед был исключен из купечества? Впрочем, смотреть надо и предыдущие года, когда он был в купечество причислен.

Яков Иванович Розенблат, двоюродный прадед

«Московская Казенная палата от 20 сего мая за № 17178 предписала мещанина Якова Ивановича Розенблат, 44 лет от роду к 21 декабря 1893 года, холостого, православного вероисповедания, причислить с начала сего 1894 года в Московское 2-й гильдии купечество. Казенная палата, уведомляя о сем городскую управу, имеет честь присовокупить, что Розенблат в купечестве записан по Панкратьевской слободе под № 180 посемейного списка».

А вот список, выданный столоначальником Панкратьевской слободы: «Сведения о Московском 2-й гильдии купце Якове Ивановиче Розенблат, торгующем под фирмою “Братья Я. и И. Розенблат”. Торговля мануфактурным товаром. Городской участок в Теплых рядах № 222. Живет Мясн. ч. 1 уч. Кузнецкий мост, в доме князя Голицына».

Родной брат прадеда! На несколько лет старше. Видимо, в их тандеме тоже старший: имена-инициалы не по алфавиту.

В Теплых рядах братья чувствовали себя прекрасно. Добрым словом вспоминали предпринимателей А. Пороховщикова и П. Азанчевского, которые решили утеплить сырые, холодные лавки и магазинчики, расположенные в Китай-городе. Правление этих рядов находилось на Малой Никольской. «Учреждено для содержания и пользования доходами с устроенных в Москве Теплых рядов... для торговли и гостиницы для приезжающих». Действия открыты с 1874 года.

Еще были Нижние ряды, между Варваркой и Москвой-рекой, Средние, между Ильинкой и Варваркой, – именно здесь помещался склад розничных товаров Ивана Ивановича, и Верхние – между Никольской и Ильинкой. Из-за Верхних рядов в городе разразился огромный скандал. Купеческие лавочки, составлявшие эти ряды, были ветхие, покосившиеся. Однажды какая-то барыня примеряла дорогое бархатное платье, гнилые доски рухнули, и барыня сломала ногу. Владелец магазинчика, чтобы замять дело, вынужден был подарить ей то самое платье...

В общем, Государственная дума решила снести полуразвалившиеся лавочки и построить на этом месте торговый центр. Купцам бы радоваться, а они – ни в какую. Возмущение, конечно, в адрес городского головы Алексева. «Бедного брата Колю по всей Москве ругательски ругают за ряды», – писал Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия его – Алексеев). Но все же власть победила: в конце 1893 года на месте старых Верхних рядов был построен ГУМ.

Торговля в Китай-городе расширялась. Расширялась и деятельность прадеда. В том же 1893 году было создано Общество бумажных мануфактур, «учрежденное... для распространения бумажных и шерстяных изделий». Находилось оно не в Москве, а в Лодзи. Телеграфный адрес: «Розенблат». Без инициалов. Однофамилец? Нет, уверена, это сам Иван Иванович или кто-то из близких родственников! Не случайно ведь в доме на книжной полке стоит сборник стихов Семена Надсона, изданный в 1889 году. На последней странице штамп: «Книжный магазин. Библиотека С. Г. Стракуна в Лодзи». Видимо, между Москвой и Лодзью была тесная торгово-мануфактурная связь, родственная.

Итак, в 1894 году мой прадед Иван Иванович вместе с братом имел в Москве Торговый дом. Однако я просмотрела материалы Казенной палаты и купеческой управы, справочные книги о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства, картотеку торговых домов, акционерных обществ и товариществ – нигде этот дом не значится! Ничего удивительного. Как следует из документов, дело о причислении в купечество Якова Ивановича было закончено 21 мая 1894 года. Наверняка какое-то время прошло и до открытия самого Торгового дома, а потому данные о нем не успели попасть в справочник 1895 года. Ну а потом Торговый дом, видимо, приказал долго жить: ведь именно в следующем году Ивана Ивановича перевели в мещане. А Яков почему-то остался в купечестве. Вообще мой двоюродный прадед отличался охотой к перемене мест. В 1895 году он жил уже не на Кузнецком мосту, а на Рождественке, в 1902 году – во Введенском переулке, потом в Доброслободском. Что делал, не знаю. Один раз промелькнуло упоминание о часовом магазине. Как бы то ни было, по-прежнему купец! Последнее упоминание о Якове Ивановиче – в 1906 году. Умер? Уехал? Следы затерялись.

Зато Иван Иванович выплыл. Тринадцать лет с силами собирался, один Торговый дом открыл, другой... Твердо встал на ноги. С января 1914 года «за смертью московского мещанина П. Гершмана московский купец Иван Иванович Розенблат продолжает торговлю под тою же фирмой единолично».

Шаг вперед – два шага назад. Нет, шагов вперед я пока не делаю. Только назад. «И пыль веков от хартий отряхнув»¹⁹, перечитываю уже просмотренные документы. С делами служебными вроде ясно. А личные? Где, например, родились?

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?²⁰

Наконец-то! В метрических книгах московской Александро-Невской церкви в Александровском, в

¹⁹ А. С. Пушкин. «Борис Годунов».

²⁰ Б. Л. Пастернак. «Свидание».

убежище увечных воинов во Всех-Святской Роще, читаю: «8 февраля 1886 года у супругов Розенблат родилась дочь». Назвали Екатериной. И далее: «Отец – Курляндской губернии Бауский мещанин». Место рождения Екатерины – «Сущ. ч. 1 уч. д. Зайченко Ан. Ив. Сщв 1/398 ж. ст. с. Долгоруковская».

С Курляндией разобралась быстро: область, входившая в состав Ливонского ордена. Как сказано в словаре Брокгауза и Ефрона, по Рижскому заливу жили ливы, в западной части – куры, в средней Курляндии – семгаллы, на юге – литовские племена. Кстати, именно здесь корни Анны Иоанновны, герцогини Курляндской. И патриарха Алексия II – в миру он Алексей Михайлович Ридигер. Когда-то на корону герцогства Курляндского претендовали граф Мориц Саксонский, юный красавец, танцор, авантюрист, и Александр Данилович Меншиков, любимец Петра. В результате интриг и сражений Курляндия в конце XVIII века подчинилась России.

Ближайшие «соседи» Бауска – Митава, столица Курляндии, города Либава и Вильно, а также мыс Паланген, возможно, это Паланга. В середине XIX века, когда родился мой прадед, губернию возглавлял Петр Павлович Альбединский, генерал-губернатор Лифляндский, Эстляндский и Курляндский.

Теперь о Кате. Как расшифровать эту запись о ее рождении со странными сокращениями: «ж. ст. с. Долгоруковская»? Железнодорожная станция? Но что в таком случае означает еще одна буква «с»?

Не буду описывать поиски. Листая все эти фолианты, я постоянно повторяла девиз архивистов – сомневаться во всем! Не радоваться, не проявлять эмоций, пока не удостоверись, что находка бесспорна. Так вот, буквы «ж. ст. с.» относятся не к слову «Долгоруковская», а к фамилии Зайченко. Анна Ивановна Зайченко, жена статского советника, жила в Москве, на Долгоруковской улице. Дом двухэтажный с проездными воротами. Низ каменный, верх деревянный. По второму этажу стеклянная пристройка для зимнего сада. Во дворе, налево и направо, еще три маленьких домика.

Глава семьи, Иван Иванович Зайченко – генеральный консул. В то время в Москве было три консула: бельгийский, австро-венгерский и он, Зайченко, консул персидский и греческий. Канцелярия или, как теперь говорят, офис – тут же, в квартире. И еще он занимал должность светского директора в «Попечительском о тюрьмах комитете».

А вот и новые записи: рождение двух девочек. 1884 год – София. Я знала, что была в семье еще одна дочка, умерла в младенчестве. Потом – Елизавета; дата правильная, 1888 год. Кстати, в метрической книге написано «Елисафета», видимо, по аналогии с именем дочери Петра – «Елисафет».

В общем, сведения о рождении этих девочек ничего нового не дали. А вот об их матери, Серафиме Семеновне! В скобках читаю: «Девичья фамилия Розенталь». Созвучие супружеских фамилий меня всегда умиляло. Всеволод Вишневский и Софья Вишневецкая, Семен Надсон и Мария Ватсон. И вот мои предки!

Опять шаг назад!

Сколько же их, с отчествами Семеновичи! Даниил, Евгения, Евдокия, Маврик (Маврикий), Фанни, Коля... Три зубных врача, провизор, торговый агент по продаже мужского платья, агент страхового общества... Это в Москве. А в Питере! Август Семенович, инженер путей сообщения, член правления Азовско-Донского банка; с 1912 года директор этого банка. И еще Леонтий Розенталь. Его фамилия среди учредителей Сибирского международного коммерческого банка, Нидерландского для русской торговли, Русско-английского банка и, конечно, Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. Напомню, московская контора моего прадеда – на Ильинке, в здании этого банка!

Удивительная закономерность: пока мы ничего не знаем о человеке, который нас интересует, готовы довольствоваться любой мелочью, любым найденным фактом. Аппетит приходит во время еды. Чем больше узнаем, тем больше хотим знать.

Я хотела знать о своей семье как можно больше. А что, если копнуть еще глубже? Вдруг найду метрическую запись о регистрации брака прадеда и прабабушки, Ивана Ивановича и Серафимы Семеновны? Вдруг там будут сведения и об их родителях? Может, я – москвичка в пятом поколении?!

Несложный подсчет: старшая из бабушек, Зинаида, родилась в 1879 году. Значит, свадьба ее родителей могла быть в 1876–1878 годах.

По закону подлости никаких метрических записей тех лет не сохранилось.

– Пожалуйста, – предлагает архивариус, – есть сведения за 1875 год. Слишком рано? Да, детей тогда заводили сразу, не откладывая. Следующий год у нас только 1880. Слишком поздно? Да, уже была Зиночка. Все же возьмите, вдруг что-нибудь найдете.

Я надеялась найти «что-нибудь», а нашла клад: записи о двух супружеских союзах, заключенных в Москве. Записи, имеющие прямое отношение к моей семье. 1875 год. «Невеста – Августа, дочь Курляндской губернии г. Бауска купца Розенблат». 1880 год. «Невеста – Марианна, девица, дочь приписанного к г. Бауск купца Розенблат». Сомнений нет – родные сестры прадеда! Наверняка где-то между этими годами регистрировал свой брак и жених по имени Иван, тоже в Москве.

Сколько жизней прожила я за время работы в архиве! Я нашла брата и сестер прадеда – Якова, Августу, Марианну. Нашла двоюродных братьев своих бабушек, Михаила и Николая, 1884-го и 1886 года рождения. Нашла многочисленных родственников прабабушки Серафимы Семеновны. Узнала, что супруги до Столешникова переулка жили в Москве, на Долгоруковской улице. Узнала, что прадед – из Курляндии, из Бауска. А то, что дед из Питера, это я знала и раньше.

Я – потомственный почетный гражданин?

Леопольд Яковлевич, дед

Старшая дочь, Зинаида, вышла замуж в 1911 году. В Москве появился Леопольд Яковлевич Мушкин, мой будущий дед. Вообще, думаю, наши корни по деду из Питера. В доме собрания сочинений Григоровича, Достоевского, Тургенева, изданные в Санкт-Петербурге в 1894–1898 годах. Да и мама говорила, что много дальних родственников погибло в блокаду.

Молодожены решили жить отдельно, а потому сняли квартиру в Пименовском переулке (с 1925 года – Старопименовский), на Малой Дмитровке. Дом 13, квартира 10. Здесь и родилась мама. До 1906 года дом в Пименовском переулке принадлежал Варваре Митрофановне Костяковой. «Двухэтажный, с антресолями, коего первый этаж каменный, а второй частью каменный, частью деревянный». С 1908 года «каменный пятиэтажный». Квартира на третьем этаже, пять комнат. Во дворе, во флигеле, «бетонное строение», где помещалась конюшня на четырнадцать лошадей и каретный сарай. Удобно! Фамилию деда я сначала нашла в книге «Весь Петербург». Кандидат коммерции, потомственный почетный гражданин. Выпускники училища, которое он закончил, получали два образования – общее и коммерческое. Спрос на таких специалистов был огромен. Это понятно. Как сказано в «Памятной книжке коммерческого училища», рынок «забрасывается товаром со всех концов света», развитие промышленности «довело разнообразие товаров на рынке до бесконечности», поэтому «потребителю, а уж особенно посреднику-торговцу необходимо... близкое знакомство с товаром и его внутренними действительными достоинствами». Дипломированных специалистов ждали с распростертыми объятиями. Леопольд Яковлевич начал работать бухгалтером правления «Товарищества Григорий Бененсон». Товарищество наверняка было очень крупное, потому что Григорий Бененсон был человеком незаурядным. Среди его должностей – директор торгово-промышленного Товарищества, председатель общества для достижения первоначального образования детей, товарищ председателя правления акционерного общества горного округа, член правления Русско-английского банка. А потом упоминание о деде уже в Москве, в «Справочной книге о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства». 2 мая 1911 года он открывает фирму – Торговый дом «Л. Я. Мушкин и Ко». Торговля «портновским прикладом, русским и заграничным». Дом открыт в образе товарищества на вере. В названии, кроме фамилий непосредственных участников, должно быть и «Ко». Это означало, что в деле участвуют вкладчики, ответственность которых ограничена суммой вклада. Здесь всего один вкладчик.

В середине августа 1914 года фирма прекращает свои действия, а через несколько дней, 26 августа, появляется новая фирма. Учредители – кандидат коммерции, почетный гражданин Л. Я. Мушкин и колпинский мещанин М. Л. Эфрос. Колпино – город под Санкт-Петербургом, в двадцати шести километрах. Видимо, старый друг лучше новых двух. Торговый дом открыт уже в образе полного товарищества. Капитал 40 тысяч рублей делился пополам. Просуществовала фирма до 8 января 1915 года.

Первое время контора деда помещалась на Волхонке, в доме 7. Понятно: рядом, на Ленивке, бабушкин зуболечебный кабинет. Она окончила в 1902 году медицинский факультет Московского университета. А может, это и вообще один и тот же дом, угловой?! Тем более что номер телефона одинаковый: 401-75. Так и есть! Владение Лобачевых, Ефима Кузьмича и Анны Анисимовны, имело два почтовых адреса: Волхонка, 7, или Ленивка, 6, квартира 1.

Потом контора переехала в Лубянский (Китайский) проезд, левое крыло Политехнического музея, 101. Телефон 2-75-63. Опять же логично: до Ильинки, где Торговый дом прадеда, рукой подать, и в работе общие интересы. Прекрасный тандем: у прадеда – суконный товар, у деда – торговля сукном, мануфактурными и галантерейными товарами.

Дед Леопольд Яковлевич Мушкин с дочкой Ниной

Конечно, Леопольд сразу вошел в новую семью. Прадед был счастлив: наконец-то появился продолжатель его дела! Общие интересы и по работе, и по купеческому клубу. Не знаю, был ли мой дед завсегдатаем этого клуба, но как потомственный почетный гражданин мог бывать там беспрепятственно. В соответствии с уставом двери клуба всегда были для него открыты.

Сословие почетных граждан установлено манифестом от 10 апреля 1832 года. Вот что пишет об этом В. Ю. Рикман, товарищ главного герольдмейстера Российского дворянского собрания: «Желая новыми отличиями более привязать городских обывателей к состоянию их, от процветания коего зависят и успехи торговли и промышленности, мы признаем за благо права и преимущества их упрочить нижеследующими постановлениями... С таковым распространением оных предохранятся почетные роды граждан от упадка, откроется вящее поощрение к труду и благонравию и добрые навыки, трудолюбие и способности преуспеют найти в сем роде жизни свойственную им награду, почести и отличия».

Сословие почетных граждан, как и дворянство, делилось на личное и потомственное. На личное гражданство департамент герольдии обычно выдавал свидетельство, на потомственное – грамоту.

Во всех справочниках мой дед назван потомственным почетным гражданином, а в некоторых еще и личным. И вновь иду я в Общество купцов и промышленников, к Олегу Второву.

– У одного человека – два титула?!

– Почему бы и нет, – говорит Олег Александрович. – Он же был пожалован в звание кандидата коммерции. Это основание для получения личного почетного гражданства. Такие же основания и у тех, кто окончил институт с отличием, кто имел звание магистра или мануфактур-советника.

В правилах училища так и записано:

– Ученики, окончившие курс учения с отличием, удостоиваются звания кандидата коммерции.

– Успешно окончившие курс четвертого класса коммерческого училища имеют право на производство в первый классный чин без испытания, при поступлении на государственную службу.

– Ученики, окончившие полный курс училища, получают аттестаты и удостоиваются звания личного почетного гражданина, если по рождению своему не принадлежат к высшему званию.

В Москве первым почетным гражданином стал князь Александр Щербатов, в 1866 году, за

«существенно полезную для столицы деятельность в должности Московского городского головы». Потом – генерал-губернатор Владимир Долгоруков. Затем Николай Пирогов, Павел Третьяков, братья Бахрушины, Александр и Василий...

Но все это гражданство личное. А где же потомственное? Его не надо присуждать заново. Согласно манифесту 1832 года, «права потомственного гражданства переходят ко всем законным детям потомственного почетного гражданина, без всякого изъятия».

– Значит, я – потомственный почетный гражданин?!

– Не совсем так, – говорит Олег Второв. – Звание действительно автоматически переходит из поколения в поколение. Но только по мужской линии, а потому вы – внучка потомственного почетного гражданина.

Что ж, тоже неплохо!

А Олег Александрович продолжал:

– Но ведь вы еще – потомок купцов! Документы, архивные и сохранившиеся в доме, подтверждают это. А потому можете стать членом нашего общества. Оно создано весной 1992 года. Задачи? Возрождение третьего сословия, содействие рыночным реформам, защита малого предпринимательства.

– И Купеческое собрание есть?

– А как же! Высший руководящий орган. Работаем по совести – суд, который призван разбирать ссоры и конфликты, если такие возникнут, называется совестным.

И вот держу удостоверение за № 0792. Итак, я – «действительный член Общества купцов и промышленников России». Подписал его главный Старшина Общества Олег Гарцев, потомственный почетный гражданин России, почетный доктор социологии.

– Ты теперь у нас купчиха, – смеются друзья.

Ну а дела Торгового дома моего деда шли, видимо, не очень успешно. В Московском историческом архиве, в журнале заседаний Московского коммерческого суда, я нашла запись: «Об объявлении несостоятельным должником Торгового дома “Л. Я. Мушкин и Ко”. В лице полного товарища, кандидата коммерции, личного Почетного гражданина Леопольда Яковлевича Мушкина, по представлению справки из Купеческой управы». Слушание дела назначено на 24 января 1915 года. Все необходимые документы собирал по поручению суда стряпчий Евгеньев. Он же посылал деду извещения по адресу: Варварская площадь, «Деловой двор». Это была новая грандиозная по тем временам первоклассная гостиница, шестиэтажная, с круглой пристройкой. И очень дорогая. Возможно, Леопольд Яковлевич переехал сюда из Старопименовского переулка после развода.

Несколько раз слушания откладывались. Наконец, 27 мая 1915 года суд вынес решение: «В объявлении Торгового дома “Э. Я. Мушкин и Ко” несостоятельным отказать».

Молодец, дед, отбилсЯ. Но к этому времени он с чистой совестью ликвидировал свой Торговый дом и уехал из Москвы. Его дочке, моей маме, было два года. Сразу после развода Зинаида с дочкой, видимо, переехала к родителям в Дегтярный.

Так и росла моя мама в окружении пяти бабушек, прабабушки и Ивана Ивановича, прадеда.

Жизнь в Дегтярном

Радости и заботы большой семьи

В 1913 году Иван Иванович едет лечиться в Карлсбад. Видимо, не первый раз. Это один из наиболее известных европейских курортов, в Богемии. Он славился горячими щелочными источниками. Самый популярный – Шпрудель, в центре города.

На семейном совете решили – сопровождать отца будет Катя. Она же писала в Москву открытки. На одной стороне фото – она с отцом, на другой – текст. Несколько открыток сохранилось.

22 апреля

«Дорогая моя мамочка и дорогие девочки. Только сейчас получили, милые Розушка и Лизушка, ваше письмо. Посылаю вам, мои дорогие, наши физиономии. Я вышла ужасно скверно, была в старом корсете и в старой юбке, т. к. новый корсет не могла, к сожалению, одеть... У нас ничего нового, все идет обычным

порядком.

Милая моя мамочка, напиши мне, получила ли ты печатный лист, который я тебе послала относительно того, что могут есть диабетики. Не беспокойся, дорогая, папа очень хорошо себя чувствует, хотя продолжает немного курить, гуляем очень мало, комнатой и столовой очень довольны. Кланяйтесь Татьяне и Герасиму».

Иван Иванович с Екатериной, Карлсбад, 1913

22 апреля

«Дорогая моя Зинушка! Посылаю тебе наши физиономии, а также группу с Банашами и Танкелем. Полюбуйтесь на нас, по-моему, я вышла очень скверно, папа же, наоборот, хорошо. Только не смейся, скажи Лельке, чтобы он также не смеялся над нами.

У нас ничего нового, чувствуем себя по-прежнему очень хорошо. Погода теперь стоит очень хорошая. Посылаю эти карточки также и маме, и всем нашим на Клязьму. Как ты, дорогая, поживаешь? Спасибо тебе за твои открытки. Пиши нам по-прежнему, не ленись, чем доставишь нам большую радость. Пока, всего хорошего, целую тебя крепко-крепко. От меня также Лельку поцелуй».

22 апреля

«Дорогой Марушка! Шлю также и тебе наши физиономии, полюбуйся на нас, нахожу, что вышли довольно скверно. Как ты поживаешь? Продолжаешь ли заниматься велосипедным спортом? Должна и тебя упрекнуть в том (Колю и Зину уже упрекнула), что ни слова мне не пишешь, я послала тебе отдельно открытку, а ты ограничился только припиской в письме мамы, хотя и за это благодарю. Целую тебя крепко. Твоя Катя. Привет от папы».

Три открытки в один день... По трем адресам. Лиза и Роза жили с матерью. Зина отдельно, с мужем («Скажи Лельке, чтобы не смеялся» – наверняка Леопольд). Третье послание какому-то Марушке.

Все открытки ни о чем: погода хорошая, питанием довольны, фото граф и ровались... Никакой информации. Так зачем же, спросим мы сейчас, столь много писать? Ответ прост: выразить на бумаге свою любовь, заботу друг о друге. Ласкательные суффиксы, сюсюканья, которые так раздражают, – тоже проявление добрых чувств.

Что же все-таки известно из этих писем? У Серафимы Семеновны диабет, и Катя послала ей «печатный лист» относительно диеты. Была, видимо, дача на Клязьме, куда Катя отправила одну из открыток. Дача

зимняя – в апреле они уже там жили. «Группа с Банахами и Танкелем»? В справочниках Банашей я не нашла. А Танкель Иосиф Яковлевич есть: купец, готовое платье и дамские шляпы. Значит, и лечиться ездили компанией. Наконец, Татьяна и Герасим, которым велено кланяться. Эти имена я знала: экономка и помощник по хозяйству, практически члены нашей семьи.

А вот Марушка... Может, Маврик, брат Серафимы Семеновны? Еще один мой двоюродный прадед. Но по самым приблизительным подсчетам, ему не меньше сорока пяти лет. Вряд ли в этом возрасте он занимался велосипедным спортом, хотя кто знает?! Думаю, речь о другом Марушке, который моложе. Вообще послание какое-то личное: Катя уже посылала ему «отдельно открытку», теперь упрекает (не ругает!), что он не ответил. И подпись: «Твоя Катя».

Возможно, на фотографии, сохранившейся в доме, и запечатлен тот Марушка, на старте велосипедистов на ипподроме, который был построен на Ходынском поле. Или фотограф обратил внимание не на Марушку, а на рекламный щит: «Костюмы, фуфайки и чулки для велосипедистов. Цены вне конкуренции»? Эти спортивные вещи начал продавать Торговый дом «М. и И. Мандль». Помещался он на Тверской, в доме Филиппова: «Платья готовые. Портновские заведения». У прадеда, как известно, мануфактурные товары. Наверняка сотрудничали!

Велосипед в те годы – целая история! Московское общество велосипедистов-любителей было создано в 1884 году. Потом появился клуб велосипедистов. Две основные трассы – Петровский парк и Сокольники. Генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков разрешил ездить по этим местам, считавшимся загородными, в течение суток, а по городским бульварам – только с сумерек до восьми утра, и то кроме боковых аллей. И вдруг недовольство публики в Петровском парке: лошади экипажей пугаются света велосипедных фонарей. Полицмейстер генерал-майор Е. К. Юрковский, получив десятки жалоб, отправил их князю Долгорукову. Пришлось тому вновь заниматься велосипедным делом.

16 марта

«Моя милая и дорогая мамочка и дорогие мои девочки! Посылаю вам еще раз наши физиономии, это мы снялись на моментальной фотографии, хотя тень немного темновата, но, кажется, недурно вышло. Все пансионеры находят, что великолепно удалась фотография. Я снялась еще одна на карточке, потому что доктор Ламперт просит у меня отдельную карточку и Софья Яковлевна Горнштейн также. Завтра она будет готова, тогда пришлю вам опять. Пошлю эти карточки и тете Густе, тете Марианне и Мише, как вы просили. У нас ничего нового, мы чувствуем себя по-прежнему хорошо. Еще несколько дней, и уже уедем отсюда. Новостей пока никаких. Погода стоит теперь неважная, все время пасмурно и перепадают дожди. Писать нечего, пока целую вас всех крепко, крепко. Ваша любящая вас Катя. Папа целует всех».

На обороте приписка рукой Ивана Ивановича:

«Шлю вам, мои дорогие, мой сердечный привет и много крепких поцелуев. Любящий вас папа».

В этой открытке упоминаются тетя Густа, тетя Марианна, Миша. Имена, еще вчера мне неизвестные, заговорили.

Я обратила внимание, что прадед скуп на письма, инициативу в свои руки взяла Катя. Нет, оказывается, и он писал тоже часто. Но в любви жене и дочерям он объяснялся не словами, а... маркой. Существует язык почтовых марок. Долгое время я об этом ничего не знала, но однажды в канун дня рождения меня послали в командировку. Огорчилась: круглая дата! Мама обещала позвонить в гостиницу, поздравить, а бабушка сказала, что придет открытку. Прислала. На одной стороне, как и положено, адрес, фамилия. На другой ни одного слова! Зато по всему полю аккуратно наклеены марочки. Одна – с наклоном влево, другая – вправо, третья – вверх ногами... Ничего не понимаю! «В каждой строчке – только точки, догадайся, мол,

сама»²¹.

– Догадаться, конечно, трудно, – смеялась бабушка, когда, вернувшись, я положила перед ней эту открытку. – Я решила удивить тебя, повеселить. Просто надо знать язык марок. Вот так, вверх ногами с наклоном влево, означает: «Увижу ли тебя скоро?» Все правильно: жду из командировки! С наклоном вправо: «Твое отсутствие меня огорчает». Ну, а эта, наклеенная горизонтально, – поздравление с днем рождения: «Будь счастлива!» В подтверждение своих слов бабушка вынула из шкатулки открытку-каталог: десять вариантов наклеивания марок. Пожелтевшая, чуть потрепанная, она так и называется «Язык почтовой марки».

Я показывала эту открытку многим коллекционерам. Ахали-охали-удивлялись, марки в лупу разглядывали. Дешевые, семикопеечные, с изображением государственного герба – двуглавого орла. Под ними эмблема почты – два перекрещивающихся почтовых рожка. Такие марки появились в 1889 году. Вполне вероятно, что нашей открытке более ста двадцати лет. Кстати, нынешняя марка, наклеенная вертикально, означает: «Мое сердце свободно».

Иван Иванович вылечился, окреп, вернулся с курорта. Вообще 1913 год для него знаменательный. Два события, общественное и личное: столетие Купеческого клуба и рождение внучки, первой и единственной. Это при пяти-то дочерях, красивых, умных, образованных! Отпраздновал – и начал искать новую квартиру. Зачем? Жить в Столешниках вроде неплохо, все под рукой. В доме товары и услуги – модная мастерская Аннет, магазин шляп, мастерские ювелирная, плиссе, скоропечатная. Книжная торговля Ескина, продажа волосных изделий... Домовладелец старался использовать каждый метр площади, даже закрыл проходные ворота, отдав арку под торговлю. В связи с этим в 1912 году была проведена переоценка здания. Словом, в доме стало тесно не только торговле, но и моему прадеду. Для такой семьи четыре комнаты и впрямь маловато. Видимо, Иван Иванович мог арендовать квартиру побольше. Да и поуютнее: в Столешниковом все окна, включая кухню, выходили на одну сторону. Наконец прадед нашел квартиру, большую, в престижном доме, с лифтом и телефоном. И район тихий: Дегтярный переулок, на Малой Дмитровке. Место лучше не придумаешь: ближе не только к Зинаиде с внучкой, но и к Купеческому клубу. Он тоже переехал на Малую Дмитровку!

Разговоры о переезде клуба велись давно. Здание было ветхим, постоянно требовало ремонта. В 1900 году инженер А. Стебельский сделал заключение: «Холодная галерея не может быть обращена в теплую... Никакой вентиляцией и отоплением нельзя устранить холодных токов воздуха, являющихся у пола и производящих ознобы». Эти «ознобы» и заставили руководителей искать новое помещение.

Еще в 1902 году председатель Совета старшин К. Ю. Милиотти вынес этот вопрос на обсуждение собрания: «Должен же клуб иметь свой дом!» Предложений было много: Воздвиженка и Петровский бульвар, Хлудовский тупик и Трубниковский переулок, Поварская, Маросейка, Долгоруковская улица... В какой-то момент остановились на владении княгини Меншиковой-Корейш, как раз на углу Пименовского переулка. Решение приняли, но потом засомневались... В результате Совету старшин было поручено «приобрести владения г-жи Медокс», тоже на Малой Дмитровке. Два ветхих строения да еще трехэтажный каменный дом. Отстраивали, перестраивали.

К тому времени Малая Дмитровка преобразилась. Именно по ней прошел первый трамвай от Страстного монастыря в Петровско-Разумовское. Трамвай ходил со скоростью сорок километров в час, тем не менее однажды обогнал тройку московского полицеймейстера Трепова. Чиновник возмутился.

На самой улице и в переулках – Пименовском, Дегтярном, Настасьинском – многоквартирные доходные дома, четырех- и восьмизэтажные. Первые в Москве дома с лифтом. В Дегтярном жили когда-то продавцы дегтя, отсюда и название. В начале ХХ века Дегтярный двор сгорел. Что-то восстановили. В 1830 году владельцем дома 6 (тогда говорили: участок 6) числился «студент Николай Платонов, сын Огарева».

Дом в Дегтярном – ровесник мамы. Его приобрел в собственность Василий Степанович Баскаков, у которого уже имелись дома в Большом Козихинском переулке, в Воротниковском. А у его брата Ивана – на Остоженке, в Ильинском переулке, на Вальной улице. Здания-родственники, с облицовкой фасада блестящей глазурованной плиткой.

В архиве Московской городской управы – история строительства дома в Дегтярном переулке. Сначала

²¹ М. В. Исаковский. «И кто его знает...».

были два маленьких строения: «каменный одноэтажный» по переулку и «деревянный одноэтажный» – за ним, параллельно. 30 декабря 1909 года Василий Баскаков пишет заявление: «Честь имею просить Городскую управу сложить с моего владения 26 и 27 городские, земские казенные налоги ввиду сломки всех строений и возведения строений новых, т. к. канализация закрыта, жильцов нет».

Уже на следующий день, 31 декабря, составлен акт: «Мы, нижеподписавшиеся, члены оценочной комиссии, прибыв во владение... нашли, что во владении этом приступлено к ломке строений, ввиду чего чистый доход с этого имущества в 3538 рублей надлежит исключить с 1 января 1910 года».

Вот это темпы!

В ноябре 1910 года первый пятиэтажный дом построен. Дело по оценке владения начато 16 сентября 1914 года, кончено 22 декабря. Одну квартиру Баскаков отделал для своей семьи: третий этаж, номер 5, и въехал туда.

К этому времени в городе, в пределах Садового кольца, на фасаде зданий впервые появились таблички с номерами домов. Вместо «Дом Баскакова» – четко и кратко: «Дом 6». Жильцов по-прежнему нет, потому что идет строительство второго корпуса. Шум, грязь... Наконец, готов и он. В этот корпус перебрался Баскаков, объединив две квартиры на последнем этаже. Не побоялся протечек: был полностью уверен в качестве строительства.

Эту квартиру, лучшую в доме, и арендовал мой прадед! Здесь семья встретила новый, 1915 год. По окладным книгам городской управы, «площадь пола в квадратных саженях 40,96». Анфилада комнат, смежно-изолированных. Потолки лепные, с роскошными «женщинами», парящими по углам; высота потолков около четырех метров. Пол паркетный, узорчатый, наборный, ромбами. Итальянские окна, мраморные подоконники. Двери высокие, двустворчатые, с бронзовыми ручками. На стенах линкруст – разновидность обоев, обработанных особым способом и покрытых черным лаком. Он занимал треть стены от пола. Две трети до потолка были покрыты обычной клеевой краской. Не было человека, кто, увидев линкруст, не спросил бы: «Что это?» Дом, конечно, высшей категории. Расходы, которые нес владелец, те же, что и в Столешниковом: «На содержание дворников и ночных сторожей, на ремонт и поддержание здания и очистку бытовых труб, на вывозку снега и содержание в исправности тротуара». Но кроме того, деньги шли «на содержание и ремонт подъемных машин на парадных лестницах и на содержание телефонов». В квартире шесть комнат. Впрочем, если учесть состав семьи, никаких излишеств. Но все равно просторно! Теперь, помимо столовой, огромной, сорокапятиметровой, появилась гостиная.

По вечерам собирались в ней на чай. Главная комната для общения. «Говорильня» – называл ее прадед. В эти дни Иван Иванович старался отложить все дела, принадлежал дому, семье. Он прекрасно танцевал, любил фотографироваться. Я обратила внимание, что у него не было бороды – редкость для купца.

Сегодня у меня литературный ужин;
К обеду не зову, а вечером ты нужен.

Думаю, наш салон был не таким великолепным, как у Василия Львовича Пушкина, но, наверное, и он был неплох. В центре комнаты – рояль. Бабушка Екатерина окончила консерваторию по классу фортепиано, училась у профессора А. Б. Гольденвейзера. Прадед гордился дочерью: никто, кроме нее, в семье не имел отношения к музыке. Он был на ее выпускном экзамене 3 мая 1911 года и хранил приглашение: «Директор Консерватории покорнейше просит Вас почтить своим присутствием выпускные экзамены, дни коих означены в расписании жирным шрифтом. Настоящее приглашение служит входным билетом». В импровизированных концертах в нашем доме участвовали, помимо Кати, ее однокашники, да и все сестры прекрасно владели музыкальными инструментами. Елизавета, например, виртуозно играла на скрипке.

Второй эпицентр комнаты – самоварный столик. К сожалению, самоваров в доме не сохранилось, а вот столик жив-здоров. Правда, доска фарфоровая во время войны треснула, не выдержала бомбежек, пришлось заменить. Наверху – площадка с фигурной оградкой для самовара, внизу – место для чашек и заварочного чайничка, и еще крючок для полотенца и выдвигающийся ящик, где лежали ложки, ситечко, чай.

Разливала чай прабабушка, Серафима Семеновна, помогала ей старшая дочка Зиновья, а Иван

Иванович в это время обычно декламировал стихи своего любимого Вяземского:

Час чаепития – час дружеских бесед,
Я этот час люблю – едва ль не лучший дня.

Чай, конечно, первосортный, не развесной, а «развешанный», как тогда говорили, по три и шесть золотников, зеленый, желтый, плиточный. Прадед покупал его в магазине «Товарищество Петра Боткина сыновей», на углу Варварки.

Варенье в семье варили на меду, как в доброе старое время, когда сахара еще не было. Серафима Семеновна из-за диабета сладкого старалась не есть. Врачи успокаивали: варенье на меду можно. Дети любили мороженое, в то время говорили: «Рюмка мороженого». Еще говорили: «порция кофе», а чая могла быть порция или чашка.

Иногда на стол ставили два самовара по заказу Ивана Ивановича. Как в трактире – там это называлось пара чая. Речь шла о фарфоровых чайниках: один средних размеров с крепко заваренным напитком, другой, очень большой, с изящно изогнутым носом, с кипятком. К «паре чая» полагалось четыре куска сахара на блюдечке. Посетитель, опустошивший целый чайник кипятку, имел право требовать сколько угодно сахара, пока не опустеет заварочный чайник. Если гостей в Дегтярном собиралось немного, чай пили за ломберным столиком. Он был из красного дерева, на четырех граненых ножках, пятая – откидывающаяся. Столик легко раскрывался, словно крылья бабочки. И еще столешница, середина ее была обклеена зеленым сукном.

Вообще-то предназначение ломберного столика – игра в карты, по имени одной из них он и назван. Но у нас, как рассказывала бабушка, за ломберным столиком не только чай пили, но и в карты играли, и в шахматы.

А еще в гостиной успехом пользовались настольный крокет и лото. Для прадеда было любимым занятием – вытаскивать из мешка бочонки и громко объявлять выпавший номер. А потом: «Квартира!» Кто знает – почему «квартира»? Кстати, в лото он играл и в Купеческом клубе, но там номера вытаскивала машина, которая стояла у стены.

Не меньший успех имели бирюльки: игра довольно сложная, не для детей. Владимир Даль относился к ней скептически. «Играть в бирюльки – значит, заниматься бездельем, пустяками», – пишет он в словаре. Возможно, сам пробовал, ничего не получилось, вот и обиделся. Да, игра требует внимания и координации движений, точности и терпения. На столе горкой рассыпаны бирюльки – маленькие тоненькие соломинки или деревянные игрушечки в два-три сантиметра каждая: чашечки, ведерочки, блюдца, цыплята... У каждого игрока длинная палочка-крючок, под названием «шут». Задача: выдернуть-вытащить-поднять из этой «кучи-мала» соломинку или игрушечку, но так, чтобы соседние бирюльки не пошевелились. Приходится работать не только руками, но и головой, тщательно выбирать мишень, искать, словно в бильярде, лучшую позицию, «удар» наносить не спеша, с предельной точностью.

Эти же качества – терпение, точность и «нежность» движений – требовались и при сооружении карточных домиков. Иной раз не домиков – дворцов! Некоторые умельцы-архитекторы доводили их до трех-четырех этажей, с мансардами и пристройками. Пospешишь – людей насмешишь. Тщательно проверяли поверхность стола, чтобы ни сучка ни задоринки, разговаривали шепотом, ходили на цыпочках. Прежде чем заложить «первый камень», закрывали окна: не дай бог дуновение ветерка! Однажды, рассказывала бабушка, замок разрушила пролетевшая муха. Так вот откуда это выражение «Развалился, словно карточный домик!»

Еще было «шутомино» – интереснейшая игра в слова. «Игра для всех» – так написано на коробочке. Вот выдержки из правил: «В игре 35 плашек. На каждой стоит буква и при ней цифра, означающая стоимость буквы в очках. На одной плашке изображен “шут”. Он заменяет собой любую букву и стоит 9 очков. Плашки раскладываются на столе буквами вниз. Каждый берет по 5 плашек». Играли и в «блошки»: на мягкое одеяло ставили низкий деревянный стаканчик, в который каждый играющий должен был с помощью биты забросить «блошки» – плоские кругленькие фишки, различающиеся по цвету. Прыгучесть «блошек» зависела от силы нажима, от заданного направления полета.

И конечно, бильбоке. Говорят, этой игрой увлекался король Генрих III, считал, что она успокаивает нервы. К палочке, один конец которой острый, а на другом – чашечка, прикреплен деревянный шарик, на

длинном шнуре. Забросить его в чашечку, в общем-то, не сложно. Гораздо труднее посадить шарик на кол.

Собирали и пазлы, оказывается, уже тогда это занятие было модным. Сохранился пазл, деревянный с изображением Лубянской площади. Думаю, выбор не случаен – именно здесь находилась фирма прадеда.

И стихи писали в гостиную, в альбомчики. В конце XIX – начале XX века такие альбомчики были в каждом доме. Обычно они назывались *Souvenir*, ну а наш более оригинально – «Для возбуждения прилежания». Иван Иванович купил его в писчебумажном магазине Г. Аралова, на углу Тверской улицы и Леонтьевского переулка. Начат 10 ноября 1920 года. Ниночке, моей маме, исполнилось семь лет.

Картинки, наклеенные на каждой страничке, – не сводные, а выпуклые, объемные, очень красивые. Это заслуга не господина Аралова, владельца магазина. Это в семье их вырезали – клеили.

Пишите мне, подруги,
Пишите мне, друзья.
Пишите все, что вы хотите,
Все будет мило для меня.

На первой картинке девочка-озорница, хихикающая, со спущенным чулком, в желтой юбочке. На некоторых страничках картинки большие, значит, для текста мало места. На других – маленькие, тут стишок может быть длинным. Каждый выбирал тот лист, который нравился.

Впрочем, одна страничка нравилась всем – последняя. Пожелание в конце альбома считалось самым искренним. Оно непременно сбудется! Видимо, это знал и Владимир Ленский, когда писал стихи Ольге:

Пониже подписи других
Он оставляет нежный стих.

В общем, все старались занять последнюю страничку. Казалось бы, победила бабушка Катя. 11 ноября 1920 года написала своей племяннице:

Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня.

Наивная Катя! Она забыла, что есть еще обложка! Именно там, в правом нижнем углу, какая-то Фрида Борисовна вывела те же слова: «Пусть пишет далее меня...» Что ж, теперь и впрямь далее некуда. Кстати, была и другая приме – та – не занимать первую страничку: тот, кто напишет здесь, может заболеть. Нехитрые слова:

Расти, как пальма горделива,
Цвети, как розы цвет.
И будь всегда счастлива,
Не зная в мире бед.

Есть советы:

Все альбомы и стихи
Все на свете пустяки,
И советую тебе
Не держать их в голове.

Есть стихи воспитательные:

Дарю тебе мочалку,
Прошу ее любить.

Она тебя научит,
Как в бане шею мыть.

На нескольких страничках загнутые уголки. Это секрет:

Кто прочтет секрет без спроса,
Тот останется без носа.

Отвернешь – а там очередное объяснение в любви. Некоторые стишки повторяются, причем в разных вариантах. Есть странички испорченные – представляю, сколько слез пролила хозяйка. Встречались строчки и более серьезные:

Как Гельцер будь легка,
Как Ленин будь умна,
Как Керенский красноречива
И как Венера будь красива.

Подпись: Лео от Ляли. ЛЕО – так маму называли.

Два других альбомчика начаты в 1927 году. Ниночке уже четырнадцать лет. Теперь все стишки только от сверстников, нет и наклеенных картинок, нет уголков с секретами: девочка выросла...

Тебе желаю веселиться,
В забавах время проводить,
Но только, только не влюбиться,
Влюбленной очень трудно жить.

И конечно, слова, кочующие по всем альбомчикам:

Ты хочешь знать, кого люблю я?
Ее нетрудно угадать.
Будь повнимательней, читая,
Яснее не могу сказать.

Ответ прост: по вертикали, первые буквы каждой строчки.

Нужны ли были эти стишки-альбомы? Какая-то неизвестная мне Жаннет Мессингер спрашивает:

Зачем ты просишь, дорогая,
Стихи в альбом тебе писать?
Кого ты любишь – не забудешь.
Альбом же можно потерять.

Не потеряла! Давно уже нет на свете девочки Ниночки, а ее альбомчики по-прежнему лежат дома. С 1920 года... Каждый год в гостиную устраивали елку. Власти запретили ее не сразу после революции, а лишь в начале 1920-х годов. Мама родилась в 1913 году, так что целых десять лет елка для нее – событие мирового масштаба.

Командовал на новогоднем празднике, конечно, Иван Иванович, выбирал не только дерево, но и игрушки. Их привозили тогда из Германии. продавались они практически во всех лавках, наверняка и в Торговом доме прадеда. Ну а в торговом доме Абrikосовых можно было купить игрушки марципановые!

В предпраздничные дни в магазинах Абrikосовых – столпотворение. Игрушки красоты необыкновенной: зять Алексея Ивановича был художником. С восторгом рассматривали дети зайца в капусте, гномиков, домик с трубой на крыше. «А ты попробуй!» – предлагали родители. Как это –

попробовать?! Домик из картона, паровозик – из жести. «Попробуй!» И тут-то выяснялось, что игрушки из шоколада!

Конечно, век таких елочных украшений короток: уже на следующий день ветки были голенькими. Что ж, приходилось снова идти к Абrikосовым, заказывать новые игрушки. Их тоже хватало не надолго. А у Абrikосовых новая идея – продавать не просто марципановые игрушки, а елку, полностью украшенную ими!

Не растут на елке пряники и флаги,
Не растут орехи в золотой бумаге...²²

Росли орехи! И в золотой бумаге, и в серебряной! Во всяком случае, на тех елках, которые стали предлагать Абrikосовы малышам, пришедшим с родителями. Говорили: «Видишь, на этой елочке выросли зайцы, а на той – конфеты. Выбирай любую!»

Однажды, рассказывала бабушка, им в дом принесли елку, где из марципанов были сделаны и ствол, и ветки. Пришлось потом покупать не только новые игрушки, но и само дерево: съели без остатка!

Мы идем к Бороде

Яков Данилович, троюродный дед

Ну а обеды – в столовой. Огромная комната, 45 кв. м, с тремя итальянскими окнами. За обеденный стол меньше десяти – пятнадцати человек не садились. К сожалению, я мало знаю о том, что было на столе моих предков. Начинался обед, как правило, в пять часов. Фирменное блюдо – страсбургский пирог. Напиток – сбитень из меда и пряностей. Его любил Иван Иванович, пристрастился за долгие годы работы. Дело в том, что сбитенщики – так назывались продавцы напитка – ходили по улицам с горячим самоваром и стаканами и разливали его замерзшим извозчикам и владельцам холодных лавок в торговых рядах.

Из более крепких напитков предпочитали «Мозельвейн», мускат «Рейнвейн», бургонский «Эрмитаж». Любили «Шато-Лафит» или просто «Лафит», лучше красный, подавали после жареных кушаний. Для него и рюмка была специальная, лафитница, из толстого стекла с тяжелой устойчивой ножкой. И конечно, херес, его везли из испанского города Херес-де-ла-Фронтера, на юге Испании. Сколько же в доме прадеда выпито бутылок! История умалчивает: пустые бутылки выбрасывали, а несколько пробок сохранились, вернее, шляпки из медно-никелевого сплава. На одной – женская головка, а две другие, как сказали мне в Историческом музее, еще более интересны: мужчина в купеческой одежде, с сапогами в руках и за спиной – то ли купил, то ли торгует ими. Теофиль Готье, французский писатель середины XIX века, много ездил по России, и именно здесь он видел «высокие бутылки рейнских вин, которые высились над бордоскими винами с длинными пробками в металлических капсулах». Такие шляпки из дерева, стекла, керамики, фарфора делали на пробках, чтобы бутылку, если в ней оставалось недопитое вино, можно было легко закрыть и снова открыть без помощи штопора. Интересно, что сам штопор назывался тогда «бронзовый пробкоташитель», о нем писал Игорь Северянин:

Вонзите штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не будут робки!..²³

Икра всегда – от Елисеева. Во-первых, она всегда самая вкусная, во-вторых, с Григорием Елисеевым – личная дружба. Правда, он жил в Питере, но когда в 1901 году приехал в Москву открывать магазин на Тверской, сразу же пришел к прадеду: от магазина до дома – два шага. И потом бывал часто. Знаю, что Иван Иванович вместе с младшей дочкой Лизой ездил в Питер на похороны Марии Алексеевны, жены Григория, когда она, не выдержав измены мужа, кончила жизнь самоубийством. И еще сплетение судеб: Леонтий Розенталь, двоюродный брат прабабушки, и Петр Елисеев, двоюродный брат Григория, вместе

²² С. Маршак. «Песня о елке».

²³ И. Северянин. «Хабанера II».

работали в Благотворительном совете Дома призрения и ремесленного образования бедных детей. Больше века хранится в нашем доме круглая фарфорово-фаянсовая коробка диаметром около 14 см. Сбоку, по бортику, крупными буквами написано «ИКРА» и далее – «Торговое товарищество “Братья Елисеевы”». Московское отделение. Тел. 12–25, Тверская».

В квартире постоянно находились племянники, кузены, двоюродные братья... Один из них, Яша, обычно и руководил обедом. Он следил, чтобы белое вино подавали холодным, а красное – теплым, чтобы к холодным блюдам тарелки были холодные, а к горячим – нагретыми, чтобы более ароматное вино, например бургонское, следовало за менее ароматными мадерой и хересом. Он заботился, чтобы блюдо не остыло и не подгорело, а продукты были свежайшие, чтобы едоки сидели удобно и каждый мог выбрать блюдо по вкусу. Сейчас сказали бы – метрдотель.

Он и стал метрдотелем, отрастил бороду, окладистую, красивую, предмет его гордости. Многие даже не знали, что зовут его Яков Данилович Розенталь. «Борода» – этим все сказано. «Борода» – так называла его вся театральная Москва. И не только театральная. Сначала он работал директором ресторанов на Поварской улице, потом в Доме Герцена на Тверском бульваре, Дома печати на Суворовском, управляющим ресторана «Кружка друзей искусства и культуры» в Старопименовском переулке. В последние годы – метрдотель ресторана ВТО.

А тогда, в 1930-х годах, он работал в Старопименовском переулке. Совсем недавно взлетела на воздух церковь Святого Пимена, еще говорили: «Пименовская церковь в Старых Воротниках». В ней обнаружили какое-то самогонное производство, после чего закрыли и отдали комсомольцам: они веселились, собрания проводили. Потом в церкви открылся то ли ломбард, то ли комиссия. Мама помнила, как каждую субботу продавали здесь по дешевке не выкупленные в срок вещи, мебель, ложки-плошки...

В общем, церковь взорвали. На ее месте, в сохранившемся церковном дворе, кооператив «Труженик искусства» построил два двухэтажных дома для артистов. Здесь, в подвальчике, за высокой деревянной оградой, артисты и организовали «Кружок друзей искусства и культуры». По инициативе А. Луначарского он был преобразован в «Клуб работников искусств». Открытие клуба состоялось 25 февраля 1930 года. В президиуме председатель правления Феликс Яковлевич Кон, его заместители Иван Михайлович Москвин и Валерия Владимировна Барсова. Обычно Барсова засиживалась здесь до глубокой ночи. Кто-то даже частушку сочинил:

Нам любить тебя легко –
Ты живешь недалеко.
И любить, и обожать,
И до дома провожать.

В зале весь театральный мир, а после открытия – ресторан. Гостей встречал управляющий рестораном Борода, бессменный, неповторимый.

– Мы говорили: «Идем к Бороде», – вспоминал Леонид Утесов, – потому что чувствовали себя желанными гостями этого хлебосольного хозяина. Он знал весь театральный мир, умел внушить, что здесь отдыхают, а не работают на реализацию плана по винам и закускам».

А вот что писал знаменитый «Домовой», директор Центрального Дома литераторов Борис Филиппов: «Он имел внушительный рост, представительную внешность, густую черную ассирийскую конусом большую, по грудь, бороду. Розенталь был не просто администратором и кулинаром-виртуозом, в совершенстве знающим ресторанное дело, но и радушным хозяином, создавшим особый уют и домашнюю интимность в своем заведении».

Веселый, жизнерадостный, он знал вкусы каждого. Если кто-то вдруг вместо обычных 150 просил, скажем, 100 граммов, Борода озабоченно спрашивал:

– Что с вами? Вы не заболели?

А чаще, не дожидаясь заказа, утвердительно говорил:

– Вам как обычно?..

Подсаживался за столики, угощал в долг, не записывая. И всегда долг ему отдавали.

Среди постоянных посетителей трое друзей – легчик Валерий Чкалов, артисты Иван Москвин и

Михаил Климов. Говорят, Климов – единственный, кого Борода допускал на кухню: артист был великолепным кулинаром. Благодаря ему в ресторане появилось фирменное блюдо «Биточки по-климовски». А сам Борода изобрел «селедку по-бородински».

– Бородинский хлеб тоже он придумал? – спрашивала я.

Много позже в «Мастере и Маргарите» я прочитала: «Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке, и царственным взором окинул свои владения». И еще: «Белая фрачная грудь и клинообразная борода флибустьера... Авторитет Арчибалда Арчибалдовича был вещью, серьезно ощутимой в ресторане».

– Мама, да ведь это наш Борода!

Да, наш! Теперь знаю точно: племянник моей прабабушки, двоюродный брат бабушек!

Считается, что Яков Данилович – прообраз булгаковского героя. Булгаков вообще любил писать своих героев «с натуры». Говорят, прототип профессора Преображенского из «Собачьего сердца» – его дядя, врач Покровский.

Борода, видимо, был хорошо знаком с Булгаковым. Оба жили в Киеве, потом в одно время перебрались в Москву. До «Кружка» Яков Данилович работал директором ресторанов на Поварской, Дома Герцена на Тверском бульваре, Дома печати на Суворовском. Всюду часто бывал Булгаков. Смутно помню, как мы с бабушкой зачем-то ходили к Бороде домой, на Миусскую улицу, несколько раз – в клуб, в Старопименовский. Узкий проход, крутая лестница вниз.

– Даже вывески нет, – удивлялась бабушка.

Вывески не требовалось: посторонние сюда не заглядывали. Клиентура своя – артисты после окончания спектаклей, и клуб и ресторан начинали работать поздним вечером.

Летом ресторан переезжал в филиал – уютный садик на Страстном бульваре, во дворе дома 11. Там находился Жургаз – журнально-газетное объединение, возглавляемое Михаилом Кольцовым. В Жургазе работали и мама, и Катя. Когда началась война, Яков Данилович уехал в эвакуацию, в Томск, заведовал столовой. После войны и до ухода на пенсию кормил московских актеров.

Весной 1967 года «Известия», где я работала, отмечали свой пятидесятилетний юбилей. Коллективные банкеты тогда не поощрялись. Анатолий Друзенко в книге «Правда об “Известиях”» вспоминает, что сотрудники разбились на группы. Он и Володя Кривошеев предложили:

– Мы идем к Бороде. Кто с нами?

Я тоже пошла в ВТО. Бороды в ресторане не было, и не могло быть: он умер год назад. Панихида была в ЦДРИ, как по большому артисту. Но и после его смерти говорили: «Идем к Бороде»! Бабушки гордились: кулинарное крещение Яша получил в их доме! Отдавал последние распоряжения на кухне, бросал взгляд на накрытый стол. Что ж, пора приглашать едоков!

Можно, конечно, пройтись-пробежаться по комнатам, можно воспользоваться колокольчиком. Нет, Яша подходил к... ферофону! Эти телефонные трубки – средство общения членов семьи – висели на стене в каждой комнате. «Следует упомянуть еще о веревочном телефоне из столовой в кухню, устроенном учителем физики, постоянным посетителем Питерского купеческого клуба, – вспоминает писатель И. Ф. Василевский в книге “Наши нравы”. – Телефон доставлял публике много удовольствия, особенно в первые дни своего существования, когда он с бесподобной точностью и раздельностью передавал повару на кухню разные неприличные слова и неуместные восхищения».

Вряд ли Яков передавал по нашим ферофонам неприличные слова, но принцип, видимо, тот же: «настенный телефон внутренней связи для вызова с одной стороны», только сделанный не кустарно, а профессионально. Две трубки, сохранившиеся в доме, изготовлены в Питере знаменитой фирмой «Л. М. Эриксон и Ко». Затем эстафету по их производству приняла немецкая фирма «Лоуренс». Подключались трубки к сети электрического звонка.

В общем, Борода – тогда еще без бороды! – подходил к ферофону:

– Кушанье поставлено!

Бабушка уверяла, что именно так говорили в те годы.

Иван Иванович ушел из жизни в 1921 году, в начале НЭПа, оставив жену, пять дочерей и внуку, семь душ женского пола, оставил нищими, беспомощными. Произвол и голод, болезни и разруха... Парадные подъезды забиты, нет света, не ходят трамваи. Обыски, ложные доносы.

Людям высокого интеллекта, владеющим иностранными языками, умеющим играть Баха и Чайковского, пришлось особенно трудно. «Сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией, – писал Короленко Луначарскому. – Озверение дошло до крайних пределов».

События развивались быстро. 10 ноября 1917 года появился декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»:

– Все существовавшие доныне в России сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

– Всекие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр. титулы – княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются.

Летом 1918 года при Моссовете была создана комиссия по муниципализации частной торговли. Сначала ликвидировали молочную торговлю фирм Чичкина и Блендова, меховую и винную, потом торговлю готовым платьем, бельем, штучными и мануфактурными товарами, трикотажем. Осенью муниципализировали книгоиздательство, торговлю галантереей, писчебумажными и канцелярскими принадлежностями, ювелирными изделиями.

Прекратил существование Купеческий клуб на Малой Дмитровке. Вместо него распахнул двери Коммунистический университет имени Свердлова. На событие откликнулся Маяковский:

Здесь раньше купцы веселились ловко,
Теперь университет трудящихся – Свердловка.

Слушателям университета купеческие хоромы показались тесными, расширились-расплодились, со временем заняли еще комнаты в доме напротив, на Малой Дмитровке, 3. Здесь сделали кабинет ректора, кроме того, отвоевали дом 8 в Дегтярном переулке, рядом с нашим. Впрочем, наш дом уже не наш.

Отобрав работу, государство взялось за квартиры. В ноябре 1917 года, сразу после революции, Ленин указал на необходимость «реквизиции квартир богатых для обеспечения нужд бедных» и написал тезисы закона о конфискации домов с квартирами, сдаваемыми в наем. Пока еще только проект, но московские власти проявили оперативность и тут же издали постановление «О муниципализации всех крупных домов».

Жилой фонд переходил под контроль Моссовета, безграничный контроль. Летом 1918 года райжилкомиссии взяли на учет даже те квартиры, из которых люди просто выехали на дачи. Предупреждали: если не вернетесь до сентября, отберем. Официальные документы сообщали, что отбирается площадь, «занимаемая буржуазными и другими непролетарскими сословиями населения». Выселялись «богатые граждане, живущие нетрудовыми доходами, а также лица свободных профессий».

Но что значит «богатые»? Ленин и тут дал разъяснение: речь идет о тех случаях, когда в квартире «число комнат равно или превышает число душ населения квартиры». Что ж, старики еще живы. Значит, шесть человек! Но и комнат шесть. Вот и уплотнили! Правда, чтобы подсластить пилюлю, власти разрешали объединять в одной комнате лишь три категории жителей. Это супруги; родители с детьми до двенадцати лет; те, кто состоит в кровном родстве. Да, для нашей семьи, как ни крути, западня.

Словом, оставили две комнаты. Вроде бы даже проявили гуманность: предложили выбрать. Естественно, выбрали самые большие: 45 и 27 квадратных метров. Неудобные, через коридор; за стенкой уборная и ванная, мокрицы потом ползали. Но они тогда еще не понимали, что это такое – коммунальная квартира...

* * *

Фотографии и документы моих предков, письма и альбомы, елочные игрушки, сохранившиеся с конца XIX века, сотни других вещей я передала в музеи и архивы. А в доме повесила на стену почетный диплом, который получила в 2008 году на фотоконкурсе «Москва: семейный альбом», с очень дорогими для меня

словами: «За бережное сохранение семейных фотоархивов, личный вклад в создание истории семьи, верность традициям».

М. А. Казанкова

«Гражданин города Мурома Алексей Федорович Жадин»

Свой рассказ о дедушке я хотела бы начать с одного интересного наблюдения, которое я сделала уже в зрелом возрасте. Мое детство прошло в городе Кинешме. В этом красивейшем волжском городе я училась в школе, а затем в химико-технологическом техникуме. У меня было много друзей среди сверстников, у большинства из нас были мамы и папы, и у многих даже бабушки, но с дедушками было плохо. Дедушек не было практически ни у кого. Когда я выросла и переехала в Москву, то среди новых друзей и знакомых картина повторилась – дедушки встречались необычайно редко. И только сейчас я поняла, что у нашего поколения дедушки были истреблены как класс. Наши дедушки, которые в 1914–1922 годах составляли основную массу молодых людей российского государства, погибли в Первую мировую и Гражданскую войны, были уничтожены во времена красного и белого террора.

У меня тоже не было дедушки, т. е. дедушка конечно же был, как у каждого ребенка и взрослого человека по законам природы, но я не была знакома с ним и даже долгое время не знала его имени. Впервые я услышала о дедушке от мамы, когда была уже вполне взрослой, сознательной девушкой лет пятнадцати-шестнадцати и мама рассказывала, что моя бабушка влюбилась в дедушку с первого взгляда, встретив его с друзьями в аптеке, расположенной на улице в Муроме. Бабушке очень понравилось, как он повернул голову, и этот поворот головы решил их судьбу – ее сердце до конца жизни осталось принадлежать этому стройному и подтянутому молодому человеку – Алексею Федоровичу Жадину.

Город Муром, Московская улица

Мой дедушка, Алексей Федорович Жадин, родился 9 (22) февраля 1886 года в Муроме в старинной купеческой семье. Его отец – потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии – Жадин Федор Васильевич происходил из одного из древних муромских родов. Фамилия Жадин – одна из самых древних муромских фамилий: она упоминается в писцовой книге середины XVI века. Существует несколько версий происхождения этой фамилии: первая – лежит на поверхности и предполагает, что фамилия образовалась от прозвища «жадный», которым мог называться действительно жадный человек, или наоборот – прозвище служило оберегом от сглаза. Следующая версия рассказана мне профессором-биофизиком, Жадиным Михаилом Николаевичем, по рождению терским казаком. В станице, где жил Михаил Николаевич, говорили, что во время русско-французской войны казаки взяли в плен француза по фамилии Жаден и привезли его в станицу, отсюда и пошла фамилия Жадин. Не менее любопытно предположение, что фамилия имеет польские корни. Известно (словарь Брокгауза и Ефрона), что в переговорах между

русскими и поляками в 1634 году, закончившихся Поляновским миром, с польской стороны участвовал епископ Хелминский и Помезанский, Якуб Жадин (Задзик). Фамилия Жадин может быть также связана с тремя географическими названиями: деревней Жадины Боровичского района Нижегородской области, расположенной по обоим берегам реки Мета, деревней Жадина, упоминаемой в переписных книгах 1707 года среди деревень Радогожского стана Комарицкой волости Севского уезда, и речкой Жодинкой (Жадинкой) в Белоруссии.

К какой семье муромских купцов Василиев Жадиных (а их в середине XIX века в Муроме было пять семей: Василий Матвеевич, Василий Данилович, Василий Иванович, Василий Михайлович и Василий Филиппович) принадлежал Федор Васильевич, установить пока не удалось. Известно только из рассказов бабушки и мамы, что среди предков семьи был городской голова, а Федор Васильевич участвовал в строительстве церкви на Напольном кладбище (и на этом кладбище захоронены многие члены нашей семьи, с левой стороны от бывшей часовни, пройти от церкви метров тридцать, и налево), а также имел отношение к прокладке водопровода в Муроме. Федор Васильевич торговал каретами, санями, телегами, шорноседельным и скобяным товаром, был государственным поставщиком двора Его Императорского Величества по части кожевенного и костного сырья и продуктов его переработки. Шорный промысел развивался успешно, и конной упряжью, сбруей, уздечками, седлами и т. п. торговали не только в Муроме, но и ездили на ярмарки в Нижний Новгород и Москву. Рассказывали, что в дни торгов на Красной площади у нас было свое постоянное место для торговли. Федор Васильевич пользовался большим авторитетом у сограждан и неоднократно избирался в городское управление, был представителем купеческого сословия г. Мурома на торжествах коронации императора Николая II в 1896 году, о чем свидетельствует наличие у него медали «В память коронации императора Николая II».

Мать Алексея Федоровича, Екатерина Николаевна, урожденная Стулова, родом из семьи купца 2-й гильдии, Стулова Екима Никитича (1819 г. р.), была дочерью его сына Николая Екимовича Стулова (1836 г. р.) – соседа Федора Васильевича Жадина. Интересна история женитьбы Федора Васильевича и Екатерины Николаевны. В возрасте девятнадцати лет, в 1863 году, Федор Васильевич был приглашен к другу Коле Стулову в гости на крестины его дочери.

Девочка произвела на Федю такое сильное впечатление, что он сразу сказал: «Я буду ее воспитывать. Она будет моей женой». Слово свое Федя сдержал и постоянно навещал свою очаровательную невесту и строго следил за тем, чтобы родители научили Катю разумно вести хозяйство и обучили грамоте и наукам. Когда в 1884 году Кате исполнилось 22 года, они обвенчались в Сретенской церкви и прожили в любви и согласии долгие годы.

В семье Екатерины Николаевны и Федора Васильевича было восемь детей (сын и семь дочерей, две из которых умерли в младенчестве). Старшим ребенком в семье был сын Леша (Леня), родившийся в снежном и вьюжном месяце феврале и получивший от него в наследство удаль и размах, взрывной и неукротимый характер. Родители так обрадовались рождению сына-первенца, что при его крещении было сразу четыре восприемника: Николай Екимович Стулов (отец Екатерины Николаевны), Иван Васильевич Жадин (старший брат Федора Васильевича), Прасковья Владимировна Стулова и Анна Васильевна Серебренникова (Серебрякова).

О детстве Леши известно лишь, что он был любимым сыном и братом и в свою очередь любил и почитал своих родителей и заботился о сестрах. После окончания Муромского реального училища, где он учился приблизительно с 1896-го по 1902–1904 годы, Алексей Федорович успешно помогал отцу в его бизнесе, имел собственную лавку и лично торговал разнообразными шорными и скобяными изделиями. В семье держали лошадей, был собственный выезд, и рассказывали, что дедушка был лихим наездником и даже въезжал на лошади в открывшийся в Муроме кинотеатр. В силу своего общительного характера, широты и щедрости, души Алексей Федорович был хорошо известен в Муроме. Он был одним из тех, кто составлял цвет муромской молодежи. Молодые люди в то время любили и умели развлекаться. В городе устраивались театральные представления, гулянья в городском саду, благотворительные собрания, лотереи и другие увеселительные мероприятия, особенно любил дедушка слушать цыганский хор, популярный в те годы в Муроме. Зимой любимым занятием молодежи было катание на коньках, каток устраивали на «жадинском пруду». Бабушка рассказывала, что у нее был специальный наряд для катания на коньках: горностаевая шапочка и камзол с пелеринкой из горностаевого меха, у нее также были отдельные пальто,

для того, чтобы ходить в церковь, на рынок, в магазин и в гости. В детстве это меня очень удивляло, и, имея единственное пальто на все времена года, я не могла понять, зачем нужно несколько пальто.

Семья Жабиных. Л. Ф. Жадин с женой справа

4 июня 1908 года, двадцать два года от роду, Алексей Федорович был обвенчан в церкви Сретение Господне с Гундобиной Софьей Ивановной (моей бабушкой), ей было тогда двадцать лет. Бал по поводу бракосочетания состоялся в тот же день, в 7 часов вечера в собственном доме по адресу: Полевая ул., дом 33. Софья Ивановна Гундобина (1887–1970) была очень красивой женщиной, родом из семьи муромского купца, потомственного почетного гражданина Гундобина Ивана Петровича и его второй жены, Елизаветы Васильевны Ягуновой. В этой семье, так же как и в семье Алексея Федоровича, росли пять дочерей и один сын. Некоторые сведения о членах этой семьи можно найти в недавно вышедшей книге моей троюродной сестры Н. В. Насоновой «Прошлое и настоящее большой семьи из города Муром».

Алексей Федорович с Софьей Ивановной жили на два дома. Основным для них был дом на Ивановской улице (сейчас, по-видимому, это дом № 7 по ул. Свердлова, рядом с домом И. С. Куликова). Дети жили в родительском доме по ул. Свердлова, 33, вместе с дедушкиными родителями и сестрами. Кроме нянь и гувернанток, воспитывала их бабушка Катя. Мама рассказывала, что бабушка Екатерина Николаевна поднимала ее в пять часов утра и учила правильно ставить опару для пирогов и печь очень вкусные пироги, блины и оладьи, особенно любимые маминым младшим братом Олегом. Дом был большой, двухэтажный, в пять окон и с прилегающими постройками занимал целый квартал. При доме был сад, где росло триста яблонь различных сортов, любимым занятием детей было катание по саду на санках, запряженных в большого красивого сенбернара. На участке располагались склады, сараи, баня и прачечная, в противоположной стороне была беседка, лужайка и клумбы с цветами, был также и огород. Во дворе находился водопровод, который проходил и в кухню, располагавшуюся на первом этаже. Дом был гостеприимным и хлебосольным, в те времена было принято общаться запросто и часто ходить в гости друг к другу, не приурочивая посещение к праздникам или семейным событиям, а просто навещать знакомых, выражая этим свое почтение. Праздники отмечались пышно, к ним готовились заранее, гостей собиралось человек сорок – шестьдесят. Особенно торжественно в доме праздновались именины главы семьи, т. е. Федора Васильевича, которые приходились на начало октября. Гости являлись с поздравлениями в течение всего дня, а к вечеру собирался праздничный обед.

А. Ф. и С. И. Жадины после венчания, 1908

В доме была огромная библиотека, собранная в основном Алексеем Федоровичем. Значительная часть ее сохранилась до настоящего времени. Некоторое количество находится в муромском музее, а остальные книги – в центральной библиотеке г. Муром. В 2007 году эта библиотека организовала выставку книг конца XIX – начала XX века. В пресс-релизе выставки отмечается: «Большой интерес представляют книги из частной библиотеки муромского купца Алексея Федоровича Жадина. Достаточное место занимает “Справочный энциклопедический словарь”, изданный в Санкт-Петербурге в 1855 году под редакцией Старчевского. Сочинения И. С. Тургенева 1898 года издания, художественная книга для детей “История кусочка хлеба”, изданная в Москве в 1863 году, “Древняя история народов Востока” 1903 года, “Картинки природы” 1862 года и другие, на выставке представлен также экслибрис: “Домашняя библиотека Алексея Федоровича ЖАДИНА Отд. №...”». В домашней библиотеке были книги по экономике, археологии, этнографии, истории России и европейских государств, естественным наукам, русскому народному творчеству, российской словесности, всем этим дедушка серьезно интересовался и был в курсе современных течений в этих областях культуры. Им выписывались периодические научнопопулярные («Наука и жизнь», «Нива» с популярно-научными приложениями «Сборник Нивы», «Природа и люди», «Знание для всех» и др.) и литературные («Огонек», «Вестник Европы» и т. п.) журналы и альманахи.

Семья Гундобиных. С. И. Гундобина стоит справа, 1905

Главным делом Алексея Федоровича, главной его страстью и радостью души было собирательство (коллекционирование). К началу революционных потрясений в России он собрал многочисленную коллекцию, которая была уже хорошо известна. В коллекции было много вещей, представляющих историческую и художественную ценность. Среди них – старинное оружие, рыцарские доспехи, старинные головные уборы, предметы одежды, посуда, серебряные изделия и многие другие редкие вещи. Собирал также Алексей Федорович живопись и графику. Так, из статьи сотрудника муромского музея М. Г. Уколовой известно, что в коллекции Алексея Федоровича находилось собрание военных лубочных картинок конца XIX – начала XX века, которое сейчас хранится в музее.

Дедушка очень дружил с художником Иваном Семеновичем Куликовым. Они были соседями по Полевой улице. Мама говорила, что Иван Семенович жил с ними практически через забор. В нашей семье было много произведений Куликова, но их почему-то боялись показывать, возможно, из-за персонажей, изображенных на картинах. Я помню, что после войны, в Малаховке, я любила залезать на дачный чердак, там было множество необычных и удивительных вещей. Однажды я раскопала там портрет какого-то церковного деятеля в серофиолетовом одеянии. Этот портрет произвел на меня очень сильное впечатление, но бабушка отказалась отвечать на мои вопросы и отчитала меня за излишнюю самостоятельность и посещение чердака без разрешения. На чердаке было еще несколько картин, но куда все это делось в жизненных перипетиях бабушкиной (и дедушкиной) семьи? Одна картина уцелела, на ней изображена девочка в пестром платке. Существует мнение, что это портрет дедушкиной дочери, моей мамы, Жадиной Натальи Алексеевны. Судьба этой картины – отдельная история. Картина чудом сохранилась в нашей семье только потому, что ее взяли с собой мои родители, когда в 1936 году должны были уехать из Малаховки. Моего отца как частного предпринимателя осудили и выслали за 100 км от Москвы. Так мы и картина оказались в Кинешме. После Отечественной войны настали суровые и голодные годы, жить было очень трудно, и нам помогала семья моей школьной подруги. В благодарность мама подарила картину отцу семейства, а тот попросил сына показать картину в Третьяковку. В Третьяковке ее не взяли, так картина снова оказалась в Москве, а недавно родственники моей подруги вернули картину в нашу семью.

А. Ф. Жадин в старинных доспехах из его коллекции, начало 1910-х годов

Своиченицы А. Ф. Жадина в старинных костюмах из его коллекции, начало 1910-х годов

Алексей Федорович Жадин вместе с другими представителями муромской интеллигенции участвовал в создании и работе Муромского научного общества, целью которого ставилось изучение Муромского края в «естественно-историческом, историко – архелогическом, этнографическом и культурном отношении, а также распространение исторических и научных знаний среди населения». Когда в начале 1918 года стал образовываться муромский музей, то именно пожертвования членов общества положили начало музейной коллекции. Подвижническое участие в создании городского музея принял и Алексей Федорович Жадин. Он передал в музей коллекцию археологических находок и другие предметы из своего собрания, а также подарил два шкафа для их экспонирования в залах реального училища. Остальная часть экспонатов из коллекции Алексея Федоровича попала в музей из других источников. О трагической судьбе дедушки и его коллекции я расскажу ниже.

А. Ф. Жадин с женой и дочкой Наташей, 1909

Наступил июль 1918 года, и жизнь нашей семьи круто изменилась. В июле 1918 года в Муроме произошло так называемое белогвардейское восстание. Оно продолжалось два дня и было бескровным, однако при его ликвидации без суда и следствия были расстреляны девятнадцать жителей Мурома и еще пятнадцать – приговорены к расстрелу по решению Владимирского губернского трибунала.

Список лиц должен быть уточнен: до сих пор полные материалы по Муромскому восстанию не рассекречены, и об этом мало что известно до настоящего времени. Среди приговоренных к расстрелу оказался и мой дедушка Алексей Федорович. После доклада Н. С. Хрущева бабушка и мама рассказали мне, что дедушку расстреляли на Покров день за участие в этом восстании по ложному доносу одного из его недоброжелателей, которому не давала покоя дедушкина коллекция. В нашей семье все родственники, как в Муроме так и в Москве, настойчиво утверждают, что Алексей Федорович никакого участия в восстании не принимал, а «сидел на крылечке и курил». Бабушка говорила, что она добилась помилования дедушки и с этим документом приехала во Владимир. Начальник тюрьмы, сославшись на позднее время, сказал, что не стоит беспокоить дедушку и пусть бабушка придет за ним завтра утром. На следующий день, ранним утром, когда бабушка вернулась в тюрьму с распоряжением о помиловании, ей сообщили, что дедушки уже нет: его увезли ночью и расстреляли.

Город Муром, Рождественская площадь, 1917

Эта трагическая история не давала мне покоя, но жизненные обстоятельства складывались таким образом, что только недавно я решилась разобраться в этих событиях. В этих поисках мне очень помогли сотрудники муромского музея, которые проявили искренний интерес к судьбе А. Ф. Жадина. Известно, что многие участники Гражданской войны со стороны Белого движения реабилитированы, прах генерала Деникина возвращен на родину и с почестями захоронен на Донском кладбище. Конституционный суд начал работу по реабилитации командиров царской армии, воевавших против Красной армии в период Гражданской войны, практически решен вопрос о реабилитации адмирала Колчака, создан и демонстрируется по всем каналам фильм о нем, пишутся мемуары и проводятся исторические исследования. Я надеялась, что все участники муромских событий 1918 года тоже уже давно реабилитированы, и обратилась во Владимирское УФСБ с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с архивным уголовным делом А. Ф. Жадина, однако ответ был отрицательный: у них ничего нет, и надо запрашивать Ивановское и Нижегородское управления ФСБ. Там тоже ничего не оказалось, тогда в отчаянии я послала запрос в Центральный архив ФСБ России и с замиранием сердца стала ждать ответа. Время шло, а мне очень хотелось узнать что-нибудь о дедушке, и я часами сидела в Интернете, надеясь на удачу. И мне повезло: на сайте Омского историко-краеведческого музея я нашла ссылку на журнал «Известия ОГИК музея» № 9 за 2000 год, в котором опубликована статья Л. М. Флаума «Семейная книга» об истории семьи Г. Н. и Л. Е. Беловых. В конце статьи рассказывается об их отце Евграфе Степановиче Белове, который был репрессирован и в застенках Омской ЧК в 1920 году нарисовал портреты двадцати своих сокамерников. Эти рисунки были приведены в журнале, и, рассматривая их, я вдруг на одном рисунке увидела надпись – «Гражданин гор. Муромы Алексей Фед. Жадин», т. е. передо мной был портрет моего деда! Трудно передать мое состояние в тот момент! Вскоре пришел ответ из УРАФ ФСБ России, где сообщалось, что А. Ф. Жадин арестован в г. Омске 4 апреля 1920 года Омской ГубЧК «по делу о белогвардейском восстании 8–9 июля 1918 года и дело передано Особому отделу Владимирской ГубЧК. По приговору Владимирского Губернского революционного трибунала от 22–26 февраля 1919 года Жадин А. Ф. объявлен врагом народа и при обнаружении места нахождения подлежал расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 октября 1920 года в г. Владимире. Данные о месте захоронения в материалах дела отсутствуют (Зам. начальника архива А. П. Черепков)». Так закончилась жизнь этого замечательного человека, любимого сына, брата, мужа и отца. Родители Алексея Федоровича не намного пережили своего сына. Екатерина Николаевна умерла в 1925 году от рака желудка, Федор Васильевич ушел из жизни еще раньше, но точной даты я пока не знаю. Бабушка с тремя детьми вскоре уехала из Муромы. О ее жизни, скитаниях и лишениях я попробую написать отдельно.

Портрет А. Ф. Жадина в Омской тюрьме, 1919/1920. Рисунок Е. С. Белова

Дети А. Ф. и С. И. Жадиных. Слева направо: Игорь, Олег и Наташа, 1916

В. И. Болотников **«Я расскажу, что видел...»**

Конечно, первое впечатление любого человека – мама. Уже потом – отец. Но в той же планетной системе далекого детства, в бескрайней вселенной памяти, наполненной погаснувшими звездами событий и кометами внезапных воспоминаний, почти всегда присутствуют их родители. Родные наши дедушки и бабушки.

Мне очень повезло: в течение долгого времени я жил у деда с бабкой в провинциальном Веневе, тихом городке в Тульской области, на берегу неспешной, но довольно глубокой и полноводной речки Веневки, которой будто не очень-то и нужно впадать ниже по течению в Осетр, отдавая через него свои воды сначала Оке, а там и Волге с Каспием.

Веневские дед с бабушкой – Белугины. Это мамыны родители. Отцовских же – Болотниковых – я вовсе не знал: дед умер за три года до моего рождения, а бабушка, та и вовсе ушла на тот свет молодой, где-то в конце двадцатых годов, – от туберкулеза. Правда, это не значит, что для меня их нет.

Имя дал мне мой дед Белугин. Мама рассказывала: когда она была в положении, он подозвал ее как-то

к себе и сказал, строго и определенно: «Если будет сын, назови его Владимиром, а если – дочь, то Еленой. Хорошие старинные имена». Так меня и называли.

В детстве, а особенно в юности, обычное дело – отрицать прошлое. Вообще. Потому хотя бы, что «не интересно». Вокруг тебя ведь столько всего реального, яркого, живо волнующего, радующего... Вот и рвешься вперед, к какой-то своей, собственной, новой, «взрослой» жизни, так что даже родители, пусть и любимые, представляются нам не такими интересными, как кто угодно еще, где-то во внешнем мире, за пределами семьи, особенно тех, что моложе, ближе к тебе самому. Интерес к истории собственной семьи обычно в юности не проявляется отчасти, думаю, оттого, что на тот момент всем нам кажется, будто наше актуальное, сегодняшнее состояние – вечно. Сколько лет прошло, прежде чем я осознал: что же не спросил у родных про то или про это?! Как, например, звали мою прабабку? Откуда они с прадедом родом? Кем они были? Да что там: так получилось, что мне не известно, где похоронена родная бабушка (мать отца, кстати; не знал я даже, в каком году она умерла, пока не обнаружил, на днях, написанный рукой моей мамы поминальный список).

Теперь, достаточно повзрослев, чтобы соизмерить свой жизненный опыт с их, стародавним, утонувшим в глубинах и в черноте времени, я так хотел бы понять: каково им жилось, что они думали и чувствовали, как вели себя в грандиозных пертурбациях Времени двадцатого века. Казалось бы: поздно, не узнать. Спросить-то не у кого. Вот и родителей уже давно нет. После смерти матери оказалась захваченной наша квартира, куда меня в конце восьмидесятых, после развода, так и не прописали обратно. Я был в отъезде, и в нее въехали какие-то «очередники». Тогда там пропало большинство свидетельств семейной истории: фотографии, многие записи, документы, книги – что уж говорить о старинной мебели, которая, доставшись моим родителям от дедов, помнила их, знала их прикосновения. В конце концов лишь через несколько лет «захватчики» отдали некоторые картины и иконы – взять такой грех на душу они все же побоялись...

Но еще до всей этой грустной истории я порой раздумывал: отчего мне так мало что известно про моих дедов? Какая такая с ними связана тайна? Смешно сказать, одно время, в бурном подростковом возрасте, подозревая, будто я – неродной своим родителям, мне порой чудилось, что на самом деле я – цесаревич Алексей, тот самый... Что его, меня то есть, на самом деле кто-то тайно спас от гибели в Екатеринбурге и... М-да, что это невозможно хотя бы по дате рождения, в голову не приходило: я-то 1948-го года рождения, он – 1904-го, так что скорее уж мог мне в деда годиться...

С возрастом стало понятнее: родители что-то знали, но говорить о прошлом не хотели. Особенно отец. Однажды, еще подростком, я услышал, как мать наседала на отца – разговаривали они за стенкой, на кухне, ночью, когда я уже лег спать.

– Что же, Игорь, ты ему никогда ничего не расскажешь? – говорила мама. – Пора бы...

– Ну, Галинька, это ни к чему, – отвечал отец. – Прошлые дела ему вообще не интересны. Сам ведь ни о чем никогда не спросит. У него сейчас одни гулянки на уме... Да и зачем? Меньше будет знать – жить проще.

Как же я тогда обиделся на отца! Буквально до слез. А вывод из услышанного – как это бывает у подростков – сделал совершенно неверный: ах так?! ах не желаешь мне ничего рассказывать?! Ну и не надо! Ну и наплевать! И не буду тебя расспрашивать! Подумаешь... Теперь вот локти кусаю... Впрочем, отец всегда был осторожен и, наверное, все равно не доверил бы мне никаких «ненужных» деталей. Время было, правда, уже хрущевское, но его, замдиректора НИИ, партийного, изредка отправляли в заграничные командировки. Зачем осложнять жизнь «туманным прошлым»?! Прошло много лет, уже нет на свете почти никого из близких старшего поколения, навсегда утрачены многие документы и вещи, а во мне стали почему-то все чаще вспыхивать потухшие, казалось, искорки памяти. Так или иначе, мама и бабушка иногда что-то рассказывали. Впрочем, изредка упоминал о чем-то и отец. Мало, конечно, но и этого достаточно для работы воображения. Или для проявления азарта сыщика.

– А дедушка твой... – начинала иногда мама, если я не вопил, что мне нужно скорей бежать во двор, играть с друзьями в лапту, городки или штандар-стоп, а позже в футбол или бадминтон. Приходилось в очередной раз выслушивать какую-нибудь историю из жизни ее родителей. Как же я сегодня благодарен маминему долготерпению и упорству! Она повторяла одно и то же не раз, не два. И бабушка, особенно после смерти деда в 1957 году, стала все чаще вглядываться в неведомые мне пространства, заговаривала певучим своим голосом, принимаясь порой вспоминать:

– Ох, ты ведь и не знаешь, внучек, как в старые-то времена люди жили. Вот дедушка твой, Николай Федорович, мой Коленька, он рано сиротой остался. Еще младенцем. Отец его как-то товар повез...

– Какой товар, бабушка?

– Разный... Кружева, пуговички, рюшечки, украшения всякие, ну для дамских платьев. Он ведь... м-м-м... в лавке работал... Приказчиком...

– Приказчик – это кто? Кто всем приказывает, да?

– Да нет же: продавцом... Зима тот год была суровая, а он, значит, товар-то повез в одно поместье под Веневом, называлось Урусово. Мне сама свекровь про это рассказывала. Время, говорит, послеобеденное было, припозднился он, и она его не пускала: к чему, мол, на ночь глядя из дома ехать? Темнеет рано, уж и метель завывает... Да он что-то заупрямился: нет, говорит, ждет меня помещица, товар продать надобно, у них там завсегда много берут. Время было перед Рождеством, когда обновки шили. Ну, и повез твой прадед всякую галантерею из своей лавки, – поясняла бабушка, забыв, что он там всего лишь «продавцом работал», – а по пути еще к знакомому крестьянину заехал, в Хавки. Тот угостил чем бог послал, а может, и выпили они чего. Приятель ему, как потом сказывали, тоже говорит: не езжай, Федор Иванович, уж больно пуржит-задувает. Но прадед свое: ничего, ехать недалеко, дело привычное. Да только в Урусово он так и не доехал... Нашли его утром. Лошадь среди поля стоит, вся как сугроб, ее доверху замело. Она-то жива, а он – замерз. Видно, потерял дорогу, из-за бурана. Надо было вожжи отпустить, тогда бы лошадь его обязательно к жилью вывезла: они же чувят, даже если не видать ни зги. А он стал замерзать, вожжи не отпустил... Лошадь послушная, она и осталась стоять. Ох, тогда сыночку-то его, твоему дедушке, всего годик исполнился... А батюшке его тридцать четыре года было.

Прадед Федор Иванович Белугин с женой Александрой Ивановной

Надежда Васильевна Ильина-Волконская (1855–1932)

Уже сегодня, благодаря Интернету, удалось дополнительно кое-что узнать. Урусово действительно недалеко, всего в пятнадцати километрах к югу от Венева. Если не погонять лошадь, то зимой можно доехать, наверное, часа за два. Изначально Урусово принадлежало княгине Зинаиде Волконской (1792–1862), кого сам Пушкин называл «царицей муз и красоты». Она, правда, посетила Урусово всего раза два, зато ее сын, Александр Никитич Волконский (1811–1878), летом наезжал туда часто. Когда же умерла в малолетстве его дочь, князь упросил своего управляющего, Василия Васильевича Ильина, генерала и предводителя тульского дворянства, позволить ему удочерить новорожденную девочку – одиннадцатого ребенка в семье Ильина. Князь полюбил ее как родную, и в результате владелицей большого дворца в Урусово в результате с 1878 года стала эта «генеральская дочь». В год смерти моего прадеда ей было тридцать семь лет! Ее портрет сохранился в тульском музее, так что сегодня можно увидеть ту, к кому, не исключено, и направлялся мой прадед в тот злосчастный день.

Мой «деда Коля», дедушка Николай Федорович Белугин, мамин отец, появился на свет в Веневе 4 декабря 1891 года, так что родителя своего он вовсе не знал: тот погиб, когда сыну едва исполнился годик. Жил дед с матерью, Александрой Ивановной Белугиной (в девичестве Базаровой, из старинного купеческого рода), которая полностью посвятила себя его воспитанию и наставлению на путь истинный, оставшись на всю жизнь бобылихой – замуж больше не вышла. Она, рассказывала мне бабушка, вечно ходила в черном, как монашка, была истовой прихожанкой. Бог забрал у нее мужа, считала она, за какие-то ее грехи, а потому без конца молилась, стараясь «замолить» их. Не было у нее в жизни никакой радости – кроме сына. Иногда ездила на поклон к различным святыням, ближним и дальним. Сама строжайше соблюдала все посты и сына своего, по выражению бабушки, «только и знала, что голодом морить». В результате вырос он худой-прехудой, тщедушный, одни кожа да кости... И здоровьем был слаб.

Учился дед, говорила бабушка, в гимназии, и учился он очень хорошо, как мне без конца напоминали, когда я пошел в школу. Что ж, я просто принимал это на веру, а вот прошлым летом, представьте себе, обнаружил в каком-то углу на даче два листа свернутой в трубку, заскорузлой, ломкой от времени фотографической бумаги. Оказалось, это... похвальные грамоты моего деда! Вот чудо так чудо! Как они вообще попали на дачу? Где прежде были? Листы удалось с грехом пополам распрямить, они все же в нескольких местах надорвались. Разглядел их – много интересного.

Вот похвальный лист от 27 мая 1902 года (деду десять с половиной лет), и выдан он в честь окончания первого класса второго отделения. Удивил он меня своим дизайном: полностью посвящен Гоголю и персонажам из его произведений. Причем все тут! И Чичиков – прямо под портретом писателя, и Собакевич, и Ноздрев, и Акакий Акакиевич, и Вакула верхом на черте, и сценка из «Ревизора» показана. Внизу справа даже могила писателя изображена, на кладбище Данилова монастыря в Москве, с отчетливо видной надписью на надгробном камне в форме саркофага: «И горьким смехом моим посмеюся. (Иеремии, гл. 20, ст. 8)» Но отчего в Гоголь? Оказывается, в тот год отмечалось 50-летие со дня смерти

писателя.

Похвальный лист за 1902 год

Коля Белугин в ту пору

Похвальный лист от 29 мая 1905 года уже совсем другой. В центреверху первоучители – святые Кирилл и Мефодий (885 год). Слева – крещение жителей Киева (988), справа – «Русская правда» Ярослава (1016). Потом – вполне понятный перескок во времени: «Иоанн III разрывает ханскую грамоту» (1480). Далее – по накатанному: посольство Ермака у Иоанна Грозного (1582), избрание царем Михаила Романова (1613), основание Санкт-Петербурга (1703), наказ Екатерины II (1767) – ее программа просвещенного абсолютизма в России, война с Наполеоном (1812), оборона Севастополя (1854), освобождение крестьян (1861), а далее славян на Балканах (1877). Напоследок триумф иного рода – прокладка Великого Сибирского пути (1891), то бишь Транссибирской магистрали. А в значащем, левом верхнем углу уже не Гоголь, но монах, пишущий «Повести временных лет». В общем, вполне все стройно и патриотично. Ну да, если вспомнить, что бесславная для России война с Японией длилась уже более года и подходила к концу, то иного, чем такой официальный документ, и представить себе трудно. Ведь похвальный лист полагалось вешать в доме на почетном месте. И наверняка он там и висел.

Похвальный лист за 1905 год

Коля Белугин в ту пору

Из похвальных листов стало ясно: дедушка не в гимназии учился, а в городском реальном училище, где на первом месте была математика, черчение, рисование и естественные науки, а не иностранные языки и гуманитарные науки. В общем, это был путь к тому, чтобы впоследствии стать не учителем или врачом, например, но, скорее всего, инженером. У деда твоего, говорила мама, были хорошие способности к математике, так что он намеревался поступить в Санкт-Петербургский университет. Но...

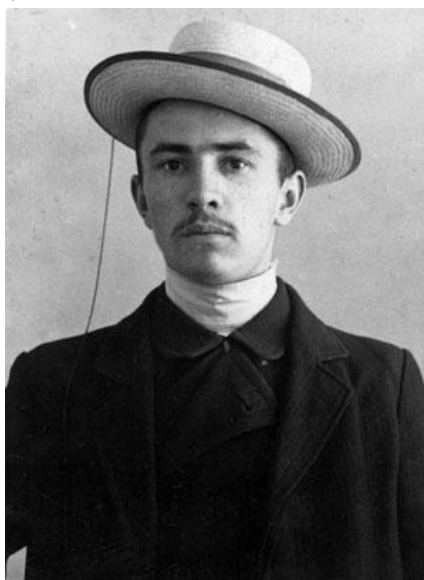
К концу 1905 года в России разгорелись революционные события. (На маленьком, заштатном Веневе они едва ли отразились, хотя в истории города сегодня и говорится: «Крестьянские волнения в уезде. Работники веневской железнодорожной станции поддержали октябрьскую стачку».) Дед уже подросток, в конце года ему стукнуло четырнадцать лет. И надо же было такому случиться: инспектор училища, проверяя содержимое парт в его классе, обнаружил у него там... газету! Притом не большевистскую, говорила бабушка, не эсеровскую, не анархистскую. А газету вообще... Это притом, говорила мама, что дедушка наш был тихоня, всегда законопослушный. Он просто не мог принести газету, так что ему,

отличнику, наверняка кто-то ее подсунул, может и по злобе. Приносить газеты с собой тогда строжайше запрещалось: в гимназии нельзя было «заниматься политикой»... Но инспектор решил, что раз газета в парте у Коли Белугина, значит он ее и принес в класс. В результате деду по завершении училища запретили поступать в университет. Навсегда. Кажется, это называлось «получить белый билет»... Соответственно, он, бывший до того лучшим учеником и отличавшийся примерным поведением, вообще не получил аттестата зрелости и, соответственно, не мог подавать документы в университет.

– Так вот взяли да сломали человеку всю жизнь, – говорила бабушка с горечью, хотя не могла не понимать: если б дед тогда уехал в Санкт-Петербург, они бы скорее всего вообще не встретились. Учился ли дед где-нибудь, не знаю. Почерк у него был очень хороший, прямо-таки идеальный, и человек он был очень грамотный, начитанный, культурный. Такие ценились, и в 1910 году он поступил на работу в контору присяжного поверенного, то есть адвоката. Бабушка говорила: «Он был помощником присяжного поверенного в Туле», – но вряд ли это означало, что он был юристом. Скорее всего секретарем, а не то и писцом. Высшего образования, насколько знаю, дед так и не получил.

Прежде они с матерью жили очень бедно. Как вспоминала бабушка, так не могли позволить себе купить мяса – все-то жили на картошке да молоке. Дед оказался в Туле и получил там приличное место, по-видимому, после немалых ходатайств матери. Возможно, он также надеялся, не без влияния с ее стороны, найти там выгодную невесту и, так сказать, поправить семейное положение, сделав хорошую партию... Нет, пьеса «Женитьба Белугина» Александра Николаевича Островского не про моего деда и не про его предков, однако движущие пружины у большинства людей, как бывает всегда в жизни, приблизительно одни и те же. В памяти моей сохранились бабушкины рассказы о «монпасье»: ведь в те годы молодой человек, явившись с визитом в дом к предмету своего обожания, просто обязан был вручить маменьке этого самого «предмета» красивую жестяную коробку с разноцветными, разными на вкус, мелкими леденцами.

– Эх, внучек, кабы наперед знать, я б тогда все-все записывал, что вокруг меня творилось... – сказал мне как-то дедушка. – Я только начал в конторе работать, в Туле, а туда как раз пришли родственники Льва Николаевича, они порой тут же, при нас, и ссорились: шел спор о том, как поделить наследство... Кому, например, достанутся права на произведения Толстого.

Николай Белугин, ок. 1910 года

Как оказалось, в центре Тулы, на углу улиц Гоголевской и Жуковского, и сейчас находится двухэтажный дом, который наверняка помнит моего молодого деда, – дом присяжного поверенного Тульского суда Рогожина, ведшего дела Л. Н. Толстого. Известно, что при жизни писатель не раз там бывал. Тот же Рогожин занимался вопросами наследования, когда Толстой умер в ноябре 1910 года. Моему деду тогда еще не было и девятнадцати лет, и на фотографии видно, что он явно довольный жизнью и выглядел щеголем: поступив на работу, он смог наконец «прилично одеваться». Тогда же, как он сам вспоминал, появились у него дорогие трости – обязательный атрибут светского молодого человека. Его увлечением стали прогулки после работы, и все мысли были, соответственно, о том, какую барышню он

встретит сегодня, фланируя по улицам или прогуливаясь по бульвару... Его тогда вовсе не интересовали какие-то скучные люди, вечно сидевшие у поверенного по всякого рода обыденным, в том числе и наследственным, делам, даже если это родственники самого Льва Толстого.

Однако дед всегда много читал, жаждал знаний, у него, как вспоминала мама, был живой, самостоятельный ум. Когда мог, он подписывался на научно-популярные издания, хотя зачитывался и русской классикой. В то время большой бум переживали книги, выпускавшиеся усилиями интеллигенции для просвещения народа. Большую популярность имели сытинские издания. Я помню, с какой любовью дедушка самостоятельно переплетал книги, несколько обветшавшие от долгого использования: на новые у него просто не хватало средств. В доме были, конечно, книги Горького, Толстого, Чехова, имелись и тома такого удивительного издания, как «Россия. Полное географическое описание нашего отечества – настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского». Во всяком случае, во втором томе, посвященном Среднерусской черноземной области, помню дедовы карандашные пометки на полях, подробные карты, изображения жителей черноземной полосы в национальных костюмах разных регионов и народностей.

Это издание, к сожалению, пропало, однако две книги, переплетенные дедом, все же сохранились у меня до сих пор, вопреки бурным жизненным перипетиям и утратам множества других документальных свидетельств прошлого. Их легко узнать на полке: темно-синий, тканевый корешок и зеленый переплет – выбора в материалах у деда явно не было. На обложке аккуратно наклеен небольшой листок пожелтевшей бумаги, на нем рукой деда – название книги. На одной: «Энциклопедический словарь. Издание 1924 – 27 гг. журнала “Вестник знания”». На другой: «М. Горький. Тт. XV–XVIII». То есть дед сам свел под один корешок четыре тома в бумажной обложке. Горький сегодня, понятное дело, не слишком популярен, а вот мой дед, помню, отзывался о нем с глубочайшим уважением. Знает нас как облупленных, говорил дедушка, и все, что о мещанах пишет, – правда: ведь он тоже из мещан, как и мы. Слово «мещане» в советское время сделали практически ругательным, поэтому я, видимо, удивленно взглянул на него.

– Что так? – повел бровью дед. – В Венеже кто не из крестьян был или, может, из высших сословий, тот мещанин. Горожанин то есть. Венев-то и начался как город. Он давно стоит. У нас вон, уже при мне, в одночасье церковь старинная рухнула, притом сама, от древности, поскольку ее построили в честь битвы на Куликовом поле.

Слова деда про эту церковь я запомнил точно, хотя подтверждения им пока не нашел. Мамаево побоище, то есть важнейшая для Московской Руси битва с ордынцами на Куликовом поле, после чего началось укрепление Москвы как центра русского государства, произошло в 1380 году. Между тем Венев впервые уже в 1371 году упомянут в летописи как город (то есть огороженное, защищенное от недругов место, дающее защиту своим жителям и окрестным селянам). Кстати, известна такая старинная местная легенда: когда на горе у реки Веневки похоронили двенадцать братьев, местных жителей, погибших в Куликовской битве, под ней возник источник, в котором насчитали двенадцать ключей... Может, это просто красивая легенда, а может, и нет: при недавних раскопках на холме нашли четырнадцать погребений, которые датируются XII–XIV веками. Источник же бьет из-под горы-кургана и теперь, и неподалеку от него, на широком залидном лугу, последние годы в середине июня проводят фестиваль самодельных народных коллективов под названием «Двенадцать ключей».

Именно на это место, на склон кургана в нескольких километрах от города, как вспоминала бабушка, еще до революции веневцы каждый год по весне приходили отмечать Красную горку – древний народный праздник, когда было первое большое гулянье после долгой зимы, следом за Пасхой. Молодежь устраивала игры, девушки водили хороводы, все пели, веселились. Шли семьями, рассказывала бабушка, и стар и мал, с прислугой и так, сами по себе, несли всякую снедь, самовары, разные одеяла-подстилки, чтобы полежать на уже теплой земле, порадоваться солнышку и вольному воздуху.

Венев всегда был небольшим городом: за триста лет, с 1668 по 1959 год, его население увеличилось менее чем вдвое – до 6300 человек. Изначально это было поселение вокруг крепости, что стояла на засеке – оборонительной полосе к югу от Москвы, которую в XVI веке устроили для защиты стольного града от нападения ордынцев. Тут жило немало служивых людей, и сегодня один из районов города сохранил старинное название – Пушкарская слобода, другой – Стрелецкая. Третья слобода – Озеренская (считается, что от слова «озирать», то есть наблюдать, следить) – во времена 5ны просто называлась Казачьей. Но

жили в городке и торговые люди, особенно в центральной, Городенской слободе. Они пускались на различные предприятия. То бишь были предпринимателями... То-то мне бабушка все рассказывала, маленькому:

– Вот в старые-то времена, внучек, дефициту не было. Ну, недород если, это да. Это – как Бог даст. Но чтоб чего-нибудь не хватало или чтобы товары из лавок совсем пропадали, такого я чтой-то и не припомню. Сам посудите: вот едет купец с Волги, например с той же Астрахани, и везет в своих возах рыбу оттуда, икру или пряности всякие заморские. Или ткани, да все-все. Хотя бы чай, например. Едет, пока все не распродаст. А там назад поворачивает...

Я не знал, что и думать, не верил я особенно бабушкиным словам, но когда она заговорила о чае, тут я вспомнил: у моего отца, кого суровая жизнь приучила ничего не выкидывать и любую щепочку беречь (а вдруг пригодится), разные винтики и гаечки хранились в красивых, расписных жестяных коробках из-под чая, дореволюционных, с роскошными цветами или же с изящными китаянками в окружении цветущих деревьев.

В дедовском «Энциклопедическом словаре» я прочел простое определение: «Мещане (от слова “место”), в Московской Руси “черные”, “посадские” люди. При царизме особое сословие (податное, не изъятые по суду от телесного наказания)». Дальше, в порядке идеологической нагрузки, добавлено: «Буквально соответствует понятию “мелкая буржуазия” на Западе». Вот, значит, как в разгар НЭПа относилась новая власть к таким, как мой дед (словарь был издан в 1924–1927 годах). Пусть мелкая, но ведь буржуазия! Не знаю, когда именно дед стал толстовцем, но все мое детство было пронизано этим словом. К сожалению, запомнились мне лишь внешние проявления его толстовства. Всю жизнь он носил рубахи-«толстовки», подпоясывая их, как водится, ремнем. Дед не только рассуждал порой о необходимости «опрощаться», но сам, сколько его помню, жил просто, непрерывно занимаясь крестьянским трудом, работал бухгалтером. Был он вегетарианцем, притом довольно долго. Правда, может, еще и потому, что все годы его зрелой жизни – двадцатые, тридцатые и сороковые – оказались в России затяжной порой трудного, тяжкого существования, когда, по словам бабушки, «жизнь выматывала все жилы». Получается, что сама жизнь вынуждала его к «опрощению»... При мне, в 1950-е годы, дед скорее больше упоминал о вегетарианстве, но не слишком практиковал его. Я также не раз слышал от него о «непротивлении злу насилием». При этих словах он, помнится, как-то особенно зорко и пытливо вглядывался в меня, восьмилетнего. Я, конечно, не понимал тогда, какое «зло» конкретно он мог иметь в виду. Как не понимал, например, в какой связи дед упоминал имя митрополита Сергия, того, кто в 1927 году провозгласил принцип лояльности существующему режиму и прекращение (во всяком случае, открытого) конфликта церкви с властями. Впрочем, принцип непротивления носит общий характер, и его вовсе не обязательно конкретизировать. Во время Первой мировой войны дед был призван в армию и служил в последние месяцы перед ноябрьской революцией где-то в Псковской губернии. Вероятно, дед принял толстовство позже, уже в советские годы, поскольку толстовцы отказывались от службы в царской армии. Я думаю, что толстовство оказалось логичным и приемлемым для него способом ухода во внутреннюю эмиграцию, позволило выживать в новой, порой весьма оголтелой атмосфере. Тем более что местные власти отличались революционной активностью и особым усердием. Из окрестностей Венева вообще вышло немало революционеров, а также рьяных сторонников нового государства, последователей более жесткого курса. Как сказано в материалах прекрасного сайта veneva.ru, «Венев стал первым красным городом губернии, а фотография празднования 1-й годовщины Октябрьского переворота в Веневе, напечатанная в “Известиях”, была на столе В. И. Ленина». Тогда же уездный исполком приобрел у московского скульптора Алексеева бюст Ленина и осенью 1918 года установил его к первой годовщине революции, на центральной, Красной площади Венева. Заметим: произошло это всего через два месяца после покушения на Ленина. Считается, что это первый памятник Ленину в Советской России. Он стоит там до сих пор. Веневские краеведы обнаружили документ, свидетельствующий, что моему деду, Н. Ф. Белугину, в самый разгар Гражданской войны доверили такой ответственный участок, как распределение продовольствия. В списке сотрудников уездного исполкома за 1919 год он значится как делопроизводитель секции опеки и попечительства подотдела социального обеспечения. «Представляете, он ведь в то время реально спасал людей от голодной смерти. В том числе так называемых бывших, которых, вообще говоря, власти оставляли на произвол судьбы. Можно сказать, что от вашего деда реально зависело, кто

выживет...» – сказал мне один молодой венецкий краевед. Если в самом деле так, очень уж это в его духе моего деда. Таким его и помню: справедливым, строгим, уважающим людей, их право на жизнь и заботящимся не только о своей семье, но и о них, чужих.

Несколько позже, в 1925 году, фамилия деда значится в другом документе – среди пяти частных предпринимателей, торговавших в городе галантереей. Что это реально собой представляло, сегодня сказать трудно. Не похоже, чтобы у него была своя лавка. Мама и бабушка говорили, что в годы НЭПа дед стоял на рынке, продавая тетрадки, карандаши, ластики и прочие школьно-письменные принадлежности. Может, они просто пытались так «закодировать» неудобную тему? Ведь фамилия Белугиных, как я узнал позже, была в городе очень известной и, возможно, «потенциально опасной». Вот и недавно моя очень старая родственница (ей сильно за 90) испуганно замахала руками и даже запричитала, когда я спросил ее, был ли у деда во времена НЭПа магазин: «Да какой там магазин! На рынке он стоял, с лотком, ничего особенного...» Конечно, ничего особенного, но этого оказалось достаточно, чтобы тогдашние местные власти сделали деда «лишенцем», поскольку он значился частным предпринимателем. Иными словами, до конца тридцатых годов он был в «списке лишенных избирательных прав». Соответственно, мог бы в дальнейшем, если понадобится, быстро перейти в разряд «врагов народа»... Тем более что и толстовцы в конце двадцатых годов считались подозрительными элементами, их общины были разогнаны, и многие оказались арестованы. Выходит, не зря бабушка била поклоны перед иконой, когда к ним в тридцатые годы являлся уполномоченный...

Кроме Льва Толстого, дед также почитал Ганди. Когда они с бабушкой переехали жить к нам в Москву, на улицу Татищева у Серпуховского вала, он часто, помню, ходил в нашу районную библиотеку, брал там имевшиеся о нем книги. Помню, как дед вслух зачитывал мне, семилетнему, выдержки из биографии знаменитого индуса, благодаря чему я уже тогда получил представление о деятельности молодого Ганди в Южной Африке в начале XX века, о том, как тот позже по всей Индии организовывал противодействие колониальному режиму британцев.

Еще дед с большим уважением относился к В. Г. Черткову, секретарю Льва Толстого, который еще до знакомства с писателем совершенно самостоятельно пришел ко многим положениям того, что стало называться «толстовством». Чертков, выходец из очень богатой семьи, красавец, обращавший на себя внимание благородством облика, организовал по совету Толстого просветительское издательство «Посредник», где печатались и тексты для народа, написанные самим Толстым. Дед мог, надо думать, побывать в Ясной Поляне или же в имении самого Чертоква, в трех километрах отсюда – пусть от Венева это и не ближний свет (около 70 км). Книги Чертоква о Толстом, помню, у деда были, и края их страниц были основательно истрепаны от многократного прочтения. Имя Чертоква дедушка упоминал много раз. Эх, знать бы, что сейчас буду кусать себе локти от досады – записал бы тогда его слова, расспросил бы подробнее...

Гонения на толстовцев начались при советской власти за их пацифизм (они отказывались служить в армии), за приверженность к созданию крепких крестьянских хозяйств, замкнутых на самих себя общин, не подконтрольных государству. Толстовцев обвиняли в отсутствии патриотизма, в шпионаже, их загоняли в Соловки, а позже и в лагеря ГУЛАГа. Чертков в 1930 году даже лично обратился к Сталину с письмом, просил облегчить судьбы своих братьев, попавших в заключение, – они же, пишет он, не выступали против государства, не вели пропаганды против службы в армии. Видимо, сам факт, что они существовали, уже был обвинением против них... Ведь истинная жизнь для толстовцев была жизнью «муравьиных братьев», тех, кто исповедует принципы коллективистской морали, общего блага. Это коллективное (но частное, не государственное) благо можно, по их представлениям, раскрыть с помощью «разумного сознания», которого можно достичь лишь за счет страдания. А сам Толстой определял страдание как единственный «источник всякого света в душе». Что ж, страданий на долю моих деда и бабушки выпало очень много. Может, оттого я всегда и ощущал идущий от них ровный свет.

Хорошо помню дедов дом по улице Карла Маркса (она и сегодня так называется, а «до того» называлась Выезжая – имелось в виду: «выезжая с постоянного двора»). Дом снесли еще в начале семидесятых, а на его месте высится многоквартирное жилое здание. Дедушкин дом был невысокий, одноэтажный, бревенчатый, под железной крышей, на каменном, беленом фундаменте, в несколько окон на улицу – не то четыре, не то пять. Левую половину дома (если смотреть с улицы) вечно сдавали жильцам

ради подспорья вдове, а затем и многодетному семейству ее сына. В правой – жили сами хозяева.

Николай Белугин

В палисаднике, под окнами на улицу, у дедушки росли чудесные, крупные ирисы: густо-фиолетовые и «тигровые», коричнево-кремовые. В конце июня расцветали темно-розовые, нежно – красные и белые пионы, удивительно непристойно плотские, невероятные по роскошности и богатству вызываемых ими ощущений. Все теплое время что-нибудь цвело: флоксы, анютины глазки, настурция, душистый табак, золотые шары, мальвы, астры, георгины – все в свое время. Бабушка особенно любила мальву, для нее это было воспоминание о детских и юных годах, проведенных в Воронежской губернии, об Украине – ее родной дядя, Михаил Федорович Иванов, в советское время известный академик, до революции работал в Харькове, а также в заповеднике у самого Фальц-Фейна, в Аскании-Нова, и бабушка бывала у него в гостях. Росли около дома и высокие кусты сирени, ветки которой с крупными, благоухающими цветами в мае вносили в дом и ставили в вазу (при этом каждый обязательно старался найти пятилепестковый цветочек – на счастье).

Сирень окружала стоявшую у забора беседку, где летом принимали гостей. По вечерам там пили чай из самовара, как полагается, «с чем бог послал»: в пятидесятые годы, как помню, с баранками или бубликами, сушками, карамелью, с пряниками разного вкуса (мятными, имбирными, еще были такие, которые называли «жамками») и обязательно с домашним вареньем нескольких видов. В доме практически круглый год было варенье: яблочное, вишневое, малиновое, смородиновое и из ягод крыжовника («круж(б)ное», как называла его бабушка). Летом, разумеется, начиналась страда по варке варений, откуда-то (наверное, с верха русской печки) вытаскивали огромный, таинственно блестящий медный таз с толстой деревянной ручкой, в нем распускали на огне сахар, засыпали очищенные ягоды, встряхивали, снимали пенку. М-м-м, пенка... Предел мечтаний... Как же я увивался вокруг бабушки, нацеливаясь на пенку! Рафинад в Веневе тогда вовсе не продавали, поэтому для меня сызмала «попить чаю» означало такую процедуру: прежде чем разлить по чашкам заварку из маленького чайника, разбавляя ее крутым кипятком, повернув фигурный краник начищенного, медного самовара, специальными щипчиками требовалось расколоть крупные куски неровного, колотого сахара на более мелкие. А недавно та же старая родственница, прожившая все раннее детство у деда с бабкой, продемонстрировала, как он пил чай: сахар закладывал в уголок рта, под десну или же под язык, а чай наливал в блюдце, и чтобы не обжечься; блюдце полагалось держать на четырех пальцах, разведенных наподобие короны, тогда как мизинец – высший шик! – должно было обязательно отставлять в сторону...

После беседки, дальше у забора слева, уже во дворе, был вход в погреб, куда то и дело, день-деньской, по мере надобности, лазала бабушка. В погребе большую часть года жила зима, туда, расчищая двор после снегопада, дед скидывал снег и лед. Холодильников у обычных людей в начале 1950-х годов еще в помине не было, так что в сельской местности поступали по старинке, как давным-давно было заведено. Снег за зиму слеживался, его еще утапывали, и с наступлением весеннего тепла портящиеся продукты и приготовленную еду носили «на ледник» – в погреб. Конечно, с наступлением летней жары, обычно к

началу июля, снег со льдом исчезали и в погребе до октября – ноября, когда ложилась зима и меня отправляли к родителям, в Москву. Помню священный страх, испытанный мною, когда я осмелился, вопреки бабушкиным причитаниям, заглянуть в погреб: дело было уже в июне, а на дне огромной, как тогда показалось, ямы серел небольшой, ноздреватый, льдистый сугроб, на котором стояли какие-то горшки и банки. Из погреба, конечно, пахло холодом и сыростью. «Закрой – простудишься! Не лезь вниз! Не дай бог, сверзишься...» – привычно запричитала бабушка. Лестница в самом деле была совершенно отвесная. Как же они с дедом сами-то всю жизнь по ней спускались-поднимались, изо дня в день? Направо, со стороны двора, было крыльцо, оно вело в просторные сени, где по левую руку обычно стояло на подставках-табуретах большое железное корыто с острыми углами, в нем вечно замачивали и стирали белье. Еще с ним были связаны совершенно таинственные предметы, которые бабушка называла «валек» и «рубилло». Вальком она лихо отбивала грязное белье, вынутое из пенной воды, а вот рубилом (а точнее, рубелем) раскатывала, проглаживала еще чуть влажные, «волглые» (или она даже говорила «вохкие») дедовы рубахи, порты да постельное белье, наматывая их предварительно на скалку. Был, помню, у них с дедом в хозяйстве и здоровенный, тяжелый утюг, куда, в нижнюю его часть, закладывались раскаленные угли из печи, чтобы можно было проглаживать вещи (такие точно утюги недавно увидел в деревенском магазине в Индии и – только что не прослезился от нахлынувшей ностальгии). За тяжелой, обитой войлоком, дверью в дом, помню кухню слева, главную комнату – прямо и «темную комнату» – направо. В последней почему-то не было окна, вот ее и называли «темной». В кухне, у окна, стоял большой простой стол, сбитый из толстых, гладко оструганных досок, и по его длинной стороне тянулись лавки без спинок – вдоль стены с низким окном и вдоль печки. Печка была тут же, настоящая, большая, русская, с полукруглым сводом над чугунной плитой, куда бабушка с помощью ухвата ставила чугушки, напоминавшие мне своей формой перевернутые луковицы церковей, но лишь усеченные, чтобы могли стоять. В горшках, которые бабушка рогатым ухватом «метала», то есть ловким движением переносила из печи на стол, всегда было что-то изумительно вкусное: гречневый кулеш с «сальцем», как она мечтательно говорила, или же вечные «вареные картошки» (всегда «в мундире» – дед их так и ел, следуя, как он говорил, примеру Толстого). Печку растапливали рано утром, наколов щепок и лучинок, раздув огонь, открыв задвижки («загнетки») для создания тяги. Потом, когда огонь разгорался, загнетки эти вдвигали, но не до конца, а вход в печь, то есть горнило, закрывали железным листом-затвором – «для жару». Не помню, чтобы на этой печи спали, хотя разговоры об этом всегда велись. Видимо, если и спали на ней, то зимой, я же приезжал к деду с бабкой едва сходил снег, а возвращался в Москву поздней осенью, как начиналось предзимье. В комнате стоял старинный, невысокий, лакированный черный комод, где хранилось белье. На стенке в левом углу огромная, черная тарелка репродуктора с самого утра начинала вещать особым голосом диктора, всегда с металлическим призывом, позже из нее раздавались различные, народные или революционные, песни, а порой и классическая музыка. В правом же углу была икона в застекленном киоте, а ниже ее висела лампадка на металлических цепочках. В ней, как начинало смеркаться, бабушка, чиркнув спичкой, молитвенно-серьезно зажигала пламя, и огонек отражался в стекле, за которым виднелись вечно печальные, все ведающие глаза Богородицы и серьезные, скорбные очи ее младенца.

И дед и бабушка были верующими, в церковь ходили оба, да и дома молились. Правда, какой-либо истовости в них не помню. Дедушка ходил в церковь еще и потому, что любил петь. У него был очень хороший голос, богатый баритон, оттого он в церкви любил стоять поближе к хору, чтобы подтягивать ему. Дед и в Москве, когда был в силах, отправлялся на трамвае в церковь Иоанна Воина, что напротив французского посольства. Ему очень нравился «тамошний хор». Если бабушка заговаривала со мной изредка о вере, о Боге, то никаких разговоров с дедом на эти темы не помню.

– Что это, внучек, все говорят, будто нету Бога, – однажды сказала мне бабушка, когда я в очередной раз поведал ей что-то из школьных учебников

– Ну да, бабушка...

– Как же это? Не может такого быть! В мое время – был.

– Да нет, бабушка, нету...

– Ну-у, как это – нету, когда он – везде... Ведь и камушек – Бог, и деревце – Бог, и река, и небо. Все – Бог.

– И я тоже?

– И ты, родимый, и ты. Только человек грешен, его лукавый прельщает, вот он и оступается, но вера не дает, поправляет. Вот Николай-угодник, наш заступник, дедушку ведь в его честь называли...

– Знаешь, бабушка, я лучше пойду с ребятами погуляю...

Еще одна семейная история. Я услышал ее от своей мамы.

В тридцатые годы, говорила она, детей заставляли на первое сентября приносить в школу иконы из дома. Приносить, чтобы оставить в школе или уничтожить на глазах у всех, я уже не помню, это делалось в рамках антирелигиозной кампании, развернувшейся в ту пору в Советской России. Представляете себе, что такое для верующего человека – лишиться иконы? К тому же не иконы вообще, а своей, намоленной, той, что сопровождала его и его предков всю жизнь, каждый день, осеняла все горести и радости своим присутствием, напоминала о вечном – вопреки суетному. Дома у людей обязательно были образа: и Казанская Богоматерь, и Владимирская, Спас Вседержитель, Николай Угодник, Параскева Пятница и многие другие иконы. И вот, на тебе – потребовали, чтобы каждый ученик принес в школу по иконе. А у моего деда – четыре дочери.

– Наша мама от всего этого тогда совершенно с ума сходила, – говорила мне моя мать в 1963 году, но заметно волнуясь, хотя от тех событий нас отделяло уже больше тридцати лет. – Что ж ты думаешь? Твой дедушка ей вот что сказал: «Нашим детям, Варенька, жить теперь, у них новая жизнь. А мы к этому новому не привыкли, не наше оно. Но что ж поделать? Плетью обуха не перешибешь. Видит Бог, я им любую икону отдам. Кроме одной. Под которой нас с тобой венчали...»

В общем, с заданием дочки справились, но одна из них, на кого, по-видимому, сильнее других действовала антирелигиозная пропаганда, в тот день по возвращении из школы ворвалась в дом и стала... обвинять родителей в двуличии: «А-а, вот вы какие, у вас еще иконы остались... Вон они!» Боюсь даже представить себе, что творилось в семье деда в тот вечер. Достаточно скупых слов моей матери: «Она их тащила во двор, чтобы порубить топором...» Сегодня эта же дочка, давно уже ставшая старше своих покойных родителей, молится и крестится, чуть что поминает имя Бога, рассказывает, как она любила свою набожную бабушку, которая водила ее в церковь, как они покупали там просфорки. И наверняка это тоже – правда.

А мне остается радоваться, что я сохранил в своей памяти этот рассказ про венчальную иконку. Пока была жива бабушка, эта иконка висела у нее над изголовьем кровати – маленькая, меньше ладони, овальная, с изображением двух ликов (эх, знать бы еще, кто на ней был изображен?). А потом она вместе с бабушкой ушла в землю.

Бабушка не получила образования, кроме не то трех, не то четырех классов церковно-приходской школы: болезненная в детстве, она жила в степном селении в Воронежской губернии, где ее отец был управляющим имением у какого-то помещика, и с нею некоторое время занималась школьными предметами гувернантка – пока не стала ее мачехой... По словам моей тетки, помещик этот был «фон барон какой-то», жил исключительно в Париже или на водах в Германии, а управляющему лишь присылал письма с требованиями выслать денег – играл, видно, то ли на скачках, то ли в казино... Имение было явно не маленьким: помню, что у нас дома лежал в укромном месте, в шкафу, довольно большой красивый альбом, в котором, однако, на фотографиях не люди были изображены, а... сельскохозяйственные машины. Там были и паровые веялки, и трактора с какими-то плугами, и какой-то навесной инвентарь, но особенно мое воображение в детстве поразили совершенно монументальные паровые молотилки – это будто океанский пароход на суше... В общем, стоили такие новшества немалых денег, а закупил все это удовольствие мой прадед, управлявший хозяйством. Между прочим, в Германии и Америке покупал, как говорила бабушка. В Германию за оборудованием он точно ездил.

– Вот у тебя в учебнике, Вовочка, – сказала как-то мне бабушка, когда я был уже классе в четвертом, – написано, что помещики все были кровопийцы, без конца над крестьянами измывались, только и знали, что обижали их, пороли, со свету сживали и все такое прочее...

– Конечно, бабушка... – звонко отзывался я.

Задумается бабушка, поглядит в даль неохватной своей памяти, головой покачает да серьезно так вымолвит:

– Может, где такое и было... Про Салтычиху-то мы, конечно, все слышали... Но чтоб у нас в Воронежской губернии... Во всяком случае, в нашем уезде все помещики были хорошие. Ну, кроме одного,

правда. Только и того в конце концов судили...

Николай Белугин в годы Первой мировой войны

Я любил и дедушку и бабушку, но верил скорее прочитанному в моих книгах: ведь и сами дед с бабкой то и дело говорили: «Учись как следует, в книгах все найдешь, всю правду». Наверное, бабушка что-то не так понимает, думал я, она же необразованная у нас, полуграмотная... Потом, уже после их смерти, мне стало казаться, что в разговорах со мной они могли выразить лишь немного из того, что знали сами, а потому их слова нередко становились некими зашифрованными посланиями: им, несомненно, хотелось хоть что-то высказать внуку, тогда как выражать свои мнения и мысли в открытую было нельзя... Например, уже когда деда не стало, бабушка, сидя на кухне, иногда пускалась в воспоминания о советском времени, и тогда можно было от нее услышать такое:

– Ходил к нам тогда этот... уполномоченный...

– Когда это – «тогда», бабушка?

– Да в тридцатые, будь они не ладны...

– А что такое «уполномоченный»?

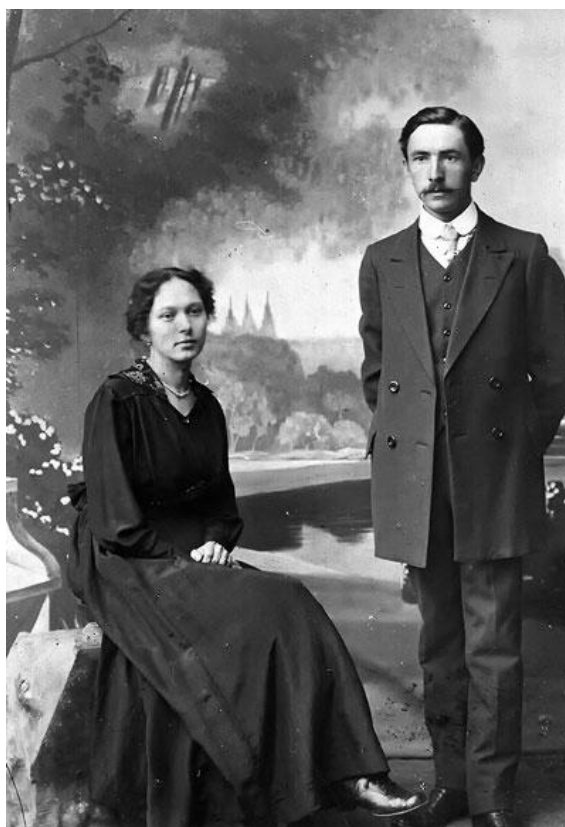
– Были такие... Про них еще, хе-хе, говорили: «упал намоченный, а встал сухой», – прибавляла бабушка один из любимых, пусть незатейливых каламбуров.

– Как это, ба?

– В общем, человек этот все ходит к нам и ходит, ходит и ходит. Не из милиции. А так, «в гости». Придет – и сидит, про то про се заговаривает. А мне-то как страшно... Не принять нельзя. Сядет он с твоим дедом Колей на лавке, а сам все подкатывается, все одно и то же талдычит: «Что ж это такое, Николай Федорович, творится-то, а? Кругом враги, ну просто кругом... И на самом верху... Кому ж верить? Ведь какое доверие этим было, врагам-то народа, а?» Дедушка твой и вообще-то не слишком разговорчив был, а тут и вовсе молчок... Я всякий раз поставлю на стол что бог послал, а сама скорей в соседнюю комнату, да на колени перед иконой: «Богородица, матушка, защити, заслони! Не приведи бог, Коленька хоть что-нибудь не то скажет. Христом Богом молю, родимая! Четверо у нас... Пропадем ведь». А сама прислушиваюсь: что там Коля на кухне говорит. Слышу: он лишь еле слышно, будто про себя, «да-да», «нет-нет», но больше того – ничего. Ни слова лишнего. Так что ж ты думаешь, злыдень этот к нам года три ходил, все измывался, подловить хотел... Да, это нам уже известно: у сотрудников «органов» был тогда, в тридцатые годы, «план по району», по раскрытию «вредителей», вот уполномоченный и обходил семьи потенциальных жертв. Тем более что ходить было, наверное, недалеко: милиция – тут же, на соседней улице, дедов сад граничил с ее двором, и оттуда я, уже сызмала, нередко слышал треск и рев запускаемых милицейских мотоциклов, вопли пьяниц, жуткую ругань.

– А то раз он вдруг привязался, – опять вспоминала бабушка, – что, мол, у деда твоего усы якобы на манер... Гитлера. Прямо так и попер. Как ответишь? Тогда вообще такая мода была, и у наших, кто в правительстве, тоже точь-в-точь такие усы были. А попробуй, скажи про это... Дед с бабкой поженились в 1918 году, вспоминала моя тетка, как только он пришел из армии. Служил он под конец где-то в Псковской

губернии, был, видимо, писарем, но выглядел «серой скотинкой». Во всяком случае, на фотографии, чудом уцелевшей, он в обычной солдатской форме. Через два года после свадьбы у них родилась дочь Татьяна, в 1922 году – Галина (моя мать), спустя еще два года – Александра (ее назвали в честь свекрови) и, наконец, в 1927 году – Наталья. Жили скудно, как вспоминала мама, мясо они видели дай бог раз в две недели. Когда хозяйка, моя бабушка, в обед ставила посреди стола глубокую миску со щами или кашей, все начинали есть прямо из этой миски, деревянными ложками – тарелок у них не было. Предполагалось, что все будут строго соблюдать очередность, но, разумеется, вечно голодные сестры все норовили «пошустрить». Не тут-то было: дед следил за порядком, и чуть что, говорила мама, он – раз! – по лбу деревянной ложкой... Или даже – только посмотрит на кого-то, только начнет ложку свою облизывать, а виноватый уже голову в плечи втягивает. Дед с середины двадцатых годов много лет работал бухгалтером в конторе леспромхоза, на соседней улице. Смутно помню историю о том, что однажды, в двадцатые годы, когда он вез зарплату работникам этого предприятия – лесозаготовителям – на их место работы, на лесоповал, на него напали бандиты, отнявшие у деда сумку с деньгами. В детстве эта история у меня почему-то смешивалась с изображением на коврике над моей кроватью: там хищные волки набрасывались на лошадь, которую нахлестывал возница в дровнях... Зима, ночь, лошадь несется из последних сил, один волк, с ярко горящим красной ниткой глазом, в прыжке пытается достать ее горло, лицо возницы искажено страхом. Сколько раз я засыпал, разглядывая этот коврик, купленный дедом с бабкой на рынке. Тетка вспоминала, как всей семьей они отправлялись собирать в заказниках лесные орехи и яблоки, разрешалось не больше двух мешков орехов на семью, а яблоки частично мочили в большой деревянной бочке, а частично дед разбрасывал на чердаке на соломе – там они хранились до морозов, потом их забирали в дом, счищали кожуру, пекли пироги. Еще в памяти у тетки осталось, как дед по вечерам садился на сундук и играл на балалайке, напевая что-то. В доме никогда не было вина, но веселье, несмотря на суровые времена, к ним порой заглядывало.

Варвара Семеновна Иванова и Николай Федорович Белугин в день свадьбы

Скажу еще, что дед всю жизнь не курил. Только в старости, когда его замучил астматический кашель (у него была сердечная астма), ему лучше всего, пожалуй, помогало лекарство под названием «астматол»: этот порошок дед и курил в смеси с табаком. После переезда в Москву в 1956 году он в нашей сырой и перенаселенной коммунальной квартире начал особенно напряжно, жутко кашлять, притом мучился невероятно, хотя все же ухитрился сохранять удивительное спокойствие и достоинство. Я был свидетелем его мучений, поскольку жил в одной комнате с ним и бабушкой. У моих родителей была своя, отдельная

комната, и такому роскошеству бешено завидовали остальные обитатели нашей коммуналки: ведь обычно все три поколения семьи жили в одной и той же комнате... Мои родители и их друзья довольно долго называли меня кличкой «застройщик»: дело в том, что в 1948 году у родителей как раз должны были отнять излишки площади, в очередной раз «уплотнив» коммуналку, однако этого не случилось, поскольку моя мама забеременела. Дедушка принимал от своих хворей какие-то отхаркивающие микстуры, пил таблетки теофедрина, из пипетки капал в мензурку зеленоватого стекла красиво расхोдившиеся в налитой туда воде всякие снадобья под странными названиями – капли Зеленина, капли Вотчала. Но больше всего меня завораживала процедура набивания папирос специальной табачной смесью из продолговатой картонной упаковки астматол: у деда было несколько хитроумных приспособлений для этого, в том числе особая набивалка для уплотнения табака внутри папиросных гильз, которые покупались отдельно, тоже в аптеке. Дед загодя заготавливал «лекарственные папиросы», на неделю вперед, – он вообще все делал обстоятельно и аккуратно. Насколько ему на самом деле помогал астматол, можно лишь догадываться, но это средство ему прописал врач, а тут дед был всегда исполнителен.

– Как же я могу не принять лекарство? Мне же его доктор прописал! – сердился он, например, на мою маму, которая врачам не слишком доверяла (она и сама настрадалась от лечения – у нее была сильнейшая бронхиальная астма, да и обстановка в обществе в начале пятидесятых не способствовала особому доверию к медикам после сталинского «дела врачей», когда простые люди вдруг ощутили себя беззащитными перед «врачами-убийцами»...).

– Если я обману врача, – говорил дед, – то как он сможет сделать правильный вывод о том, что происходит в организме?

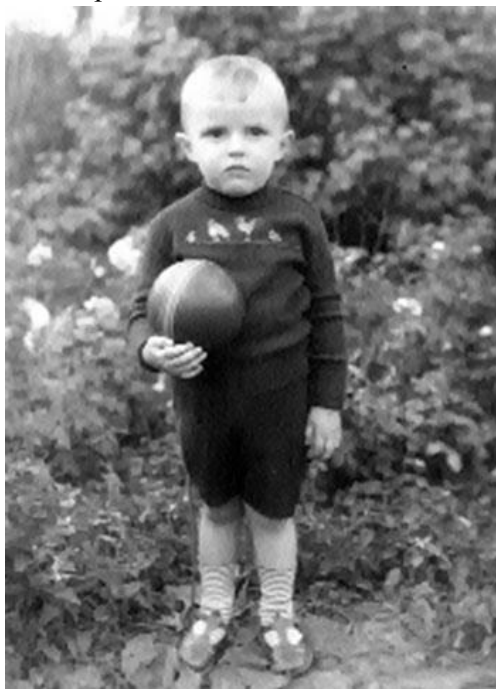
Покулив в предощущении приступа, чтобы купировать его, дед сидел потом на кровати в углу нашей мрачной комнаты с окном на север, с видом на высокий, серый соседский забор, и раскачивался туда-сюда, будто глядя в некую даль, хотя на самом деле упираясь взглядом в стенку. Мне даже тогда казалось, что он в это время был где-то «не здесь», пребывая как бы вне времени и пространства. Лишь недавно узнал: в состав астматол входят белена, красавка (белладонна), дурман – все они дают известное состояние «измененного сознания». Сегодня астматол вообще ставят в один ряд с такими галлюциногенами, как циклодол и димедрол, а ведь их тогда продавали в аптеках без рецепта, ими «закидывались» в 1960-е годы различные тусовщики, желавшие испытать «психоделический трип».

Любили ли дедушка и бабушка друг друга? Конечно! Только никогда не выражали свою любовь какими-то словами или жестами. Я не помню, чтобы дед что-либо дарил ей. О цветах не было и речи – цветы просто были в доме, весной и летом... Может, я был просто слишком мал, чтобы замечать детали такого сорта. Это же не первый подаренный мне матерчатый заяц, которому я вскоре обсосал уши до того, что ткань полиняла и разлезлась... Зайца – помню. Как и любимого болгарского мишку, в 1951 году привезенного отцом. Выражение лица этого мишки, его послушные и одновременно шаловливые глазки-пуговицы, его сделанный из кожи нос останутся со мной навсегда. А какая любовь у бабушки к дедушкой? Они же – старые.

Три сестры. Слева направо – Александра, Галина, Татьяна, 1926

Но думаю, что о любви они все же говорили и ее не выражали словами именно потому, что она – была. Любовь была в атмосфере семьи, в духе дома, она сказывалась во всем. Обращались они друг к другу всегда ласково («Коленька», «Варенька»), негромким голосом, уважительно. Работали оба на износ, заботясь о большом семействе, однако у каждого была своя роль. Бабушку я практически не видел праздной. Деда – тоже. Ну, разве что послушает радио, приложив знакомым жестом руку к уху... или изредка почитает газету, надев смешные, круглые очки, у которых вместо одной из дужек, помню, была... черная аптечная резинка. Помимо часов, проводимых на службе, в бухгалтерии, куда он отправлялся поутру, надев свои обязательные, бухгалтерские, синие нарукавники, дед все остальное время занимался хозяйством. На нем были сад и огород, от него зависело, что будет на столе у семьи. Конечно, ходили на базар – мне отчего-то помнится, что он был только по субботам, – там покупали, что могли и чего не получали со своих грядок. Однако денег всегда не хватало (денежные переводы от двух дочерей были хоть регулярными, но небольшими). Сад же, если год был удачный, давал неплохой урожай. Помню, с каким упорством, терпением и даже азартом мой немолодой уже дед таскал воду из колодца в большую бочку, в деревянную колоду; ведь чтобы нежинские огурчики не простудить, нужно было натаскать воды за несколько часов до полива. Прополка большого числа грядок, где росли все нужные овощи, отнимала тьму времени, и на это бросались все людские ресурсы. При этом заходившие в гости родственники или соседи всегда получали что-нибудь в подарок с огорода.

В палисаднике у деда. Мне чуть больше двух с половиной лет, 13 июля 1951 года

Дед строго следил, однако, чтобы «по ходу пьесы» дети не подъедали овощи с грядки. Однажды случилась драма: дед недосчитался одного огурца и, решив, что кто-то из дочек нарушил его запрет (тем более что овощи не мешает мыть), устроил по этому поводу серьезное разбирательство. Но никто не признался в содеянном, все были в большом расстройстве, дед тоже горевал – он терпеть не мог лжи. Слава богу, все вскоре разъяснилось. Виновна в потраве была... их кошка по имени Муляша: ее на другой день застали за тем, как она лакомялась очередным сладким огурчиком.

А еще деду причиняли немалые хлопоты порхавшие по саду бабочки-капустницы, за которыми я восторженно гонялся с сачком. Их бесчисленное потомство лихо набрасывалось на капусту, хотя все мы часто обирали гусениц с огромных листьев. Дед ничего не делал просто так или абы как. Для сада и огорода он выписывал какие-то особые сорта растений, состоял, как рассказывала мама, в переписке с Мичуриным, получал от него какие-то саженцы, семена. Большой гордостью деда были помидоры. Ни у кого не было такого разнообразия сортов, ни у кого не плодоносили они с такой «охотой» – как говорила бабушка. Помню и обычные помидоры, и огромные, с мужской кулак и даже куда крупнее (кажется, этот

сорт назывался «бычье сердце»). Каждый год дед высаживал рассаду около десяти сортов помидоров, но один из них я потом вообще нигде больше не встречал: «дамские пальчики». Эти плоды были некрупные, но удлинённые, формой действительно напоминали тонкий, пусть и короткий палец. А аромат какой! Чудился даже виноградный привкус.

Разумеется, росла на грядках всякая зелень для борщей, для салатов. Ну, всю эту редьку-репку я не помню, а вот малину... За сараем были густые заросли малины, просто джунгли, колючие, манящие. Туда вечно убегала Муляша, поймав очередную мышку. Туда же, как только начинали созревать ягоды, гордо направлялся и я, едва научившись ходить.

Однажды, с разрешения бабушки, я убежал за сарай и погрузился там в мечтательную нирвану, созерцая малиновые кусты, желая поскорей найти вкуснейшие, удивительные ягоды. Несмотря на жару, они, прятаясь под мягкими листьями с серебряным оборотом, были чуть прохладными. Конечно, иногда я царапался о колючки, но куда сильнее было желание вновь ощутить во рту медленное растворение очередной ягоды, ее пряную, дику сладость, упругость мелких косточек. Я машинально сунул в рот только что сорванную, особо сочную, исполненную зрелости малинную плоть, уже предощущая новую волну наслаждения – но тут же закричал, замахал руками, даже заплакал от обиды. Выплюнув ягоду, увидел, как от нее неторопливо, как-то боком, отползает потревоженный мною... малиновый клоп: удивительно неуклюжее, медлительное, плоское, многоугольное существо зеленовато-пыльного цвета, размером, наверное, с копеечную монету. Долго я не мог прийти в себя от обиды и омерзения от препротивного вкуса во рту.

Дедов сад с огородом стали моей маленькой вселенной, местом познания окружающего мира... и очень родным местом, может, подсознательно еще и потому, что родители довольно долго «пудрили мозги» мне, уверяя, будто... нашли меня у деда на огороде, в капусте... В доказательство этому они показывали мне вот эту фотографию:

Вышли, мол, утром в сад, глянули, а я как раз и лежу. У дедушки. В капусте.

Как утверждалось, я был найден в капусте на огороде у деда

Я, честно говоря, не знал, что и думать. Ведь родители не врут...

– Прямо в шапочке? – с подозрением спрашивал я, натужно сопя.

– В шапочке, в шапочке, – отвечали папа с мамой, и у гостей в этот момент делались удивительно серьезные лица...

– А откуда кружева? – недоумевал я.

– Сами удивляемся, – отвечала мама (видимо, совершенно давясь от смеха). – Я тогда еще сказала: «Игорь, беги скорей за фотоаппаратом, ведь никто не поверит...» В общем, ты нам понравился, мы тебя и взяли. У дедушки же волшебный огород...

Я почему-то все равно не слишком им верил. Но и не верить не мог...

Вот очередное изображение паровоза с веневакой станции: я тогда заболел этим сюжетом и без конца его рисовал

Многие мои первые, самые яркие жизненные впечатления связаны с Веневом. Помню, как мы с бабушкой ходили пешком на станцию, до которой, между прочим, километра два, а никаких прогулочных колясок тогда и в помине не было. Там вдоль перрона стоял пассажирский поезд, во главе была совершенно невообразимая, красивая, огромная, пышущая жаром и гудевшая внутренним рокотом громада – паровоз. Он весь такой элегантно-черный, с грандиозными, выше меня ростом, ярко-красными колесами, с сияющими медными поршнями, у которых лоснились желтоватым маслом блестящие, отполированные поверхности... Я стоял совершенно зачарованный, видимо понимая, что это и есть – рай и что такого счастья мне выпало так много по причине моего общего послушания и хорошего поведения («Слушайся, внучек, бабушку с дедушкой да кушай кашку», – приговаривала каждый день баба Варя). Тут оглушительно свистнул паровозный гудок, поршни резко дернулись – чух-чух-чух-х-х! – и паровоз, окутавшись клубами пара, медленно тронулся с места. А со мной случилась истерика, о ней в семье потом долго ходили легенды. Самое удивительное, что я – мне было тогда года два с половиной – и сегодня физически ощущаю не только этот – ментальный, в памяти сохранившийся – восторг и гордость от созерцания сего грандиозно-паровозного чуда природы, но и забыть не могу чудовищную обиду: чудо это вот-вот исчезнет, уйдет с глаз долой, и кашка не поможет, и никогда больше не появится оно вновь, хотя паровоз-то – мой!!! А еще: этот громоподобный свисток, пронзивший меня до мозга костей, будто подал сигнал о том, что беззаботное раннее детство закончилось и жизнь – не одни ласковые улыбки дедушки и бабушки и их теплые, любящие прикосновения, поглаживание заскорузлой, натруженной рукой по затылку.

После созерцания «паровозиков» на станции любимейшим занятием было пускание корабликов на реке. В детстве Веневка поражала мое воображение своей грандиозностью. Сейчас оказалось, что, извиваясь среди окрестных полей и лугов, она проходит от истока до устья всего-то двадцать восемь километров. Дед выстругивал мне кораблик из доски, на него обязательно ставилась мачта с каким-нибудь парусом, и, конечно, к гвоздику на носу привязывали нитку, чтобы избежать утраты корабля. По радио часто пели «Врагу не сдае-отся наш го-орррдый “Варяг”, пощады никто-о не желает» – и обычно мой корабль так и назывался. Дед своим бухгалтерским «химическим» карандашом писал это слово на борту, а еще пытался рассказать мне что-то о варягах.

Меня вывезли в Венев в первый раз, когда мне не было и полугода. Позже, как я помню, мы приезжали, когда снег еще обволакивал косогоры и на задах домов или на огородах лежали серые строчки золы из печки – золу рассыпали в качестве удобрения. Запах золы, специфический, до сих пор меня будоражащий, очень мне знаком. Как и аромат уже пришедшей ранней весны, свежести, начавшего таять снега. Аромат капли, дымящегося пара от старых бревен у сарая, земляной запах бесконечных «пирожков», которые я «пек» из глинистой грязи с помощью лопатки и формочки... Запах и аромат дедовского дома.

Последнее лето в Веневе. Я с бабушкой и дедушкой в саду, за нами – моя тетя, 1955

Во время войны этому дому довелось видеть как защитников, так и оккупантов, хотя немцы заняли Венев ненадолго. Случилось это в конце ноября 1941 года, а уже 9 декабря части Красной армии освободили город. Всего две недели, но было немало разрушений: немцы основательно бомбили станцию. После прихода советских войск были тут же расстреляны назначенный немцами бургомистр, а также учитель астрономии из венеvской школы, ставший переводчиком, как вспоминала тетя, у них в последнем классе, в 1942 году, так и не было этого предмета. И у нее в аттестате зрелости, в графе астрономия в самом деле прочерк.

У деда был хороший чистый дом, поэтому к нему селили офицеров. Пока Советская армия обороняла город, жил чуть ли не полковник, а немцы распределили к нему на постой лейтенанта. Тот был, видимо, либерал и потому всякий раз приглашал к столу хозяина дома (а может, была установка: завязывать хорошие отношения с населением оккупированных мест). Дед перечить ему не мог, рассказывала бабушка, за стол с ним садился, но ничего не ел. Немецкого дед не знал, немец же не знал русского. Это, видимо, деда и спасло впоследствии: он снова молчал. Бабушка наверняка опять взывала у себя в комнате к Богородице. Как она мне рассказывала, немецкий офицер не раз подолгу что-то втолковывал моему деду, обращаясь к нему, возможно пытаясь найти человеческий контакт... Слышала она, кажется, и что-то вроде... «Гитлер капут» («Гитлеру конец») и «Русланд цу гросс» («Россия слишком большая»). Как-то раз лейтенант, наверное расчувствовавшись, начал показывать деду фотографии своей семьи: вот киндер, фрау. В общем, настроение у него было, мягко говоря, подавленное. А ведь еще только конец ноября 1941 года! До Москвы немцам оставалось вроде бы совсем недалеко, они еще могли надеяться, что смогут захватить столицу СССР. Освободил Венев кавалерийский полк армии генерала Белова. Бои были жестокие. Но вот армия ушла дальше, на запад, на юг. Надо было как-то выживать в тылу в ту невероятно суровую зиму. По воспоминаниям моей тетки, бабушка всю зиму ходила с пилой по окрестностям Венева, чтобы прокормиться. Как? А очень просто: в полях ведь осталось немало погибших коней, вот она, хотя и была опасность попасть на мину, время от времени отправлялась по двадцатиградусному морозу, Богу помолясь, отпиливать очередной кусок конины. Спасалась так не она одна, их сосед даже умер тогда, объевшись с голодухи кониной.

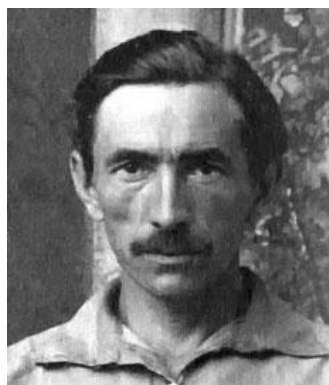
Однажды, уже в начале пятидесятых годов, вскоре после моего приезда из Москвы, дед с бабушкой – да, впрочем, и все их соседи – были невероятно перепуганы, хотя, казалось бы, их вообще никак не задевало произошедшее: кто-то намалевал фашистскую свастику на дверях типографии на другой стороне улицы, напротив их дома. А страх в доме повис на несколько дней. Было это году в 1952-м. Тогда дедушка

еще ходил на работу в бухгалтерию. До ухода аккуратно брился опасной бритвой, взбив мыльную пену помазком, сидя перед маленьким зеркалом. Потом надевал чистую рубаху, пиджак, обязательно нарукавники, прощался с нами: «Ну, Варенька, я пошел». «Бог в помощь, Коленька», – отзывалась бабушка, крестя его вслед. Провожала его до угла улицы и наша кошка Муляша, большая, крупноголовая, пушистая, уютная. Она хорошо знала расписание дедова дня, а потому в обед, как часы, деловито бежала на тот же угол – встречать деда. Он всегда разговаривал с нею, гладил, она закручивалась восьмеркой вокруг его ног, распушив хвост, будто лучась, преданно глядя вверх, на деда. После обеда снова проводила деда на работу, а в конце рабочего дня, часа в четыре, снова терпеливо сидела на углу, лишь временами озираясь, нет ли какой шалой собаки?.. Бухгалтерские счета, эта таинственная, древняя конструкция с черными и желтыми костяшками на поперечных проволоках, имелись у деда и дома. Дед порой садился за стол на кухне и задумчиво перешелкивал косточки. Конечно, он считал каждую копейку. Всю жизнь, как говорила мама, дед получал зарплату всего в 45 рублей. Этого катастрофически не хватало на жизнь. Тетка же сказала недавно, что деду с бабкой в двадцатые – тридцатые годы помогал бабушкин старший брат: он работал чуть ли не главным ветеринаром в Узловой, жил на казенной квартире при лечебнице, а детей у него с женой не было. Вот они и просили деда отдать им на воспитание его третью дочку Александру, но ни дед, ни бабушка не хотели этого, хотя сами ведь в конце тридцатых взяли на целых пять лет свою московскую племянницу. В общем, в доме всегда было много детей, а значит, много шума-гама, порой обид и слез, порой веселья, а порой и интриг. Деду приходилось справляться с целым сонмом девчонок. Мама вспоминала, что он был строг и его побаивались. Если очень уж дети расходились, мог и за ремень схватиться, но лупить все же не лупил, прибавляла мама.

– А знаешь, внучек, я ведь в карауле стоял у Зимнего, был часовым, – сказал мне как-то дед, когда мы с ним, уже после его переезда в Москву, шли осенью 1956 года в библиотеку за бульваром на Серпуховском валу, чтобы сдать, как сейчас помню, биографию Ганди.

Слева направо: в верхнем ряду – моя мама, Галина, и ее младшая сестра Александра; в среднем ряду – бабушка Варвара Семеновна, дед Николай Федорович и их старшая дочь Татьяна; в нижнем ряду – я, Наташа с куклой и малышка Женечка (две дочери моей тети Тани), 1952

Николай Федорович Белугин, 1933

Я тогда, прямо скажем, немало этому удивился, даже не поверил ему. Мой обыкновенный дедушка – нет, любимый, самый хороший, но ведь никакой не герой, даже мне было понятно – и принимал участие в грандиозных, бурных революционных событиях?! Ведь когда свергали царя, пришлось брать штурмом Зимний дворец, оплот царизма, и так далее и тому подобное... Я же твердо «знал», как все при этом было «на самом деле», я сам «видел», как брали Зимний, как толпы революционных матросов чествовали вождей революции. У нас уже в начале пятидесятых появился телевизор Т-2 «Ленинград» с маленьким экраном и огромной линзой перед ним, наполненной жидким вазелином, и я не раз видел по нему фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» со знаменитым актером Щукиным в роли великого вождя (удивительная случайность, но это факт: отцу актера до революции принадлежал буфет на железнодорожном вокзале все в том же Веневе!).

В общем, несколько удивившись словам деда, я даже не стал его больше ни о чем расспрашивать. Сам он, как и мой отец, человек осторожный, больше ничего мне не рассказал. Правда, в памяти моей остались такие его слова: «Скоро исполняется сорок лет Октябрьской революции. Вот увидишь: пойдут по дворам – стариков расспрашивать, как все на самом деле было. Я расскажу, что видел». Ох, наивный был у меня дед. Никто к нам не приходил, никто моего деда ни о чем не расспрашивал.

Умер дедушка в июле 1957 года. Мама, помню, говорила, что его профилактически (летом всегда меньше больных) положили в находившуюся рядом с нами Четвертую градскую, «нашу», больницу, чтобы подлечить. Там санитарка как-то повела его помыться. Душ был в другом корпусе, погода стояла невероятно жаркая, вот она и включила одну холодную воду (а может, как это бывает летом, горячая вообще была отключена). Дед, как всегда покладистый и ко всему терпеливый, вымылся под душем, при открытых окнах, на сквозняке. Мама говорила, что он по своей скромности просто не способен был попросить санитарку отрегулировать воду: он ведь вообще считал, что надо все терпеть, был к этому приучен всей своей жизнью – другого не было дано. «Бог терпел – и нам велел» была его любимая поговорка. Сгорел он от воспаления легких буквально за два дня. Помню страшную, испепеляющую жару, жирную, будто удушающую листву, ощущение невероятной мощи и одновременно бессилия в природе.

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Оказалось – нет. Поехал я в начале семидесятых в Нижний Гульрипш, в Абхазии, к югу от Сухуми. Пробыл там весь отпуск, вернулся.

– Ну, как тебе понравилось? – спросила мама.

– Ты знаешь, удивительно хорошо! – отвечал я. – С первого момента, когда еще по дороге туда, проезжали Сочи, было странное ощущение, что я это уже когда-то видел. Этот влажный, теплый воздух, будто плывешь в каком-то душистом супе с большим количеством лаврового листа. А кепки-«аэродромы» вдруг оказались удивительно родными и близкими... Даже свиньи с надетыми на шею деревянными треугольниками, чтоб не пролезли на огород сквозь забор... Даже эта деталь была знакомой. В общем, будто на родине побывал.

Так разглагольствовал я, не замечая, какое странное выражение появилось вдруг на мамином лице. Наконец я замолчал, и тут она мне сказала:

– Понимаешь, какое дело... Ну, в общем, мне бабушка рассказывала, то есть моя бабушка, а твоя прабабушка, что какой-то наш пращур когда-то ходил на персидскую войну и оттуда вернулся в Венева с... женой. Ее крестили, понятное дело, но вела она себя не как принято у русских: например, как только приходили в дом чужие мужчины, она отправлялась на заднюю половину и там оставалась, пока не уйдут. И вообще, говорят, будто ходила всю жизнь в платок замотанная, как в паранджу, что ли. А Белугиным тогда дали прозвище – Шаховы. Ну, знаешь, как в деревнях всем дают людям прозвище, помимо имени-фамилии. Только вот была ли она действительно персиянка или кто еще, я не знаю. И бабушка наша не знала.

Последняя фотография бабушки и дедушки, июнь 1957 года

Этот рассказ поразил меня не на шутку. Я и сейчас, вопреки реальности, лелею мечту, что, может, удастся когда-нибудь разыскать какие-то следы этого события. Ведь крестили же ее и венчали. А вдруг сохранились какие-нибудь сведения или свидетельства? Он, этот неведомый предок, поступивший в духе хипповского лозунга шестидесятых «Make Love Not War» («Любить, а не воевать»), навсегда завоевал и мое сердце своим поступком. Появилась призрачная надежда отыскать его в военных списках. Если это в самом деле персидская война, то какая? Войн России с Персией в XVIII и XIX веках было не то шесть, не то восемь. И этнические возможности для выбора невесты были велики. «Персиянка» могла быть и армянкой, и грузинкой, и татаркой, и таткой, и... Но тут я задался вопросом: а кто такой пращур? Нашел: пращур, оказывается, – очень точное понятие. Это не предок вообще, а отец прапрадеда. Значит, можно отсчитать количество поколений от моей прабабки Александры Ивановны и примерно представить себе временной зазор, когда этот самый пращур занялся своим Not War!.. Да, теперь-то мне понятно, почему мой «русский-разрусский» дед выглядит несколько иначе, чем принято воспринимать плакатных русских, «русских» вообще. Однажды я спросил у одного специалиста по кавказским этносам, какая кровь могла течь в жилах моего деда? Он посмотрел на фотографию, где бабушка с дедом сфотографировались в последний раз, в июне 1957 года, подумал-подумал и сказал:

– Не думаю, что персиянин. Может, скорее мингрел...

В общем, надо разбираться дальше. Есть сегодня возможность получить, например, собственную генетическую карту, она позволяет узнать, кем были твои предки... История ведь на самом деле не заканчивается никогда.

А. П. Алексеевский Родные двоюродные дедушки

Своих родных дедушек я не знал. Один – Олег Андреевич Грабилин, умер перед войной, другой – Федор Иванович Вотяков, умер, а может быть и погиб в Гражданскую войну, оставив моего отца-младенца сиротой.

Но у меня было два других дедушки. Это братья моей бабушки по маме. Один из них был рядом с самого моего рождения. Мы жили тогда в Томске в одной большой квартире. Деду, деду Гогошу (Георгия Григорьевича Алексеевского), я помню с самых ранних лет. Георгий был младшим ребенком в семье Алексеевских. Он родился 4 ноября 1908 года. Через две недели умер его отец, прабабушка, Татьяна Федоровна Алексеевская (рожденная Кривошеина), осталась вдовой с пятью детьми. Старшей Марии, моей бабушке, было четырнадцать лет. Старшие дети уже окончили гимназию к тому времени, когда в Томске установилась советская власть. Георгий стал учиться в советской школе, но что-то и в его жизни переменялось настолько, что в школу он ходить отказался и остался на всю жизнь с четырехклассным образованием.

О политике в нашем доме, я помню, говорили мало и осторожно, поэтому я могу только представить, а

не пересказать переживания родных, когда в 1926 году вся семья была юридически лишена собственности, а позже была выселена из своего дома как бывшие домовладельцы. Выселили их просто на улицу, искать крышу приходилось самим. Бабушка с двумя дочерьми нашла какой-то подвал, а Татьяна Федоровна с дочерью Анной и сыном Георгием сняла комнату где-то на Кривой улице.

Георгий устроился на работу в цирк. Может быть, там, а может быть, и еще до этого он освоил основы электротехники, и вскоре это стало его профессией на всю жизнь. К военной службе он был признан негодным по здоровью. В 1933 году Георгий женился на Таисии Андреевне Мушниковой, с которой счастливо прожил всю жизнь. Тетя Ася, так я ее называл, была младше своего мужа и чуть старше моей мамы. Она всю жизнь проработала бухгалтером в банке. Мама рассказывала: вскоре после того, как Георгий женился на тете Асе и стал жить своим домом, к ним пришла Татьяна Федоровна, его мама и моя прабабушка. Она подробно осмотрела их жилище, проверила чистоту белья, открыла буфет, посмотрела, как стоит посуда, как разложены ложки и вилки, и после этого признала, что жена у сына подходящая: за домом и порядком следить умеет. У них родился сын Борис в 1936 году, а позже, в 1939-м, – дочь Ирина. Деда Гогоша стал хорошим специалистом-электриком, в цирке делал освещение представлений и внешней рекламы. Его приглашали делать работы в драмтеатре, а затем он работал многие годы в госбанке. Он устанавливал системы сигнализации и охраны банковских помещений, его направляли на установку систем ночной охраны в магазинах. Можно сказать, по тогдашним меркам его жизнь, казалось бы, удалась.

Моя прабабушка Татьяна Федоровна Алексеевская с детьми. Слева направо: Мария, Евпраксия, Федор, Анна и Георгий, 1915

Георгий и Таисия Алексеевские, 1949

Я не могу вспомнить своего первого впечатления о деде. Сейчас я осознаю, что атмосфера в нашем доме во многом определялась фигурой деда Гогоши. Несмотря на отсутствие образования, он отлично разбирался во многих вопросах. Вспоминая его короткие оценки политических или социальных явлений, теперь я понимаю, что он был очень зорек и уравновешен. Когда он приходил к нам в комнату и обсуждал

с бабушкой и его сестрами сообщения по радио, тон в оценках задавался им. Иногда при мне, уже начавшему ходить в детский сад, они говорили намеками, и тогда мое восприятие их слов обострялось, но интуитивно я понимал, что задавать вопросы не следует. «У кого это ушки на макушке?» – мог услышать я в такие моменты. Удивление или тревоги старших моментально передавались мне, и я во многом воспринимал окружающий мир их мерками и взглядами.

Деда обладал тонким чувством юмора, умел моментально рассмешить, поднять настроение или снять напряжение. Юмор его был своеобразным. В хорошем настроении он начинал петь известные песни, переиначивая слова и придавая им двойной смысл. Если он подтрунивал над кем-то, то его остроты никогда не бывали злыми. Я даже не помню его никогда рассерженным, гневным.

Когда я родился, он написал моей маме в записке в роддом: «Теперь Саша – маленький, а Гаря – большой». Я помню эту игру, он любил «прикидываться» маленьким, и это было характерно для него и тогда, когда и я – Саша, стал большим. Потребность в перевоплощении, артистизм жили в нем и спонтанно проявлялись только среди своих. Прилюдно он всегда был солиден, серьезен и размерен. Времена были такие, что быть откровенным, ироничным можно было только среди своих. Я помню, как он спорил с моей бабушкой и убеждал ее держать язык за зубами. «Я говорю правду!» – отвечала бабушка. «Да кому нужна твоя правда?!» Это касалось ее воспоминаний, бывших небезопасными в советские времена.

То, что на разговорном языке называется «готовить», было одним из наиболее любимых занятий деда Гогоши. Он любил и умел готовить вкуснейшие блюда. Вместе с тетей Асей они всегда удивляли своих гостей разнообразием угощений и сервировкой стола. Да и в обычное время для себя они всегда стремились готовить еду, что называется, «со вкусом». Подозреваю теперь, что в те полуголодные годы не все имели возможность доставать такие продукты, какие были у них, но, зная востребованность магазинов в охранной сигнализации, могу предположить, что в свою очередь деда Гогоша знал, куда и за чем обратиться. Гости они принимали с размахом. Меня, конечно, за стол со взрослыми не сажали, но непременно ко мне в комнату отдельно приносились все главные кушанья. А иногда специально для меня пеклись какие-нибудь пирожки или печенья необычной формы.

Семья Алексеевских. Пасха, 1929

Я был в том возрасте, когда старшие учат детей всяким житейским правилам, в том числе и тому, что просить – некрасиво. Скорее всего, я был способным учеником, но иногда им хотелось устроить мне экзамен. Захожу я как-то в комнату к деде Гогоше, а он сидит за столом и пьет чай с бутербродами с колбасой. Я молчу, ведь просить – некрасиво. «А! Люблю колбасу!» – произнес деда. «Я тоже колбасу люблю...» – ответил я. Экзамен я успешно выдержал и получил колбасу в награду. Сам я этого случая не

помню, но мне много раз со смехом рассказывали о нем старшие.

Довольно быстро после начала производства телевизоров таковой появился и у деды Гогоши. Большой ящик с маленьким экраном и огромной линзой, наполненной дистиллированной водой. Больше всего я любил смотреть телевизор из-под стола, сидя на полу, покрытом линолеумом. Когда я теперь смотрю те фильмы, которые тогда показывали вечерами (дневные передачи бывали только по воскресеньям), я с наслаждением понимаю, что помню их наизусть.

Я учился в первом классе, когда наша семья уехала из Томска, и я видел деду и всех родных, когда мы приезжали к нему в гости. У него появились внук Андрей и внучки Женя и Таня, а с ними – новые заботы и радости. Играя с внуками, он превращался в их сверстника, что веселило всех окружающих. Его не стало 14 сентября 1976 года. В последний раз я видел его меньше чем за год до кончины. Я тогда начинал свою театральную карьеру. Он с удовольствием говорил со мной о своей работе со зрелищами и опыте общения с творческими людьми. Мы с мамой приехали на его похороны, и я увидел, как много людей пришло проститься с ним. Это была не только дань памяти, но и своего рода солидарность старых, коренных томичей, живших своими правилами и традициями, своим бытовым укладом.

Георгий Григорьевич Алексеевский с внучкой Женей, 1971

Георгий Григорьевич Алексеевский

Другого дедушку – Федора Григорьевича Алексеевского, деду Федю, я видел реже, так как жил он в Красноярске, а потом в Абакане. Деда Федя родился 1 января 1897 года и был вторым ребенком в семье после моей бабушки. Учился в Томском реальном училище. В детстве, по рассказам моей бабушки, он был служкой в храме, относился к этому серьезно, и многие думали, что Федя станет священником. Социальные перемены внесли свои поправки в его судьбу. Юность пришлась на годы войны и революций. На войне он побывать не успел, в Гражданской войне участия не принимал, так как в Сибири советская власть установилась только в декабре 1919-го – январе 1920 года. Время это туманно для нас. Он никогда подробно не говорил о том времени. Потеряв отца в одиннадцать лет, он оказался старшим мужчиной в семье, поэтому, повзрослев, вынужден был искать занятие, чтобы помогать матери. К этому времени он уже определился в своей склонности к речному судоходству и много времени проводил в поездках по реке.

Федор Григорьевич Алексеевский, начало 1920-х годов

Став речником, он ходил по Томи, Оби и Енисею. Женился на Серафиме Станиславовне Стачак в 1920-х годах, жил затем в Красноярске. В 1927 году в Томске у них родилась дочь Люция. Во время войны он служил в Енисейском пароходстве, но вскоре его перевели на Волгу, где он занимался подвозом военных грузов по реке. После войны он вернулся в Красноярск, где работал до пенсии в пароходстве и преподавал в Речном училище. Начав преподавательскую деятельность еще до войны, он выпустил множество учеников, работавших по всей стране. Его учебник «Такелажные работы» был издан еще до войны и выдержал до 1970-х годов несколько изданий.

Как-то деда Федя стал показывать нам, внукам, как вяжутся различные морские узлы. Делал он это быстро, и узлы получались очень красивыми. Потом он предложил кому-нибудь развязать узел, который был очень крепок. Никто с этим не справился, тогда деда Федя потянул за один из концов, и узел сразу же распался. Такие «такелажные фокусы» имели большой успех.

С началом строительства на Енисее Саяно-Шушенской ГЭС деда Федя стал активным пропагандистом этой стройки. Он писал статьи в газеты и журналы, водил экскурсии на стройку, выступал с разъяснениями о ходе строительства и перспективах использования ГЭС. Можно представить, как он переживал бы случившуюся аварию на ГЭС, если бы дожил до 2009 года.

Впервые я встретился с дедой Федей, когда он приехал в Томск и мне было три-четыре года. Мне объяснили, что это тоже мой дедушка, что было большим событием для меня. Деда Федя носил темно-синий форменный китель, много смеялся и привез мне в подарок от своих внучек Оли и Ларисы пластмассовую коробку с мозаикой, сохранившуюся у меня до сих пор. У нас дома всегда говорили о нем с

большим уважением, а мне было интересно наблюдать, как два моих дедушки, деда Гогоша и деда Федя, общаются друг с другом. Это был яркий пример того, как могут вести себя родные люди.

Позже, когда мне было лет одиннадцать, мы с мамой ездили в гости к деде Феде в Красноярск. Он жил там с женой и внучкой Ларисой в центре города на втором этаже деревянного двухэтажного дома в коммунальной квартире с соседом-алкоголиком. У деды Феде было две комнаты, в первой – его кабинет с множеством книг, морскими пейзажами и изобилием комнатных растений. Чаще всего деду Федю можно было видеть за письменным столом, он много работал. Почти устранившись от бытовой жизни, отдавшись работе, он, тем не менее, обладал каким-то особым обаянием.

Федор Григорьевич Алексеевский, 1954

В 1968 году деда Федя провез Ларису и меня из Томска в Новосибирск по Томи и Оби на теплоходе. Это было незабываемое путешествие. Шли по реке практически двое суток, деда много рассказывал и о теплоходе, и о природе мест, мимо которых мы проходили. Капитан теплохода был знаком с дедой Федей и относился к нему как к своему учителю. Нам устроили экскурсию по кораблю с посещением капитанской рубки. Было приятно видеть уважение команды к нашему дедушке.

Федор и Георгий Алексеевские, 1956

Позже я приезжал не раз навестить деду Федю уже в Абакане, куда он переехал в 1960-х годах, чтобы

быть поближе к своей дочери. Большой радостью было для него рождение правнука Кости. В последний раз я видел его и тетю Симу в 1985 году. Деда Федя был уже стар, силы иногда изменяли ему, но он продолжал интересоваться всем происходившим в стране и мире. Мы говорили с ним о текущих событиях, но о себе он, как правило, рассказывать не очень любил.

1 января 1987 года ему исполнилось девяносто лет, а через полгода его не стало. К сожалению, из-за отдаленности моей тогдашней работы я не смог приехать и проститься с ним.

Вспоминая теперь своих дедушек, я жалею, что о многом не догадался спросить их в свое время. Оба они пережили трудные времена. Ни один, ни другой никогда не были членами партии. Один – в силу болезней рано отошел от работы, «ограничив жизнь домашним кругом». Другой – до конца своих дней занимался любимым делом и стремился к общению с людьми. Но оба были известны и уважаемы в своей профессиональной среде и окружены любовью родных. Счастье заботы о них знакомо и мне.

В. Ф. Ивченко **«Аггевы внуки»**

Каждое лето, с самого раннего детства, мы проводили у бабушки в селе Саварка. Это большое, красивое украинское село, расположенное на берегу живописной реки Рось, находится вблизи от таких исторически известных городов, как Белая Церковь, Ракитно, Тараща, Богуслав, Мироновка. Наши детские воспоминания сохранили в памяти жаркие летние дни, сверкающую под солнцем реку, дивные ароматные ночи с черным, усыпанным звездами небом и волшебной ярко светящейся Млечный Путь.

Постоянное соприкосновение с природой наполняло нашу детскую жизнь радостными открытиями и дарило нам незабываемое доселе ощущение полной свободы. В то же время вся наша беззаботная жизнь находилась под постоянным присмотром нашей строгой бабушки. Строгой потому, что она неукоснительно требовала соблюдения правил поведения, принятых в укладе сельской жизни. Когда, например, мы выходили с визитами к родственникам, то обязательно должны были быть чистыми, причесанными и красиво одетыми. В селе принято здороваться со всеми встречными, при этом бабушка частенько задерживалась, разговаривая почти с каждым. Многие из них, будь то бабушкины ровесники или люди более молодые, заинтересовавшись нашими личностями, в конце беседы улыбаясь говорили: «Так это же Аггевы внуки!» И бабушка каждый раз подтверждала это, как нам казалось, с некоторым чувством удовлетворенного достоинства. Мы привыкли к этому и всегда отзывались на такое обращение. Однако, повзрослев, начали выяснять, почему нас так называют. Нам очень хотелось узнать, кем был наш дедушка Аггей и почему его помнят люди, хотя он уже давно умер.

Из рассказов бабушки, родителей, родственников и знакомых через несколько лет у нас, его внуков, сложился наконец его образ. Мы узнали историю его довольно недолгой, но яркой жизни.

Наш дедушка, Аггей Карпович Стариченко, родился 15 марта (по-старому) 1881 года в селе Саварка, Белоцерковского уезда Киевской губернии в семье зажиточного крестьянина. Его отец (наш прадед) Стариченко Карп родился в усадьбе поместных шляхтичей Штемповских, владевших селом Саварка, от связи их старшего сына и крепостной в 1842 году. Будучи по матери крепостным, он рос среди дворовых слуг, но был обучен грамоте, с шестнадцати лет вел конторские книги, а с восемнадцати стал помощником управляющего имением. После отмены крепостного права он несколько лет довольно успешно работал управляющим у других хозяев. Прадед был рачительным хозяином, сумел скопить денег, приобрел большой земельный надел в центре села и женился на местной акушерке. У них было четверо детей: три сына и дочь. Все четверо были грамотными, а сыновья даже получили специальное образование, несмотря на то что имели крестьянское происхождение. Старший сын, Яков, служил урядником в городе Черкассы, средний сын, Герман, получил образование землеустроителя и работал лесничим. Дочь Антонина, имея хорошее приданое, удачно вышла замуж и жила в городе Ракитно. Младший сын Аггей учился в Белоцерковском сельскохозяйственном училище и стал агрономом. По сельским украинским законам старшие сыновья после женитьбы отделялись от отца и заводили собственное хозяйство. Младший же сын, даже женившись, должен был оставаться в отцовском доме, чтобы обеспечить родителям спокойную старость.

В конце XIX – начале XX века на плодородных равнинах этой части Украины уже возделывались

технические сельскохозяйственные культуры, положившие начало обрабатывающей и пищевой промышленности. Основным было выращивание сахарной свеклы. Это очень капризное растение требует к себе неусыпного внимания, бережного ухода и нескончаемой прополки. Зато осенний урожай с лихвой оправдывал все затраты, и его целиком сдавали на сахарные заводы, которые были во всех окрестных городках. Владельцы необъятных плантаций имели хороший доход и быстро богатели, тем более что рабочая сила, батраки, была в избытке и ценилась дешево.

Как агроном, наш дедушка был востребован и легко вписался в этот процесс зарождения промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственную продукцию. Он много читал, выписывал специальную литературу, элитные сорта семян и удобрения. Общение с управляющими поместий и хозяевами заводов способствовало росту его профессионального авторитета. Вращаясь в кругу инженеров, врачей, учителей, он формировался как личность и вскоре стал типичным представителем сельской интеллигенции того времени. Революционные события 1905-го, а затем и 1907 года докатывались и до украинских сел. Активизировались стихийные бунты, тяжкий труд на полях и низкая его оплата вызывали волнения среди батраков и заводских рабочих. И наш дедушка Аггей Карпович Стариченко не мог остаться в стороне от происходящего. Чувство справедливости, стремление к улучшению жизни, вера в свои силы привели его к тому, что, по-видимому, должно было случиться с человеком его ума и характера. Он вступил в социал-демократическую партию и стал атеистом.

В разгар сезонных работ 1907 года забастовали рабочие сахарных и маслобойных заводов, и нашему дедушке было поручено организовать забастовку среди сельских батраков. Из Богуслава он тайно привез гектограф к своему другу Люлько Семену Серафимовичу. Они установили его в погребе и начали печатать листовки с призывом прекратить работу на полях и требованием повышения оплаты труда. Хозяева плантаций хорошо понимали, что гибель всего урожая значительно убыточнее мелких уступок батракам. Незначительное увеличение оплаты удовлетворило сельчан, и забастовка провалилась.

Дедушку арестовали, судили и отправили по этапу в Сибирь на поселение сроком на пять лет. Эти годы для Аггея Карповича многое прояснили в его жизни. Он не стал пламенным революционером, по своему воспитанию и жизненным принципам видел свое призвание в улучшении земледелия. Основным девизом для него в то время стал «Дело надо делать, господа!». Находясь в ссылке, он понял, что радикальные действия, разрушения и ломка разумных, веками сложившихся правил, особенно в сельском хозяйстве, не могут быть прогрессивными, а значит, не смогут улучшить условия жизни народа, особенно на селе, где крестьянину, в его постоянной заботе о земле и урожае на ней, было что терять.

Как активный революционер дедушка, скорее всего, не сложился, несмотря на то что на пересыльных пунктах он встречался и беседовал с видными деятелями социал-демократического и большевистского движения. Из ссылки он привез много фотографий. По словам бабушки, на одном групповом снимке он запечатлен с Н.К. Крупской. Забегая вперед, с глубоким сожалением должны сообщить, что весь дедушкин архив, включая фотографии, погиб во время немецкой оккупации Украины 1941–1943 годов.

Вернувшись в родительский дом в 1912 году под надзор полиции и будучи неблагонадежным, дедушка не мог быть принят на государственную службу. По совету брата-лесника занялся посадкой лесов. Это очень важное и совершенно необходимое для равнинной Украины дело. В районе села Саварка заканчиваются лесные массивы и начинается степь. В этих местах для удержания почвы высаживают дуб, ясень, граб, липу, орешник и сосну. Дедушка брал в аренду большие участки стареющего леса, рубил, корчевал старые деревья и по плану засаживал новыми деревьями. Эти молоденькие и маленькие деревца требовали большой заботы, постоянного ухода и серьезного агрономического опыта. Работа трудная, но если дело было поставлено грамотно и хорошо управлялось, то по тем временам приносило солидный доход. К тому же чем больше вырастало деревьев, тем ниже была конечная арендная плата. Изголодавшись по земле и работе, дедушка с головой погрузился в это беспокойное дело.

Через полгода с дедушкой произошло событие, сильно изменившее его отношение к жизни. Он влюбился. Сразу и навсегда, в свою односельчанку Зинаиду Илларионовну Бакал. Она родилась 24 октября (по-старому) 1892 года в семье довольно зажиточного и уважаемого на селе крестьянина. Ее отец Илларион Артемьевич Бакал сам был грамотным и обучил грамоте троих сыновей и дочь Зинаиду. Она не только хорошо читала, писала, но и успешно овладела арифметикой.

По сельскому украинскому семейному укладу дочь, достигшая пятнадцати – семнадцати лет, начинала

зарабатывать деньги на свое приданое, в отличие от богатых невест. Хотя Зинаида была не из бедной семьи, тем не менее с семнадцати лет два года проработала у хозяина сельской лавки. За это время купила в рассрочку швейную машинку «Зингер» и выплатила кредит. С разрешения отца она уехала в уездный город Богуслав и в течение года училась и работала помощницей у городской портнихи. Шить она научилась очень хорошо, любила одеваться «по-городскому», но на сельские праздники всегда ходила в национальном костюме. Немного отклоняясь от дедушкиной биографии, хочется сказать о том, чему мы были свидетелями. Бабушка не имела выкроек, снимала с заказчиков мерки и чертила прямо на ткани, раскраивая любую модель. Ей одинаково хорошо удавались легкие шелковые платья, костюмы, пальто, даже валенки. Талант и мастерство помогли ей выжить, не умереть с голоду и вырастить дочерей в самые трудные годы.

Но вернемся к дедушке. Будучи вполне обеспеченным и взрослым человеком, он посватался к Зинаиде Илларионовне, но ее отец дважды отказал ему, ссылаясь на его беспокойное прошлое, к тому же любимая дочь была молода, хороша собой, прекрасно пела, имела хорошую профессию и вообще была завидной невестой на селе. Несмотря на отказы, дедушка так настойчиво ухаживал за ней, что в конце февраля 1914 года сыграли свадьбу, тем более что через полгода, 24 июля, родилась старшая дочь Ольга. По рассказам бабушки, свекор и свекровь очень ее любили и будущая жизнь сулила ей благополучие, но, как иногда она говорила, судьба не заготовила для нее счастья.

В конце 1914 года дедушку мобилизовали на фронт. Воевал он в пехоте два года, был ранен, долго лечился и в начале 1916 года вернулся домой. О войне говорить он не любил, только негодовал по поводу бессмысленных разрушений и уничтожения людей. Только однажды он признался бабушке, что на войне стал свидетелем чуда. Во время очень сильного артобстрела, когда от его окопа почти ничего не осталось, в небе сквозь гарь и дым дедушка увидел необыкновенно красивую светящуюся икону Божией Матери, которая медленно проплывала мимо него. Это его настолько потрясло, что он больше никогда не участвовал в беседах на атеистическую тему и очень уважительно относился к верованиям бабушки. С тех пор в нашей семье так и повелось – неверующие всегда с уважением и терпимостью относились к верованиям других членов семьи. Может быть, поэтому мы все крещеные, хотя за это наши родители могли не только быть исключены из партии, но и лишиться работы.

В первом ряду справа с гитарой – Аггей Карпович Стариченко; во втором ряду первая слева – Зинаида Илларионовна Бакал. В третьем ряду справа стоит Семен Серафимович Люлько. Май, Троицын день, 1913

С 1916 года недовольство затянувшейся войной, упадок в сельском хозяйстве привели к бунтам, которые очень часто заканчивались поджогами помещичьих усадеб. Не обошел этот взрыв ожесточения и помещиков Штемповских. Их усадьба стояла в очень живописном месте у излучины реки Рось и примыкавшем к ней участке леса. Двухэтажный барский дом с колоннами был не только красив, но и находился в хорошем состоянии. Дедушка был против его уничтожения и пытался убедить односельчан сохранить дом и устроить в нем сельскую школу, которой не было на селе. Но это не удалось – дедушку

избили, а усадьбу разграбили и сожгли. Бессмысленность уничтожения еще раз убедила его в том, что только образованные люди, владея чем-либо, могут не только беречь, но и приумножать. Тогда у дедушки созрела мысль построить сельскую школу. Единомышленников, поддержавших его замысел на селе, было мало, тем не менее, используя свои бывшие связи в еще тогда существовавшем земстве, он сумел получить разрешение на строительство. Воплощая эту идею в жизнь, дедушка был на этом строительстве добровольным и бесплатным подрядчиком: использовал строительный материал, заготовленный для ремонта собственного дома, свой гужевой транспорт, кормил рабочих за свой счет, а также внес значительную сумму денег для покупки недостающих материалов.

Бабушка не только не разделяла его энтузиазма, но и горевала о потраченных деньгах, о том, что не будет отремонтирован их собственный дом, к тому же ей приходилось ежедневно готовить еду для рабочих. А дедушка утешал ее: «Подумай, Зина! В этой школе будут учиться наши дети, дети родных и соседей. Сколько будет грамотных людей на селе, и мы увидим, как к лучшему изменится наша жизнь».

К осени 1917 года школа была построена. Это был комплекс из двух зданий. Одно большое, с просторными классами, широкими окнами и большим коридором, второе – поменьше, разделенное на квартиры для учителей. В школе начались занятия, и дедушка был счастлив. Построенная им школа функционировала до 1962 года.

Новый, 1918 год принес еще одну войну. Теперь еще и Гражданскую, а с ней бесконечную смену властей, разруху, голод и грабежи. В это беспокойное время родилась вторая дочь, Екатерина. Нужно было кормить, беречь и защищать свою семью, и это стало смыслом его жизни. Несмотря на свое революционное прошлое, дедушка не был сторонником лозунга «...до основания, а затем...», поэтому он не присоединился к боевым действиям ни красных, ни белых, ни «желто-белых», считая любой террор бессмысленной братоубийственной бойней. Через село, сменяя друг друга, прокатывались немцы, белые, петлюровцы, красные, махновцы и другие банды грабителей. Семья выживала трудно, приходилось и защищаться, и прятаться, и скрывать семью на дальних хуторах. Все это время дедушка с упорством человека, убежденного в том, что только организованный и грамотный труд может спасти людей от безумия самоуничтожения, продолжал пахать землю, сеять и растить урожай, своим примером увлекая односельчан. Как тогда дедушка, так и мы теперь убеждены, что работать на земле не жалея сил и растить хлеб всегда было гораздо труднее, чем кричать на бесконечных митингах бессмысленное «Даешь!» и размахивать наганом.

В этой кошмарной круговерти событий дедушка не забывал о своем детище – школе. Когда стало не хватать учителей, он сумел уговорить двух профессоров из Киевского и Харьковского университетов преподавать физику, математику и словесность за жилье и «харчи», поскольку в городах уже всюду свирепствовал голод, причем продуктами и дровами он снабжал преподавателей сам.

Весной 1921 года на весенней пахоте дедушка простудился. Болезнь была скоротечной: сказались годы ссылки и полученные на войне раны. Умер Аггей Карпович Стариченко 18 апреля 1921 года от пневмонии на сорок первом году жизни. Остались беременная вдова двадцати девяти лет с двумя дочерьми, шести с половиной и двух с половиной лет. Теперь ей нужно было растить детей. Замуж она больше не вышла, хотя претендентов на оставшееся хозяйство и молодую вдову было достаточно. Бабушка не хотела отчима детям и взяла всю тяжесть мужской и женской работы на свои плечи. Несмотря на то что она трудилась не жалея сил, хозяйство приходило в упадок. В довершение всех бед в марте 1923 года их раскулачили, забрали весь домашний скот, одежду, продовольственные запасы и выгнали из дома в хлев. Младшая дочь Пашенька, которой было полтора года, простудилась и умерла. Их не выслали в Сибирь только потому, что руководитель «комбеда» был равнодушен к бабушке до ее замужества. Весной им разрешили вернуться в свой разграбленный дом, но лишили всех земельных угодий, оставив небольшой участок вокруг дома. Бабушке надо было выживать и поднимать детей. Судьба дочерей Аггея Карповича, Ольги и Екатерины, складывалась трудно. Они учились в школе, построенной их отцом, но как раскулаченных их не принимали в комсомол, а без этого учиться далее, чтобы получить образование профессиональное, а тем более высшее, было невозможно. Старшая, Ольга, учившаяся отлично и обладавшая твердым отцовским характером, с большими трудностями и благодаря помощи своего дяди Кузьмы Илларионовича Бакала, который работал в Богуславском райкоме партии в 1932 году, поступила в педагогический техникум и, окончив его, стала сельской учительницей. В 1937 году Ольга вышла замуж за односельчанина, курсанта Киевского летного

училища Федора Митрофановича Ивченко, который получил распределение в Москву. С 1938 по 2000 год она прожила в Москве.

Екатерина после окончания школы, также с помощью дяди Кузьмы, с трудом выправила необходимые документы и уехала в Одессу, где в 1939 году поступила в педагогический институт. Там она познакомилась с курсантом артиллерийского училища ленинградцем Сергеем Григорьевичем Богомоловым. Их чувства выдержали суровое испытание войной, и они поженились в 1946 году в городе Киеве, где она живет до сих пор. Впереди их, как и всех, ждало жестокое испытание – Отечественная война! Тяжелые бои отступлений, годы фашистской оккупации, гибель родных и близких, трудная жизнь в эвакуации и бесконечная тревога за любимых, воюющих на фронте, – все это, как и вся страна, пережили бабушка и дочери Аггея Карповича. Так каким же он был, наш дедушка, сын крестьянина Аггей Карпович Стариченко – агроном, социал-демократ, воин, лесовод, строитель школы, пахарь, муж и отец?

Мы, все его потомки, знаем, что это был человек, предпочитавший дело пустым лозунгам. Он любил землю, работал на ней и для нее, вырастил лес, построил школу для будущих поколений и мечтал о том, как образованные люди недалекого будущего без насилия будут улучшать свою жизнь. Наш дедушка прожил всего сорок лет и половиной своей жизни поделился с людьми. Может быть, поэтому не только старики, но и молодые сельчане знают в лесу «Аггеевы делянки» и назначают встречи у «Аггеевой школы». Дедушка не знал нас, своих четверых внуков, но оставил нам свое имя, и мы, Аггеевы внуки, правнуки и праправнуки, помним его и гордимся этим именем.

К. Соколоверова **«Свет как элемент жизненной среды» профессора Юрова**

К сожалению, своего прадедушку, Сергея Гавриловича Юрова, я видела только один раз в детстве, когда мне было года два или три, да и то мельком. Зато я слышала о нем много рассказов от своей бабушки, его дочери, воспоминаний ее друзей, и благодаря этому у меня сложилось свое впечатление о том, каким человеком был мой прадед: добрым, мудрым, отзывчивым, любящим своих близких. С разрешения бабушки, Елены Сергеевны Юровой, воспользуюсь некоторыми сведениями из написанного ею очерка, посвященного жизни моего прадеда.

Сергей Гаврилович Юров, 1960

Сергей Гаврилович Юров родился 15 августа 1915 года в Москве в семье инженера-электрика Гавриила Федоровича Юрова и Марии Павловны (урожденной Любимовой). После работы на строительстве Амурской железной дороги (1912–1913) Юровы переехали в Москву, где Гавриил Федорович получил место на железной дороге и большую квартиру. Здесь и появился на свет Сережа Юров. Во время Гражданской войны Гавриила Федоровича направили руководить ремонтом железнодорожных путей, которые белые взрывали, отступая на восток. Неизвестно, взяли ли они с собой маленького сына или оставили его с бабушкой и тетей в Вязниках, но, вернувшись в Москву, Мария Павловна побоялась въезжать с маленьким ребенком в свою бывшую, насквозь промерзшую квартиру, и Юровы поселились на Покровке (с 1939 по 1992 год она называлась ул. Чернышевского) в громадной коммунальной, но зато

давно обжитой квартире. Дворовые развлечения маленького Сережу не очень привлекали: в детстве он увлекался химией и физикой, заведя у себя дома целую лабораторию. Очень много читал, сохранив до преклонных лет эту страсть и особую любовь к литературе Средних веков: Тристан и Изольда, рыцари короля Артура, Роланд и его друг Оливье, герои скандинавских саг были его любимыми персонажами. Кроме того, он очень серьезно занимался спортом, мечтая стать когда-нибудь знаменитым бегуном. Однако из-за слишком большого роста (1 м 96 см) с этими мечтами пришлось расстаться.

Большие проблемы возникли и с получением высшего образования, т. к. он, как происходящий из классово чуждой семьи, не имел права поступить в институт и вынужден был сначала окончить ФЗУ, а потом отработать какое-то время слесарем на заводе. Только заработав свой рабочий стаж, Сергей Юров, теперь уже настоящий пролетарий, смог поступить в Московский энергетический институт (МЭИ). Учился он хорошо, несмотря на то что его интересовало слишком многое: литература, театр, спорт. В институте он очень серьезно увлекся альпинизмом и принимал участие в достаточно серьезных восхождениях.

Мария Павловна и Гавриил Федорович Юровы, 1913

Сережа Юров, 1918

В МЭИ он познакомился с молоденькой преподавательницей немецкого языка Верой Матвеевной Миримовой и сохранил очарование первой встречи на всю оставшуюся жизнь. Они поженились в 1938 году, а в 1939 на свет появилась их дочь – Лена, моя бабушка. В этом же году Сергей Гаврилович во время очередного восхождения упал в горную расщелину и сломал себе ногу. Два дня его спускали с гор, потом сделали неудачную операцию в Нальчике и, в конце концов, привезли в Москву в институт Склифосовского. Вопрос стоял об ампутации, но потом благодаря самоотверженным заботам женщины-врача ногу удалось спасти. Из больницы его выписали на костылях, сказав, что ими придется пользоваться всю жизнь. Обладая необыкновенной силой воли, Сергей Гаврилович принялся разрабатывать больную ногу. Преодолевая боль, он занимался физическими упражнениями, все увеличивая нагрузку, и каждый день ходил пешком с Покровки на работу в Лефортово и обратно. В результате он остался на всю жизнь хромым, но уже после войны добился того, что смог ходить без палки и даже кататься на лыжах.

Няня Ксения Федоровна и Сережа Юров

Сережа Юров, 1926

В 1939 году С. Г. Юров с отличием окончил МЭИ. Еще до окончания института, в 1938 году, он начал работать техником во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ), через год был переведен на должность инженера, в 1942 году стал научным сотрудником, а в 1943-м – после защиты кандидатской диссертации – старшим научным сотрудником.

Работы С. Г. Юрова во время войны носили сугубо закрытый характер и были связаны с «проблемой светомаскировки». С 1945 года С. Г. Юров параллельно со своей основной работой начинает преподавательскую деятельность в МЭИ. В конце 1940-х – начале 1950-х годов основные усилия С. Г. Юрова направлены на выделение светотехники в самостоятельную научную дисциплину и организацию светотехнического института. Приказ об организации ВНИСИ (Всесоюзного научно-исследовательского светотехнического института) датирован 10.10.51. Через 2,5 года С. Г. Юров становится заместителем

директора института по научной части. Назначение беспартийного специалиста на руководящую должность было совершенно не типичным для этого времени.

После ухода с поста зам. директора в 1969 году, С. Г. Юров становится инициатором и руководителем новой научно-технической программы «Свет как элемент жизненной среды человека».

В 1962 году началось семейное увлечение – коллекционирование старинных работ из бисера. Кроме собирательства, все члены семьи интересовались соответствующей литературой, стали выписывать все, что имело какое-то отношение к этой тематике. В четыре руки эта деятельность развивалась достаточно успешно. В результате в 1988 году появилась первая большая статья о бисере, посвященная семейной коллекции («Панорама искусств», № 11). К сожалению, книгу моей бабушки «Старинные русские работы из бисера», вышедшую в 1995 году и посвященную ее родителям, Сергей Гаврилович уже не увидел. Он умер 9 июня 1993 года после тяжелой болезни, постепенно развившейся в течение двадцати лет. И только его близкие люди могли в достаточной мере оценить то удивительное мужество и благородство, которые он проявил в течение этого времени.

Вера Матвеевна Миримова, 1936

Репихово, 1940

Эти качества не оставляли моего прадедушку и в тяжелые годы войны. Начало войны застало семью Юровых в Москве. Вскоре после этого дочку вместе с мамой Сергея Гавриловича отправили в Вязники, а

Сергей Гаврилович с женой остались в Москве до ноября. Там они пережили тяжелые октябрьские дни, когда судьба Москвы висела на волоске, а потом вместе с ВЭИ отправились в эвакуацию в Свердловск. По дороге не без труда удалось захватить дочку и маму. Уже в пути узнали, что в Свердловске жилья для всех найти не удастся, поэтому на семейном совете было решено оставить семью в Красноуфимске, а Сергею Гавриловичу ехать дальше в Свердловск. В Свердловске жилья действительно не оказалось, и ему пришлось все время, почти полтора года, жить в лаборатории. Ночевал он на сдвинутых столах, естественно, очень много работал и необыкновенно много читал.

На военных сборах, 1936

Свои дневники Сергей Гаврилович начал писать в 1941 году, но первая тетрадь, к сожалению, потерялась по дороге в эвакуацию. Оставшаяся часть охватывает период с 1942 по 1948 год. В них он вел достаточно регулярные записи о положении на фронте и в мире, о событиях личной жизни и прочитанных книгах. Сведения об обстановке на фронтах и международном положении он черпал, естественно, из общедоступных источников информации: газет, радио и докладов приезжавших с фронта политработников. Тем не менее интересна интерпретация этой информации непосредственным свидетелем событий. Все же наибольшее внимание привлекают бытовые зарисовки, свидетельства очевидцев, разговоры простых людей и даже распространявшиеся тогда слухи. Как явствует из его дневников, с 1942-го по 1948-й были прочитаны более пятисот книг, причем все эти книги не бегло просмотрены и даже не просто прочитаны, а снабжены развернутыми аннотациями, иногда выписаны показавшиеся интересными цитаты, иногда особенно полюбившиеся стихотворения. Удивителен и диапазон по тематике: книги по физике и технике, история современности и Средних веков, европейские и восточные легенды и саги, поэзия и, разумеется, художественная литература, занимавшая, правда, отнюдь не главное место в этом списке. Останавливает внимание и другая особенность этих дневников: за шесть лет практически непрерывных записей в них ни разу не встречается отрицательной характеристики кого-либо из окружавших его людей.

Наиболее интересными представляются записи, сделанные во время командировки на Западный фронт, сохранив – шиеся в маленькой записной книжке, помеченной «Западный фронт. Ноябрь 1943 г. Ноябрь 1944 г.». В ней можно найти и заметки о разговорах с местным населением, только что пережившим оккупацию, и рассказы о партизанских отрядах, и частушки, и тексты любимых песен военных лет. Но особенно привлекают внимание записки о командировке в Германию в июне – августе 1945 года, когда С. Г. Юрову и его другу Ефиму Самойловичу Ратнеру было поручено вывезти оборудование завода Цейса в Йене. Там можно найти описание путешествия на попутных машинах через Западную Польшу, Берлин и Восточную Германию, красочные зарисовки положения на дорогах, записи разговоров со случайными

попутчиками и известным физиком Ромпе, а также многое другое. Очень рада возможности привести здесь выдержки из дневников моего прадеда и поделиться с читателями, в том числе с моими сверстниками-студентами, интересными свидетельствами той далекой военной поры.

Первая запись в дневнике датирована 17 марта 1942 года:

17 марта 42 г. Свердловск. 9 месяцев войны. С 15 января живу один в Свердловске, семья в Красноуфимске, где Вера работает в Харьковском механикомашиностроительном институте. Решил снова вести записки, которые начал в Москве в начале 41 года. Первая тетрадь пропала при эвакуации... <В ней> были записи о войне, но ведь сейчас если и стоит что записывать, так это слухи для того, чтобы потом сравнить с действительным положением дел (если таковое вообще когда-либо будет выяснено до конца). <...>

Елена Юрова, Каргополь, 1956

20 марта 42 г. Земля полна слухами. Все говорят о взятии нашими войсками разных городов. Харьков, Мариуполь, Курск, Орлы, Ржев ежедневно сыплются как из рога изобилия. Официальные военные докладчики не только называют эти города, но чуть ли не клянутся, что к 1 мая мы будем у немецких границ, что при взятии (вторичном) Феодосии немцы положили 200 000 (!) и т. д. В действительности, кажется, наши войска полуокружили Харьков (заняли Мерефу), от Ростова-на-Дону фронт находится в 60 км. Возможно, что взяты Ржев и Великие Луки. Занято какое-то селение в 60–70 км к северу от Бердянска. Таганрог не взят безусловно. Сводки стали появляться в духе: «существенных изменений не произошло», однако громадное большинство уверено в окончании войны в этом году. Из Ростова приехал один знакомый знакомого и рассказывает, что жизнь там кипит, на рынке все есть, цены несравненно дешевле, чем здесь, попытки немцев многочисленны, вялы и неумелы. Наши резервы, по-видимому, действительно громадны. Даже здесь, в глубоком тылу, все военные прекрасно одеты. В победе никто не сомневается ни на йоту. Я же, учитывая опыт Первой войны, сомневаюсь в том, что победа придет в этом году. Помня Версаль, немцы проявят еще большие чудеса выдержки, изворотливости, отчаянья и подлости, чем это было в 17–18 годах. Вряд ли на этот раз удастся добиться победы, не вступив в пределы Германии, как это было в восемнадцатом году.

На конференции в Ленинграде, 1974

Пишу эти записки и вспоминаю милую синюю тетрадь, в которой я их писал год тому назад. Эта тетрадь мне как-то не по душе. Или бумага и чернила плохие?

3 мая 1942 г. Сегодня воскресенье. Ночевал, по обыкновению, в лаборатории и сейчас сижу один, читаю «Гамлета». Первое мая, конечно, принесло нам целую серию свехоптимистических докладов. Был доклад Александрова. Основные идеи две: 1. Можем ли мы один на один справиться с Германией? 2. Возможности создания второго фронта в Европе. По первому вопросу: год назад немецкая армия была значительно сильнее нашей, и все-таки, несмотря на внезапность, она не поставила нас на колени. Теперь она весьма ослаблена (только с 6 декабря она потеряла 10 убитыми), а наша стала несравненно сильнее. Отсюда вывод: да, может. По второму вопросу: Англия сейчас имеет примерно 6-миллионную армию и колоссальный воздушный флот. Для обороны островов достаточно 2 миллиона, следовательно, эти силы придерживаются и накаплиются для нанесения удара. По его мнению, этот удар будет в мае.

Второй доклад одного полкового комиссара, который утверждал, что основные узлы сопротивления немцев: Ржев – Вязьма, Брянск, Харьков, Орел, Таганрог, Мариуполь, окружены К. А. <Красной армией. – К. С. > и могли бы быть взяты давно лобовым ударом. Однако наше командование, учитывая катастрофичность положения немцев в этих районах, не идет на лобовой удар во избежание больших потерь и выжидает более удобного момента. После взятия этих пунктов К. А. одним броском продвинется до старых границ.

Я бы не стал придавать особенно большого значения всем этим высказываниям, если бы не первомайский приказ Сталина, поразивший меня необыкновенно. Этот человек, вся жизнь которого прошла под флагом антидемагогичности, заявляет (приказывает «всей Красной армии»), что 1942 год будет годом окончательного разгрома немцев. Заявляет на весь мир! Уж если он говорит так, значит, есть основания, есть твердая в этом уверенность.

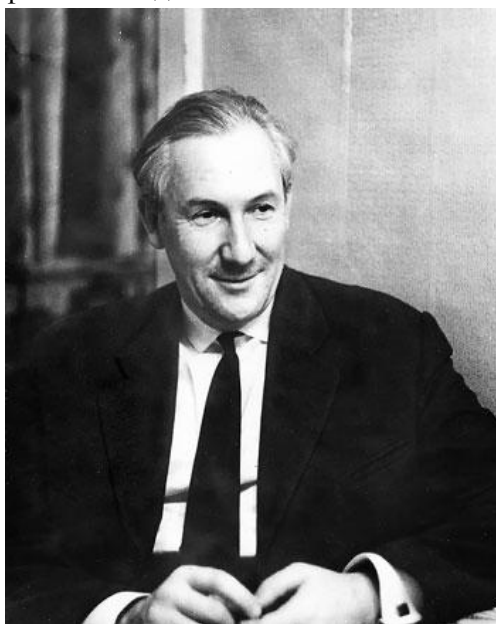

С. Г. Юров, 1941

Есть и еще доказательства нашего хорошего и твердого положения на фронтах: в частности, высказывания некоторых польских деятелей по поводу Вильно и Львова («были, есть и будут») и т. д.

И наконец, что должна означать эта массовая реэвакуация учреждений в Москву сейчас, накануне пресловутого «весеннего наступления» немецкой армии? Безусловно, это также является признаком для нас положительным. <...>

9 июня. Ну, скоро, кажется, ехать в Москву. Предложено сдать фотокарточки, анкеты и автобиографии. Правда, когда точно ехать, сказать пока нельзя, но, думаю, что в течение месяца тронемся. Странное чувство испытываешь, возвращаясь в Москву. Хочется домой, там папа, свои комнаты, кровать (последние 5 месяцев сплю на столах), но тут остаются Вера, дочка, мама. Правда, и до сих пор мы жили на расстоянии 200 км друг от друга, но ведь 200 – это не 1500! Приехало из Москвы наше начальство. Там сейчас стало очень хорошо. Тревог и тем более бомбардировок совершенно нет. Военные расценивают положение весьма оптимистически: окончательный разгром немцев – вопрос ближайших трех месяцев. До переезда в Москву съезжу в Красноуфимск повидаться со своими. <...>

Сергей Гаврилович Юров, 1967

11 июля. Немцы жмут на Воронеж и южнее. Мы оставили Ст. Оскол, Россошь и еще что-то. Прав я был, когда писал, что теперь основные бои разыгрываются на юге – за нефть. В Египте немцы, кажется, остановлены примерно в 150 км от Александрии, и эти англичанцы утверждают, что теперь песенка Роммеля спета. О втором фронте, конечно, ни слуху ни духу.

Когда ехать в Москву, не знаю. В Красноуфимск директор тоже не пускает, что, конечно, весьма отражается на моем настроении. Ну да ничего, может быть, завтра уговорю его отпустить меня на неск. дней. Тогда поеду с машиной в ночь с 13-го на 14-е.

14 июля. Увы! Ни в какой Красноуфимск я не поехал, а сижу себе в Свердловске, и сколько еще времени сидеть буду, не знаю. Страшно хочется повидаться с семьей, но ничего не мог сделать. Пришлось пока остаться здесь. Немцы отчаянно рвутся вперед, окружая с юга Воронеж, рвутся на Волгу, бомбят Астрахань (оттуда было письмо), Горький. Почти ежедневно газеты сообщают об оставлении нашими войсками какого-либо пункта, а то и двух. Настроение у всех не то что кислое (прошлый год нас приучил к горьким известиям), но все-таки несколько растерянное. Ходят слухи, что въезд в Москву до особого распоряжения воспрещен... В передовой «Правды» от 13-го снова появились слова об угрозе важнейшим жизненным центрам нашей родины и о нависшей над ней опасности. А некоторые местные руководители продолжают говорить о разгроме врага в 1942 г. <...>

31.07. Приехала из Красноуфимска Вера, и поэтому мои литературно-хронологические занятия были в корне прерваны.

На другой день после сообщения об оставлении нашими войсками Ростова бои были уже южнее и юго-западнее Клетской. Как немцы ухитрились прыгнуть через Дон, ничего не известно. Настроение немного пришибленное неожиданностью, но «нам не привыкать!». <...>

14.08. Холодно. На днях Вера уезжает обратно. Я собираюсь съездить на несколько дней в Красноуфимск и после этих последних дней в Москву. На сколько времени я еду, когда увижусь опять с теми, ради которых, может быть, только и жить-то стоит, не знаю. Быть может, год. Бросить Лену на год, увидеть ее в последний раз и расстаться. Тяжелая вещь расставание. Легче прожить месяц в разлуке, чем расставаться 20 минут. Но ехать в Москву надо. Там сейчас жизнь, работа, а тут по нашим делам наступило затишье. Хочу сдать пару экзаменов и защищать диссертацию. Получится ли, не знаю, но хочу попробовать. Об одном только не хочется думать – об надвигающейся одинокой зиме.

3.09.42. С 20 по 31 августа был в Красноуфимске. Впечатление такое, что в последний раз виделся и жил со всеми, а теперь покинул их одних, беспомощных, в общем, женщин. Но какие это были 10 дней. Это было лучше, чем отпуск. Основную часть времени я проводил дома, потому что на заводе делать мне было нечего (личное мое участие не ускорило бы выполнение заказа). Заготовил 8 м3 дров. Ходили с мамой, Верой и Леной в лес, собирать топливо для таганка. Единственное, что я не сделал, – это не перевез дрова из леса. Много раз пытался найти лошадей, но безуспешно. Сегодня говорил с Верой по телефону, и она сказала мне, что дрова до сих пор не вывезены, дороги из-за плохой погоды развезло, и все попытки преодолеть эту трудность оканчиваются неудачей. Один раз Вера нашла три подводы, которые поехали в лес, нагрузились, проехали 20 шагов, после чего одна из них перевернулась. Тогда со всех подвод дрова были сброшены и остались валяться на дороге, возчики отказались ехать, и Вере пришлось одной возвращаться в 12 часов ночи домой. Когда я думаю об этом, в груди образуется какая-то пустота, горло стискивается ужасной горечью. Рассказать об этом чувстве нельзя, думать об этом мучительно донельзя.

11.09.42. Вчера в «Уральском рабочем» прочел сообщение Совинформбюро о наших и немецких потерях с 1 мая по 31 августа. Немцы сообщ., что мы потеряли (уничтожены) «56 дивизий и 36 бригад». Наши сообщения гласят, что мы понесли значительные потери в 42 дивизиях и 25 бригадах, в том числе 14 танковых, а немцы полностью разгромленными потеряли 73 дивизии (уничтожено более 70 % боевого состава) и в 21 дивизии уничтожено от 40 до 50 %.

В «Правде» от 9 сентября сообщается, что автоматчик имярек перегрыз немцу горло.

Только что говорил с Верой по телефону. Она перевезла 4 м3 дров, но получила ангину. Настроение у нее все же продолжает внушать мне серьезные опасения. Надеюсь на то, что, когда она справится с дровами и картошкой, оно немного улучшится. Как тяжело сидеть от них в 225 км и не иметь возможности помочь, но еще тяжелее уезжать в такую даль, как Москва.

13.09.42. Новороссийск сдан. У Моздока немцы топчутся на месте. Бои в районе Синявина. О втором фронте перестали писать даже в газетах. Линия фронта Гжатск – Ржев, очевидно, не прорвана. Чем окончилось сражение на окраинах Ржева, неизвестно, но безусловно Ржев не взят. Да! Война – это война. Настроение равнодушное. Хочется делать что-либо непосредственно для фронта, а приходится заниматься вопросами более или менее проблематичными. Хоть бы скорее в Москву. Надоела неопределенность положения.

18.09. Время летит, как нахлестанное. Вчера было сообщение о боях на северозападных окраинах Сталинграда. О боях в районе Синявино опять ни слова. Южнее Воронежа немцы несколько дней тому назад начали наступление с целью отбросить наши части за реку, но результаты этого наступления пока неизвестны. На Западном фронте одни эпизоды.

Числа 21–22 сентября собираюсь ехать в Москву. Папа написал в Красноуфимск, что ему прислали штраф в 200 р. За нарушение правил светомаскировки (очевидно, это случилось во время объявления

тревоги), но он не удосужился заплатить, и его теперь отдают под суд. Меня эта история почему-то волнует. Пару дней назад случилось событие, которое в другое время было бы воспринято со значительно большей радостью, чем теперь: я переведен из инженеров в научные сотрудники с увеличением оклада с 650 до 900 руб. Однако мы живем в такое равнодушно-грустное время, что этот факт не произвел на меня должного впечатления.

В Красноуфимске тяжело: у М. О. <Матвей Осипович Миримов, отец жены. – К. С. > водянка, и он, наверное, умрет. Сейчас жду Вериного звонка...

21.09. Сегодня говорил с Верой. У них все по-прежнему. Папе суд присудил заплатить, но он подал в какую-то высшую инстанцию и уж теперь, наверное, будет судиться два года. Однако все это меня успокоило: все эти дни я ходил под впечатлением всяких тяжелых мыслей... Только сейчас пришла телеграмма о немедленном выезде в Москву.

1.10. Уже 6 дней живу в Москве. Времени на писание, конечно, нет, и поэтому приходится отмечать лишь самое основное, что бросается в глаза. Город обращает внимание своей чистотой и подтянутостью. Все оделись в свои лучшие платья, потому что второстепенные туалеты у всех пришли в изрядную ветхость. Запах духов и одеколона носится в воздухе... Никаких или почти никаких повреждений не заметно, хотя там, где они есть, совершенно ясно видно, что их не старались замазать. Много милиционеров с винтовками и без них. Много женщин в военной форме – зенитчицы, прожектористы, войска связи и т. д. С продуктовым снабжением в Москве хуже, чем в Свердловске, но ненамного. Весьма жесткая карточная система. Плановость снабжения доходит до того, что, кроме положенных 5 г соли на блюдо, соль на стол не подается.

Бои за Сталинград в полном разгаре. Сражение идет на улицах города, и только сегодня было сообщение, что немцы опять несколько потеснили наши войска. У Моздока боевая стабилизация.

7.10.42. <...> На фронте все тот же Моздок и Сталинград. Толком положение в Сталинграде представить трудно, но, по всей вероятности, там делается такое, чего не было еще в эту войну. Уже от нескольких лиц слышал о родственниках и друзьях, раненных под Сталинградом. В районе Моздока немцы весьма медленно, но все же продвигаются вперед. Правда, это продвижение, очевидно, измеряется единицами километров.

Проезжая из Свердловска в Москву, наблюдал, что в поле не осталось неубранным ни одного клочка и буквально вдоль всего полотна выложены громадные поленицы дров: ж. д. переходит на дрова. <...>

14.10. Изменение к лучшему на фронтах очевидно. Это, правда, пока очень не резкое изменение, но бесспорное. В районе Моздока в сводках прямо говорится об активных действиях. В Сталинграде отбиты все атаки, и в некоторых местах враг потеснен. Теперь наши части ведут активные действия не только на сев. – зап., но и на юге от Сталинграда.

16.10. Сегодня годовщина Великой Московской Суеты и Драпа. Действительно, вспоминая этот день в 41 г., чувствуешь разницу между теперешней уверенностью и тогдашним метанием.

Дня 2–3 назад началось новое наступление на Сталинград, причем «Кр. звезда» квалифицирует его как последнее, на которое немцы способны. Если его Сталинград выдержит, тогда битва за него выиграна. Было сообщение, что с утра до 5 ч. вечера на одном из участков фронта шириной 1,5 км было зарегистрировано 1500 самолетов. Невероятная цифра!

22.10. Бои за Сталинград продолжаются. Был небольшой перерыв, а сейчас немец опять жмет, захватывая понемногу дома и улицы. Сталинград сейчас – это узкая полоса земли длиной в 50–60 км на правом берегу Волги.

27.10.42. Через 3 дня еду на месяц-полтора в Свердловск. Доволен тем, что увижу своих и немного отъежусь... За последние несколько дней купил много книг по истории, в частности «Новую историю

колониальных и зависимых стран», «Историю Рима» Сергеева в 2 томах, «Историю СССР» (первый том), «Историю Древней Греции», «Русские поэмы» (антология от Пушкина до Лермонтова).

В Сталинграде немцы жмут, но наши продолжают упорно держаться, и мне кажется, что исход битвы за Сталинград начинает склоняться в нашу пользу. Соскучился по дочке. Очень хочется повидать ее и поболтать с ней немного (приходится желать немногого, потому что много все равно не выйдет). Впереди, очевидно, довольно тяжелая зима. Ходят очень редкие и робкие слухи о коренном переломе в положении на фронтах, но пока никаких фактических данных, указывающих на это, нет!

31.10. Последние дни бои в районе Нальчика (оказывается, Нальчик еще наш!), в районе Сталинграда и с.-в. Туапсе. На последнем направлении впечатление такое, что наступаем мы. Говорится о «взломе рубежей», «окружении немецких гарнизонов» и т. д. В Сталинграде, очевидно, продолжается ад кромешный. Дивизии наступают на узеньких полосках, продвигаются на 50 – 100 м вперед, теряют тысячи убитыми, десятки танков, сотни автомашин и т. д. Но Сталинград держится и, мне думается, выдержит. <...>

9.11.42. Красноуфимск. Холодно и очень мало снега. Наши живут по-старому. Завтра выезжаю в Свердловск, где буду работать месяца полтора.

На фронтах все то же: Сталинград, ю.-в. Нальчика и вроде активных действий с.-в. Туапсе.

Твердо решил за эти 1,5–2 месяца подготовить хотя бы вчерне диссертацию...

10.11. В поезде Красноуфимск – Свердловск. Вчера было сообщение по радио о высадке американского десанта в Алжире и прав. «Виши» около Касабланки. «Виши» сообщает о больших потерях французов. Де Голль обратился к народам Алжира и Туниса с соответствующим воззванием, и из Лондона сообщают о ряде восстаний в этих странах, направляемых против правительства «Виши». Интересная комбинация для Роммеля. (Но не веселая.)

13.11. Свердловск. Сегодня меня оштрафовали на 100 р. «за нарушение правил воинского учета», приняли на этот самый учет, и вот я уже свердловец. Живу по-прежнему в институте. Кормят хорошо, но настроение у меня довольно поганое. Какая-то тоска, не имеющая никаких внешних причин, но грызущая меня весьма основательно. Очень не хотелось уезжать из Красноуфимска. Такое впечатление было, что покидаешь их там на долгие годы. Ну, правда сегодня стало немного полегче, но об окончательном избавлении от этого мерзкого состояния говорить еще рано.

Немцы в Сталинграде повели наступление по всему фронту, но только в одном месте продвинулись на 200 м, тогда как мы, контратакуя их, в другом пункте продвинулись на 400 м. В районе Моздока и Нальчика продолжается нечто вроде активных действий с нашей стороны, причем где-то около Моздока захвачено несколько населенных пунктов. Англичане и американцы развоевались в Сев. Африке, захватили в плен несколько итальянских дивизий, более 1000 орудий и т. д. Очевидно, немцев и итальянцев на сей раз из Африки попрут. Немецкие войска вступили на неоккупированную Францию и собираются занять побережье Средиземного моря. Дарлан сдался.

14.11. Тобрук взяли (который раз!). Немцы в Африке кончаются.

20.11. Кончаются, но еще не кончились. Настолько не кончились, что всеми силами и средствами перебрасывают подкрепления в Тунис. Вот этого я уже никак не ожидал. Думалось, что они используют все транспортные возможности, чтобы драпануть, а они уже перевезли в Тунис 10 000 и танки (штук 200) и орудия. На совесть воюют! На днях выступал Черчилль с известиями о победе в Африке, причем это было сладкой пилюлей к ложке горького лекарства в виде отказа от намерения создать второй фронт в 1942 г. Конечно, он всячески превозносил русских и Сталина. Мне почему-то кажется, что это маневр с целью снять часть немецких сил. Это, конечно, весьма глупо с моей стороны. На фронте процесс стабилизации. Под Нальчиком и Туапсе – активные действия. На подступах к Орджоникидзе – разгром нескольких немецких частей (в последний час), захват 150 танков (а может, и 250) и все такое.

29.11.42. Несколько дней тому назад получили известия о наступлении наших войск под Сталинградом. Наступление продолжается. Немцы под Сталинградом после занятия нашими войсками Громославки лишены всех железных и шоссейных дорог. Захвачено 60 с лишним тысяч пленных, около 1500 исправных и неисправных танков, десятки тысяч вагонов, около 2000 орудий и т. д. Не успели отзвучать «В последний час», посвященные Сталинграду, как сегодня сообщили о Ржеве, Великих Луках и дальнейшем нашем продвижении на Вязьму и Невель. Завтра будут газеты, из которых можно будет узнать подробности.

Немцы оккупировали Тулон, и французы потопили свой флот. Бои между Бизертой и Тунисом. Остальная территория Туниса под контролем союзников. Грандиозные, исторические дни. <...>

6.12.42. Последние 3 недели я много работаю над диссертацией. Не знаю, даст ли эта работа что-либо полезное для «науки», но меня она научила многому. До сих пор я не работал с книгой, не работал головой, и мне все казалось, что моя голова вообще не может работать толком, что я так и останусь до конца дней своих слесарем-экспериментатором без всяких теоретических запросов. Теперь я понял, что все зависит от организации самого себя, своего труда и времени, своих интересов и мыслей. При надлежащей постановке дела даже из такой посредственной головы, как моя, можно выжать нечто интересное, если не для других, то хоть для самого себя. У меня раньше не было системы, не было тенденциозности и сосредоточенности, я всегда интересовался чем-то другим, а в результате не интересовался ничем и ничего не знал толком и по-хорошему. Лень мысли и поверхностность – вот мои спутники верные и неизменные. Действительно, изобразить антиквара в букинистическом магазине, процитировать пару строк из мало известного стиха – это, в конце концов, грех не велик. Но не специализироваться, не интересоваться по-настоящему тем, что делаешь, – это преступление. Я не могу с моими весьма посредственными данными позволить себе роскошь быть неорганизованным, непедантичным. Только это, облеченное в рамку жесткой системы, может дать мне спокойную уверенность, что я не даром ем хлеб своей родины (высокопарность тоже принадлежит к числу моих, впрочем не самых больших, грехов).

Вчера сдал на отлично кандидатский экзамен по физической оптике. Принимали Фабрикант и Вульфсон. Валентин Александрович <Фабрикант. – К. С. > – чудный человек, и работать с ним я почел бы за большое счастье.

Сегодня воскресенье. Я, по обыкновению, провел весь день в институте. Сидел и читал «Физику моря» Шулейкина. Воскресенья я провожу в полном одиночестве у себя в лаборатории (в которой я сейчас и живу). Это приятное времяпрепровождение. Тихо, ты один... «И ничто души не потревожит» <...>

29.12. Никогда еще, кажется, не было у меня такого мутно-мерзкого настроения, как сегодня. Я сижу в Свердловске уже около двух месяцев, провожу испытания никуда не годной аппаратуры, негодной и принципиально, и в смысле своего выполнения. Из Москвы все время получаю телеграммы с угрозами выговора и т. д., но того, что действительно нужно в данном случае, т. е. приезда одного из руководителей всей работы, мне, очевидно, не дожидаться... Диссертация за последнее время подвигается хуже. То ли я выдыхаюсь, то ли уже дело идет к концу, не знаю! Сидя за городом, почти дописал раздел «Прохождение излучения сквозь атмосферу», но приехал сюда, и опять мне многое не нравится.

Получил письмо от Веры. Если бы я мог описать, как стремлюсь я с ними увидеться и чего я ни готов сделать (и не делаю), чтобы хоть немного облегчить их жизнь!

30.12. Сегодня не намного лучше... опять невозможность лечь вовремя спать из-за того, что люди предпочитают по-дурацки проводить время (сегодня у нас вечер хороший в первой половине и глупый во второй). Сейчас уже около двух часов ночи, а за стеной слышится баян и говор, и повизгиванья целой компании молодых барышень, желающих танцевать и вообще веселиться. Мужчин у них по одному на 10 человек, и вся эта забава напоминает скорее бал овец на бойне, чем веселое времяпрепровождение. Всего несколько раз в жизни приходилось мне присутствовать на подобных вечерах, и, нужно сказать, это были самые скучные, безнадежно загубленные вечера. В общем, «лучше... подавать ананасную воду!» Неприятностей у меня никаких нет, но на душе туман залег и моросит мелкий осенний дождь. О, если бы можно было написать о деградации?.. обо всем плохом, что приходится видеть и переживать! <...>

31.12.42. Грустный Новый год, одинокий и пустой. Сижу один в лаборатории, только что буквально выставил за дверь сопливую (от слова «сопеть») барышню, услаждавшую меня своим присутствием последние дни, и вот остался наедине с моей тетрадкой, которая постепенно становится милой моему сердцу, как близкий и молчаливый друг. С 5 до 10 вечера обедал в столовой «для командировочных» и стоял в магазине за маслом. Тут же по дороге получил хлеб за 5 дней вперед (опять-таки по командировочному удостоверению) и литр красного вина. Последняя ситуация была весьма сложна: раздобыв тут же в магазине пол-литровую бутылку, я получил сначала по одному талону пол-литра, затем по второму талону «давать» вино прекратили и стали «давать» по 30-му. Срочно пришлось раздобыть еще банку (обменяв ее на кальку для завертывания масла) и «получить» вторые пол-литра. Имея на руках 3 буханки хлеба, я не рискнул тащиться «домой» с банкой, а потому часть вина вылил в бутылку, а другую часть выпил тут же с одной знакомой (которая пила не мое вино, а свое, полученное в случайно оказавшийся при ней ковшик). После этой «встречи Нового года» я стал терпеливо дожидаться своей очереди за маслом: сложил буханки на свободный прилавок и стал читать «учебник физики» Милликона и даже решать какие-то задачки. В это время представилась возможность подсунуть карточки другой знакомой, которая и «отоварила» их. Как и полагается, этот акт был произведен «одним весом», т. е. пришлось ехать в институт, где и была произведена окончательная развеска. Добрались до института весьма благополучно; трамваи ходили, и в них было сравнительно свободно (имея на руках полторы буханки, я смог довольно легко достать деньги на билет). Однако надо объяснить, почему у меня оказалось только полторы буханки. Ну, одну я просто засунул в полевую сумку, а с другой случилось следующее: магазин в такие торжественные часы «выдачи» живет напряженно и своеобразно. Толпа народа у прилавка, играющие у стен и на полу дети, матери и бабушки, которые в это время отбивают свое место в очереди, дающее право на жизнь; и тут же на подоконниках, на кафельном полу, прислонившись спиной к простенкам, отдыхает всякий люд, закусывает, раскуривает махру, приторговывается ко всяким пищевым товарам и т. д. Большей частью это случайно попавшие сюда люди, проезжающие через Свердловск, а не «прикрепленные». Один из таких мужичков подошел ко мне с просьбой «дать ножичка». Отрезав моим ножичком ломтик сыра, оставшийся кусок он согласился обменять на «полбулки» хлеба. Я ему отрезал половину, и он был очень доволен, ибо хлеб на рынке стоит 250 руб., «булка» весом 1400 г (в среднем). Правда, если вы захотите продать хлеб, то для этого не надо ходить на рынок: рискованно (не очень) да и ни к чему. Пойдите вечером к некоторым булочным, и на вас набросятся с предложениями. Продавать лучше женщинам и мальчишкам. Оригинальная новогодняя запись. Через 2–3 минуты будет 24.00 31.12.42. Здравствуй, 1943 год! Будь светлее, и радостней, и чище, чем твой предшественник. Буду надеяться, что именно ты принесешь нам ту великую радость, которую пока страна затаила в глубине своего сердца, но которая вырвется и захлестнет весь мир в тот день, когда газеты напечатают аршинными буквами слово «Победа!». Часы пробили 12! Я встретил Новый год!

1943

1.01.43. Ради праздника разрешено зажигать электричество в частных домах, на площади 5-го года громадная елка, и гудок в телефоне получается сейчас же, как только снимаешь трубку, а не надо ждать по 2–3 минуты. Сегодня опубликованы итоги шестинедельных боев. <...>

7.01.43. Первого января были опубликованы итоги боев, а центральные газеты, кроме того, дали карту с нанесенной линией фронта на юге. Действительно, под Сталинградом немцы находятся в весьма глубоком окружении, которое с тех пор еще окрепло и углубилось. За эти 7 дней взяты Моздок, Нальчик, Прохладная, Баксан и еще целый ряд пунктов.

2.01. Я получил воздушное крещение. Летал ночью на самолете СБ <АНТ-40 (СБ) – скоростной фронтовой бомбардировщик. – К. С. > в течение 1,5 часа. Находился в кабине радиста в страшно неудобной и напряженной позе (при моем росте это не удивительно), но чувствовал себя прекрасно. Настроение мое, несмотря на успехи в работе, продолжает оставаться неважным.

Вчера пришлось вечером идти пешком с Уралмаша во ВТУЗ-городок. Был сильнейший туман, и

трамваи не ходили. Нужно сказать, что это был один из самых трудных переходов в моей жизни. К счастью, я познакомился с одним весьма симпатичным «бессарабцем» – инженером-радистом. Он объездил всю Европу, и у него было что порассказать.

С 28 июня 1941 г. он живет в СССР. Рассказывал о теплой встрече Красной армии, о несчастной жизни бессарабских торговцев, о моральном гнете румын, который пересиливал относительно высокий материальный уровень жителей Бессарабии и заставлял даже богатых крестьян (кулаков) ждать с нетерпением прихода «наших», несмотря на то что они знали, что после этого прихода им придется расстаться со своим хозяйством. Особенно произвело впечатление его описание вечной неуверенности в завтрашнем дне и того морального отпечатка, который накладывается этой неуверенностью.

10.01.43. К черту! Последние два месяца я работал изрядно. Провел государственные испытания и в основном написал диссертацию. Сегодня воскресенье. С утра я взялся было за работу, но она упиралась и кричала истощенным голосом. Я ее бросил и после часового почти безделья (мелкие хозяйственные дела) решил побеседовать с моим другом – вот этой самой тетрадкой.

У меня сейчас создается впечатление, что недели две тому назад немцы начали отходить с Северного Кавказа. Наши стремительные броски (Моздок и Малгобек, Нальчик и Прохладная), а также наши смутные опровержения каких-то немецких заявлений о выравнивании линии фронта дают основания думать, что я прав. Посмотрим, будущее покажет. Сейчас Информбюро говорит уже о нижнем течении Дона, а не о среднем, как это было несколько дней тому назад. Несмотря на все эти радостные события, мое поганое настроение продолжается: я неплохо питаюсь, но мои интересы деградируют... Память сильно ослабела (все жалуются на это)...

17.01. Состояние мутной апатии. С утра принялся за еду. Ел суп, печеную картошку с маслом, какао с пряниками, сейчас разогреваю венскую булочку, а в голове проплывают лица мамы, Веры, смотрящие на меня с укоризной и завистью. Что со мной? Ведь столько откладывать и копить продуктов для семьи, сколько я это делаю, и вот сейчас, буквально с мучениями, съедаю эту булочку. Ведь ее могла бы съесть Лена! Но желудок так властно потребовал вкусного, что сегодня я пал...

Прошло 3 часа. Они были посвящены приведению в порядок моего посудного хозяйства: заклепывал миску и котелок. Это вещи, без которых теперь не обойдешься. Я был занят делом, и мое настроение улучшилось. Сейчас я нормальный человек. Последние 8 – 10 месяцев я каждое утро занимаюсь гимнастикой. Недавно я проходил воинское переосвидетельствование и был удивлен своим видом: я выгляжу куда более крепким, чем до войны... Собираюсь в Красноуфимск и не знаю, как доеду, набирается столько «гостинцев», что я боюсь всего не дотащить. Веру мне удалось прикрепить к хорошему магазину, т. е. теперь им будет там неплохо. Только бы они прожили это тяжелое время, не надорвавшись. А надорваться сейчас легко.

Но что делается на фронте. Более 22 дивизий немцев окружены под Сталинградом. Нами взяты Кисловодск, Буденновск, Глубокое.

31.01.43. Сегодня ночью вернулся из Красноуфимска в Свердловск. 23.01.43. Выехал без билета к своим. Простояв в тамбуре 15 часов, доехал, в общем, благополучно. Дочка выглядит хорошо. Мама и Вера несколько хуже. Обе мечтают о Москве... Из Красноуфимска ездил на ст. Чад на стекольный завод. Чад в 40 км от Красноуфимска. Засидевшись в буфете, я прозевал продажу билетов, и опять пришлось ехать зайцем. Приехал поздно ночью, до завода 7 км шел пешком. Была метель, но другого выбора у меня не было, потому что я хотел как можно скорее вернуться в Красноуфимск. Переночевав в избе и закончив заводские дела в один день, я в тот же день был «у себя дома». На фронтах наступление не только продолжается, но и развивается.

17.01. Было сообщение о близкой ликвидации Сталинградской группировки с ультиматумом Паулюсу, подписанным Вороновым и Рокоссовским. 18.01 прорыв блокады Ленинграда. Эта весть произвела на меня сильнейшее впечатление, такое, какого не производила ни одна из наших теперь уже многочисленных побед. Я живо представил себе чувства ленинградцев, стоявших на пороге второй зимы в условиях блокады с ее кошмарами голода и холода. Думаю, что немало было пролито слез радости в эти дни героическими и

мужественными ленинградцами. <...>

4.02.43. <...> Наши войска захватили Кунцевскую, Купянск, Красный Лиман. Вчера было опубликовано донесение Воронова и Рокоссовского о ликвидации Сталинградской группировки. Уничтожено и взято в плен 330 000, в том числе 2500 офицеров (пленных) и 24 генерала!

12.02.43. Описать события на фронте невозможно. Каждый день вечером и утром сообщения Информбюро «В последний час!». Каждый день новые города, ж.-д. станции, десятки населенных пунктов. За последнюю неделю Курск, Белгород, Фатеж, Купянск, Чугуев, Лозовая и т. д., и т. д. При ликвидации Сталинградской группы немцы потеряли 330 000, из них 91 000 пленных. Вещь неслыханная в истории войн. <...> Моя личная жизнь все остается такой же. Думал вскоре перебраться в Москву, но «начальство не пускает». Вероятно, придется ехать в марте. Если бы не желание заняться диссертацией, то я был бы даже доволен таким оборотом дела. Но здесь у меня исчерпался весь материал, и делать по диссертации я ничего не могу. Правда, «наукой» я занимаюсь, но не имеющей прямого отношения к диссертации. Недавно разобрался в теории трехгранного зеркала. Работаю не очень много, но напряженно. Часто просыпаюсь по ночам или рано утром и не могу заснуть из-за обдумывания вопросов, связанных с работой. Потом целый день клюешь носом.

14.02.43. Все еще Свердловск. Воскресенье.

Немного весеннее, легкое настроение. Не очень радостное, но и безусловно не меланхолическое. Донбасс полуокружен. Вчера взято Красноармейское, а днем было сообщение, что в этом районе продолжалось продвижение вперед. На весь Донбасс с Ростовом-на-Дону, Мариуполем и т. д. осталась одна-единственная однопутная дорога через Волноваху. Думаю, что через несколько дней кольцо замкнется. Многие рассчитывают, что к весне К. А. выйдет к Днепру. Поскольку это мнение весьма неопределенное, то комментировать его я не берусь. У Запорожья, правда, это возможно.

Интересно, сколько времени я еще буду сидеть в Свердловске? Правда, мне тут неплохо и с питанием, и с жильем, но все-таки начинает немного надоедать. Хочется к моим книгам и креслу. <...> Весна чувствуется на улице. Как всегда немного распирает грудь, и хочется лететь вдаль (в Красноуфимск, сиречь говоря). <...>

17.02.43. 15.02. сообщили о взятии Ростова-на-Дону и Ворошиловграда, сегодня ночью Информбюро сообщило о занятии нашими войсками Харькова (не считая еще многих, более «мелких» пунктов).

21.02. Заняты Мерефа, Люботин и Обоянь (вчера). Полностью очищена дорога Харьков – Курск. Сегодня сообщили о взятии Павлограда – факт, имеющий первостепенное значение. Сейчас речь идет о полном отсечении Крыма и Донбасса. Впрочем, последний в основном уже освобожден. Интересно, что будет к 25-й годовщине Красной армии?

Сегодня воскресенье. Сидел почти весь день в лаборатории (я все еще в Свердловске), работать не хотелось, читал тоже как-то апатично. Говорил с мамой по телефону. Они все в Красноуфимске. ХММИ собирается переезжать не то в Харьков (это не шутка), не то еще куда-то. Очевидно, надо перетаскивать наших в Москву. Рановато, конечно, но ничего не поделаешь.

На улице погода прекрасная. Тает понемножку и ветерок весенний!

23.02. Сегодня 25 лет Красной армии. Многие ожидали каких-либо экстренных сообщений Информбюро, но таковых не последовало. Единственно интересное сообщение о взятии Тростянского (или Тростянской). <...>

24.02. Я просто утратил какое-то внутреннее равновесие. Голова к вечеру становится тяжелая, как гиря, да и утром не очень в ней ясно, но все-таки лучше. Я много читаю, но зачастую сосредоточиться на чем-либо просто не в состоянии. Самую простую мысль иной раз ловишь, ловишь, а она все же не дается. Что это? Переутомлением или недоеданием этого не объяснишь: ни того, ни другого нет и в помине... Не

отравился ли я ртутью?

<...> Сегодня взяты Сумы, Ахтырка, Лебедянь. Один приятель говорил, что некоторые видные, пожилые военные недоумевают и удивляются. В Африке немцы тряхнули американцев. Прав был Давыдов (математик), когда говорил, что «немцы – сволочь, но гениальная сволочь». Действительно, они да мы – вот и все, кто умеет воевать, а американцы и англичанцы белоручки и засранцы. Без души воюют, без злости и самозабвения. Слишком много интеллигентского скептицизма и маниловщины у этих велеречивых хитрецов с неоднократно битой мордой. Выигрывают потенциалом, весом, а не порывом.

25.02. Сегодня пришел вызов в Москву! Кончилось мирное, сытое и теплое житье, начинается кутерьма и столпотворение.

26.02. Второй день нет сообщений о занятых нами городах, и уже многие, если не вслух, то мимикой, расценивают это как что-то ненормальное, отражающее ухудшение наших дел на фронте. Возможно, что действительно в районе Красноармейское, Павлоград и Красноград наступление приостановилось. Посмотрим, что покажет будущее <...>

2.03. Сегодня сообщение о прорыве фронта 16-й немецкой армии, ее отходе на запад и занятии Демьянска, Лычкова и еще 302 нас. пунктов (за 8 дней боев). Характерный для наших дней эпизод: у нас в ин-те «дают» (по карточкам) белые батоны. Я, как «командировочный», получил «пятидневку», на хлебных талонах которой нет числа месяца. Такие талоны на хлебозаводе, где Марья Петровна (буфетчица) получает батоны, не принимают. Чтобы иметь возможность «получить» белый хлеб, я совершил следующее. Во-первых, договорился с Марьей Петровной, что она будет мне «отоваривать» талоны с любым числом, во-вторых, взял в «командировочном магазине» хлеб на пять дней, даже обменял этот хлеб у одной знакомой на «иждивенческую» карточку (норма 400 гр в день, а наша 800 гр в день), и, наконец, придя в ин-т, узнал, что с сегодняшнего дня хлеба (белого и вообще любого) у нас не будет! Это было бы еще не так плохо, но у меня оказался один «неотоваренный» талон на 400 гр за сегодня. А получить хлеб не так просто: не говоря уже о необходимости стоять в очереди (час или два), нужно покупать в магазине, к которому прикреплены данные карточки. А у меня как раз была карточка, прикрепленная к магазину, который закрывается в 6 час. вечера, я же пришел в ин-т в начале седьмого! <...> Я пишу эти строки, и меня распирает от смеха! Воображаю, как я буду смеяться над этой эпопеей лет через 10! Кстати, хлебная карточка стоит примерно 100 р. кило. Батон весом 400 гр идет за 130–150 р. Вот один из источников существования! И я уверен, что есть люди, которые этим пользуются! Боже, как все это печально и дико!..

5.03. Вчера взят Ржев, а завтра я еду в Москву. Кончилась свердловская жизнь с ее перипетиями и треволнениями...

6.03.43. Весьма безуспешно пытаюсь выехать в Москву. Сегодня получено известие о том, что подписано постановление о эвакуации института с семьями. Будет тяжело, но радость охватывает при мысли о том, что снова будем все вместе!

19.03.43. Всего 4 дня как я обосновался в Москве. По дороге из Свердловска заезжал на двое суток в Красноуфимск. Живут они по-прежнему неплохо и в Москву ехать не очень стремятся. Но ехать нужно ввиду общей эвакуации института и завода. Ожидаю их в Москве недели через три. Начал работать в институте.

На фронтах за это время много нового: немцы начали на юге контрнаступление и в короткое время захватили Красноград, Павлоград, Лозовую, Барвенково, Краматорскую, Харьков. Сейчас они в основном остановлены. Определенно радует эта быстрая остановка. Немцы собрали до 25 дивизий (12 танковых) и, несмотря на это, особых успехов пока не добились. Думаю, что весенне-летнего немецкого наступления больших масштабов не будет. Впрочем, как знать? Раздвоение чувств царит в голове! С одной стороны, очень рад приезду семьи, а с другой – страшновато за них! Чем их кормить, ума не приложу!?

26.03.43. Наши войска наступают на Западном фронте, ведя бои в районе Духовщины и ст. Дорогобуж, а на юге (Чугуев, Белгород) идут ожесточенные бои, зачастую с «превосходящими силами противника».

Работы в Москве не очень много, поэтому имею возможность заниматься диссертацией. Жду своих, но не знаю, чем я буду их кормить. <...>

5.04.43. Несколько минут тому назад узнал, что Вера с мамой остаются в Красноуфимске. Завтра приходит эшелон ВЭИ из Свердловска и Красноуфимска. Грустно и тоскливо при мысли о том, что завтра не кончается мое одиночество, но, очевидно, ничего не поделаешь... Но как мне хотелось бы завтра прижать к себе Лену, Веру и маму. Какие они близкие и как до них далеко. На фронте без перемен.

12.04.43. На фронтах без перемен. Союзники заняли Соракс и продолжают про двигаться на север. Английские руководители заявили (уже в который раз), что сейчас идет дело об окончательной ликвидации немцев в Африке. Ну, посмотрим!

Еще будучи в Свердловске, я писал о том, что, вероятно, отравился ртутью. Теперь я уверен, что так оно и было. Сейчас я переживаю радостные дни.

С головы как будто спадает какая-то пелена! Буквально ежедневно я чувствую улучшение и укрепление памяти, все увеличивающуюся собранность мысли. Иной раз я удивляюсь, что я опять могу с одного раза запоминать числа, фамилии, даты. Я уже отвык от этого свойства за два-три месяца, и новизна этого свойства удивительно приятна.

Милые мои записки! Сегодня у меня лирико-сентиментальное настроение. Весна в зените своего расцвета. Невольно перед глазами встают образы далеких, любимых и желанных. Скоро ли они будут здесь?! Весна заставляет забыть про войну, про все прошедшие и будущие трудности. Думать о них не хочется, и иногда даже кажется, что все тяжелое позади, что стоит только приехать всем в Москву, и все станет хорошо и по-прежнему! <...>

30.04.43. Вчера вечером узнал, что Вера выезжает из Красноуфимска между 30.04 и 3.05. Неужели через несколько дней они будут в Москве. Не могу не думать об этом почти постоянно... «Скоро, скоро, скоро» стучит в голове. Отброшены и забыты все сомнения, меланхолии конец, начинается жизнь!

5.05.43. Приехала мама с Леной, а Вера осталась в Красноуфимске. Ее не отпустили с работы! Представляю, как она переживает все это! Мама говорит, что ей (Вере) очень тяжело. Все это волнует и удручает чрезвычайно. Живу надеждой на ее скорый приезд, чему мы стараемся способствовать как только можем.

10.05.43. Даю Вере телеграмму за телеграммой с требованием немедленного выезда без всяких разрешений и освобождений.

Позавчера взяты Тунис и Бизерта. На мысе Бон окружено 120 000 и еще где-то еще сколько-то. Сталин по этому поводу поздравил Рузвельта и Черчилля. Наши войска понемногу наступают на Сев. Кавказе, заняли Крымскую и приближаются к Новороссийску. За последнюю неделю уничтожено 900 с лишним немецких самолетов, наши потери около 250.

13.05. Ну, дела союзников в Африке заканчиваются. На мысе Бон окружены почти все немцы и итальянцы. Число пленных уже перевалило за 100 000. Флот и авиация союзников фактически прервали всякую связь Европы с Африкой. На днях закончится эта страница и начнется следующая! Думаю, что дело будет в Италии и Норвегии. Скорее даже в последней.

С Верой неприятности. С работы ее не отпускают. Сегодня говорил с начальником их ГУУЗа <наверное, Государственное управление учебными заведениями. – К. С. >. Он обещает помочь. Дал Вере две телеграммы о немедленном выезде без всяких увольнений. Что из этого получится, не знаю. Думаю, что ничего страшного не будет, но, конечно, волнуюсь немного. Работать трудно. Все время перед глазами лицо Веры, похудевшее и немного грустное, Ясно вижу каждую ее черту, каждую деталь носа, щек, подбородка. <...>

20.05.43. 16 ч. 20 мин. Только что позвонила мама и сказала, что от Веры получена телеграмма о ее скором (21-го числа) выезде. Можно ли писать о таком на бумаге?!

23.05.43. Приедет ли завтра? Кроме этих трех слов, да еще некоторых прописных истин о дуге высокой интенсивности, удержать в голове ничего не могу.

24.05.43. 17 ч. 20 мин. Поезд обещают с утра, последний срок, назначенный справочным бюро, – 19.00. Осталось еще 1 ч. 45 мин.

26.05.43. Все в порядке. <...>

24.06. Итак, начался третий год войны. 22.06 была опубликована сводка двухлетних итогов: убитых и плененных 6,4 106 и 4,2 106, танков 42,4 103 и 30 103, орудий 56,5 103 и 35 103 и самолетов 43 103 и 23 103. Сводка имеет в конце знаменательную фразу: «без второго фронта невозможна победа над гитлеровской Германией».

А почему нет немецкого наступления, когда оно должно было быть? Нельзя ли это откладывание рассматривать как признак того, что немцы готовятся встречать союзников?! Мне кажется такое предположение не совсем невероятным. Может быть, действительно второй фронт будет. Сегодня закончил корректуру всех трех, уже отпечатанных экземпляров диссертации. Ну, да впрочем, все это муть (через «твердо», а не через «добро»). <...>

12.07. Несколько дней тому назад немцы начали наступление на Орлово-Курском и Белгородско-Курском направлениях. В первые же три дня они потеряли ~1500 танков, и сейчас как будто их движение приостанавливается. Три дня назад союзники начали высадку войск на Сицилию. Встретили мы это с воодушевлением, но сейчас почти никаких вестей оттуда нет. Что это значит? Или понемногу опозорились, или темнят?! Не поймешь! Сегодня слышал, что на границах Турции сосредоточена громадная армия союзников, а в Европе 60 (Sic!) немецких дивизий. Горький, и в частности ГАЗ, как видно, изрядно потрепан. Закончил диссертацию, но до сих пор никак не могу расставить запятые.

Да, самое забавное: во время воздушной катастрофы погиб генерал Сикорский со многими другими польскими деятелями! Летчик легко ранен. Вот кара Божия!

21.07. Сколько событий произошло за те 9 дней, что я не раскрывал эти листки! Наше наступление в районе Орла. Сегодня передали о начале контратак и продвижении вперед на Белгородском направлении. Также завязываются бои в районе Изюма, где наши части переправились через Сев. Донец и Миасс. В общем, немцы так опозорились со своим наступлением, что просто не описать. Союзники на Сицилии продвигаются и сейчас заняли более 1/3 острова. Части американцев находятся в предместьях Катании. Мне почему-то кажется, что быстрая задержка немецкого наступления связана с весьма возросшей угрозой вторжения на берега Европы. Может быть, даже сейчас идет переброска немецких сил (?!). <...>

27.08.43. Ровно месяц как я не отмечал интересные события. За это время взяты Орел, Белгород, Карачев, Харьков. По поводу первых двух и последнего в Москве были салюты из 12 и 24 выстрелов из 120 и 240 орудий. Все небо было исчерчено следами зеленых и красных трассирующих пуль. Где-то над Кремлем в небе медленно двигались ослепительно-зеленые ракеты. Первое летнее наступление не только продолжается, но и увеличивается по своим масштабам. Недавно наши войска захватили Донецко-Амвросиевку, что было расценено нами как начало новых крупнейших наступательных операций. К войне все привыкли. Продовольственное положение значительно улучшилось. И эти блестящие успехи как-то мало трогают и задевают большинство. Вспышки острой радости, внешние ее проявления угасают вместе с ракетными огнями. Недавно на одном из заводов был доклад, на котором докладчик заявил, что с немцами против нас сражается генерал Власов, перешедший к ним вместе с группой своих войск. Население освобожденных сейчас районов не очень дружелюбно (!?) встречает наши войска, причем

объясняется это тем, что ему надоела война. Не знаю, больной он или просто дурак. В общем, сейчас все с величайшим, я бы сказал, эпическим спокойствием ждут скорого окончания войны. Повсюду начали работать комиссии по выявлению потерь, понесенных гражданами в связи с войной. <...>

11.09.43. Наше наступление развивается чрезвычайно успешно. Рокоссовский взял Конотоп и Бахмач. Вчера – Барвенково, Чаплино, Мариуполь. Освобожден весь Донбасс.

Сегодня я в поезде слышал разговор двух бойцов – старого, участника Гражданской войны, и молодого, находящегося с первого дня на фронте. Его психология такова: немцы хуже скотов, сейчас их берут в плен или очень большими партиями, или по приказу привести «языка». Во всех остальных случаях они уничтожаются. Пленных взяли довольно для восстановительных работ, если нужно, возьмем еще, но сейчас пока не нужно. Сейчас немцы просто бегут и зачастую даже не успевают уничтожить имущество. Сейчас война на истребление, и поэтому если сдаются в плен, окруженные и припертые к стенке, то с ними возиться нечего. Старый говорил о милосердии к пленным и приводил примеры из Гражданской войны. <...>

23.09.43. Сегодня очень тяжелая новость: при аварии самолета Пе-2 погиб капитан Кожевников и с ним еще 2 человека. С Кожевниковым я летал в первый раз. Не могу ничего делать и ни о чем думать. Тяжело. Конечно, двум из кабины выбраться нельзя, тем более на малой высоте. <...>

3.09.43. Наши войска вышли на Днепр, и с этого фронта пока никаких известий нет. На Гомельском, Могилевском и Витебском направлениях продолжается наступление. Послезавтра назначена защита.

6.10.43. Вчера защитил диссертацию. Два часа подряд выслушивал комплименты и начал думать, что, может быть, и в самом деле я сделал что-нибудь до некоторой степени путное (но, конечно, вряд ли). На фронтах заметное затишье. Сегодня осталось только одно Витебское направление, на котором занято 46 пунктов.

По поводу защиты могу сказать, что я не испытал никакой дрожи, ни страха до, ни радости после. <...> Придя домой, получил хороший подарок – хороший букет. Это первые цветы в моей жизни, они взволновали и растрогали меня чрезвычайно. Цветы были от друзей. <...>

24.10.43. Вчера, после многодневных уличных боев взят Мелитополь.

Что делать? Сейчас я частенько задаю себе этот классический вопрос... До сих пор я читал (во всяком случае, последние годы), но систематических занятий даже в годы аспирантуры (не говоря уже о студенческих) не было. Последний год (немного меньше) я занимался: написал и защитил диссертацию и много читал учебников по классической физике, кое-что по истории науки, просто истории и избранную беллетристику. Сейчас думаю так: заниматься оптикой, разрядами в газах, фотоэлементами, светотехникой. Серьезно и систематически читать по истории Средних веков, уделяя особое внимание переходу от древнего времени к Средним векам, этому наиболее запутанному периоду. Беллетристику читать с большой осмотрительностью, выбирая только действительно самое лучшее. Систематически почитать историю литературы, не разбрасываясь, а сосредоточив внимание на какой-либо одной книге, например Коган. Все время читать технику по-английски и что-либо полезное по-немецки. Прилагать все усилия, чтобы не поддаваться соблазну и не читать по 25 вопросам, кроме перечисленных, хотя «энциклопедизм» (если не в результатах, то хоть в тенденциях) всегда был моей слабостью. Сейчас обдумываю кроме работы план и программу справочника по оптике. <...>

25.11.43. Завтра уезжаю в командировку <это была командировка на Западный фронт, записи о которой сохранились в маленькой записной книжке, помеченной «Западный фронт. Ноябрь 1943 г. Ноябрь 1944 г.». – К. С. >.

26.11.43. Выехали 13.00. Ночевали в деревне 118 км от Москвы, в хате одинокого старика. Партизан здесь не было. О судьбе Москвы жители знали из уст немцев (Moskau ganz kaput). Старику сообщил

пленный русский, что под Москвой весь снег покрыт зелеными мундирами. Насилий и избиений, а также уводов не было, но немцы развлекались тем, что стреляли жеребят. Не стесняясь, ломали с.-х. машины, чтобы получить нужный болт.

27.11.43. На 167 км первый подбитый танк, на 197-м, у самой дороги, – другой (чувство злорадства!). Дорога исключительно пустынна. Ночевали в 7 км от Я<рцево? – К. С. > в землянке для проезжих солдат.

28.11.43. Везде следы сражений. В 12.00 сломалась машина. Встали на ремонт и на ночевку. Я освобожден 17 сентября 43 г., т. е. всего 2 мес. 10 дней. Всюду гильзы, стаканы, железный лом и т. д. На месте домов пустыри и пепелища. Одна женщина сказала: «Вздохнуть можно свободно, и теперь любые трудности не кажутся трудными». Вдоль ж.-д. полотна (?) воронки и ходы сообщения.

Карточек при немцах не было. Получали 18–22 марки (на дороге). Хлеб стоил буханка (1–1,4 кг) 4–8 марок. За хлебом ездили в окрестности (по пропускам). Везде и всюду пикеты.

Первое время с пленными обращение ужасное, а под конец – свободное передвижение по улицам и паек такой же, как у немцев. Пьяные пленные подрались с немцами, и ничего. Явно много недоговаривают.

Вскоре после Вязьмы каски на земле и инж. сооружения.

Рассказ женщины в Я. о гибели ее сестры, ребенка и матери за отца-партизана.

29.11.43. По дороге через каждые 100–300 м кучи разбитых машин по 5 – 10 в каждой. Станция Гусево <Гусино? – К. С. > – сутолока и суета. Во всю идет разгрузка (погода нелетная). До фронта 40–50 км. В село приехали уже поздно вечером – задержались на одной трудной переправе через заболотину. Село было занято 15 июля 1941 г., освобождено 27 сентября 1943 г. В 41 г. немцы стояли 12 дней, а после этого бывали только наездами (всякие агрономические комиссии). Колхоз распустили. Староста работал на немцев, но сейчас на воле. Только постановили «миром» отобрать у него корову и сдать в счет мясозаготовок. Теперь он подает в суд на председателя колхоза (Нюрку) за то, что она сдала К. А. <Красной армии. – К. С. > без расписок 10 возов сена. Из разговора двух женщин: «Вот обложили их, а они пищат. Кабы немцам, так они по 10 пудов бы свезли и ни слова не сказали, а тут для русских по 2 пуда жалко!» И еще: «Не надо было рассчитывать, что с немцами будем жить!» Кто говорит хорошо, что немцев выгнали, а кто говорит и плохо. При немцах жили хорошо: каждый свою полоску знал. Старосту убили бы партизаны, если бы не пришли КА. Партизан не разберешь: они в немецкой шинели, и полицаи тоже в немецкой.

Рассказ хозяйки о приходе передовых разъездов КА и слезах радости: «Которые сознательные, сами ничего не ели, но кормили бойцов».

Когда пришла К. А., жители сидели в окопах на берегу реки: прятались от немцев.

Удивительные люди: собрались у женщины и вспоминают о жизни при немцах. Многие родные были в партизанах, некоторых расстреляли, мужья на фронте. Но они не теряют веселья, оптимизма хоть отбавляй. Из 15 фунтов пшеничной муки получается до 4 литров хорошего самогону.

Бывший староста сейчас старается доказать, что партизаны составляли банду. При немцах было много мужчин. При появлении автомашины все мужчины и молодежь бросались прятаться кто куда. Особенно излюбленным местом были кусты вдоль речки. Туда немцы не ходили ни под каким видом – боялись партизан. Последние делали громадное дело. Они были защитниками, которым жаловались на старосту, полицаяв и т. д. Партизан кормили по разверстке. При их приходе жители собирались вокруг и узнавали новости. Полк Гришина – 6000 человек – проходил мимо, через некоторое время разобрался на отдельные отряды. Партизаны хотели захватить город К. <Красный? – К. С. >. Все было подготовлено, но нашелся предатель. 180 мужчин были взяты из К. и пропали. К партизанам ушли 5 девушек, чтобы избежать отправки в Германию. Часть все же поехала со слезами: не могли уйти к партизанам из боязни репрессий против семьи. При вступлении К. А. сразу начинается мобилизация мужчин, которая в большинстве случаев проходит очень хорошо. При немцах на второй год была открыта школа с нашими учителями и учебниками. Но партизаны директора убили, а учителям запретили преподавать. Невдалеке партизаны уничтожили 50 подвод отступающих немцев и сожгли 3 машины. Убили сыровара за то, что сдал масло немцам, а не спрятал до прихода К. А. При отступлении немцы не успели сжечь село, как это они сделали с

частью соседней деревни, но совершенно бессмысленно взорвали мельницу. В нашем селе совершенно не заметно разрушений, но с начала войны сгорело 36 дворов. У населения сохранилось много скота, хлеба и птицы. С одеждой хорошо не только здесь, но и по всей дороге (прятали все, на валенки нашивали тряпки и т. д.). Муж хозяйки был в К. А. с начала войны. Под Ржевом попал в плен, утек (от смерти) и жил все время дома. Сейчас опять в армии на передовых. Относительно сроков «окончания войны?» – К. С. > жители не говорят, но настроены как будто пессимистически.

Р. <здесь и далее Р. означает Р. S. – К. С. > Один известный летчик Б. летает на ярко-камуфлированной машине: «Чтобы все знали, что я лечу!» Во время штурмовки забыл ручку бомбосброса, вернулся опять, дергая все ручки подряд, и бомбы сбросил.

Р. Раньше одна бабка сдавала в год 90 литров (молока) и всегда задалживала. При немцах выполнила 400 в 3 месяца, а сейчас, получив разверстку 200 л, пишит (?).

Р. В одной деревне стояла 10 дней пленная румынская дивизия во главе с генералом. Все время ели. Отправились на восток пешком без всякой охраны.

Р. 300 пленных немцев охраняли 50 автоматчиков. На издевательства одного немца, угощавшего часового крымскими папиросами, в то время как тот курил махру, часовой угостил его прикладом.

Р. Поджигали арьергардные мелкие группы немцев («бешеные собаки»). Кого поймали – расстреляли. (7 человек).

5.12.43. Живем все в том же селе в гостинице. Ждем установления дорог, чтобы ехать дальше, а пока полное безделье. В основном занимаемся разговорами. Встаем в 9–9.30 утра, ложимся от 24.0 до 2.00. Сегодня пришли к хозяйке в гости две женщины, и опять начались рассказы. Партизан кругом было очень много. Только около одной деревни стояло 3 отряда по 20–25 человек. Питались в деревнях по добровольной разверстке. Основные формы работы партизан – это развал хозяйственной жизни. Для этого они разгоняли полицейские точки (по 100–120 человек), занимавшиеся сбором продуктов, и препятствовали подвозу продуктов в город (выливали молоко, разбивали бидоны, ломали сыроварни и т. д.). Также партизаны охраняли жителей от довольно большого количества банд, работавших под видом партизан. Во всем К-ом уезде немцев было 10–15 человек в уездном городке К<расный? – К. С. >. В остальном действовали «полицаи» и власовцы. Последние набирались из пленных, которым немцы предлагали или в лагерь, или в «добровольческую народную армию». Многие соглашались на последнее, хотя на вопросы жителей отвечали, что они понимают, что пошли по неправильному пути. Власовцам было поручено разыскивать партизан. Так они, идя по лесу или по деревне, нарочно горланили советские песни, чтобы «какой-нибудь дурак не вылез и не пришлось бы с ним вести бой». Хуже надоедали полицейские. С ужасом жители рассказывают об отношении немцев к евреям. Их расстреливали поголовно. В городке К. вели на расстрел 12 еврейских семей. Многие шли под руку с песнями. Если какая-нибудь еврейская девушка останавливалась на ночевку в деревне, то обязательно кто-нибудь выдавал и ее убивали. В некоторых соседних еврейских местечках убивали по 400–800 человек.

Русские самолеты сбрасывали много листовок. Некоторые такого содержания: «Немцы лето пропердели, а Москву не поглядели; еще лето пропердят и Берлин свой п(р)оглядят», «Немцы пейте молоко, русские недалеко», «Пейте водку, пейте квас. Гоните немцев, ждите нас!»

Школы открывались не только в С., но везде с одинаковым успехом. Партизан в К. выдал еврей – начальник полицейского отряда, скрывший свою национальность. Сам он при этом тоже погиб. Одна из гостей нашей хозяйки – комсомолка, которую деревня не выдала.

Из уездного городка немцы слали только бумажки с грозными приказами: везти продукты, но сами в район носу не показывали. Большею частью на эти бумажки никто не обращал внимания. Немцы совершенно не стеснялись русских женщин: мылись при них, портили воздух и т. д.

У нашей хозяйки красноармейцы увезли 7 возов сена и около 100 пудов картошки, на что она философски замечает: «Нехай наша победа будет».

Партизаны кончили свои визиты (ежедневные) в деревню дня за 4 до прихода К. А. Пришли они строем через 3–4 дня после этого. Их командир Гришин передал списки командованию. Только через одну деревню прошло 4 отряда человек по 100 в каждом.

Сегодня (5.12) разговаривал с двумя пленными: радистом и штурманом сбитого накануне JU-88. Какой бесконечно жалкий вид. Растерянные взгляды по сторонам. Бледные, испитые лица и бедное-бедное обмундирование. Я растерялся, конечно, до крайности, когда мне предложили с ними поговорить, и только начал налаживаться (разговор), как их увели. Они прилетели из Орши. Это был чуть ли не первый их вылет. Жалкие молодые волчата.

Р. Концерт на баяне с 4-х У02 с глушителями. Сначала концерт (ночью), а затем бомбы.

Температура в нашей гостинице колеблется от +10 до +25. Эти колебания – результат топки чугунок, трубы которой, сделанные из прекрасного оцинкованного железа, имеют надпись «Trinkwasser»: бывший полевой водопровод. Без «Trinkwasser» и при таких колебаниях температуры немец вряд ли чувствовал бы себя уютно, а нам «здорово».

8.12.43. По слякоти, покрытой снегом, при встречном ветре, несущем смесь дождя, крупы и снега, мы переехали в деревню Л., а затем в Старод. (~60 км). На этот переезд затратили почти 2 дня. Остановились ночевать в деревне С...д... на одной из точек (расчет 4 человека, из которых одна девушка Тамара – бывшая студентка Ленинградского текстильного института). Нас приняли, накормили и уложили спать как родных. И так вторую ночь. Хотелось бы сказать самые теплые слова об этом вечере, который мы провели за разговором, картами и т. д. И конечно, основную роль во всей этой теплоте играла девушка. Теперь я понимаю, что дали армии эти милые, простые, отзывчивые и, зачастую, нескромные девушки.

Рассказы жителей о том, что в их местах партизан не было, но за 10 км были настоящие партизаны. Там, где были настоящие партизаны, немцы отвечали массовыми расстрелами и сожжениями. При отступлении убивали и уводили всех. Жители спрятались в соседний лесок. Увели 3 старух 70 лет, отца с 6 детьми (младшему 7 месяцев), мать убежала и сейчас живет здесь. Старушку 83 лет за двойную попытку бегства расстреляли и похоронили.

1943 год

9.12. Утром ехали в М. <Монастырщину? – К. С. >, немцы сбрасывали какие-то бредовые листовки. Впечатление такое, что в этих местах сожжено ~20 % общего количества домов. Есть деревни, от которых

не осталось даже труб – одни почерневшие кирпичи и изуродованный железный скarb.

11.12. Прилетел обратно в село С. Летели всего 30 мин. Сели на поле. Долго выбирали место посадки, наконец какой-то сердобольный майор указал нам его. Отправляя самолет обратно в деревню М-а <Монастырщина? – К. С. >, где прожили 3 дня, пришлось исполнять роль бортмеханика: крутить винт, придерживать самолет и т. д. За эти 2 дня жизни в а. п. <авиаполку. – К. С. > много говорил с летчиками – командирами эскадрилий. В одном из них чувствуется страшная усталость и колоссальное нервное напряжение. Он, как и другие комэски <командиры эскадрилий. – К. С. > имеет более 400 боевых вылетов на У-2. <...>

Выражения

Все; порядок, бенц, рубать, капать точно, давать жизни, давать дрозда.

За это время (особенно за последние 2 дня) я слышал много разговоров об отношениях с женщинами. Называются эти отношения: работать, поставить пистон и т. д. Все это обсуждается в самом простецком и добродушно-деловом тоне. Женщин, которых сейчас много в армии, приводят после первого же знакомства к себе в общежитие (в комнате иной раз бывает по 6 – 12 человек), товарищи начинают усиленно храпеть, а парочка развлекается себе до утра. Потом опять длительный перерыв. Эти события обсуждаются, естественно, заходит разговор о женах, супружеской верности и т. д., и все аргументы немногочисленных защитников благонравия бывают побиты «необходимостью спустить». Совершенно категорически следует подчеркнуть, что тут нет и тени разврата. Невольно вспоминаются известные стихи Светлова и Симонова, к нравственности которых мы в свое время относились с сомнением и справедливость которых для большинства я готов теперь не только признать, но и утверждать. Правильное – жизненно (не как правило).

12.12. Вчера вечером и сегодня утром сидел и писал записку о способах наведения на цель самолета с помощью двух прожекторов. Кое-что придумал. Кроме этого обдумываю вопросы направленной световой сигнализации. По этим делам стараюсь разговаривать с возможно большим количеством людей (штурманы, летчики, инженеры) и тяну из них все, что только возможно. <...> Светосигнальной службе не уделяется должного внимания, несмотря на то что для самой многочисленной ночной авиации – это единственное средство ориентировки.

Сегодня, быть может, я на 3–5 дней уеду в Москву. Так или иначе, первый период моей «фронтовой» жизни кончился. Основной вывод: удивительная дружелюбность армии и населения; дружба и дисциплина внутри армии и в некоторых случаях легкость и снисходительность в высказываниях о людях, живших в дружбе с немцами.

1) Косминский. История Средних веков. Перечитал еще первые 200 стр. (до Колумба).

2) С. Цвейг. Тайна Байрона (очерк)...

Все то же 12.12. Комедия моего отъезда в Москву продолжается. Сижу в деревне Б. (несколько км от Смоленска). 11 час вечера.

Завтра в 5 час. утра мы едем в Москву или на той полуторке, на которой мы приехали сюда и которая будет ремонтироваться всю ночь, или на «додже», который должен нас догнать. Если будет последнее, то этот треклятый «додж» останется в Москве на ремонт, и на чем я поеду обратно – неизвестно. Некоторое время я предполагал в этом случае возвращаться на полуторке назад, но теперь решил ехать при всех обстоятельствах. Три часа тому назад при полном освещении (лунном) пересекли Смоленск. Это город домов-скелетов и обгорелых труб. Жуткое впечатление производит длиннейшая улица, застроенная 3 – 5-этажными домами, от которых остались только одни стены. Я заметил всего лишь несколько больших уцелевших домов, да и то стоящих в стороне от улицы. Завтра у нас будет трудный день: придется с 5 утра и до поздней ночи ехать на машине. Не дай бог, если будет мороз или встречный ветер. Ну, жизнь скитальческая, вперед! Пока все было хорошо!

Р. Знаменитая Соловьевская переправа через Днепр (восточнее Смоленска), где при нашем отступлении погибло 15–17 10 3 автомашин. До сих пор туда ездят за запчастями.

16.12. Ровно через двое суток мы приехали в Москву. Спали за это время 2,5 час., последние 200 км шли на буксире у ЗИС-5, груженного сеном и отправленного в Москву специально для буксировки.

Большей авантюрной комедии никогда еще не было.

1944

14.01.1944

10 января выехал из Москвы по жел. дор. до С<моленска>, куда прибыл 13 в 7.0 и через 5 час. был на месте.

Р. Грозный горел 4 дня после единственного налета немцев, из которых сбили 29. Около 1000 человек задохнулись в дыму.

«Не садися на колени.
То считаю за позор.
Мы, во-первых, незнакомы,
Во-вторых, есть ухажер».

«Не садися на колени,
Помнешь юбку синюю.
Не хочу тебя любить,
Не заставишь силою».

«Я любимое колечко
Уронила в молоко.
Кому сердце отдала я,
Тот теперь далеко».

Р. ...4-х девушек с СБ в тыл с прекрасными чемоданами.

Р. Гризодубова кроет матом.

Немецкие... имеют средства радиолокации, которые используют для обнаружения наших самолетов.

Прифронтовые дороги, и наши, и немецкие, содержат в образцовом порядке: ежедневная расчистка снега, таблички, указатели и т. д. Много новых дорог. К.Т.Т. 50–47 = 3 (остался один старший лейтенант).

Живу в избе в 1 км до Белоруссии и в 8 км до линии фронта. Изба вмещает кроме нас (которым отведена лучшая и большая часть избы) 4 семьи – беженцы из Белоруссии (главным образом из деревень фронтовой полосы). Бедность, конечно, ужасная. До сих пор не могу выяснить, чем они питаются. В хате 9 человек детей от 1 до 10 лет, и визг и шум стоят целый день. Мужья у этих женщин на передовых, но они веселы, с удовольствием принимают посильное участие в наших развлечениях (у нас есть скрипач и баянист) и не проявляют абсолютно никаких признаков утомления или неудовольствия. Конечно, все они ругают тяжелую жизнь, с неохотой идут на расчистку дорог (на которую выходят целые деревни), но все это поверхность. Суть спокойна, наученная немцами.

Сейчас на нашем участке фронта тишина. Изредка только слышны оружейные залпы да пулеметная очередь.

Р. Между Брянском и Рославлем 84 эшелона взорваны партизанами. Партизаны были везде (в Брянских лесах). Они делились на бригады, а эти последние – на отряды. Каждому отряду отводился определенный район действий. Часть отрядов гражданские, а часть – военные. С питанием в глубоком тылу прилично, а у тех отрядов, которые расположены в 40–60 км от линии фронта, иногда ничего, а иногда неважно. Особенно туго приходится во время «гонки», продолжающейся не менее 15–20 дней. Для «гонки» наряжались по 2–3 гренадерских СС дивизий, несколько отдельных танковых групп и т. д. В это время забирается по 1 кг ржи, и человек им питается 15–20 дней. Живут в нормальное время, в хороших землянках. Каждый день топится баня (одно время была эпидемия сыпняка, который многие переносили на ногах в переходах по болотам и т. д.). Лошадей едят до кожи включительно. Очень страдают от невозможности в течение долгого времени разжечь огонь ни днем, ни ночью. Но зато после засад, во время которых погибает иной раз по 100–150 немцев при захвате обозов с продовольствием, бывают пиры и пьянки грандиозных размеров. В Орле зарегистрировано 3140 «морисков». В маленьком городишке 400.

Одна девушка под Смоленском, родив от немца, разбила ребенку голову со словами «Смерть немецким оккупантам!». Познакомился с несколькими девушками, которые скоро полетят туда.

2 партизана: один (бывший донбассовец) пробыл в Брянских лесах 26 месяцев, другой мальчик с Алтая.
<...>

У партизан выработался особый тип командира: это армейские офицеры, попавшие в окружение и ставшие партизанами. Многие из них начинали в отряде с простых пулеметчиков. Исключительная лихость, забулдыжность, полнейшее презрение к смерти – их отличительные признаки. У некоторых из них выработался своеобразный «командный язык» – вроде «Выходи строиться, гады!» или «За мной, бандиты!» и т. д. Армейские партизаны несут сравнительно небольшие потери, даже во время «гонки», но гражданские теряют до 80 %.

На нашем участке у противника дивизия занимает в обороне 4–6 км, не считая больших пехотных и танковых резервов в тылах армии и дивизий.

На 1 кв. км 750 у них и до 1100 у нас. Пленных сохранить – задача почти невыполнимая.

От шоссе В.-О. наших на несколько дней потеснили, но потом положение было восстановлено.

Немцы все время освещают передовую мерцающими ракетами.

«Полицаи душу вынимали»

«На столе стоит стакан,
На стакане крышка.
Скоро красные придут,
Полицаям крышка».

Наши «Дугласы» ходят в Югославию.

У партизан есть кожевенные и др. заводы. Имеются целые районы, в которые никогда не ступала нога немца.

22.01.44. Дня два назад была опубликована заметка «Слухи из Каира» с сообщением о секретных переговорах Риббентропа с двумя руководящими англичанами о сепаратном мире. На всех это произвело неприятное впечатление.

Идет освобождение Ленинграда. Уже взяты Новгород, Красное Село и др. (Мга!) Недавно двух знакомых комэсков наградили по третьему ордену. Праздновали. Водку копили из тех порций, которые они получали за боевую работу (по 100 см3).

Против партизан (пишу в темноте) действовали отряды и соединения власовцев. Здоровенные, спившиеся ребята «ожидающие момента», чтобы перейти на сторону партизан; при подходе частей К. А. большинство таких любителей «моментов» попросту вешали, иногда за ноги на березу.

В одну ночь патрулировавшие Ме-110 сбили над площадкой 7 «уток». Люди сидели 20 суток. Готовились к «гонке», остались одни на старом месте в ожидании машины, но, не дождавшись, были вынуждены пройти 70 км на соединение с отрядом. Для патрулирования выделяются асы-ночники, и это очень серьезная опасность.

25.01.44. Погода все время стояла отвратительная, но вчера, воспользовавшись временным прояснением, я провел заключительные полеты и теперь думаю, что через несколько дней тронусь в Москву, а потом может быть опять сюда. Болит нога только.

Ну и ругаются же подчас бабы в нашей избе! При обсуждении возможностей починки сапог одна из наших баб высказала весьма достоверное мнение, что из «жопы подметок не вырежешь».

Целые дни читаю историю Средних веков Стасюлевича и *Physikalische Formelsammlung*.

Там, где отступление немцев шло медленнее, уничтожено и сожжено больше. Я не думал, что до такой степени нуждаюсь в одиночестве. В данную минуту я уже 3 часа наслаждаюсь этим благом, читаю, считаю и пишу, и чувствую себя наверно блаженства, хотя я вовсе не мизантроп.

30.01.44. В невероятную погоду: дождь и метель одновременно, переехали в большое село С. Сегодня

должны были выехать в Москву, но до сих пор (около 15 час.) не тронулись с места.

В поезде по дороге из Москвы познакомился с лейтенантом Кривошеиным.

Бывший историк-архивист, артистическая натура, театрал и режиссер, он с первых дней войны пошел добровольцем. Сейчас начальник какого-то отдела на складе. Чувствуется тоска, усталость и скука. Достаточно пессимистически оценивает наше будущее.

Мины и оборонительный рубеж.

Погода с 15 по 30 стояла очень теплая, т. ч. я в своих унтах просто погибал.

Р. Корпус Белова прорвался, был окружен и с большим успехом сражался в тылу.

Зимой 41–42 года ж. д. под Дрогобужем (Москва – Смоленск) была перерезана в течение 3 месяцев.

Р. Одесса сдалась только после второго приказа, и в течение двух дней немцы в город не входили. Одесса вся была окружена кольцами минных полей.

В штабе Воздуш. А. построили новую столовую (землянка) с коврами и масляными картинами.

Возвращался в Москву с 31 по 3.02.44. на машине через Рославль с заездом в Шумячи, а потом по Варшавскому шоссе через Юхнов, Медынь, Малоярославец. Днем чинили покрышки и клеили баллоны, а ночью ехали. Спали по 2–3 часа. Измучились, конечно, основательно.

Невероятно дикое впечатление производит западная (каменная) половина Юхнова, которая даже стен не имеет. Через эту половину проходил фронт, и от нее остались одни руины, а может быть, и взорвана, потому что восточная часть, состоящая из хороших деревянных домов, так и стоит нетронутой.

На фронте песню любят. Особенно с военно-лирическим оттенком:

«Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви».

«До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – 4 шага».

На этом кончается книжечка с записями о командировке.

16.12. Три недели ездил на автомашинах по фронтовым дорогам. Записи об этом в блокноте № 1. Обобщить эти записи можно так. Поражает дружественное отношение народа к армии вплоть до самопожертвования. Партизаны были везде, по 1–2 отряда на каждую деревню. Партизаны могут быть разделены на 4 категории: боевые партизаны, о которых пишут в газетах (по всей вероятности, армейские отряды); отряды, нарушавшие хозяйственную жизнь; люди, скрывающиеся от немцев, и банды, работавшие под именем партизан. Зверства и угон населения происходили повсеместно, причем немало случаев угона стариков до 80 лет. В деревнях выгорело не более 20 % домов. Население сумело припрятать скarb. Города пострадали ужасно.

23.12. Дождь, снег, крупа и т. д., ежедневные обтирания снегом и гимнастика на морозе в течение 3 недель не причинили мне ни малейшего насморка. Но, приехав в Москву, я свалился с сильнейшим гриппом и только сегодня поднялся с постели. У меня, равно как и у Г., мнение, что сейчас в Москве бактериологическая война. Грипп достаточно «безобидная» для этого болезнь. Чума или холера слишком демонстративны. В Англии, кажется, тоже эпидемия гриппа. В Москве больны ~10 %.

26.12. Черт возьми! Когда налаживается жизнь в Москве, начинаешь интересоваться разными вещами, читаешь там что-то и т. д. А приедешь из командировки, да еще тогда, когда сейчас же надо опять ехать, вот тут ни черта не интересно, и живешь в поганом настроении, подвешенный между небом и землей. <...>

4.02.44. Вчера вечером вернулся с фронта, где я пробыл 25 дней. Туда ехал поездом, а обратно машиной через Рославль, Юхнов, Медынь. Окончательно убедился, что в армии руководящие работники значительно образованнее инженеров НИИ.

Под Ленинградом громадное наступление, наши части прорвали блокаду и подходят к Нарве и Луге. На юге окружены 9 пехотных и одна танковая дивизия (это половина Сталинграда).

12.02.44. Наши части окружили в районе Корсунь-Шевченковский 10 дивизий, а около Никополя – 5. Позорное для немцев повторение Сталинграда. Немцы сейчас до такой степени выдохлись, что даже не бомбят Вайнгунгу (порт Северного моря). Однако особенно оптимистичных точек зрения сильные мира сего не держатся.

Мои занятия Средними веками подвигаются. Я читаю и обдумываю не спеша всю эту путаницу событий и отношений. Конечно, это самый темный период мировой истории (особенно 6–9 века). Мне хочется почувствовать и, если так можно выразиться, изучить жизнь 8 – 10 веков германо-романских стран и Руси и дать их сравнение в виде очерков жизни и быта того времени. Франция, долгое время бывшая римской провинцией, получила большое культурное наследие от римлян, которое к 7–8 векам было изрядно забыто. Русь, непрерывно сдерживающая набеги кочевых народов, несмотря на отрицательное влияние этого факта на культурное развитие, в 9 – 10 веках как будто мало отличалась по уровню своего развития от своих западных соседей. <...>

17.07.1944. Взяты Вильно, Волковыск, Пинск и Гродно. Сегодня по Москве вели 56 700 пленных немцев и в том числе несколько генералов. Было специальное предупреждение милиции с указанием необходимости воздержаться от каких-либо эксцессов. Их таки и не было, но народу было масса, бежали толпы мальчишек. Многие ездили специально смотреть на это, действительно довольно занятное зрелище.

2.08. Мы переехали на дачу, и необходимость изображать некую породу выючных животных не дает мне возможности прикладываться к своим мемуарам. Ну, да это, впрочем, не так страшно. На фронте идет даже не наступление, а преследование. Несколько дней тому назад в один вечер было 5 салютов (20 X 224 каждый) по поводу: Даугавпилс и Резекне, Шяуляя, Белостока, Львова и Станислава. В Германии был генеральский мятеж, но, к счастью, он подавлен Гитлером. Мы захватили в плен более 20 генералов, 16 из которых написали коллективное заявление с призывом бороться с Гитлером во имя Германии. Один из них в тех же тонах выступил самостоятельно.

День, когда нет ни одного салюта, считается неудачным даже в том случае, если в сводке поминается одна-две тысячи освобожденных населенных пунктов. <...>

19.11. <...> Больше 1,5 месяца я был в командировке. Уехал из Москвы 8 сентября. 12-го был в Баку. 16-го сел на ГИСУ «Тбилиси» и 3 недели плавал по Каспийскому морю. Мерил прозрачность атмосферы и отдыхал. Побывал в форте Шевченко, на Астраханском 12 фуг. Рейде, в Махачкале. Записи обо всем в отдельном блокноте.

29.11. Сегодня около 6.00 утра умер после операции П. П. Федоров <вероятно, сотрудник ВЭИ. – К. С. >. В очень тяжелом положении осталась семья: жена – молоденький лейтенант войск НКВД, и 1,5-месячный ребенок. Не говоря о том уже, что их сейчас выселяет из комнаты хозяйка (бывшая), вернувшаяся из эвакуации. <...>

3.12. Вчера были похороны Петровича. Не скажу, чтобы эта процедура способствовала искоренению моего несколько мизантропического настроения. Переезды из ВЭИ к Склифосовскому и оттуда на кладбище были заняты разговорами на обычные житейские темы, шуточками, смехом и т. д. Утешение жены Петровича мне пришлось взять на себя. Она плакала, кричала и еле держалась на ногах... Был момент, когда она была без сознания... Сразу с кладбища мы поехали на поминки. Когда я вошел в комнату, где был накрыт стол, и увидел вдову (уехавшую с кладбища минут на 10 раньше нас), у меня глаза полезли на лоб от удивления: она была спокойна. Но этого мало; во время обеда она не только с большим аппетитом ела всякие там блюда, выпила несколько рюмок красного вина, но и улыбалась в ответ на некоторые шутки. Такая метаморфоза примирила меня с этим, более чем странным обычаем устраивать поминки; это убивает пустоту. <...>

31.12. Очередной «год окончания войны» кончился. Положение на фронтах отличное. Будапешт окружен и на днях будет наш. В Венгрии сформировано новое правительство. На западе немцы примерно недели 3 тому назад начали крупное наступление, широко разрекламировали его и опозорились.

1945

<...> 12.03.45. Первый месяц весны принес нешуточные морозы. Солнце светит по-весеннему, но уши и щеки подмерзают основательно.

Наступление Красной армии продолжается весьма интенсивно. На правом берегу Одера остались Данциг и Кенигсберг, не считая полуострова между Любавой и Ригой. Многие едут в Германию вывозить оборудование. Сегодня и меня чуть не послали туда же, но я отказался из-за МЭИ, где я теперь работаю на кафедре физики. Работа преподавателя мне очень нравится, на уроке чувствую себя совершенно свободно...

Приблизительно через месяц после конца войны С. Г. Юрова вместе с Ефимом Самойловичем Ратнером все же отправляют в Германию. Им было поручено вывезти оборудование завода Цейса. Для «повышения авторитета» прадед получил тогда звание майора.

14 июля. После пары дней ожидания мы вылетели в Германию в 6 ч. утра. Компания подобралась весьма солидная: в Вену направлялась группа московских артистов, в числе которых были Оборин, Уланова (!!!), Ойстрах, Кнушевицкий, Шпиллер, Жак и др. Уланова и еще одна балерина (с грузинской фамилией) немедленно разлеглись на полу, а остальные устроились, кто как мог: на боковых полотняных скамейках для лежания (самолет – санитарный «Дуглас»), на чемоданах и т. д., теснота была невообразимая, но компания подобралась смирная, и никаких пререканий слышно не было.

Погода хорошая, иногда лишь внизу была сплошная облачность. Через 4,5 часа мы пересекли Днепр и приземлились в Киеве. Через час вылетели дальше и часа через 4 сели в Глейвице <сейчас Гливице в Польше, а в то время это был городок в Силезии. – К. С. > на военном аэродроме. Германия сверху поражает своей упорядоченностью и, несмотря на недавно отгремевшие бои, прилаженностью. Дороги, поля, деревушки сменяют друг друга с удивительной четкостью. Нет переходных форм между природой и населенным пунктом. Особенно поразило нас впоследствии это сосуществование промышленности, городской жизни, сельского труда и нетронутых уголков природы, причем они совершенно не мешают друг другу. В этом чувствуется старая культура и уважение к зелени и к лесу.

Раздобыв трофейную немецкую машину, мы двинулись в Беутен, где, по нашему мнению, должно было находиться то учреждение, в котором мы должны были получить необходимые инструкции. Путь от Глейвица до Беутена сплошь застроен. Однотипная немецкая архитектура, заводы и пригородные хозяйства. Слабопересеченная местность. Везде зелень. И Глейвиц, и Беутен разрушены сравнительно несильно, но много домов просто брошено. В Беутене стояли около 1,5 часа, и пока Е. С. <Ратнер. – К. С. > ходил на переговоры с начальством, я имел первый разговор с «немцами». Это были три девочки лет 7 – 10, которые много смеялись и настойчиво просили хлеба. Больше всего их интересовало, будут ли в Беутоне поляки, перед которыми все немцы испытывают панический ужас. Действительно, судя по рассказам, поляки (и чехи) относятся к немцам значительно более сурово, чем русские. Примерно через 1,5 часа мы тронулись в Бреслау <Вроцлав, Польша. – К. С. >, попросив нашу машину подвезти нас до Пейскрегама. Шел дождь. Здесь мы поймали польскую машину, шедшую в Оппельн <Ополе, Польша. – К. С. >. На ней ехало человек 10 поляков – штатских с повязками и ружьями (милиция) и военный. В Глейвице, Беутене и других городах, которые в то время только что осваивались польскими властями, повсюду <?> и бары, кафетерии и т. д. Проехали Гроссштрелиц и вскоре пересели на другую машину, которая шла в Бреслау. О качестве немецких дорог, количестве зелени, благоустроенности и чистоте деревень писать не стоит: все это известно. Но сейчас на этом фоне происходят интереснейшие и величайшие события, детали и мелкие факты которых стоит отметить. По дорогам тянутся отдельные группы немцев, которые, нагрузив немногочисленный скarb на тележки и главным образом на детские коляски, пробираются в центральную Германию. Дело в том, что на первых порах польские власти применили в этих районах политику

массового выселения немцев, что, правда, вскоре было прекращено. Однако методы, применявшиеся при этом, так запугали немцев, что они, бросая все (и неубранные поля в том числе), уходят на запад. Над этими районами явно висит угроза голода.

В сторону России тянутся обозы с демобилизованными старших возрастов, прихвативших по дороге репатрируемых женщин и девушек. Телеги нагружены всевозможным барахлом вплоть до диванов, пружинных матрацев и т. д. На каждой телеге красный флажок, на многих лозунги.

Часто попадаются польские обозы или колонны грузовиков, тут и военные, и гражданские обозы с переселенцами, направляющимися для расселения на новых местах. Страна, по которой мы проезжаем, была густо заселена и хорошо обрабатывалась. Не доезжая до Оппельна, мы пересели на другую машину, которая шла до Бреслау, однако на ней мы много не проехали, потому что она должна была заехать куда-то дальше, и перебрались на последнюю в этот день машину, на которой добрались через Оппельн и Брик до Бреслау. Остановились у военной комендатуры, которая помещалась в здании «Polizei Presidium'a». Красивое и солидное здание (модерн), которое неизвестно почему сохранилось почти целым посреди всеобщего разрушения. Город выдержал многомесячную осаду, и многие кварталы его представляют собой сплошные развалины либо скелеты домов. По дороге в гостиницу (собственно «комната отдыха для приезжих офицеров») нужно переходить по мосту через Одер. Даже сейчас это место обращает на себя внимание своей исключительной красотой. День этот был очень тяжел. Слегка закусив, мы заснули как убитые.

15.07. Гостиница в Бреслау помещается недалеко от берега Одера. Принадлежала она, вероятно, к числу третьеразрядных, а сейчас можно только догадываться, сколь уютно тут было прежде.

Нам счастливо удалось поймать машину на Лигниц <Легнице, Польша. – К. С. >. По дороге она испортилась, благодаря чему мы получили возможность провести часок на лоне прелестных мест. Рядом стояла брошенная деревенская изба с электричеством и т. д.

Лигниц разрушен сравнительно мало, но сейчас много домов брошено. Город озеленен, пожалуй, больше, чем другие, виденные нами немецкие города. В Лигнице мы стояли около 3,5 часа. За это время я успел бегло осмотреть лежащий рядом парк, купить часы и поговорить в течение 1,5 часа с одной полькой. Разговор начался более или менее случайно. Потом был Версаль, Трианон, особенности и красоты разных языков, индусское искусство, отношения между русскими и поляками, между поляками и немцами, внешняя грубость русских и т. д. Было очень интересно установить с этой весьма образованной женщиной, бывавшей в России и много жившей за границей, некоторые (пожалуй, многие) общие точки зрения на принципиальные вопросы и расхождения по отдельным темам. Она сказала по моему адресу несколько комплиментов, которые доставили известное удовольствие. Она жила в Варшаве и после «восстания Бур-Комаровского» <Варшавское восстание 1944 г. под руководством генерала Бур-Комаровского. – К. С. > была отправлена в один из саксонских лагерей. Потеряла почти всех своих родных. Собирается ехать кого-то разыскивать. Тем не менее она думает об искусстве и несет к себе домой чеканное индусское блюдо.

Вскоре мы с Е. С. <Ефимом Самойловичем Ратнером. – К. С. > сели в малолитражный «опель» и через Zeh поехали в Болькенхайн <Болькув, Силезия. – К. С. >. Городок в горах. Дорога петляет наподобие крымских, на каждом повороте хорошие картинки. Пара замков (не очень старых), примостившихся на вершинах крутых холмов, и типичные краснокирпичные деревушки. В Болькенхайне завод. Вплотную к нему подходят лес, горы, луга, и они отнюдь не мешают друг другу. Впечатление несколько искусственное – стиль художников-лубочников.

Из Болькенхайна тронулись во Фрайбург <Свибоджице, Польша. – К. С. >. Городок сохранился полностью. Немцев еще много, а поляков мало...

Военный комендант, у которого я временно остановился, живет в квартире какого-то богатого торговца. Сейчас его нет, но ужасающе безвкусная благосостоятельность его жилища осталась и по сей день. Сделано все очень доброкачественно, но содержание бесконечно тоскливо. Кактусы, увитые золотыми и серебряными нитями, «украшенные» елочными шарами, картинки с амурами, психеями и пр., таблички с нравоучительными и философскими изречениями, коврики, салфеточки, слоники и т. д. Кроме того, газ, электричество, крытая терраса и пр. В этом убежище я прожил 2 дня, а затем, когда подъехали

остальные, мы перебрались в «Hotel zum Hirsch» непосредственно в квартиру бывшего владельца отеля. Опять безделушки, но в меньшем количестве. По всей вероятности, в силу того, что квартира эта посещалась до нас весьма большим числом лиц (которые, по-видимому, были очень активными поклонниками «красоты»). Хозяин в свое время служил во флоте, до 1943 г. включительно выписывая «Морской календарь», любил лечиться, вел переписку по каким-то мелким делам и, судя по всему, совершенно напрасно покинул свой родной городок. Во Фрайбурге мы работали с 16 по 20 июля. Приходилось много иметь дела с немцами, которых было у меня 70 человек. Они поражают своей аккуратностью, организованностью и, что самое удивительное, своей рабочей мелкой инициативой. Если им говорится, что этот предмет можно завернуть только в мешковину, то они сами достают соломы и в мешок кладут соломы.

Фрайбург – мелкий провинциальный городок; он не имеет ни одной незамощенной улицы и начинается сразу, без предварительных помоек, пустырей и т. п. – необходимых аксессуаров наших городов, как провинциальных, так и не провинциальных.

Кстати, о немецкой покорности и полном непротивлении в настоящее время. Мне кажется, что это в сильной степени результат нацистской идеологии, подразделявшей людей на господ и рабов. Увидев, что у них явно не получилось с мировым господством, немцы решили считать других господами, а себя слугами.

20 июля мы ездили в Чехословакию. Граница охраняется только несколькими польскими солдатами. Как только въехали в чехословацкую деревню, сразу стали попадаться немцы с белыми повязками с буквой «N» (с 6-летнего возраста) <«N» обозначает, по-видимому, «немец», т. к. «немец» по-чешски – «Němčina». – К. С. >. Домики имеют тот же тип, но все приняло какой-то грязноватый оттенок. Дорога горная, на каждом повороте открываются картины благосостояния. Ни одного клочка нетронутой земли. Во всем порядок и законченность.

21.07. Мы ездили в классические места Рюбецала. Маршрут Фрайбург – Болькенхайн – Ландесхут – Шмидеберг (~120 км). Дорога петляет, проходя то по травянистым склонам, то в кленовых и липовых лесах. На обратном пути мы остановились и завтракали. Пили вино, стреляли в цель. По дороге я зашел в первый попавшийся дом и запросто купил букет красных роз. С сожалением думал о том, что то же самое было бы значительно приятнее в другой ситуации.

22.07. Утром выехали в Берлин. Сначала получилась путаница с машинами: никак не могли встретиться на автострате. Дремали в тени, поджидая отставшие машины. Наконец, все соединились и тронулись в путь. Приехали поздно ночью. Произвела впечатление автострада. Правда, она не закончена на всем пути, но даже в таком состоянии это громадное удобство. Много брошенных детских колясок, горящие или, вернее, тлеющие леса, разбитые танки и автомашины. Некоторые мосты на пересечениях взорваны. Весь путь от Лигница до Берлина идет, на первый взгляд, по совершенно необитаемой местности, заросшей низкорослым густым, почти на 100 % сосновым лесом. Ни одного домика на пути. Только пересечения (в разных плоскостях) с другими дорогами, съезды и несколько колонок «Schell». В некоторых местах ландшафт приобретает вполне угрюмый и необжитой характер, иногда же видно, что лес искусственного происхождения. Поздно ночью приехали в город. Проблуждав некоторое время в пригородах и не без труда найдя «Комнату отдыха для приезжих офицеров», улеглись спать. Остановились мы в районе «Обершеневейде» в доме, состоящем из двухкомнатных квартир. Тут стиль уже несколько иной. Стенные шкафы, чистенькая кухня, мебель (то, что осталось) с удобными дверцами, голландское отопление, и тут же с одного из шкафов свешивается елочная гирлянда из зеленой канители. На следующий день, выбрав свободный час (40–50 мин. свободного времени), мы поехали прямо на «студебеккере» осматривать Берлин. Были, конечно, на Александерплац, проехали через Бранденбургские ворота и добрались до Рейхстага. Центр Берлина (в поперечнике ~6 км) представляет собой страшное зрелище. Это сплошные руины, и только кое-где виден сохранившийся скелет дома без крыши, потолков и окон. Работа по расчистке ведется не интенсивно. Рейхстаг в ужасном виде. Нам показывал его бывший портье, знающий три языка (фр., нем. и англ.) и отрекомендовавшийся членом КПГ <коммунистической партии Германии. – К. С. >. Около Рейхстага, находящегося в английской зоне, возник своеобразный

международный рынок. Тут англичане, предприимчивые американцы, торгующие прямо с автомашин, немцы с разным барахлом, изрядное количество русских. Торговля, несмотря на плохое (точнее говоря) полное незнание языков, идет бойко и успешно.

Пару дней провели в Берлине за приведением в порядок документации, отправкой части нашего груза самолетом в Москву и дальнейшим изучением города. Ездили, конечно, на метро, в котором я не нашел всех тех недостатков, о которых все рассказывали. Действительно, низкие потолки, мало света, но зато разветвленность и мелкое залегание. Поезда похожи на наши. В городе много жителей (около 3 10 6 чел.). Работают кино, театры, варьете. В одном из последних (International Grossvarieté, Direktion Franz Paszotta) мы побывали. Зал большой, но довольно жалкого вида. Большинство номеров весьма низкого качества, но пара номеров (велосипед и ролики) первоклассны («prima»). Публика наполовину немцы (3-й сорт В), наполовину русские.

Берлин сер и, по всей вероятности, красотой, несмотря на значительное для столицы количество зелени, не отличался. Побывали мы в гостях у немцев-ученых. Разговор шел весьма непринужденно. Много смеялись, слушали игру на скрипке.

26 июля. Поймали машину, которая обещала вывезти нас на автостраду с тем, чтобы потом ловить машину на Дрезден. Сначала мы довольно бестолково ездили по пригородам Берлина, как вдруг начальника наших машин (2 студебеккера) укусила какая-то муха, и он, круто повернув назад, заявил, что он едет в Дрезден (!?). В тот же день к вечеру (с одной полумкой-стоянкой) мы прибыли в этот чудный город. Т. е. раньше он был хорош, а под конец войны американцы и англичане сделали в течение суток 3 налета и разгромили в пух и прах центральную часть города. Из 700 тыс. жителей погибло 250 тыс. Сейчас это сплошные развалины еще хуже, чем центр Берлина.

В Дрездене мы провели три дня, остановившись в Park Hotel'e на высоком берегу Эльбы. Здесь новая часть города Neustadt <Новый город. – К. С. >, а на другом, низком берегу Altstadt <Старый город. – К. С. >. Именно здесь, почти на берегу Эльбы, расположены дрезденские знаменитости: галерея, оперный театр, старая кирха, соединенная ходом с замком королей Саксонии. Весь этот ансамбль образует в своем центре театральную площадь с памятником королю Иоганну посередине. Постройки различных времен, но все вместе, даже в теперешнем, полуразрушенном состоянии (все можно восстановить), производит весьма хорошее впечатление. На одной из стен замка, выходящей в переулок, имеется колоссальное панно, изображающее генеалогию саксонских королей от мифических времен до конца 19 века. Трудно определить, как это сделано (граффити?), но как размеры (метров 70 X 4), так и качество говорят сами за себя. Народу в городе еще больше, чем в Берлине. Подавляющее большинство хорошо одеты, оживлены и веселы. Район высокого берега (Weisser Hirsch) соединяется с низкой частью как трамваем, так и фуникулером (Standseilbahn). Есть также подвесная дорога, но ей мы не пользовались.

Весь город буквально утопает в зелени. Сады, парки, а немного ближе к окраинам огороды и фруктовые сады с прекрасными яблоками, грушами и сливами. Многие дома, так же, впрочем, как и в других местах, до самых крыш (2-го, 3-го, 4-го этажа) увиты плющом или диким виноградом. Жизнь в городе как будто налаживается. Висят плакаты о спортивных состязаниях и праздниках, работают кино, театры, концертные залы, варьете. Немцы имеют достаточно откормленный вид, что и неудивительно, если принять во внимание, что они получают, например, более хороший хлеб, чем офицеры оккупационной армии. <...>

Воспоминания о Дрездене пока что относятся к единственным почти приятным в эту поездку, если, правда, не считать экскурсию в Шмидеберг, где вполне можно было вообразить, как приятна была бы эта прогулка в несколько ином окружении. Нужно сказать, что настроением в течение всей этой поездки я похвалиться не могу. Иногда меня просто охватывает тоска и тяжелая горечь.

Я не могу описывать всех тех мелких новостей о жизненном укладе и главным образом материальном уровне, которые мы узнавали на каждом шагу (а очень жаль, что не описал!). Об этом кто-то из нас правильно сказал, что все то, что у нас было всем нам ясно, теперь становится туманным и непонятным, и наоборот...

29 июля вечером мы сели на поезд, отходивший с Bahnhof Neustadt, и поехали в Котбус. Вагоны не

спальные, но все же мы немного поэскимосничали (Маяковский «Бруклинский мост»).

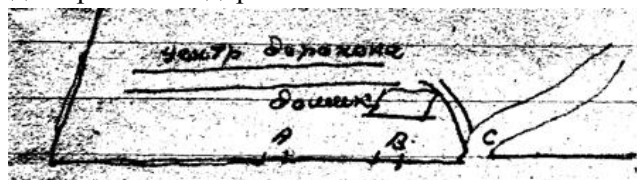
Поезд немного задержали с подачей, потому что какие-то поляки-эмигранты украли из некоторых купе мягкие подушки. Но отошли мы точно и часов около 2-х ночи или немного позднее прибыли в Котбус. Средняя скорость ~20–23 км/час, а «студебеккер» 50–60 км/час. Сначала мы долго ходили по путям, прямо на которых беженцы жгли костры, потом попали в полуразрушенный блокпост, в котором оставили И. К. с вещами, а сами с Е. С. <Ефим Самойлович Ратнер. – К. С. > отправились в город. Примерно минут 30–40 мы блуждали среди сплошных руин, в которых часто попадались остовы подбитых танков. Не найдя никакой гостиницы, пошли к коменданту и проспали у него в купе (он помещается в вагоне) до 8 утра. Котбус – узловая станция с большой пропускной способностью, и то, что осталось от перронов и вокзальных построек, кишит всевозможными беженцами, демобилизованными, репатрируемыми и т. д. Даже не умывшись, мы тронулись в дальнейший путь.

На этот раз способом «zu Fuss» (пешком). Пройдя около 2 км, мы наткнулись на автобазу, с которой отходила машина почти до самого Лигница.

Ехали быстро и без задержек. Не доезжая ~50 км до Лигница, сошли и под полуобвалившимся мостом стали караулить попутную машину, пользуясь тем, что в этом месте все они сильно сбавляют скорость.

Позавтракали (так и не отогрелись после утренней езды) и поймали через час с небольшим громадный красный автобус, на котором и доехали по автостраде до съезда на Лигниц. Тут поймали еще машину и прибыли в Лигниц. Обычная планировка среднего немецкого городка. Узкие, запутанные улицы. Marktplatz в центре. Посередине площади строение в 2–3 этажа с колоннами и сводами. Сейчас эти площади в Силезии переименованы в Rynek. Дома высоки, этажа 3, а иногда 4. Многие из них сохранили черты архитектуры 15–17 вв. В городском саду оранжерея, превосходящая по своим размерам оранжерею Московского ботанического сада. Вечером гуляли по улицам и нашли уже открывшуюся польскую кофейню-бар «Красная мельница». Переночевали в Лигнице и на следующий день (31.07.45) отправились в Ландесхут, поймав очередную машину тут же, у подъезда нашего обиталища в Лигнице. Последний меньше Лигница по размерам, но центральные части этих городков схожи как две капли воды. Здесь нам нужно было срочно купить краски для маркировки грузов.

14.08. А мы все еще в Йене. Вчера в первой половине дня я ездил в Weimar для выяснения условий выезда с автобусом на Берлин. Город весьма оживлен и сравнительно мало разрушен. Хорошие улицы и, как это ни странно, нет трамвая. Мельком посетил Гетевский сад. Сейчас он запущен, грязные дорожки, поломанные изгороди. Хорошо, что нет никаких мемориальных досок. В саду стоит двухэтажный полудеревенский домик, в котором также жил Гете. Во время посещения был забавный эпизод (см. план). Я стучался в центральную калитку «В», на которой висит соответствующее объявление и часы посещения. Никто не отвечает. Из проломчика в изгороди «С» выходит благообразный немец, который принимает самое живое участие, чтобы помочь мне пройти в сад. Он подводит меня к «В», стучит, взывает, и все напрасно. Тогда он разводит руками и говорит, что, очевидно, пройти нельзя. На прощание он, встав в соответствующую позу и указывая на домик, с пафосом декламирует какое-то стихотворение Гете, после чего уходит. Я решил лезть через забор и, чтобы не делать этого на открытом (хотя и совершенно безлюдном) месте, я пошел к дырке «С». Когда я вошел внутрь, то увидел, что никакого поперечного забора нет и от «С» к домику ведет приличная дорожка.

Вчера вечером были на концерте джаз-оркестра (с пением, танцами и акробатикой). Сам концерт пустяковый, но помещение Volkshaus'a, принадлежащего фирме Zeiss, равно как и внешний вид зрителей, произвели на меня достаточно сильное впечатление.

Сегодня ходил по книжным магазинам и накупил Вере книг. Просто не знаю, как я все это повезу. Количество книг в магазинах просто удивляет.

16.08.45. Сегодня мы из Йены совершили экскурсию в Геру, воспользовавшись свободным днем.

Погода выдалась на редкость славная. Почти весь день светило солнце. Мы выехали рано утром и часа через 2 езды по пересеченной местности в обычном немецком поезде прибыли в Геру. Последняя по размерам и благоустроенности значительнее Йены. Особенно приятно было наблюдать то обстоятельство, что город, во всяком случае центральная его часть, полностью сохранился, улицы наполнены оживленными потоками людей, большинство магазинов торгует (и у них есть чем торговать {Sic!}). В городе много общественных столовых. В одной из них мы пили пиво. Чистота, аппетитные запахи, несмотря на большое количество людей, полный порядок и большие порции мясных кушаний. Нужно сказать, что Г., пожалуй, наиболее процветающий город из всех виденных нами немецких городов. Вечером были последний раз на заводе Цейса, а завтра выезжаем утром в Веймар и оттуда в Берлин. Очень хочется поскорее попасть в Москву. Вчера во второй половине дня бегло осмотрели завод Шота. Пожалуй, интереснее всего было то, что оптическое стекло, которое варится в горшке на 1,5 тонны, выливается после варки в изложницы и получается в виде плиты с толщиной примерно 30–35 см. Плита обжигается в течение нескольких недель, затем просматривается на глаз с помощью поляриз. прибора, после чего она не разрезается, а разламывается на куски по местам свилей и других пороков. Полученные параллелепипеды разной величины шлифуются, полируются с двух сторон и контролируются еще раз. Особенно интересна техника разламывания. Кусок надрубается в нужном направлении с помощью зубила и затем разламывается на ручном прессе.

20.08. 17.08. мы выехали из Йены. Сначала нам почти удалось поймать прямой «студебеккер» до Берлина, однако мы задержались на 20 мин., и он ушел без нас. Попытка догнать его на «опеле» успехом не увенчалась, и мы поехали в Веймар, рассчитывая тут же утром попасть на рейсовый автобус. Когда мы приехали в военную комендатуру, то оказалось, что автобус еще не ушел, но должен уйти часов в 11–12 с «посадочной площадки». Затем мы в течение 0,5 часа искали эту площадку, указатели к которой развешены по всему городу, а когда нашли, то оказалось, что хозяйка квартиры, отведенной для ожидающих, ни разу еще автобуса не видела. Мы обратились в близлежащий автоотдел, но и там про автобус слышали, но ни разу не видели. Регулировщики (дорожные) утверждали, что они несколько раз видели автобус и что он отходит именно с площадки. Вконец сбитые с толку, мы оставили вещи на посадочной площадке (и одного человека) и принялись рыскать по городу. Наконец он (автобус) был найден у комендатуры, приведен на площадку, о которой водитель и не слышал, и мы поехали. Обедали в Вейсфельде, в Мерзебурге сбились с дороги (на Хале), выехали на автостраду, с которой вскоре свернули в сторону, и ночевали в маленьком городке Цербиг (~5000 жителей и несколько маленьких фабрик). Ночевали в гостинице с паровым отоплением, коврами, телефоном к портье <?>, свежайшим, хотя и старым бельем и прекрасными ужином и завтраком. За все это за 6 человек я заплатил 42 марки (Sic!). Рядом с гостиницей стоит старинная (13 века) башня от бывшей городской стены. Кстати о ценах на промтовары: эмалированное ведро стоит 1,9 м., а таз – 2,2 марки.

Утром поехали дальше по маршруту Wittenberg, Treuenbritzen, Potsdamm, Berlin. В Wittenberg'e интересная Schlosskirche, на дверях которой Лютер прибил свои знаменитые тезисы. У кирки гигантская башня.

19.08. было воскресенье, которое мы посвятили осмотру города. Были на Курфюрстендамм. Солидная, фешенебельная, хорошо сохранившаяся улица с большим количеством кабаре и варьете. В одном из последних мы были. Некоторые номера были очень хороши технически (говорящий жонглер, канатоходец с лестницей, кольцами и т. д.). Были весьма легкие и непринужденные шутки вроде: «С 33 по 45 г. мы учились в плохой школе, теперь учимся в другой с неопределенным сроком. Вообще учиться приходится многому. Например, раньше мы думали, что Uri – это кантон в Швейцарии, а теперь с приходом русских узнали, что это значит что-то другое», и еще в этом роде. В американской зоне русских военных было очень мало. На обратном пути нас задержал патруль. Оказывается, без дела туда ходить нельзя. Ну, мы с помощью начальника патруля сказали, что мы по делу. Хочется домой, но когда поедем, не знаю.

В субботу, т. е. в день приезда, были в кино. «Die Kellnerin Anna». <...>

26.08. Живем в Берлине в офицерской гостинице. Совершенно для меня неожиданно вчера я был

назначен начальником эшелона нашего института, идущего в Москву. Все это было бы неплохо, если бы эшелон был уже готов. К сожалению, он сейчас еще только грузится и отправится не ранее чем через неделю.

Целые дни мы заняты работой. Дел так много, что почти не замечаешь, что делается кругом. Вчера говорил с очень известным немецким физиком Ромпе. Он очень прилично, даже превосходно, говорит по-русски и вместе с тем является человеком с широкими горизонтами. Во-первых, он рассказал интереснейшую историю с разработкой атомных бомб в Германии. Оказывается, над ними работало весьма большое количество людей – молодых физиков-энтузиастов, руководимых головкой старых физиков, которые, понимая, чем это пахнет, не только сознательно тормозили и саботировали работу, но и извещали обо всем Н. Бора, который лишь 1,5–2 года тому назад уехал в Америку. Деятельность такого рода была результатом специального совещания этой головки. Немало интересных вещей рассказал Р. о настроениях немцев во время войны. Он вспоминает, что ночь с 21 на 22 июня 1941 г. он провел на вокзале. Когда он вышел примерно в 5–6 утра, то увидел на стене надпись мелом: «Гитлер сдохнет». В Германии была головка заправил, которая, поверив в собственную пропаганду, потеряла здравый смысл и не хотела знать действительность. Так, например, в 1939 г. один известнейший немецкий географ после турне по СССР напечатал весьма объективную работу на эту тему. Она не была допущена до Гитлера и Геринга. Когда ему же поручили составить специальный доклад о России (по материалам книги) для Гитлера, ему сказали, прочитав его, что доклад не совпадает с мнением фюрера и должен быть переделан. Географ ушел в отставку. Ромпе утверждает, что каждый, кто хотел знать правду (о СССР, в частности), знал ее. Многие не сочувствовали Гитлеру, но был вместе с тем массовый гипноз. Из всех немецких деятелей Р. считает Геббельса наиболее выдающимся. Еще в 25 году он предлагал свои услуги с.-д. партии, но, не сторговавшись, пошел к фашистам. Это был большой специалист по массовой пропаганде. Он владел речью и пером, как никто, и, по мнению Р., жаль было, что он растрачивал свои способности на такую дутую и пустую пакость, как нац. – социализм. Впрочем, говорят, что народ больше любил слушать Геринга. Считалось, что он всегда говорит «правду». По всей вероятности, действовала его «представительная» фигура.

Недавно был опубликован первый список военных преступников: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей и т. д. К сожалению, не хватает еще 3-х Г., но один из них, без сомнения, мертв – Гиммлер, другой – не наверняка – Геббельс, а третий – заправила всей компании – явно канул (пока что) в неизвестность. Теперь я начинаю понемногу узнавать немцев. Это безвольный и глуповатый, но вместе с тем добросовестный и работающий народ. Они жизнерадостны и производят хорошее впечатление. Просто непонятно, как мог их Гитлер <соблазнить>? Хотя с другой стороны, может быть, сейчас осталась часть населения, наименее затронутая пропагандой? Душа чужого народа – потемки! Зачастую ее можно узнать только с каких-то определенных сторон, но понять нельзя. Боюсь, что в данном случае действует почти принципиальная невозможность.

Кстати, уже 6.09, а я все еще в Берлине и за последнюю неделю не получил ни одного вагона. Сколько времени продлится еще эта история, неизвестно. Наше путешествие явно затягивается и очень надолго. За последние дни видели два фильма «Ein Froehliches Haus» – совершенно идиотская комедия, «Gasparone» – оперетта с участием Марики Рекк. <...>

13.09.45. Ну, кажется, я доживаю последние дни в Берлине. Мой состав почти готов и дня через два будет подан на основную магистраль. Мне лично вся эта история настолько надоела, что я нахожусь в состоянии, близком к прострации. Устал, голова тяжелая, глаза дергаются и тошно. Я уже почти не верю, что у меня где-то есть семья и хоть и очень простой, но домашний уют.

Совсем недавно, дней 5 тому назад, мы с Е. С. были в варьете, темой представления которого был, судя по некоторым номерам, Берлин. <...> Во время исполнения многих номеров молодежь подпевала и прихлопывала. Под конец все встали и с жизнерадостнейшими лицами подпевали во весь голос труппе, которая в полном составе исполняла какую-то песню о «прекрасном Берлине». Сейчас я вспомнил (пишу уже в поезде), что в одно из воскресений (7 или 9 сентября) мы с Е. С. были на общественном поминании жертв фашизма, происходившем на стадионе Нейкельн, рядом с аэродромом Темпельгоф.

На стадион немцы шли организованно, пели революционные песни, несли флаги и плакаты. Чувствовался подъем и искренность. Церемониал проходил в чередовании музыки и выступлений

ораторов, в том числе бургомистра Берлина д-ра Вернера. Организация была плохая, но смысл всего происходящего столь значителен, что наблюдать все это без волнения было невозможно. Нас усадили в первом ряду почетных гостей, до бесконечности фотографировали и т. д.

20.09.45. Стоим на каком-то польском разъезде в 100 км от Кутно. Едем вторые сутки. Оформлен состав был вечером 15.09, но только 18.09 его начали вытягивать на станционные пути. Начало было не очень удачное. Я поймал паровоз буквально на путях, но он сошел с рельс (только бегунки), загородив нам путь. Однако, через 3 часа его убрали и нас вытянули. В 02.20 мин. 19.09 мы тронулись в путь. В 10.30 были во Франкфурте-на-Одере. Все пути забиты эшелонами с репатрируемыми, демобилизованными, оборудованием. Эшелоны, идущие по «узкой» (европейской) колее, стоят по 3–5 дней. Репатрируемые, главным образом женщины, устраивают грандиозные стирки, варки и т. д. Такой состав, перед которым расположились прачки и кухарки, в котором на нарах в самых живописных позах расположились взрослые и дети (их очень много всевозможных возрастов от 1 г. до 7–8 лет) и на которых сооружены навесы и шалаши едущими на крышах, представляет собой изумительно живописное зрелище. К вечеру организуются парочки, тут же бродят голодные и грязные немецкие военнопленные и лежат умершие старики и старухи. Грязь и толчея невообразимые. Только в 22.30 мы выбрались из Франкфурта и, проехав 8 км, пересекли польско-немецкую границу. По Польше наше продвижение началось значительно лучшим образом, и в 8.30 мы прибыли в Познань, где произошла смена бригады. В 11.30 отошли от Познани и тронулись в дальнейший путь (пишу по памяти 25.10.1945, уже находясь в отпуске).

21 сент. Рано утром мы были в Кутно и часов в 12 приехали в Варшаву. Польша до Варшавы, несмотря на красочерепичные крыши, все же сильно отличается от Германии. Народу много, но порядка меньше, а грязи значительно больше. Одеты плохо, но даже и из-под лохмотьев часто выглядывают красивые женские лица. Состояние несколько напряженное, слишком много было слышано о неприязни между поляками и русскими, о нападениях на транспорты, крушениях и т. д. В Варшаве мы стояли около 14 часов. Удалось побывать в городе. Наш маршрут от «Варшавы Западной» пролегал по улицам Маршалковской и Иерусалимской. Это лучшие улицы города. Несмотря на то что они сильно пострадали, можно представить себе, что никогда особой изысканностью и столичностью они не отличались. По сравнению с некоторыми провинциальными немецкими городами это все же провинция, хотя и богатая. В центре города, под землей, находился главный городской вокзал. Во время «восстания Бур-Комаровского» он был взорван, и теперь на углу Маршалковской и Иерусалимской громадный котлован, загроможденный железобетонными плитами. Некоторые кварталы города похожи на Berlin – Mitte или Dresden – Mitte, но в среднем он сохранился, пожалуй, лучше. Улицы нам показывал один студент, возвратившийся из немецкого плена, и сержант, вернувшийся оттуда же. Многие, очень многие говорят по-русски.

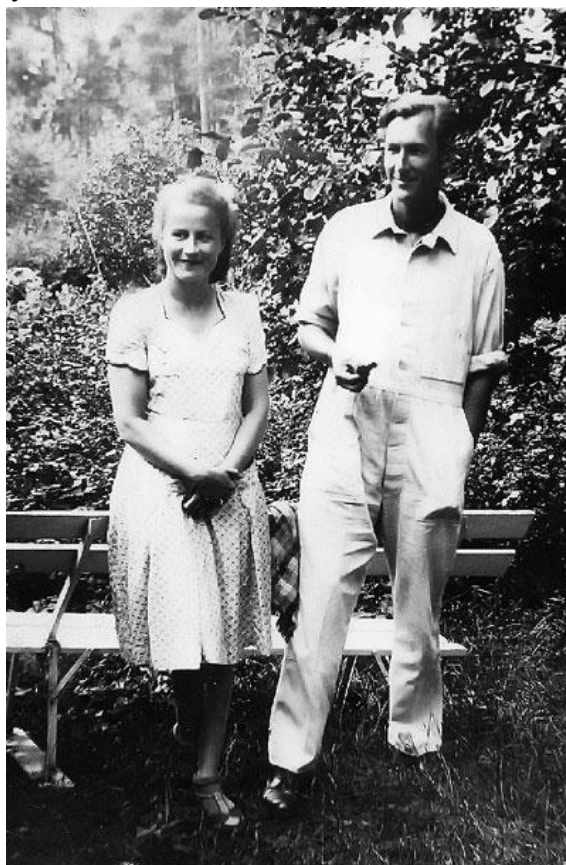
Выехали из Варшавы мы ночью, но до утра болтались где-то рядом с городом.

22 сентября были в г. Седлец, где простояли немного – часа 3–4. Видели демобилизуемых поляков. После Седлеца мы пошли на Черемху. Одноколейный путь, пустынные перелески, песчаные холмы, покрытые кустарником (вереск) и соснами. В этих местах много «аковцев» (Армия Крайова). Рассказал мне один педагог из Ульяновска, который предстал передо мной в польской военной форме. Он уже демобилизовался и получил назначение куда-то в район Черемхи. Недалеко от последней я разговаривал со стрелочником. Он русский, коренной житель этих мест. Рассказал о 22 июня 1941 г. Немцы были здесь уже к 9-10 часам утра. Поляков тут мало, и с русскими они ссорятся.

Вера Матвеевна Миримова, 1950

Вечером (часов в 9-10) прибыли в Черемху. Это передаточная станция в СССР. Вокзал, электростанция – все разрушено немцами при отступлении.

Рига, 1946

23 сент. Границу прошли часов в 10, а к 12 были в Волковыске. Отсюда нас буквально выбросили через 1 час после прибытия. К вечеру после быстрой езды прибыли в Барановичи. Тут столпотворение. Эшелоны, транспорты, бойцы, репатриированные, демобилизованные, военнопленные наши и немецкие. Сначала нам заявили, что раньше чем через сутки нам отсюда не выбраться. Однако 24 сент. утром мы выехали дальше и часов в 12 прибыли в Минск. О всех этих местах можно сказать только одно: бедность. Трудно смотреть на этих прозрачно-бледных детей, сморщенных старух, пожилых женщин в отрепьях с тупыми, безжизненными лицами.

Удалось совершить прогулку по Минску. Город разрушен, остались преимущественно плохенькие дома в один-два этажа. Но здание Белорусского Совнаркома буквально сияет на общем тусклом, сером фоне... Просто бросается в глаза большое количество красивых, интересных женщин. Они плохо, безвкусно одеты, но лица сверкают энергией и умом! Какая разница с плоскогрудыми немками с

безжизненно-деревянными физиономиями без всяких признаков мысли и воли. В Минске за 20 мин. до отхода транспорта у меня отцепили один вагон. Беготня и хлопоты не помогли, и пришлось с вагоном оставить двух бойцов из моей команды.

Швеция, 1966

25.09. Борисов утром, днем Орша, вечером Смоленск. Было много разговоров о нестандартности упаковки вагонов. Но все обошлось благополучно.

В Смоленске стояли недолго – часа 2, не больше.

26.09. Утром – Вязьма. Получили продукты и к вечеру прибыли в Можайск.

27 сент. В 5 утра мы прибыли на Белорусскую товарную.

Мое заграничное путешествие окончилось. Было оно интересным и тяжелым. Это, пожалуй, самая безрадостная моя поездка. Несмотря на то что пришлось многое увидеть и порядком поучиться (под конец я легко читал газеты и авантурные романы), все это как-то не приносило ни малейшей радости или удовольствия. События, которые пришлось поверхностно наблюдать, так серьезны и так многозначительны, что они не могут не быть трагичны. И вот теперь, когда я сижу месяц спустя после приезда у себя дома, я не знаю даже, следует ли мне быть довольным этой поездкой или нет. Может быть, было бы спокойнее не ездить. Конечно, это малодушие, но что поделаешь. Но одним обстоятельством я доволен: я не менял папиросы, масло и т. д. на вещи у немцев, я не ходил и не кланчил радиоприемники, я вполне мог унести весь свой багаж в одной руке.

С. А. Бондаренко Он погиб под Сталинградом

*Воистину суров он был и грозен
Тот год военный горя и невзгод.
Ты видел в жизни только 20 весен,
А остальные отдал за народ.*

Судьба мальчика, ученика московской школы № 328, Вадима Косцова похожа на миллионы мальчишеских судеб, прерванных самой страшной войной в истории человечества. Советское детство, школа, друзья, влюбленность, начало войны, патриотический порыв пойти добровольцем на фронт, учебка – летные курсы, долгое, томительное ожидание «громить врага» и сразу под Сталинград, где погиб в неравном бою.

В нашей семье это боль, передаваемая на генетическом уровне через поколения. Как жаль, что его не стало, что он не успел увидеть жизнь, воспитать детей и внуков, тем самым лишив нас, потомков, родных и близких. Особенно остро это переживала его сестра, моя двоюродная бабушка, Калерия Ивановна Шишонкова, скончавшаяся летом 2010 года и очень сожалевшая о смерти брата до конца своих дней.

Подвиг Вадика я понимаю, как жертву за мою жизнь, за жизнь моих детей и жизнь на земле, которая

так уязвима от деяний рук человеческих. Героические судьбы мальчиков, спасших своими жизнями наше Отечество и мир, мы должны высоко ценить и свято помнить. Это понимание и должно формировать духовный стержень нашего общества, его нравственные ориентиры. В этом наше спасение.

22 июня 2011 года

17.01.1942

Здравствуйте, дорогие Мама и Каля!!! Привет из Вятских болот. Вчера приехала наша делегация из Москвы. Вечером получил посылку, за которую большое, пребольшое, пребольшущее спасибо. Письма твои получил 3 числа, а 4 числа послал тебе ответ...

Ты спрашиваешь, скоро ли мы приедем в Москву? Этот вопрос растяжимый, и ответить на него трудно. В Караблино мы бы окончили аэроклуб, но не хватило бензину. Ждали бензин целый месяц. Потом приблизился фронт, над нами каждый день летают немецкие самолеты. Немецкие разьезды были от нас в 5 км, и нам пришлось эвакуироваться вот сюда. Здесь тоже ждем бензин, как только пришлют бензин, будем летать. Возможно, к июню мы окончим аэроклуб. Если авиационная школа сразу затребует курсантов, то наверное в Москву попасть не придется, а если по окончании аэроклуба школа не затребует, то возможно на некоторое время отпустят домой.

Дневник ученика 7 «Г» Вадима Косцова, 1938/1939

Вадим Косцов, 1941

Ну, живем пока ничего, кормят, как писал раньше, хорошо. Стали заниматься. По воскресеньям выходной день. Сейчас погода солнечная, но мороз – 27 градусов. Мы все подписались на денежно-вещевую лотерею, на 6-дневный заработок. Катаемся на лыжах. Сейчас пишу письмо и ем сухарики. Печенье и конфеты съел вчера с гостями. Отдал стирать белье, взяла за 10 вещей 15 руб. с моим мылом. На мыло тут можно обменять все.

Женя и Вова живут также как и я. Стали подшивать всем валенки, у кого худые. Вовке подшили. У меня валенки еще хорошие, а галоши уже потрепались. Моими рукавицами работала вся группа. Женька сегодня со своей группой работает на кухне. В выходной день собирается к вам на лыжах, Зоя живет тут от нас в 7 км.

Сейчас в общежитии идет уборка, сегодня суббота. На днях опять идем в баню. Вчера горело электричество, но погасло, скоро наладят совсем. Да, Калину открытку тоже получил. Радио есть, но говорит очень тихо. Вчера слышал Лемешева, пел «Пой мне». И Ковалеву, часов в 11.

Ну, пока. За посылку еще раз спасибо и спасибо. С огромным приветом. Крепко, крепко и крепко вас целую. Привет от Вовы и Жени. Как Каля устроится, напишите. Привет всем.

Вадим.

13.10.1942

Здравствуйте, дорогие Мама и Каля! Пишу вам с дороги. Едем на фронт, наверное под Сталинград или под Воронеж, точнее напишу позже. Сейчас стоим в Ртищеве. Только сейчас был на рынке, обменял мыло на масло и лепешки. Хлеба дают 800 г. Сейчас наверное пойдем в столовую. Ну, пока, писать нечего. Настроение хорошее. Будьте здоровы и спокойны за меня. Крепко вас целую. Всем привет.

Вадим, Ртищев

23.04.1943

Уважаемая Мария Антоновна!

К великому сожалению, я не могу Вас порадовать своим письмом. Оно Вам еще раз скажет горькую, прискорбную правду о том, что Ваш сын, Вадим Иванович, рожд. 1923 г., член ВЛКСМ, был тяжело ранен в боях с немецкими захватчиками на Сталинградском фронте 1 – 12 января 1943 г., и 14 января Ваш сын умер от ран в нашем госпитале и похоронен в селе Дубовское Ростовской обл. Извещение Вам послано через райвоенкомат, возможно вы его уже получили. Кроме денег, которые Вы получили, у Вадима ничего не было.

Прошу Вас не сокрушаться о смерти, вернее, потере Вашего мальчика. Он погиб, честно защищая свою родную землю от немецких бандитов. Вы должны набраться мужества и гордиться Вашим милым, дорогим сыном, который отдал свою жизнь за счастье нашего

народа. Он умер смертью храбрых, и память о нем сохранится навсегда в сердцах нашего народа. Да, я верю, Вам очень тяжело, но его славный короткий путь должен облегчить Вашу горе. Он погиб за Родину, как и многие другие наши прекрасные товарищи. Вы должны понять, что это война, а война отнимает много-много жертв. Я тоже отец, и мой сын Николай, 1922 г. рождения, летал над нашей прекрасной столицей, в которой Вы живете, и вот в боях за Москву он погиб. Жаль, но ведь это хорошо, когда наши дети умирают за нашу Родину, и я горжусь смертью моего Коли. И Вас прошу собрать все свои силы и приказать Вашему материнскому сердцу не плакать за Вадима, а гордиться им, ведь он умер за освобождение нашей Родины от заклятого врага. Он умер за наш народ, за дело Великих Вождей пролетариата, за Ленина, за Сталина.

Надеюсь, Вы не обидитесь на меня за это письмо, а примите его как должное. За ошибку наших финансовых работников, что они переврали имя Вашего мальчика, прошу прощения.

Жму Вашу руку. Спасибо, Мария Антоновна, что Вы воспитали такого сына, как Вадим, который со всей яростью советского патриота дрался и честно умер за Родину.

Зам. Командира по политчасти, Майор Исеев

Е. В. Лаврентьева

Королевство за «пятерку» по математике

В начальной школе я мало беспокоилась о своей внешности. Однако меня серьезно волновали две вещи: не вырастет ли у меня такой же кадык, как у брата, и не появится ли с возрастом на моем носу папина горбинка. Насчет кадыка меня успокоили, а с носом все обстояло сложнее: время от времени я с чувством страха щупала свою переносицу.

Мой дедушка Иван Михайлович Кривцов в День Победы, 9 мая 1945 года

У папы, по его словам, был греческий нос, и кровь в нем текла тоже греческая. Однажды, объясняя мне какую-то задачу, он с досадой сказал: «Ленуха, как тебе не стыдно отставать по математике, когда твой прапрапрапрадедушка был Архимед!» И сравнивая профиль папы с плохо пропечатанным профилем Архимеда в учебнике по математике, я нисколько не сомневалась в истинности его слов. Я была внучкой Архимеда! Это открытие, однако, не способствовало проявлению у меня математических способностей.

«Из пункта “А” в пункт “В” выехали навстречу друг другу два велосипедиста. Один со скоростью...»

Папа по третьему кругу объясняет мне задачу, а я не могу уяснить: какая скорость, на каком расстоянии?

– Ну смотри, вот эта стрелка – один велосипедист, а эта стрелка – другой.

– Папа, нарисуй мне лучше вместо стрелок велосипедистов, – прошу я. Папа терпеливо рисует колеса, а я смотрю на карандаш и думаю, что этим летом обязательно научусь кататься на велосипеде... Папа тщательно вырисовывает спицы колес, руль велосипеда... Дедушка (мамин отец) тоже художественным

методом пытался объяснить мне математику. Я не помню, условие какой задачи впервые «всколыхнуло» королевскую тему. Скорее всего, это была моя инициатива – заменить велосипедистов, пешеходов и других персонажей на сказочных королей. Дедушка не сопротивлялся, более того – он с энтузиазмом стал рисовать «их величеств». В большинстве своем это были карикатурные типы: толстые, тонкие, с носом-пуговкой, торчащими ушами, лысые, кучерявые, с веснушками, с закрученными усами и т. д. Но особенно мне нравилось наблюдать, как дедушка вырисовывал короны. Они были так же непохожи друг на друга, как и короли. Спустя много лет, скучая на лекциях по истории КПСС или языкознанию, я всегда рисовала на полях конспектов королевские короны. Дедушка очень гордился, что его единственная внучка учится в Московском государственном университете. А я каждую субботу бегала «на Калининский» звонить деду в Чернигов и панически боялась срочных телеграмм. В день дедушкиных похорон (в октябре 1988 года) кто-то украл его награды (орден Ленина и орден Красной Звезды), которые солдаты торжественно несли на бархатных подушечках. Вора, разумеется, не нашли.

Но больше всего я жалею, что не сохранилось ни одной тетрадки «в клеточку» с дедушкиными королями. Где-то среди них затерялась и нарисованная мной внучка-Почемучка...

В День Победы, 9 мая 1975 года

Песенка про короля Почемунья и его внучку Почемучку

Страной Почемунией правил король.
И звался король Почемуний Второй.
И было чем, право, гордиться ему:
Ответить умел он на все «почему?».

Но вот к нему в гости приехала внучка,
Любимая внучка его Почемучка.
И с этого дня Почемуний Второй
Забыл про жену, и страну, и покой.

Издав Почемуний немедля Указ:
«Отдам я корону и трон свой тотчас,
И все королевство в придачу тому,
Кто внучке ответит на все “почему?”».

Страны той на карте давно уже нет.
От вас получить я хотел бы ответ.
А вот и вопрос мой: «Друзья, почему
Корону король не отдал никому?»

Я с папой и братом

Песенка про любопытного Короля

Король со скуки каждый день
Сует свой нос куда не лень:
В кастрюли, кружки, котелки...
– Где углеводы? Где белки? –
К Министру Первому в карман:
Не кроется ли где обман?
Спешит в собачью конуру
Свой нос просунуть поутру.
В чулан, камин и мышеловку,
Чтоб показать свою сноровку.
И удивляется Король:
– Откуда на носу мозоль?

Песенка про сообразительного Короля

«Ваше Величество! Я Вас люблю, –
Кто-то записку прислал Королю. –
Пусть говорят, что дурак Вы и соня –
Спите на троне прямо в короне.
Пусть говорят, что Вы слишком трусливы,
Пусть говорят, что Вы слишком ленивы,
Пусть говорят, что Вы лгун и толстяк –
Вам проглотить поросенка – пустяк.
Пусть говорят, что...
А я Вас люблю!» –
Кто-то записку прислал Королю.

– Если меня полюбили вот так,
Стало быть, я не такой уж дурак,
Ну а что сплю я в короне на троне –

Взяли б надели ночной мне колпак.

Песенка про Короля-кулинара

Жил-был Король один когда-то.
 Вы, может, слышали о нем?
 Он был искуснейший оратор
 И превосходный гастроном.
 Всем объяснял он по порядку,
 Как приготовить яйца всмятку.
 Потом устраивал турнир,
 Где предлагал одну загадку:
 Как приготовить яйца всмятку,
 Чтоб удивить искусством мир?
 В походах, правда, зачастую
 Готовил яйца он вкрутую.
 Но, возвратившись из похода,
 Он выступал перед народом
 И объяснял всем по порядку,
 Как приготовить яйца всмятку.
 С тех пор прошло немало лет.
 Вот королевский вам совет.
 Возьмите ручку и тетрадку –
 Благословен ваш будет труд! –
 И запишите: «Яйца всмятку
 Варить не больше трех минут».

Песенка про Короля-поэта

Любит утренней порой
 Сочинять стихи Король
 И по просьбе верных слуг
 Их потом читает вслух.
 Но однажды Королева
 Чуть не лопнула от гнева:
 – Хватит бить, Король, баклуши!
 Слушать вас устали уши.
 Хватит чушь молоть и вздор!
 Вы – лентяй и фантазер.

 – Вам сказать осмелюсь «нет».
 Я, сударыня, – поэт!

Песенка про все знающего Короля

Был Король известен тем,
 Что давал советы всем.
 Был и швец он, был и жнец,

И в дуду лихой игрец,
 И заботливый отец,
 И по всем вопросам спец:
 Как из дров собрать паром?
 Как заштопать валенки?
 Как скорей построить дом,
 Сидя на завалинке?
 Как залезть на потолок?
 Как из глины спечь пирог?
 Как свой локоть укусить?
 Как метлой траву скосить?
 На вопросы «как?» да «как?»
 Отвечал он: «Просто так!»
 Или же: «Так просто» –
 Смотря какой вопрос-то.

Песенка про мудрого Короля

В Веселом Королевстве
 Жил-был Король-мудрец.
 К нему однажды странник
 Явился во дворец:
 – Что лучше, Ваша Светлость,
 Ответьте на вопрос:
 Иметь большие уши
 Иль пуговкою нос?

 – Хорошая примета –
 Иметь и то, и это.

Песенка про сердитого Короля

Его Величество Король
 Изволил встать не с той ноги.
 Дрожат придворные круги:
 – О, Всемогуший, помоги!
 Его Величество Король
 Изволил встать не с той ноги.

 Нет, впрочем, сказки без конца:
 Все убежали из дворца.
 Король сломал от злости трон.
 Один как перст остался он.

 Какой из этого урок?
 Вставай, дружок, с обеих ног!

Песенка про близорукого Короля

Королю доктора прописали очки.
 – Ни за что! – возмущался Король. –
 Никогда!
 Доктора, как известно, мои –
 Дурачки.
 Что они говорят – это все ерунда!
 – Ерунда? – Королева спросила сурово
 И сказала свое королевское слово: –
 Вместо булки вчера откусили Вы блюдо,
 И над Вами, Король, все давно уж
 Смеются.
 На придворном балу Вы почтенную даму
 Принимали, Король, за оконную раму.
 – В королевстве вовеки не будет
 Прогресса, –
 Пospешила заметить глупышка Принцесса.
 – Хорошо! – испугался Король. –
 Я согласен!
 Без очков я смешон и, наверно, опасен.

Песенка про обидчивого Короля

– Отправляюсь на Таити, –
 Как всегда, Король сказал. –
 Вы живите как хотите,
 А я еду на вокзал.

Как всегда, он на вокзале
 Съел яичницу на сале,
 Проглотил с обидой вместе,
 Как всегда, сосиску в тесте.
 И сказал: – Парадный зал
 Все же лучше, чем вокзал.

С этой мыслью наконец
 Пospешил он во дворец.
 А потом наедине
 Прошептал Король жене:
 – На Таити, на Майами
 Хорошо мне только с Вами.

Песенка про беспокойного Короля

Королю совсем не спится:
 В темноте над ним кружится
 Страшный хищник – злой комар.
 – Лучше снился бы кошмар! –
 Бедолага под подушку

Положил свою макушку.
– Ох, бессовестный комар,
Чтоб хватил тебя удар! –
Но комар не унимался
И назойливо пищал.
– Как же я не догадался
Сделать щит из одеял?!
Но комар не унимался
И пищал еще сильнее.
И Король тут было сдался –
Вдруг затих комар-злодей.
Час молчит, молчит другой.
Потерял Король покой.
Королю опять не спится:
Голова его кружится.
Он все думает о том,
Что случилось с комаром.

Москва, 1987